

В.А.СУХОМЛИНСКИЙ * ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

3

Всехомлинский

В. А. СУХОМЛИНСКИЙ

**ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ПЯТИ ТОМАХ**

ТОМ ТРЕТИЙ

В.А.СУХОМЛИНСКИЙ

**ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПЯТИ
ТОМАХ**

В.А.СУХОМЛИНСКИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

**СЕРДЦЕ
ОТДАЮ
ДЕТЯМ**

**РОЖДЕНИЕ
ГРАЖДАНИНА**

**ПИСЬМА
К СЫНУ**

*Одобрено Министерством
просвещения УССР
и Ученым Советом
Научно-исследовательского
института педагогики
УССР*

*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ДЗЕВЕРИН А. Г.,
(председатель),
ГРИЩЕНКО Н. М.,
ЗАВОЛОКА С. П.,
КИРИЧУК А. В.,
ЛАЗАРЕВСКИЙ В. В.,
САВЧЕНКО А. Ф.,
СМАЛЬ В. З.,
(зам. председателя),
СУХОМЛИНСКАЯ А. И.,
ЧЕРПИНСКИЙ Н. В.

*

Текст и примечания подготовил
С. П. ЗАВОЛОКА

**СЕРДЦЕ
ОТДАЮ
ДЕТЯМ**

*Постановлением ЦК Компартии
Украины и Совета Министров
Украинской ССР Сухомлинско-
му Василию Александровичу
за книгу «Сердце отдаю детям»
присуждена Государственная
премия Украинской ССР в об-
ласти науки и техники 1974 года.*

Уважаемые читатели, коллеги — учителя, воспитатели, директора школ!

Этот труд является итогом многолетней работы в школе — итогом раздумий, забот, тревог, волнений.

Тридцать три года безвыездной работы в сельской школе были для меня большим, ни с чем не сравнимым счастьем. Я посвятил свою жизнь детям и после длительных раздумий назвал свой труд «Сердце отдаю детям», полагая, что имею на это право. Хочется рассказать педагогам — и тем, кто трудится в школе сейчас, и тем, кто придет в школу после нас, — о большом периоде своей жизни — периоде, который равен десятилетию. От того дня, когда маленький ребенок-носмышленыш, как часто мы, педагоги, называем его, приходит в школу, до той торжественной минуты, когда юноша или девушка, получая из рук директора аттестат за среднюю школу, становится на путь самостоятельной трудовой жизни. Этот период является периодом становления человека, для учителя же он — огромная часть его жизни. Что самое главное было в моей жизни? Без раздумий отвечаю: **любовь к детям.**

Может быть, вы, уважаемый читатель, с чем-то в моем труде не согласитесь, возможно, что-нибудь в нем покажется вам странным, удивительным, заранее прошу вас: не рассматривайте эту книгу как универсальное пособие по обучению детей, подростков, юношей, девушек. Если выразиться на языке педагогической терминологии, то этот труд посвящен внеклассной воспитательной работе (или: воспитательной работе в узком смысле этого понятия). Я не ставил своей задачей охватить урок, все дидактические детали процесса изучения основ наук. Если говорить на языке тонких человеческих отношений, то этот

труд посвящен сердцу педагога. Я стремился рассказать о том, как ввести маленького человека в мир познания окружающей действительности, как помочь ему учиться, облегчить его умственный труд, как пробудить и утвердить в его душе благородные чувства и переживания, как воспитать человеческое достоинство, веру в доброе начало в человеке, безграничную любовь к родной советской земле, как заронить в тонкий ум и чуткое сердце ребенка первые зерна верности возвышенным коммунистическим идеалам.

Книга, которую вы сейчас взяли в руки, посвящена воспитательной работе с начальными классами. Другими словами, она посвящена миру детства. А детство, детский мир — это мир особенный. Дети живут своими представлениями о добре и зле, чести и бесчестии, человеческом достоинстве; у них свои критерии красоты, у них даже свое измерение времени: в годы детства день кажется годом, а год — вечностью. Имея доступ в сказочный дворец, имя которому — Д е т с т в о, я всегда считал необходимым стать в какой-то мере ребенком. Только при этом условии дети не будут смотреть на вас как на человека, случайно проникшего за ворота их сказочного мира, как на сторожа, охраняющего этот мир, сторожа, которому безразлично, что делается внутри этого мира.

Еще одну оговорку хочется сделать в связи с содержанием книги и характером опыта. Начальная школа — это прежде всего творческий труд одного учителя. Поэтому я сознательно избегал показа труда педагогического коллектива, родителей. Если бы все это было показано в книге, она выросла бы до огромных размеров.

В книге о детстве невозможно было не сказать о семьях, из которых пришли дети, о родителях. В отдельных семьях, особенно после Отечественной войны, была мрачная, иногда удручающая обстановка, некоторые родители никак не могли стать примером для детей. Я не мог умолчать об этом. Если бы я не дал полной, правдивой характеристики семейной обстановки, непонятна была бы направленность всей системы воспитательной работы. Я твердо верю в могучую силу воспитания — в то, во что верили Н. К. Крупская, А. С. Макаренко и другие выдающиеся педагоги.

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ

После 10 лет педагогической работы я был назначен директором Павлышской средней школы. Здесь завершилось формирование моих педагогических убеждений, которые складывались в первое 10-летие педагогического труда. Здесь мне хотелось увидеть свои убеждения в живом творческом деле.

Чем больше я стремился претворить свои убеждения в практику, тем яснее становилось, что руководство учебно-воспитательной работой — это правильное сочетание решения идеологических и организационных задач в масштабе всей школы с личным примером в работе. Роль директора школы как организатора педагогического коллектива неизмеримо повышается, если учителя видят в его труде пример высокой педагогической культуры, непосредственного воспитателя детей.

Воспитание — это прежде всего постоянное духовное общение учителя и ребенка. Великий русский педагог К. Д. Ушинский называл директора главным воспитателем школы¹. Но при каких условиях осуществляется роль главного воспитателя?

Воспитывать детей через учителей, быть учителем учителей, учить науке и искусству воспитания — это очень важная, но только одна сторона многогранного процесса руководства школой. Если главный воспитатель только учит, как воспитывать, но непосредственно не общается с детьми, он перестает быть воспитателем.

Уже с первых недель директорской работы факты убеждали в том, что передо мною останется навсегда закрытым путь к сердцу ребенка, если я не буду иметь с ним общих интересов, увлечений и стремлений. Без прямого, непосредственного воспитательного влияния на детей я как

директор потеряю самое важное качество педагога-воспитателя — способность чувствовать духовный мир ребят. Я завидовал классным руководителям: они всегда с детьми. Вот воспитатель проводит душевную беседу, вот он собирается с воспитанниками в лес, на речку, на работу в поле. Ребята с нетерпением ожидают тех дней, когда они пойдут на экскурсию, будут варить кашу и ловить рыбу, ночевать под открытым небом, всматриваться в мерцание звезд. А директор остается как бы в стороне. Он вынужден только организовывать, советовать, замечать недостатки и исправлять их, поощрять нужное и запрещать нежелательное. Без этого, конечно, нельзя обойтись, но я чувствовал неудовлетворенность своей работой.

Я знаю многих прекрасных директоров школ, принимающих активное участие в воспитательной работе: директора Смелянской средней школы Черкасской области Г. П. Михайленко, Богдановской средней школы Кировоградской области И. Г. Ткаченко, Александрийской средней школы № 13 И. А. Шевченко, Кормянской средней школы-интерната Гомельской области М. А. Дмитриева, Красноярской восьмилетней школы № 8 Л. Н. Шпряеву, школы-интерната № 14 г. Киева А. Г. Калиничева. Это — подлинные мастера педагогического процесса. Их уроки являются образцом для учителей. Они принимают активное участие в жизни и деятельности пионерской и комсомольской организаций. У них есть чему поучиться и учителю, и классному руководителю, и пионерскому вожатому. Но мне казалось, и это убеждение сейчас стало еще глубже, что высшая ступень воспитательного мастерства — это непосредственное и очень длительное участие директора школы в жизни одного из первичных ученических коллективов. Мне хотелось быть с детьми, переживать их радости и горести, чувствовать близость ребенка, которая для воспитателя является одним из высших наслаждений творческого труда. Время от времени я пытался включиться в жизнь того или иного детского коллектива: шел вместе с ребятами на работу или в поход по родному краю, ездил на экскурсии, помогал творить те неповторимые радости, без которых нельзя представить полноценного воспитания.

Но и я, и дети чувствовали какую-то искусственность этих отношений. Мне не давала покоя нарочитость педагогической ситуации: ребята не забывали, что с ними я

буду только некоторое время. Настоящая духовная общность рождается там, где учитель надолго становится другом, единомышленником и товарищем ребенка в общем деле. Я чувствовал, что такая общность необходима мне не только для радости творческого труда, но и для того, чтобы учить своих коллег науке и искусству воспитания. Живое, непосредственное, повседневное общение с детьми — источник мыслей, педагогических открытий, радостей, печалей, разочарований, без которых немислимо творчество в нашем труде. Я пришел к выводу, что главный воспитатель должен быть воспитателем небольшого детского коллектива, другом и товарищем ребят. Эта уверенность основывается на педагогических убеждениях, которые сложились у меня еще до работы в Павлышской школе.

Уже в первые годы педагогической работы мне стало ясно, что подлинная школа — это не только место, где дети приобретают знания и умения. Учение — очень важная, но не единственная сфера духовной жизни ребенка. Чем ближе я присматривался к тому, что все мы привыкли называть учебно-воспитательным процессом, тем больше убеждался, что подлинная школа — это многогранная духовная жизнь детского коллектива, в котором воспитатель и воспитанник объединены множеством интересов и увлечений. Человек, который встречается с учениками только на уроке — по одну сторону учительского стола, а по другую учащиеся, — не знает детской души, а кто не знает ребенка, тот не может быть воспитателем. Для такого человека за семью печатями закрыты мысли, чувства и стремления детей. Учительский стол подчас становится той каменной стеной, из-за которой он ведет «паступление» на своего «противника» — учащихся; но чаще этот стол превращается в осажденную крепость, которую «противник» берет измором, а укрывшийся в ней «военачальник» чувствует себя связанным по рукам и ногам.

С болью видишь, как даже у знающих свой предмет учителей воспитание иногда превращается в ожесточенную войну только потому, что никакие духовные нити не связывают педагога и учеников, и душа ребенка — застегнутая на все пуговицы рубашка. Главная причина уродливых, недопустимых отношений между наставником и питомцем, имеющих место в отдельных школах, — это взаимное недоверие и подозрительность: иногда учитель не чув-

ствуется сокровенных движений детской души, не переживает детских радостей и горестей, не стремится мысленно поставить себя на место ребенка.

Выдающийся польский педагог Януш Корчак в одном из писем напоминает о необходимости возвыситься к духовному миру ребенка, а не спускаться к нему². Это очень тонкая мысль, в сущность которой нам, педагогам, надо глубоко проникнуть. Не идеализируя ребенка, не приписывая ему каких-то чудесных свойств, подлинный педагог не может не учитывать того, что детское восприятие мира, детская эмоциональная и нравственная реакция на окружающую действительность отличаются своеобразной ясностью, тонкостью, непосредственностью. Призыв Януша Корчака возвыситься к духовному миру ребенка надо понимать как тончайшее понимание и чувствование детского познания мира — познания умом и сердцем.

Я твердо убежден, что есть качества души, без которых человек не может стать настоящим воспитателем, и среди этих качеств на первом месте — умение проникнуть в духовный мир ребенка. Только тот станет настоящим учителем, кто никогда не забывает, что он сам был ребенком. Беда многих учителей (дети и особенно подростки называют их сухарями) заключается в том, что они забывают: ученик — это прежде всего живой человек, вступающий в мир познания, творчества, человеческих взаимоотношений.

В воспитании нет разрозненных вещей, действующих на человека изолированно. Урок — важнейшая организационная форма процесса познания мира учащимися. От того, как дети познают мир, какие убеждения формируются у них, зависит весь строй их духовной жизни. Но познание мира не сводится только к усвоению знаний. Беда многих учителей в том, что они измеряют и оценивают духовный мир ребенка только оценками и баллами, делят всех учащихся на две категории в зависимости от того, учат или не учат дети уроки.

Но если в таком непрigлядном положении оказывается учитель, односторонне понимающий многогранность духовной жизни, то что же можно сказать о директоре, который видит свою миссию только в том, чтобы осуществлять контроль за работой учителей, своевременно давать «общие указания», разрешать или запрещать? Его положение еще более непрigлядное. Меня такая роль тяготи-

ла. Я страдал, когда, бывало, приходил к ученикам, а они чем-то увлечены со своим воспитателем, ты обращаешься к ним, а они не замечают тебя: дети живут богатой духовной жизнью со своим воспитателем, у них свои тайны. Нужен ли такой директор школы? Нет, не нужен. Методы и формы руководства, сложившиеся в дореволюционной школе, когда директор был по существу инспектором над учителем, чиновником-администратором, в обязанности которого входило следить, правильно ли излагает педагог программу, не сказал ли он чего лишнего или ошибочного, в наши дни стали анахронизмом.

Сущность руководства современной школой состоит в том, чтобы в труднейшем деле воспитания на глазах учителей создавался, зрел и утверждался лучший опыт, воплощающий в себе передовые педагогические идеи. И тот, кто является творцом этого опыта, чей труд становится образцом для других воспитателей, — тот и должен быть директором школы. Без такого директора — лучшего воспитателя — нельзя себе представить в наши дни школу. Воспитание — это прежде всего человековедение. Без знания ребенка — его умственного развития, мышления, интересов, увлечений, способностей, задатков, склонностей — нет воспитания. Как главный врач больницы не может быть постоянным врачом без своих пациентов, так и директор школы не может руководить воспитателями, если у него нет своих воспитанников. С в о и х в том смысле, что он с первых дней пребывания ребенка в школе до получения аттестата зрелости поднимается с ним со ступеньки на ступеньку, непосредственно заботится о его умственном, нравственном, эстетическом, эмоциональном, физическом развитии, имеет с ним общие духовные интересы, передает ему свои духовные богатства.

Кто является центральной фигурой в школе? В какой сфере воспитательного процесса директор школы должен быть образцом, на который равняются другие воспитатели? Главная фигура школы — это воспитатель первичного детского коллектива — классного коллектива. Он и учитель, дающий учащимся знания, и друг детей, и руководитель их многогранной духовной жизни. Учение — это лишь один из лепестков того цветка, который называется воспитанием в широком смысле этого понятия. В воспитании нет главного и второстепенного, как нет главного лепестка среди многих лепестков, создающих красоту цветка.

В воспитании все главное — и урок, и развитие разносторонних интересов детей вне урока, и взаимоотношения воспитанников в коллективе.

После 6 лет работы директором школы я стал воспитателем классного коллектива. Хочу сделать оговорку: это не единственный путь непосредственного духовного общения директора и воспитанников. Но этот путь в конкретных условиях был для меня наиболее целесообразным. Работу в качестве непосредственного воспитателя детского коллектива я рассматриваю как очень длительный эксперимент, поставленный в естественных условиях.

Прежде чем перейти к рассказу о том, как и что делалось на протяжении ряда лет, остановлюсь на характеристике еще одного важного положения, определяющего в значительной мере содержание и целенаправленность практической работы. Исключительно важную роль в формировании человеческой личности играют годы детства, дошкольный и младший школьный возраст. Глубоко прав великий писатель и педагог Л. Толстой, утверждая, что от рождения до пятилетнего возраста ребенок берет из окружающего мира во много раз больше для своего разума, чувств, воли, характера, чем от пятилетнего возраста до конца своей жизни. Ту же мысль повторил и советский педагог А. Макаренко: человек станет тем, чем он стал до пятилетнего возраста³.

Януш Корчак, человек необыкновенной нравственной красоты, писал в книге «Когда я спова стану маленьким», что никто не знает, больше ли получает школьник, когда смотрит на доску, чем когда непреоборимая сила (сила солнца, поворачивающая голову подсолнечника) заставляет его взглянуть в окно. Что полезнее, важнее для него в тот миг — логический мир, зажатый в черной классной доске, или мир, плывущий за стеклами? Не насилуйте душу человека, внимательно приглядывайтесь к законам естественного развития каждого ребенка, к его особенностям, стремлениям, потребностям⁴.

Мне запомнились на всю жизнь эти слова из маленькой книжечки в серой обложке на польском языке. Когда я вскоре после войны узнал о героическом подвиге Януша Корчака, его слова стали для меня заветом на всю жизнь. Януш Корчак был воспитателем сиротского дома в варшавском гетто. Гитлеровцы обрекли несчастных детей на гибель в печах Трелинки. Когда Янушу Корчаку предло-

жили выбрать жизнь без детей или смерть вместе с детьми, он без колебаний и сомнений выбрал смерть. «Господин Гольдшмидт, — сказал ему гестаповец, — мы знаем вас как хорошего врача, вам не обязательно идти в Треблинку». «Я не торгую совестью», — ответил Януш Корчак. Герой пошел на смерть вместе с ребятами, успокаивал их, заботясь, чтобы в сердца малышей не проник ужас ожидания смерти. Жизнь Януша Корчака, его подвиг изумительной нравственной силы и чистоты явились для меня вдохновением. Я понял: чтобы стать настоящим воспитателем детей, надо отдать им свое сердце.

К. Ушинский писал, что мы можем сильно любить человека, с которым постоянно живем, и не ощущать этой любви, пока какое-нибудь несчастье не покажет нам всю глубину нашей привязанности. Человек может прожить всю жизнь и не знать, как сильно он любит свое отечество, если случай, например долговременное отсутствие, не обнаружит для него самого всю силу этой любви. Я вспоминаю эти слова каждый раз, когда длительное время не вижу детей, не чувствую их радостей и огорчений. С каждым годом у меня все больше крепло убеждение: одна из определяющих черт педагогической культуры — это чувство привязанности к детям. Но если чувству, по словам К. Станиславского, «приказывать пельзя», то воспитание чувств учителя, воспитателя является самой сущностью высокой педагогической культуры.

Без постоянного духовного общения учителя и ребенка, без взаимного проникновения в мир мыслей, чувств, переживаний друг друга немыслима эмоциональная культура как плоть и кровь культуры педагогической. Важнейший источник воспитания чувств педагога — это многогранные эмоциональные отношения с детьми в едином, дружном коллективе, где учитель — не только наставник, но и друг, товарищ. Эмоциональные отношения немыслимы, если учитель встречается с учениками только на уроке и дети чувствуют на себе влияние педагога только в классе.

Конечно, пельзя противопоставлять «мир, зажатый в черной классной доске», и «мир, плывущий за стеклами». Нельзя даже допустить мысли о том, что обязательное обучение — это насилие над душой человека, классная доска — порабощение детской свободы, а мир за окнами — подлинная свобода.

В годы, предшествовавшие работе в Павлышской школе, я много раз убеждался в том, какую огромную роль играет в жизни ребенка учитель начальных классов. Он должен быть для ребенка таким же дорогим и родным человеком, как мать. Вера маленького школьника в учителя, взаимное доверие между воспитателем и воспитанником, идеал человечности, который видит ребенок в своем воспитателе,—это элементарные и вместе с тем самые сложные, самые мудрые правила воспитания, постигнув которые, учитель становится подлинным духовным наставником. Одно из самых ценных качеств воспитателя — человечность, глубокая любовь к детям, любовь, в которой сочетается сердечная ласка с мудрой строгостью и требовательностью отца, матери.

Детство — важнейший период человеческой жизни, не подготовка к будущей жизни, а настоящая, яркая, самобытная, неповторимая жизнь. И от того, как прошло детство, кто вел ребенка за руку в детские годы, что вошло в его разум и сердце из окружающего мира,— от этого в решающей степени зависит, каким человеком станет сегодняшний малыш. В дошкольном и младшем школьном возрасте происходит формирование характера, мышления, речи человека. Может быть, все то, что приходит в ум и сердце ребенка из книги, из учебника, из урока, как раз и приходит лишь потому, что рядом с книгой — окружающий мир, в котором малыш делает свои первые шаги от рождения до того момента, когда он сам может открыть и прочесть книгу.

В детстве начинается длительный процесс познания — познания и умом и сердцем — тех нравственных ценностей, которые лежат в основе коммунистической морали: безграничной любви к Родине, готовности отдать жизнь за ее счастье, величие, могущество, непримиримость к врагам Отечества.

В течение 33 лет я изучал словарный запас детей младшего, среднего и старшего возраста, а также взрослых людей. Передо мной открылась поразительная картина. Семилетний ребенок из обычной семьи колхозника (отец и мать — люди со средним образованием, в семье — библиотека — 300—400 книг) к моменту поступления в школу понимает, чувствует эмоциональную окраску 3—3,5 тыс. слов родной речи, из них свыше 1,5 тыс. — в его активном словарном запасе. Рабочий, колхозник со средним образо-

ванием в 45—50-летнем возрасте понимает, ~~чувствует~~ эмоциональную окраску 5—5,5 тыс. слов родной речи, из них в его активном словарном запасе не больше 2—2,5 тыс. слов. Этот факт наглядно свидетельствует о том, какое значение имеют годы детства в жизни человека.

Твердая убежденность в том, что дошкольный и младший школьный возраст в большой мере предопределяет будущее человека, нисколько не отрицает возможностей перевоспитания в более зрелые годы. Силу перевоспитания блестяще доказал своим опытом советский педагог А. Макаренко. Но он придавал исключительное значение как раз младшему возрасту. Правильный путь воспитания не в том, чтобы исправлять допущенные в раннем детстве ошибки, а в том, чтобы не допускать этих ошибок, предупреждать необходимость перевоспитания⁵.

Работая директором школы, я с горечью замечал, как иногда извращается естественная жизнь детей, когда учитель видит воспитание только в том, чтобы вложить как можно больше знаний в их головы.

Невозможно без глубокой сердечной боли смотреть на то, как уродуется естественная жизнь ребенка не только во время уроков, но и в группах продленного дня. Есть, к сожалению, такие школы, где после 5—6 уроков дети остаются в школе еще на 4—5 часов, и вместо того, чтобы играть, отдыхать, жить среди природы, снова садятся за книгу. Пребывание ребят в школе превращается в бесконечный, утомительный урок. Так не должно продолжаться! Группы и школы продленного дня по своей идее — очень ценная форма воспитания. Именно здесь создаются благоприятные условия для того постоянного духовного общения воспитателя и детей, без которого немислимо воспитание высокой эмоциональной культуры. Но беда в том, что прекрасная идея нередко извращается: пребывание в группе продленного дня зачастую превращается в тот же урок, в то же сидение за партой от звонка до звонка, изнуряющее силы ребенка.

Почему так получается?

Потому, что вывести детей на лужайку, побывать с ними в лесу, в парке — дело более сложное, чем провести уроки.

Очень обидно, что положительный опыт лучших школ продленного дня, хорошо обобщенный в педагогической литературе, во многих школах мало приживается. И глав-

ной причиной здесь является общая слабость воспитательной работы (в узком смысле этого понятия).

Мы живем в такое время, когда без овладения научными знаниями невозможны ни труд, ни элементарная культура человеческих отношений, ни выполнение гражданских обязанностей. Учение не может быть легкой и приятной игрой, доставляющей одни наслаждения и удовольствия. И жизненный путь подрастающего гражданина не будет легкой прогулкой по укатанной дорожке. Мы должны воспитать высокообразованных, трудолюбивых, настойчивых людей, готовых преодолевать не менее значительные трудности, чем преодолели их отцы, деды и прадеды. Уровень знаний молодого человека 70—90-х годов будет неизмеримо выше уровня знаний молодежи предшествующих десятилетий. Чем большим кругом знаний надо будет овладевать, тем больше надо считаться с природой человеческого организма в период бурного роста, развития и становления личности — в годы детства. Человек был и всегда останется сыном природы, и то, что роднит его с природой, должно использоваться для его приобщения к богатствам духовной культуры. Мир, окружающий ребенка, — это прежде всего мир природы с безграничным богатством явлений, с неисчерпаемой красотой. Здесь, в природе, вечный источник детского разума. Но вместе с тем с каждым годом возрастает роль тех элементов среды, которые связаны с общественными отношениями людей, с трудом.

Процесс познания окружающей действительности является ничем не заменимым эмоциональным стимулом мысли. Для ребенка дошкольного и младшего школьного возраста этот стимул играет исключительно важную роль. Истина, в которой обобщаются предметы и явления окружающего мира, становится личным убеждением детей при условии, что она одухотворяется яркими образами, оказывающими воздействие на чувства. Как важно, чтобы первые научные истины ребенок познавал в окружающем мире, чтобы источником мысли были красота и неисчерпаемая сложность природных явлений, чтобы ребенка постепенно вводили в мир общественных отношений, труда.

С самого начала работы в Павлышской школе я интересовался детьми младшего возраста, особенно первоклассниками. С каким трепетным волнением переступают ребята порог школы в первые дни своего обучения, как

доверчиво смотрят в глаза учителю! Почему же часто бывает, что через несколько месяцев, а то и недель угасает огонек в их глазах, почему для некоторых ребят учение превращается в мучение? Ведь все учителя искренне хотят сохранить детскую непосредственность, радостное восприятие и открытие мира, хотят, чтобы учение было для детей вдохновенным, увлекательным трудом.

Не удастся это прежде всего потому, что учитель мало знает духовный мир каждого ребенка до поступления в школу, а жизнь в стенах школы, ограничивающаяся учением, регламентированная звонками, как бы пивелирует малышей, подгоняет их под одну мерку, не позволяет раскрыться богатству индивидуального мира. Конечно, я советовал и рекомендовал учителям начальных классов, как развивать интересы, разнообразить духовную жизнь детей, но одних советов недостаточно. Важная педагогическая идея, сущность которой раскрывается во взаимоотношениях между детьми и учителем, становится ясной тогда, когда она предстает перед глазами педагогического коллектива как стройное здание, возводимое здесь же, в школе. Вот почему я начал воспитательную работу с классным коллективом, рассчитанную на 10 лет.

Жизнь классного коллектива, о которой пойдет речь ниже, не оторвана от жизни школьного коллектива. Во многих случаях я касаюсь форм и методов воспитательной работы в рамках всей школы. Но к этому прибегаю только для того, чтобы ярче показать классный коллектив, так как именно содержание воспитательной работы в классе является важнейшим условием успеха всего школьного воспитания.

ПЕРВЫЙ ГОД — ИЗУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ

Осенью 1951 г., за 3 недели до занятий, одновременно с приемом детей в 1 класс, школа взяла на учет 6-летних мальчиков и девочек, то есть тех, кому начинать учиться через год. С этими ребятами мне предстояло работать 10 лет.

Когда я собрал всех родителей вместе с детьми и предложил послать ребят в школу за год до официального начала учения, мнения разделились: одни родители одобряли мое намерение, считая, что при отсутствии круглогодичного детского сада (в те годы в селе был детский сад,

работающий только в летнее время) посещение детьми школы будет хорошей помощью семье, другие опасались, что преждевременное учение неблагоприятно скажется на здоровье детей. «Успеют насидеться в классе,— говорила мать Любы.—Только и жизни детской, что до школы». Эти слова еще раз заставили меня задуматься над тем, как вредна резкая ломка всего уклада детской жизни в школе, как важно дать простор для развития естественных сил ребенка. Я рассказал, что посещение школы в течение года до запятий не будет сидением в классе.

Год, предшествующий обучению за партой, был необходим мне для того, чтобы хорошо узнать каждого ребенка, глубоко изучить индивидуальные особенности его восприятия, мышления и умственного труда. Прежде чем давать знания, надо научить думать, воспринимать, наблюдать. Надо также хорошо знать индивидуальные особенности здоровья каждого ученика — без этого нельзя нормально учить.

Умственное воспитание далеко не одно и то же, что приобретение знаний. Хотя оно невозможно без образования, как зеленый листок невозможен без солнечного луча, тем не менее воспитание ума так же нельзя отождествлять с образованием, как зеленый листок — с солнцем. Педагог имеет дело с мыслящей материей, способность которой в годы детства воспринимать и познавать окружающий мир в огромной мере зависит от здоровья ребенка. Эта зависимость очень тонкая и трудноуловимая. Изучение внутреннего духовного мира детей, особенно их мышления, является одной из важнейших задач учителя.

РОДИТЕЛИ МОИХ ВОСПИТАННИКОВ

Чтобы хорошо узнать детей, надо хорошо знать семью — отца, мать, братьев, сестер, дедушек и бабушек. В микрорайоне нашей школы был 31 ребенок 6-летнего возраста, 16 мальчиков и 15 девочек. Все родители согласились посылать детей в «Школу радости» — так через некоторое время отцы и матери называли нашу группу дошкольников. Из 31 человека 11 ребят не имели отцов, у двоих не было ни отца, ни матери. Судьба обоих мальчиков — Вити и Сашка — была трагична. Отца Вити — партизана Великой Отечественной войны — убили фашисты, подвергнув жестоким пыткам на глазах жены. Мать Вити

не перенесла горя, лишилась рассудка. Мальчик родился через 6 месяцев после этого трагического события. Мать умерла после родов, малютку с трудом удалось выводить. Отец Сашка погиб на фронте, мать была убита во время боя за освобождение села от фашистских захватчиков.

За несколько недель до открытия «Школы радости» я познакомился с каждой семьей. Меня тревожило, что в отдельных семьях не было атмосферы дружбы между родителями и детьми, отцом и матерью, не было взаимного уважения, без которого невозможна счастливая жизнь ребенка.

Вот стоит черноглазый, смуглый, курносый Коля. У него: настороженный взгляд. Я улыбаюсь мальчику, а он еще больше хмурится. В эти мгновения думаю о той ненормальной обстановке, которая сложилась в этой семье. Отец Коли до войны сидел в тюрьме, семья жила в Донбассе. Во время фашистской оккупации он вышел из заключения, и семья переехала в наше село. Мать и отец использовали горе людей в целях наживы, занимались темными делами: спекулировали, перепрятывали вещи, награбленные фашистскими прислужниками — полицейскими. В трудные годы мать воровала кур на колхозной птицеферме, научила Колю и его старшего брата ловить ворон. Дети убивали птиц, мать жарила их и продавала на рынке под видом курятины... Я смотрю на мальчика, хочу, чтобы он улыбнулся, но в глазах вижу замкнутость, боязнь. Как пробудить в твоём сердце, Коля, добрые, человеческие чувства, что противопоставить уродливой атмосфере зла и презрения к людям, среди которых ты рос? Смотрю в равнодушные, какие-то невидящие глаза матери. и мне становится не по себе от этого равнодушия.

Я долго думал, стоит ли писать об этих деталях в книге. Десятки раз зачеркивал и снова писал. Можно было, конечно, дать обобщенную характеристику: отец и мать не были для ребенка примером нравственной чистоты... Но это было бы вредное приглаживание. Нет, нельзя закрывать глаза на то, что вокруг нас еще есть зло и мерзости. Никакой каменной стеной не оградить их от школы. Чтобы бороться и преодолевать это зло, очистить юные души от грязи, унаследованной от старого мира, надо смело смотреть правде в лицо.

Беловолосый, худенький, с синими, как весеннее небо, глазами Толя. Он стоит рядом с матерью, держит ее за

руку, смотрит почему-то в землю и лишь изредка поднимает глаза. Отец мальчика погиб геройской смертью в Карпатах, матери прислали несколько орденов. Толя гордится папой, а о маме плохая слава в селе: ведет разгульную жизнь, совсем забросила ребенка... Что делать, чтобы сердце 6-летнего человека не искалечило это большое горе? Что предпринять, чтобы мать опомнилась, чтобы в ее сердце пробудилось чувство заботы о сыне?

Война оставила глубокие рубцы, не зажившие еще раны. Передо мной дети 1945 (некоторые — 1944) года рождения, не один из ребят стал сиротой еще в утробе матери. Вот Юра, его отец погиб в предпоследний день войны на чешской земле, мама без памяти любит сына, стремится удовлетворить малейший детский каприз. В семье есть дедушка, он тоже готов сделать все, лишь бы Юра жил беззаботно. Из того, что я узнал об этой семье, было ясно: 6-летний ребенок может превратиться в маленького тирана. Слепая материнская любовь так же опасна, как и равнодушие.

Петрика привели мать и дедушка. Я много слышал о нелегкой жизни матери мальчика. Первый ее муж оставил семью еще до войны. Женщина вышла замуж второй раз, но и это замужество не было счастливым: оказалось, что у отца Петрика где-то в Сибири есть семья; после войны он уехал. Гордой женщине пришлось в голову убедить сына, что его отец погиб на фронте. Мальчик рассказывал детям о вымышленных подвигах своего отца. Сверстники не верили ему, говорили, что у него отец — обманщик. Петрик плакал, шел со слезами к матери. По всему было видно, что недобрые люди заронили в душу ребенка зерна неверия в человека и жесточенность. Что делать, чтобы ребенок поверил в добро?

Косте было уже 7 лет, но он еще не поступал в 1 класс. В школу мальчика привели отец, мачеха и дедушка. Смертоносный ветер войны опалил и этого ребенка. Через несколько недель после освобождения села от фашистских захватчиков беременная Костей мать (тогда она со дня на день ожидала родов) нашла где-то несколько металлических предметов и дала поиграть первому, семилетнему, сыну. Среди предметов оказался запал мины. Произошел взрыв, ребенок погиб. Мать повесилась. Подросшие люди вынули ее из петли, и в предсмертной агонии женщина родила Костю.

Мальчик выжил чудом: спасло его то, что соседка кормила в это время грудью своего ребенка. С фронта возвратился отец. Он души не чаял в сыне, берег и лелеял его, любили мальчика и мачеха — прекрасная женщина, и дедушка. Но не исполнилось Косте и 5 лет, как произошло новое несчастье: нашел мальчик в огороде блестящий металлический предмет, стал стучать железкой, произошел взрыв: окровавленного ребенка отвезли в больницу. Остался Костя на всю жизнь инвалидом: без левой руки и без левого глаза; в лицо навсегда въелись синие крупинки пороха...

Сколько надо отдать тебе, Костя, сердечной доброты и ласки, чтобы ты стал счастливым человеком? Как говорить с твоим отцом, доброй мачехой и дедушкой, чтобы их любовь была мудрой и требовательной? Как ты будешь учиться? Родные говорят, что у тебя часто болит голова. Как облегчить твоё учение, укрепить здоровье и рассеять угнетенное настроение? Отец рассказывал: ты иногда плачешь в одиночестве, тебя не влекут детские игры сверстников...

Вот рядом с матерью сероглазый задумчивый мальчик — Слава. У его матери — нелегкая судьба одинокой женщины. Ей уже под пятьдесят. В молодости она была прекрасной. Девушка мечтала о счастье, но никто не хотел стать ее мужем. Уходила молодость, а личного счастья не было. И вот вернулся с войны одинокий, как и она, человек, весь в рубцах от ран. Человек полюбил женщину, они поженились. Но недолгим было счастье: муж вскоре умер. Всю силу своей любви к мужу женщина перенесла на сына, но воспитывала она его неправильно. Рассказывали, что Слава не любит людей, целыми днями сидит дома, стоит только спросить у него что-нибудь, в его глазах вспыхивает недобрый огонек. Вот и сейчас я посмотрел мальчику в глаза, и они сразу же стали колючими, настоящими.

Чем ближе я знакомился с будущими воспитанниками, тем больше убеждался, что одной из важных задач, которые стоят передо мной, является возвращение детства тем, кто в семье лишен его.

За три года работы в школе я знал несколько десятков таких детей. Жизнь утвердила убеждение в том, что если маленькому ребенку не удастся вернуть веру в добро и справедливость, он никогда не может почувство-

вать человека в самом себе, испытать чувство собственного достоинства. В подростковом возрасте такой воспитанник становится озлобленным, для него нет в жизни ничего святого и возвышенного, слово учителя не доходит до глубины его сердца.

Выпрямить душу такого человека — одна из наиболее трудных задач воспитателя; в этом самом тонком, самом кропотливом труде происходит, по существу, главное испытание по человековедению. Быть человековедом — значит, не только видеть, чувствовать, как ребенок познает добро и зло, но и защищать нежное детское сердце от зла.

Всматриваясь в детские глаза — черные, синие, голубые — я думал: хватит ли во мне добра и теплоты, чтобы согреть их сердца? Я вспомнил слова Н. К. Крупской: «Для ребят идея неотделима от личности. То, что говорит любимый учитель, воспринимается совсем по-другому, чем то, что говорит презираемый ими, чуждый им человек» *. Я буду воспитывать словом и личным примером. Дети должны читать в моих словах и поступках добро, правду, красоту. За каждым моим словом должна стоять теплота, сердечность, душевность.

Галя привел отец. Она и ее младшая сестра пережили большое горе: умерла мама. Через год после смерти матери в семью пришла чужая женщина — добрая, честная, чуткая. Она понимала, что происходит в детских сердцах, была осторожна в излиянии своих чувств, надеялась расположить к себе девочек. Но шли недели, месяцы, а Галя и ее младшая сестренка Валя не хотели даже говорить с мачехой. Они как будто не замечали ее. Женщина плакала, просила совета у мужа и у родственников — что ей делать? Намеревалась даже оставить семью, но потом у нее родился мальчик. Думала, что появление ребенка согреет сердца девочек, но надежды не оправдались. Дети (особенно Галя) не хотели замечать маленького братика. Как прикоснуться к этому гордому сердцу? О чем говорить с отцом и мачехой, что им советовать, ведь отец уже приходил в школу, изливал свое горе? Я сказал, что посоветовать что-нибудь смогу лишь тогда, когда хорошо узнаю Галю.

Кругленькая, сероглазая, улыбающаяся Лариса сидит рядом с матерью, держит в руках хризантему. Я знаю, что

---

* Крупская Н. К. Об учителе. М., Изд-во АПН РСФСР, 1959, с. 143—144.

на сердце матери тяжелым камнем лежит горе. Ее оставил муж. Девочка не помнит отца. А мама говорит дочке: «Отец придет». И вот женщина вышла замуж за хорошего человека, рабочего машинно-тракторной станции. Она сумела убедить девочку в том, что этот человек и есть ее отец. Лариса любит отца, а у матери болит сердце: вдруг чье-нибудь неосторожно брошенное слово раскроет ее обман. Девочка счастлива, но ее сердце падо очень зорко оберегать от грубых прикосновений недоброго слова. Сумеем ли мы это сделать вместе с хорошими родителями? Неродной отец... Каждому ребенку такого бы родного отца, как у Ларисы неродной. Чем больше я узнавал этого человека, тем глубже убеждался в том, что настоящий отец тот, кто воспитал ребенка. Я часто бывал в этой семье и удивлялся одному интересному явлению: в глазах девочки была та же доброта, ласка, чуткость, что и у ее неродного отца. Детские глаза излучали то же восхищение, изумление перед красотой, что и глаза отца. Даже движения, мимику, выражение чувств удивления, настороженности, строгости — все это Лариса переняла от него.

Федя... У него тоже нет отца, и мальчику уже несколько раз пришлось услышать колкое, оскорбительное слово, намекающее на то, что его мама вела себя далеко не безупречно. Детская душа пережила смятение: как же это так, ведь мама говорит, что их отец погиб на фронте. Я с довоенных лет знаю маму Феде. Ее жизнь во время войны сложилась несчастливо. Как ввести мальчика в сложный мир человеческих взаимоотношений, чтобы ребенка не тревожили мучительные вопросы?

Часто мы, воспитатели, забываем, что познание мира начинается для маленьких детей с познания человека. Добро и зло открываются перед ребенком уже в том, каким тоном обращается отец к матери, какие чувства выражают его взгляды, движения. Я знал девочку, которая уходила в глухой уголок сада и тихо плакала, когда отец приходил с работы угрюмый и неразговорчивый, а мать каждым словом пыталась угодить ему. Сердце ребенка разрывалось от обиды на отца и чувства сострадания к матери...

Но это лишь первые, поверхностные черточки человеческих отношений, которые познает ребенок. А что происходит в детском сердце тогда, когда из случайно брошенного слова, из спора между матерью и отцом маленький

человек узнает, что отец и мать не любят друг друга и разошлись бы, но их связывает ребенок?

Сестры-близнецы Нина и Саша. В школу их привел отец. В этой многодетной семье (кроме Нины и Саши — еще четверо) — свое горе: уже несколько лет мать прикована к постели тяжелой болезнью. Старшие сестры ведут хозяйство — отцу трудно. Нина и Саша знают, что такое труд. В семье у них очень мало радостей. Когда девочки увидели у одного мальчика зеленый резиновый мяч, в их глазах вспыхнул радостный огонек, но сразу же угас, и я увидел такую глубокую тоску, что ком подступил к горлу. Как дать этим малышам светлую, безмятежную радость детства? Смогу ли я это сделать? Вот отец уже напоминает мне: девочки будут приходить в школу не больше, чем на час, они должны помогать ему дома.

Мы сидим на лужайке в тени высокой ветвистой груши. Я говорю родителям о том, как представляю себе воспитание ребят, говорю то, что можно сказать при детях, а из головы не выходят беды и тревоги каждой семьи. У каждого свое горе, и выносить его на мир, давать советы в присутствии других людей — это означало бы выворачивать наизнанку чужую душу, выставлять напоказ глубоко интимное. Нет, все это я должен только знать, но рассказывать об этом всем родителям нельзя. Если и придется прикоснуться к самым сокровенным уголкам сердец родителей, то делать это надо только в личной беседе, тысячу раз обдумав и взвесив каждое слово. Сердечные раны, невзгоды, обиды, печали, тревоги, страдания у отцов и матерей, о которых я рассказал (в подавляющем большинстве родители моих воспитанников — прекрасные люди), настолько индивидуальны, что какого-то общего разговора не может быть. Когда передо мной раскрылось сложное переплетение хорошего и плохого в людях, сидящих рядом, я понял, что нет родителей, которые бы умышленно давали плохой пример своим детям.

Читателю, может быть, покажется слишком много горя и невзгод — ведь речь идет только об одном детском коллективе. Нельзя забывать, что все это раны войны. Далеко в прошлое отошли первые послевоенные годы, затянулись тяжелые душевные раны тех лет, выросли, стали матерями и отцами те, кто читал свое первое слово под сияние победных зарниц 1944—1945 годов, дети наших питомцев первых послевоенных лет давно учатся в школе,

некоторые уже приближаются к юности. Казалось бы, в нынешних молодых семьях все должно быть озарено счастьем, но в жизни это далеко не так. Есть и сейчас еще горе, несчастье, трагедии... А о тех годах и говорить нечего. Меня радовало, что среди родителей большинство отцов и матерей жили хорошей семейной жизнью, как говорится, в добре и согласии, хорошо воспитывали детей.

Вот отец 7-летнего крепыша Вани. Он большой труженик, агроном, горячо влюбленный в землю и труд для людей. Ежегодно на своем приусадебном участке выращивает десятки саженцев яблонь и винограда и раздает их людям. Его жена — звеньевая-шелковод, хороший мастер в труде и добрый, отзывчивый, сердечный человек, заботливая мать. В трудные дни 1933—1934 годов она взяла в семью четверых сирот, спасла их от голодной смерти, воспитала, как родных, и они называют ее матерью.

Отец Люси, девочки с удивительно пышными черными косами, — человек очень честный и правдивый. Есть люди, о которых говорят, что они душевно прекрасны. В подавляющем большинстве такие люди не совершают подвигов. Их духовная красота во взаимоотношениях с человеком. Вряд ли когда-нибудь отец говорил Люсе, что надо быть чуткой, отзывчивой. Чуткости и человечности он учит детей своим поведением, отношением к жене. У матери Люси большое сердце и она работала на свекловодческой плантации колхоза. Отец взял на себя всю работу по дому.

Отец и мать Катц превратили свой плодовый сад в своеобразный клуб для малышей: здесь вместе с четырьмя их детьми с ранней весны до поздней осени отдыхают, играют и купаются под душем ребята из соседних дворов. Отец Катц оборудовал во дворе маленькую спортивную площадку для малышей. Весь урожай фруктов в плодовом саду — это лакомство для детей.

Родители Сани — девочки с сиплыми, всегда задумчивыми глазами — добрые, сердечные люди. Из города к ним в гости на все лето приезжают три девочки — племянницы отца. Сани с нетерпением ожидает родственников. Отец Сани построил для малышей купальню на пруду. А сейчас мастерит моторную лодку, чтобы принести детям еще одну радость.

Из прекрасной семьи пришла к нам Лида. Ее отец, рабочий вагоностроительного завода, — музыкант и певец.

Он учит детей петь и играть на скрипке, устраивает им-провизированные концерты: в саду собирается человек двадцать детворы; ребята слушают музыку, разучивают народные песни.

Дружная семья у Павла. Больше четырех лет была прикована к постели мать мальчика. Отец сумел замечать ее: он не только трудился на производстве, но и выполнял всю домашнюю работу.

В семье Сережи — смуглого, черноглазого мальчика, — отец, мать, двое детей, и все очень дружны. Как только есть свободный день — всей семьей идут в лес. Там, на поляне, они посадили четыре маленькие липы. Дома ребята посадили по яблоньке — матери, отцу, бабушке и бабушке. Я часто задумывался: почему дети в этой семье так любят отца, мать, бабушку, бабушку? Наверное, все доброе, вложенное в детское сердце, возвращается к матери и отцу во сто раз более сильной и чистой любовью.

Любу привели в школу мать, отец, бабушка, старшая сестра и младший братишка. У девочки пятеро сестер и братьев, две бабушки и дедушка. Дух бесспорного повиновения старшим основывается в этой семье на взаимном доверии и уважении. Я много слышал о том, как старшие в семье умеют уважать детей, дорожить их чувствами.

Хорошие народные традиции живут в семье самого маленького мальчика Данька. Трое детей — 6, 8 и 9 лет — остаются на хозяйстве, когда мать и отец на работе. Малыши готовят обед и ужин, доят корову, ухаживают за растениями на огороде. Когда в летний вечер мама и папа возвращаются с работы, им приготовлены душ, чистое белье, горячий ужин и... букет полевых цветов на столе.

В семье царит уважение к труду, можно сказать, культ труда и при этом нет никакой спешки, торопливости.

Отец Вали работает на машиностроительном заводе в Кременчуге, мать — в колхозе. В этой дружной семье все учатся: и родители, и трое детей. Дух уважения к знаниям, школе, учителю, царящий в доме, нас, учителей, очень интересует и радует. Когда Валя поступила в «Школу радости», открылась замечательная черточка этой семьи: оказалось, что старушка, которую все считали родной бабушкой Вали, — это «чужая» женщина, у нее нет никого из родных, два ее сына погибли на фронте, семья Вали приютила

ее, и старуха стала для детей родной. Валя даже не знала, что это «чужая» женщина.

Мать и отец маленькой сероглазой Люды работают в колхозе. Родители привили детям большое уважение к простому труду на земле. В семье царит чувство фамильной чести. «Все, что мы делаем для людей, должно быть красивым», — учит отец детей. Летом старшие ребята работают вместе с отцом на полевом стане. Люда несколько раз в месяц ездит к ним с матерью, эти поездки для девочки — настоящий праздник.

У Тани отец и мать работают на животноводческой ферме колхоза. Две дочери летом часто бывают там. Отец и мать сумели привить детям любовь к труду. Учителя не раз любовались такой картиной: в уголке животноводческой фермы отец делает маленькую загородку, помещая туда ягненка или теленка. Таня вместе со старшей сестрой заботливо ухаживают за животным. Это любимая игра детей; она тем более привлекательна для них от того, что играют и мама, и папа.

Отец Шуры — мальчика с черными, пытливыми, ласковыми глазами — работает на железной дороге, дома бывает раз в неделю. Приезды отца стали для Шуры, его брата и сестры событием, оставляющим в детской душе глубокий след. Дети с нетерпением ожидают отца: он всегда дарит им что-нибудь. Подарки его своеобразны: отец хорошо вырезает из дерева фигурки животных, людей, фантастических существ. Каждому ребенку он привозит по деревянной фигурке. Большое удовольствие доставляют детям и рассказы отца. У него редкий дар находить хороших людей. Рассказы о хороших людях как бы открывают детям окно в мир.

Отец Володи — строитель мостов. Мать работает в колхозе. Молодые родители горячо любят своего первенца. Но в этой любви мало мудрости. Слишком уж много они дарят мальчику всяких безделушек, стараясь побыстрее удовлетворить капризы сына. Вот и сейчас Володя сидит рядом с матерью и держит 2 резиновых шара. Он хочет что-то сказать матери, но она не замечает его, и сын надул губы, на глазах — слезы.

У Вари — смуглой, тоненькой, как нежный стебелек, черноглазой девочки с кудрявыми волосами — мама работает на маслозаводе уборщицей, отец после фронта тяжело болен, о нем заботится вся родня, но состояние здоровья

отца пока не улучшается. Трое детей чувствуют, что на плечи матери судьба возложила нелегкий труд, и всеми силами стремятся облегчить ее жизнь. Заработок у матери скромный, вечерами она вышивает рубашки и полотенца, зарабатывая дополнительные средства, необходимые для лечения мужа. Старшая сестра Вари уже научилась вышивать и помогает маме. Варя тоже учится народной вышивке.

Ребенок — это зеркало нравственной жизни родителей. Я задумывался над хорошим и плохим в каждой семье. Самая ценная нравственная черта хороших родителей, которая передается детям без особых усилий, — это душевная доброта матери и отца, умение делать добро людям. В семьях, где отец и мать отдают частицу своей души другим, принимают близко к сердцу радости и горести людей, дети вырастают добрыми, чуткими, сердечными. Самое большое зло — эгоизм, индивидуализм отдельных родителей. Иногда это зло выливается в слепую, инстинктивную любовь к своему ребенку, как у родителей Володи. Если отец и мать все силы своего сердца отдают детям, если за ними не видят других людей, — эта гипертрофированная любовь в конце концов оборачивается несчастьем.

Об этом я думал, рассказывая родителям о том, какой представлялась мне «Школа радости». Это был очень трудный разговор. Каждое слово, обращенное к родителям, должно учитывать все и хорошее и плохое, что есть в семьях. Когда я говорил о духе честности, правдивости, взаимного доверия, который будет царить в «Школе радости», не давала покоя мысль о семье Коли. Но о зле и неправдивости, пронизывающих жизнь этой семьи, нельзя было говорить всем родителям: это могло оттолкнуть мать от школы, вряд ли она когда-нибудь больше пришла бы. Здесь необходимо что-то другое, а что — я долго думал над этим и не мог найти правильный ответ на этот сложный вопрос.

Я нарисовал родителям перспективу воспитания детей. Сегодня ребята пришли в школу 6-летними малышами, через 12 лет они станут зрелыми людьми, будущими отцами и матерями. Школьный коллектив будет делать все, чтобы дети были патриотами своей Родины, горячо любящими родную землю и трудовой народ, честными, правдивыми, трудолюбивыми, добрыми и сердечными, отзывчивыми и непримиримыми к злу и неправде, мужественными

и настойчивыми в преодолении трудностей, скромными и нравственно красивыми, здоровыми и физически закаленными. Дети должны стать людьми с ясным разумом, благородным сердцем, золотыми руками и возвышенными чувствами. Ребенок — зеркало семьи; как в капле воды отражается солнце, так в детях отражается нравственная чистота матери и отца. Задача школы и родителей — дать каждому ребенку счастье. Счастье многогранно. Оно и в том, чтобы человек раскрыл свои способности, полюбил труд и стал в нем творцом, и в том, чтобы наслаждаться красотой окружающего мира и создавать красоту для других, и в том, чтобы любить другого человека, быть любимым, растить детей настоящими людьми. Только вместе с родителями, общими усилиями, учителя могут дать детям большое человеческое счастье.

Дети и родители идут домой, я напоминаю: «Завтра, тридцать первого августа, начинается жить наша «Школа радости».

Что принесет мне этот день? Сегодня ребята держатся за руку матери, а завтра придут одни. У каждого свои радости. У каждого — солнечное утро, перед каждым — бесконечная жизнь. Накануне этого дня меня больше всего волновало то, чтобы школа не лишала малышей детских радостей. Наоборот, надо так ввести их в школьный мир, чтобы перед ними открывались все новые и новые радости, чтобы познание не превращалось в скучное учение. И вместе с тем, чтобы школа не превратилась в бесконечную, внешне увлекательную, но пустую игру. Каждый день должен обогащать разум, чувства, волю детей.

ШКОЛА ПОД ГОЛУБЫМ НЕБОМ

С волнением ожидал я малышей. В 8 часов утра пришло 29 человек. Не пришла Саша (наверное, с матерью плохо). Не было Володи, по-видимому заснул, матери не захотелось будить мальчика.

Почти все дети празднично одеты, в новеньких ботиночках. Это меня встревожило: сельские дети издавна привыкли в жаркие дни ходить босиком, это прекрасная физическая закалка, лучший способ предупреждения простудных заболеваний. Почему же родители стараются защитить детские ножки от земли, утренней росы и горячей, накаленной солнцем земли? Все это они делают из

добрых побуждений, а получается плохо: с каждым годом все больше сельских малышей зимой болеет гриппом, ангиной, коклюшем. А надо воспитать детей так, чтобы они не боялись ни зноя, ни холода.

— Пойдем, дети, в школу,— сказал я малышам и направился в сад. Дети с недоумением смотрели на меня.

— Да, ребята, мы идем в школу. Наша школа будет под голубым небом, на зеленой травке, под ветвистой грушей, на винограднике, на зеленом лугу. Снимем вот здесь ботиночки и пойдем босиком, как вы привыкли ходить раньше.— Дети радостно защебетали; им непривычно, даже неудобно ходить в жаркую погоду в ботинках.— А завтра приходите босиком, в нашей школе это будет лучше всего.

Мы пошли в виноградную аллею. В тихом, скрытом деревьями уголке разрослись виноградные лозы. Расстелившись на металлическом каркасе, они образовали зеленый шалаш. Внутри шалаша земля покрыта нежной травой. Здесь царила тишина, отсюда, из зеленого сумрака, весь мир казался зеленым. Мы расселись на траве.

— Вот здесь и начинается наша школа. Будем смотреть отсюда на голубое небо, сад, село, солнце.

Дети притихли, очарованные красотой природы. Между листвою висели янтарные гроздья созревшего винограда. Детям хотелось попробовать вкусных ягод. Будет и это, ребята, но сначала надо полюбоваться красотой. Дети смотрят вокруг. Кажется, что сад окутан зеленым туманом, как в сказочном подводном царстве. Поверхность земли — поля, луга, дороги — как бы дрожит в малахитовом тумане, а на освещенные деревья сыпятся солнечные искорки.

— Солнышко рассыпает искорки,— тихо сказала Катя.

Дети не могли оторваться от очаровавшего их мира, а я начал рассказывать сказку о солнце.

— Да, дети, хорошо сказала Катя: Солнышко рассыпает искры. Оно живет высоко в небе. У него есть два Кузнеца-великана и золотая наковальня. Перед рассветом Кузнецы с огненными бородами идут к Солнцу, которое дает им два пучка серебряных нитей. Берут Кузнецы железные молотки, кладут серебряные нити на золотую наковальню и куют, куют, куют. Они выковывают Солнышку серебряный венок, а из-под молотков рассыпаются по всему миру серебряные искры. Падают искры на землю, вот вы и видите их. А вечером уставшие Кузнецы идут к Сол-

нышку, песут ему венок; надевает Солнышко венок на золотые косы и идет в свой волшебный сад — отдохнуть.

Я рассказываю сказку и одновременно рисую ее: на белом листе альбома рождаются фантастические образы: у золотой наковальни — два Кузнеца-великана, из-под железных молотков рассыпаются серебряные искорки.

Слушают дети сказку, очарованные волшебным миром, и кажется, что они боятся нарушить тишину, чтобы не рассеялось очарование. Потом сразу засыпают вопросами: а что делают Кузнецы-великаны ночью? Зачем Солнышку каждый раз новый венок? Куда деваются серебряные искорки — ведь сыпятся они на землю каждый день?

Милые дети, обо всем этом я расскажу вам, у нас еще будет много времени, а сегодня я угощу вас виноградом. Ребята с нетерпением ожидают, пока корзина наполняется гроздьями. Раздаю по две веточки: одну советую съесть, а другую поцеловать маме, пусть и она попробует ягод. Дети проявляют удивительную терпеливость: заворачивают гроздья в бумагу. А меня беспокоит мысль: хватит ли этой терпеливости на всю дорогу от школы до дома? Принесут ли Толя и Коля виноград матерям? Нине я даю несколько гроздьев: для больной матери, для сестренки и для бабушки. Варя берет 3 кисточки для отца. Зарождается мысль: как только у детей будет достаточно сил, каждый ребенок заложит свой виноградник... У Вари надо посадить этой осенью с десяток саженцев, которые плодоносили бы уже через год, — это будет лекарство для отца...

Мы выходим из сказочного зеленого сумрака. Я говорю детям:

— Завтра приходите перед вечером, в шесть часов. Не забудьте.

Я вижу: детям не хочется уходить. Но они расходятся, прижимая к груди белые сверточки. Как бы мне хотелось знать, кто из них не донесет виноград домой! Но об этом спрашивать у ребят нельзя; если кто сам расскажет — будет хорошо.

Вот и кончился первый день школы под голубым небом... В ту ночь мне снились серебряные солнечные искорки, а проснувшись рано утром, я долго думал, что делать дальше. Я не составлял детального плана: что и в какой день буду говорить детям, куда поведу их. Жизнь нашей школы развивалась из идеи, которая воодушевляла меня: ребенок по своей природе — пытливый исследователь,

открыватель мира. Так пусть перед ним открывается чудесный мир в живых красках, ярких и трепетных звуках, в сказке и игре, в собственном творчестве, в красоте, воодушевляющей его сердце, в стремлении делать добро людям. Через сказку, фантазию, игру, через неповторимое детское творчество — верная дорога к сердцу ребенка. Я буду так вводить малышей в окружающий мир, чтобы они каждый день открывали в нем что-то новое, чтобы каждый наш шаг был путешествием к истокам мышления и речи — к чудесной красоте природы. Буду заботиться о том, чтобы каждый мой питомец рос мудрым мыслителем и исследователем, чтобы каждый шаг познания облагораживал сердце и закалял волю.

На второй день дети пришли в школу перед вечером. Догорал тихий сентябрьский день. Мы вышли из села, расположились на высоком кургане. Перед нами открылся чудесный вид на широкий, как будто пылающий под солнцем луг, на стройные тополя, далекие курганы на горизонте. Мы пришли к истокам мысли и слова. Сказка, фантазия — это ключик, с помощью которого можно открыть эти истоки, и они забьют животворными ключами. Вспомнилось, как Катя сказала вчера: «Солнышко рассыпает искорки...» Забегая вперед, скажу, что через 12 лет, заканчивая школу, она писала сочинение о родной земле и, выражая чувство любви к природе, повторила этот образ. Вот какова сила сказочного образа в детском мышлении. Я тысячу раз убеждался, что, населяя окружающий мир фантастическими образами, создавая эти образы, дети открывают не только красоту, но и истину. Без сказки, без игры воображения ребенок не может жить, без сказки окружающий мир превращается для него в красную, но все же нарисованную на холсте картину; сказка заставляет эту картину ожить.

Сказка — это, образно говоря, свежий ветер, раздувающий огонек детской мысли и речи. Дети не только любят слушать сказку. Они создают ее. Показывая ребятам мир через зеленую стену виноградной ливы, я знал, что расскажу им сказку, но не предполагал, какую именно. Толчком для полета моей фантазии были слова Кати: «Солнышко рассыпает искорки...» Какие правдивые, точные, художественно выразительные образы творят дети, насколько яркий, красочный их язык!

Я стремился к тому, чтобы прежде чем открыть книгу, прочитать по слогам первое слово, ребята читали страницы самой чудесной в мире книги — книги природы.

Здесь, среди природы, особенно отчетливой, яркой была мысль: мы, учителя, имеем дело с самым нежным, самым тонким, самым чутким, что есть в природе, — с мозгом ребенка. Когда думаешь о детском мозге, представляешь нежный цветок розы, на котором дрожит капелька росы. Какая осторожность и нежность нужны для того, чтобы, сорвав цветок, не уронить каплю. Вот такая же осторожность нужна и нам каждую минуту: ведь мы прикасаемся к тончайшему и нежнейшему в природе — к мыслящей материи растущего организма.

Ребенок мыслит образами. Это значит, что, слушая, например, рассказ учителя о путешествии капли воды, он рисует в своем представлении и серебристые волны утреннего тумана, и темную тучу, и раскаты грома, и весенний дождь. Чем ярче в его представлении эти картины, тем глубже осмысливает он закономерности природы. Нежные, чуткие нейроны его мозга еще не окрепли, их надо развивать, укреплять.

Ребенок мыслит... Это значит, что определенная группа нейронов коры полушарий его мозга воспринимает образы (картины, предметы, явления, слова) окружающего мира и через тончайшие первичные клетки — как через каналы связи — идут сигналы. Нейроны «обрабатывают» эту информацию, систематизируют ее, группируют, сопоставляют, сравнивают, а новая информация в это время поступает и поступает, ее надо снова и снова воспринимать, «обрабатывать». Для того чтобы справиться и с приемом все новых и новых образов, и с «обработкой» информации, первичная энергия нейронов в чрезвычайно короткие отрезки времени мгновенно переключается от восприятия образов к их «обработке».

Вот это изумительно быстрое переключение первичной энергии нейронов и есть то явление, которое мы называем мыслью, — ребенок думает... Клетки детского мозга настолько нежные, настолько чутко реагируют на объекты восприятия, что нормально работать они могут только при условии, что объектом восприятия, осмысливания является образ, который можно видеть, слышать, к которому можно прикоснуться. Переключение мысли, которое явля-

ется сущностью мышления, возможно лишь тогда, когда перед ребенком или наглядный, реальный образ, или же настолько ярко созданный словесный образ, что ребенок как будто видит, слышит, осязает то, о чем рассказывают (вот почему дети так любят сказки).

Природа мозга ребенка требует, чтобы его ум воспитывался у источника мысли — среди наглядных образов, и прежде всего среди природы, чтобы мысль переключалась с наглядного образа на «обработку» информации об этом образе. Если же изолировать детей от природы, если с первых дней обучения ребенок воспринимает только слово, то клетки мозга быстро утомляются и не справляются с работой, которую предлагает учитель. А ведь этим клеткам надо развиваться, крепнуть, набираться сил. Вот где причина того явления, с которым многие учителя часто встречаются в начальных классах: ребенок тихо сидит, смотрит тебе в глаза, будто внимательно слушает, но не понимает ни слова, потому что педагог все рассказывает и рассказывает, потому что надо думать над правилами, решать задачи, примеры — все это абстракции, обобщения, нет живых образов, мозг устает... Здесь и рождается отставание. Вот почему надо развивать мышление детей, укреплять умственные силы ребенка среди природы — это требование естественных закономерностей развития детского организма. Вот почему каждое путешествие в природу есть урок мышления, урок развития ума.

Мы сидим на кургане, вокруг нас звучит стройный хор кузнечиков, в воздухе аромат степных трав. Мы молчим. Детям не надо много говорить, не надо пичкать их рассказами, слово — не забава, а словесное пресыщение — одно из самых вредных пресыщений. Ребенку нужно не только слушать слово воспитателя, но и молчать; в эти мгновения он думает, осмысливает услышанное и увиденное. Для учителя очень важно соблюдать меру в рассказывании. Нельзя превращать детей в пассивный объект восприятия слов. Чтобы осмыслить каждый яркий образ — наглядный или словесный, надо много времени и нервных сил. Умение дать ребенку подумать — это одно из самых тонких качеств педагога. А среди природы ребенку надо дать возможность послушать, посмотреть, почувствовать...

Мы вслушиваемся в хор кузнечиков. Я рад, что дети увлеклись этой пзумительной музыкой. Пусть в их памя-

ти навсегда сохранится тихий вечер, насыщенный ароматом полей и переливами чудесных звуков. Когда-нибудь они создадут сказку о кузнечике.

А теперь задумчивые взоры детей устремлены на солнечный закат. Солнце скрылось за горизонтом, по небу разлились нежные краски вечерней зари.

— Вот и ушло солнышко на отдых,— говорит Лариса, и ее лицо становится грустным.

— Кузнецы принесли Солнышку серебряный венок... Куда же оно деваает вчерашний венок? — спрашивает Лида.

Дети смотрят на меня, ожидая продолжения сказки, но я не решил, какой из образов выбрать. Мне помогает Федя.

— Венок расплылся по небу,— тихо говорит он.

Напряженное молчание, все мы ожидаем, что же расскажет Федя. Ведь это продолжение сказки, которую мальчик уже, очевидно, сложил, и то, что он молчит, может быть объяснено детской стеснительностью. Я помогаю Феде:

— Да, венок расплылся по небу. За день он накаляется на огненных косах Солнышка и становится мягким, как воск. Прикоснулось к нему Солнышко горячей рукой — он полился золотым ручейком по вечернему небу. Последние лучи уходящего на отдых Солнышка озаряют ручеек, вот видите, он играет розовыми красками, переливается, темнеет.— Солнышко уходит все дальше. Вот оно скоро войдет в свой волшебный сад и на небе загорятся звездочки...

— А что же такое звездочки? Почему они загораются? Откуда приходят? Почему их не видно днем? — спрашивают дети. Но нельзя пресыщать сознание ребят множеством образов. На сегодня достаточно, и я переключаю внимание детей на другое.

— Посмотрите на степь. Видите, как темнеет в долинах, на лугу, в низменностях? Посмотрите на те холмики — они стали как будто мягкими, словно плывут в вечерней мгле. Холмики становятся серыми, всмотритесь в их поверхность — что вы там видите?

— Лес... Кустарник... Стадо коров... Овцы с пастухом. Люди остановились ночевать в поле, разожгли костер, но костра не видно, в воздухе струится лишь дым... — вот что рождает детская фантазия при взгляде на быстро темнеющие

холмики. Предлагаю детям идти домой, но им не хочется. Просят: посидим еще минутку. В этот вечерний час, когда мир как бы облекается в таинственное покрывало, бурно разыгрывается детская фантазия. Я только упомянул о том, что вечерний сумрак и ночная темнота плывут, как реки, из далеких долин и лесов, а в воображении детей уже родились образы сказочных существ — Темноты и Сумрака. Саня рассказывает сказку об этих существах: живут они в далекой пещере, за лесом-пралесом, на день опускаются в темную бездонную пропасть, спят и вздыхают во сне (почему вздыхают? — известно только автору сказки...). А как только Солнышко уходит в свой волшебный сад, они выходят из убежища. Их огромные лапы покрыты мягкой шерстью, поэтому никто не слышит их шагов. Сумрак и Темнота — добрые, мирные, ласковые существа, никого не обижают.

Дети готовы создать сказку о том, как Темнота и Сумрак убаюкивают малышей, но на сегодня хватит. Мы идем домой, детям хочется и завтра прийти вечером, «когда хорошо сказки складываются», по словам Вари.

Почему ребята охотно слушают сказки, почему они так любят вечерние сумерки, когда сама обстановка располагает к полету детской фантазии? Почему сказка развивает речь и мышление сильнее любого другого средства? Потому, что сказочные образы ярко эмоционально окрашены. Слово сказки живет в детском сознании. Сердце замирает у ребенка, когда он слушает или произносит слова, создающие фантастическую картину. Я не представляю обучения в школе не только без слушания, но и без создания сказки. Передо мной сказки и рассказы, составленные маленькими детьми в первые 2 месяца жизни «Школы радости». В них — мир детских мыслей, чувств, желаний, взглядов.

Зайчик (*Шура*)

Мама подарила мне маленького плюшевого зайчика. А это было перед Новым годом. Я поставил его на елку среди ветвей. Все легли спать. На елочке горела маленькая-маленькая лампочка. Вижу — зайчик спрыгнул с веточки и бегаёт вокруг елки. Попрыгал-попрыгал и опять возвратился на елку.

Подсолнечник (Катя)

Взошло солнышко. Проснулись птички, поднялся в небо жаворонок. Проснулся и подсолнечник. Встрепенулся, стряхнул со своих лепестков росу. Повернулся к солнышку: «Здравствуй, солнышко. Я долго ждал тебя. Видишь, мои желтые лепестки поникли без твоего тепла. А теперь они поднялись и радуются. Я круглый и золотой, похожий на тебя, солнышко».

Как вспахали поле (Юра)

Комбайном скосили пшеницу. Выполз ежик из норки и видит: нет пшеницы, не шумят колосья. Покатился колом по стерне. А навстречу ему ползет огромное страшилище — металлический жук. Шумит, грохочет. За ним — плуги. Остается позади черное вспаханное поле. Сидит ежик в своей норке, выглядывает и удивляется. Думает: «Откуда взялся этот громадный жук?» А это трактор.

Два портрета Ленина (Ваня)

Мою старшую сестру Олю приняли в октябрята. У нее красная звездочка. А на звездочке маленький портрет Ленина. Теперь у нас два портрета Владимира Ильича Ленина. Один на стене, другой на Олиной звездочке. Ленин боролся за счастье трудящихся. Папа говорил: Ленин учился в школе очень хорошо. Я тоже буду учиться хорошо. Буду юным ленинцем.

Желудь (Зина)

Повеял ветер. Упал с дуба желудь. Желтый, блестящий, как выкованный из меди. Упал и думает: «Так хорошо было на ветках, а теперь я на земле. А отсюда не видно ни реки, ни леса». Загрустил желудь. Просится: «Дуб, возьми меня на ветку». А дуб отвечает: «Глупый ты. Посмотри, я тоже вырос из земли. Пускай быстрее корень, расти. Станешь высоким дубом».

Детей волнует не только то, что происходит в природе. Ребята хотят, чтобы на земле был мир. Они знают, что есть силы, замышляющие войну. Вот сказка, в которой эти темные силы изображены в фантастическом образе Змея.

Как мы победили Железного Змея (Сергея)

Он жил в болоте, далеко-далеко за океаном. Ненавидел наш народ. Делал атомные бомбы. Наделал их много-много, взял на крылья и полетел. Хотел бросить на солнце. Хотел потушить солнце, чтобы мы погибли во мраке. Послал я ласточек против Железного Змея. Взяли ласточки по искре солнечного огня в клювы и

догнали Змея. Бросили огонь на его крылья. Упал Железный Змей в болото, сгорел вместе с бомбами. А солнышко играет. И ласточки весело щебечут, радуются.

В этой сказке проявилось своеобразие детского мировоззрения. Торжество добра над злыми силами ребенок не может представить без участия птиц и зверей. Когда-то А. Гайдар говорил, что сказка должна кончаться так: «Красные разбили белых, а зайчик сидит и радуется»⁶: Милые детскому сердцу зайчики и ласточки — не просто сказочные существа. Они — воплощение добра.

Каждый день приносил новое открытие в окружающем мире. Каждое открытие облекалось в сказку, творцами которой были дети. Сказочные образы помогали малышам чувствовать красоту родной земли. Красота родного края, открывающаяся благодаря сказке, фантазии, творчеству, — это источник любви к Родине. Понимание и чувство величия, могущества Родины приходит к человеку постепенно и имеет своими истоками красоту.

Хочется посоветовать молодому педагогу, воспитывающему маленьких детей: вдумчиво, осмотрительно готовьте ребенка к тому моменту, когда вы произнесете свое первое слово о величии и могуществе родной земли — Советского Союза. Слово это должно быть вдохновенным, одухотворенным благородными чувствами (пусть говорят высокопарно — не бойтесь этого, если в душе у вас чистые и возвышенные чувства). Но чтобы слово это заставило учащегося биться детские сердца, необходимо, образно говоря, тщательно вспахать и засеять семенами красоты поле детского сознания.

Пусть ребенок чувствует красоту и восторгается ею, пусть в его сердце и в памяти навсегда сохраняются образы, в которых воплощается Родина. Красота — это кровь и плоть человечности, добрых чувств, сердечных отношений. Я радовался, замечая, как постепенно оттаивают зачерствевшие сердца Толи, Славы, Коли, Вити, Сашка. Улыбка, восхищение, изумление перед красотой представлялись мне как бы тропинкой, которая должна привести к детским сердцам.

Жизнь «Школы радости» не была стеснена строгим регламентом. Не было установлено, сколько времени должны находиться дети под голубым небом. Самое главное — чтобы ребятам не надоело, чтобы в детские сердца не закралось тоскливое ожидание того мгновенья, когда учи-

тель скажет: «Пора домой». Я старался окончить работу нашей школы в тот момент, когда у детей обострялся интерес к предмету наблюдения, к труду, которым они заняты. Пусть малыши с нетерпением ожидают завтрашнего дня, пусть он обещает им новые радости, пусть ночью снятся им серебряные искорки, которые рассыпает по земле Солнце. Один день дети находятся в школе под голубым небом 1—1½ часа, другой день — 4 часа, — все зависит от того, сколько радости воспитатель сумел дать ребятам сегодня. И еще очень важно, чтобы каждый ребенок не только чувствовал радость, но и творил ее, вносил крупицу своего творчества в жизнь коллектива.

В ту осень долго стояла теплая, сухая погода, до середины октября не желтели листья на деревьях, несколько раз гремел гром, как будто возвращалось лето, по утрам на траве блестели капельки росы. Это создавало благоприятные условия для работы. Несколько раз мы приходили на свой курган и «путешествовали» по облакам. Эти часы оставили у детей незабываемые впечатления. Белые, пушистые облака были для них миром удивительных открытий. В их причудливых, быстро меняющихся очертаниях ребята видели зверей, сказочных великанов: детская фантазия быстрокрылой птицей устремлялась в заоблачные дали, за синие моря и леса, в далекие неизвестные страны. И в этом полете ярко раскрывался индивидуальный мир ребенка. Вот плывет по небу причудливое облако.

— Что вы видите в нем, дети?

— Старик-чабан в соломенной шляпе опирается на палку, — говорит Варя. — Глядите, вот рядом с ним отара овец. Впереди баран с крутыми рогами, а за ним ягнята... А у старика торба висит, и из торбы выглядывает что-то.

— Это не старик, — возражает Павло. — Это снеговая баба, такая, как мы лепили зимой. Смотрите, вот и метла у нее в руке. А на голове вовсе не соломенная шляпа, а ведро.

— Нет, это не снежная баба, а стог сена, — говорит Юра. — На стоге два пастуха с вилами. Видите бросают сено вниз, а внизу телега. Какой же это баран? Не баран, а телега. Это дуга, а не рожки...

— Это огромный-преогромный заяц. Я видел такого во сне. И внизу вовсе не телега, а хвост зайчика.

Хочется, чтобы фантазировали все, но Коля, Слава, Толя, Миша почему-то молчат. Мое сердце сжимает боль.

когда я вижу на лице Коли снисходительную пренебрежительность, которую можно заметить у взрослых, считающих ниже своего достоинства детские забавы. В чем же дело, ведь я уже видел в глазах мальчика огонек восхищения красотой... Я тогда еще мало задумывался над этим, но чувство подсказывало: до тех пор, пока ребенка не удалось увлечь детскими радостями, пока в его глазах не пробудился неподдельный восторг, пока мальчик не увлекся детскими шалостями — я не имею права говорить о каком-то воспитательном влиянии на него. Ребенок должен быть ребенком... Если, слушая сказку, он не переживает борьбу добра и зла, если вместо радостных огоньков восхищения у него в глазах пренебрежение — это значит, что-то в детской душе надломлено, и много сил надо приложить, чтобы выпрямить детскую душу.

Вот на горизонте появилось облако с причудливыми очертаниями, оно похоже на чудесный дворец, окруженный высокими стенами и сторожевыми башнями. Детская фантазия восполняет неясности контуров дворца, и Юра уже рассказывает сказку о волшебном царстве, которое находится за тридевять земель, о злой Бабе-Яге и смелом богатыре, спасающем красавицу. А воображение Вити создало другую сказку. Где-то далеко, за рубежами нашей страны, в горах живет страшное существо, замышляющее войну. Крылья фантазии несут мальчика на воздушном корабле, способном в одно мгновение оказаться над пещерой, где живет темная сила, уничтожить зло и утвердить на земле вечный мир.

Потом рассказываю о далеких тропических странах, о вечном лете и причудливых созвездиях, о лазурном океане и стройных пальмах. Здесь сказочное переплетается с реальным, я как бы приоткрываю окошко в далекий мир. Рассказываю о земле и народах, о морях и океанах, о богатстве растительного и животного мира, о природных явлениях.

Начинаю рассказывать о мире, где человек поработает человека. Яркие картины страданий трудящихся, особенно детей, пробуждают в сознании моих слушателей тревожную мысль о том, что в мире происходит жестокая борьба добра и зла, что наш народ является борцом за счастье, честь и свободу человека. Я стремился к тому, чтобы с малых лет каждый мой питомец чувствовал непримиримость к социальному злу — эксплуатации человека человеком, чтобы наша страна была безгранично дорога для него как

первая в мире страна свободного труда. Одну из самых важных воспитательных задач я видел в том, чтобы зло в сознании ребенка было не какой-то абстракцией, а реальной силой, враждебной всем честным людям земли. Я рассказывал детям о странах, где богатства принадлежат кучке капиталистов и помещиков, а трудящийся человек лишен самого необходимого. Я не спешил с тем, чтобы дети осмыслили абстрактное понятие «империализм». Придет время — они его осмыслят. В том возрасте, о котором я рассказываю, решающее значение имеют яркие представления и их эмоциональная окраска. Когда я рассказывал, что в Италии тысячи матерей, доведенные до отчаяния бедностью, вынуждены продавать своих детей американским богачам, дети почувствовали, что это зло, основанное на большой несправедливости: один владеет богатствами, не создавая их, другой создает богатства, но лишен куска хлеба, одежды, человеческого жилья.

Рассказы воспитателя, разделяющего с детьми все радости и горести, — обязательное условие полноценного умственного развития ребенка, его богатой духовной жизни. Воспитательное значение этих рассказов в том, что дети слушают их в обстановке, рождающей сказочные представления: в тихий вечер, когда на небе загораются первые звезды; в лесу, у костра, в уютной избушке, при свете тлеющих в печурке углей, когда за окном шумит осенний дождь и поет унылую песню холодный ветер. Рассказы должны быть яркими, образными, небольшими. Нельзя нагромождать множество фактов, давать детям массу впечатлений — чуткость к рассказам притупляется, и ребенка ничем уже не заинтересуешь.

Я советую воспитателям: воздействуйте на чувства, воображение, фантазию детей, открывайте окошко в безграничный мир постепенно, не распахивайте его сразу во всю ширь, не превращайте в широкую дверь, через которую помимо вашего желания, увлеченные мыслями о предмете рассказа, устремятся малыши — выкатятся, как шарики... Они вначале растеряются перед множеством вещей, потом эти вещи, в сущности еще не знакомые, примелькаются, станут пустым звуком — не больше.

Школа под голубым небом учила меня, как открывать перед детьми окно в окружающий мир, и эту науку жизни и познания я стремился донести до всех учителей. Я советовал им: не обрушивайте на ребенка лавину знаний, не

стремитесь рассказать на уроке о предмете изучения все, что вы знаете,— под лавиной знаний могут быть погребены пытливость и любознательность. Умейте открыть перед ребенком в окружающем мире что-то одно, но открыть так, чтобы кусочек жизни заиграл перед детьми всеми красками радуги. Оставляйте всегда что-то недосказанное, чтобы ребенку захотелось еще и еще раз возвратиться к тому, что он узнал.

Достижения человеческой мысли безграничны. Человек, например, создал множество книг. Покажите детям красоту, мудрость, глубину мысли одной книги, но покажите так, чтобы каждый ребенок навсегда полюбил чтение, был готовым выйти в самостоятельное плавание по книжному морю. Я делился с учителями своими мыслями о «путешествиях» к истокам живого слова — так я назвал яркие, краткие, эмоционально насыщенные рассказы малышей о предметах и явлениях окружающего мира, которые они видят своими глазами. Учителя начальных классов по моему примеру стали совершать такие же «путешествия». Распахнулись двери классных комнат, дети стали выходить на зеленую травку, под свежий ветерок. Уроки чтения и арифметики, особенно в 1 и 2 классах, стали все чаще проводиться под голубым небом. Это не был отказ от урока или уход от книги, науки в мир природы. Наоборот, это обогащало урок, оживляло книгу, науку.

Часто в учительской, после уроков, собирались все учителя начальных классов и советовались, как добиться того, чтобы познание окружающего мира, усвоение знаний о природе и обществе никогда не превратилось для ребенка в скучное, надоедливое дело. В этом коллективном творчестве родилась новая мысль — о познании ребенком сельскохозяйственного труда и техники, о постепенном ознакомлении с творчеством лучших людей. Учителя начальных классов В. П. Новицкая, А. А. Нестеренко, М. И. Верховинина, намечая «путешествия» своих учеников к истокам живого слова, по моему совету определили круг природных явлений и связанных с ними видов сельскохозяйственного труда, которые наиболее целесообразно использовать для развития мышления и речи весной, летом, осенью, зимой.

Недалеко от школы, за селом — большой овраг, заросший кустарником и деревьями. Для малышей — это дремучий лес, полный таинственного и неизвестного. Однажды я заметил в стене оврага вход в пещеру. Внутри пещера оказалась просторной, с прочными сухими стенками. Да это же целое сокровище! Здесь будет наш Уголок мечты. Трудно передать восторг ребят, когда я впервые повел их в пещеру. Дети визжали, пели, перекликались друг с другом, играли в прятки. В тот же день выстлали пол сухой травой.

Сначала мы просто наслаждались таинственным уголком, обживали его, создавали уют: прикрепили к стенам несколько картинок, расширили вход, сделали столик. С восторгом дети приняли предложение устроить печурку, время от времени протапливать ее.

Мы выкопали углубление для печки, пробили отверстие для трубы. Выносили лишнюю землю, приносили глину и кирпич. Труд был нелегкий, но у нас была мечта — печка. Строили мы ее недели две. Работа увлекла всех, не могли остаться в стороне ни Коля, ни Слава, ни Толя — дети, равнодушные которых ко всему, что делал наш коллектив, очень тревожило меня. Теперь все чаще загорались их глаза, и огонек увлеченности долго не угасал. Воодушевило интересное дело и таких робких, застенчивых и перешителных детей, как Сашко, Люда, Валя. Все больше я убеждался, что эмоциональное состояние коллектива — состояние радости, воодушевления — большая духовная сила, объединяющая детей, пробуждающая в равнодушных сердцах интерес к тому, что делает коллектив, чем он занят.

И вот мы разожгли огонь в печке. Весело запылали сухие ветки. На землю опускается вечер. В нашем жилище светло и уютно. Мы смотрим на деревья и кусты, покрывшие склон оврага, и оттуда, из таинственной чащи, к нам идут сказочные образы. Они как будто напоминают, просят: расскажите о нас. Деревья и кусты обволакиваются полупрозрачной дымкой вечернего сумрака, какой-то спзой, потом сиреневой; в этой дымке деревья приобретают самые неожиданные очертания.

В такие минуты дети охотно фантазируют, создают сказки.

«На что похожи деревья, разбросанные по склону оврага?» — спрашиваю я, обращаясь не столько к детям, сколько к своим собственным мыслям. Мне они кажутся зеленым водопадом, стремительно падавшим с обрыва и теперь застывшим, превратившимся в огромные то ли базальтовые, то ли малахитовые изваяния. Интересно, будет ли развиваться мысль хоть у одного ребенка в том направлении, что и у меня? В этот вечерний час есть время для того, чтобы понаблюдать за тем, как ребята думают.

И вот я вижу, что у одного ребенка поток мыслей течет бурно, стремительно, рождая все новые образы, у другого — как широкая, полноводная, могучая, таинственная в своих глубинах, но медленная река. Даже незаметно, есть ли у этой реки течение, но оно сильное и неукротимое, его не повернуть в новое русло, в то время как быстрый, легкий, стремительный поток мысли других ребят можно как бы преградить, и он сразу же устремится в обход. Вот Шура увидел в кронах деревьев стадо коров, но стоило Сереже спросить: «А где же они пасутся, ведь там нет травы?» — как мысль Шуры устремилась по новому руслу: это уже не коровы, а облака, опустившиеся к ночи отдохнуть на землю. Так же быстро, стремительно парит и мысль Юры. А вот Миша и Нина смотрят молча, сосредоточенно — что они видят? Над нами пронесли уже десятки образов, рожденных детской фантазией, а Миша и Нина молчат. Молчит и Слава. Неужели в их головах не родилась ни одна мысль? Уже пора идти домой. И вот Миша, самый молчаливый из всех мальчик, говорит:

— Это разъяренный бык бросился рогами на скалу, не смог одолеть ее и остановился. Смотрите, вот сейчас он как будто напрягается, вот-вот отодвинет обрыв...

И тут все образы, которые как будто столпились вокруг нас, отлетают. Мы видим, что куча деревьев в самом деле удивительно похожа на застывшего в бессильной ярости быка. Дети зашебетали: вот как он уперся ногами в дно оврага; смотрите, как выгнулась у него шея — наверное, жилы дрожат, а рога воткнул в землю...

Вот тебе и придумал Миша! В то время, как над нашими головами трепетали яркие, живые образы, река его мысли текла своим руслом. Он внимательно прислушивался к словам товарищей, но ни один образ не увлек его. Фантазия мальчика самая яркая, самая земная. Ребенок увидел то, что, наверное, видел в жизни, что запечатлелось

в его сознании. А ведь такие вот молчаливые тугодумы ой как страдают на уроках. Учителю хочется, чтобы ученик побыстрее ответил на вопрос, ему мало дела до того, как мыслит ребенок, ему вынь да положь ответ и получай отметку. Ему и невдомек, что невозможно ускорить течение медленной, но могучей реки. Пусть она течет в соответствии со своей природой, ее воды обязательно достигнут намеченного рубежа, но не спешите, пожалуйста, не нервничайте, не хлещите могучую реку березовой лозинкой отметки — ничего не поможет.

...Каждый ли учитель задумывался над тем, что период развития организма — от рождения до зрелости — у человека самый длительный по сравнению с другими представителями животного мира? До 20 лет и дольше человеческий организм растет, развивается, крепнет. В длительности периода развития человеческого организма — большая тайна природы. Этот период как будто сама природа отвела для развития, укрепления, воспитания нервной системы — коры полушарий головного мозга. Человек именно потому и становится человеком, что в течение очень продолжительного времени он переживает период младенчества нервной системы, детства мозга.

Ребенок появляется на свет со многими миллиардами клеток, тонко реагирующих на окружающую среду и способных — при определенных условиях — выполнять мыслительные функции. Эти клетки составляют материальную основу его сознания. Ни одной новой клетки за период от рождения до зрелости, от зрелости до старости природа не прибавляет. В период младенчества нервной системы клетки мыслящей материи должны повседневно упражняться в активной деятельности, и основой для этих упражнений является живое восприятие, наблюдение, созерцание.

Прежде чем научиться глубоко проникать в сущность причинно-следственных связей явлений окружающего мира, человек должен пройти в детстве период мыслительных упражнений. Эти упражнения представляют собой видение предметов и явлений; ребенок видит живой образ, потом воображает, создает этот образ в своем представлении. Видение реального предмета и создание фантастического образа в представлении — в этих двух ступеньках мыслительной деятельности нет никакого противоречия. Фантастический образ сказки воспринимается, мыслится

ребенком и создается им же самим как яркая реальность. Создание фантастических образов — это самая благородная почва, на которой развиваются буйные ростки мысли.

В период детства мышления мыслительные процессы должны быть как можно теснее связаны с живыми, яркими, наглядными предметами окружающего мира. Пусть ребенок вначале не задумывается над причинно-следственными связями, пусть он просто рассматривает предмет, открывает в нем что-то новое. Мальчик увидел разъяренного быка в окутанной вечерним сумраком куче деревьев. Это не просто игра детской фантазии, но и художественный, поэтический элемент мышления. Другой ребенок видит в тех же деревьях что-то другое, свое — он вкладывает в образ индивидуальные черты восприятия, воображения, мышления. Каждый ребенок не только воспринимает, но и рисует, творит, создает. Детское видение мира — это своеобразное художественное творчество. Образ, воспринятый и в то же время созданный ребенком, несет в себе яркую эмоциональную окраску. Дети переживают бурную радость, воспринимая образы окружающего мира и прибавляя к ним что-нибудь от фантазии. Эмоциональная насыщенность восприятия — это духовный заряд детского творчества. Я глубоко убежден, что без эмоционального подъема невозможно нормальное развитие клеток детского мозга. С эмоциональностью связаны и физиологические процессы, которые происходят в детском мозгу: в моменты напряженности, подъема, увлеченности происходит усиленное питание клеток коры полушарий. Клетки в эти периоды расходуют много энергии, но в то же время и много получают ее от организма. Наблюдая в течение многих лет умственный труд учеников начальных классов, я убедился, что в периоды большого эмоционального подъема мысль ребенка становится особенно ясной, а запоминание происходит наиболее интенсивно.

Эти наблюдения по-новому осветили процесс обучения детей. Мысль ученика начальных классов неотделима от чувств и переживаний. Эмоциональная насыщенность процесса обучения, особенно восприятия окружающего мира, — это требование, выдвигаемое законами развития детского мышления.

...Наступили удивительно теплые дни бабьего лета. Мы не сидели на месте, ходили по полям и рощам, лишь иногда заглядывая в Уголок мечты. В двух километрах от

села ребята нашли холмик, с которого открывается чудесный вид на утопающее в садах село, на далекие поля, сине курганы и лесополосы. Воздух стал удивительно чистым, прозрачным, над землей плыли серебряные паутинки, в голубом небе все чаще появлялись ключи перелетных птиц. Недалеко от нашего холмика раскинулась роща, на опушке которой было много кустов шиповника. Мы любовались пурпурными бусинками ягод, серебряными паутинками, повисшими на веточках, запоминали очертания каждого кустика, присматривались к садам и рядам стройных тополей на окраине села. Каждый день дети открывали что-то новое, на наших глазах зеленая роща одевалась в багрянец, листья переливались удивительным богатством красок. Эти открытия доставляли детям огромную радость.

Источники живого слова и творческой мысли были столь богаты и неисчерпаемы, что если бы каждый час мы могли делать одно открытие, то этих открытий хватило бы на многие годы. Вот перед нами усыпанный пурпурными гроздьями куст шиповника, от ягоды к ягоде — серебристые паутинки с дрожащими капельками утренней росы. Капельки кажутся янтарными. Очарованные, стоим возле куста, и на наших глазах происходят удивительные вещи: с концов паутинок капельки, как живые, двигаются, будто сползают на провисшую середину, сливаются одна с другой, но почему они не увеличиваются и не падают на землю? Мы поглощены наблюдением: оказывается, капельки росы быстро испаряются, на глазах уменьшаются в объеме, потом совсем исчезают.

— Это Солнышко пьет росинки, — шепчет Лариса. Образ, созданный фантазией ребенка, заинтересовал детей, и вот рождается новая сказка. Здесь, возле куста шиповника, у истока живого слова перед детьми открылся новый изумительный ручеек. Может быть, это случайность, но когда-нибудь она должна была произойти: Лариса заметила созвучие слов росинки, паутинки, бусинки. Это совпадение как бы озарило детей. До сих пор ребята знали стихи, услышанные от старших братьев и сестер, а старшие вычитывали их из книг, здесь же стихи рождались из живого слова, из окружающего мира:

Ночью упали росинки
на серебряные паутинки,—

говорит Лариса, и в ее глазах загорелись радостные огоньки. Все молчат, но я вижу, что мысль каждого ребенка как бы взмыла птицей от чувства изумления перед силой слова.

— И задрожали, затрепетали янтарные бусинки,— продолжает Юра.

Вот что происходит, когда человек приближается к первоисточнику вещей, когда в слове для него — не только обозначение вещи, но и аромат цветов, запах земли, музыка родных степей и лесов, собственные чувства и переживания.

По правилам педагогики, наверное, надо было предложить детям составлять стихи дальше, но у меня вылетели из головы эти правила, и я, увлеченный потоком детского творчества, выпалил:

Выпило Солнышко росинки,
умылись серебряные паутинки,
улыбнулись пурпурные бусинки...

Мы кричали, бегали вокруг куста, повторяли составленное стихотворение. Мне хотелось поскорее рассказать учителям об этом порыве вдохновения, источником которого является окружающий мир. Хотелось посоветовать: первые уроки мышления должны быть не в классе, не перед классной доской, а среди природы. И еще хотелось сказать: подлинная мысль всегда проникнута трепетным чувством; если только ребенок почувствовал аромат слова, его сердце охватывает вдохновение. Идите в поле, в парк, пейте из источника мысли, и эта живая вода сделает ваших питомцев мудрыми исследователями, пытливыми, любознательными людьми и поэтами. Я тысячу раз убеждался: без поэтической, эмоционально-эстетической струи невозможно полноценное умственное развитие ребенка. Сама природа детской мысли требует поэтического творчества. Красота и живая мысль так же органически связаны, как солнце и цветы. Поэтическое творчество начинается с видения красоты. Красота природы обостряет восприятие, пробуждает творческую мысль, наполняет слово индивидуальными переживаниями. Почему человек в годы детства овладевает столь большим количеством слов родной речи? Потому, что перед ним в этот период впервые открывается красота окружающего мира. Потому, что в каждом слове он не только видит смысл, но и чувствует тончайшие оттенки красоты.

Опыт убедил нас в том, что примерно у 85% всех неуспевающих учеников главная причина отставания в учебе — плохое состояние здоровья, какое-нибудь недомогание или заболевание, чаще всего совершенно незаметное и поддающееся излечению только совместными усилиями матери, отца, врача и учителя. Скрытые, замаскированные детской живостью, подвижностью недомогания и заболевания сердечно-сосудистой системы, дыхательных путей, желудочно-кишечные очень часто являются не болезнью, а отклонением от нормального состояния здоровья. Многолетние наблюдения показали, что так называемое замедленное мышление — это во многих случаях следствие общего недомогания, которого не чувствует и сам ребенок, а не каких-то физиологических изменений или нарушений функции клеток коры полушарий. У отдельных детей можно заметить болезненно бледные лица, отсутствие аппетита. Малейшие попытки улучшить питание вызывает реакцию: на теле выступают прыщики. Самые тщательные анализы ни о чем не говорят: все как будто благополучно. В большинстве случаев оказывается, что мы имеем дело с тем нарушением обмена веществ, которое возникает в результате длительного пребывания в помещении. При этом нарушении ребенок теряет способность к сосредоточенному умственному труду. Особенно возрастает число недомоганий в период бурного роста организма и половой зрелости.

Единственным радикальным лечением в таких случаях является изменение режима труда и отдыха: продолжительное пребывание на свежем воздухе, сон при открытой форточке, ранний отход ко сну и ранний подъем, рациональное питание.

Отдельные дети на вид кажутся здоровыми, а при внимательном изучении их труда открывается какой-нибудь скрытый недуг. И вот что интересно: скрытые недуги и недомогания оказываются особенно заметными тогда, когда учитель стремится наполнить каждую минуту урока напряженным умственным трудом. Некоторым детям совершенно непосилен курс учителя на то, чтобы «не пропала ни одна минута урока». Я убедился в том, что этот «ускоренный» темп непосилен и вреден даже для совершенно здоровых детей. Чрезмерное умственное напря-

жение приводит к тому, что у детей тускнеют глаза, затуманивается взгляд, движения становятся вялыми. И вот ребенок уже ни на что не способен, ему бы только на свежий воздух, а учитель держит его «в упряжке» и по-нукает: скорее, скорее...

Первые недели работы «Школы радости» я внимательно изучал здоровье детей. Несмотря на то, что все ребята выросли в селе, на лоне природы, отдельные из них были бледные, со слабой грудью. А у Володи, Кати, Сани, как говорят, были кожа да кости, до того они были худенькие и слабосильные. Питание почти у всех дома хорошее, главной причиной слабости и болезненности отдельных малышей было то, что они жили как бы в тепличной обстановке; матери оберегали их от малейшего дуновения ветерка. Ребята быстро утомлялись, в первые дни жизни «Школы радости» они с трудом проходили какой-нибудь километр. Матери жаловались на плохой аппетит этих детей.

Я убедил родителей в том, что чем больше они будут оберегать малышей от простуды, тем слабее будут дети. Все согласилось с моей настоятельной просьбой посылать детей в жаркие дни в школу босиком — для ребят это было большой радостью. Однажды нас настиг в поле теплый ливень. Домой ребятам пришлось идти по лужам; вопреки опасению родителей никто не заболел. С большим трудом удалось добиться того, чтобы родители не кутали детей в сто одежек, не надевали на них фуфаяк и свитеров «про запас», «на всякий случай».

У нас стало правилом: ни одной минуты в осенние, весенние и летние дни дети не должны находиться в помещении. В первые 3—4 недели «Школы радости» ребята проходили ежедневно 2—3 километра; во второй месяц — 4—5, в третий — 6. И все это среди полей и лугов, в рощах и в лесу. Пройденное за день расстояние незаметно для детей, потому что не ставится цель — пройти столько-то километров; движение, ходьба — средство достижения других целей. Ребенку хочется идти, потому что он чувствует себя открывателем мира. Дети приходили домой усталые, но счастливые, жизнерадостные. А без усталости не может быть здоровья. Здоровье вливается в детский организм животворным источником тогда, когда после трудового напряжения ребенок отдыхает.

На чистом воздухе, после того как пройдено несколько километров, у детей развивается, по словам родителей, «волчий аппетит». В те дни, когда мы с малышами собирались в лес, я советовал им брать с собой хлеб, лук, соль, воду и несколько сырых картофелин. Родители вначале сомневались: разве дети будут есть это? Ведь дома они отказываются от более питательных вещей. Но оказалось, что и хлеб, и лук, и картофель в лесу — самая вкусная пища. Да к тому же у ребят развивался аппетит, и они с удовольствием съедали дома предложенную им тарелку супа или борща. Уже через месяц порозовели щечки у самых бледных малышей, а матери не могли нахвалиться хорошим аппетитом ребят: исчезли капризы, дети едят все, что ни дай.

Быть в движении — одно из важных условий физической закалки. Дети любят бегать, играть. Для них сделали игровую площадку. Здесь было все необходимое для игр и развлечений на свежем воздухе, но я мечтал о большем. Мне хотелось сделать детскую карусель, детские качели; хотелось, чтобы подвижные игры были связаны со сказкой, питались фантазией. Я уже представлял себе фигурки конька-горбунка, слона, серого волка, хитрой лисы, стоящие на деревянном круге нашей карусели; ребенок будет не только кататься, но и переживать волнение от того, что он оседлал конька-горбунка или серого волка. Все это пока только планы, но я твердо верил, что через полгода, может быть, через год добьюсь своего. Я достал материалы для монтирования карусели. Думал я и о том, чтобы подготовить детей к зиме, чтобы зимой они как можно больше находились на воздухе.

Многолетние наблюдения за физическим развитием младших школьников убедили меня в том, какую большую роль играет полноценное, здоровое питание ребенка. В пище многих детей не хватало важных веществ, необходимых для укрепления организма, предотвращения простудных заболеваний и нарушений обмена веществ. Только в 8 семьях был мед, а мед — это, образно говоря, кусочек солнца на тарелке. Я беседовал с родителями, убеждал их в том, какое большое значение для здоровья детей имеет употребление меда. Уже в конце сентября 13 родителей приобрели по одной-две семьи пчел. Весной пчелы были уже в 23 семьях.

Осенью я посоветовал матерям запастись на зиму вареньем из шиповника, терна и других богатых витаминами плодов. Пришлось поговорить с родителями также о том, чтобы каждая семья имела достаточное количество плодовых деревьев, особенно яблонь. Всю зиму должны быть свежие фрукты — в сельских условиях это очень легко, надо только потрудиться.

Эликсиром здоровья является воздух, насыщенный фитонцидами злаковых растений — пшеницы, ржи, ячменя, гречихи, а также луговых трав. Я часто водил детей в поле, на луг — пусть дышат воздухом, настоящим на аромате хлебных растений. Посадите под окном спальни ваших детей несколько ореховых деревьев, советовал я родителям. Это растение насыщает воздух фитонцидами, убивающими многие болезнетворные микробы. Запах ореха не переносят вредные насекомые. Там, где есть орехи, нет мух и комаров. Позаботился я и о том, чтобы в каждой семье во дворе был летний душ.

Уже несколько лет меня волновал вопрос: почему у многих детей плохое зрение? Почему уже в 3 классе ребенку приходится пользоваться очками? Наблюдения над многими детьми младшего возраста привели к выводу, что дело здесь не столько в переутомлении от чтения, сколько в неправильном режиме, особенно в том, что питание бедно витаминами, что ребенок не закаляется физически, легко поддается простудным заболеваниям. Некоторые заболевания, перенесенные в детстве, отражаются на зрении. Правильный режим, полноценное питание, физическая закалка — все это предохраняет ребенка от заболеваний, дает ему счастье наслаждения красотой окружающего мира.

Годы наблюдений над детьми столкнули меня с тревожными явлениями: весной, начиная с марта, у всех детей слабеет здоровье. Ребенок как бы выдыхается; ослабляется сопротивляемость организма простудным заболеваниям, снижается работоспособность. Особенно заметно в весенние месяцы ухудшается зрение.

Объяснение этим явлениям я нашел в трудах медиков и психологов: в весенние месяцы резко изменяется ритм взаимодействия систем организма. Причина в том, что в организме исчерпывается запас витаминов, к весне дает о себе знать резкий спад активности солнечной радиации,

и продолжительная напряженная умственная деятельность приводит нервную систему в состояние усталости.

Я задумывался над тем, как ослабить действие этих факторов. Родители стали больше заботиться о запасе продуктов, богатых витаминами, специально для весенних месяцев. Каждый солнечный день зимой и весной мы стремились максимально использовать для прогулок на свежем воздухе. Мне не давала покоя мысль о том, что в весенние месяцы напряженность умственного труда должна сниматься, путь к этому я видел в разнообразии умственной деятельности. Как можно больше мыслительных процессов должно происходить не в классе, а среди природы, сочетаться с физическим трудом. Постепенно это стало одним из правил учения в весенние месяцы.

В первые послевоенные годы многие дети были явно предрасположены к неврозам. У отдельных моих воспитанников (особенно у Толи, Коли, Славы, Федя) это выражалось в угнетенности, какой-то отрешенности от жизни. Я стремился не допустить, чтобы скованность, робость, нерешительность, болезненная застенчивость детей развились в неврозы. Часто советуясь, как добиться того, чтобы коллективная жизнь доставляла детям радость, мы, учителя начальных классов, пришли к выводу, что особенно важно сглаживать в школьной среде те беды, огорчения, конфликты, с которыми жизнь сталкивает ребенка в семье. Педагоги стремились з н а т ь, что происходит в душе каждого ребенка, с чем он пришел в школу, — чтобы не допустить ни одного болезненного прикосновения к чуткому детскому сердцу. Все, что казалось заслуживающим пристального внимания в духовной жизни того или иного ребенка, мы обсуждали на своих совещаниях, названных «психологическими семинарами». Школьный коллектив должен рассеивать детские горести и печали.

Особенно большого внимания требовали дети, душа которых уже была надломлена горестными переживаниями. Нервы Коли, Сашка, Толи, Петрика, Славы временами были напряжены до предела. Стоило прикоснуться к кому-нибудь из них, и ребенок мог «вспыхнуть», «взорваться». В отдельные дни ребят нельзя было спрашивать. Система воздействий, эффективная в воспитании других, к этим детям была совершенно неприменима. В научных трудах медиков я встретил понятие м е д и ц и н с к а я

педагогика», наиболее точно выражающее сущность воспитания детей, у которых болезненное состояние психики накладывает отпечаток на поведение. Главными принципами медицинской педагогики являются: 1) щадить легко уязвимую болезненную психику ребенка; 2) всем стилем, укладом школьной жизни отвлекать детей от мрачных мыслей и переживаний, пробуждать у них жизнерадостные чувства; 3) ни при каких обстоятельствах не дать понять ребенку, что к нему относятся, как к больному.

Был в школе ребенок, предрасположенный к истерическому неврозу, — Володя. У меня большую тревогу вызывало то, что отец и мать мальчиком восхищались. Они сами внушали себе, что их сын исключительный ребенок. Я боялся, что с наступлением неизбежного разочарования у мальчика может развиться ненависть к родителям и вообще к старшим. Главным средством лечения таких детей, по моему убеждению, является воспитание скромности и уважения к другим людям. Я стремился к тому, чтобы Володя чувствовал человека в каждом из близких.

Особое место в медицинской педагогике уделяется детям с замедленным, угнетенным мышлением. Вялость, инертность клеток коры полушарий головного мозга надо так же вдумчиво и терпеливо лечить, как и заболевание сердечной мышцы или кишечника. Но лечение это требует в тысячу раз большей осторожности и педагогического мастерства, глубокого знания индивидуальных особенностей каждого ребенка.

КАЖДЫЙ РЕБЕНОК — ХУДОЖНИК

Уже через неделю после начала занятий в «Школе радости» я сказал малышам: «Принесите завтра альбомы и карандаши, будем рисовать». На следующий день мы расположились на лужайке школьной усадьбы. Я предложил детям: «Посмотрите вокруг себя. Что вы видите красивое, что вам больше всего нравится, то и рисуйте».

Перед нами был школьный сад и опытный участок, освещенные осенним солнцем. Дети защебетали: одному нравились красные и желтые тыквы, другому — склонившиеся к земле головки подсолнечника, третьему — голубятня, четвертому — виноградные гроздья. Шура любовался легкими пушистыми облаками, плывущими по небу.

Сереже нравились гуси на зеркальной поверхности пруда. Даньку захотелось нарисовать рыбок — он с воодушевлением рассказывал о том, как однажды с дядей ходил на рыбалку: ничего не поймали, но зато увидели, как «играют» рыбки.

— А я хочу рисовать солнышко, — сказала Тина.

Наступила тишина. Дети рисовали с увлечением. Я много читал о методике уроков рисования, а теперь передо мной были живые дети. Я увидел, что детский рисунок, процесс рисования — это частица духовной жизни ребенка. Дети не просто переносят на бумагу что-то из окружающего мира, а живут в этом мире, входят в него, как творцы красоты, наслаждаются этой красотой. Вот Ваня, весь поглощенный своей работой, рисует улей, рядом — дерево, на котором огромные цветы, над цветком — пчела, почти такая же большая, как и улей. У мальчика раскраснелись щечки, в глазах огонек вдохновения, который приносит большую радость учителю.

Творчество детей — это глубоко своеобразная сфера их духовной жизни, самовыражение и самоутверждение, в котором ярко раскрывается индивидуальная самобытность каждого ребенка. Эту самобытность невозможно охватить какими-то правилами единственными и обязательными для всех.

Коля не сказал, что ему понравилось, и меня очень волнует, что же он нарисует. В альбоме мальчика я увидел ветвистое дерево с большими круглыми плодами, — значит, это яблоня, дерево окружено роем маленьких звездочек в ореоле лучей, высоко над деревом — серп луны. Как хочется мне прочесть в этом интересном рисунке сокровенные мысли и чувства ребенка — ведь я вижу у него в глазах такой же огонек вдохновения, как в те минуты, когда мы наблюдали мир.

— Что же это за звездочки над яблоней? — спрашиваю у Коли.

— Это не звездочки, — говорит мальчик. — Это серебряные искорки, которые падают на сад с луны. Ведь у луны тоже есть Кузнецы-великаны, правда?

— Конечно, есть, — отвечаю я, изумленный мыслями, которые волновали ребенка и тихие вечерние часы. Значит, он смотрел на ночное небо, любовался лунным сиянием, заметил этот трепещущий ореол бледного сияния над яблонями.

— Но какие же пити куют эти Кузнецы-великаны ночью? — в раздумье говорит мальчик, и мне показалось, что он не столько обращается к учителю, сколько к своим воспоминаниям о ночном небе, о бледном сиянии луны, о хороводе звезд. Я боялся потревожить творческое вдохновение мальчика. Сердце забилося от радостного открытия: творчество открывает в детской душе те сокровенные уголки, в которых дремлют источники добрых чувств. Помогая ребенку чувствовать красоту окружающего мира, учитель незаметно прикасается к этим уголкам.

По примеру Ларисы я стал рисовать Кузнецов-великанов. Мне казалось, что я рисую неплохо. Кузнецы получились похожими на настоящих молотобойцев, наковальня — такая же, как в колхозной кузнице. Забыв, что я взрослый человек, переживал радостное чувство: мои Кузнецы, конечно, будут лучше, чем у Ларисы. Но на моем рисунке детские взгляды не задерживались, зато вокруг Ларисы образовалась целая толкучка. «Что же она нарисовала?» — думал я. Посмотрел через головы ребят: как будто бы ничего особенного нет в детском рисунке, но почему все восхищаются, а на мой не обращают внимания? Чем больше я всматривался в рисунок девочки, тем яснее становилось, что у малышей свое видение мира, свой язык художественных изобразительных средств, под этот язык не подделаешься, сколько бы ни пытался. У меня Кузнецы-великаны в обычных шапках, в фартуках, с длинными бородами, в сапогах. А у нее — вокруг пышных волос на головах могучих Кузнецов пылает ореол из искр. И бороды — не просто бороды, а огненные вихри. Громадные молоты почти в два раза больше голов... Для ребенка это не отступление от правды, а яркая правда — правда фантастической силы, ловкости, сказочной общности могучего человека и огненной стихии. Нельзя подгонять этот чудесный язык детской фантазии под наш язык, язык взрослых. Пусть дети говорят друг с другом на своем языке. Учителям начальных классов я советовал: учите детей законам пропорции, перспективы, соразмерности — все это хорошо, но в то же время дайте простор и для детской фантазии, не ломайте детский язык сказочного видения мира...

Каждому ребенку хотелось рассказать о том, что он нарисовал. И в этих рассказах, как самоцветы, сверкали

яркие образы, сравнения. Рисование развивало речь детей.

В поле, в лес мы теперь почти всегда шли с альбомами и карандашами. Старшие школьники сделали для малышей маленькие альбомы, которые можно было положить в карман. Весной, через несколько месяцев после того как начала жить наша школа, я сделал большой альбом, в котором каждый ребенок рисовал по желанию любимый уголок окружающего мира. Я записывал в этот альбом коротенькие рассказы. Это целая страница жизни и духовного развития нашего коллектива.

ЗАБОТА О ЖИВОМ И ПРЕКРАСНОМ

Меня очень беспокоило равнодушие отдельных детей к живому и прекрасному в окружающем мире, тревожили поступки, свидетельствующие о непонятной, с первого взгляда, детской жестокости. Вот мы идем по лугу, над травой летают бабочки, шмели, жуки. Юра, поймав жука, вынул из кармана осколок стекла, разрезал насекомое пополам и «исследует» его внутренности. В одном глухом уголке школьной усадьбы много лет подряд живет несколько семей ласточек. Как-то мы пошли туда, и не успел я сказать даже несколько слов о ласточкиных гнездах, как Шура бросил камешек в птичье жилище. Все учащиеся берегли красивые цветы канн, растущие во дворе, а Люся пошла к клумбе, сорвала растение. Все эти факты имели место уже в первые дни жизни «Школы радости». Меня поражало, что восхищение детей красотой переплеталось с равнодушием к судьбе красивого. Задолго до встречи со своими воспитанниками я убедился, что любование красотой — это лишь первый росток доброго чувства, которое надо развивать, превращая в активное стремление к деятельности. Особенно тревожили меня поступки Коли и Толи. У Коли была какая-то страсть к уничтожению воробьиных гнезд. Рассказывали, что неоперившихся птенцов, выпавших из распотрошенных гнезд, он бросает в канализационную трубу маслозавода. Воробышки долго пищат, а Коля приложит ухо к стене трубы, слушает. Детская жестокость проявлялась не только у Коли, видевшего зло в семье, но и у детей, живущих в нормальном окружении. И самое тревожное в том, что дети не понимали предосудительности тех «мел-

ких» проявлений зла и равнодушия к красоте и жизни, из которых постепенно развивается тупая бессердечность.

Как пробудить у ребят светлые, добрые чувства, как утвердить в их сердцах доброжелательность, заботливое отношение к живому и красивому? Во время одной из прогулок в поле мы нашли в траве жаворонка с подрезанным крылышком. Птичка перепархивала с одного места на другое, но улететь не могла. Дети поймали жаворонка. Маленький комочек жизни затрепетал в руках, испуганные глаза, как бусинки, смотрели в голубое небо. Коля сжал его в руке, и птица жалобно запищала. Дети засмеялись. «Неужели ни у кого из них нет сострадания к птице, оставленной своими братьями в опустевшем поле?» — подумал я и посмотрел на ребят. На глазах у Лиды, Тапи, Данька, Сережи, Нины появились слезы.

— Зачем ты мучишь птичку? — жалостным голосом обратилась Лида к Коле.

— А тебе жалко? — спросил мальчик. — Возьми и ухаживай за ней, — и бросил птичку Лиде.

— И жалко, и ухаживать буду, — сказала девочка, лаская жаворонка.

Мы расположились на опушке леса. Я рассказал детям о том, что осенью перелетные птицы собираются в далекий путь. В опустевших полях остаются одинокие птички — у той крылышко подрезано, та вырвалась из когтей хищника искалеченная... А впереди суровая зима с метелями и морозами. Что ожидает этого жаворонка? Замерзнет бедненький. А как красиво он поет, наполняя весной и летом степь чарующей музыкой. Жаворонок — это дитя солнца. В сказке говорится: «Родилась эта птичка из солнечного огня». Поэтому наш народ и назвал ее жаворонком — жар — воронок... А кто из вас не знает, как больно, когда в сильный мороз деревенеют пальцы, когда жгучий ветер забивает дыхание. Вы спешите домой, к теплой печке, к ласковому огоньку... А куда денется птица? Кто приютит ее? Превратится она в мерзлый комок.

— А мы не дадим погибнуть жаворонку, — сказала Варя. — Поместим его в теплый уголок, сделаем гнездышко, пусть себе ожидает весны...

Дети стали наперебой предлагать, как устроить жилище жаворонка. Каждому хотелось взять птичку на зиму к себе домой. Молчали только Коля, Толя и еще несколько мальчиков.

— Зачем же брать жаворонка домой, дети? Сделаем для него тепленькое гнездышко в школе, будем кормить и лечить, а весной выпустим в голубое небо.

Мы принесли жаворонка в школу, поместили в клетку, поставили ее в комнату, которая уже была отведена для малышей. Каждое утро кто-нибудь из ребят приходил к жаворонку. Малыши приносили корм.

Через несколько дней Катя принесла дятла: отец нашел птицу в лесу, она побывала, наверное, в лапах хищника и чудом спаслась. Крылышки дятла безжизненно свисали, на спинке запеклась кровь. Птицу поместили вместе с жаворонком. Никто не знал, какой корм давать дятлу — жучков, что ли? Где их искать — под корой?

— А я знаю,— хвастливо заявил Коля.— Он ест не только жучков и мушек. Любит пвовые почки, семена травы. Я видел...— еще что-то хотел сказать мальчик, но застеснялся. Наверное, приходилось ему охотиться на дятлов.

— Ну, что же, раз ты знаешь, как кормить дятла, доставляй ему корм. Видишь, как жалобно он смотрит?

Коля стал ежедневно приносить корм птичке. У него еще не было чувства жалости к живому существу. Ему просто доставляло удовольствие восхищение товарищей: вот какой у нас Коля, знает, чем кормить птиц. Но пусть пробуждение добрых чувств начинается и с самолюбия — не беда. Пусть доброе дело станет привычкой, потом оно пробудит сердце.

Я вспоминал сотни ответов мальчишек на вопрос: каким человеком тебе хочется стать? — Сильным, храбрым, мужественным, умным, находчивым, бесстрашным... И никто не сказал: добрым. Почему доброта не ставится в один ряд с такими доблестями, как мужество и храбрость? Почему мальчишки даже стесняются своей доброты? Ведь без доброты — подлинной теплоты сердца, которую один человек отдает другому,— невозможна душевная красота. Я задумывался также над тем, почему у мальчишек меньше доброты, чем у девочек? Может быть, это лишь кажется? Нет, это действительно так. Девочка более добра, отзывчива, ласкова, наверное, потому, что с малых лет в ней жпвет еще неосознанный инстинкт материнства. Чувство заботы о жизни утверждается в ее сердце задолго до того, как она становится творцом новой жизни. Корень, источник доброты — в созидании, в творчестве,

в утверждении жизни и красоты. Доброе неразрывно связано с красотой.

Праздником для малышей было утро, когда Федя принес в школу иволгу. Эта птичка тоже почему-то не летала, мальчик нашел ее в кустах возле животноводческой фермы. Дети не могли оторвать глаз от красивых разноцветных перьев иволги. У «птичьей лечебницы» (так ребята пазвали уголок в своей комнате) мы встречали день и расставались до завтрашнего дня. Костя принес хилого, тщедушного воробышка, подобранного у обочины дороги. Воробышек не хотел клевать ни зерна, ни хлебных крошек. Мальчик переживал болезнь птички. Мы все переживали, когда наш воробышек умер. Костя плакал. Плакали девочки. Стал угрюмым, неразговорчивым Коля.

Мне вспомнились слова Януша Корчака: «Светлый ребячий демократизм не знает иерархии. Прежде времени печалит ребенка пот батрака и голодный ровесник, злая доля Савраски и зарезанной курицы. Близки ему собака и птица, ровня — бабочка и цветок, в камушке и ракушке он видит брата. Чуждый высокомерию выскочки, ребенок не знает, что душа только у человека» *. Да, все это так, но добрый ребенок не сваливается с неба. Его надо воспитать.

Во время одной прогулки в балке ребята нашли зайчонка с искалеченной пожкой. Припесли его в свою комнату, поместили в новую клетку. Образовалась еще одна лечебница — звериная. Через неделю Лариса принесла тощего, дрожащего от холода котенка. Его поместили в одну клетку с зайчиком. У детей появилось много забот: они приносили морковку зайчонку и молоко котенку. Трудно передать словами детское восхищение, когда однажды утром мы увидели, как котенок и зайчик, прижавшись друг к другу, сладко спали. Боясь разбудить животных, дети разговаривали шепотом...

Зимой в «птичьей лечебнице» появилось несколько синичек — ребята подобрали их возле кормушек, устроенных для зимующих птиц... И еще одно событие очень обрадовало меня: некоторые малыши дома оборудовали свои «птичьи лечебницы» и живые уголки. А после того, как в нашей комнате появился аквариум с маленькими

---

* Корчак Януш. Избр. пед. произведения. М., Просвещение, 1966, с. 271.

рыбками, дети стали умолять родителей: устройте аквариум дома. Многие родители приходили в школу, спрашивали, как это сделать. Трудно было достать для аквариумов растения и рыбок. Нелегко было с кормом. Но все эти трудности преодолевались благодаря настойчивости детей: ребята не давали покоя ни родителям, ни мне. Пришли матери Славы и Тины: дети не дают покоя, у других есть золотые рыбки, а у нас нет. Пришлось обращаться за помощью к старшим школьникам.

В те годы школьных мастерских еще не было, и заботы об аквариумах заставили оборудовать первую мастерскую для пионеров и комсомольцев.

Никогда не забыть тех вечеров, когда мы сидели у освещенного маленькой лампочкой аквариума и любовались золотыми рыбками. Я рассказывал детям о глубинах океана, о необычайно интересной жизни морских обитателей. Мои воспитанники, давно окончившие школу, ставшие взрослыми людьми, на всю жизнь запомнили эти вечера. Коля недавно сказал мне:

— Эта лампочка часто снилась мне. Ее огонек был первым источником знаний. Хотелось знать побольше о таинственных морских глубинах, о диковинных рыбах...

Если 24-летний человек с такой теплотой вспоминает о рыбках, значит, это не мелочи. Это один из ручейков добрых чувств. С замиранием сердца ждал я, когда красота окружающего мира пробудит в самых равнодушных сердцах добрые чувства — ласку, сострадание. Никогда не забуду первых осенних заморозков в тот год. Мы пошли в сад, к кусту роз, увидели ярко расцветающий цветок, на нежных лепестках — капельки росы. Цветок чудом сохранился в холодную ночь, мы смотрели на него и у всех на душе было грустно: скоро мороз погубит эту красоту. Я встретился глазами со взглядом Коли: впервые увидел в его глазах грусть, тревогу — чистые детские чувства. Потом мы пошли в теплицу, где стояло несколько горшков с редкими в нашей местности цветами — рододендромом, кактусом. Сели у маленького алого цветочка — расцвел кактус. Долго любовались цветком.

Забота о живом и прекрасном постепенно вошла в жизнь детей. Поздней осенью 1951 г., когда с деревьев опали листья, мы пошли в лес, выкопали маленькую липку, принесли ее на школьную усадьбу, посадили. Деревцо стало нашим другом. Мы мечтали, фантазировали, созда-

вали о нем сказки как о живом существе, способном чувствовать и переживать наши заботы и волнения. Ребята радовались, когда шел теплый дождик: нашему другу нужно много влаги. Мы переживали, когда землю сковал мороз и над полями гулял пронизывающий ветер: нашему другу холодно. Дети собирали снег, засыпали ствол липки. Девочки принесли несколько стеблей камыша и обвязали ствол деревца. С наступлением весны мы часто ходили к своему другу, с волнением смотрели: не раскрываются ли почки. Первые зеленые листики вызвали у ребят бурю восторга: дерево живет. Летом мы поливали свою липку.

Какая огромная сила — коллективное чувство ласки и доброты, коллективной доброжелательности. Оно, как бурный поток, увлекает самых равнодушных. Я радовался, видя, как Коля, Толя, Слава, Петрик с волнением шли к своему другу — зеленой липке, как загорались у них глаза, когда они кормили рыбок в аквариуме.

Стали взрослыми, зрелыми людьми те, у кого трепетало сердце при мысли о том, что маленькой липке холодно в зимнюю стужу. Наш друг стал большим, ветвистым деревом, и вот теперь к нему приходят юноши и девушки, молодые отцы и матери, и волна добрых чувств наполняет их сердца, когда они вспоминают о золотой осени своего детства.

Опыт подтверждает, что добрые чувства должны уходить своими корнями в детство, а человечность, доброта, ласка, доброжелательность рождаются в труде, заботах, волнениях о красоте окружающего мира. Добрые чувства, эмоциональная культура — это средоточие человечности. Если добрые чувства не воспитаны в детстве, их никогда не воспитаешь, потому что это подлинно человеческое утверждается в душе одновременно с познанием первых и важнейших истин, одновременно с переживанием и чувствованием тончайших оттенков родного слова. В детстве человек должен пройти эмоциональную школу — школу воспитания добрых чувств.

НАШИ ПУТЕШЕСТВИЯ В МИР ТРУДА

«Как добиться, чтобы труд стал важнейшей духовной потребностью детей?» — этот вопрос волновал весь наш педагогический коллектив. Учителя начальных классов

В. П. Новицкая, А. А. Нестеренко, М. Н. Верховинина, В. С. Осьмак, Е. М. Жаленко с первого дня воспитания вовлекали детей в посильный труд в школьном саду, на учебно-опытном участке. Вместе с В. П. Новицкой мы построили маленькую теплицу, где дети трудились зимой. Советуясь, как одухотворить детский труд высокими идейными побуждениями, учителя решили: давайте ежегодно, в день Победы над фашистской Германией, сажать один дубок. Это будет живая летопись нашей радости. С того времени каждый год в нашей Дубраве Победы появляется еще одно столетнее дерево — так дети называют дуб.

Мы видели важную воспитательную задачу в том, чтобы детей окружал не только мир природы, но и мир труда, творчества, строительства. Человеческая красота раскрывается ярче всего в труде.

Начались «путешествия» нашей «Школы радости» в мир труда. Никогда не забудется детям первое «путешествие» — в колхозные зернохранилища. Дети увидели вороха пшеницы — тысячи центнеров хлеба. Отец Вани рассказал нам о людях, которые выращивают высокие урожаи сельскохозяйственных культур. Комбайнер Григорий Андреевич повел детей в поле — оно рядом с селом, сразу же за зернохранилищем. «Вот на этих ста гектарах, — сказал он, — я собрал в этом году четыре тысячи центнеров хлеба. А всего за десять лет я убрал своим комбайном столько хлеба, сколько надо для такого города, как Александрия».

Это познание мира не только разумом, но и сердцем. Детей изумляет красота человека-труженика. Они переживают чувство гордости за человека. Еще глубже это чувство становится тогда, когда во время «путешествий» в мир труда дети встречаются со своими отцами и матерями. На животноводческой ферме они узнали, что мать Тани обеспечивает молоком полторы тысячи человек. В теплый осенний день мы поехали на машиностроительный завод. Там нас встретил отец Вали. Он повел детей в литейный цех, выплавляющий чугун. Это была, наверное, самая интересная из всех сказок, которые дети слышали и которые составляли сами: человек превращал твердое вещество в багровую огненную реку, река волею и трудом человека превращалась в металлические слитки. Я с большой радостью увидел, как детское творчество

наполнилось новым содержанием: ребята стали составлять сказки о богатырях, создающих огненные металлические реки, рисовали рабочих-металлургов. Первое посещение литейного цеха произвело незабываемое впечатление. Дети как бы по-иному увидели то, что они видели раньше: человек не мог бы жить и трудиться ни один день, если бы не было металла. Рабочие, металлурги, машиностроители — это подлинные творцы жизни. К ним у моих питомцев утвердилось чувство глубокого уважения.

Интересными были наши «путешествия» к умельцам — мастерам машинно-тракторной станции — слесарям, токарям. Здесь дети увидели, как из куска металла рождается деталь для трактора, комбайна. Затаив дыхание, они смотрели, как умелые руки отца Ларисы создают винт, без которого не может работать машина.

Отношение человека к человеку, его общественная жизнь раскрываются прежде всего в труде на благо людей. В том, как человек трудится для других, выражается его гуманизм. Одной из первых моих забот было то, чтобы в окружающей детей среде раскрывалась именно эта сторона нашей социалистической действительности. Я стремился к тому, чтобы детей восхищало, одухотворяло не только то, что связано с красотой природы, но и то, что составляет самую сущность нового человека нашей страны — его служение Родине, обществу, людям. Любовь ребенка к людям труда — источник человеческой нравственности.

МЫ СЛУШАЕМ МУЗЫКУ ПРИРОДЫ

Музыка, мелодия, красота музыкальных звуков — важное средство нравственного и умственного воспитания человека, источник благородства сердца и чистоты души. Музыка открывает людям глаза на красоту природы, нравственных отношений, труда. Благодаря музыке в человеке пробуждается представление о возвышенном, величественном, прекрасном не только в окружающем мире, но и в самом себе. Музыка — могучее средство самовоспитания.

Многие годы наблюдений над духовным развитием одних и тех же воспитанников от младшего возраста до зрелости убедили меня в том, что стихийное, неорганизованное воздействие на детей кино, радио, телевидения не

способствует, а скорее вредит правильному эстетическому воспитанию. Особенно вредно обилие стихийных музыкальных впечатлений. Я видел одну из важных задач воспитания детей в том, чтобы восприятие музыкальных произведений чередовалось с восприятием того фона, на котором человек может понять, почувствовать красоту музыки — тишины полей и лугов, шелеста дубравы, песни жаворонка в голубом небе, шепота созревающих колосьев пшеницы, жужжания пчел и шмелей. Все это и есть музыка природы, тот источник, из которого человек черпает вдохновение, создавая музыкальную мелодию.

В эстетическом воспитании вообще и в музыкальном в особенности важны психологические установки, которыми воспитатель руководствуется, приобщая детей к миру прекрасного. Для меня главной была установка на воспитание способности эмоционально относиться к красоте и потребности впечатлений эстетического характера. Важную цель всей системы воспитания я видел в том, чтобы школа научила человека жить в мире прекрасного, чтобы он не мог жить без красоты, чтобы красота мира творила красоту в нем самом.

В «Школе радости» больше внимания уделялось слушанию музыки — музыкальных произведений и музыки природы. Первой задачей, которая при этом ставилась, было вызвать эмоциональную реакцию на мелодию и потом постепенно убедить детей, что красота музыки имеет своим источником красоту окружающего мира; музыкальная мелодия как бы призывала человека — остановись, прислушайся к музыке природы, наслаждайся красотой мира, береги эту красоту и умножай ее. Многолетний опыт убеждает, что человек овладевает и родной речью и азбукой музыкальной культуры — способностью воспринимать, понимать, чувствовать, переживать красоту мелодии — только в годы детства. То, что упущено в детстве, очень трудно, почти невозможно наверстать в зрелые годы. Детская душа в одинаковой мере чувствительна и к родному слову, и к красоте природы, и к музыкальной мелодии. Если в раннем детстве донести до сердца красоту музыкального произведения, если в звуках ребенок почувствует многогранные оттенки человеческих чувств, он поднимется на такую ступеньку культуры, которая не может быть достигнута никакими другими средствами. Чувство красоты музыкальной мелодии открывает

перед ребенком собственную красоту — маленький человек осознает свое достоинство. Музыкальное воспитание — это не воспитание музыканта, а прежде всего воспитание человека.

...Ранней осенью, когда в прозрачном воздухе отчетливо слышится каждый звук, в предвечернюю пору мы сидели с детьми на зеленой лужайке. Я предложил прослушать мелодию «Полет шмеля» из оперы «Сказка о царе Салтане» Н. Римского-Корсакова. Музыка нашла у детей эмоциональный отклик. Малыши говорили: «Шмель то приближается, то отдаляется. Слышно щебетанье маленьких птичек...» Еще раз слушаем мелодию. Потом идем к цветущей медоносной граве. Дети слышат пчелиную арфу, жужжанье шмеля. Вот он, большой, лохматый, то поднимается над цветком, то опускается. Дети в восторге: ведь это почти такая же мелодия, как и записанная на пленку, но в музыкальном произведении есть какая-то своеобразная красота, которую композитор подслушал в природе и передал нам. Детям хочется еще раз услышать записанную на пленку мелодию.

Через день идем на участок цветущего медоноса утром. Ребята вслушиваются в звучание пчелиной арфы, пытаются уловить жужжанье мохнатого шмеля. В том, что до сих пор казалось им обычным, открылась красота — такова сила музыки.

Я подбирал для слушания мелодии, в которых в ярких образах, понятных детям, передано то, что они слышат вокруг себя: щебетанье птиц, шелест листьев, рокотание грома, журчание ручья, завывание ветра... При этом я оберегал ребят от обилия впечатлений, ибо повторяю, что обилие музыкальных образов вредно для детей; оно может вызвать смятение, а потом и совсем притупить эмоциональную отзывчивость. Я использовал не больше двух мелодий в месяц, но в связи с каждой мелодией проводил большую воспитательную работу, цель которой — пробудить у детей желание еще и еще раз послушать музыку, добиться того, чтобы каждый раз ребята открывали в произведении новую красоту. Очень важно, чтобы между слушанием мелодий, которому придается определенное значение в овладении азбукой музыкальной культуры, не было никаких стихийных, беспорядочных впечатлений. После слушания мелодий дети должны вслушиваться в ти-

шину полей и между восприятием двух мелодий познавать красоту природы.

Вот мы идем в дубовую рощу. Тихий солнечный день «бабьего лета», под лучами солнца горит разноцветное убранство деревьев, слышится пение осенних птиц, доносится рокотанье трактора, в небесах лазури — ключ улетающих гусей. Мы слушаем «Осеннюю песню (Октябрь)» П. Чайковского. Мелодия помогает почувствовать неповторимую красоту того, что дети до сих пор не замечали в окружающей природе: тихого трепетанья листьев на желтеющих дубах, аромата прозрачного воздуха, увядания ромашки на обочине дороги.

У ребят бодрое, радостное настроение, но мажорная мелодия навеивает и легкую грусть. Дети чувствуют приближение пасмурных, дождливых дней, холодных метелей, ранних сумерек. Под впечатлением музыкальной мелодии они говорят о красоте лета, о первых днях золотой осени. Каждый ребенок запомнил что-то яркое, выразительное, и теперь образы лета и осени предстают в детском сознании во всей красоте. Лариса, например, говорит: «Мы с отцом ходили в овраг. На склонах оврага зеленая стена — лес, лес, лес, залитый солнцем. Где-то заворковала горлица. И так в лесу красиво, так красиво... Хочется идти и идти, чтобы всегда сияло солнышко. Когда воркочет горлица, кажется, что листочки на деревьях замирают, прислушиваются».

Вспоминает Шура: «Мама взяла меня в поле. Она работала возле комбайна. Я ездил с дядей — комбайнером. А потом захотелось спать. Мама положила меня в копну свежей соломы. Я смотрел в синее небо, и вот копна соломы поплыла, поднялась высоко, высоко над землей. Я то приближался к маленькой птичке — а птичка все трепетала в небе, — то отдалялся от нее. И вместе со мной поплыли кузнечики — целым хором пели, летели навстречу птичке. Так я и уснул. Проснулся, — а птичка все трепещет в небе, и громче поют кузнечики».

Мы еще раз слушаем мелодию П. Чайковского, и я чувствую, что дети находят в ней милые их сердцу воспоминания о красоте незабываемых летних и осенних дней. Дети слушают новые воспоминания.

«Мы с отцом везли воз сена. Я лежала на сене, а в небе мерцали звезды. В поле пел перепел. И звезды стали

такими близкими, что, казалось, подними руку и бери звездочку, как фонарик».

Это воспоминание Зины. Я слушал девочку и изумлялся. Ведь молчала же всегда Зина, слова из нее не вытянешь. А вот музыка заставила заговорить.

Как радостно, что музыка обостряет эмоциональную отзывчивость, пробуждает представления, навеянные красотой музыкальных образов. Хочется, чтобы каждый ребенок под влиянием музыки мечтал, фантазировал. Музыка углубляет поэтическое, мечтательное в натуре детей — как это хорошо. Меня радует, что и Коля, и Толя, слушая взволнованные рассказы Тани и Ларисы, сидят задумчивые — они тоже что-то вспоминают.

Музыка — могучий источник мысли. Без музыкального воспитания невозможно полноценное умственное развитие ребенка. Первоисточником музыки является не только окружающий мир, но и сам человек, его духовный мир, мышление и речь. Музыкальный образ по-новому раскрывает перед людьми особенности предметов и явлений действительности. Внимание ребенка как бы сосредоточивается на предметах и явлениях, которые в новом свете открыла перед ним музыка, и его мысль рисует яркую картину; эта картина просится в слово. Ребенок творит словом, черпая в мире материал для новых представлений и размышлений.

Музыка — воображение — фантазия — сказка — творчество — такова дорожка, идя по которой, ребенок развивает свои духовные силы. Музыкальная мелодия пробуждает у детей яркие представления. Она ни с чем не сравнимое средство воспитания творческих сил разума. Слушая мелодии Э. Грига, дети рисовали в своем представлении сказочные пещеры, непроходимые леса, добрых и злых существ. Самым молчаливым хотелось говорить; детские руки тянулись к карандашу и альбому, хотелось запечатлеть на бумаге сказочные образы. Музыка пробуждала энергию мышления даже у самых инертных детей. Казалось, она вливает в клетки мыслящей материи какую-то чудодейственную силу. В этом подъеме умственных сил под влиянием музыки я видел эмоциональный источник мышления.

В зимние дни, когда снегом засыпало все наши тропинки, мы сидели в школьной комнате, слушали мелодии П. Чайковского, Э. Грига, Ф. Шуберта, Р. Шумана.

В сумерках особенно большую радость приносило детям слушание сказочных мелодий. Я рассказал ребятам украинскую народную сказку о Бабе-Яге, а потом мы слушали мелодию П. Чайковского «Баба-Яга». Трудно передать словами богатство фантастических образов и представлений, родившихся под влиянием этой музыки. Дети в мечтах устремлялись за далекие горы, за лес-пралес, за синие моря, в таинственные пещеры и ущелья. Я с изумлением слушал, казалось, совершенно невероятные истории, сочиненные ребятами. Отдельные из них запомнились мне на всю жизнь. В воображении Юры злая колдунья Баба-Яга превратилась в человеконенавистника, посягнувшего на радость людей — на песню. «Она взяла большой горшок, села на ступу, полетела по всему миру. Как только услышит песню, прилетает туда, где поют и радуются люди, стукнет горшком по ступе, люди умолкают, забывают, как петь, потому что песня в горшке запрятана. Так упрятала Баба-Яга все песни. Остался один-единственный поющий мальчик-пастушок. Он играл на свирели и пел песни. Сколько ни стучала колдунья горшком по ступе, ничего не могла сделать: свирель была волшебной. И вот сидит злющая-презлющая Баба-Яга на своей горе, на горшке с песнями, а в мире тихо, никто не поет и не радуется, только мальчик-пастушок играет. Лег он спать. Баба-Яга украла у него свирель. Проснулся мальчик. Собрал смелых ребят и пошел к Бабе-Яге...» Дальше Юра фантазировал о том, как мальчик-пастушок освободил песни, как к людям вернулась радость. Изумительное явление: под влиянием музыки ребенок создает в своем представлении настолько яркие образы сказочных существ, воплощающих добро и зло, что становится как бы участником борьбы за справедливость. Музыка наполняет сказочные образы живым биением сердца и трепетом мысли. Музыка вводит ребенка в мир добра.

Каждый раз, когда я замечал инертность мысли детей, я вел их в дубраву или в сад, и мы слушали музыку, пробуждающую яркие представления о добре и зле. Музыкальная мелодия как бы открывала родники мысли.

В зимние дни в нашей школе открывались все новые и новые мечтатели. Маленький Данько был таким застенчивым, что, казалось, слова от него не дождешься. И вот мальчик рассказал свою сказку о Бабе-Яге. Правда, она была похожа на сказку Юры. У Данька Баба-Яга полё-

тела на ступе по всему миру и сорвала все цветы; прилетела на свою адскую кухню, поставила горшок в печку — и все цветы погибли. «Но я,— ребята часто ставят себя на место доброго героя сказки,— собрал семена всех цветов и посеял их на земле. Цветы опять зацвели. Когда Баба-Яга узнала об этом, она со злости поломала свою ступу и костяную ногу, и теперь уже не может делать людям зла».

После этих рассказов мы беседовали с учителями о трудностях и недостатках воспитания. Пришли к единодушному выводу: забывает наша педагогика, что ученик добрую половину всех лет обучения в школе остается прежде всего ребенком. Втискивая в голову детям готовые истины, обобщения, умозаключения, учитель подчас не дает ребятам возможности даже приблизиться к источнику мысли и живого слова, связывает крылья мечты, фантазии, творчества. Из живого, активного, деятельного существа ребенок нередко превращается как бы в запоминающее устройство... Нет, так не должно быть. Нельзя отгораживать детей от окружающего мира каменной стеной. Нельзя лишать ученика радостей духовной жизни. Духовная жизнь ребенка полноценна лишь тогда, когда он живет в мире игры, сказки, музыки, фантазии, творчества. Без этого он — засушенный цветок.

Разумеется, учение не может быть легкой игрой, сплошным и постоянным удовольствием. Оно, прежде всего, труд. Но, организовывая этот труд, надо учитывать особенности духовного мира ребенка на каждой ступени его умственного, нравственного, эмоционального, эстетического развития. Умственный труд детей отличается от умственного труда взрослого человека. Для ребенка конечная цель овладения знаниями не может быть главным стимулом его умственных усилий, как у взрослого. Источник желания учиться — в самом характере детского умственного труда, в эмоциональной окраске мысли, в интеллектуальных переживаниях. Если этот источник иссякает, никакими приемами не заставишь ребенка сидеть за книгой.

Я никогда не забуду первой зимы «Школы радости». Если бы не музыка, не фантазия, не творчество, теплый уютный класс быстро опостылел бы. Музыка наполняла окружающий нас мир изумительным очарованием. Во мгле крещенских вечеров, в сиянии серебряных ковров под луной, в вихрях метелей, в треске замерзшего пруда — везде

мы видели сказочные существа, созданные нашим воображением.

Пришла первая весна «Школы радости», зажурчали ручьи, зацвели подснежники, зазвучала пчелиная арфа в белом разливе яблонь и груш. В эти дни мы слушали музыку весеннего леса, голубого неба, лугов и степей.

В тихий вечер мы пошли на луг. Перед нами — задумчивые вербы в нежной листве, в пруду отражался бездонный небосвод, в чистой лазури летели ключи лебедей. Мы вслушивались в музыку прекрасного вечера. Вот где-то на пруду послышался удивительный звук — как будто кто-то слегка прикоснулся к клавишу фортепиано, казалось, зазвучал пруд, зазвучали берега и голубой небосвод. «Что это такое?» — прошептал Ваня. «Это музыка весенних лугов, — говорю детям. — В пруду вы видите отражение голубого небосвода. На большой глубине — огромный колокол из хрусталя. Там, в чудесном дворце, живет красавица Весна. Золотым молоточком прикоснулась она к хрустальному колоколу — и разлилось эхо по лугам».

Звук раздался еще раз. Коля улыбнулся: «Да это же лягушки «кумкают». Я боялся, что дети рассмеются, исчезнет очарование, охватившее всех. Но никто даже не шелохнулся. «Может быть, лягушка, а может и не лягушка, — сказал Сашко. — А если и лягушка — ну и пусть, — ведь поет-то луг».

Как будто в ответ на его слова зазвенело где-то над соседним прудом, через несколько мгновений откликнулся далекий луг. Мы стояли, очарованные удивительной музыкой весенних лугов. Эта музыка — животворный источник оптимистического мировосприятия. Она помогала детям понять, открыть, почувствовать радость бытия в красоте. Гармония красоты представляется мне тем лучезарным ореолом, который всю жизнь окружает в наших воспоминаниях незабываемые дни детства.

В первый солнечный апрельский день, когда в мареве дрожат древние курганы, мы вышли в степь слушать песню жаворонка. Вот трепещет в небесной лазури серый комочек жизни, до нашего слуха доносится нежный звон серебряного колокольчика; вдруг колокольчик замирает, серый комочек падает к земле; над нежной зеленью озимой пшеницы птичка распрямляет крылья и медленно, как будто натягивая незримую нить, поднимается все выше и выше. Мы слышим уже не звон колокольчика,

а звучание серебряных струн... Мне хочется, чтобы эта чудесная музыка дошла до детских сердец, открыла глаза на красоту окружающего мира. И я рассказываю сказку о жаворонке.

— Это — дитя солнца. Зимой солнышко уходит от нас далеко-далеко, землю засыпает снег и сковывают морозы. Медленно-медленно возвращается к нам солнышко, трудно ему растопить снег. Бросает оно горячие искры в снежные сугробы. Там, где упадут искры, появляются проталины, оживает комочек земли и рождается чудесная птичка — жаворонок. Поднимается она в голубое небо и летит навстречу солнцу. Летит и поет. А солнце рассыпает серебряные искры. Висит жаворонок в небесной лазури, смотрит на землю, высматривает самую яркую искорку. Увидев ее, он камнем летит к земле, подхватывает искру, которая мгновенно превращается в тоненькую серебряную нить. Опустил жаворонок один конец нити к земле, повисла нить на стебельке пшеницы, а другой конец потянул все выше и выше к солнышку, к голубому небу. Видите, как ему нелегко подниматься вверх, как трепещут его серые крылышки. Играет серебряная нить, как струна, и чем выше поднимается жаворонок, тем выше звук издает струна. Протягивает жаворонок серебряную нить к самому солнышку и снова возвращается к земле, снова высматривает искорку.

Не затруднит ли сказка познание истинных закономерностей природы? Нет, наоборот — облегчит. Дети прекрасно понимают, что комочек земли не может стать живым существом, как понимают они и то, что нет Кузнецов-великанов, Бабы-Яги и Кощея Бессмертного. Но если бы у детей не было всего этого, если бы они не переживали борьбу добра и зла, не чувствовали, что в сказке отражены представления человека о правде, чести, красоте, — их мир был бы тесным и неуютным.

Сказка о жаворонке помогла детям понять музыку природы, подготовила к слушанию музыкальной мелодии. Мы возвращаемся в школу, слушаем «Песню жаворонка» П. Чайковского. Ребята восхищаются, уловив в чудесных звуках музыки и звон серебряного колокольчика, и переливы тонкой серебряной струны, соединяющей зеленую ниву с солнцем. Не один раз мы слушаем эту песню: и в ясное погожее утро, и в серый ненастный день. И всегда дети вспоминают залитый солнцем чудесный мир, го-

лубой небосвод, серый комочек жизни, безбрежную ширь полей. Малышам хочется воплотить свое представление о сказочной птичке в ярком образе: они рисуют сказочные образы жаворонка, серебряную искорку, струну, натянутую от земли к солнцу.

Постепенно у нас создается альбом музыкальных произведений, полюболюбившихся детям. Время от времени мы приходим в свою комнату, слушаем музыку. Я называю альбом «музыкальной шкатулкой», детям это нравится, они говорят с гордостью: «У нас есть музыкальная шкатулка». Появляется мысль: будем из года в год брать из сокровищницы музыкальной культуры самое лучшее, создадим «музыкальную комнату», в которой будем наслаждаться красотой, созданной природой и человеком. Будем петь, будем учиться играть на скрипке и фортепиано, но это в будущем, а пока что попробуем играть на нашей нехитрой свирели.

В пасмурный день мы пошли в рощу, вырезали из бузины свирель. Отшлифовали ее, прорезали дырочки. Я заиграл мелодию украинской народной песни о веселом пастушке. Трудно передать словами восторг, охвативший детей. Каждому ребенку хотелось поскорее испытать свои силы, все мечтали о своих музыкальных инструментах. Каждый сделал свою свирель. У Лиды, Ларисы, Юры, Тины, Сережи, Кости обнаружили тонкий музыкальный слух, чуткость к мелодии, и уже через несколько дней дети играли мелодии народных песен и танцев. Никогда не забуду тихого вечернего часа, когда Тина воспроизвела мелодию украинской народной песни «Ой на горі та й жінці жнуть». У девочки горели глаза, покраснелись щеки. Мать рассказывала мне, что Тина подолгу сидит дома в саду со свирелью, что-то «придумывает», наигрывает мелодии, а иногда мечтательно смотрит на небо и на деревья.

Однажды я пришел в школу рано утром. Вокруг — тишина. Вдруг откуда-то из глубины сада донеслись тихие звуки свирели. Я пошел им навстречу. Кто-то играл свое, музыкальная мелодия была явной импровизацией. Через всю мелодию красной нитью проходила грусть — светлая, чистая. Осторожно, чтобы не потревожить музыканта, я подошел к кусту розы. На траве сидела Тина. Казалось, свирель стала частицей ее существа. Девочка смотрела на цветущие розы, глаза ее были ласковые, мягкие. Теперь мне стала понятной мелодия: девочка играла о прекрасном

цветке, о синем весеннем небе. То, что показалось мне грустью, было тревогой: девочка передавала в звуках свою думу о будущем.

Увлечся свирелью и Костя. Мальчику трудно было играть одной рукой, но он быстро научился воспроизводить мелодии нескольких народных песен, а потом стал «придумывать» — фантазировать, передавать в музыке свои мысли, чувства, переживания. Однажды весной в грозу мы сидели в «Уголке мечты». Отгремел гром, над землей повисла радуга — все мы молчали, любясь красотой картины. Послышалась тихая мелодия — играл Костя. В музыке улавливалось журчанье ручья, которое сменилось тревожным рокотаньем — приближается грозовая туча, вдали гремит гром. Мальчик забыл, что его слушают, он весь отдался творчеству. Спыхватясь, он увидел задумчивые лица товарищей, застеснялся... Далеко не каждый из них станет музыкантом, но я глубоко верю в то, что чувство восхищения музыкальной мелодией можно развить у каждого человека.

Увлечение этой нехитрой народной музыкой было нашим глубоко личным делом. Временами появлялось своеобразное «музыкальное настроение»: ребятам хотелось сесть и поиграть. Чаще всего это бывало в тихие вечера, после заката, когда земля еще некоторое время озарялась отблесками солнца, скрывшегося за горизонтом. Высшим счастьем для нас было уже то, что музыка дает нам радость и удовлетворение.

У Коли был тонкий музыкальный слух, и мальчик быстро научился воспроизводить мелодии народных песен. Однажды, когда мы возвращались из лесу домой, я сказал Коле: «Помнишь, ты нарисовал Кузнецов, которые куют серебряный венок? Вот попробуй рассказать об этих Кузнецах на свирели: как они куют, как сыпятся на землю холодные искорки...»

— Они не холодные, нет, — горячо возразил мальчик. — Они горячие, ой, какие горячие...

— Да, конечно, они горячие... Ведь не может из-под молота и наковальни вылетать что-то холодное. Я тоже попробую рассказать о Кузнецах на свирели. О солнечных Кузнецах.

На второй день утром мы пришли в школьный сад. Бесхитростными мелодиями своих сопилок мы рассказали о чудесных Кузнецах. Мы не только понимали друг друга,

по и чувствовали настроенье, под влиянием которого рождались наши мелодии. Я вслушиваюсь в музыку Колиных «Кузнецов». Мальчик не только передал тонкий перезвон их молотков, но и восхищался силой. Он изумлен красотой серебряных россыпей, падающих на поля и сады, опечален тем, что не может охватить взором всю землю. Ему хочется увидеть красоту, которую он смутно чувствует во всем.

Да, я увидел тропинку к сердцу этого ребенка. Музыкальная мелодия воспитывает душу, очеловечивает чувства. В музыке, как и в слове, выражается подлинно человеческое. Развивая чуткость ребенка к музыке, мы облагораживаем его мысли, стремления. Задача заключается в том, чтобы музыкальная мелодия открыла в каждом сердце животворный родник человеческих чувств. Как в живом, трепетном слове родной речи, так и в музыкальной мелодии перед ребенком раскрывается красота окружающего мира. Но мелодия — этот язык человеческих чувств — доносит до детской души не только красоту мира. Она открывает перед людьми человеческое величие и достоинство. В минуты наслаждения музыкой ребенок чувствует, что он настоящий человек. Душа ребенка — это душа чуткого музыканта. В ней — туго натянутые струны, и если вы сумеете прикоснуться к ним — зазвонит чарующая музыка. И не только в переносном, но и в прямом смысле. Детство так же невозможно без музыки, как невозможно без игры, без сказки.

Опыт подтверждает, что музыка — это самый благоприятный фон, на котором возникает духовная общность воспитателя и детей. Она как бы открывает сердца людей. Слушая мелодию, переживая и восхищаясь ее красотой, учитель и ученик становятся роднее, ближе.

В минуты того сопереживания, которое достигается только музыкой, воспитатель видит в ребенке то, что никогда бы не увидел без музыки. Под воздействием музыкальных звуков, когда душа очарована возвышенными переживаниями, ребенок поверяет вам свои тревоги и волнения. В один из таких часов Коля рассказал мне, что у него есть альбом, в котором он рисует все, что волнует, радует и тревожит его. Потом мальчик показал свои рисунки. Передо мной открылся мир мечты. Коля хотел управлять трактором, стоять на пограничном посту.

Зима... Какие прекрасные возможности для воспитания и развития детей кроются в этой замечательной поре. Глубоко заблуждаются те, кто считает периодом оздоровления детей только лето. Если не использована для укрепления здоровья зима — с умеренными морозами, мягкими, обильными снегами, то и лето не принесет пользы. Я приучал малышей быть на морозе, дышать чистым морозным воздухом.

Утром мы шли в школьную теплицу встречать восход солнца, которое окрашивало в алый цвет причудливые узоры на замерзших стеклах в коридоре теплицы. На каждом стеклышке наше воображение рисовало удивительные миры: мы видели фантастических зверей, таинственные горные ущелья, облака, цветы. Здесь, у замерзших стекол, дети создали не одну сказку. Здесь они учились читать, о чем я расскажу позже.

Встретив солнце, ребята открывали дверь из коридора в теплицу и вступали в мир цветов. Зимой у нас в одной из теплиц цветут хризантемы. У каждого ребенка здесь был свой цветок — свой друг. Дети поливали цветы. Это были радостные минуты: в маленьких капельках загоралась радуга, дети с восхищением смотрели на нее, мечтали о лете... Здесь родилась сказка о солнечном мосте — золотой радуге.

После каждой метели, когда обновлялось белое покрытие земли, мы шли смотреть на снежные сугробы в школьном саду. Удивительный это мир — снежные сугробы; такой же таинственный и неожиданный, как и облака. В причудливых сугробах дети находили и сказочные терема на вершинах неприступных гор, и застывшие морские волны, и белого лебедя, и серого волка, и хитрую лису. Однажды природа как будто специально для нас создала сказочный корабль — с парусами и капитанским мостиком, с якорем и пиратами, всматривающимися вдаль. Несколько дней подряд, пока ветер и солнце не разрушили корабль, мы ходили смотреть на него. А вечером дети собирались в школе, чтобы послушать мой рассказ о пиратах и добрых людях — освободителях слабых и несправедливо обиженных, о борьбе добра и зла, о победе правды над несправедливостью.

В сильный холод мы не ходили на прогулки. Если мороз был небольшой, дети находились на воздухе. А когда наступила оттепель, у нас начался настоящий праздник. Пионеры помогли нам построить снежный городок. Из снежных плит сложили убежище, получилось что-то похожее на пещеру. И здесь отдыху и труду тоже сопутствовала сказка и игра. Мы играли в полярников. Я рассказывал детям сказки о великом ледяном безмолвии. В них переплеталась фантастика с подлинными, героическими подвигами человека. С грустью расставались малыши со своим убежищем, растаявшим под лучами солнца.

Дважды зимой мы ездили в лес, один раз автомашинной и один раз на лошадях. Легкий морозец обжигал щеки, но никто не жаловался на холод. Дни, проведенные в зимнем лесу, навсегда остались в памяти детей. Мы слушали музыку зимнего леса, наблюдали за жизнью птиц. В лесном овраге нашли незамерзающий источник. Грелись у костра, варили кашу. Любовались красотой вечерней зари, на наших глазах менялась окраска ветвей, покрытых снегом, они были то бледно-розовые, то оранжевые, то багровые, то фиолетово-голубые. Сказка о Солнышке обогатилась новыми образами, захватившими детей своей фантастической необычностью и красотой. Здесь мы составили стихотворение, в котором дети передали свое впечатление о зимнем лесу. Катя, любуясь красотой сосны, одетой в снежный наряд, сказала:

— Сосна спит.

Зина нарисовала более яркий образ:

— Сосна уснула до лета...

— Сосна уснула до весны,— сказал Сережа, и все почувствовали напевность этих слов. Детям хотелось продолжить мысль товарища.

— Ей снятся, снятся, снятся сны,— произносит кто-то из ребят.

Сосна уснула до весны,
ей снятся, снятся, снятся сны,—

пели мальчики и девочки, переживая чувство гордости от того, что сами сложили песню. Этот зимний вечер открыл передо мной целый мир духовных богатств ребенка. Я окончательно утвердился в убеждении: учить думать, развивать умственные силы и способности детей надо непосредственно у источника мысли и слова.

Кто из малышей не любит лепить снежную бабу, кататься на салазках! При умеренном морозе в тихую погоду, особенно когда ярко светило солнце, мы проводили целые дни на воздухе. На окраине села устроили ледяную горку. Деревянные и металлические сани нас не удовлетворяли — недостаточно быстро они скользили, и мы сделали десятка два ледяных салазок: брали солому, смешивали с навозом, обливали водой, придавая этим сооружениям форму гнездышка. Салазки были совершенно безопасны.

Мне вспомнилось собственное детство... Мы нашли колесо от телеги, вставили ось в прорубь на пруду, лед сковал ось, и колесо превратилось в ледяную карусель. Дети, держась за палки, привязанные к колесу, скользили по зеркальной поверхности пруда. В этих играх и забавах проходили целые дни. Слабенькие дети — Саня, Володя, Катя, Костя — стали румяными, краснощекими.

Своеобразная красота зимней природы особенно ярко раскрывалась перед ребятами в тихие безоблачные морозные вечера. Мы стояли где-нибудь в саду, смотрели на алую зарю, ожидали первых звездочек. Озаренные вечерним светом, снега казались розовыми, потом — светло-фиолетовыми. В эти минуты чувства, охватившие детей, выражались в слове и музыкальной мелодии. Припоминались мелодии народных песен, созвучных неповторимой красоте. Очарованные, мы шли в школу, разжигали огонь в печке и пели песни.

В тихое зимнее утро дети любовались зарей. Они стояли молча, созерцая красоту. Им хотелось найти слова, чтоб выразить свое восхищение. Я помогал в поисках слова. Каждая находка пробуждала не только радость, но и была новым зарядом мыслительной энергии.

ПЕРВЫЙ ПРАЗДНИК ЖАВОРОНКА

Зимой у клеток птичьей и звериной «лечебниц» мы мечтали о теплом весеннем дне, когда наши маленькие друзья полетят в голубое небо, попрыгают в рощу. И вот настал долгожданный праздник. Через день после того, как в небе появился первый жаворонок, мы вынесли клетки с птицами и зверюшками на вершину кургана. Степь звенела птичьими голосами. Ребята открыли клетки — и жаворонок, дятел, иволга, заяц оказались на воле. Вот наш

жаворонок уже поет в небе; вот он уже устремился к земле... Мы стоим, очарованные красотой, и переживаем радость от того, что сохранили жизнь живым существам.

В эти мгновенья в моем представлении рисовалось будущее: каждый год мы приходим на вершину кургана, чтобы отметить праздник жаворонка.

Праздник жаворонка стал как бы рубежом, отделяющим весну от лета. Дети считали для себя честью спасти жизнь птенца. У каждого ребенка появился свой «уголок жизни и красоты». Образ жаворонка, неповторимая мелодия, звенящая над залитыми солнцем полями,— все это навсегда вошло в духовный мир детей. Ребята с нетерпением ожидали праздник еще и потому, что с этим днем связывались волнения художественного творчества: вместе с матерями они делали из белого пшеничного теста маленьких жаворонков, ласточек, скворцов, снегирей, сорок, соловьев, синичек и приносили свои изделия в школу. Дети воплощали в свои маленькие создания чувство любви к природе, каждый ребенок по-своему выражал свое представление о красоте.

Осенью ребята с грустью прощались с перелетными птицами. Это грусть, облагораживающая человеческое сердце. Без нее нет доброты.

КАК МЫ УЧИЛИСЬ ЧИТАТЬ И ПИСАТЬ

Расскажу о том, как малыши учились читать и писать. Все то, о чем будет идти речь, не рассматривайте, дорогой читатель, как новый метод обучения грамоте. Я не задумывался над научным обоснованием нашего творчества,— а это именно творчество детей, воспитательная работа, помогающая обучению,— и далек от мысли, что оно может в какой-то мере заменить методы обучения грамоте, проверенные десятилетиями. Это творчество, родившееся среди полей и лугов, в тени дубрав и под горячим степным ветром, на заре летнего дня и в зимние сумерки.

Я уже не один год думал: каким трудным, утомительным, неинтересным делом для ребенка становится в первые дни его школьной жизни чтение и письмо, как много неудач постигает детей на тернистом пути к знаниям — и все оттого, что учение превращается в чисто книжное дело. Я видел, как на уроке ребенок напрягает усилия, чтобы

различить буквы, как эти буквы прыгают у него перед глазами, сливаются в узор, в котором невозможно разобратся. И в то же время я видел, как легко запоминают дети буквы, слагают из них слова, когда это занятие озабочено каким-то интересом, связано с игрой, и что особенно важно, когда от ребенка никто не требует: обязательно запомни, не будешь знать, — плохо тебе будет.

С первых дней школьной жизни на тернистом пути учения перед ребенком появляется идол — отметка. Для одного ребенка он добрый, снисходительный, для другого — жестокий, безжалостный, неумолимый. Почему это так, почему он одному покровительствует, а другого тиранит — детям непонятно. Ведь не может 7-летний ребенок понять зависимость оценки от своего труда, от личных усилий — для него это пока еще непостижимо. Он старается удовлетворить или — на худой конец — обмануть идола и постепенно привыкает учиться не для личной радости, а для отметки. Я далек от намерения вообще изгнать отметку из школьной жизни. Нет, без отметки не обойтись. Но она должна прийти к ребенку тогда, когда он уже будет понимать зависимость качества своего умственного труда от личных усилий, затраченных на учение.

И самое главное, что, на мой взгляд, требуется от отметки в начальной школе, — это ее оптимистическое, жизнеутверждающее начало. Отметка должна вознаграждать трудолюбие, а не карать за лень и нерадивость. Если учитель усматривает в двойке и единице кнут, которым можно подстегивать ленивую лошадь, а в четверке и пятерке пряник, то вскоре дети возненавидят и кнут и пряник. Двойка и единица — это очень острый и тонкий инструмент, который у мудрого, опытного учителя начальных классов всегда лежит в запасе, и он им никогда не пользуется. Если хотите знать, в начальной школе этот инструмент для того и должен существовать, чтобы им никогда не пользоваться. Педагогическая мудрость воспитателя в том и заключается, чтобы ребенок никогда не потерял веры в свои силы, никогда не чувствовал, что у него ничего не получается. Каждая работа должна быть для ученика хотя бы маленьким продвижением вперед. Семилетний малыш, только что переступивший порог школы, еле научившийся различать *а* и *б*, вдруг получает двойку. Он не понимает, в чем дело, и вначале даже не испытывает ни горечи, ни тревоги. Он просто ошеломлен. «В изумлении останавли-

вается подчас разумный ребенок перед агрессией язвительной седовласой глупости», — писал Януш Корчак. «Уважайте детское незнание»⁷ — эти слова польского педагога запомнились мне на всю жизнь. Лишь тогда, когда учитель овладеет самой высокой мудростью человековедения — умением уважать детское незнание, двойка будет самым острым, самым тонким, но никогда не применяющимся в начальной школе инструментом.

За несколько лет до рождения «Школы радости» произошло такое событие. Мы пошли с маленькими детьми — 6-летними дошкольниками — в рощу, расположились на опушке, и я стал рассказывать о бабочках и жуках. Наше внимание привлек большой рогатый жук, ползавший по траве. Несколько раз он пытался подняться в воздух, и все не мог оторваться от травы. Малыши изучили насекомое во всех его деталях. Передо мною лежал альбом, и я нарисовал жука. Кто-то из детей попросил подписать. Я подписал большими печатными буквами — **ЖУК**. Любопытные малыши начали повторять это слово и рассматривать буквы, которые были для них рисунками. Кто-то повторил эти буквы-рисунки на песке, кто-то сплел слово из стебельков травы. Каждая буква что-то напоминала ребятам: например, в букве *ж* они увидели нашего жука-неудачника в то время, когда он, расправив крылышки, пытался взлететь... Через несколько месяцев я пошел на урок к тем же ребятам — они уже учились в школе. Учительница жаловалась: трудно с чтением. Надо же было случиться такому совпадению: как раз на этом уроке изучали букву *ж*. Лица детей расцвели в улыбке, в классе послышалось жужжанье: малыши повторяли слово *жук*, выделяя *ж*. Потянулись вверх руки, учительница с недоумением слышала, что все дети могут написать слово *жук*. Каким радостным, веселым был этот урок... Это был для меня один из уроков, которые жизнь преподала педагогике.

И вот теперь в «Школе радости» я вспомнил об этом. Дети должны жить в мире красоты, игры, сказки, музыки, рисунка, фантазии, творчества. Этот мир должен окружать ребенка и тогда, когда мы хотим научить его читать и писать. Да, от того, как будет чувствовать себя ребенок, поднимаясь на первую ступеньку лестницы познания, что он будет переживать, зависит весь его дальнейший путь к знаниям. Просто страшно подумать, что эта ступенька становится для многих малышей камнем преткновения.

Присмотритесь к жизни школ, и вы увидите, что именно в период обучения грамоте многие дети теряют веру в свои силы. Давайте же подниматься, дорогие коллеги, на эту ступеньку так, чтобы дети не чувствовали усталости, чтобы каждый шаг к знаниям был гордым взлетом птицы, а не усталой ходьбой обессиленного путника, изнемогающего под непосильной ношей за спиной.

Я стал проводить с детьми «путешествия» к истокам слова: открывал ребятам глаза на красоту мира и в то же время стремился донести до детского сердца музыку слова. Я добивался того, чтобы слово было для ребенка не просто обозначением вещи, предмета, явления, но несло в себе эмоциональную окраску — свой аромат, тончайшие оттенки. Важно было, чтобы дети вслушивались в слово, как в чудесную мелодию, чтобы красота слова и красота той частицы мира, которую это слово отражает, пробуждала интерес к тем рисункам, которые передают музыку звуков человеческой речи — к буквам. Пока ребенок не почувствовал аромата слова, не увидел его тончайших оттенков — нельзя вообще начинать обучение грамоте, и если учитель делает это, то он обрекает дитя на тяжелый труд (ребенок в конце концов преодолеет эту тяжесть, но какой ценой!).

Процесс обучения письму и чтению будет легким при условии, если грамота станет для детей ярким, захватывающим куском жизни, наполненным живыми образами, звуками, мелодиями. То, что ребенок обязан запомнить, прежде всего должно быть интересным. Обучение грамоте надо тесно связывать с рисованием.

В «путешествия» к истокам слова мы шли с альбомами и карандашами. Вот одно из наших первых «путешествий». Я поставил целью показать детям красоту и тончайшие оттенки слова *луг*. Мы расположились под склонившейся над прудом вербой. Вдали зеленел освещенный солнцем луг. Говорю детям: «Посмотрите, какая красота перед нами. Над травой летают бабочки, жужжат пчелы. Вдали — стадо коров, похожих на игрушки. Кажется, что луг — это светло-зеленая река, а деревья — темно-зеленые берега. Стадо купается в реке. Смотрите, сколько красивых цветов рассыпала ранняя осень. Прислушаемся к музыке луга: слышите тонкое жужжанье мушек, песню кузнечика?»

Я рисую луг в своем альбоме; рисую коров и гусей, рассыпавшихся, как белые пушинки, и еле заметный дымок, и белое облачко над горизонтом. Дети очарованы красотой тихого утра и тоже рисуют. Я подписываю рисунок: «Луг». Для большинства малышей буквы — это рисунки. И каждый рисунок что-то напоминает. Что же? Стебелек травы. Перегнул стебелек — и получился рисунок Л. Сложил 2 стебелька — вот и новый рисунок — У. Дети подписывают рисунки словом *луг*. Потом мы читаем это слово. Чуткость к музыке природы помогает детям почувствовать звучание слова. Запоминается начертание каждой буквы, дети вкладывают в каждый рисунок живое звучание, и буква легко запоминается. Рисунок слова воспринимается как что-то целое, слово читается — это чтение является не результатом длительных упражнений по звуковому анализу и синтезу, а сознательным воспроизведением звукового, музыкального образа, соответствующего зрительному образу, только что нарисованному детьми. При таком единстве зрительного и звукового восприятия, проникнутого богатством эмоциональных оттенков, вложенных и в зрительный образ и в музыкальное звучание слова — одновременно запоминаются и буква и маленькое слово. Дорогой читатель, это не открытие какого-то нового метода обучения грамоте. Это практическое осуществление того, что доказано наукой: легче запоминается то, что не обязательно запомнить; эмоциональная окраска воспринимаемых образов играет исключительно большую роль в запоминании.

Единство зрительного образа, звучания и эмоциональной окраски слова ни в коей мере не игнорирует самостоятельного, отдельного звукового анализа. Наоборот, вслушиваясь в звучание слова *луг*, дети выделяют в нем каждый звук, понимают, что слово состоит из отдельных звуков и каждому звуку соответствует буква.

Через несколько дней — новое «путешествие». Мы приходим утром в школьный сад, встречаем солнце. Трава на лужайке, листья на деревьях, гроздья винограда, желтые груши и сизые сливы — все усыпано капельками росы. В каждой капельке горит солнечная искорка. Искорки исчезают в одном месте и появляются в другом. Как будто одни капельки солнце выпивает, а другие рассыпает. Но это так кажется. Искорка появляется в капельке росы тогда, когда солнце освещает ее. Но куда же девается

роса? Одни капельки испаряются, другие медленно скатываются по стебелькам травы вниз, их выпивает земля. Если бы не было росы, трава и цветы засохли бы. Потом мы посмотрим на сверкающие капельки росы на цветках астр, настурций, канн, роз. Я рисую стебелек травы, цветок настурции, солище и капельки росы с горящими искорками. Дети тоже рисуют. Под картинками ставим подпись: «Роса». Эти буквы напоминают детям солнце, капельки росы. Читаем буквы-рисунки. Каждый ребенок по-своему рисует буквы, передавая в нарисованном свои представления об окружающем мире. Вот Сережа говорит товарищам:

— Это капелька росы висит на стебельке травы,— так он представляет букву *Р*.— Скоро она скатится на землю. Эта капелька ждет-не-дождется солнца,— такой видит мальчик букву *О*.— А в этой капельке уже горит солнечная искорка.— Сережа еще раз обводит карандашом контуры буквы *С*.

Предлагаю каждому ребенку нарисовать стебелек травы с капельками росы в большом альбоме. Дети подписывают свои рисунки словом *роса*. Это легко сказать: дети нарисовали и подписали. Для них и рисунок и подпись — это целый мир образов, звуков, красок, чувств. Каждая буква в сознании ребенка связывается с наглядными образами, поэтому легко запоминается и все слово, и каждая буква.

В течение нескольких дней мы снова и снова любимся капельками росы, снова и снова рисуем и подписываем. И каждый новый рисунок — это не очередное упражнение, а творчество. Со словом *роса* наше творчество связано на протяжении двух-трех недель. Каждый ребенок несколько раз рисует тот стебелек или ту веточку, которая ему нравится, вслушивается в звучание слова, выделяет в нем отдельные звуки, обозначает их буквами. Сходство букв с предметами окружающего мира — это по существу фантазия, сказка, творчество детей.

Я пишу на обложке альбома заглавие: «Наше родное слово». Этот альбом мы будем хранить много лет,— говорю детям,— пока вы не закончите школу и не станете взрослыми людьми. У каждого из вас будет свой альбом с рисунками и словами, а это наш общий альбом».

Шли дни и недели, мы совершали все новые и новые «путешествия» к истокам живого слова. Особенно инте-

ресным было знакомство со словами *село, бор, дуб, ива, лес, дым, лед, гора, колос, небо, сено, роща, липа, ясень, яблоня, облако, курган, желуди, листопад*. Весной мы посвящали «путешествия» словам *цветы, сирень, ландыш, акация, виноград, пруд, река, озеро, опушка, туман, дождь, гроза, заря, голуби, тополь, вишня*. В альбом «Наше родное слово» каждый раз рисовал свою картинку тот ребенок, у которого слово пробуждало самые яркие представления, чувства, воспоминания. Никто не оставался равнодушным к красоте родной речи; уже к весне 1952 г., то есть месяцев через 8 после начала нашей работы, дети знали все буквы, писали слова и читали.

Здесь надо предостеречь от попыток механического заимствования опыта. Обучение чтению и письму по этому методу — творчество, а всякое творчество не терпит шаблона. Заимствовать что-то новое можно только творчески.

Очень важно то, что перед детьми не ставилась обязательная задача выучить буквы, научиться читать. На первую ступеньку познания ребята поднимались в процессе игры; их умственная жизнь одухотворялась красотой, сказкой, музыкой, фантазией, творчеством, игрой воображения. Дети глубоко запоминали то, что взволновало их чувства, очаровало красотой. Меня поражало горячее желание многих ребят не только словами выразить свои переживания, но и написать слова.

Однажды мы спрятались в лесной сторожке от дождя. Гремел гром, вспыхивали стрелы молний. На землю посыпались маленькие бусинки града. Они и после дождя некоторое время лежали на зеленой траве. Выглянуло солнце из-за тучи, и маленькие градинки стали зелеными. Дети вскрикивали от восхищения: как это красиво! На другой день малышам захотелось нарисовать то, что они видели вчера. А Юра, Сережа, Шура, Галя даже подписали свои рисунки. Они уже хорошо читали, и я увидел их первые сочинения. Вот они: «Туча рассыпала на траве град», «Белые градинки в зеленой траве», «Солнышко растопило белые градинки», «Гром высыпал белые градинки».

На этом примере я еще раз убедился: чем ближе дети к первоисточнику мысли и слова — к окружающему миру, — тем богаче и выразительнее будет их речь. Я верил, что скоро все мои малыши будут составлять сочинения-миниатюры. Моя уверенность оправдалась летом 1952 г. В одном из уголков школьной усадьбы был посеян мак.

И повел детей тогда, когда маковые стебельки вспыхнули сотнями разноцветных огоньков. Красота пробудила в детских сердцах волну радостных переживаний. Мы долго любовались цветками, слушали жужжание пчел. На следующий день пришли в этот уголок с альбомами и цветными карандашами. Дети рисовали, я рассказывал им сказку о маковом зернышке, о том, как радуга подарила ему красоту семи цветов. Многие дети захотели словами выразить свое восхищение и написали яркие, выразительные сочинения: «Цветет маковый коврик» (Таня), «Маковый коврик покрыл землю» (Нина), «Зацвели маки, радуется солнышко» (Зина), «Жужжат пчелы над маковым ковриком» (Галя), «Солнышко рассыпало по земле цветки: синие, розовые, красные, голубые» (Лариса), «Мохнатый шмель в голубых лепестках» (Сереза), «Колышутся цветы на тонких стебельках» (Шура), «Солнышко играет в маковых цветочках» (Коля), «Упали с неба голубые лепестки, зацвел коврик на земле» (Катя). Эти сочинения с рисунками дети перенесли из своих альбомов в альбом «Наше родное слово».

Живым ключом, яркими образами играло воображение детей во время наших «путешествий» к подсолнечникам, к цветущему полю гречихи. Чем больше волновала детей красота окружающего мира, тем глубже запоминались буквы, хотя эта цель никогда не выдвигалась на первое место. Я все больше убеждался, что образное видение мира и стремление передать чувство красоты словом — это душа и сердце детского мышления. Детское мышление — художественное, образное, эмоционально насыщенное мышление. Чтобы ребенок стал умным, сообразительным, надо в раннем детстве дать ему счастье художественного видения мира.

Какие неисчерпаемые ключи фантазии, творчества, живой мысли открываются в детском сознании, когда ребенок видит и чувствует прекрасное! Я никогда не забуду одного из наших «путешествий» к истокам живого слова. В летний день мы пошли на колхозную пасеку. Дед-пасечник угостил нас свежим медом, холодной ключевой водой. Дети сели под яблоней, любовались красотой цветущего поля гречихи. Пчелы, возвращаясь в ульи после полета в степь, кружились над маленьким ручейком с холодной ключевой водой и тихо жужжали. «Они рассказывают друг другу о цветах и рощах, о гречихе и подсолнечнике.

о ярких маковых головках и спящих цветочках клевера», — говорили дети.

Пройдет 5 лет, мои малыши станут учениками 4 класса, я предложу им написать сочинение-сказку «О чем жужжат пчелы», и незабываемые впечатления этого июньского дня выльются в яркие образы, в живой поток мыслей. Да, то, что полюбилось в раннем детстве, никогда не забывается. Пусть же в годы детства навсегда запечатлится в сознании ребят красота родного слова, окружающего мира. Пусть первый шаг на крутой и нелегкой лестнице знаний будет одухотворен красотой!

По мере того как дети овладевали грамотой, в их духовную жизнь все больше входила книга. Мы создали маленькую библиотечку книжек-картинок. К сожалению, в книжных магазинах не удалось найти ничего хорошего, и мне самому пришлось рисовать и писать книжки. Первой книжкой-картинкой, которую я нарисовал, была украинская народная сказка о Деде-Морозе, злой мачехе, доброй падчерице и ленивой дочери. Книжка получилась немаленькая — свыше 30 страниц, на каждой из которых картинка и несколько предложений (иногда одна фраза). К весне 1952 г. большинство детей умело бегло читать. Особенно хорошо читали Варя, Коля, Галя, Лариса, Сережа, Лида. Вот мы сидим на лужайке, кто-нибудь из детей открывает книжку-картинку и читает... Это не просто чтение слов и составление из них предложений. Это творчество. Читая сказку, ребенок как бы уходит в мир, изображенный на рисунках. Интонации его чтения передают тончайшие оттенки чувств и стремлений доброго Деда Мороза, злой мачехи, трудолюбивой и сердечной падчерицы, ленивой и бездушной дочери. Дети глубоко переживают то, о чем читают: ненавидят зло, радуются торжеству добра.

И вот что интересно: ребята десятки раз читали сказку, и тем не менее всегда слушали с большим интересом. Я вспоминал озабоченность педагогов: почему дети читают так монотонно, невыразительно? Почему в детском чтении редко можно услышать эмоциональную окраску? Потому что во многих случаях чтение отрывается от духовной жизни, от мыслей, чувств и представлений детей. Ребенка волнует одно, а читает он о другом. Чтение обогащает жизнь детей лишь при условии, когда слово затрагивает сокровенные уголки их сердец.

Мы стали создавать новые книжки-картинки. Картинки рисовали Юра, Сережа, Катя, Лида, Люба, Лариса. Не было ни одного ребенка, которому не хотелось бы рисовать. Трудности овладения грамотой преодолевались главным образом благодаря интересу к рисованию.

Летом 1952 г. дети начали читать небольшие печатные детские книжки: народные сказки в обработке Л. Толстого и коротенькие рассказы из «Родного слова» К. Ушинского, стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, Т. Шевченко, Леси Украинки, Ивана Франко. Как-то прочитав из «Родного слова» К. Ушинского стихотворение «Дети, в школу соберайтесь», малыши тут же запомнили его. Радуюсь этому, я с тревогой думал о неуклюжих стихотворениях, которыми изобилуют некоторые книги для чтения. Сухие, написанные канцелярским языком стихи скорее убивают поэтическое чувство, чем воспитывают любовь к слову.

Каждой своей удачей, каждой трудностью я делился с учителями. Подготовка дошкольников к обучению в 1 классе стала коллективной заботой педагогов начальных классов нашей школы. В творческом опыте учителей М. Н. Верховининой, Е. М. Жаленко, Р. К. Зазы, А. А. Нестеренко, В. С. Осьмак, В. П. Новицкой с каждым годом все больше совершенствуются, углубляются методы воспитания, точнее внеклассной и внешкольной воспитательной работы, способствующие единству умственного развития детей и приобретению ими элементарных практических умений, необходимых для того, чтобы успешно учиться. Среди этих умений на первом месте стоит чтение.

Уже в течение нескольких лет учителя, приступающие к воспитанию дошкольников, достигают того, что их питомцы к началу обучения в классе умеют читать. Это в значительной мере облегчает весь процесс обучения не только в начальных, но и в средних и старших классах. Наш многолетний коллективный опыт позволяет сделать очень важный вывод, касающийся роли беглого, выразительного, сознательного чтения в интеллектуальном развитии ребенка, в творческом умственном труде в процессе учения. Этот вывод заключается в следующем: чем раньше ребенок начал читать, чем органичнее связано чтение со всей его духовной жизнью, тем сложнее мыслительные процессы, протекающие во время чтения, тем больше дает чтение для умственного развития. У ребенка, научивше-

гося читать до 7 лет, вырабатывается очень ценное умение: его зрительное и мыслительное восприятие слова и части предложения опережает произношение вслух. Читая, ребенок не прикован к слову, он имеет возможность на какую-то долю секунды оторвать свой взгляд от книги и в это время думает, осмысливает, что будет сказано вслух. Таким образом, ребенок одновременно читает и думает, осмысливает, соображает.

Наш коллективный опыт, особенно опыт учителей Е. М. Жаленко и М. Н. Верховининой, убеждает в том, что именно такое беглое чтение является одним из важнейших условий сознательного учения.

ты живешь среди людей, мой сын

В глухом уголке школьной усадьбы пионеры посадили хризантемы. К осени здесь расцвели белые, синие, розовые цветы. В ясный теплый день я повел сюда своих малышей. Дети были в восторге от обилия цветов. Но горький опыт убедил меня в том, что детское восхищение красотой часто бывает эгоистичным. Ребенок может сорвать цветок, не видя в этом ничего предосудительного. Так получилось и на этот раз. Вот я вижу в руках у ребят один, другой, третий цветок. Когда осталось не больше половины цветов, Катя вскрикнула:

— А разве можно рвать хризантемы?

В ее словах не было ни удивления, ни возмущения. Девочка просто спрашивала. Я ничего не ответил. Пусть этот день станет уроком для детей. Ребята сорвали еще несколько цветков, красота уголка исчезла, лужайка выглядела осиротевшей. Порыв восхищения красотой, вспыхнувший в детских сердцах, угас. Малыши не знали, что делать с цветами.

— Ну как, дети, красивый этот уголок? — спросил я. — Красивы эти стебельки, с которых вы сорвали цветы?

Дети молчали. Потом сразу заговорило несколько человек:

— Нет, некрасивые...

— А где теперь мы будем любоваться цветами?

— Эти цветы посадили пионеры, — говорю детям. — Они придут сюда любоваться красотой — и что же увидят? Не забывайте, что вы живете среди людей. Каждому хочется любоваться красотой. У нас в школе много

цветов. Но что получится, если каждый ученик сорвет по одному цветку? Ничего не останется. Людям нечем будет любоваться. Надо создавать красоту, а не ломать, не разрушать ее. Придет осень, наступят холодные дни. Мы пересадим эти хризантемы в теплицу. Будем любоваться красотой. Чтобы сорвать один цветок, надо вырастить десять.

Через несколько дней мы пошли на другую лужайку — здесь росло еще больше хризантем. Дети уже не срывали цветов. Они любовались красотой.

Детское сердце чутко к призыву творить красоту и радость для людей — важно только, чтобы за призывами следовал труд. Если ребенок чувствует, что рядом с ним — люди, что своими поступками он приносит им радость, он с малых лет учится соразмерять собственные желания с интересами людей. А это чрезвычайно важно для воспитания доброты и человечности. Тот, кто не знает границ своим желаниям, никогда не станет хорошим гражданином. Эгоисты, шкурники, люди, равнодушные к горю и невзгодам других, как раз и вырастают из тех, кто в детстве знает лишь свои желания и не обращает внимания на интересы коллектива. Умение управлять желаниями — в этой, казалось бы, самой простой, а на самом деле очень сложной человеческой привычке — источник человечности, чуткости, сердечности, внутренней самодисциплины, без которой нет совести, нет настоящего человека.

И здесь опять надо подчеркнуть значение младшего возраста в воспитании человечности. Нравственные убеждения, взгляды, привычки — все это тесно связано с чувствами. Чувства — это, образно говоря, живительная почва для высоконравственных поступков. Там, где нет чуткости, тонкости восприятия окружающего мира, вырастают бездушные, бессердечные люди. Чуткость, впечатлительность души формируются в детстве. Если упущены детские годы — упущенного никогда не наверстаешь.

Ввести ребенка в сложный мир человеческих отношений — одна из важнейших задач воспитания. Дети не могут жить без радостей. Наше общество делает все для того, чтобы детство было счастливым. Но радости не должны быть беззаботными. Когда малыш, срывая плоды радости с дерева, заботливо выращенного старшими, не думает о том, что останется людям, он теряет важнейшую человеческую черту — совесть. Прежде чем ребенок осо-

знает, что он — будущий гражданин социалистического общества, он должен научиться платить добром за добро, создавать своими руками счастье и радость для людей.

Не один год до того, как была создана «Школа радости», меня тревожило то, что многие родители, ослепленные инстинктивной любовью к своим детям, видят в ребенке только красивое, не замечая отрицательных черт. Помню такое: 4-летний мальчик, вместо того, чтобы пойти в уборную, исправил свою нужду во дворе, на виду у матери и ее соседки. Мать не возмутилась, а умилилась: «Вот видите, какой у нас сынок — ничего не боится». В капризном взгляде, в надутых губах, в презрительной усмешке 4-летнего балбеса уже угадывалось мерзкое существо, из которого может получиться подлец, если его не одернуть, не заставить взглянуть на самого себя глазами других людей.

Не один раз мне приходилось беседовать с матерью Володи. Как только она начинала что-нибудь говорить, сын теребил ее платье, хватал за руку — у него всегда было что-то неотложное. Навязчивость, развязность — это детская разновидность индивидуализма, источником которого являются всепрощение, сюсюканье и безнаказанность. Кое-кто из родителей (к сожалению, и отдельные педагоги) считает, что в разговоре с детьми надо всегда придерживаться какого-то детского тона; в этом тоне чуткое ухо ребенка улавливает сюсюканье. На детский лепет взрослого человека неискушенное детское сердце откликается капризами. Я всегда остерегался опасности сбиться на этот тон и, ни на мгновение не забывая, что передо мной дети, видел в маленьком человеке будущего взрослого гражданина. Мне казалось исключительно важным такое обращение тогда, когда речь шла о труде для людей. Самое плохое, что нередко сопровождает труд детей, это мысль, что они делают большое одолжение взрослым и поэтому заслуживают большой похвалы, даже награды.

...Осенью мы выкопали хризантемы и перенесли их в теплицу. Для сельских детей это посильный труд. Ребята каждый день поливали пересаженные кусты и с нетерпением ожидали, когда появятся первые цветы. Теплица превратилась в чудесный уголок. «А теперь давайте приглашать сюда гостей, — посоветовал я детям. — Кого мы пригласим?» У многих были младшие братишки

и сестренки. Малыши приводили их в теплицу, руки мальчиков и девочек тянулись к хризантемам, но мои воспитанники не разрешали срывать цветов.

«Если мы сумеем вырастить много цветов, то на праздник 8 Марта подарим всем вашим мамам по хризантеме», — сказал я ребятам. Эта цель воодушевила детей, и к началу марта у нас было достаточно цветов. На праздник пригласили мам, показали им оранжерею и вручили по красивому цветку. В школу пришла мачеха Гали, и девочка преподнесла ей хризантему. Много раз я говорил с Галей о ее отношении к мачехе, убеждал, что она — добрый человек, и мои слова дошли до сердца ребенка. Я радовался, что на праздник пришли мамы Коли и Толи, бабушка Сашка и неродная мать Кости.

Многого маленькому ребенку еще невозможно растолковать. Прекрасные слова о благородстве не всегда доходят до его сознания. Но почувствовать сердцем красоту человечности способны даже малыши. И с первых дней жизни «Школы радости» я стремился к тому, чтобы каждый воспитанник переживал радость, горе, печаль и невзгоды другого человека. Осенью и весной мы часто ходили в гости к колхозному пасечнику дедушке Андрею. У старика не было семьи, одиночество — его большое горе. Дети почувствовали, что дедушка Андрей радуется каждому нашему посещению. Перед тем, как идти на пасеку, я советовал ребятам: понесем дедушке яблоки, виноград, сливы — он обрадуется; соберем полевые цветы — это будет для него радость. Сердца малышей становились все более чуткими к настроению, переживаниям, чувствам человека. Дети сами стали искать, какую радость можно принести старику. Однажды мы варили кашу в лесу. Сколько радостных переживаний приносит детям мгновение, когда запылает костер... И вот как раз в эту минуту радости Варя задумчиво сказала:

— А дедушка Андрей сейчас один.

Дети призадумались. Может быть, кому-нибудь из взрослых эта картина покажется сентиментальной, может быть, кто-то подумает: разве способны 7-летние дети на такой духовный порыв? Да, дорогие товарищи педагоги, если вы именно в этом возрасте будете оттачивать душевную чуткость ребенка, если донесете до его сердца великую истину: ты живешь среди людей, — ребенку захочется поделиться своими радостями с другими людьми,

ему будет мучительно больно от мысли, что он веселится, а его друг одинок.

Дети решили поделиться радостью с дедушкой Андреем. «Понесем ему каши с салом...» — сказал Костя. Эти слова были встречены с восторгом. Малыши принесли столько каши, что вряд ли ее мог бы съесть самый голодный человек. На пасеке мы обедали еще раз — вместе с дедушкой.

Чуткость к радостям и горестям воспитывается только в детстве. В этом возрасте сердце особенно чувствительно к человеческим страданиям, беде, тоске, одиночеству. Ребенок как бы перевоплощается, представляя себя на месте другого человека. Помню, как однажды, возвращаясь из лесу, мы проходили мимо одинокой, открытой всем ветрам хаты. Я рассказал детям о том, что тут живет инвалид Великой Отечественной войны; он болен, не может посадить яблони, винограда. В детских глазах появились слезы. Каждый ребенок переживал одиночество больного человека. Мы посадили 2 яблони и 2 куста винограда — это был наш подарок человеку. А приобрели самое бесценное — радость создания счастья для другого человека.

Воспитание чуткости, отзывчивости к горю и страданиям других людей — важная задача советской школы. Человек может стать другом, товарищем и братом другого человека лишь при условии, когда горе другого становится его личным горем. *Чтобы ребенок чувствовал сердцем другого человека* — так можно сформулировать важную воспитательную задачу, которую я поставил перед собой.

Если ребенку безразлично, что в сердце его товарища, друга, матери, отца, любого соотечественника, с которым он встретился, если ребенок не умеет видеть в глазах другого человека, что у него на сердце, — он никогда не станет настоящим человеком. Я стремился так отточить у своих воспитанников чуткость сердца, чтобы они видели чувства, переживания, радости и горести в глазах людей, с которыми соприкасаются не только повседневно, но и «случайно».

Мы с детьми возвращались из лесу. Видим, у дороги сидит на траве дедушка. Он чем-то расстроен. «Что-то случилось у человека, — говорю я детям. — Может быть, он заболел в дороге? Может быть, что-то потерял?»

Подходим к старику, спрашиваем: «Чем вам помочь, дедушка?» Старик тяжело вздыхает. «Спасибо, дети, — говорит он, — как бы вы ни хотели мне помочь — не сможете. Горе у меня большое. Старуха умирает в больнице. Вот еду к ней, ожидаю автобуса. Помочь вы не поможете, а все же легче: есть на свете хорошие люди». Дети притихли, умолкло беззаботное щебетанье. Домой они расходились под впечатлением печальных слов старика. Собирались еще поиграть немного, но как-то само собой получилось, что забыли об игре, разошлись по домам.

Учить чувствовать — это самое трудное, что есть в воспитании. Школа сердечности, чуткости, отзывчивости, участливости — это дружба, товарищество, братство. Ребенок чувствует тончайшие переживания другого человека тогда, когда он делает что-нибудь для счастья, радости, душевного спокойствия людей. Любовь маленького ребенка к матери, отцу, бабушке, дедушке, если она не одухотворена творением добра, превращается в эгоистическое чувство: ребенок любит маму постольку, поскольку мама является источником его радостей, нужна ему для радостей. А надо воспитать в детском сердце подлинно человеческую любовь — тревогу, волнения, заботы, переживания за судьбу другого человека. Подлинная любовь рождается только в сердце, пережившем заботы о судьбе другого человека. Как важно, чтобы у детей был друг, о котором надо заботиться. Таким другом моих воспитанников стал пасечник дедушка Андрей. Я убеждался, что чем больше ребенок заботится о другом человеке, тем более чутким становится его сердце к товарищам, к родителям. Я рассказал малышам о трудной жизни дедушки Андрея: два его сына погибли на фронте, жена умерла. Он чувствует себя одиноким.

— Будем, дети, почаще ходить к дедушке. Каждый раз надо чем-нибудь порадовать его.

Когда мы собираемся в гости, каждый думает: чем порадовать дедушку? Ребята преподнесли ему альбом, в котором каждый из нас нарисовал картинку. На берегу реки собрали много разноцветных камней — и подарили их дедушке Андрею. Дедушка сделал из дерева шкатулку, уложил туда камушки и подарил нам... Мальчики сплели из соломы шляпу для своего друга. Дедушка вырезал нам из дерева несколько фигурок животных — зайчика, лису, овцу...

Чем больше душевной заботы отдавали дети своему другу, тем больше невзгод, печалей, тревог замечали вокруг себя. Они обратили внимание на то, что Нина и Саша иногда приходят в школу грустные, в глазах у них — печаль, задумчивость. Ребята расспрашивали сестер: как чувствует себя мать? Матери плохо, поэтому девочки печальны... Доброе чувство утверждается в сердце тогда, когда ребенок что-то делает, чтобы облегчить горе товарища. Мы несколько раз ходили в семью Нины и Саши, уничтожали сорняки в саду, помогали убирать картофель в огороде. Каждый раз, когда ребята собирались в лес, всех тревожил вопрос: а смогут ли пойти с нами Нина и Саша? Ведь бывало, что они оставались дома — надо было помогать отцу. И мы шли в семью Нины и Саши накануне для нашей общей радости, помогали чем могли.

Жить в обществе — это значит уметь поступиться своими радостями во имя благополучия, покоя других людей. Наверное, каждому из нас приходилось встречаться с таким явлением: перед ребенком горе, несчастье, слезы, а он наслаждается своими радостями. А бывает и так, что мать пытается отвлечь внимание ребенка от всего мрачного, грустного, заботясь о том, чтобы сын не пролил ни одной капли из полной чаши радости. Это ничем не прикрытая школа эгоизма. Не уводите ребенка от мрачных сторон человеческой жизни. Пусть дети знают, что в нашей жизни есть не только радости, но и горе. Пусть горе других людей входит в сердце ребенка.

Нравственный облик личности зависит в копейном счете от того, из каких источников черпал человек свои радости в годы детства. Если радости были бездумными, потребительскими, если ребенок не узнал, что такое горе, обиды, страдания, он вырастет эгоистом, будет глухим к людям. Очень важно, чтобы наши воспитанники узнали высшую радость — радость волнующих переживаний, вызванных заботой о человеке.

НАШ КОЛЛЕКТИВ — ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

С первых дней жизни «Школы радости» я стремился внести в коллектив дух семейной сердечности, задушевности, отзывчивости, взаимного доверия, помощи. В сентябре — день рождения троих ребят: Вити, Вали, Коли. Мы всем коллективом отмечали его: в школьной столовой

пекли пирог, дарили именинникам рисунки, книги. Я с удивлением узнал, что в семье Коли никогда не отмечали дня рождения ни детей, ни родителей. Это был первый праздник в жизни мальчика. Внимание товарищей взволновало ребенка.

В годы детства каждый человек требует участия, ласки. Если ребенок вырастает в обстановке бессердечности, он становится равнодушным к добру и красоте. Школа не может в полной мере заменить семью и особенно мать, но если ребенок лишен дома ласки, сердечности, заботы, мы, воспитатели, должны быть особенно внимательны к нему.

У нашего маленького коллектива появились свои материальные ценности, тайны, заботы и огорчения. В шкафу хранились игрушки, карандаши, тетради. В Уголке мечты был «продовольственный склад» — мы хранили там картофель, крупу, масло, лук, — все это необходимо было для тех вечеров, когда за стеной осенний дождь. Все члены нашей семьи — маленькие дети, но среди них было несколько ребят особенно маленьких — Данько, Тина, Валя. В дороге, в лесу все считали своим долгом помогать малышам.

Если отдельные дети оставались дома по неизвестной причине, то вечером к ним шли товарищи, узнавали, не заболел ли кто. Это стало хорошей традицией. Чувство привязанности — основа важнейшей духовной потребности, без которой нельзя представить коммунистических взаимоотношений между людьми, — потребности в человеке. Я стремился к тому, чтобы источником радости, полноты чувств и переживаний для каждого ребенка было общение с товарищами, взаимный обмен духовными ценностями. Каждый должен вносить в коллектив что-то свое, творить счастье и радость для других людей.

В процессе работы я встретился со многими трудностями в воспитании детского коллектива, и чтобы преодолеть их, советовался, беседовал с опытными педагогами, учителями начальных классов, тонко чувствующими душу ребенка, биение пульса коллектива, с В. П. Новицкой, М. А. Лысак, Е. М. Жаленко, М. Н. Верховиной. Время от времени мы собирались по вечерам, когда в школьном здании и на усадьбе умолкали детские голоса, и делились мыслями о том, как каждый из нас представляет себе многогранность жизни детского коллектива. Все мы хорошо знаем, что познание человека начинается в

семье — начинается с того момента, когда, убаюкиваемый материнской песнью, ребенок впервые улыбается маме. Как важно, чтобы первые мысли о добром, сердечном, самом прекрасном, что есть в мире, — о любви человека к человеку — пробуждались на личном опыте, чтобы самыми дорогими для ребенка стали мать и отец. Но если этого подлинно человеческого в семье не хватает или вовсе нет — в какой мере может дать это коллектив? Как открыть перед чутким и впечатлительным детским сердцем доброту, красоту человеческой души?

В эти часы вечерних бесед, советов, раздумий у нас по крупице сложилась большая, на мой взгляд, педагогическая идея, ставшая убеждением нашего педагогического коллектива: детский коллектив лишь тогда становится воспитывающей силой, когда он возвышает каждого человека, утверждает в каждом чувство собственного достоинства, уважения к самому себе. Ведь подлинная материнская и отцовская любовь своей духовной сердцевинной имеют то, чтобы сын, дочь, почувствовав уважение к самому себе, переживали стремление быть хорошими людьми. У опытных педагогов я находил ценнейшие крупинки творчества, смысл которого сводился к тому, чтобы ребенок гордился сам собой, своими поступками, оберегал свою честь, достоинство.

Бережно собирая драгоценные россыпи педагогического опыта лучших воспитателей нашей школы, я стремился к тому, чтобы желание быть хорошим находило свое выражение в сердечных, душевных отношениях между детьми в коллективе. Душевность, сердечность коллективистских отношений стали предметом моей постоянной заботы. Многогранность жизни детского коллектива стала представляться мне не только как содружество единомышленников, объединяемых едиными целями, общим трудом, но и как взаимная чуткость друг к другу, душевная способность познавать и умом и душой чужие радости и горести. Как раз в этой сердечности, душевности коллективистских отношений и заключается благородство стремления быть хорошим: не на показ, не для того, чтобы тебя хвалили, а из органической потребности чувствовать свое благородство.

Все последующие годы моей воспитательной работы были по существу годами заботы о возвышении человеческого достоинства ребенка, подростка, юноши, девушки.

На этом строились и сейчас строятся коллективистские отношения. Задаче возвышения человека я всегда стремился подчинить жизнь детского коллектива как частицы общества. Этой же задаче подчинялось творчество детей, развитие их задатков, способностей, дарований.

МЫ ЖИВЕМ В САДУ ЗДОРОВЬЯ

Остался месяц до того дня, когда мои питомцы станут учениками. Приближался чудесный месяц лета — август. В жаркие июльские дни дети приходили в школу рано утром или перед вечером. Кое-кому далеко было идти домой обедать, и иногда человек 6—7 оставались обедать в школьной столовой. У меня зародилась мысль: пусть с месяц проживут малыши не дома, а где-нибудь в саду, на берегу пруда. Место облюбовали рядом с прудом; в зарослях деревьев пионеры помогли нам соорудить несколько шалашей — в таких шалашах целое лето живут сторожа колхозных баштанов. В шалашах наложили соломы, сделали столики для рисования. К нашим шалашам прилегал большой колхозный сад. Садовод разрешил: сад будет главным местом нашего отдыха. Рядом с шалашами построили кухню, колхоз дал нам продукты, назначил повара. Отец Сани соорудил купальню, рядом с ней стояла моторная лодка, при виде которой у мальчишек загорались глаза.

Началась жизнь нашего коллектива в Саду здоровья — так называли наше жилище и место отдыха родители детей. Целый месяц мы были на воздухе. Просыпались на заре — до восхода солнца. Купались в пруду, делали зарядку, завтракали и отправлялись куда-нибудь на прогулку — в лес, сад, поле. В этот месяц у нас были самые интересные «путешествия» к истокам слова. Наблюдали утреннюю зарю и восход солнышка с вершины степного кургана; видели, как сотни ласточек, готовясь к отлету в теплый край, собираются в стаи; как солнышко и утренний ветерок разгоняют белую пелену тумана, покрывшую реку. В поле, на лугу или в лесу дети завтракали второй раз: ели яблоки, груши, сливы, молодой вареный картофель со свежими огурцами, арбузы, дыни, вареные початки кукурузы, помидоры. Август — месяц фруктов и овощей; в эти дни каждый ребенок съедал не меньше двух килограммов яблок и груш. Каждый день дедушка Андрей приносил нам мед.

Утром и вечером дети пили свежее молоко. Повар готовил нам вкусный борщ со свежими овощами.

Загорелые, в трусиках и майках, босиком дети отправлялись каждый день в путешествие, катались на моторной лодке.

Сочетание здорового питания, солнца, воздуха, воды, сильного труда и отдыха — все это стало целебным и ничем не заменимым источником здоровья.

МЫСЛИ НАКАНУНЕ ПЕРВОГО УЧЕБНОГО ГОДА

Подходила к концу жизнь нашей «Школы радости». Скоро мои воспитанники станут учениками, — от этой мысли мне было и радостно и тревожно. Радостно оттого, что еще не один год буду вести своих малышей по тропинке жизни, труда и познания, что за год мои малыши окрепли, стали смуглыми, загорелыми.

Когда кончились дни нашего пребывания в «Школе радости», я мысленно сравнил, какими были Володя, Катя, Сапья, Толя, Варя, Костя год тому назад и какими стали сейчас. Были бледные, хилые, с синими жилками под глазами. А теперь все румяные, загоревшие; о таких детях говорят: кровь с молоком. Радостно было и оттого, что бездушного класса, без доски и мела, без бледных рисунков и разрезанных букв дети поднялись на первую ступеньку познания — научились читать и писать. Теперь им будет несравненно легче, чем тому, для кого эта ступенька начинается с прямоугольной рамки классной доски.

Я глубоко уважаю дидактику и ненавижу прожекторство. Но сама жизнь требует, чтобы овладение знаниями начиналось исподволь, чтобы учение — этот самый серьезный и самый кропотливый труд ребенка — было в то же время и радостным трудом, укрепляющим духовные и физические силы детей. Это особенно важно для малышей, которые еще не могут понять цели труда, сущности трудностей.

Тысячу раз сказано: учение — труд, и его нельзя превращать в игру. Но нельзя поставить китайскую стену между трудом и игрой. Присмотримся внимательно, какое место занимает игра в жизни ребенка, особенно в дошкольном возрасте. Для него игра — это самое серьезное дело. В игре раскрывается перед детьми мир, раскрываются творческие способности личности. Без игры нет и не может

быть полноценного умственного развития. Игра — это огромное светлое окно, через которое в духовный мир ребенка вливается живительный поток представлений, понятий об окружающем мире. Игра — это искра, зажигающая огонек пытливости и любознательности. Так что же страшного в том, что ребенок учится писать играя, что на каком-то этапе интеллектуального развития игра сочетается с трудом, и учитель не так уж часто говорит детям: «Ну, поиграли, а теперь будем трудиться!»

Игра — широкое и многогранное понятие. Дети играют не только тогда, когда бегают, соревнуются в скорости и резвости. Игра может заключаться и в большом напряжении творческих способностей, воображения. Без игры умственных сил, без творческого воображения невозможно представить полноценного обучения, особенно в дошкольные годы. Игра в широком смысле понятия начинается там, где есть красота. Но так как труд маленького ребенка немал, без эстетического начала, то, следовательно, трудовая деятельность в младшем возрасте тесно связана с игрой. Торжественный день начала уборки урожая на школьном участке — дети приходят празднично одетые; первые срезанные колосья стоят в вазе на столе, покрытом скатертью. В этом — игра, наполненная глубоким смыслом. Но игра теряет воспитательную ценность тогда, когда она искусственно «привязывается» к труду, и в красоте не выражается эмоциональная оценка человеком окружающего мира и самого себя.

Остается нерешенным вопрос: когда наиболее целесообразно начинать обучение грамоте — тогда, когда ребенок сел за парту и стал учеником 1 класса, или, может быть, несколько раньше, в дошкольные годы. Опыт убедил наш педагогический коллектив, что школа не должна вносить резкого перелома в жизнь детей. Пусть, став учеником, ребенок продолжает делать сегодня то, что делал вчера. Пусть новое появляется в его жизни постепенно и не ошеломляет лавиной впечатлений. Я убежден, что обучение грамоте, тесно связанное с рисованием, с игрой, как раз и может стать одним из мостиков, соединяющих дошкольное воспитание и обучение в школе. В рисунках букв моим воспитанникам открылась красота солнечных искр в капельках росы, могучего столетнего дуба, склонившейся над прудом вербы, журавлиного ключа в лазурном небе, уснувшего после горячего июльского дня луга. Пусть

ребята еще не очень красиво умеют рисовать буквы — не это главное, зато они чувствуют биение жизни в каждом рисунке. Радовало меня и то, что дети начали постигать оттенки красок и музыки слова: в их сознании заложена прочная основа яркого, образного, поэтического мышления. Рисование вошло в духовную жизнь детей. Ребята стремились выразить в рисунке свои чувства, мысли, переживания. Духовной потребностью моих воспитанников стало слушание музыки.

Радостно волновало и то, что дети сделали первый шаг в нравственном развитии: они вступили в мир красоты человеческих поступков, в их сердцах пробудилась чуткость к радостям и горестям других людей, они уже познали счастье творения красоты и радости для человека. Многолетний процесс воспитания — от того времени, когда ребенок впервые переступает порог школы, до вступления в мир зрелой, всесторонне развитой личности, — представляется мне прежде всего как воспитание чувств человека: тот, кого мы воспитываем, должен глубоко чувствовать, что у живущих рядом с ним людей могут быть такие же горе, страдания, огорчения, невзгоды, как и у меня. Я стремился к тому, чтобы добрые поступки моих воспитанников основывались в годы детства прежде всего на чувстве человека. Меня радовало, что малыши научились сопереживать, быстро проникались чувствами, волновавшими их ровесников или старших товарищей, родителей и вообще взрослых людей. Наибольшей радостью для меня было то, что в каждом, с кем дети соприкасались в жизни, они видели прежде всего человека.

Вместе с чувством радости я переживал и тревогу. Повседневный умственный труд станет главной обязанностью детей — сумею ли я поддержать живой интерес к окружающему миру? Каждый ребенок по-своему видит окружающий мир, по-своему воспринимает вещи и явления, по-своему думает — сумею ли я ввести в мир познания и стремительный, бурный ручей, и тихую полноводную реку с еле заметным течением?

Еще больше тревожил меня духовный мир каждого ребенка. Передо мной — чуткие, нежные, восприимчивые сердца. Чем больше я соприкасаюсь с детьми, тем отчетливее вижу, как обостряется восприимчивость сердца и разума каждого ребенка к моим словам, взгляду, тону моих советов и замечаний. Передо мной 31 ребенок — это

31 мир. Мне вспомнились слова Г. Гейне: «Каждый человек — это мир, который с ним рождается и с ним умирает. Под каждой могильной плитой лежит всемирная история».⁸ Какие они разные уже сейчас, в дошкольные годы — Коля и Костя, Варя и Тина, Данько и Лариса, Володя и Слава... А ведь свое, индивидуальное, глубоко личное с каждым днем, с каждой неделей будет проступать все ярче и заметнее. Где-то в самом сокровенном уголке сердца у каждого ребенка своя струна, она звучит на свой лад, и чтобы сердце отозвалось на мое слово, нужно настроиться самому на тон этой струны. Я уже не раз замечал, какие тяжелые переживания рождаются в детском сердце, когда ребенок чем-то встревожен, огорчен, а воспитатель не знает об этом. Сумею ли я знать, чем живет ребенок каждый день, что у него на душе? Буду ли я всегда справедлив с детьми?

Справедливость — это основа доверия ребенка к воспитателю. Но нет какой-то абстрактной справедливости — вне индивидуальности, вне личных интересов, страстей и порывов. Чтобы быть справедливым, надо до тонкости знать духовный мир каждого ребенка. Вот почему дальнейшее воспитание представлялось мне как все более глубокое познание каждого ребенка.

Но самый главный вопрос, который не давал мне покоя на протяжении всех лет работы, это вопрос о том, как ввести маленьких школьников в большой мир общественной жизни, как добиться того, чтобы каждый ребенок видел не только свое село, красоту реки, на берегах которой прошло его раннее детство, но и огромный, необъятный мир своей Родины? Чтобы не только любил красоту природы и человеческой души, но и ненавидел враждебную силу, порабощающую народы, — империализм. Чтобы был готовым отстаивать завоевания советского народа — социалистический строй, свободу, честь, дружбу народов нашей страны. Как слить гражданское воспитание со всесторонним развитием? Воспитание младших школьников — это очень сложная проблема, удастся ли мне решить ее так, как требует возраст?

ЧТО ТАКОЕ НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА?

В тихое солнечное утро последнего дня августа 1952 г. на зеленую лужайку перед школьным зданием пришли все школьники, учителя, родители. Этот торжественный день, предшествующий началу учебного года, уже давно стал у нас традиционным праздником школы и книги. Особенно волнующим был праздник в это утро.

Как землепроходец, отправляясь в далекие, неизвестные земли, смотрит в глаза своих спутников и товарищей, так и я всматривался в глаза моих малышей. Вот они стоят, 16 мальчиков и 15 девочек. Вместе с ребятами пришли родители, многие бабушки и дедушки. Вот матери Коли и Толи. На плечо Гали положила руку мачеха, и девочка не нахмурилась, как это было год назад. Все поздравляют нас, желают доброго пути. Десятиклассники подходят к малышам, подносят каждому памятный подарок — книгу с надписью: «Доброго пути тебе, маленький друг. Береги эту книгу. Пусть она всю жизнь напомнит тебе о празднике школы, о дне, когда ты стал учеником. Пусть всегда хранится в библиотеке твоей семьи». (Прошли годы, мои воспитанники стали взрослыми людьми, и каждый из них хранит эту книгу как святыню, как бесценную память о золотом детстве).

Идем в школьный сад — малыши с родителями, учителя, десятиклассники. Юноши и девушки бережно выкопали яблоню, перенесли ее с большим комом земли на другое место и дружно опустили в ямку. Каждый малыш взял горсть земли — ямка засыпана. Дети полили деревцо и разошлись домой. Завтра они придут в школу, начнется их первый урок. Четыре года ребята будут учениками начальной школы, четыре года я буду их учить и воспитывать. Накануне этого дня меня тревожили раздумья:

«Что такое начальная школа?» О большой, решающей роли начальной школы говорят много. «Прочный фундамент знаний закладывается в начальных классах», «Начальные классы — это основа основ», — эти слова часто слышишь, когда речь идет о недостатках и просчетах в обучении учеников средних и старших классов, о поверхностных, непрочных знаниях. Начальную школу обвиняют чаще всего в том, что она не дала детям определенного круга знаний и умений, необходимых для дальнейшего обучения.

Да, опыт убеждает в том, что начальная школа прежде всего должна научить учиться. Об этом писали выдающиеся педагоги — Ян Амос Коменский, К. Ушинский, А. Дистервег. Это подтверждается практикой, опытом учителей. Важнейшая задача начальной школы — дать ученикам определенный круг прочных знаний и умений. Умение учиться включает в себя ряд умений, связанных с овладением знаниями: умение читать, писать, наблюдать явления окружающего мира, думать, выражать свою мысль словами. Эти умения являются, образно говоря, инструментами, без которых невозможно овладеть знаниями.

Готовясь к обучению детей в начальных классах, я стремился точно определить, что дети должны глубоко запомнить и твердо хранить в памяти, что они должны уметь.

Но этим задачи начальной школы не исчерпываются. Нельзя ни на минуту забывать, что в начальных классах учитель имеет дело с ребенком.

В годы обучения в 1—4 классах — от 7 до 11 лет — происходит становление человека. Конечно, этот процесс не заканчивается до окончания начальных классов, но как раз на эти годы приходится наиболее интенсивный отрезок человеческой жизни. Ребенок в этот период обязан не только готовиться к дальнейшему учению, накапливать багаж знаний и умений, чтобы успешно учиться дальше. Он должен жить богатой духовной жизнью. Годы обучения в начальных классах — это целый период нравственного, интеллектуального, эмоционального, физического, эстетического развития, которое будет реальным делом, а не пустым разговором лишь в том случае, когда ребенок живет богатой жизнью сегодня, а не только готовится к овладению знаниями завтра.

Тысячи и тысячи прекрасных учителей начальных классов есть в школах нашей страны. Каждый из них — не только светоч знаний для ребенка, но и наставник, учитель жизни в подлинном смысле этого понятия. Начальная школа в советской стране — это прочный фундамент всеобщего среднего образования. Но нельзя умолчать о том, что многие начальные школы и особенно начальные классы в восьмилетних и средних школах не свободны от серьезных недостатков. Судьба ученика начальных классов в некоторых школах представлялась мне незавидной: у ребенка за спиной мешок, в который учитель стремится вложить как можно бóльший груз. Донести этот груз до определенного рубежа, то есть до обучения в средних и старших классах — в этом нередко видит учитель смысл жизни и деятельности ученика.

Начальная школа должна давать ученику твердый круг знаний. Всякая неясность и неопределенность в этом вопросе ослабляет не только начальную школу, но и последующие звенья обучения. Без четкого определения круга знаний, умений, практических навыков, которые надо дать ребенку, нет школы. Одним из серьезных недостатков начального звена обучения во многих школах является именно то, что учитель нередко упускает из виду, какие правила, определения ребенок должен глубоко осмыслить и запомнить на первом, на втором и т. д. годах обучения, какие слова он должен научиться правильно писать и никогда не забывать их правописания. Стремясь максимально облегчить умственный труд детей, отдельные учителя забывают о том, что ребенок должен не только узнать, заинтересоваться чем-то, но и глубоко запомнить и навсегда сохранить в памяти. В настоящее время много говорят об общем развитии ученика начальных классов. Конечно, общее развитие — это исключительно важный элемент учения и воспитания, но столь же большую роль играют те элементарные знания, без запоминания и прочного сохранения в памяти которых не может быть и общего развития, потому что общее развитие — это постоянное овладение знаниями, а для этого необходимо умение учиться.

При всей исключительной важности задач, которые стоят перед начальной школой, нельзя забывать, что учитель имеет дело с человеком, переживающим бурный период становления первой системы. Нельзя смотреть на

мозг ребенка как на живое устройство, данное учителю в готовом виде для того, чтобы знания усваивались, запоминались, хранились в памяти. Мозг детей в возрасте 7—11 лет — в процессе бурного развития. И если учитель забывает, что надо заботиться о развитии нервной системы человека, об укреплении клеток коры полушарий, то учение отупляет ребенка.

Учение не должно сводиться к непрерывному накоплению знаний, к тренировке памяти, к отупляющей, одурманивающей, пиному не нужной, вредной и для здоровья и для умственного развития ребенка зубрежке. Я поставил целью добиться того, чтобы учение было частицей богатой духовной жизни, которая содействовала бы развитию ребенка, обогащению его ума. Не зубрежка, а бьющая ключом интеллектуальная жизнь, протекающая в мире игры, сказки, красоты, музыки, фантазии, творчества — таким будет учение моих питомцев. Хочется, чтобы дети были путешественниками, открывателями и творцами в этом мире. Наблюдать, думать, рассуждать, переживать радость труда и гордиться созданным, творить красоту и радость для людей и находить в этом творении счастье, восхищаться красотой природы, музыки, искусства, обогащать свой духовный мир этой красотой, принимать близко к сердцу горе и радости других людей, переживать их судьбы, как глубоко личное дело, — таков мой идеал воспитания. Вместе с тем нельзя забывать четкую, строго определенную цель: что именно должны знать дети, какие слова они должны научиться писать и никогда не забывать правописание, какие арифметические правила навсегда запомнить. Уже в «Школе радости» я составил список слов родного языка, которые дети твердо запомнят в 1—4 классах.

В овладении методами, формами, приемами умственного труда я видел воспитательную задачу большой важности. Меня очень тревожило снисходительное отношение к начальным классам со стороны многих директоров школ и инспекторов. Приезжает в школу инспектор и интересуется прежде всего старшими и средними классами, а к младшим у него такое отношение, что как будто бы там не настоящее образование, а детская игра. Умиление этой игрой сменяется тревожными мыслями о плохих знаниях, как только ученики переходили в 5 класс.

Никакого умиления — такую задачу поставил я, приступая к работе с маленькими детьми. До окончания 2 класса они должны научиться столь бегло, выразительно и сознательно читать, чтобы воспринимать глазами как единое целое небольшие предложения и законченные части больших предложений. Чтение — это один из источников мышления и умственного развития. Я поставил перед собой задачу учить такому чтению, чтобы ребенок, читая, думал. Чтение должно стать для ребенка очень тонким инструментом овладения знаниями и вместе с тем источником богатой духовной жизни.

В этой главе расскажу, как в течение 4 лет — с осени 1952 г. по весну 1956 г. — я осуществлял единство двух одинаково важных задач начальной школы: во-первых, давал детям глубокие прочные знания; во-вторых, предотвращая зубрежку, заботился о богатой духовной жизни детей, об их здоровье.

ЗДОРОВЬЕ, ЗДОРОВЬЕ И ЕЩЕ РАЗ ЗДОРОВЬЕ

Я не боюсь еще и еще раз повторить: забота о здоровье — это важнейший труд воспитателя. От жизнерадостности, бодрости детей зависят их духовная жизнь, мировоззрение, умственное развитие, прочность знаний, вера в свои силы. Если измерить все мои заботы и тревоги о детях в течении первых 4 лет обучения, то добрая половина их — о здоровье.

Забота о здоровье невозможна без постоянной связи с семьей. Подавляющее большинство бесед с родителями, особенно в первые 2 года обучения детей в школе, — это беседы о здоровье малышей. Я объяснил родителям, что их детям не будут давать на дом заданий. Правила и определения дети будут запоминать (заучивать) на уроке. Дома ученикам надо выполнять главным образом упражнения, цель которых — содействовать глубокому осмыслению материала. Кроме того, дома дети будут читать, рисовать, наблюдать за явлениями природы, составлять маленькие сочинения о предметах и явлениях окружающего мира, учить наизусть полюбившиеся стихи. Домашний умственный труд не должен быть утомительным, но и обойтись без него невозможно. Нельзя всерьез принимать рассуждения о том, что за счет совершенствования методов обучения на уроках можно вообще отказаться от

домашних заданий. Эти рассуждения не отражают истинных целей и закономерностей обучения уже потому, что нельзя сосредоточить весь умственный труд ребенка в какие-то 3—4 часа подряд.

Родители пообещали добиваться того, чтобы дети больше находились на свежем воздухе, рано ложились спать и рано вставали, спали при открытой форточке. Все лето, в теплые осенние и весенние месяцы дети будут спать только на дворе — об этом мы тоже договорились с родителями. Отцы и матери оборудовали специальные «спальные уголки» — на сене, под навесами, защищающими от дождя. Детям это очень понравилось. В каждой семье, где есть ученики, в саду, на приусадебном участке должна быть беседка, в которой с ранней весны до поздней осени можно было бы читать, рисовать, отдыхать — об этом мы договорились с родителями уже несколько лет тому назад. Старшие школьники помогли построить беседки для тех малышей, у которых мать сама не могла сделать этого.

Уже в «Школе радости» дети привыкли к утренней гимнастике. Теперь важно было добиться, чтобы эта привычка сохранилась. Я убедился, что привычка делать зарядку закрепляется именно в раннем детстве. Родители приучали детей подниматься в одно и то же время. После гимнастики на свежем воздухе дети умывались. Летом они привыкли купаться в пруду; кроме того, многие родители сделали душевые установки во дворах, в саду, и 6 месяцев в году (с мая по сентябрь) ребята принимали душ. Это стало настолько прочной привычкой, что они обмывались водой по пояс и в зимние месяцы, конечно, в комнате.

С помощью родительской общественности были сооружены на открытом воздухе 6 душевых установок, которыми пользовались те, для кого это было особенно необходимо — Тина, Толя, Костя, Лариса, Нина, Саша и Слава. Я заботился о том, чтобы принимали душ и занимались утренней гимнастикой те девочки и мальчики, у которых от природы был какой-нибудь недостаток, например, сутуловатость, непропорциональность в строении туловища, лица... Человек должен быть не только здоровым, но и красивым; красота же неотделима от здоровья, от гармонического развития организма.

От питания в годы детства зависит гармония, пропорциональность частей тела, в частности правильное развитие костной ткани и особенно грудной клетки. Многолетние наблюдения показывают, что при отсутствии в пище минеральных веществ и микроэлементов непропорционально развиваются отдельные части скелета, что на всю жизнь отражается на осанке. Чтобы не допустить этого, я заботился о полноценном витаминном питании, о сочетании в пище витаминов с минеральными веществами.

Наблюдения и специальные исследования, проведенные перед этим в течение ряда лет, привели к тревожному выводу: уходя в школу, 25% детей младшего возраста не завтракают — утром им не хочется есть; 30% едят утром меньше половины того, что необходимо для нормального питания; 23% детей едят половину полноценного завтрака и только 22% завтракают так, как требуют нормы. После нескольких часов пребывания в классе у ребенка, не позавтракавшего утром, сосет под ложечкой, появляется головокружение. Ученик приходит из школы, несколько часов он не ел, но настоящего, здорового аппетита у него нет (родители часто жалуются, что дети не хотят есть простой здоровой пищи — супа, борща, каши, молока; им хочется поесть «что-нибудь вкусное»).

Отсутствие аппетита — грозный бич здоровья, источник болезней и недугов. Главная причина этого — многочасовое сидение в душном классе, однообразие умственного труда, отсутствие разнообразной деятельности на свежем воздухе и вообще «кислородное голодание» — ребенок целый день дышит воздухом, насыщенным углекислотой. Многолетние наблюдения привели меня к еще одному очень неутешительному выводу: длительное пребывание в помещении, насыщенном углекислотой, ведет к заболеваниям желез внутренней секреции, играющих важную роль в пищеварении. Причем эти заболевания становятся хроническими и не поддаются никакому лечению. Серьезные заболевания органов пищеварения вызываются также и тем, что родители, стремясь пробудить аппетит, дают детям различные лакомства, в частности сладости. Не допустить «кислородного голодания», добиться полноценного атмосферного режима — в этом заключалась одна из очень важных предпосылок заботы о здоровье.

Я советовал родителям готовить вкусную и здоровую пищу для детей, заготавливать на зиму побольше фруктов, богатых витаминами. У нас в то время было несколько семей пчел, и мы на зиму имели мед для питания малышей в школьной столовой.

Благодаря тому, что дети большую часть суток находились на свежем воздухе, много двигались, трудились физически, не заспживались над учебниками сразу после школьных занятий, у них был прекрасный аппетит. Утром все ребята съедали полноценный завтрак; через 3 часа после ухода в школу (примерно через 2,5 часа после начала школьных занятий) обедали в школьной столовой: получали горячий суп или борщ с мясом, котлету, стакан молока, хлеб с маслом. После занятий обедали дома (через 3—3,5 часа после школьного обеда).

Вторую половину дня дети проводили на свежем воздухе — дома или в школе. Только в дождь или метель они находились в помещении.

В гармоническом развитии ребенка все взаимосвязано. Здоровье зависит от того, какие домашние задания даются ребенку, как и когда он их выполняет. Огромную роль играет эмоциональная окраска самостоятельного умственного труда дома. Если ребенок берется за книгу с нежеланием, это не только угнетает его духовные силы, но и неблагоприятно отражается на сложной системе взаимодействия внутренних органов. Я знаю много случаев, когда у ребенка, переживающего отвращение к занятиям, серьезно расстраивалось пищеварение, возникали желудочно-кишечные заболевания.

Осенние, весенние и зимние каникулы мы всегда проводили на свежем воздухе, среди природы — в походе, на привалах, в лесу, в игре... Уже в первые зимние каникулы все дети стали на лыжи, ходили в лес, катались с горок. Как и в зимнюю пору нашей «Школы радости», построили снежный городок, соорудили ледяное колесо. Когда дети стали пионерами, в лесу они проводили самые интересные сборы своего отряда.

Очень важным источником здоровья был для нас труд в зимнее время на свежем воздухе. При умеренном морозе (до -10°) 8-летние дети трудились раз в неделю по 2 часа, 9—10-летние — по 3 часа, 11-летние — по 4 часа. Они обвязывали стволы деревьев камышом, переносили снег на маленьких носилках для защиты растений от

холода и т. п. Этот труд на свежем воздухе — прекрасное средство закаливания организма и предупреждения простудных заболеваний.

Летние каникулы дети проводили в походах, путешествиях по лугам, полям, лесам. Месяцы непосредственного общения с природой давали очень много и для укрепления здоровья, и для умственного развития малышей. После окончания 1 класса дети провели август в колхозном саду и на пасеке. После окончания 2 — на колхозном баштане.

Август — месяц щедрых даров природы, зенит расцвета ее красоты, время торжества труда. Воздух в это время становится особенно чистым, прозрачным, бодрящим, как будто настоящим на аромате скошенной пшеницы, созревающих дынь, винограда и яблок. На рубеже между летом и осенью воздух в селе особенно насыщен фитонцидами. Если хотите закалить ребенка, предрасположенного к легочным, простудным, ревматическим заболеваниям, пусть он в эти дни находится целые сутки на воздухе.

Однажды дети провели день на колхозном баштане. Их щедро угощали арбузами и дынями. С грустью расставались мы с очаровательным степным привольем. В тот же вечер председатель колхоза дал распоряжение построить на баштане 4 новых куреня. Через день строительство было закончено. Когда я сказал детям, что мы будем отдыхать на баштане, они не поверили: «А разве нас пустят туда?» Поверили только тогда, когда увидели построенные для них курени, покрытые соломой. Огромный восторг вызвала у детей весть о том, что здесь мы будем и ночевать. Землю в куренях устлали ароматным сеном, принесли простыни и одеяла, поставили умывальники, родители соорудили кухню, обеспечили детей пищей. В двух куренях расположились мальчики и в двух — девочки. Месяц на баштане остался в памяти детей на всю жизнь как очаровательная песня о голубом небе и ярком солнце.

Мы поднимались на заре, любовались неповторимой красотой пробуждающейся после ночного сна природы, бродили по росе, умывались ключевой водой, привезенной в большой деревянной бочке и налитой в умывальники. Все было для детей наслаждением: и утренняя гимнастика, и обмывание тела по пояс холодной водой, и вареный картофель с помидорами, и арбузы. После завтрака мы

грудились: помогали колхозникам собирать дыни и арбузы.

В гости к нам приезжали городские ребяташки с родителями. Мы с гордостью показывали им баштан, угощали арбузами и дынями. Дети научились по внешнему виду определять, созрел ли арбуз. Рядом с баштаном были посеяны медоносные травы, сюда в августе вывозили колхозную пасеку, и мы ежедневно ходили в гости к дедушке Андрею — носили ему арбузы и горячие котлеты, приготовленные для нас нашей кухаркой тетей Пашей. Дедушка Андрей подарил нашему классу улей с пчелами. «Возьмите его на свой школьный участок», — сказал он. Дети с интересом наблюдали за жизнью пчел.

Каждый день ребята купались в пруду, ходили в лес, собирали в степи полевые цветы, приносили их дедушке Андрею и тете Паше. В часы полуденного зноя забирались в курени и ложились спать, открыв в стенках несколько «окошек» для воздуха и завесив их стеблями полевых трав, запаха которых не переносят мухи и комары. На дворе жара, а в куренях — прохладно. С первых дней существования «Школы радости» мы приучали малышей не бояться сквозняков; жизнь убеждала, что никакие сквозняки не страшны, если человек привык к ним с детства. Выработать нетерпимость к душному воздуху непроветренного помещения — так же важно, как и привить санитарно-гигиенические навыки.

Когда жара спадала, ребята шли трудиться: в предвечерние часы на баштан чаще всего приезжали за арбузами и дынями. После захода солнца, когда поля, холмы и луга окутывала сиреневая дымка и на небе одна за другой загорались звезды, дети собирались возле одного куреня. В вечерние часы особенно хочется слушать сказки и рассказы о необыкновенных приключениях и путешествиях, о героических подвигах. Я рассказывал о сказочных существах, созданных фантазией нашего народа, — о русалках, мавках, о Красавице-Осени, которая, по народному поверью, разносит в тихие августовские ночи дары плодородия.

В тишине ночи мы не раз слышали изумительную мелодию: над полями, там, где недавно скосили пшеницу, раздавался мелодичный звук, похожий на звонкую песню свирели. По-видимому, это пела неизвестная нам почная птица, но воображение детей создало образ доброго фан-

тастического существа — маленького мальчика с венком из пшеничных колосьев. Он играл на свирели, радовал людей. Это существо дети называли Солнцеколом. В их представлении Солнцеколом был дитя Солнца и плодородной Земли. Там, где колосится пшеница, рождается Солнцеколом. Убирают урожай — он перебирается в стог ароматной соломы, по вечерам поет радостную и вместе с тем печальную песню: приближается зима, ему надо уходить в теплую землю, где дремлют животворные соки плодородия. А зазеленеет пшеница, Солнцеколом снова выйдет на свои нивы и запоет прекрасные песни.

Может показаться, что дети слишком часто одухотворяют природу и фантазия может в какой-то мере увести их от действительности. Тысячу раз нет. Ведь это сказка о жизни, плодородии, о человеке, могучий источник вдохновения. Одухотворенные сказочным образом существа, воплощающего в себе жизнь, красоту, плодородие, изобилие, дети составили песню о Солнцеколме. Вот она, эта нехитрая песенка:

Разбудило солнце землю,
налился пшеничный колос;
кто играет на свирели?
Солнцеколом, Солнцеколом.
На волшебнике одежда
из колосьев, из пшеницы;
из зеленых остьев брови
и веселые ресницы...

Когда дети находятся под впечатлением сказочных образов, происходит удивительное явление: слово, когда-то услышанное или прочитанное, как бы пробуждается в тайниках сознания, сверкает яркими красками, наполняется ароматом полей и лугов, — и ребенок творит, создавая поэтические образы.

Читатель может спросить: почему на страницах, посвященных здоровью, речь идет о сказке, о фантастических образах, о детском творчестве? Потому, что это детская радость, а без радости невозможна гармония здорового тела и здорового духа. Если ребенок, очарованный красотой полей, мерцанием звезд, бесконечной песней кузнециков и запахом полевых цветов, слагает песню, значит, он находится на вершине этой гармонии — тела и духа. Забота о человеческом здоровье, тем более о здоровье ребенка, — это не просто комплекс санитарно-гигиениче-

ских норм и правил, не свод требований к режиму, питанию, труду, отдыху. Это прежде всего забота о гармонической полноте всех физических и духовных сил, и венцом этой гармонии является радость творчества.

После окончания 3 класса мы провели летние каникулы тоже на бахче, но уже в другом месте, рядом с виноградником. Дети трудились на плантации: помогали взрослым укладывать в корзины виноградные кисти. Вечером и утром купались в пруду. Дети придумали интересную игру: три лодки в их воображении превратились в китобойную флотилию, маленькое озеро стало океаном, мы ходили в разведку, искали китов... Здесь мы сделали свирели; вечерами собирался наш музыкальный кружок. Играли мелодии народных песен, сочиняли музыку о летних вечерах, о грозе и багровом небосводе, о таинственном омуте у плотины, о перелетных птицах. Музыка с каждым годом все больше входила в нашу духовную жизнь. Где бы ребята ни отдыхали, они слушали записанные на магнитофонную пленку произведения выдающихся композиторов и народные песни.

Окончился 4 год учения, пришло лето 1956 г. Дети отдыхали на лугу, рядом с дубовой рощей на берегу озера. Построили из ветвей шалаши, накрыли их соломой. Родители помогли нам соорудить купальню и кухню. Теперь дети помогали повару готовить пищу, ездили в село за хлебом, картофелем, рыбой, молоком, овощами. На нашем попечении было 20 телят и 2 лошади. Днем ребята пасли телят, а вечером загоняли их в небольшой загон, сделанный у озера. Все научились кататься на лошадях и ездили в село за продуктами. В этом деле строго соблюдалась очередность: каждому хотелось проскакать несколько километров. Я очень радовался, что особенно хорошими наездниками оказались Володя, Саня, Тина — верховая езда помогла им укрепить здоровье.

В этом году все дети, купаясь в глубоком озере, научились хорошо плавать. Для купанья я выбрал безопасный участок и отправлялся в заплыв каждый раз с одним ребенком.

Особенно радостными были дни во время сенокоса. Мы помогали взрослым сушить и скирдовать сено, а вечером располагались на высокой скирде. Эти часы приносили детям особенное очарование: хотелось слушать рассказы о звездах, о далеких мирах. Под звездным купо-

лом дети чувствовали себя лицом к лицу со Вселенной и обращались к воспитателю с вопросами: «Откуда все это — Земля, Солнце, звезды?» Я убедился, что такие вопросы рождаются в сознании детей при условии, когда разум и чувства охватывают удивление, изумление перед красотой и величием природы.

Никогда не забуду, как после одного из рассказов о звездных мирах дети спросили: «А что же там, дальше?» Услышав, что и там, за видимыми мирами, такие же Вселенные, что их несметное множество, дети изумились: «А где же кончается мир?» Самой непостижимой для них была истина о бесконечности мира. Помню, как дети умолкли, потрясенные этой истиной, пытались представить бесконечность и не могли. В ту ночь малыши долго не спали; не одному снились далекие солнца и планеты. На следующий день время от времени мальчики и девочки возвращались к тревожившему их вопросу: что же такое бесконечность? Этот вопрос во все школьные годы не потерял для моих воспитанников своей изумляющей новизны.

...С первых недель воспитания детей в «Школе радости» я придавал большое значение спортивным играм. С помощью старших школьников мы оборудовали игровую площадку, поставили качели. У нас всегда было достаточное количество мячей, уже во 2 классе дети стали играть в настольный теннис. Увлечлись дети также метанием диска и мяча, лазанием по шесту и канату.

Все лето дети ходили босиком, не боялись дождя. В этом я видел особенно важное средство физической закали. В 1 и во 2 классах были три случая простудных заболеваний, в 3 и 4 — никто не болел.

Особенно важным я считал воспитание невосприимчивости к всевозможным насморкам. Много лет не давало покоя это несчастье: в периоды резкого изменения погоды почти половина детей чихала. Даже когда у ребенка нет повышенной температуры, он не может в таком болезненном состоянии нормально работать. Радикальных лекарств, которые излечивали бы насморк, нет. Медицинской наукой доказано, что многие разновидности насморка — это не инфекционное заболевание, а реакция чувствительного организма на резкие изменения окружающей среды. Многолетний опыт показал — особенно чувствительны ноги. Если ноги боятся малейшего охлаждения,

человек подвержен неинфекционным насморкам. Система укрепления организма, которая сложилась в нашей воспитательной работе, начинается с закаливания ног; при этом, конечно, принимается во внимание общее состояние ребенка. Для закаливания ног нет каких-то специальных упражнений, рассчитанных на определенный срок. Необходимо постоянно соблюдать общий режим, не приучивать детей к тепличной обстановке, не проявлять излишних забот, которые ослабляли бы защитительные силы организма. Если ребенок не ходит в летнюю пору босиком — никакое купание и обтирание мокрым полотенцем не помогут.

...Итак, дети окончили начальную школу. Последний день каникул. Вот они собрались на зеленой лужайке после купания в озере — крепкие, загорелые, красивые. Им по 11 лет, но они выглядят 12—13-летними крепышами. Даже маленький Данько, которого долго все называли Крошкой, по росту сравнялся с многими пятиклассниками.

Каждый год врач несколько раз проверял зрение, сердце и легкие детей. В 1 классе было четверо ребят с ослабленным зрением, во 2 — двое, в 3 — ни одного. Жизнь подтвердила, что ослабленное зрение — это не болезнь глаз, а результат того, что в организме ребенка нет гармонического единства физического и духовного развития. Медицинским обследованием в первые 2 года было установлено у 3 детей симптомы сердечно-сосудистой слабости; у 2 — остаточные явления после плевритов, у 2 — признаки бронхита, у одного ребенка — подозрение на скрытую форму туберкулеза. К моменту окончания начальных классов только у одного ребенка были отмечены симптомы сердечно-сосудистой слабости — гораздо менее ярко выраженные, чем в первые 2 года обучения.

УЧЕНИЕ — ЧАСТИЦА ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Очень важно, чтобы изумительный мир природы, игры, красоты, музыки, фантазии, творчества, окружавший детей до школы, не закрылся перед ребенком классной дверью. Учение в первые месяцы и годы школьной жизни не должно превратиться в единственный вид деятельности. Ребенок лишь тогда полюбит школу, когда учителя

щедро откроют перед ним те же радости, которые были у него раньше. Вместе с тем учение нельзя приспособлять к радостям, умышленно облегчать это только для того, чтобы ребенку не показалось скучно. Исполдволь ребенка надо готовить к самому главному делу всей человеческой жизни — к серьезному, пастойчивому, усидчивому труду, который невозможен без напряжения мысли.

Важную воспитательную задачу я видел в том, чтобы постепенно прививать детям навыки напряженного, творческого умственного труда. Ребенок должен уметь отвлекаться от всего окружающего в данный момент, чтобы умственные усилия направить на достижение цели, поставленной учителем или самим собою. Я стремился к тому, чтобы дети привыкали к такой сосредоточенности. Лишь при этом условии умственный труд может стать любимым делом.

Задача начальной школы — постепенно приучать учеников преодолевать трудности не только в физическом, но и в интеллектуальном труде. Дети должны понять самую сущность интеллектуального труда, которая заключается в напряжении умственных усилий, в проникновении в разнообразные сложности и тонкости, детали и противоречия вещей, фактов, явлений. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы все давалось учащимся легко, чтобы ребенок не знал, что такое трудности. Наряду с процессом овладения знаниями воспитывается культура и самодисциплина умственного труда. Интеллектуальное воспитание — одна из тех сфер духовной жизни, где воздействие воспитателя органически сливается с самовоспитанием. Воспитание воли начинается с мысленной постановки цели перед самим собой, сосредоточения умственных сил, осмысливания и самоконтроля. Важная воспитательная задача представлялась мне в том, чтобы дети именно в умственном труде почувствовали, что такое трудно.

Если ребенку в учении все достается легко, у него постепенно воспитывается лень мысли, которая развращает человека, формирует у него легкомысленное отношение к жизни. Как это ни странно, но лень мысли развивается чаще всего у способных детей, если процесс учения не открывает перед ними посильных трудностей. И развивается лень мысли больше всего в младших классах, когда способный ребенок, легко овладев тем, что для других детей связано с определенным напряжением

умственных сил, по существу бездельничает. Не допустить безделья учащихся — тоже своеобразная воспитательная задача.

Наш 1 класс разместился в отдельном домике. Большая, светлая комната, в которой мы занимались, выходила окнами на восток и на юг; в классе всегда много света. Под окнами — ореховые деревья, за ними яблони, груши, абрикосы, дальше — дубовая роща. Не только наш домик, но и другие школьные помещения утопают в зелени. Листья деревьев обогащают воздух кислородом. На школьной усадьбе всегда стоит тишина. К нашей классной комнате примыкал большой коридор, из которого дверь вела еще в одно помещение: здесь мы мечтали создать комнату сказки.

Перед крыльцом нашего домика — бетонированная площадка с устройством для мытья обуви (используется запас дождевой воды). От площадки идут несколько дорожек, обсаженных персиковыми деревьями, липами и каштанами. Одна дорожка — к большому винограднику, расположенному в центре школьного двора, другая — к нашим ближайшим соседям — к домику двух 5 классов, третья — к зеленым лужайкам и рощам, четвертая — к оврагу, заросшему кустарником.

Мне уже тогда казалось целесообразным, чтобы 1 и 2 классы занимались в отдельном здании. У них, особенно в 1 классе, — свой особый режим учения, труда и отдыха. Для детей младшего школьного возраста особенно недопустимы крик, сутолока, характерные для большого коллектива. Пусть маленькие школьники как можно дольше пользуются благом, необходимым для полноценного умственного развития — тишиной. Многолетние наблюдения привели к убеждению, что обстановка, в которую попадает ребенок в первые дни школьной жизни, ошеломляет его. Дети устают не столько от умственного труда, сколько от постоянного возбуждения, создаваемого криком, беготней, сутолокой на перерывах и перед запятиями. В течение 5 лет я вел наблюдения за первоклассниками после большого перерыва. Полчаса дети находятся в обстановке шума, крика, толкотни, сутолоки большого школьного коллектива. Кончается перерыв, ученики идут в класс, и первые 10 минут урока опытные учителя тратят на то, чтобы успокоить детей. Иная картина наблюдалась там, где первоклассники отдыхали на перерыве

своим небольшим коллективом. На то, чтобы успокоить детей, снять возбуждение, шло не больше 2 минут.

Безудержный крик, беготня — не лучшие признаки школы. Какой бы полноводной ни была река детской радости, у нее должны быть берега, которые сдерживали бы порывы и желания.

В настоящее время 1 и 2 классы у нас занимаются в уютном уединенном домике, окруженном зеленью. Обстановка, созданная для малышей, способствует чередованию труда и отдыха.

Первые недели я постепенно вводил детей в новую для них жизнь. Учение по существу еще мало чем отличалось от «Школы радости», и как раз к этому я и стремился. В сентябре мы были в классе не больше 40 минут в день, в октябре — не больше 2 часов. Это время отводилось на занятия по письму и арифметике. Остальные 2 часа мы проводили на свежем воздухе. Дети с нетерпением ожидали настоящего урока — так называли они классные занятия. Я радовался этому желанию и думал: «Если бы вы знали, дети, как ваши ровесники, истомившиеся в душном классе, ждут не дождутся звонка на перекур...»

Постепенность в подготовке детей к классным занятиям — необходимое условие полноценного трудового, нравственного, физического и умственного воспитания. Конечная цель в том, чтобы научить человека работать в разных условиях. Классные занятия — не какая-то печальная необходимость, с которой хочешь не хочешь, а надо мириться. Это наиболее благоприятная обстановка для умственного труда, но к ней надо готовить ребенка постепенно — вот в чем специфика занятий с младшими школьниками. Если же сразу заставить их трудиться в классе по 4 часа ежедневно, то обстановка, которая в будущем стала бы благоприятной для умственного труда, пагубно отразится на здоровье детей.

В классе мы читали букварь, писали кружочки, палочки и буквы, составляли и решали задачи — все это постепенно входило в многогранную духовную жизнь малышей, не утомляло их однообразием. Нам не приходилось много раз читать по букварю одно и то же — все ребята хорошо знали буквы, и для выработки техники чтения я прибегал к разнообразным видам активной деятельности. Дети составляли и записывали миниатюрные сочинения

о природе, и это несравненно больше способствовало развитию умения читать, чем многократное чтение одного и того же текста по букварю.

Я следил за тем, чтобы у каждого ребенка выработалась необходимая техника чтения. Без упражнений, без определенной нормы чтения ничего не добьешься. Мало знать буквы, уметь читать слоги и слова. Чтение — это окошко в мир, важнейший инструмент учения, оно должно быть беглым, быстрым — лишь тогда этот инструмент будет готов к действию. Я стремился к тому, чтобы разнообразные виды активной деятельности — и выразительное чтение, и письмо, и рисование — способствовали превращению чтения в полуавтоматический процесс, чтобы уже во 2 классе многосложные слова воспринимались зрительно как единое целое. И если я прибегал к составлению миниатюрных сочинений о природе, если стремился пробудить у детей живой интерес к такой работе, то, по существу, это были «педагогические ухищрения», необходимые для достижения одной цели — научить ребят хорошо читать.

Одним из таких «ухищрений» можно считать разнообразие видов труда на уроках. Опыт показал, что на первых порах в 1 классе не должно быть «чистых» уроков чтения, письма, арифметики. Однообразие быстро утомляет. Как только дети начинали уставать, я стремился перейти к новому виду работы. Могучим средством разнообразия труда было рисование. Вот я вижу, что чтение начинает утомлять ребят. Говорю: «Откройте, дети, свои альбомы, нарисуйте сказку, которую мы читаем». Исчезают первые признаки усталости, в детских глазах — радостные огоньки, однообразная деятельность сменяется творчеством... Аналогичная картина на уроке арифметики: замечаю, что детям трудно понять условие задачи, предложенной для самостоятельной работы. На помощь приходит творческий труд — рисование. Ребята еще раз читают задачу, «рисуют» ее. Становятся понятными зависимости, которые до сих пор казались совершенно непостижимыми... Продолжительное слушание тоже утомляет. Заметив, что у детей тускнеют глаза, я прерывал рассказ, «закругляя» его, и мы начинали рисовать.

Уже через 3 недели после начала учебного года мои воспитанники начали составлять книги-картинки о природе. Каждому ребенку старшеклассники сделали в твер-

дой обложке тетрадь из 20 листов плотной бумаги, к обложке прикрепили карандаш. Раз в неделю мы шли к истокам мысли и слова, составляли одну картинку — рассказ об окружающем мире. Первое наше «путешествие» — в плодовый сад, к яблоне, плоды на которой поздно созревают. Малыши составили рассказы, в которых отразился индивидуальный мир восприятий и представлений.

«Яблоки склонились к земле», «Яблоки греются на солнышке», «Красные яблоки среди зеленых листьев», «Солнышко ласкает, веточка качает яблочко», «Весной белые цветы, а осенью золотые яблоки», «Мы пришли в гости к яблоку» — записали дети в свои книги-картинки о природе. Сочинения-миниатюры ребята читали в классе, что доставляло им большое удовлетворение. Учение в саду не было самоцелью. Составление миниатюрных сочинений — прекрасное средство подготовки детей к усидчивому, напряженному умственному труду в будущем. Уже в 1 и особенно во 2 классах я стремился к тому, чтобы каждый ученик имел свое индивидуальное задание и доводил его до конца. Это очень важно для воспитания дисциплины умственного труда.

В первый год обучения все книжки-картинки были заполнены рисунками-сочинениями. Дети писали: о красных гроздьях калины; об уборке урожая; об уснувшем озере (уснувшим они называли его, вероятно, потому, что вода здесь всегда во время наших путешествий была, как зеркало, чистая, спокойная); о том, как дети трудятся в школьном саду; о багряном небе на закате; о первых осенних заморозках; о пасмурном, дождливом осеннем дне; о праздновании годовщины Великого Октября; о жизни нашего села; о первом снеге; о январской метели; о сказочном Деде Морозе, сковывающем реки и озера; о февральской капели; о мартовских голубых телях на снегу; о первом подснежнике; о скворцах, возвратившихся из теплого края слишком рано и застигнутых врасплох мартовскими метелями; о радостных весенних стаях перелетных птиц (*«радостные весенние стаи»* — слова детей); о пчелах, летающих в солнечный день «бабьего лета» прощаться с цветком ромашки.

Книжки-картинки о природе стали своеобразной поэтической хрестоматией нашего коллектива, в которой нашли отражение тончайшие оттенки красок родной природы, музыка земли и неба, аромат слова. Они были той

радостью для детей, без которой учение не может войти в духовную жизнь.

Если время, проведенное ребенком в классе, измерять уроками, то в первые 2 месяца учебного года у нас был 1 урок ежедневно, в 3—4 месяца — 2 урока, в 5—6 месяцев — по 2,5, в 7—8 месяцев — по 3 урока. Продолжительность занятий от перерыва до перерыва в первые 2 месяца равнялась 0,5 часа, потом — 45 минут. Если ребенку надо было выйти до перерыва, он выходил, спросив разрешения. Если нельзя прервать рассказ учителя, ребенок выходил без разрешения: учитель видит, что ученику надо выйти, и молча разрешает. Но отдельным детям трудно было привыкнуть к режиму, который легко выполняет подавляющее большинство. Толя, Катя, Костя и Шура быстро уставали. Их утомляло скорее всего напряжение, которое они испытывали, сидя на уроке и чувствуя, что свобода деятельности теперь значительно больше, чем раньше, ограничена определенным режимом. Потакать любым желаниям, конечно, нельзя; надо приучать всех учащихся к усидчивому, серьезному труду, но нельзя и ломать детские желания и привычки слишком решительно. Несколько недель я разрешал этим детям среди урока выйти из класса, постепенно приучая их к усидчивому труду. Уже через 3—4 месяца после начала учебного года все ребята выполняли режим школьного труда.

В солнечные осенние дни мы занимались в одном из «зеленых классов» — среди высоких яблонь, на лужайке. Несколько лет назад мы со старшими учениками соорудили здесь из проволоки и железных прутьев каркас будущего зеленого класса и посадили саженцы вьющихся растений — дикого винограда и хмеля. Через 2 года образовалась зеленая комната — растения закрыли и потолок. Несколько «окошек» обеспечивали нормальное освещение. В жаркие дни здесь было прохладно, осенью тепло и уютно. В зеленом классе всегда царила тишина. «Окошки» можно было закрыть ветками хмеля и винограда, и тогда наступал зеленый полумрак, через просветы в листья струились солнечные лучи, создавая причудливую игру света и тени. Дети называли это «закрыть окошко для сказки». В зеленом классе стояли маленькие столики и табуретки, здесь дети писали, читали, решали задачи.

Второй «зеленый класс» — это лужайка, окруженная с трех сторон морозоустойчивым сортом винограда. В силь-

ную жару — а жаркие дни у нас не редкость и весной и осенью — здесь прохладно.

Есть у нас еще один «зеленый класс» — на траве, среди зеленых деревьев, в глухой роще, примыкающей к оврагу. Сюда мы иногда приходили на последний урок, когда не надо было возвращаться в школьное здание. Примерно 40% всех уроков в течение года мы проводили не в помещении, а в «зеленом классе». Из остальных 60% классных занятий значительная часть у нас проходила в «зеленой лаборатории» и в школьной теплице. «Зеленая лаборатория» — это отдельное здание, окруженное со всех сторон деревьями и виноградом. Здесь есть комната для занятий, в ней множество растений и цветов.

То, что значительную часть уроков проводили среди природы, на свежем воздухе, под голубым небом, имело исключительное значение для ребят. В продолжении учебного времени дети чувствовали себя бодрыми и жизнерадостными, никогда не уходили домой с тяжелой головой.

После окончания занятий ребята отдыхали дома. Какие бы меры ни принимали для того, чтобы труд на уроке не приводил к переутомлению, все же ребенок очень устает, и после занятий ему надо отдыхать. Многолетний опыт убедил меня в том, что во второй половине дня ученики вообще не должны заниматься таким же интенсивным умственным трудом, как и в школе. Тем более недопустима перегрузка ребенка младшего возраста. Если после 3—4 часов умственного труда в школе заставить ребенка трудиться еще и дома и столь же интенсивно, то вскоре он совершенно выбьется из сил.

Без домашних заданий обойтись нельзя. Ребенка надо учить сосредоточивать умственные усилия, напрягать внимание. Но делать это надо прежде всего на уроке, постепенно прививая навыки самостоятельного умственного труда. Ребенку нелегко научиться работать внимательно и сосредоточенно. Опытные учителя «привязывают» внимание детей к своему рассказу, объяснению, изложению не с помощью каких-то особых приемов воздействия на учащегося, а содержанием урока. Мастерство организации умственного труда в младшем возрасте заключается в том, чтобы ребенок внимательно слушал учителя, запоминал, думал, не замечая на первых порах того, что он

напрягает силы, не заставляя себя внимательно слушать учителя, запоминать, думать.

Если педагогу удалось достигнуть этого, то ребенок сохранит в памяти все, что пробудило интерес, а тем более вызвало изумление. Почему мои дети так легко запоминали буквы, научились читать и писать? Потому, что перед ними не ставили цели сделать это. Потому, что каждая буква для ребенка была воплощением яркого образа, вызвавшего чувство восхищения. Если бы я каждый день давал малышам-дошкольникам «порцию знаний» — показывал букву и требовал запомнить ее, ничего бы не вышло. Это, конечно, не означает, что надо прятать от ребенка цель. Учить следует так, чтобы дети не думали о цели — это облегчит умственный труд. Все это далеко не так просто, как кажется с первого взгляда. Речь идет об определенном этапе умственного развития ребенка — о том периоде, который проф. В. Л. Рыжов называет младенчеством нервной системы человека *. В этот период — в младшем школьном возрасте, особенно на первом году обучения, — ребенок просто не умеет сосредоточиться. Учитель должен овладевать вниманием детей, пробуждать то, что в психологии называется произвольным вниманием.

Внимание маленького ребенка — это капризное «существо». Оно кажется мне пугливой птичкой, которая улетает подальше от гнезда, как только стремишься приблизиться к нему. Когда же удалось, наконец, поймать птичку, то удержать ее можно только в руках или в клетке. Не ожидай от птички песен, если она чувствует себя узником. Так и внимание маленького ребенка: если ты удержишь его, как птичку-узника, то оно плохой твой помощник.

Есть учителя, считающие своим достижением то, что им удастся создавать на уроке «обстановку постоянного умственного напряжения» детей. Чаще всего это достигается внешними факторами, играющими роль узды, удерживающей внимание ребенка: частыми напоминаниями (слушай внимательно), резким переходом от одного вида работы к другому, перспективой проверки знаний сразу же после объяснения (точнее: угрозой поставить двойку,

---

* См.: Рыжов В. Л. Молекулярная основа памяти. Природа, 1965, № 7, с. 2.

если ты не слушаешь то, что я рассказываю), необходимо-стью сразу же после уяснения какого-нибудь теоретического положения выполнить практическую работу.

С первого взгляда все эти приемы создают видимость активного умственного труда: как в калейдоскопе, сменяются виды работы, дети, сосредоточив внимание, слушают каждое слово учителя, в классе напряженная тишина. Но какой ценой все это достигается и к каким результатам приводит? Постоянное напряжение сил для того, чтобы быть внимательными и не пропустить чего-нибудь,— а ученик в этом возрасте еще не может заставить себя быть внимательным — изматывает, издергивает, изнуряет, истощает нервную систему. Не потерять на уроке ни одной минуты, ни одного мгновенья без активного умственного труда — что может быть глупее в таком тонком деле, как воспитание человека. Подобная целеустремленность в работе учителя прямо означает: выжать из детей все, что они могут дать. После таких «эффективных» уроков ребенок уходит домой уставший. Он легко раздражается и возбуждается. Ему бы отдыхать да отдыхать, а у него еще домашние задания, и от одного взгляда на сумку с книгами и тетрадями детям становится тошно.

Не случайно в школах замечается много нарушений дисциплины, выражающихся в том, что учащиеся грубят учителям и друг другу, дерзко отвечают на замечания, в результате возникает много конфликтов — ведь нервные силы детей на уроке напряжены до предела, да и учитель — не электронная машина — попробуй удержи внимание класса в течение всего урока при установке на «высокую эффективность» меняющихся, как в калейдоскопе, видов работы. Не случайно дети часто приходят домой после уроков угрюмые, неразговорчивые, равнодушные ко всему или, наоборот, болезненно раздражительные.

Нет, нельзя такой ценой добиваться внимательности, сосредоточенности, умственной активности ребят. Умственные силы и нервная энергия учащихся, особенно младшего возраста,— это не бездонный колодец, из которого можно черпать и черпать. Брать из этого колодца надо с умом и очень осмотрительно, а самое главное — надо постоянно пополнять источник нервной энергии ребенка. Источники же этого пополнения — наблюдения за пред-

метами и явлениями окружающего мира, жизнь среди природы, чтение, но такое, к которому побуждает интерес, желание что-то узнать, а не боязнь быть спрошенным, «путешествия» к истокам живой мысли и слова.

Есть в жизни школьного коллектива трудноуловимая вещь, которую можно назвать душевным равновесием. В это понятие я вкладываю такое содержание: чувствование детьми полноты жизни, ясность мысли, уверенность в своих силах, вера в возможность преодоления трудностей. Характерной особенностью душевного равновесия является спокойная обстановка целенаправленного труда, ровные, товарищеские взаимоотношения, отсутствие раздражительности. Без душевного равновесия невозможно нормально работать; там, где нарушается это равновесие, жизнь коллектива превращается в ад: ученики оскорбляют и раздражают друг друга, в школе царит нервозность. Каким путем создать и — что особенно важно — поддерживать душевное равновесие? Опыт лучших педагогов убеждал меня, что самое главное в этой очень тонкой сфере воспитания — постоянная мыслительная деятельность без переутомления, без рывков, спешки и надрыва духовных сил.

Для душевного равновесия характерна атмосфера доброжелательности, взаимной помощи, гармонии умственных способностей каждого ученика и его посильного труда. Я с большим вниманием изучал педагогическое искусство подлинных мастеров душевного равновесия — учителей начальных классов В. П. Новицкой, Е. М. Жаленко, А. А. Нестеренко. Стремился разгадать «секреты» самой мудрой, на мой взгляд, и в то же время самой естественной вещи: каждый ребенок у них учится в полную меру своих сил; нет ребенка, который мог бы учиться отлично, а учится посредственно. Тот, кто учится на тройки, не считает себя обиженным судьбой неудачником, и товарищи не относятся к нему с чувством спиходительной жалости.

Я всегда с большой тревогой думал о психозе погони за отличными отметками, — этот психоз рождается в семье и захватывает педагогов, ложится тяжелым бременем на юные души школьников, калечит их. У ребенка нет в данное время таких способностей, чтобы учиться на отлично, а родители требуют от него только пятерок, в крайнем случае мирятся с четверками, и несчастный школь-

ник, получая тройки, чувствует себя чуть ли не преступником. У педагогов В. П. Новицкой, Е. М. Жаленко, А. А. Нестеренко этого никогда не было. Отличники не чувствовали себя счастливыми, а успевающих на тройки не угнетало чувство неполноценности. Я учился у этих настоящих воспитателей подлинному мастерству умного, сосредоточенного интеллектуального труда. У них я заметил очень тонкую, на мой взгляд, черту педагогического искусства: умение пробудить в сердцах и умах детей интеллектуальное чувство радости познания. Никакие, даже самые скромные успехи не доставались ни одному ребенку у этих учителей без радостного духовного подъема, связанного с открытием истины, с исследованием, узнаванием. Обобщая золотые крупницы опыта мастеров педагогического труда, я стремился к тому, чтобы ребенок трудился не для получения отметки, а из желания пережить волнующее интеллектуальное чувство. Меня очень радовало, что в нашем детском коллективе нет болезненной погони за отличными оценками и столь же вредного болезненного реагирования на тройки.

...Каждую неделю мы посвящали несколько уроков «путешествиям» к истокам мысли и родного слова — наблюдениям. Это было непосредственное общение с природой, без которого колодец умственных сил и нервной энергии ребенка быстро оскудел бы. В теплую погоду, осенью, весной и летом, мы отправлялись в путешествие задолго до рассвета — сельские дети умеют подниматься рано. Рассказы о природе, о предметах и явлениях окружающего мира уже пробудили у детей пытливость, мне приходилось отвечать на многие вопросы. Привожу некоторые из них: «Почему рано утром солнце красное, а в полдень огненное? Откуда берутся облака? Почему цветок одуванчика утром открывается, а в полдень закрывается? Отчего бывают молнии и гром? Почему с запада ветер приносит дождь, а с востока — засуху? Почему подсолнечник поворачивает цветок за солнцем — разве он видит, как человек? Почему железо ржавеет? Почему голуби никогда не садятся на дерево? Почему нельзя пересаживать дерево летом, когда оно с листьями? Куда падают звездочки с неба? Почему снежинки такие красивые, как будто их кто-то вырезал? Как узнают дорогу птицы — ведь им лететь очень далеко? Отчего бывает белый круг возле луны? Почему на закате перед дождем небо крас-

ное? Почему пчела «танцует» перед полетом за медом? Для чего жгут в садах солому, когда цветут деревья? Почему в лесу раздается эхо? Что такое радуга? Почему зимой нет грома и молнии? Почему соленая вода замерзает только при сильных морозах? Почему кролик роет нору, а заяц не роет? Почему если кувшин с молоком летом обвязать мокрым полотенцем, то молоко не нагревается в самую сильную жару? Почему перед дождем ласточки летают у самой земли? Почему жаворонок делает гнездо в посеве, а скворец и синичка — на дереве? Почему утки плавают, а куры не плавают? Почему самолет сегодня оставляет в небе тонкую полосу дыма, а вчера не оставлял? Почему падают звездочки в небе, куда они падают? Почему ветер поднимает столб пыли, как водоворот? Почему «плачет» ива? Почему подснежники цветут только рано весной? Почему озимую пшеницу сеют осенью, а яровую — весной? Почему светятся светлячки? Почему у коровы один теленок, а у свиньи — несколько поросят? Почему летом солнышко высоко, а зимой — низко? Почему на замерзших стеклах образуются красивые узоры? Почему осенью листья на деревьях желтеют?» *

Я стремился ответить на каждый вопрос так, чтобы не только раскрыть перед детьми сущность явлений природы, но и еще больше разжечь огонек пытливости и любознательности. Ответы на вопросы ребят, беседы об окружающем мире — это первая школа мышления. На отдельные вопросы я не знал, как отвечать. Получалось, что чем проще вопрос кажется с первого взгляда, тем труднее на него ответить. Мы, учителя начальных классов, собирались специально для того, чтобы посоветоваться, какими должны быть ответы на «философские» вопросы детей. В. П. Новицкая, М. Н. Верховинина, Е. М. Жаленко читали сотни детских вопросов, записанных в течение двух десятилетий. Бывало, целый вечер уходил на то, чтобы коллективно исследовать самый сложный лабиринт детской мысли. Опыт педагогов начальных классов — знатоков детского мышления — привел меня к выводу: за видимой простотой и очевидностью часто кроется большая сложность. Так, на вопрос: *«Почему озимую пшеницу*

---

* Эти вопросы дети задавали во время путешествий в 1952—1953 гг.

сеют осенью, а яровую — весной?» ответить значительно труднее, чем на вопрос о падающих звездочках-метеорах. Важную воспитательную задачу я увидел в том, чтобы, «путешествуя» в мир природы, дети обращали внимание на причинно-следственную связь между вещами и явлениями, учились видеть зависимости.

Если «путешествия» в природу приходились на последний урок, то после уроков мы играли. Коллективную игру придумывали сами дети. Мир явлений природы переплетался со сказкой. Вот игра, которая особенно увлекала ребят. Называется она «Поиск таинственного острова». Все мы разделялись на 2 группы. Одна группа располагалась в каком-нибудь глухом уголке в лесу. Мы окружали место игры цепочкой известных только нам пометок — это был берег острова со скалами, со множеством хищных зверей. Дети, остающиеся на таинственном острове, — путники, потерпевшие кораблекрушение. В нескольких местах они делают хорошо замаскированные пометки, обозначающие узкую полосу, по которой можно пробраться на остров (о пометках заранее договариваются обе группы). Надо спасти путешественников, потерпевших кораблекрушение, и дети расходятся по лесу, шаг за шагом исследуют несколько километров берега, ищут места, через которые можно выбраться на остров. Здесь нужны не только зоркий глаз и смелость, но и умение разобраться во многих явлениях природы, логично мыслить. Игра воспитывает также честность и правдивость. Дети находят таинственные проходы на остров, путникам оказывают помощь, больных отправляют в больницу, появляются в игре летчики, врачи. Заканчивается игра тем, что и потерпевшие кораблекрушение и пришедшие на помощь варят кашу; мы сидим у костра, я рассказываю сказку. В эту минуту многие ребята рисуют сказку — передают в рисунке свои представления о фантастических образах.

Во время «путешествий» в природу большое внимание уделяется наблюдениям за жизнью животных и птиц. Перед нами открывался совершенно новый, изумительный мир. В тихие осенние дни мы подсмотрели, как из гнезда на водопой идет целый выводок ежей, как старая ежиха охраняет своих детенышей. В весенние дни мы наблюдали за зайчиками. Детям удалось увидеть, как, оставив маленького, только что родившегося зайчонка, зайчиха к нему больше никогда не возвращается, и он ожидает, пока

его покормит какая-нибудь случайно встретившаяся зайчиха. В июле ребята наблюдали за древесными лягушками. Однажды нам удалось найти в глухом месте лисью нору. Ребята увидели, как лиса выводит своих маленьких детенышей на прогулку, учит их бегать, играет с ними. В одном из глухих лесных уголков мы наблюдали за бобрами.

Наши путешествия и наблюдения обогащали мысль, развивали воображение и речь. Чем больше вопросов возникало у детей во время походов и экскурсий, тем ярче проявлялись любознательность и пытливость в классе, когда речь шла о природных явлениях, труде, далеких странах. Наблюдая за эмоциональным состоянием детей после «путешествий» в природу, я с каждым разом все больше убеждался в справедливости древней мудрости: мышление начинается с удивления.

Я стремился к тому, чтобы изумление перед тайнами природы, переживание радости познания служили как бы толчком, пробуждающим и активизирующим детей. В нашем классе были ученики, которым требовалось много времени для того, чтобы осмыслить содержание даже несложной задачи (Валя, Петрик, Нина). В каждом случае имелись свои причины, но следствие одно и то же: клетки коры полушарий головного мозга у этих детей находились в каком-то угнетенном состоянии. Ребята были равнодушны к тому, что объяснялось классу.

Как показали наблюдения, процесс мышления у этих детей страдает недостатком, объяснение которого подтверждало вывод о вялости и инертности клеток коры полушарий головного мозга. Недостаток заключался вот в чем: ребятам трудно было установить и особенно сохранить в памяти связь между несколькими предметами или явлениями. Дается, например, задача о яблоках, корзинках и детях. Пока ребенок думал о яблоках и корзинках, забывал о детях. Напомнили о детях — забыл о яблоках и корзинках. И вот мыслительное углубление в причинно-следственные связи между предметами и явлениями окружающего мира, маленькие открытия, чувство изумления перед истиной — все это пробуждало у Вали, Петрика и Нины бурную радость. Дети переживали большой духовный подъем. В их глазах загорались огоньки радостного возбуждения. Исчезало равнодушие, появлялась заинтересованность в предмете изучения. Если удавалось про-

будить в сознании ребенка вопрос, в котором заметна яркая эмоциональная окраска, — в детской головке в это время происходят бурные процессы, как бы вступают в действие дремлющие ранее силы. Я с радостью убеждался, что самые сложные в умственном развитии дети все больше пробуждаются: с интересом слушают рассказ, лучше осмысливают содержание задач. Конечно, предстояла кропотливая воспитательная работа. Я делился своими наблюдениями с опытными учителями начальных классов, и мы называли эту работу *эмоциональным пробуждением разума*.

Наблюдения за умственным трудом детей все больше убеждали меня в том, что эмоциональные импульсы (чувство радостной взволнованности, изумления, удивления), как бы пробуждают дремлющие клетки коры, активизируют их деятельность. Опыт показывал, что умственное воспитание маленьких детей должно осуществляться путем развития у них потребности к познанию — любознательности, пытливости.

«Путешествия» в природу стали традицией в начальных классах. Дети всегда с нетерпением ожидали, когда они пойдут в лес, в поле, к пруду, заранее придумывали игры. Любимыми для ребят стали игры, связанные с преодолением трудностей, игры, участниками которых являются сказочные и реальные герои. Я рассказал малышам (во 2 классе) о Робинзоне, и началась увлекательная игра, длившаяся несколько месяцев. После рассказа о Спартаке дети устроили на высокой горе, рядом с обрывом и глубоким ущельем сказочный лагерь восставших рабов. Ребят настолько увлек рассказ о скифах-скотоводах, охотниках, рыболовах, в седой древности живших в наших краях, что они создавали игры, в которых воспроизводили быт и труд древних тружеников.

Учение должно быть прочно связано с многогранной игрой умственных и физических сил, чтобы эта игра пробуждала яркие, волнующие чувства, а окружающий мир предстал перед детьми как интересная книга, которую хочется прочитать. Кроме «путешествий» в природу и игр, широкий простор для развития умственных и физических сил открывался в физическом труде. Нельзя представить полноценного, счастливого детства без того, чтобы трудовая деятельность не одухотворялась радостными, волнующими чувствами. Опыт убеждает, что

физический труд для маленького ребенка — это не только приобретение определенных умений и навыков, не только нравственное воспитание, но и безграничный, удивительно богатый мир мыслей. Этот мир пробуждает нравственные, интеллектуальные, эстетические чувства, без которых невозможно познание мира, а значит, — и учение. Физический труд, чередующийся с учебой, представляется мне захватывающим путешествием ребенка в мир мечты и творчества. Именно в процессе физического труда формировались важнейшие качества ума моих воспитанников: пытливость, любознательность, гибкость мысли, яркость воображения.

Умственный труд на уроках становится желанным, увлекательным, развивает и обогащает при условии, если в жизни ребенка есть одухотворенный мыслью физический труд. Уже во 2 классе раз в неделю у нас был час любимого труда, и дети занимались тем делом, которое овладело их мыслями и чувствами. В 3 и 4 классах было два еженедельных часа любимого труда.

Любимый труд... Это не означает, что учитель должен пассивно ждать, когда у ребенка появится увлечение. В трудовом воспитании, как и вообще во всей воспитательной работе, ничего нельзя предоставлять самотеку. Дети должны быть окружены атмосферой трудового увлечения. Вокруг моих воспитанников трудились подростки, юноши и девушки. Десятками интересных дел были увлечены все школьники. Они выращивали деревья и хлеб, конструировали модели машин и механизмов, создавали почвенные смеси, ухаживали за животными, строили новую теплицу или мастерскую, монтировали водопровод.

Дух исследования, пытливости и любознательности — вот что пробуждает у детей интерес к труду. Моим девизом всегда было: труд — не конечная цель, а средство достижения ряда многогранных целей воспитательного процесса — общественных, идейных, нравственных, интеллектуальных, творческих, эстетических, эмоциональных.

Учение может стать для детей интересным, увлекательным делом, если оно озаряется ярким светом мысли, чувств, творчества, красоты, игры. Моя забота об успехах в учебе начиналась с заботы о том, как питается и спит ребенок, каково его самочувствие, как он играет, сколько часов в течение дня бывает на свежем воздухе, какую книжку читает и какую сказку слушает, что рисует и

как выражает в рисунке свои мысли и чувства, какие чувства пробуждают в его душе музыка природы и музыкальные мелодии, созданные народом и композиторами, какой любимый труд есть у ребенка, насколько чутко воспринимает радости и невзгоды людей, что он создал для других и какие чувства пережил в связи с этим.

Учение становится частицей духовной жизни детей тогда, когда знания неотделимы от активной деятельности. Трудно добиться того, чтобы ребенка увлекли сами по себе таблица умножения или правила вычисления площади прямоугольника. Знания становятся желанным достоянием маленького человека при условии, когда они — средство достижения творческих, трудовых целей. Я стремился к тому, чтобы уже в младшем возрасте физический труд волновал детей, открывал возможность проявить сметливость и изобретательность. Одна из важнейших задач школы — научить пользоваться знаниями. Опасность превращения знаний в мертвый багаж зарождается как раз в младших классах, когда по своему характеру умственный труд больше всего связан с приобретением все новых и новых умений и навыков. Если эти умения и навыки только усваиваются и не применяются на практике, учение постепенно выходит за сферу духовной жизни ребенка, как бы отделяется от его интересов и увлечений. Стремясь предотвратить это явление, учитель заботится о том, чтобы каждый ребенок творчески применял свои умения и навыки.

ТРИСТА СТРАНИЦ «КНИГИ ПРИРОДЫ»

Известный немецкий математик Ф. Клейн сравнивал гимназиста с пушкой, которую десять лет начинают знаниями, а потом выстреливают, после чего в ней ничего не остается. Я вспоминал эту грустную шутку, наблюдая за умственным трудом ребенка, вынужденного заучивать то, что он не осмыслил, что не вызывает в его сознании ярких представлений, образов и ассоциаций. Подмена мысли памятью, яркого восприятия, наблюдения за сущностью явлений заучиванием — большой порок, отупляющий ребенка, отбивающий в конце концов охоту к учению.

Кто из нас не изумлялся острой, цепкой памятью дошкольников. Вот 5-летний ребенок возвратился с отцом и матерью с прогулки в лес или в поле. Он весь под

впечатлением ярких образов, картин и явлений. Проходит месяц, год, отец с матерью опять собираются на прогулку, сын с нетерпением ожидает тихого солнечного утра, вспоминает, как когда-то, невообразимо давно, он вместе с папой и мамой ходил в лес. Отец и мать поражены яркими, живыми деталями, как бы засверкавшими в детских воспоминаниях: ребенок вспомнил удивительный цветок из двух разноцветных лепестков. Отец с изумлением слушает, как сын повторяет прекрасную легенду о брате и сестре, превратившихся в цветок; эту легенду год назад отец рассказывал матери на опушке леса; малыш в эти минуты как будто бы не слушал, что рассказывал папа, он гонялся за бабочкой — как же сохранила его память эту, казалось бы, мельчайшую черточку окружающего мира?

В том то и дело, что дети удивительно остро воспринимают яркие, трепещущие игрой красок, оттенков и звуков образы и глубоко хранят их в памяти. Малыш удивляет старших самыми неожиданными вопросами, возникающими в его сознании в процессе восприятия образов окружающего мира. Вот и сейчас, вспомнив об удивительном цветке, ребенок спрашивает отца: «А брат и сестра видят друг друга или нет? Вы говорили, что растения живые — значит, они слышат и видят? И разговаривают друг с другом? И мы можем услышать этот разговор?» Целый поток мыслей, перед которыми отец останавливается в изумлении: почему же сын не спрашивал об этом год тому назад? Как могли так долго сохраниться в памяти не только яркий образ цветка, но и эмоциональная окраска тех незабываемых мгновений: отец убеждается, что малыш хорошо представляет и лесную опушку с пестрым ковром цветов, и голубое небо, и далекий рокот самолета.

Раздумывая об этом, я спрашивал себя: почему же получается так, что через 2—3 года обучения в школе ребенок с живым, ярким воображением, с острой памятью, с чуткой эмоциональной реакцией на явления окружающего мира никак не может запомнить грамматическое правило, почему он с трудом запоминает правописание слова *стень*, сколько будет шестью девять? Я пришел к не менее грустному выводу, чем немецкий ученый: процесс усвоения знаний в школьные годы нередко отрывается от духовной жизни учащихся. Детская память как раз потому остра и цепка, что в нее вливается чистый ручеек ярких образов, картин, восприятий, представлений. Детское мышление как

раз и поражает нас тонкими, неожиданными, «философскими» вопросами, потому что оно питается живительным источником этого ручейка. Как важно не допустить, чтобы школьная дверь закрыла от сознания ребенка окружающий мир. Я стремился к тому, чтобы все годы детства окружающий мир, природа постоянно питали сознание учащихся яркими образами, картинami, восприятиями и представлениями, чтобы законы мышления дети осознавали как стройное сооружение, архитектура которого подсказана еще более стройным сооружением — природой. Чтобы не превратить ребенка в хранилище знаний, кладовую истин, правил и формул, надо учить его думать. Сама природа детского сознания и детской памяти требует, чтобы перед малышом ни на минуту не закрывался яркий окружающий мир с его закономерностями. Я убежден, что острота детской памяти, яркость мысли с поступлением в школу не только не ослабятся, но еще больше усилятся, если средой, в которой ребенок будет учиться мыслить, запоминать и рассуждать, станет окружающий мир.

Нельзя преувеличивать роль природы в умственном воспитании. Глубоко ошибаются учителя, считающие, что если детей окружает природа, то уже в самом этом факте кроется могучий стимул умственного развития. В природе нет никакой магической силы, непосредственно влияющей на разум, чувства и волю. Природа становится могучим источником воспитания лишь тогда, когда человек познает ее, проникает мыслью в причинно-следственные связи. Переоценка наглядности — это абсолютизация отдельных особенностей детского мышления, сведение познавательной деятельности к чувственной сфере. Нельзя фетишизировать особенности детского мышления, в частности ту особенность, что дитя мыслит образами, красками, звуками. Эта особенность — объективная истина, важность которой с большой убедительностью доказал К. Д. Ушинский.⁹ Но если ребенок мыслит образами, красками, звуками, то из этого вовсе не следует, что его не надо учить абстрактному мышлению. Подчеркивая важность наглядности, большую роль природы в умственном воспитании, опытный педагог видит в этих факторах средство развития абстрактного мышления и целеустремленного обучения.

Я продумал все, что должно стать источником мысли моих воспитанников, определил, что день за днем в течение 4 лет будут наблюдать дети, какие явления окружаю-

щего мира станут источником их мысли. Так сложились 300 страниц «Книги природы». Это — 300 наблюдений, 300 ярких картин, запечатлевшихся в сознании ребят. Два раза в неделю мы шли в природу — учиться думать. Не просто наблюдать, а учиться думать. Это были по существу уроки мышления. Не увлекательные прогулки, а именно уроки. Но то, что и урок может быть очень увлекательным, очень интересным, — это обстоятельство еще больше обогащает духовный мир ребят.

Я ставил цель: запечатлеть в сознании детей яркие картины действительности, добивался того, чтобы процессы мышления протекали на основе живых, образных представлений, чтобы ребята, наблюдая окружающий мир, устанавливали причины и следствия явлений, сравнивали качества и признаки вещей. Наблюдения подтвердили очень важную закономерность умственного развития ребенка: чем больше абстрактных истин, обобщений надо усвоить на уроке, чем напряженнее этот умственный труд, тем чаще ученик должен обращаться к первоисточнику знаний — к природе, тем ярче должны запечатлеваться в его сознании образы и картины окружающего мира. Но яркие образы не отражаются в сознании ребенка, как на фотопленке. Представления, какие бы они яркие ни были, это не самоцель и не конечная цель обучения. Умственное воспитание начинается там, где есть теоретическое мышление, где живое созерцание не конечная цель, а лишь средство: яркий образ окружающего мира является для учителя источником, в различных формах, красках, звуках которого кроются тысячи вопросов. Раскрывая содержание этих вопросов, учитель как бы перелистывает «Книгу природы».

Вот первая страница «Книги природы», называется она «Живое и неживое». В теплый солнечный полдень ранней осени мы идем на берег реки, располагаемся на лужайке, Перед нами — луг, усеянный осенними цветами, в прозрачной глубине реки плавают рыбки, в воздухе порхают бабочки, в голубом небе летают ласточки. Мы идем к высокому обрыву, на котором в течение многих лет обнажился разрез почвы. Дети с интересом рассматривают слои глины и песка разных цветов — желтого, красного, оранжевого, белого. Вот тонкий слой белой глины, под ним — золотистый песок, еще ниже — красивые кристаллы кубической формы.

Ребята сравнивают верхний слой почвы, чернозем с глубинными слоями.

— Что мы видим в верхнем слое почвы?

— Корни растений, — отвечают дети. — В глубине корней нет.

— Посмотрите, ребята, на зеленый кустик травы, выросший на самом краю обрыва, и на эту полоску золотистого песка. Какое различие между травкой и песком?

— Трава летом растет, осенью увядает, весной снова оживает... — говорят дети. — У травки есть маленькие зернышки, они высыпаются на землю, и из них вырастают новые стебельки...

— А песок? — Мне хочется, чтобы вещи окружающего мира сравнивали все ребята, особенно тугодумы — Петрик, Валя, Нина. Есть в классе еще дети, у которых поток мысли можно сравнить с медленной, но полноводной рекой, — Миша, Сашко. Есть еще одна девочка — Люда, мышление которой для меня пока тайна за семью замками. Вначале я думал, что у ребенка просто замедлен процесс умственного развития и ему трудно понять то, что легко схватывают другие дети. Но в глазах девочки, живых, впечатлительных, чувствовалась мысль, сдерживаемая какими-то внутренними силами; ребенок как будто бы сознательно не спешил сказать то, что хорошо знал...

— Посмотрите, дети, вот золотой песочек, а вот зеленая травка. Или еще лучше — вот зеленый песочек и зеленая травка. Чем же они не похожи, что у них разное?

Дети думают, смотрят на зеленый луг и на обнаженный обрыв. В глазах Люды — задумчивость, Петрик пахмурил брови, Валя пересыпает с ладони на ладонь песок.

— На песке нет цветочков, а на травке есть, — говорит Люда.

— На травке пасутся коровы, а на песке попробуй, попаси! — восклицает Петрик.

— Травка от дождика растет, — говорит в раздумье Миша, — а песок разве растет от дождика?

— Песок глубоко в земле, а травка сверху на земле... — произносит Юра.

Но ему возражает Сережа: «А разве на берегу нет песка? Травка тянется к солнышку, а песок только нагревается на солнышке...»

Потом мы сравниваем маленький камешек, поднятый кем-то, и зеленый кленовый листочек, осколок красного

стеклышка и цветок ромашки, плавающую в пруду рыбку и гусиное перо, чугунные перила моста и вьющийся по дереву стебелек хмеля. Детская мысль бьет ключом, мальчики и девочки подмечают видимые с первого взгляда взаимосвязи между вещами и явлениями окружающего мира, открывают и связи, которые сразу не заметишь. Постепенно в сознании детей формируется первое понятие о живом и неживом. Одни предметы живые, другие — неживые — это дети видят на многочисленных фактах, но когда я спрашиваю: «А чем же отличается живое от неживого?» — они не могут ответить. Вывод складывается постепенно, при этом мысль детей опять устремляется к тому, что видят глаза. Наряду с правильно подмеченными признаками ребята допускают ошибки, которые исправляются в процессе живых наблюдений, сделанных здесь же. Когда Костя говорит: «Живое движется, а неживое не движется», — почти все соглашаются с ним, но потом наступает молчанье, дети смотрят вокруг себя, слышатся возражения:

— Палка движется, плывет по реке, но разве она живая?

— Трактор движется, но он ведь неживой?

— Паутинка плывет в воздухе, но разве паутинка живая?

— Мох на старой крыше не двигается, а он живой? Или мох — неживой?

— А песок — он тоже движется. Вот мы были в карьере, видели, как песок бежал ручьями.

Нет, оказывается, дело не в движении. Чем же отличается живое от неживого? Дети снова и снова сравнивают предметы окружающего мира. Шура воскликнул радостно:

— Живое растет, а неживое не растет.

Дети вдумываются в эти слова, и опять их взоры устремлены на окружающие предметы. Рассуждают вслух: трава — живое, трава растет; дерево — живое, оно растет; куст шиповника — живое, шиповник растет; камень — неживое — не растет; песок — неживое, потому что не растет. Так и есть — все живое растет; все неживое — не растет... Миша, о чем-то думая, смотрит вдаль. Слышит ли он слова товарищей? Когда дети называли все окружающие их живые и неживые предметы, мальчик говорит:

— Живое не может быть без солнца, — показывает рукой на лес, луг, поле.

Эти слова еще раз убеждают меня, что тугодумы передко отличаются большой зоркостью, внимательностью, наблюдательностью. Слова Миши озаряют сознание детей. «Как же я раньше об этом не подумал?» — мысленно спрашивают себя мальчики и девочки. Цепкая мысль как бы вновь ощупывает предметы окружающего мира, дети опять думают вслух: «Ни трава, ни цветы, ни дерево, ни пшепица не могут жить без солнца. Человек тоже не может жить без солнца... Или человек жил бы без солнца? Нет, разве можно представить, чтобы люди могли жить где-то в глубоком подземелье? Мы хорошо знаем, что в тени ветвистого дерева чахнет трава. Вот отец говорит: «Если бы солнышко пригрело после дождя, озимые сразу бы зазеленели, а без солнышка плохо будет...» А камень одинаковым остается и на солнышке, и в погребе. Нет, не одинаковым, в погребе он покрывается плесенью... А плесень — это жизнь или не жизнь? Солнце не только приносит пользу, оно может и сжечь посев, если долго нет дождя. Значит, все живое любит не только солнышко, но и воду.

Такими ручейками растекается детская мысль, потом эти ручейки сливаются в единый поток, детям становится все яснее, что в живом происходят какие-то непонятные для них явления, и эти явления зависят от солнца, от воды, от всего, что окружает нас в природе... Дети читают начальные строки первой страницы «Книги природы». Они поняли, что весь мир состоит из двух стихий — живого и неживого. Первое представление о живом и неживом рождает множество вопросов. Возвращаясь домой, дети присматриваются к тому, что казалось привычным, видят то, чего не видели раньше, и чем больше они замечают, тем больше возникает вопросов: почему маленький росток, проклюнувшийся из желудя, становится могучим дубом? Откуда берутся листва, ветви, толстый ствол? Почему осенью опадают листья с деревьев? Растут ли деревья зимой или не растут? На все эти вопросы невозможно ответить сразу, да такой задачи и ставить нельзя. Хорошо то, что у детей возникают эти вопросы. Хорошо, что, думая, ребенок учится обращаться к первоисточнику знаний, мысли — окружающему миру. Хорошо, что для передачи своей мысли он находит точное, правильное слово. Ясность мысли — эта важнейшая черта мышления — приобретается в процессе непосредственного общения с окружающим миром.

Ребенок мыслит образами, красками, звуками, но это не означает, что он должен остановиться на конкретном мышлении. Образное мышление — необходимый этап для перехода к мышлению понятиями. Я стремился к тому, чтобы дети постепенно оперировали такими понятиями, как *явление, причина, следствие, событие, обусловленность, зависимость, различие, сходство, общность, совместимость, несовместимость, возможность, невозможность* и др. Многолетний опыт убедил меня, что эти понятия играют большую роль в формировании абстрактного мышления. Овладеть этими понятиями невозможно без исследования живых фактов и явлений, без осмысливания того, что ребенок видит своими глазами, без постепенного перехода от конкретного предмета, факта, явления к абстрактному обобщению. Как раз вопросы, возникающие у детей в процессе изучения природы, и способствуют этому переходу. Я учил своих воспитанников наблюдать конкретные явления природы, искать причинно-следственные связи. Благодаря тесной связи мышления с конкретными образами ребята приобретали навыки постепенного оперирования абстрактными понятиями. Конечно, это был длительный процесс, протекающий годы.

Чтение «Книги природы» представляло большой интерес для детей. Но этот интерес — не самоцель. Советская педагогика отрицает гипертрофию непосредственной заинтересованности ребенка в обучении, отрицает и деятельность детей как конечную цель процесса обучения. Еще К. Д. Ушинский писал: «Приучите же ребенка делать не только то, что его занимает, но и то, что не занимает, — делать ради удовольствия исполнить свою обязанность. Вы готовите ребенка к жизни, а в жизни не все обязанности занимательны»*. Советской педагогической науке глубоко чужда тенденция буржуазных ученых рассматривать содержание, формы и методы обучения с точки зрения удовлетворения личных потребностей учащихся. Представитель современных «новейших» дидактических концепций американский педагог Гордон Мелвин считает, что учитель должен брать для обучения лишь то, что нравится детям: «Именно то, что ученик решает сделать, определяет усло-

---

* Ушинский К. Д. Соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1949, т. 6, с. 252.

вия, в которых он согласится учиться» *. Строя школьное обучение на «непосредственной заинтересованности», буржуазные педагоги по существу отрицают систему научных знаний. В советской педагогике личный интерес ребенка рассматривается как средство достижения образовательных и воспитательных задач школы — приобретения круга научных знаний, формирования диалектико-материалистических убеждений. В чтении «Книги природы» я видел не занятое времяпровождение, не увлекательную игру, а путь, который вводил в мир научных знаний. Дети осмысливали те явления окружающего мира, в которых раскрывалась сущность закономерностей природы. Содержание «Книги природы» учитель определял, исходя не из удовлетворения личных интересов каждого ребенка, а из диалектики научного познания мира. В этом принципиальное отличие цели деятельности школьника в советской педагогической теории от известного положения прагматистов: деятельность дает знания.

Деятельность в советской педагогике — не замена систематического научного образования, а средство достижения образовательных и воспитательных целей. Конечно, деятельность, способствующая овладению знаниями, немыслима без личного интереса ребенка. Интерес в советской педагогике рассматривается как активное участие творческих духовных сил школьника в процессе осмысливания, исследования. Интерес к изучаемому и познаваемому углубляется по мере того, как истины, которыми овладевает ученик, становятся его личными убеждениями. В советской педагогической теории интерес неразрывно связан с идейным, научно-материалистическим воспитанием.

Мы читали одну за другой страницы «Книги природы», учились думать. Вторая страница, с которой познакомились дети, называлась «Неживое связано с живым». Идем в теплицу, наблюдаем, как старшие учащиеся выращивают огурцы, помидоры, ячмень, овес на том же золотом песке, который взят глубоко из-под земли, на маленьких кусочках щебня. Вот малыши видят, как в металлические и деревянные ящики насыпают песок и щебень, поливают эту смесь раствором химических веществ. Корни огурцов и помидо-

---

* Gordon Melvin A. General Methods of Teaching. New-York — Toronto — London, 1952. Mc. Graw-Hill-book Company, Inc., p. 135.

ров берут из этой среды соки для роста и плодоношения. Мертвые камешки, белый порошок, растворенный в воде,— вот как будто бы и все необходимое для жизни. А вот в плоских сосудах зеленые стебли ячменя растут даже без песка и камушков: корни берут питательные вещества из раствора белого порошка. Но, присмотревшись внимательно к цветению и плодоношению, дети видят, что неживое становится средой для живого лишь там, где есть солнце и вода. Жизнь невозможна без света, тепла и воды. Вот сегодня пасмурный день, и в теплице зажигаются электрические лампы. На дворе прохладное утро, а в теплице трубы центрального отопления согревают воздух.

Учитель говорит: «Присмотритесь, дети, внимательно к тому, что вы видите, и подумайте, может ли существовать живое без неживого? Вот перед вами большой ящик со многими маленькими ящичками: здесь разнообразные химические удобрения. Смотрите, как ваши старшие товарищи берут из одного, из другого ящика белый, желтый, серый порошок, смешивают, растворяют в воде. А вот делается плодородная почва: крупный песок смешивается с перегноем. Видите, какие сочные помидоры вырастают на этой смеси? Из чего берет растение строительный материал для своей листвы, стеблей, плодов? Из неживого. Неживое — это среда для живого». Эти истины пробуждают в детской душе чувство изумления перед тайнами природы.

Опять вспоминается старинное изречение, приписываемое Аристотелю: мышление начинается с удивления. Искреннее изумление перед открывшейся тайной природы — могучий толчок для стремительного потока мысли. Когда дети увидели, как на растворе химических веществ вырастают совершенно различные растения — помидор, огурец, ячмень,— они засыпали меня вопросами: «Как это прозрачный раствор превращается в толстые стебли, в яркие цветы, на которых порхают пчелы, в сочные плоды?», «Откуда берется живое? Ведь солнышко не несет растению кусочков зелени — оно только светит и греет?», «Почему из одного и того же раствора вырастают зеленый огурец и красный помидор?», «Почему огурец зеленый, а помидор красный — ведь они растут рядом?», «Что есть в этих разноцветных порошках?», «Почему от перегноя, внесенного в почву, растения зеленеют?»

Как важно первое наглядное представление о связи живого с неживым для дальнейшего умственного развития ребенка! Задумываясь над вопросами: «Откуда берется живое вещество?», «Как это солнышко «делает» живое из неживого?», — ребенок готовится к тому, чтобы прочесть великую книгу жизни, познать тайны сложных процессов.

Чтение «Книги природы» я рассматривал как средство воспитания умственной активности. Представление, картина, образ — это лишь начало активной мыслительной деятельности. «Любой метод плохой, — писал А. Дистервег, — если приучает ученика к простому восприятию или пассивности, и хороший в той мере, в какой пробуждает в нем самостоятельность»*. Я стремился к тому, чтобы чтение «Книги природы» не выливалось в простое восприятие картин и образов природы, а было началом активного мышления, теоретического познания мира, началом системы научных знаний.

«Самое лучшее содержание, — пишет известный советский психолог Г. Костюк, — доходит до сознания учащихся тогда, когда оно включается в их собственную деятельность»**. Не деятельность для деятельности, для удовлетворения личных интересов, а деятельность, раскрывающая содержание научных знаний, — такова сущность единства активности и научности в советской педагогике.

«Все в природе изменяется» — так называется следующая страница «Книги природы». К ней возвращаемся несколько раз. Осенью в ясный полдень класс идет в плодовый сад. Под тяжестью плодов сгибаются ветви яблонь и груш. «Вспомните, дети, — говорит учитель, — каким был наш сад зимой, — голые, покрытые инеем ветви, засыпанные снегом стволы... А теперь ветви покрыты густой листвой, яблоки и груши наливаются соками земли».

Через 2 месяца мы опять в саду. Каким он стал? Желтые листья устлали мягким ковром землю, ветви полуобнаженные. Вот рядом старая, дулистая яблоня и маленький дичок. Яблоню сажали наши деды. Половина ветвей на ней усохла. Зеленеют лишь несколько, и на них крупные, сочные плоды. Стоит под солнышком старая яблоня еще

---

* Дистервег А. Избр. пед. соч. М., Учпедгиз, 1956, с. 128.

** Костюк Г. С. Психологічні питання поліпшення якості уроку. Зб. «Психологічні питання поліпшення якості уроку». К., Радянська школа, 1959, с. 5.

год, два, и ее придется спилить. А на тоненьком стволе дичка зеленеет нежный побег — это ученики привили почку со старой яблони. Пройдут годы, и побег превратится в дерево, зацветет яблоня, созреют золотые плоды.

— Посмотрите внимательно вокруг себя, дети, — есть ли хоть одно растение, которое оставалось бы все время одинаковым?

Жизненный опыт детей еще небольшой, но с малых лет они живут в мире труда и природы и знают, что растение рождается, расцветает, плодоносит... Они рассказывают, как из земли появляется нежный стебелек, как он превращается в толстый стебель растения, как раскрываются почки на деревьях и появляются листья... Детей изумляют быстрые, происходящие как бы скачками, изменения в мире живого. Вчера мы были в персиковом саду, видели черные почки, голые ветви. Приходим сегодня рано утром, и перед нашим взором открывается новая картина: ветви усыпаны маленькими розовыми цветочками... Почему так быстро, за одну ночь, раскрылись почки, и деревцо зацвело? Ночью оно спит или не спит? Вообще спят ли деревья или не спят? Больно ли дереву, когда срезают ветку? Почему дерево стареет и умирает? — над этими вопросами мне пришлось долго думать, чтобы найти на них ответы. Но ответы вызвали новый поток вопросов.

Эту страницу «Книги природы» мы читали и на берегу пруда, и в овраге, и в зарослях кустарника, и в поле. Вот на мелководье плавают маленькие головастики — дети знают, что они превращаются в лягушек. Но как происходит этот процесс? Почему в аквариуме самая маленькая рыбка уже рыбка, а головастик совсем не похож на лягушку? Мы наблюдаем, как колхозники выкармливают шелковичных червей. Из маленького, как маковое зернышко, яичка появляется прожорливый червячок. Он ест только листья тутовника — почему? Червячок превращается в большого червяка, который несколько раз «линяет» — как бы вылезает из старой кожи, — почему? Вот он снует вокруг себя шелковую паутину, прячется в золотом домике, коконе, — что с ним там происходит? Берем несколько коконов, кладем на окно и через некоторое время видим, как появляются красивые, большие бабочки. Бабочки откладывают яички — опять повторяется то же самое. Как делает червь тонкую шелковую нить? Почему он

съедает много тутовых листьев, прежде чем подойдет время завивки коконов?

Чем больше деятельности, связанной с активным познанием природы, тем глубже и осмысленнее становится видение окружающего мира. Дети с каждым месяцем замечали вокруг себя все больше явлений, на которые раньше не обращали внимания. Так они увидели формы жизни, совершенно не похожие на известные им: в темном, сыром погребе на клубнях картофеля появляются белые нити — что это такое, корни или будущие стебли? На затемненной, северной стороне стволов деревьев зеленеет мох — почему он прячется от солнышка? Почему у мха нет семян? Как он размножается? Все растения цветут — но ведь мох не цветет. Что же это за растение?

Несколько строчек «Книги природы» убеждают детей, что изменяется не только живое. Мы идем к прибрежной скале. Дети присматриваются к серым камням и видят в них тонкие трещины. Вот от камня откололся тоненький слой и рассыпался в руках. Значит, и камень не всегда остается камнем? Дети вспомнили, как несколько месяцев назад они говорили: «Камень одинаков и на солнышке, и в погребе». Днем камни накаляются, а ночью охлаждаются, появляются трещины, в которые попадает вода. Оказывается, и камень не вечный.

Анализируя уроки мышления, посвященные чтению «Все в природе изменяется», я убеждался в том, что чем больше ребенок узнает, чем больше открывает не замеченных в повседневной жизни закономерностей, тем глубже у него желание знать, тем заметнее чувствительность органов восприятия к явлениям окружающего мира, тем тоньше связи органов восприятия с мышлением. В трудах советского антрополога проф. М. Ф. Нестурха есть слова, дающие, как мне кажется, ключ к объяснению процесса умственного развития ребенка: подвергаясь в годы детства непрерывному потоку все новой и новой информации, человек именно в этом возрасте приобретает *нарастающее стремление к познанию*.

Поток информации — вот важнейшее условие полноценного умственного развития. А что происходит, когда в силу тех или иных причин этот поток ослабевает и его не пополняют? То, что ребенок видит сам, — это еще не поток информации. Человеческое воспитание в том и заключается, что старшие передают детям свои знания об окру-

жающем мире, энергией своей мысли постоянно питают поток информации, воздействующей на ребенка.

Я начал внимательно изучать окружение каждого ребенка в семье — от рождения до поступления в школу. Стали открываться интересные закономерности. Если в дошкольном возрасте ребенок предоставлен самому себе, если старшие не создают того потока информации, без которого немислимо нормальное человеческое окружение, детский мозг пребывает в состоянии инертности: угасает пытливость, любознательность, развивается равнодушие. Не является ли нарастающее стремление к познанию той важнейшей энергией мышления, которая определяет в огромной мере умственное развитие ребенка? По-видимому, это так.

Петрик в детстве был предоставлен самому себе. Мать и дедушка утром шли на работу, а мальчик оставался дома один. Его оставляли под навесом сарая или на зеленой лужайке, обнесенной частоколом. Время от времени соседка смотрела, все ли с ребенком благополучно. Так Петрик «воспитывался» от 2 до 5 лет. Это было какое-то «растительное» воспитание. Мальчик был хорошо обеспечен питанием, одеждой, обувью, но лишен самого главного — человеческого окружения. С 5-летнего возраста Петрик играл с детьми, главным образом со сверстниками, на улице. Придя в школу, он не знал смысла отдельных самых простых слов родной речи. Его равнодушный взгляд, скользящий по окружающим предметам, казался мне взглядом маленького старичка. Значит, живая материя мышления — клетки коры полушарий — у ребенка инертна, потому что в самый важный период становления нервной системы — в период младенчества мозга — мальчик был лишен бурного потока информации из окружающего мира. Поэтому в воспитании ребенка большую роль должно было сыграть чтение «Книги природы».

...Мы открываем следующую страницу — «Семена жизни». Осенью дети собирают семена груш, яблони, персика, сливы для закладки плодовой школки. Они из опыта уже знают, что из семени вырастает растение. Весной и летом, когда в степи, в лесу, в рощах бурно расцветает жизнь, на растениях созревают семена, род продолжается. Мы идем на экскурсию. Весенний ветерок срывает белые пушинки с тополей и колючек одуванчика. Дети находят маленькие семена в легких пушинках. Они изумлены:

как позаботилась природа о семенах этих растений: на сухой поверхности почвы они не задерживаются, но как только на земле есть влага, пушинка прилипается, «заякоривается» — и семечко пускает росток. Ребята с интересом читают строчку за строчкой страницу «Книги природы», видят, как многие растения «стреляют» зернышками, и семена жизни разлетаются во все стороны, как через маленькие «окошечки» в маковой головке, раскачиваемой ветром, вылетают зернышки, которые созревают раньше других. Рассматриваем под увеличительным стеклом «хитрые» крючки, лапки, «кошки», которыми многие семена цепляются за одежду человека, за шерсть животных. Собираем коллекцию семян зерновых культур. Дети задумываются: как из зернышка вырастает большое растение? Семя — живое или неживое? Несколько интересных строчек этой страницы ребята читают зимой: некоторые растения сбрасывают свои семена на снег, им надо полежать несколько недель в снегу, только после этого они прорастают.

Чем сильнее стремление к познанию, тем с большим интересом работают дети, тем глубже раскрывается исследовательский характер труда. Поток информации из окружающего мира становится особенно сильным стимулом познания при условии, когда мыслить помогают руки, когда в труде ребенок стремится найти ответ на волнующий его вопрос, открыть загадку, убедиться в истинности того, что пока осмысливается как предположение. Настоящим мыслителем становится ребенок, который стал тружеником, но не по принуждению, а по искреннему желанию. Источником детского желания трудиться является прежде всего *желание узнать*. Если это желание развивается, у детей крепнет интерес к труду. То, что в практике воспитательной работы называют любовью к труду, является сплавом любознательности, пытливости и чувства собственного достоинства ребенка.

Глубокий след в сознании и эмоциональной памяти детей оставляют «путешествия», посвященные чтению одной из самых волнующих страниц «Книги природы» — «Солнце — источник жизни». В жаркий день знойного лета мы идем в поле, в сад, на виноградник. Перед нами — поля пшеницы и подсолнечника, гроздья винограда, желтеющие груши, созревающие помидоры. В этих дарах плодородия дети видят свет и тепло солнца. Все, что нужно человеку,

земля дает благодаря солнцу. Этот вывод, сделанный путем многочисленных наблюдений, сравнений, установления причинно-следственных связей, вызывает у малышей изумление, которое дает новый толчок для полета мысли. Дети всматриваются в окружающий мир, задумываются над происхождением каждой вещи. И чувство изумления еще больше углубляется, когда они убеждаются, что солнце — единственный источник жизни.

Хлеб, картофель, подсолнечник — ничего этого не было бы без солнца. Мяса, молока, масла тоже не было бы, потому что животные питаются тем, что растет на земле благодаря солнечному свету и теплу. Изумленные дети спрашивают: «А что же такое солнце? Откуда берется тепло, которое посылает нам солнце? Почему зимой солнце так мало согревает землю? Не потухнет ли оно? Что будет, если солнце погаснет?»

Вопросы, возникающие во время чтения «Книги природы» — это начало стремительного полета мысли к той вершине знаний, с которой через несколько лет откроется сложность тайн жизни. Я заботился о том, чтобы дети были пытливыми исследователями и открывателями мира, чтобы истина предстала перед ними не как готовый вывод, преподнесенный педагогом, а как яркая картина окружающего мира, пережитая с трепетным биением сердца. Если открытие взволновало ребенка, истина становится личным убеждением, которым человек дорожит всю жизнь. Интеллектуальные чувства, переживание радости познания, удивление перед величием природы и стройностью ее закономерностей — это источник прочной памяти.

Я видел в интеллектуальных чувствах главное средство развития и укрепления памяти отдельных детей. Валя очень плохо запоминала, казалось, все «выветривается» у нее из головы. Надо было добиться того, чтобы сердце девочки затрепетало от изумления перед картинами окружающего мира. Несколько дней мы ходили в поле, лес, на берег реки, в сад, на пасеку читать страницу «Книги природы» под названием «Всякое живое существо приспособляется к окружающей среде». Я обратил внимание детей на то, что некоторые цветы в жаркую погоду складывают свои лепестки, а в часы вечерней прохлады раскрывают их; показал, как тонкий стебелек подснежника стрелой пробивает плотный слой опавшей листвы, как пчелы строят ульи и заполняют медом соты, как корни винограда-

ного куста углубляются в почву на три метра, чтобы взять влагу, как веточка вербы, попавшая в ил, пускает корни, и из нее вырастает дерево... Эти открытия наполняли сердце девочки радостным волнением. Выражение равнодушия в глазах ребенка уступало место живой заинтересованности. Молчаливая Валя заговорила, она спрашивала: «А как пчела знает, куда ей лететь домой? Как она находит свой улей? Не холодно ли цветку подснежника — ведь под деревьями еще снег лежит?» Где есть вопрос, там есть и мысль, а где есть мысль, там память сохраняет картины окружающего мира, закономерности природы.

Вот названия страниц «Книги природы», которые мы читали одну за другой: «Растительный и животный мир», «Как путешествует капля воды», «Человек использует силы природы», «Пробуждение природы весной», «Самые длинные летние дни», «Весенние цветы в лесу, на полях и на лугу», «Летние цветы», «Ландыши и фиалки», «Хризантемы — дети осени», «Жизнь в пруду», «Последние дни бабьего лета», «Природа ждет зимы», «Первое зимнее утро», «Жизнь птиц в зимнем лесу», «Пшеничные колосья», «Жизнь пчелиной семьи», «Ласточки строят гнезда», «Приближается гроза», «Осеннее ненастье», «Мир цветов среди зимы», «Лес сохраняет влагу», «Аисты прилетели», «Птицы готовятся лететь в теплый край», «Солнышко после летнего дождя», «Радуга над рекой», «Озимый и ярый хлеб», «Зацвели подсолнечники», «Звезды на небе», «Жизнь почвы», «Зеленый листок — кладовая солнца», «Грибы и мхи», «Как из желудя вырастает дуб» и другие.

«Плохой учитель преподносит истину, хороший — учит ее находить», — писал А. Дистервег*. В наши дни исследовательский подход к явлениям окружающего мира приобретает особенно большое значение. Очень важно, чтобы способ мышления учащихся основывался на исследовании, поисках, чтобы осознанию научной истины предшествовало накопление, анализ, сопоставление и сравнение фактов. Наблюдая явления и картины природы, ребенок, овладевает формами и процессами мышления, обогащается понятиями, каждое из которых наполняется реальным смыслом причинно-следственных связей, подмеченных зорким глазом

---

* Дистервег А. Избр. пед. соч. М., Учпедгиз, 1956, с. 158.

пытливого наблюдателя. Опыт подтвердил, что мышление детей, читающих «Книгу природы», отличается замечательной особенностью: оперируя абстрактными понятиями, ребенок мысленно обращается к тем представлениям, образам и картинам, на основе которых эти понятия сформировались.

Когда мои воспитанники, прочитавшие в годы детства «Книгу природы», стали подростками, а затем юношами и девушками, меня особенно интересовало, как отразилось активное познание окружающего мира на общем умственном развитии, на характере и стиле умственного труда, на многогранности интеллектуальных интересов. Я убедился, что интеллектуальная жизнь учащихся отличалась большой пытливостью. Ко всему у них дело, все окружающее затрагивает их чувства и мысли. Одной из черт умственной жизни моих воспитанников в годы отрочества и ранней юности было умение видеть явления и предметы в их взаимосвязи. Все, что неясно, непонятно, они стремились найти в книгах. Книга стала для них источником знаний и духовной потребностью.

**ОТ МИРА ВЕЩЕЙ — К ОБЩЕСТВУ.
ЧТО ОТКУДА БЕРЕТСЯ?**

Природа — благодатный источник воспитания человека. Но с познания природы лишь начинается становление ума, чувств, взглядов, убеждений. Человек живет в обществе, и в сущности вся его жизнь представляет собой отношения, в которые он вступает с другими людьми. Я стремился к тому, чтобы на протяжении всех 4 лет обучения в начальной школе дети постепенно осмысливали важную истину: человек живет благодаря тому, что его материальные и духовные потребности удовлетворяют сотни, тысячи других людей; в обществе невозможно жить, не создавая материальных и духовных ценностей для сотен и тысяч людей. В труде, в процессе взаимоотношений в обществе формируется нравственный облик человека, его духовная культура, взгляды на жизнь, мировоззрение. Одной из важных воспитательных задач учителя является то, чтобы дети поняли и почувствовали сердцем: через созидание материальных и духовных благ выражается в нашем обществе отношение человека к человеку, общественное лицо гражданина.

Опыт убедил меня, что к пониманию общественных отношений маленький ребенок приходит от понимания вещей, в частности думая и как бы открывая очень важную истину: что откуда берется?

Мы пообедали в школьной столовой, помыли посуду. Подождите, дети, не выходите из столовой, посидим еще полчаса за столами. Подумаем, откуда взялись вещи, которыми мы сегодня пользовались? Откуда всё, что представлено нам здесь, в столовой? Дети перечисляют всё, что они ели: хлеб, мясо, картофель, молоко, масло, яйца... Пицца варилась в печке, недавно построенной печниками из нового кирпича. Печку топят углем, уголь привезли из шахты. Мы сидим за столами, на стульях. И столы, и стулья сделаны из металлических трубок и пластмассы...

— Всё? — спрашиваю я.

— Всё, — отвечают дети.

— Посмотрите внимательнее, кое-что осталось не замеченным...

В углу — холодильник, он не может работать без электричества. На стенке — плафоны, в них горят электрические лампочки. Заметят ли малыши эти вещи?

Заметили. С изумлением открыли ту истину, что если бы не электричество — трудно, ой, как трудно было бы жить дома и учиться в школе.

Откуда же взялись вещи, без которых мы не могли бы жить?

С этого вопроса начинаются наши «путешествия» в общественное производство, в сложный мир трудовых взаимоотношений. Каждый наш шаг — это новое и новое открытие. Так дети пережили чувство большого уважения к людям труда, открыв истину: для того чтобы у нас на столе появилась хлебина, необходим труд почти всех их родителей. Но этого мало. Необходим и труд рабочих, создавших трактора, плуги, комбайны — без машин не вырастишь хлеба. Нужен труд шахтера — без угля не выплавишь металла, необходимого для производства машин.

Не менее удивительные открытия ожидают нас при близком ознакомлении с другими вещами. Сотни людей самых различных специальностей, в далеких и близких городах и селах нашей Родины должны потрудиться для того, чтобы уголь из земных недр переместился на нашу школьную кухню. Сотням людей надо работать, чтобы

выплавить металл и сделать из него наши столики, из песка и глины сделать кирпичи.

Потом мы таким же образом начинаем первый шаг в общественное производство, в мир трудовых взаимоотношений, знакомясь с тем, откуда взялась наша одежда, каково происхождение бумаги, кто сделал нам книги, кинофильмы, кто создал музыку. Неделя за неделей, месяц за месяцем мы познавали сложное переплетение общественных отношений. Познавали человека через мир вещей. Вещи, материальные и духовные ценности помогали нам увидеть, понять, почувствовать человека. Пекарь Степан Максимович, с которым мы встречались на его рабочем месте, в глазах детей был не просто человеком, зарабатывающим своим скромным трудом на хлеб, одежду и многое другое, но и творцом жизни, без него не могли бы жить сотни, тысячи людей. Каждую неделю мы встречались с тружениками, производящими материальные и духовные блага для сотен и тысяч людей — комбайнерами и трактористами, слесарями и токарями. В один из весенних дней, после окончания 3 класса, мы поехали на Кременчугскую гидроэлектростанцию, увидели, как производится электроэнергия, встретились с энергетиками.

Для формирования морального облика детей очень большое значение имеет то, как относятся к своему труду люди, с которыми дети встречаются. То, что люди, создающие для других такие обычные, ничем не примечательные с первого взгляда материальные блага, как хлеб, мясо, молоко, сахар и др., гордились своим трудом, относились к нему как к служению обществу, оказывало сильное влияние на детские сердца. Истина, что труд возвышает, приносит человеку полноту счастья, была для детей не какой-то абстракцией, а самой сущностью жизни. Уже в годы детства человек был убежден, что важнейшее поприще, на котором он может раскрыть свои силы, творческие способности, — это честный труд на благо общества.

ТЫСЯЧА ЗАДАЧ ИЗ ЖИВОГО ЗАДАЧНИКА

Важная задача школы — воспитать человека пытливым, творческой, ищущей мысли. Я представляю себе детские годы как школу мышления, а учителя — как человека, заботливо формирующего организм и духовный мир своих

воспитанников. Забота о развитии и укреплении мозга ребенка, о том, чтобы это зеркало, отражающее мир, всегда было чутким и восприимчивым — одна из главных обязанностей педагога. Как мускулы развиваются и укрепляются от физических упражнений, в процессе преодоления трудностей, так и для формирования и развития мозга необходимы труд и напряжение.

Мозг ребенка развивается и крепнет в процессе установления многогранных связей с предметами и явлениями окружающего мира — причинно-следственных, временных, функциональных. Я видел свою задачу в том, чтобы помогать детям понять эти связи в явлениях окружающего мира, чтобы формировать, укреплять и развивать их пытливый, острый и наблюдательный ум.

Упражнениями, пробуждающими внутреннюю энергию мозга, стимулирующими игру умственных сил, является решение задач на сообразительность, сметливость. Эти задачи порождаются самими вещами, предметами, явлениями окружающего мира. Я обращаю внимание детей на то или иное явление, добиваясь, чтобы ребенок увидел скрытые, непонятные пока для него связи, чтобы у него возникло стремление найти сущность этих связей, понять истину. Ключом к решению задач всегда является активная деятельность, труд человека. Напрягая умственные силы, стремясь установить связи между предметами и явлениями, ребенок выполняет определенную работу. В окружающем мире — тысячи задач. Их придумал народ, они живут в народном творчестве как интересные рассказы-загадки.

Вот одна из первых задач, которые решили дети во время отдыха:

«С одного берега реки на другой надо перевезти волка, козу и капусту. Одновременно нельзя ни перевозить, ни оставлять вместе на берегу волка и козу, козу и капусту. Можно перевозить только волка с капустой или же каждого «пассажира» в отдельности. Можно делать сколько угодно рейсов. Как перевезти волка, козу и капусту, чтобы все обошлось благополучно?»

Народная педагогика знает сотни аналогичных задач-загадок. К задачам такого рода у малышей большой интерес. И вот все мальчики и девочки задумались: как же перевезти «пассажиров», чтобы волк не съел козу, а коза капусту? Мы сидим на берегу пруда. Дети рисуют

на песке реку, находят маленькие камешки. Задачу, может быть, решат не все, но то, что ребята напряженно думают,— это прекрасное средство развития умственных сил.

Решение задач-загадок такого рода напоминает умственный труд во время шахматной игры: и там и здесь надо помнить несколько намеченных ходов. Я дал эту задачу 7-летним малышам вскоре после начала занятий в 1 классе. Минут через 10 ее решили трое ребят — Шура, Сережа, Юра. Быстрый поток мысли этих детей, устремленный вперед, сочетается с цепкой, острой памятью. Через 15 минут задачу решили почти все дети, но у Вали, Нины, Петрика, Славы опять ничего не выходило. Я видел, что нить мысли в сознании ребят как бы обрывается. Малыши понимали смысл задачи, ярко представляли предметы и явления, о которых идет речь, но как только были сделаны первые предположения, в их сознании тускнело представление, которое было столь ярким, иными словами, ребенок забывал то, что он помнил вот только сейчас.

Из богатой сокровищницы народной педагогики я выбирал все новые и новые задачи, надеясь прежде всего на то, что у моих тугодумов пробудится интерес к содержанию, сюжету задачи-загадки. Через несколько дней я дал такую народную задачу-загадку: «Небольшой военный отряд подошел к реке, через которую надо было переправиться. Мост был поломан, а река глубокая. Как быть? Вдруг офицер заметил у берега двух мальчиков, игравших в челне. Но челн так мал, что на нем мог переправиться только один солдат или только два мальчика — не больше. Однако все солдаты переправились через реку именно на этом челне. Каким способом?»

Опять наблюдаю, как думают дети. Опять они рисуют на песке, стремясь удержать в памяти несколько «шахматных ходов». Снова вижу, как удручены Нина, Слава и Петрик. У Вали радостно загорелись глаза: она решила задачу.

Начинаю заниматься отдельно с тугодумами. Даю им более простые народные задачи-загадки, рассчитанные на углубленное осмысливание натурального ряда чисел и установление взаимозависимости между числами. Вот 5 задач-загадок такого рода:

1. «Соколы и дубы»: прилетели соколы, сели на дубы. Если по одному сядут на дуб, то останется один сокол, если по два, то останется один дуб. Сколько всего соколов и сколько дубов?

2. «На пастбище»: два мальчика пасли овец. Если первый отдаст второму одну овцу, то у них станет поровну. Если второй отдаст первому овцу, то у первого будет овец в два раза больше, чем у второго. Сколько овец было у первого и у второго пастуха?

3. «Сколько гусей?»: летит стая гусей, а навстречу им гусь.— Здравствуйте, сто гусей,— говорит он.

— Нет, нас не сто,— отвечают гуси.— Если нас столько, как есть, да еще столько, да полстолько, да четверть столько, да еще ты, гусь,— лишь тогда будет сто.— Сколько всего летело гусей?

4. «Головы и ноги»: во дворе ходят куры и прыгают кролики, всего 10 голов и 24 ноги. Сколько всего кроликов и сколько кур?

5. «Сколько шаров?»: в мешке — 10 желтых шаров, 10 красных, 5 зеленых и 5 черных. Возьми с закрытыми глазами самое малое количество шаров, но чтобы ты был уверен, что взял 7 шаров одного цвета.

Эти задачи-загадки — незаменимое средство тренировки ума. Решая каждую из них, надо помнить от 2 до 4 предыдущих и последующих «шахматных ходов». Через полгода после начала этой работы Валя и Слава решали задачи такого рода, у Петрика и Нины пока еще ничего не выходило. Они не могли удержать в памяти то, без запоминания чего нельзя было сделать очередного «шахматного хода».

Чем объяснить это явление? По-видимому тем, что некоторые ребята еще не обладают способностью мгновенно переключать мысль от одного объекта к другому, что осознается субъективно как умение удержать в памяти все составные элементы задачи, мысленно охватить несколько «шахматных ходов». Почему не выработалась эта способность клеток коры полушарий — другой вопрос. Далеко не всегда она определяется врожденными особенностями мыслящей материи, но игнорировать эту причину тоже нельзя. Наблюдения подтвердили: если нить мысли мгновенно обрывается, если в одно и то же мгновение ребенок не может охватить мысленным взором то, что представляет сейчас, и то, что представлял несколько

мгновений назад, — он не умеет мыслить, ему трудно установить связь между несколькими предметами и явлениями.

Я изучал мышление детей, особенно таких тугодумов, как Валя, Петрик, Нина, не для каких-то теоретических целей, а для того, чтобы облегчить их умственный труд, научить учиться. Наблюдения подтвердили, что прежде всего надо научить детей охватывать мысленным взором ряд предметов, явлений, событий, осмысливать связи между ними. От углубленного взгляда на сущность и внутренние закономерности одного предмета ребенок должен постепенно переходить ко взгляду на ряд предметов как бы издали, на расстоянии. Изучая мышление тугодумов, я все больше убеждался, что неумение осмыслить, например, задачу — следствие неумения абстрагироваться, отвлекаться от конкретного. Надо научить ребят мыслить абстрактными понятиями. Пусть Валя не рисует в своем воображении конкретный образ волка, пусть ее мысль не останавливается на том, как коза тянется к капусте. Все эти образы должны быть для ребенка отвлеченными понятиями. Но путь к отвлеченному идет через глубокое понимание конкретного. Нужно научить детей мыслить абстрактными понятиями. Надо воспитывать умение мыслить, иначе дети будут напрягать память, будут зубрить, а это еще больше будет притуплять мысль.

С каждым месяцем занятий я все больше убеждался, как важно педагогическое образование родителей дошкольников. Именно тогда, когда ребенок еще не учится в школе, с матерью и отцом надо много говорить о воспитании. Заботясь о будущих поколениях школьников, мы создали школу для родителей, в которую пригласили отцов и матерей детей от 2 до 6 лет. Составили программу занятий, включив в нее такие вопросы, как физическое, психическое, умственное, моральное и эстетическое развитие ребенка, забота родителей о воспитании мышления будущих школьников. Эта школа работает теперь постоянно.

Педагогические знания родителей особенно важны в тот период, когда мать и отец являются единственными воспитателями своего ребенка — в его дошкольные годы. В возрасте от 2 до 6 лет умственное развитие, духовная жизнь детей в решающей мере зависят от этой элемен-

тарной педагогической культуры матери и отца, которая выражается в мудром понимании сложнейших душевных движений развивающегося человека. Мы стремились вооружить родителей определенными знаниями и навыками. На занятиях школы для родителей особенно большое внимание уделялось вопросу: как научить ребенка мыслить, какими путями развивать его умственные способности. На основании многолетнего опыта мы ставили тысячу вопросов об окружающем мире — эти вопросы дети чаще всего ставят родителям, объясняли, как отвечать, когда спрашивает малыш, развивать пытливость и любознательность ребят. Вместе с родителями разработали программу прогулок дошкольников в природу, наметили объекты, которые должны стать предметом наблюдений. Особенно большое внимание было уделено тому, чтобы в каждой семье, где есть дошкольники, царил атмосфера уважения к книге.

Многолетние наблюдения убеждают, что есть и наследственные факторы, в силу которых возникают затруднения в умственном воспитании. Алкоголизм родителей — страшный враг всего организма ребенка, но особенно пагубное влияние он оказывает на нежную мыслящую материю.

Каждый раз, когда создавались благоприятные условия для решения задач, представляющих собой как бы упражнения для мозга, я держал поближе к себе детей, которые медленно мыслят, с трудом запоминают. Приходилось придумывать различные задачи-загадки, задачи-шутки, пока в конце концов удавалось добиться, что между живыми островками мысли у Нины пробудились первые нити, связывающие представления и образы окружающего мира.

Запомнился зимний день, когда мы сидели у аквариума. Дети считали рыбок, у одного получалось больше, у другого — меньше. Я рассказал задачу-шутку: «Братик увидел в аквариуме двух больших и четырех маленьких рыбок, сестренка увидела двух больших и трех маленьких рыбок. Мама увидела трех больших и пять маленьких рыбок. Мама увидела всех рыбок, которые жили в аквариуме. Сколько же рыбок было в аквариуме?» Для многих детей задача не представляла труда, но Нина долго думала. Наконец, она радостно всплеснула руками: «Да ведь братик и сестренка увидели не всех рыбок, а мама

увидела всех. В аквариуме три больших и пять маленьких рыбок. Они спрячутся в траве — и не видно... А мама увидела». Такие же задачи, может быть, даже потруднее начали решать и Валя и Петрик.

Постепенно я стал давать этим детям более трудные задачи, закрепляя достигнутый успех. На третьем году обучения, когда мы собирали урожай яблок в колхозном саду, Нина решила такую задачу-загадку: «Три брата косили сено на лугу. В полдень они прилегли отдохнуть под дубом и уснули. Сестренка принесла им обед: суп, хлеб и по несколько яблок каждому. Она не стала их будить, поставила узелок с обедом и ушла домой. Проснулся старший брат, увидел яблоки. Разделил их на 3 части, но из своей части съел не все — одно оставил любимцу — самому младшему. Лег и снова уснул. Проснулся средний брат, он не знал, что старший уже съел несколько яблок. Разделил яблоки на 3 части, но из своей части тоже съел не все — оставил одно младшему брату — самый младший был лакомка... Лег и снова уснул. Проснулся, наконец, самый младший брат. Видит — 7 яблок в узелке. Думает: как же их разделить на 3 части? Думал очень долго, никак не мог придумать, думал до тех пор, пока братья не проснулись, тогда все и выяснилось. Сколько яблок принесла сестра братьям?»

В нашем задачнике — много задач о труде, хорошо знакомом детям. Решая эти задачи, ребята еще и еще раз наблюдали, как старшие обрабатывают почву и очищают семена, сажают деревья и вносят удобрения, убирают урожай и хранят продукты, строят дома и ремонтируют дороги. Связи между представлениями подкреплялись установлением этих связей в жизни. Мысль и память развивались в неразрывном единстве. Для решения подавляющего большинства задач дети прибегали к рисунку или создавали схематические модели тех предметов, о которых шла речь. Задачи-загадки, задачи-шутки, головоломки дети помещали в стенгазете, которую выпускали, начиная со второго полугодия 3 класса. Решение задач выливалось в своеобразное соревнование настойчивости, усидчивости, трудолюбия. В 3 классе мы впервые провели классную математическую олимпиаду. Детям давали задачи разной трудности — с таким расчетом, чтобы каждый ребенок мог достигнуть успе-

ха. Постепенно математические олимпиады привлекли внимание других начальных классов и стали общешкольными.

Решение задач из «задачника окружающего мира» в детские годы пробуждает мысль, учит думать. Не могло быть и речи о хороших знаниях ни по математике, ни по другим предметам, если бы дети не научились думать, если бы процесс мышления не укреплял мозг.

Лев Толстой советовал: «Избегайте всех арифметических определений и правил, а заставляйте производить как можно больше действий и поправляйте не потому, что сделано не по правилу, а потому, что сделанное не имеет смысла» *. Этот совет вовсе не отрицает теоретических обобщений — определений и правил, как может показаться с первого взгляда читателю, разделяющему предубеждение в отношении к «свободному воспитанию» Л. Толстого. Наоборот, он направлен на то, чтобы ученик глубоко осмыслил сущность определений и правил и видел в правиле не какую-то непонятную истину, принесенную откуда-то извне, а закономерность, вытекающую из самой природы вещей. При таком подходе учителя к истине ребенок сам как бы «открывает» определение. Радость этого открытия является могучим эмоциональным импульсом, который играет большую роль в развитии мышления. Нельзя забывать и того, что совет Л. Толстого касается только маленьких детей.

Решение задач из «задачника окружающего мира» не рассматривалось как единственное средство повышения успеваемости по арифметике. Споспобствуя развитию мышления, оно все же играло вспомогательную роль и подчинялось требованиям учебно-воспитательного процесса на уроках. Это средство могло быть действенным лишь в общем комплексе методов и приемов умственного, морального, эстетического, трудового воспитания. Я видел в нем, образно говоря, мостик к достижению главной цели начальной школы — дать детям твердо очерченный круг прочных знаний и практических умений. В изучении математики четкость, определенность требований и целей играет особенно важную роль. На каждый учебный год

---

* Толстой Л. И. Пед. соч. М., Учпедгиз, 1953, с. 339.

я определял, что именно ученики должны глубоко запомнить и твердо хранить в памяти. Фундаментом математических знаний, от которого зависит прочность дальнейшего математического образования, является знание принципа образования натурального ряда чисел. Я стремился к тому, чтобы уже в 1 классе каждый ученик, не задумываясь, быстро отвечал на любой вопрос, связанный со сложением и вычитанием в пределах 100. Для достижения этой цели был составлен комплекс упражнений, представляющих собой анализ состава чисел. Я не представлял себе творческой работы учащихся ни в начальных классах, ни в дальнейшем без твердого знания таблицы умножения. Сохранение в памяти необходимого круга знаний — одно из важных средств творческого мышления.

Ребенку с плохой памятью трудно мыслить, соображать. Меня давно беспокоил вопрос, как укрепить, развить память детей, обогатить ее понятиями, истинами и обобщениями, которые всегда могли бы быть использованы в качестве орудия мышления. Одним из средств развития памяти стал «арифметический ящик». Это наглядное пособие, с помощью которого дети проверяли свои знания по арифметике. Проверка выражалась в занимательном конструировании математических квадратов: из деревянных кубиков составлялись стороны квадрата; цифры, написанные на каждом кубике, давали в сумме одинаковое число на всех сторонах. В «арифметическом ящике» были специальные задания, рассчитанные на повторение таблицы умножения.

Прекрасным средством развития и укрепления памяти была арифметическая электрика — прибор, действие которого основано на использовании электрической цепи. Каждый ученик повторял на этом приборе таблицу умножения и состав натурального ряда чисел. Уже в 3 классе мы начали изготовление своих математических электрик, до окончания 4 класса у нас было 4 прибора. В процессе этой работы я еще раз убедился, насколько важно для умственного развития учеников сочетание мышления и работы рук. Дети с неустойчивой памятью укрепляли ее благодаря участию в изготовлении наглядных пособий (конечно, это давало определенные результаты в сочетании с другими средствами влияния на процессы мышления).

В воспитании культуры мышления большое место отводилось шахматам. Уже в «Школе радости» играть в шахматы научились Шура, Галя, Сережа, Юра, Ваня, Миша и другие дети. Мальчики и девочки часто засиживались за шахматной доской. Игра в шахматы дисциплинировала мышление, воспитывала сосредоточенность. Но самое главное здесь — это развитие памяти. Наблюдая за юными шахматистами, я видел, как дети мысленно воссоздают положение, которое было, и представляют то, что будет. Очень хотелось, чтобы за шахматную доску сели Валя, Пина и Петрик. Я учил их игре, и дети думали над очередными ходами. Шахматная доска помогла мне открыть математическое мышление Любы и Павла. До игры в шахматы (эти дети начали играть в 3 классе) я не замечал остроты, ценности их мысли.

Без шахмат нельзя представить полноценного воспитания умственных способностей и памяти. Игра в шахматы должна войти в жизнь начальной школы как один из элементов умственной культуры. Речь идет именно о начальной школе, где интеллектуальное воспитание занимает особое место, требует специальных форм и методов работы.

НАШИ «ПУТЕШЕСТВИЯ» ПО ЗЕМНОМУ ШАРУ

Учитель начальных классов должен добиваться того, чтобы кругозор ребенка постепенно расширялся от родных полей и лесов до картин природы и жизни нашей Родины и всей Земли.

Уже в 1 классе мои дети хорошо знали, что Земля — это огромный шар, поворачивающийся к Солнцу то одной, то другой стороной, что в одно и то же время на Земле в разных уголках бывает и знойное лето, и суровая зима, и день, и ночь. Со 2 класса мы начали совершать «п у т е ш е с т в и я» по земному шару. Ребята сидят в «зеленом классе», перед ними — большой глобус, освещенный искусственным «Солнцем»; «Земля» вращается вокруг «Солнца», «Луна» — вокруг «Земли». «Вот, дети, — обращаюсь к малышам, — просторы нашей Родины. Мы живем недалеко от ее западной границы, пойдем же в далекое путешествие на восток, побываем в городах и селах, посмотрим, как живут люди». Затем рассказываю о полях, реках, населенных пунктах, которые встречаются на

нашем пути. Слово сопровождается показом картинок и диафильмов.

Уже вечереет, незаметно прошли 2 часа «путешествия», а мы не продвинулись и на 100 километров. Дети с нетерпением ожидают дня, когда они продолжат «путешествие».

...Снова города и села, леса и реки, стройки и памятники старины, но «путешествие» не кажется однообразным, потому что в каждом уголке нашей Родины дети видят что-то новое, своеобразное. Проходит несколько дней «путешествия», и вот мы уже приближаемся к Волге, видим гидроэлектростанции, встречаемся с пастухами в широких приволжских степях. Затанув дыхание, слушают ребята рассказ о великой Сталинградской битве, от которой зависели судьбы человечества. Если бы тысячи, десятки тысяч героев не встали здесь насмерть, не отразили натиск жестокого и сильного врага, не сломали ему хребет, — мы сегодня не сидели бы в этом уютном классе. Детей надо вводить в большой мир судеб, забот и тревог человечества с малых лет. Пусть ребенок чувствует, что и сейчас на земле есть силы, готовые развязать новую кровавую войну. Пусть в сердце малыша живет и крепнет глубокое чувство ненависти к врагам мира, пусть в героических подвигах своих дедов и прадедов дети черпают уверенность в том, что человек не пылится в вихре судьбы, а могучая сила.

Все дальше и дальше в глубь родной земли уходят ребята, и перед ними открываются новые картины: богатый Урал с его неисчерпаемыми недрами, таинственная тайга, могучие сибирские реки... Несколько дней мы посвящаем прекрасной стране уральских самоцветов, «путешествуя» вместе с геологами — искателями природных богатств. Садимся на пароход, плывем по Байкалу, любимемся горами и лесами, останавливаемся на почв у костра... Двигаемся дальше — перед детьми открываются богатства Дальнего Востока, а затем — море. Садимся на океанский пароход, отправляемся на Сахалин, потом на Курилы — здесь рождается день нашей Родины. Около 3 месяцев заняло наше «путешествие», каждый день мы проходили в среднем 100 километров, встречались с представителями более сорока народностей, познакомились с замечательными людьми — хлеборобами, строителями, шахтерами, рыбаками, геологами. И все они трудятся, чтобы нам хорошо

жилось. У детей рождается чувство гордости: вот какая огромная, богатая и дружная наша страна.

Одно за другим мы совершаем еще несколько «путешествий» по Родине. Идем на север — перед нами открываются суровая и прекрасная тундра, величественный Ледовитый океан; встречаемся с мужественными полярниками, оленеводами, лесорубами. На западе знакомимся с жизнью братьев-гуцулов. Любуемся красотой горных пастбищ-полонин. На юге «путешествуем» по горам Кавказа и равнинам Средней Азии.

Целый год мы в пути. Слово «Родина» наполняется в сознании детей яркими картинками, пробуждающими чувство гордости за героический труд советских людей. По нашему примеру «путешествия» по родной земле стали совершать учителя других начальных классов. Мы стремились к тому, чтобы в понятие «Родина» дети вкладывали то, что завоевано, добыто дорогой ценой, то, чем дорожит советский народ.

Наиболее интересным в воспитательном отношении было наше «путешествие» по братским республикам Советского Союза. Оно началось с «путешествия» по Днепру — реке трех братских народов — русского, украинского и белорусского. Плывая по великой реке, мы знакомились с городами и селами, с героическим прошлым и настоящим братских народов. Смоленск и Лоев, Киев и Канев, Черкассы и Кременчуг, Запорожье и Каховка — каждый из этих городов напоминал детям о великом братстве народов, скрепленном кровью, пролитой в борьбе с поработителями, за освобождение от эксплуататоров, за свободу и независимость в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Во время «путешествия» по Днепру дети слушали украинские, русские и белорусские песни, прославляющие красоту и величие родной реки, братство и дружбу народов. Чувство глубокой гордости за свою социалистическую Родину пробудил у детей рассказ о том, что построено в нашей республике за годы Советской власти.

Несколько дней заняло «путешествие» по памятным местам дружбы. Мы начали его в Переяславе-Хмельницком, где украинский народ выразил свою волю к вечному союзу с русским народом. Мысленно прошли мы через сотни городов, судьбы которых связаны с общей борьбой украинцев и русских за свободу и независимость родной

земли, за восстановление разрушенной промышленности после разгрома белогвардейских интервентов и фашистских захватчиков.

Незабываемые впечатления оставило у детей многодневное «путешествие» по Российской Советской Федеративной Социалистической Республике. Перед нами открылось величие единственной в мире дружбы народов — на земле России проживает свыше ста национальностей. Дети познакомились с жизнью и трудом народностей Поволжья, Северного Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера.

Несколько «путешествий» мы посвятили Ленинским местам на карте нашей Родины. Ульяновск, Куйбышев, Казань, Ленинград, Москва, Шушенское — каждая из этих точек на географической карте пробуждала в детских сердцах яркие картины: я рассказывал о детстве, юности и зрелых годах Владимира Ильича Ленина — создателя Коммунистической партии и Советского государства.

«Путешествия» по Белоруссии и Молдавии, братским советским республикам Средней Азии, Прибалтики и Закавказья открывали перед детьми все новые и новые картины великой дружбы народов. Мысленные наши путешествия были еще ярче и интереснее благодаря тому, что уже тогда наш класс переписывался с русскими и белорусскими школьниками.

Отправлялись мы и в «путешествия» за пределы нашей страны. Я ставил цель показать многообразие и красоту природы в различных уголках земли, рассказать обо всем хорошем, что есть в жизни и труде народов мира, зажечь интерес к культуре, искусству, настоящему и прошлому людей, говорящих на разных языках, показать борьбу между добром и злом на всей планете. В этих «путешествиях» наглядность играла еще большую роль, чем в «путешествиях» по родной земле: надо было создать представление о далеких краях, о природе, которой у нас не увидишь.

Сначала мы побывали в странах вечно лета. День за днем ребята познакомились с природой, бытом, трудом и культурой народов Египта, Индии, Цейлона, Индонезии — слушали рассказы, смотрели кинофильмы, посвященные этим странам. Они как бы переносились под стройные пальмы, ощущали палящий зной тропического солнца и прохладу ливней, наблюдали за жизнью тропических

Захватывающим было «путешествие» в страну пирамид — в Египет.

Потом мы отправились в «путешествие» по соседним государствам — побывали в Скандинавии, в странах Центральной Европы, в Турции, Иране и Афганистане, в Японии. Таким же образом совершили «путешествия» в Африку и в Южную Америку, в Канаду и США, в Австралию и Антарктиду.

Большое впечатление на детей произвели картины труда людей в различных уголках земного шара. Где бы ни жил человек, какой бы ни был цвет его кожи, на каком бы языке не говорил он — везде он трудится, воспитывает детей, мечтает о их счастье. Я стремился как можно ярче показать ребятам труд и жизнь наших братьев — народов стран социалистического содружества, пробудить у детей чувство дружбы к трудящимся первого социалистического государства рабочих и крестьян на немецкой земле — Германской Демократической Республики.

Яркие примеры убеждали детей, что фашизм и немецкий народ — это не одно и то же, что лучшие сыновья и дочери рабочего класса Германии в мрачные дни гитлеровской реакции отдали свою жизнь, выступив против нацизма — того же врага, с которым сражался советский народ.

«Путешествуя» по земному шару, дети увидели, что далеко не все люди живут счастливо: в мире есть страны, где человек угнетает человека, где царят нищета и голод. В сознании ребят формируется представление о причине этого зла — несправедливом социальном строе. Постепенно дети убеждались, что в мире происходит острая, непримиримая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Я стремился к тому, чтобы в сердца моих воспитанников вошли горечи трудящихся, еще поработанных эксплуататорами, горечи целых народов, до сих пор остающихся в неволе. Когда мы «путешествовали» по арабским странам, я показал кинофильм, запечатлевший картины, которые потрясли детей: их ровесников, мальчиков и девочек, в некоторых странах, например в Саудовской Аравии, продают в рабство, угоняют на каторжный труд закованных в кандалы. Рядом с невольничьим рынком — сказочные дворцы правителей этой страны. Детские сердца сжала боль. По-иному стали они смотреть на свободный труд граждан своей Родины, почувствовали, что

труд на благо Родины, для своей семьи и своего народа — это большое счастье.

До тех пор, пока в мире есть эксплуатация человека человеком, нельзя воспитывать любовь ко всему человечеству, потому что нет абстрактного человечества, а есть братья по классу — эксплуатируемые — и их непримиримые противники — эксплуататоры. Очень важно, чтобы уже в младшем возрасте каждый ребенок понял и сердцем почувствовал, что такое революционная, коммунистическая идея. Совершая маленькие экскурсии в недалекое прошлое нашей Родины, рассказывая о кровавой борьбе ее народа за свободу и независимость, показывая на ярких примерах, как трудящиеся колониальных и капиталистических стран отстаивают свои права в наши дни, я постепенно приводил детей к убеждению, что во имя идеи люди идут на смерть, в борьбе идей наиболее ярко выражается сущность классового антагонизма. Очень важно, чтобы люди, отдавшие свою жизнь во имя возвышенных, благородных идей, были идеалом для наших воспитанников. И наоборот, люди, безропотно подчиняющиеся угнетению, должны вызывать чувство презрения. Вот почему необходимо открывать перед взором маленького ребенка мир прежде всего как жизнь, труд, борьбу людей за счастливое будущее.

От понимания коммунистической идеи я постепенно подводил детей к понятию о Коммунистической партии. Рассказывая о прошлом своей Родины, я на ярких примерах показывал самоотверженную борьбу лучших представителей рабочего класса за то, чтобы не было эксплуатации человека человеком, чтобы трудящиеся жили счастливо, чтобы богатства принадлежали тем, кто их создает. В своих беседах я красочно рассказывал детям о том, как В. И. Ленин, Коммунистическая партия готовили рабочий класс и крестьянство к свержению самодержавия и установлению Советской власти. На ярких примерах самоотверженной борьбы коммунистов, соратников великого Ленина, я показывал, в какой тяжелой и упорной борьбе была совершена Великая Октябрьская социалистическая революция, проложившая светлый путь к свободе и счастью народов нашей Родины и указавшая путь к независимости поработленным народам капиталистических стран.

«Путешествуя» по родной стране, я рассказывал детям, как неузнаваемо изменилась наша Родина за годы Совет-

ской власти, какие гигантские заводы выросли на ее просторах, какие чудесные колхозы украсили ее землю, как возросли культура и быт советского народа. Большое внимание в своих беседах я уделял жизни наших детей, счастливое детство которых оберегает весь наш народ.

Контрастом к цветущей жизни Советской страны является тяжелая жизнь в капиталистических странах.

«Путешествуя» по Японии, дети узнали о тысячах мирных людей, пораженных лучевой болезнью во время атомной бомбардировки Хиросимы, о маленькой девочке Садако Сасаки, приковавшей к постели тяжелой болезнью. Ребята глубоко переживали горе своей далекой ровесницы. Они хотели помочь больной девочке, но чем и как? Через несколько недель после «путешествия» по Японии я прочитал ребятам маленькое газетное сообщение о том, что Садако Сасаки поставила перед собой цель: сделать тысячу бумажных журавликов (по японскому народному поверью тот, кто своими руками сделал тысячу журавликов, будет всегда счастлив). У нашего народа есть аналогичное поверье: больному ребенку любящая мать делает из бумаги серебряных жаворонков, которые приносят здоровье. И вот мальчики и девочки делают журавликов, посылают их в далекую страну восходящего солнца. Прошли годы, мои воспитанники стали юношами и девушками, с глубокой сердечной болью они воспринимали каждое сообщение о здоровье Садако Сасаки. Скорбная весть о смерти далекой подруги вошла в юные сердца как глубоко личная утрата.

Мир, горизонт которого постепенно раздвигается перед ребенком,— это не только моря и океаны, континенты и острова, невиданные растения и животные, северное сияние Арктики и вечное лето тропиков,— это прежде всего люди, их труд и борьба за счастливое будущее, вековая мечта человечества о счастье и справедливости, осуществившаяся в странах, где уничтожено угнетение человека человеком. Дети должны входить в этот мир не бесстрастными наблюдателями, знающими, что и где делается, и умеющими рассказать об этом, а людьми, переживающими тревогу за судьбу человечества.

В «путешествиях» по нашей Родине и за ее пределами пельзя пренебрегать одной опасностью — опасностью «перекормить» детей знаниями и впечатлениями. «Избегайте весьма любимого (особенно в иностранных книгах для школ) сообщения необычайных результатов, до которых

дошла паука, вроде того: сколько весит земля, солнце, из каких тел состоит солнце, как из ячеек строится дерево и человек и какие необыкновенные машины выдумали люди» *, — советует Л. Толстой учителю маленьких детей. Голые результаты вредно действуют на ученика и приучают его верить на слово, — так объясняет свой совет великий писатель и педагог. С того времени, когда были написаны эти слова, прошли десятки лет, неузнаваемым стал мир, огромных успехов достигла паука, другой кругозор у маленьких детей. Но совет Л. Толстого не потерял своей ценности и сегодня. Нельзя насыщать рассказы для ребят сведениями, ошеломляющими их.

ЧТО ТАКОЕ ИМПЕРИАЛИЗМ?

Я видел важную воспитательную задачу в том, чтобы перед детьми раскрылась одна из истин, определяющих судьбы народов в наше время: жестоким, неумолимым врагом двух миллиардов трудящихся земного шара являются империализм и колониализм. Чувство непримиримости к несправедливому социальному строю, при котором одним принадлежат сказочные богатства, а другие умирают от голода, — это одно из тех нравственных качеств, воспитание которых в условиях ожесточенной классовой и идеологической борьбы между капитализмом и социализмом является идейной сердцевинкой школы.

Маленькому ребенку не расскажешь об империализме и колониализме общими фразами, научным определением. Перед его сознанием учителю надо раскрыть яркие факты, образы, которые несут в себе объективную эмоциональную окраску, заставляют возмущаться и негодовать, быть непримиримым противником враждебного нам строя, враждебной идеологии.

Мы «путешествуем» по Латинской Америке. Я бывал в ряде стран этого уголка земли, мои рассказы о Мексике и Бразилии, Парагвае, Чили, Аргентине и Колумбии создают в сознании детей представление о чудесной природе, трудолюбивом народе, самобытной культуре народов Латинской Америки. Но когда я объясняю, почему в полуколониальной Латинской Америке умирают от голода еже-

---

* Толстой Л. Н. Пед. соч. М., Учпедгиз, 1953, с. 339—340.

минутно 4 человека, ежедневно 5500 человек, ежегодно 2 миллиона человек, — дети потрясены: перед ними предстает истинное лицо колониализма, для которого ничто человеческая жизнь, кровь и пот, слезы и горе миллионов детей, для которого все — это прибыль, прибыль и еще раз прибыль богачей.

В сознании детей как-то не сразу «умещается» тот факт, что фабрики, заводы, железные дороги, корабли, самолеты могут принадлежать одному человеку. Но факты есть факты, и когда я рассказываю, что в километре от виллы сказочного богача Рокфеллера живут в лачугах тысячи безработных, они проникаются чувством возмущения, негодования, непримиримой ненависти к несправедливому социальному строю: так не должно быть!

Глубокое впечатление производят на детей факты, о которых изо дня в день сообщает печать буржуазных стран. Я показываю фотографию подростка, опубликованную в английской газете, который украл в магазине булку и сказал на суде: «Я совершил кражу для того, чтобы меня заключили на год в тюрьму: там кормят, а на воле я умру голодной смертью». В тот же день владелица магазина мисс Марджори Колдикотт (город Вулвергемптон) устроила прием, на котором было 750 гостей, он обошелся хозяйке в 1000 фунтов стерлингов (2500 рублей). Блистательное общество... отмечало кончину любимца хозяйки кота Чинки, погибшего на 16 году своей сытой и благополучной жизни... Вот что такое порабощение человека человеком.

Из южноафриканской газеты «Ренд дейли мейл» дети узнают о том, что житель Йоганнесбурга негр Миа тяжело заболел. Его доставили в центральный госпиталь города. Но двери «белой» больницы закрыты перед негром. Он умер.

Стокгольмское налоговое управление наняло молодую женщину, умеющую подражать лаю собак. В ее обязанности входит прогуливаться по городу и лаять на разные голоса. На этот лай откликаются незарегистрированные псы, чьи владельцы скрывают их от налоговых властей. Вот до чего доводит человека страх перед голодной смертью — он готов на любой труд, даже на унижение своего достоинства.

Бразильская полиция в столице Рио-де-Жанейро¹⁰ ночью устроила облаву на нищих. Их ловили, привозили на

берег океана, привязывали к телу камни и связанных топили в воде...

Турецкая газета «Хабер» рассказывает: молодая женщина убила своих троих детей. На вопрос судьи — что толкнуло ее на страшное преступление, она ответила: «Я не могла видеть страданий своих малышей. В квартире — ни куска хлеба, они посинели от холода. И я решила — лучше сразу лишить детей жизни, чем видеть, как они медленно умирают от голода».

Аденская газета «Фатат аль-Джазира» сообщила, что правительство Саудовской Аравии установило новые цены на рабов: мужчины продаются по 250 английских фунтов, женщины — по 350 фунтов.

Итальянский владелец каменноугольной шахты решил прекратить добычу угля — выгоднее торговать американской нефтью, чем добывать итальянское топливо. Прекращение работы в шахте угрожало безработицей и голодной смертью пятистам рабочим. Они опустились в шахту и, объявив голодовку, отказались выходить до тех пор, пока владелец шахты не отменил решения о прекращении добычи угля. Шахтеры сидели под землей семь дней, но победили. Они дорогой ценой заплатили за право трудиться: 5 человек умерли под землей во время голодовки.

Эти факты надо не только сообщать, но и истолковывать. Детям, например, очень трудно понять, почему рабочему человеку в капиталистическом мире угрожает безработица. Истолкование происходит не абстрактными фразами, а на примере конкретных фактов, которые показывают, что такое частная собственность, эксплуатация человека человеком.

Познавая сущность империализма, дети приобретают одно из важнейших нравственных качеств — классовое чутье, личное отношение к строю насилия и угнетения, готовность бороться за укрепление дружбы между народами, за защиту завоеваний социалистической революции в нашей стране.

**ДАЙТЕ РЕБЕНКУ РАДОСТЬ УМСТВЕННОГО ТРУДА,
РАДОСТЬ УСПЕХА В УЧЕНИИ**

Умственный труд ученика, успехи и неудачи в учении — это его духовная жизнь, его внутренний мир, игнорирование которого может привести к печальным резуль-

татам. Ребенок не только узнает что-то, усваивает материал, но и переживает свой труд, высказывает глубоко личное отношение к тому, что ему удастся и не удастся.

Учитель для маленького ребенка — живое воплощение справедливости. Посмотрите в глаза ученику 1 класса, получившему неудовлетворительную оценку... Ребенок не только чувствует себя несчастным, но и испытывает чувство неприязни, а нередко и вражды к учителю. Учитель, ставящий двойку по существу за то, что ребенок чего-то не понял, представляется детям несправедливым человеком.

В одной школе произошел такой случай. Ученик никак не мог понять, как питается и дышит растение, как из почки развивается листок, а из цветка плод и т. д. Учитель часто вызывал мальчика и каждый раз повторял: «Неужели ты не можешь понять этих простых вещей, что ты вообще можешь понять?». На одном уроке он сказал: «Через несколько дней начнут распускаться почки на каштанах, мы пойдем всем классом к нашей каштановой аллее, и если уж там Алеша не расскажет о том, что понятно каждому, тогда дело безнадежное». Учитель очень любил свое детище — аллею малюпких каштанов, выращенных из плодов. Накануне урока он пошел с несколькими учениками к аллее еще раз полюбоваться почками, украшавшими верхушку каждого деревца. А на следующий день, когда класс пришел на урок к каштановой аллее, учитель был поражен: все почки на деревьях сломлены. Дети стояли опечаленные. Учитель увидел — в глазах Алеши загорелся огонек злорадства.

За этим поступком — взрыв, бурная вспышка духовных сил ребенка, глубокая сердечная боль. Мальчик выразил протест против неверия в его силы. Но в практике воспитательной работы нередко бывает и так, что дети, получающие двойку за двойкой, как будто бы примиряются со своей участью, им все равно. Иногда такое отношение ребенка к своим оценкам становится предметом насмешек товарищей, постепенно все дети сживаются с этим, привыкают к тому, что у Вани или Пети и не может быть других оценок, кроме двоек. Это самое страшное, что можно представить в духовной жизни формирующейся личности. Чего ожидать от человека, у которого уже с детства притупилось чувство собственного достоинства?

Одна из важнейших воспитательных задач состоит в том, чтобы в процессе овладения знаниями каждый ребенок переживал человеческое достоинство, чувство гордости. Учитель не только открывает мир перед учеником, но и утверждает ребенка в окружающем мире как активного творца, созидателя, испытывающего чувство гордости за свои успехи. Обучение происходит в коллективе, но каждый свой шаг на пути познания дети делают самостоятельно; умственный труд — это глубоко индивидуальный процесс, зависящий не только от способностей, но и от характера ребенка и от многих других условий, часто не всегда заметных.

Дети приходят в школу с открытой душой, с искренним желанием хорошо учиться. Малыша пугает даже мысль о том, что на него могут смотреть как на лодыря или неудачника. Желание хорошо учиться — красивое человеческое желание — кажется мне ярким огоньком, озаряющим весь смысл детской жизни, мир детских радостей. Этот огонек, слабый и беззащитный, ребенок несет вам, учителю, с безграничной доверчивостью, и если вы не замечаете детского желания, значит, вам недоступно волнующее чувство ответственности за настоящее и будущее своих воспитанников. Этот огонек легко потушить неосторожным прикосновением к детскому сердцу — резким словом, вызвавшим обиду, или же равнодушием. Живительным воздухом для слабенького огонька жажды знаний является только успех ребенка в учении, только гордое осознание и переживание той мысли, что я делаю шаг вперед, поднимаюсь по крутой тропинке познания.

Напрасный, безрезультатный труд и для взрослого становится постылым, оупляющим, бессмысленным, а ведь мы же имеем дело с детьми. Если ребенок не видит успехов в своем труде, огонек жажды знаний гаснет, в детском сердце образуется льдинка, которую не растопить никакими стараниями до тех пор, пока огонек опять не загорится (а зажечь его вторично — ой как трудно!); ребенок теряет веру в свои силы, застегивается, образно говоря, на все пуговицы, становится настороженным, ошетинивается, отвечает дерзостью на советы и замечания учителя. Или еще хуже: чувство собственного достоинства у него притупляется, он свыкается с мыслью, что ни к чему не имеет способностей. Сердце охватывает гнев и возмущение, когда видишь такого равнодушного, безропотного

ребенка, готового терпеливо слушать хоть целый час назидания учителя, абсолютно безразличного к словам товарищей: ты отстающий, ты останешься на второй год... Что может быть безправственнее, чем подавить в человеке его чувство собственного достоинства!

От того, как ученик относится в годы детства к отрочества к самому себе, каким он видит себя в мире труда, в огромной мере зависит его моральный облик. К. Ушинский писал, что ребенок от природы не имеет душевной лени, он любит самостоятельную деятельность, хочет все делать сам¹¹. Надо научить детей трудиться, научить думать, наблюдать, понимать, что такое умственный труд, что значит хорошо трудиться — и лишь потом можно ставить оценки за успехи. Ребенок, никогда не познавший радости труда в учении, не переживший гордости от того, что трудности преодолены, — это несчастный человек. Несчастный человек — большая беда для нашего общества, несчастный ребенок — во сто крат большая беда. Я далек от умиления детством; мне не дает покоя то, что уже в годы детства человек нередко становится лодырем, который ненавидит труд, с презрением относится даже к мысли о том, чтобы трудиться в полную меру своих сил. Но почему ребенок становится лодырем? Потому, дорогие товарищи педагоги, что он не знает *счастья труда*. Дайте ему это счастье, научите дорожить им — и он будет дорожить своей честью, будет любить труд.

Дать детям радость труда, радость успеха в учении, пробудить в их сердцах чувство гордости, собственного достоинства — это первая заповедь воспитания. В наших школах не должно быть несчастных детей — детей, душу которых гложет мысль, что они ни на что не способны. Успех в учении — единственный источник внутренних сил ребенка, рождающих энергию для преодоления трудностей, желание учиться.

Все наши замыслы, поиски и построения превращаются в прах, в безжизненную мумию, если нет детского желания учиться. Оно приходит только вместе с успехом в учении. Получается как будто парадокс: для того чтобы ребенок успевал, надо чтобы он не отставал. Но это не парадокс, а диалектическое единство процесса умственного труда. Интерес к учению появляется только тогда, когда есть вдохновение, рождающееся от успеха в овладении знаниями; без вдохновения учение превращается для детей

в тягость. Усидчивость я бы назвал вдохновением, помноженным на уверенность ребенка в том, что он достигнет успеха.

Такое, на первый взгляд, простое дело, как оценка знаний учащихся, — это умение учителя найти правильный подход к каждому ребенку, умение лелеять в его душе огонек жажды познания. В течение 4 лет обучения детей в начальных классах я никогда не ставил неудовлетворительных оценок — ни за письменные работы, ни за устные ответы. Дети учатся читать, писать, решать задачи. Один ребенок уже достиг положительных результатов в своем умственном труде, другой пока еще нет. У одного уже получается то, чему его хочет научить учитель, у другого еще не получается, но это не значит, что он не хочет учиться. Я оценивал умственный труд лишь тогда, когда он приносил ребенку положительные результаты. Если ученик еще не достиг тех результатов, к которым он стремится в процессе труда, я ему не ставлю никакой отметки. Ребенок должен подумать, собраться с мыслями, еще раз переделать свою работу.

В 1 классе я поставил первые оценки через 4 месяца после начала учебного года. Здесь важно прежде всего то, чтобы ребенок понял, что такое усидчивый, прилежный труд. Малыш плохо выполняет работу не потому, что не хочет, а потому, что не имеет представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, — за что же ему ставить оценку? Я добивался, чтобы ребенок, несколько раз выполнив одно и то же задание, убедился на собственном опыте, что он может выполнить его значительно лучше, чем выполнил вначале. Это имеет большое воспитательное значение: ученик как бы открывает в себе творческие силы; он радуется, видя свой успех, стремится работать все лучше. Сравнивая свою более совершенную работу с менее совершенной, ребенок переживает чувство вдохновения.

Наблюдая за работой учащихся класса, я видел, что дети неодинаково думают, по-разному оценивают свой труд. Вот они написали слово *оса*. У Лиды, Сережи, Катя, Сани, Павла — буквы красивые, ровные. У Юры они выходят за линии, получаются кособокие; Коля и Толя не пишут, а рисуют, буквы у них такие же, как в книжке-картинке, где они составляют свои первые сочинения о природе. В тетради Петрика какие-то крючки. Я не перехожу к следующему упражнению. Дети еще несколько

раз пишут то же слово. Каждое новое повторение того же дела становится как бы новой ступенькой, на которую поднимается ребенок, — и для тех, кто написал плохо, и для тех, кто справился с работой хорошо. Ребенок рад, счастлив, что дело у него идет лучше, чем шло вначале.

В этой радости и рождается чувство гордости, собственного достоинства. Ребенок, много раз переживший это чувство, не ищет легкого пути, не пользуется результатами чужого труда. Лишь тогда, когда ребята научились переделывать работу и пережили в связи с этим чувство радости, собственного достоинства, я начал ставить им оценки — конечно, только за положительные результаты. Одни дети стали получать отметки через 4, другие через 6 месяцев после начала школьных занятий. Петрик и Миша получили первые оценки только в начале второго учебного года. С ними я проводил дополнительную работу, добиваясь того, чтобы дети сегодня работали хоть немножко лучше, чем вчера, не теряли веры в свои силы.

Учение — не механическая передача знаний от учителя к ребенку, а прежде всего человеческие отношения. Отношение ребенка к знаниям, к учению в огромной мере зависит от того, как он относится к учителю. Если ученик почувствовал несправедливость, он потрясен. А неудовлетворительную оценку маленькие дети всегда считают несправедливостью и глубоко переживают ее, потому что почти никогда не бывает так, чтобы ребенок не хотел учиться. Ему хочется учиться, но он не умеет, у него еще нет способности сосредоточиться, заставить себя работать.

Если же дитя переживает несправедливость и сегодня, и завтра, и так в течение всего года, его нервная система вначале возбуждается, затем наступает торможение — угнетенность, ослабленность, апатия. Резкие скачки — возбуждение и торможение — приводят к тому, что ребенок заболевает. Это странные, с первого взгляда, заболевания — школьные неврозы, или дидактогении. Парадоксальность дидактогений заключается в том, что они бывают только в школе — в том священном месте, где гуманность должна стать важнейшей чертой, определяющей взаимоотношения между детьми и учителем. Дидактогении — детище несправедливости. Несправедливое отношение родителей или учителя к ребенку имеет множество оттенков. Это прежде всего равнодушие. Нет ничего опаснее для становления нравственных и волевых сил ребенка, чем безразличие

учителя к его успеваемости. Затем — окрик, угроза, раздраженность, а у людей, не обладающих педагогической культурой, — даже злорадство: вот ты не знаешь, давай сюда дневник, я тебе поставлю двойку, пусть родители полюбуются, какой у них сын...

Я в течение нескольких лет изучаю школьные неврозы. Болезненная реакция нервной системы на несправедливость учителя у одних детей приобретает характер взвинченности, у других — это мания несправедливых обид и преследований, у третьих — озлобленность, у четвертых — напускная (деланная) беззаботность, у пятых — безучастность, крайняя угнетенность, у шестых — страх перед наказанием, перед учителем, перед школой, у седьмых — кривлянье и паясничанье, у восьмых — ожесточенность, принимающая иногда (очень редко, но этого нельзя игнорировать) патологические проявления. Предупреждение дидактогений зависит от педагогической культуры родителя и учителя. Самой главной чертой педагогической культуры должно быть чувствование духовного мира каждого ребенка, способность уделить каждому столько внимания и духовных сил, сколько необходимо для того, чтобы ребенок почувствовал, что о нем не забывают, его горе, его обиды и страдания разделяют.

Для ребенка наибольшей несправедливостью со стороны учителя является то, что учитель, поставив несправедливо, по его глубокому убеждению, неудовлетворительную оценку, стремится еще и к тому, чтобы за эту оценку его наказали родители. Если ребенок увидел, что учитель обязательно хочет сообщить родителям о двойке, он ожесточается и против учителя, и против школы. Умственный труд становится для него ненавистным. Огрубение чувств переносится на отношения с другими людьми и, прежде всего, с родителями.

Трудно представить что-либо другое, в большей мере уродующее душу ребенка, чем эмоциональная толстокожесть, порожденная несправедливостью. Испытывая безразличное к себе отношение, ребенок теряет чуткость к добру и злу. Он не может разобраться, что в окружающих его людях доброе и что злое. В его сердце поселяется подозрительность, неверие в людей, а это — самый главный источник озлобленности.

В среде педагогов сейчас можно нередко услышать разговоры о поощрении и наказании. Рождаются и умирают,

как однодневные мотыльки, заманчивые теории... А между тем самое главное поощрение и самое сильное (но не всегда действенное) наказание в педагогическом труде — это оценка. Это наиболее острый инструмент, использование которого требует огромного умения и культуры.

Чтобы иметь право пользоваться этим инструментом, надо прежде всего любить ребенка. Не говорить ему о своей любви, а выражать любовь в заботе о нем. «Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель», * — писал Л. Толстой.

Душевная чуткость — это качество, которое невозможно достигнуть только обучением. В основе человеческой чуткости педагога лежит общая интеллектуальная, нравственная, эстетическая и эмоциональная культура в их органическом единстве, а это единство достигается и образовательностью, и общественным опытом нравственных отношений в коллективе. Учитель должен знать и чувствовать, что на его совести — судьба каждого ребенка, что от его духовной культуры и идейного богатства зависит разум, здоровье, счастье человека, которого воспитывает школа.

...Урок грамматики во 2 классе. После изучения правила и разбора упражнений дети выполняют самостоятельную работу, цель которой — углубление знаний и в то же время контроль. За работу ставятся оценки. Проверив тетради, я вижу, что Миша и Петрик плохо выполнили задание. Если бы я поставил двойку, дети, всеми силами желающие хорошо учиться, восприняли бы ее как приговор: «Ваши товарищи сделали шаг вперед, а вы остались на месте». Исправив ошибки, дав образцы красивого письма, я не ставлю Мише и Петрику никаких оценок. Раздавая тетради, говорю детям: Миша и Петрик еще не заработали оценки. Надо вам, дети, хорошо потрудиться. Выполните самостоятельно другое упражнение. Постарайтесь заработать оценку.

Дети уже привыкли к тому, что за неудовлетворительную работу нет оценки. В их сознании постепенно складывается убеждение в том, что выполненное задание не

---

* Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., ГИХЛ, т. 4, с. 26.

является пройденным этапом, завершившимся окончательным «приговором» учителя. Перед ребенком не закрывается дорога к успеху: то, что он не смог сделать, он сделает в будущем, может быть, уже сегодня или завтра. Миша и Петрик не переживают того чувства обреченности, когда ребенок, получив неудовлетворительную оценку, остается как бы на шаг сзади от своих товарищей. Здесь же, на уроке, ребята просят: «Дайте, пожалуйста, упражнение». Я даю. В течение школьного рабочего дня они находят время выполнить его (рабочий день у нас регламентируется таким образом, что каждый ученик ежедневно имеет в своем распоряжении полчаса для выполнения той работы, которую считает нужным сделать в первую очередь). Мальчики стараются изо всех сил, чтобы заработать оценку, доказать, что они не хуже других. Проверяю работу — она, как почти всегда в таких случаях, заслуживает положительной оценки.

Бережливо пользоваться оценкой как стимулом, побуждающим к труду, особенно важно в тех случаях, когда учебное задание требует творческих умственных усилий, размышления, исследования. У одного процесс мышления протекает быстро, стремительно, у другого — медленно, но это не значит, что один ребенок умнее другого или трудится больше, чем другой. Уроки арифметики в начальной школе, решение задач — это пробный камень первой заповеди воспитания: дать ребенку радость успеха в умственном труде, пробудить у него чувство гордости и достоинства. И надо добиваться того, чтобы первые трудности не стали для ребенка камнем преткновения. Я не ставил оценок за решение задач до тех пор, пока дети не научились самостоятельно думать, разбираться в условиях задания, находить путь к его выполнению — другими словами, пока не пережили радости успеха в этом труде. Здесь особенно недопустим шаблонный подход: один ребенок за месяц может получить три оценки по арифметике, а другой — ни одной, но это не значит, что другой ученик ничего не делает и не продвигается вперед. Он учится понимать задание, и первая сравнительно сложная арифметическая задача, которую ученик решил самостоятельно, — важная ступенька в развитии ребенка.

Уже много лет я внимательно присматривался к ученикам, неуспевающим по математике, и убедился, что в начальных и средних классах отстающие никогда не

решают самостоятельно ни одной задачи. Они как бы плывут за волной, ставят ногу в то место, куда уже стали их товарищи: списывают готовое с доски или у соседей по парте, но по существу не представляют себе, что такое самостоятельное выполнение задания.

Нельзя устранить этого зла поисками каких-то приемов совершенствования дидактического мастерства. Умственный труд на уроках математики — пробный камень мышления. Причина зла в том, что ребенок не научился думать; окружающий мир с его вещами, явлениями, зависимостями и взаимосвязями не стал для него источником мысли. Опыт подтверждает, что в классе не будет ни одного неуспевающего по математике ребенка, если «путешествия» в природу уже в раннем детстве станут подлинной школой умственного труда. Вещи должны учить ребенка мыслить — это исключительно важное условие того, чтобы все нормальные дети были умными, сообразительными, пытливыми, любознательными. Я советовал учителям: если ученик не понимает чего-то, если его мысль бьется беспомощно, как птица в клетке, присмотритесь внимательно к своей работе: не стало ли сознание вашего ребенка маленьким пересыхающим озерцом, оторванным от вечного и животворного первоисточника мысли — мира вещей, явлений природы? Соедините это маленькое озерцо с океаном природы, вещей, окружающего мира, и вы увидите, как забьет ключ живой мысли.

Но было бы ошибкой считать, что окружающий мир сам по себе научит ребенка думать. Без теоретического мышления вещи останутся скрыты от глаз детей непроницаемой стеной. Природа становится школой умственного труда лишь при условии, когда ребенок отвлекается от окружающих его вещей, абстрагирует. Яркие образы действительности необходимы для того, чтобы ребенок научился познавать взаимодействие как важнейшую черту окружающего мира. Подчеркивая правильность мысли Гегеля о том, что взаимодействие является *causa finalis* * всего существующего, Ф. Энгельс писал: «Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше познавать» **. Познание взаимодействия как непосредственная подготовка

---

* — конечной причиной.— В. С.

** Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 546.

к абстрактному мышлению — важное условие развития математического мышления. Успешное решение задач зависит от того, научились ли дети видеть взаимодействие вещей, явлений.

Самостоятельный умственный труд в процессе решения задачи дает плоды еще и тогда, когда в памяти ребенка постоянно и прочно хранятся обобщения, без которых немислимо мышление (таблица умножения, состав натурального ряда чисел).

Петрик долго не мог понять смысла (условия) арифметической задачи. Я не спешил с объяснением. Главное — чтобы мальчик напряжением собственных умственных усилий понял сущность взаимозависимостей между вещами и явлениями. Но живая мысль не забудет ключом, если ребенок не подготовлен к теоретическому мышлению, не умеет сравнивать, анализировать. Я вел детей в природу, учил снова и снова наблюдать, сопоставлять вещи, качества, явления — учил видеть взаимодействие. Обращал внимание Петрика на те явления окружающего мира, которые формируют в детском сознании представление о величине, числе как об одном из важнейших качеств предметов. Добивался того, чтобы ребенок понял числовые зависимости, убедился в том, что они не придуманы кем-то, а существуют реально. Здесь очень важно не то, чтобы ученик сразу же научился вычислять, оперировать цифрами, — он должен осмыслить самую сущность зависимостей.

Вот мы сидим в курене на баштане и наблюдаем, как комбайн убирает пшеницу. Время от времени от комбайна отходит машина с зерном. За сколько минут наполняется бункер комбайна? Дети с интересом смотрят на часы, оказывается — за 17 минут. Как же люди рассчитали свою работу так, что комбайн не останавливается? До наполнения бункера осталось 5, 4, 3 минуты — дети встревожены: наверное, комбайн все-таки остановится. Осталось 2 минуты, и вот из-за леса выезжает автомашинка. А до заготовительного пункта она едет ровно час. Значит, люди рассчитали зависимость между расстоянием и временем. Поставили на вывозку зерна как раз столько машин, сколько надо для безостановочной работы комбайна. А если бы к заготовительному пункту машинка шла не час, а два часа, больше или меньше автомашин надо было бы поставить на вывозку зерна?

— Конечно, больше, — говорит Петрик, и глаза его радостно горят. — Ведь сейчас в пути постоянно находятся три автомашины, да одна нагружается, а одна разгружается на пункте. А если бы дорога была длиннее, то больше машин находилось бы в пути.

Ребенок напрягает умственные усилия, я вижу, что он уже думает над тем, сколько машин понадобилось бы, если бы дорога была в 2 раза длиннее. Но не это сейчас главное. Главное — он понял, что задача — не пустая выдумка. Задачи существуют в окружающем мире, потому что существуют движение, жизнь, человеческий труд.

Петрик уже перешел в 3 класс, но с задачами у него пока что ничего не получается. Он еще не решил самостоятельно — без помощи товарищей или учителя — ни одной задачи, и это меня тревожит. Но я все-таки верю, что мальчик научится думать. Я готовлю его к абстрагированию не только путем мысленного анализа явлений, которые являются основой арифметической задачи. Мыслитель, не умеющий считать, не может овладеть знаниями. Очень важно, чтобы у Петрика постепенно закреплялись в памяти элементарные вещи, без которых невозможно мышление. Мальчик усаживается за «арифметический ящик» и тренируется, проверяет себя. Я внимательно слежу за тем, чтобы ученик не думал над тем, сколько будет $12-8$, $19+13$, $41-19$ (если в 3 классе ученик будет думать над этим, то он не сможет понять задачу).

Жизнь убедила меня в том, что нередко ученик оказывается бессильным перед алгеброй лишь потому, что не осмыслил состава натурального ряда чисел, не осмыслил до такой степени, чтобы не задумываться больше над элементарными вещами, а все силы своего ума направить на абстрактное мышление. Как чтение не может стать полуавтоматическим процессом, если ребенок тысячи раз не прочитал слогов, из которых состоят слова, так и абстрактное математическое мышление останется для ученика книгой за семью печатями, если он не запомнил десятки, сотни примеров, над которыми люди в повседневной практике никогда не задумываются, потому что ответы на эти примеры запомнились навсегда. Я добивался, чтобы тугодумы, и в первую очередь Петрик, овладели как можно большим количеством простейших инструментов математического мышления — примеров на сложение, вычитание, умножение, деление.

Мы идем в природу, я обращаю внимание мальчика на множество задач, которые люди решают в процессе труда. И вот пришел день, в который я твердо верил: Петрик решил задачу совершенно самостоятельно. У мальчика загорелись глаза, он стал объяснять, о чем идет речь в задаче, его объяснение было сбивчивым, но я видел, что перед ребенком, наконец, открылось то, что было покрыто мраком. Петрик был рад. Я тоже вздохнул с облегчением: наконец-то. Мальчик не мог дожидаться окончания уроков, побежать домой, чтобы поделиться радостью с матерью. Матери не было дома. «Я сам решил задачу», — радостно сказал он дедушке. Петрик гордился своим успехом, а чистая нравственная гордость — это родник человеческого достоинства. Без гордости за свой труд нет настоящего человека.

Этот случай был предметом раздумий в нашем педагогическом коллективе. Мы в ясном свете увидели тех детей, которым трудно дается учение. Никогда нельзя спешить с окончательным и категорическим выводом: у ребенка ничего не получится, такова уж его судьба. Год, два, три года у него что-нибудь может не получаться, но придет время — получится. Мысль — как цветок, который постепенно накапливает жизненные соки. Дадим же корням эти соки, откроем перед цветком солнце — и он расцветет. Будем учить ребенка думать, откроем перед ним первоисточник мысли — окружающий мир. Дадим ему величайшую человеческую радость — радость познания.

Не один вечер собиравшись мы, учителя начальных классов, специально для того, чтобы подумать над острой и не легкой педагогической проблемой: как подвести ученика от конкретного счета предметов, вещей, от очевидной, наглядной зависимости между явлениями к абстрактному обобщению — правилу, формуле. Учителя В. П. Новицкая, М. Н. Верховинина, Е. М. Жалепко рассказали об интересных фактах, свидетельствующих о том, что не у всех детей этот переход происходит плавно и безболезненно. Есть ученики, прекрасно справляющиеся с техникой счета, умеющие быстро вычислять, но с трудом разбирающиеся в содержании (условии) задачи. Для части детей, мыслящих яркими, конкретными, наглядными категориями, определенную трудность представляет отвлечься от конкретных чисел, на которых построена задача. В. П. Новицкая рассказала об одной девочке, которая, прочитав задачу, сразу

же пыталась пайти ответ: начинала вычисления, не разобравшись, что и для чего вычисляется.

У каждого из нас встречались такие дети. Мы советовались: каким путем переводить их от конкретного к абстрактному мышлению. Пришли к выводу о необходимости целого этапа работы над задачей — рассуждения по условию задачи, решения задачи без чисел, без арифметических действий. Мы стали проводить открытые уроки арифметики со специальной целью: показать, как дети рассуждают о задаче, решают ее без вычислений. Посещая эти уроки друг у друга, мы искали пути умственного развития отдельных детей.

Нельзя допускать, чтобы оценка превращалась для ребенка в оковы, сковывающие его мысль. Я всегда давал возможность самому слабому ученику, самому, казалось бы, безнадежному тугодуму подумать над тем, что у него пока не получается. У детей никогда не пропадал интерес к учению. Пробуждая чувство гордости, чести, собственного достоинства, я добивался того, что дети стремились работать самостоятельно.

Дать ребенку подумать... — это далеко не такое простое дело, как кажется с первого взгляда. Присмотритесь хорошенько к умственному труду учеников 1—4 классов — и вы увидите, что в подавляющем большинстве случаев (бывает — почти всегда) ребенок не дал ответа на ваш вопрос (или не выполнил задания) просто потому, что он не успел подумать, сосредоточиться (а бывает иногда и так, что вопрос застал врасплох, как бы ошеломил ребенка). Мы, учителя начальных классов, специально собирались посоветоваться о том, как дать возможность ребенку подумать. Пришли к заключению: никогда нельзя спешить с выводом — знает или не знает ребенок. Часто бывает так: учитель сказал ребенку: «Садись, не знаешь!» Ребенок сел и в то же мгновение у него все в голове «прояснилось» — оказывается, он все знает... Он в большой обиде на учителя. Почему это так происходит? Мы не могли сразу же пайти ответ на этот вопрос. Надо было наблюдать, наблюдать и еще раз наблюдать, изучать множество фактов.

Ребенок, достигнув цели напряжением воли и мысли, чувствует отвращение к подсказке, шпаргалке, списыванию. Между мной и детьми всегда были отношения взаимного доверия и доброжелательности. Ученик никогда не

боялся сказать мне, что у него что-нибудь не вышло, сколько он ни бился над заданием. Все свои сомнения, радости и горести дети несли учителю. Я никогда не был для ребенка вестником горя — а ведь неудовлетворительная оценка — это для него большое горе. Как извращается детская душа, когда учитель чуть ли не ежедневно говорит ребенку: «У тебя двойка». Как мало нужно ребенку горя, чтобы он чувствовал себя несчастным. Трагедия усугубляется тем, что маленький человек, привыкая к своему горю, становится равнодушным ко всему окружающему, его сердце черствеет. А черствое сердце — это благодатная почва для жестокости. Если в классе есть несчастные дети и товарищи не стремятся облегчить их участь, никогда не будет хорошего, дружного, доброжелательного коллектива.

Но нельзя допускать и того, чтобы оценка баловала учащихся, как это, к сожалению, нередко бывает в школах. Сказал ребенок слово — ему уже ставят пятерку. Нередко бывает, что один и тот же вопрос ставится несколькими ученикам, и каждый из них получает отметку. В результате у детей складывается легкомысленное отношение к учению. Ребенок всегда должен осознавать оценку как результат умственных усилий.

Ученик должен убедиться в том, что умственная деятельность — это труд, требующий больших усилий волевой сосредоточенности, умения заставить себя отказаться от многих удовольствий. Именно в атмосфере труда формируются настойчивость, сила воли. Ребенок, который научился критически относиться к достигнутым результатам, пережил неудовлетворение своей работой и стремится сделать ее лучше, никогда не станет лодырем.

Познавая на собственном опыте, как достигаются успехи в умственном труде, дети приучаются к самоконтролю. Привычка упорно трудиться, добиваться лучших результатов воспитывает у ребенка нетерпимость к небрежно выполненной работе, к безделию и нерадивости.

Когда для детей радость труда, успеха в учении является главным стимулом, побуждающим к учению, то в классе нет лодырей. Подлинные мастера воспитания редко прибегают к борьбе с отдельными лодырями, они борются с ленью как следствием спячки ума.

Система, в основе которой лежит оценка только положительных результатов умственного труда, постепенно

внедрялась в работе всех учителей начальных, средних и старших классов. У читателя может возникнуть вопрос: а как же быть в конце четверти или учебного года, если окажется, что у учащегося нет оценки по какому-нибудь предмету? В том то и дело, что отсутствие оценки для ребенка несравненно большая беда, чем двойка. В сознании ученика утверждается мысль: если у меня еще нет оценки, значит, я еще не потрудился как следует. Поэтому у нас почти не было таких случаев, чтобы к концу учебного года ученик не имел оценок. За 4 года я 6 раз не поставил детям оценки в конце четверти. Родители знают: если у сына или дочери в дневнике нет оценок — значит не все благополучно. Знают они и то, что отсутствие оценок — это не вина ребенка, а его беда. А в беде надо помогать. И мы совместно помогаем ученику. Я убедил родителей, чтобы они никогда не требовали от детей самых высоких оценок, не рассматривали неудовлетворительную оценку как показатель лени, перадивости, недостаточного усердия.

С оценкой — этим тонким педагогическим инструментом — отдельные учителя обращаются бездумно. Во многих школах к тройке сложилось отношение как к чему-то предосудительному. «Будем учиться без троек!» — эти призывы раздаются не только на пионерских сборах. Их можно прочесть и в детских газетах. Поощряя такое отношение к удовлетворительным успехам в учении, учитель по существу рубит сук, на котором сидит: воспитывает у детей верхоглядство, легкомыслие.

Во 2 классе, через несколько недель после начала учебного года, дети завели дневники, в которые записывали оценки, полученные на уроках. И не было ни одного случая, чтобы ребенок пытался скрыть от родителей оценку. Иначе и быть не может, если оценка отражает радости успеха. Никакой подписи учителя в дневнике не надо — это остаток старой школы с ее атмосферой взаимного недоверия и подозрительности между учителем и учеником. Если в классе нет взаимного доверия, если ребенок пытается обмануть учителя, если оценка превращается в кнут, которым взрослые подгоняют ребенка, — рушится сама основа правильного воспитания.

С несправедливо поставленной двойки начинается одно из самых больших зол школы — неправдивость ребенка, обман и учителя и родителей. К каким только ухищрениям

пе прибегают дети, чтобы скрыть от матери и отца свои неудачи в школе, а от учителя — нерадивость. Чем больше недоверия к ученику, тем больше ребенок проявляет изобретательности в обмане, тем благоприятнее почва для лени и нерадивости. Лени — это дитя недоверия. Тот, кого я учу, — это прежде всего живой человек, ребенок, а потом — ученик. Оценка, которую я ставлю ему, — это не только измеритель его знаний, но, прежде всего, мое отношение к нему как к человеку.

Я советую всем учителям: берегите детский огонек пытливости, любознательности, жажды знаний. Единственным источником, питающим этот огонек, является радость успеха в труде, чувство гордости труженика. Вознаграждайте каждый успех, каждое преодоление трудностей заслуженной оценкой, но не злоупотребляйте оценками. Не забывайте, что почва, на которой строится ваше педагогическое мастерство, — в самом ребенке, в его отношении к знаниям и к вам, учителю. Это — желание учиться, вдохновение, готовность к преодолению трудностей. Заботливо обогащайте эту почву, без нее нет школы.

КОМНАТА СКАЗКИ

Сказка, игра, фантазия — животворный источник детского мышления, благородных чувств и стремлений. Многолетний опыт убеждает, что эстетические, нравственные и интеллектуальные чувства, рождающиеся в душе ребенка под впечатлением сказочных образов, активизируют поток мысли, который побуждает к активной деятельности мозг, связывает полнокровными нитями живые островки мышления. Через сказочные образы в сознание детей входит слово с его тончайшими оттенками; оно становится сферой духовной жизни ребенка, средством выражения мыслей и чувств — живой реальностью мышления. Под влиянием чувств, пробуждаемых сказочными образами, ребенок учится мыслить словами. Без сказки — живой, яркой, овладевшей сознанием и чувствами ребенка — невозможно представить детское мышление и детской речи как определенной ступени человеческого мышления и речи.

Дети находят глубокое удовлетворение в том, что их мысль живет в мире сказочных образов. Пять, десять раз ребенок может пересказывать одну и ту же сказку, и каждый раз открывает в ней что-то новое. В сказочных обра-

зах — первый шаг от яркого, живого, конкретного к абстрактному. Мои воспитанники не овладели бы навыками отвлеченного мышления, если бы в их духовной жизни сказка не стала целым периодом. Ребенок прекрасно знает, что в мире нет ни Бабы-Яги, ни Царевны-Лягушки, ни Кощея Бессмертного, но он воплощает в эти образы добро и зло, и каждый раз, рассказывая одну и ту же сказку, выражает свое личное отношение к плохому и хорошему.

Сказка неотделима от красоты, способствует развитию эстетических чувств, без которых немислимо благородство души, сердечная чуткость к человеческому несчастью, горю, страданию. Благодаря сказке ребенок познает мир не только умом, но и сердцем. И не только познает, но откликается на события и явления окружающего мира, выражает свое отношение к добру и злу. В сказке черпаются первые представления о справедливости и несправедливости. Первоначальный этап идейного воспитания тоже происходит с помощью сказки. Дети понимают идею лишь тогда, когда она воплощена в ярких образах.

Сказка — благодатный и ничем не заменимый источник воспитания любви к Родине. Патриотическая идея сказки — в глубине ее содержания; созданные народом сказочные образы, живущие тысячелетия, доходят к сердцу и уму ребенка могучий творческий дух трудового народа, его взгляды на жизнь, идеалы, стремления. Сказка воспитывает любовь к родной земле уже потому, что она — творение народа. Когда мы смотрим на дивные фрески Киевской Софии, мы воспринимаем их как частицу жизни народа, творение его могучего таланта, и в нашей душе пробуждается чувство гордости за его творческий дух, мысль, мастерство. Аналогично воздействие народной сказки на душу ребенка. Кажется, что сказка построена на чисто «бытовом» сюжете: дедушка и бабушка посадили репку, ... дедушка решил обмануть волка, сделал соломенного бычка, ... но каждое слово этой сказки — как тончайший штрих на бессмертной фреске, в каждом слове, в каждом образе — игра творческих сил народного духа. Сказка — это духовные богатства народной культуры, познавая которые, ребенок познает сердцем родной народ.

Через 3 месяца после начала работы «Школы радости» мы оборудовали Комнату сказки. С помощью старших школьников создали обстановку, в которой дети чувствовали себя в мире сказочных образов. Много пришлось

потрудиться, чтобы все вокруг навевало ребятам воспоминания о сказке, которую мама рассказывала в раннем детстве, о вечерних сумерках, о веселом огоньке в печке. Вот жилище злой Бабы-Яги — сказочная избушка на курьих ножках, окруженная высокими деревьями и пнями, рядом с избушкой — фигурки сказочных персонажей: Хитрая лиса, Серый волк, Умная сова. В другом углу — хатка дедушки и бабушки, в небе — гуси-лебеди, уносящие на своих крыльях маленького мальчика, героя украинской народной сказки Ивасика-Телесика. В третьем углу — синее море-океан, на берегу которого — ветхое жилище доброго старика и злой старухи, у порога — старое корыто, на завалинке сидят старик со старухой, а в море плавает золотая рыбка. В четвертом углу — зимний лес, сугробы, среди которых пробирается, утопая в снегу, маленькая девочка — мачеха послала ее в зимнюю стужу за ягодами... Из окна избушки выглядывает козлик. А вот большая рукавичка, в которой живет мышка, к ней приходят неожиданные гости. Из фанеры сделан большой пенек, на нем куклы — девочка-малютка, серый зайчик, лисичка-сестричка, медведь, волк, козлик, соломенный бычок, Красная Шапочка.

Все это постепенно мы сделали сами. Я вырезал, рисовал, клеил, дети помогали мне. Я придавал очень большое значение эстетическому характеру обстановки, в которой дети будут слушать сказку. Каждая картинка, каждый наглядный образ обостряли восприимчивость к художественному слову, глубже раскрывали идею сказки. Даже освещение в Комнате сказки играло очень большую роль. Когда рассказывали сказку о Царевне-Лягушке, в лесной чаще зажигались маленькие лампочки, в комнате царил зеленый сумрак, хорошо передающий обстановку, в которой разворачиваются события.

В Комнату сказки я веду детей не часто — раз в неделю, а то и в 2 недели. Эстетическая потребность никогда не должна удовлетворяться до пресыщения. Там, где есть пресыщение, начинается снобизм, мещанская разочарованность, скука, поиски средств «убить» свободное время... Мы приходим сюда в час осенних и зимних сумерек — в это время сказка звучит для детей по-особому и слушается совсем не так, как, скажем, в ясный солнечный день. На дворе темнеет, мы не зажигаем света, сумерничаем. Вдруг в окошках сказочной избушки вспыхи-

вает огонек, на небе загораются звезды, поднимается из-за леса луна. Комната озаряется слабым светом, а по углам становится еще темнее. Я рассказываю детям народную сказку о Бабе-Яге костяной ногой. Казалось бы, в моих словах нет ничего нового для малышей, но в их глазах горят огоньки восхищения. Ребята переживают судьбу героев, ненавидят зло и горячо сочувствуют добру. Фигурки злой бабы, доверчивой девочки Аленки, добрых гусей-лебедей в представлении малышей оживают, становятся существами, наделенными разумом и чувствами. Сказка для маленьких детей — не просто рассказ о фантастических событиях; это — целый мир, в котором ребенок живет, борется, противопоставляет злу свою добрую волю. Слово находит в сказке реальную форму выражения духовных сил ребенка, как в игре — движение, в музыке — мелодия. Ребенку хочется не только слушать сказку, но и самому рассказывать ее, как хочется не только слушать песню, но и самому петь, не только наблюдать за игрой, но и принимать участие в ней.

Проходит несколько дней, дети спрашивают: «Когда мы пойдем в Комнату сказки?» Ожидание радостных мгновений волнует ребят, мы опять собираемся в час вечерних сумерек, опять сказку рассказываю я, потом ее рассказывают дети. Самые застенчивые становятся в эти мгновенья смелыми и решительными. Речь, сбивчивая и нескладная в других условиях, здесь становится плавной, выразительной, певучей. Сказку рассказывают Нина, Петрик, Люда, Слава, Валя — дети, в развитии речи и мышления которых я встречаю затруднения.

Каждый раз, когда мы приходим в Комнату сказки, ребятам хочется поиграть. Для всех — и для мальчиков, и для девочек — находится любимая кукла или игрушка. Игра выливается в творчество: малыши становятся сказочными героями, а куклы в их руках помогают лучше передать мысли и чувства. Один ребенок взял игрушку — соломенного бычка (герой известной украинской детской сказки), другой — куклу-бабушку, третий — куклу-дедушку. И вот дети уже живут в мире сказки. Они не просто повторяют слова действующих лиц, а творят, внося в сказку игру своего воображения. Отдельным девочкам хочется просто поиграть с куклами. Вот ребенок усаживает куклу на маленький диван, говорит ей певучим голосом слова ласки

и заботы. У другой девочки кукла-малютка заболела, и девочка лечит ее.

Меня не смущало то, что девочки и мальчики играли в куклы несколько лет. Это не какое-то «ребячество», как иногда думают отдельные учителя, а та же сказка, то же одухотворение живого существа, которое пронизывает творческий процесс составления и слушания сказки. В куклах — одухотворенный образ того, кого дети стремятся, говоря словами французского писателя Сент-Экзюпери, *приручить*¹². Каждый ребенок хочет, чтобы у него было что-то бесконечно дорогое, родное. Я внимательно следил за тем, какие духовные отношения складываются между детьми и их любимыми куклами. Меня радовало, что мальчики на протяжении длительного времени дружили с куклами. Вот у Кости ничем не примечательная кукла — старый рыбак с удочкой. У куклы несколько раз отламывалась нога, и Костя в конце концов сделал деревяшку, вырезал, кроме того, маленькую суковатую палку, с которой рыбак отправляется на берег реки. Мальчик любит поговорить со своим старым другом: рассказывает ему, в каких местах водятся караси и лещи... У Ларисы любимые куклы — бабушка и внучка. Девочка сделала бабушке очки, под ноги положила теплый коврик, плечи покрыла шалью, у Вали тоже 2 куклы — котенок и мышонок. Девочка каждую неделю меняет бантик на шее котенка, а для мышонка почему-то приносит зеленый коврик...

Детская фантазия в Комнате сказки нестоима. Стоит ребенку посмотреть на новый предмет, как он уже связывается в его сознании с другим предметом, рождается фантастическое представление, детское воображение играет, мысль трепещет, глаза загораются, речь течет плавным потоком. Учитывая это, я заботился о том, чтобы на глазах у ребят в разных уголках Комнаты сказки были самые разнообразные предметы, между которыми можно установить какую-то реальную или фантастическую связь. Я был озабочен тем, чтобы дети фантазировали, творили, составляли новые сказки. Вот рядом с цаплей, стоящей на одной ноге, — маленький, испуганный котенок — детское воображение создало несколько интересных сказок, героями которых стали Цапля и Котенок. А вот маленькая лодка с веслом, дядом с ней лягушка — все само просится в сказку. Пещера с выглядывающим медвежонок-

ком, комар и муха — естественно большие по сравнению с медвежонком (в сказке такое простительно), маленький поросенок и умывальник с мылом — всё это не только вызывает у детей улыбку, но и пробуждает фантазию.

Если мне удавалось добиться, что ребенок, в развитии мышления которого встречались серьезные затруднения, придумал сказку, связал в своем воображении несколько предметов окружающего мира, — значит, можно сказать с уверенностью, что ребенок научился мыслить. Я уже рассказывал, с каким трудом приходилось пробуждать мысль и укреплять память Вали: одним из средств пробуждения ее мысли было чувство изумления перед неожиданно открывающимися связями между предметами и явлениями окружающего мира. Другим, не менее важным средством стала сказка. Валя долго не могла создать ни одной сказки, это беспокоило меня. И только на 3 году обучения девочка составила, наконец, сказку о лягушке, лодке и рыбке. Вот ее содержание: «Увидела Лягушка Лодку у берега реки. Дедушка-рыбак оставил Лодку, а сам пошел в село за хлебом. Захотелось Лягушке покататься. Вылезла она из лужи, прыгнула в Лодку, взяла весло. А тут к ней Рыбка подплывает и говорит: «Что это ты задумала? Плаваешь только в луже, а Лодка любит глубину». Не послушала Лягушка совета Рыбки, направила Лодку в свою лужу. Подплывает, а Лодка и говорит: «Лягушка, Лягушка, куда ты меня тащишь?» Отвечает Лягушка: «В свою родную лужу, пусть весь наш род увидит, как я плаваю». Улыбнулась Лодка и думает: «Вот придет дедушка, он тебя научит плавать». Еще приволокла Лягушка Лодку в лужу. Застряла Лодка в грязи и не плывет дальше. Кряхтела-кряхтела Лягушка — не сдвинет Лодки. А весь лягушечий род уже выполз из лужи, выглядывают все, ведь Лягушка на всю лужу кричала: «Смотрите, как хорошо я плаваю в Лодке». Стыдно стало Лягушке, как прыгнет она в лужу, так во все стороны и полетели комья грязи. А весь лягушечий род как захохочет. Тут пришел дедушка-рыбак, вытащил Лодку из лужи. Вспугнул лягушек, спрятались они в зеленой тине. Вечером осмелели, вылезли — да как захохочут. С тех пор каждую ночь они хохочут — с вечера до утра в болоте раздается жабий крик. Это они смеются над хвастливой Лягушкой».

Создание сказок — один из самых интересных для детей видов поэтического творчества. Вместе с тем это важное средство умственного развития.

Если вы хотите, чтобы дети творили, создавали художественные образы, — перенесите из огонька своего творчества хотя бы одну искру в сознание ребенка. Если вы не умеете творить или вам кажется пустой забавой сплести к миру детских интересов, — ничего не получится.

У Тины была в Комнате сказки своя любимая кукла — фигурка рабочего-металлурга, лицо у него — озаренное расплавленным металлом. Девочке запомнилась встреча с рабочими-металлургами в литейном цехе, и вот теперь, через 3 года, она составила интересную сказку об Огненной Реке:

«У огромной печи стоит богатырь. Он расплавил железо. Кипит железо, клопочет. Подошел богатырь к печи, открыл дверцу — и полилась Огненная Река. Льется и говорит: «Не зевайте, люди, берите огненное железо, делайте из него всё, что вам нужно». Идут к Огненной реке мудрые мастера, черпают расплавленное железо, льют его в песок, делают из металла все, что нужно людям».

В сознании детей рождаются образы современных богатырей — защитников Советской Родины. Война с фашизмом, героическая победа советского народа оставила неизгладимый след в памяти и всей духовной жизни нашего народа. Герои, отстоявшие Родину, в представлении детей — сказочные богатыри; о них слагаются яркие, волнующие сказки. Красной нитью через все созданные детьми сказки о богатырях нашего народа проходит идея мужества, непобедимости, благородства советского человека. Вот сказка, сложенная Даньком:

«Провожала мать сына на военную службу. Сказала: «Возьми, сын, горсть родной земли. Помни, что ты — ее защитник!». Взял сын горсть родной земли, высыпал в красный шелковый мешочек и никогда не расставался с нею. Начали враги войну против нашей Родины. Встретил сын вражеских солдат на границе, бил по ним из пулемета, падали враги в реку. Ни на шаг не отступал сын. Но вот вражеская пуля ранила его в голову, кровь залила глаза, руки ослабели. Приближаются враги, думают: вот мы возьмем его в плен. Вспомнил сын о горсти родной земли. Прикоснулся к красному мешочку — и сра-

зу же могучей силой налились руки. Снова стал стрелять юный богатырь, утонули враги в реке, а тем временем помощь подошла — быстрокрылые самолеты и могучие танки».

У меня записаны сказки, созданные детьми в часы вечерних сумерек. Эти сказки дороги для меня как яркие огоньки мысли, которые удалось зажечь у детей. Если бы не творчество, не составление сказок, речь многих детей была бы сбивчивой и путанной, а мышление — хаотичным. Я убедился, что между эстетическими чувствами и словарным богатством речи детей существует прямая связь. Эстетическое чувство эмоционально окрашивает слово. Чем интереснее сказка и необычнее обстановка, в которой пахотятся дети, тем сильнее игра детского воображения, тем неожиданнее образы, которые создают малыши. В часы вечерних сумерек мои ученики сложили десятки сказок, которые объединены в рукописном сборнике под названием «Сказки вечерних сумерек».

Среди «Сказок вечерних сумерек» есть очень интересные о животных и птицах, о деревьях и цветах. Особенно много радости доставило и детям и мне составление сказок о цветах. Я рассказывал мальчикам и девочкам об эмоциональной жизни человека, о воплощении чувств в песнях и легендах о цветах. Давал начало сказки — и детская фантазия творила яркие образы.

Раз в 2—3 месяца мы обновляли обстановку в каждом уголке Комнаты сказки — вырезали из фанеры новые фигурки, деревья, кусты, строили теремки, сказочные дворцы, рыбацьи лачуги и курени. Ребята научились изготавливать фигурки сказочных персонажей из папье-маше — это обогатило мир сказки. Так мы «иллюстрировали» много сказок: «Ивасик-Телесик» (украинская народная сказка), «Спящая царевна» В. Жуковского, «Аленький цветочек» С. Аксакова, «Про мышь зубастую да воробья богатого» В. Даля, «Лягушка-путешественница» В. Гаршина, «Снежная Королева» Х. Андерсена, «Бременские музыканты» братьев Гримм, «Спящая Красавица» Ш. Перро, «Марья-краса — долгая коса и Ванюшка» (русская народная сказка), «Гвоздик из родного дома» (шведская народная сказка), «Сказка про Чапаева», «Горбатый воробышек» (японская народная сказка). Эти сказки вошли в духовный мир детей, как входит навсегда в наше сознание образ любимого человека, который приносил нам счастье.

Ребята на всю жизнь слово в слово запомнили услышанное, хотя никто от них никогда не требовал этого. Когда слово волнует ребенка своей неповторимой красотой, оно навсегда запоминается. И от такого запоминания память не только не перегружается, а, наоборот, становится еще острее.

Первое рассказывание новой сказки — большое событие в жизни детей. Никогда не забуду, с каким волнением мы создавали обстановку для сказки Х. Андерсена «Снежная Королева». Это было на втором году обучения. Наступили ранние зимние сумерки, дети пришли в Комнату сказки. Обстановку, в которой происходит действие, — домики с острыми крышами, сказочный дворец среди высоких скал, быстроногого оленя, снежные сугробы — ребята делали своими руками. Но сказку еще не все слышали. И вот в окна домиков вспыхивают огоньки, с неба падают снежинки, нас окружает вечерний полумрак. Дети, затаив дыхание, слушают учителя... Сказка окончена, но ребята просят рассказать ее еще раз. Для меня было очень дорого это очарование словом. Я повторял сказку столько раз, сколько просили дети. А ребята снова и снова хотели слушать о Снежной Королеве не потому, что им надо было запомнить слова, а потому, что они звучали для них дивной музыкой.

Учитель постоянно думает: как добиться, чтобы дети глубоко знали родной язык, чтобы родное слово вошло в их духовную жизнь, стало и острым, метким резцом, и красочной палитрой, и тонким средством познания истины. Язык — это материальное выражение мысли, и ребенок лишь тогда будет знать его, когда вместе со смыслом воспринимает яркую эмоциональную окраску, живое трепетанье музыки родного слова. Без переживания красоты слова уму ребенка непостижимы сокровенные грани его смысла. А переживание красоты немислимо без фантазии, без личного участия детей в творчестве, имя которому — сказка. Сказка — это активное эстетическое творчество, захватывающее все сферы духовной жизни ребенка — его ум, чувства, воображение, волю. Оно начинается уже в рассказывании, высший его этап — инсценизация.

В Комнате сказки у нас зародился кукольный театр и драматический кружок. Тут дети впервые инсценировали украинскую народную сказку о Рукавичке, в которой поселились храбрые звери. Затем с большим интересом

подготовили инсценизацию сказки о Царевне-Лягушке, японскую сказку о Горбатом воробышке. На четвертом году обучения они коллективно составили сказку о Стрекозе-музыканте и выполнили ее в ролях.

В Комнате сказки я впервые прочитал ребятам повесть о Робинзоне Крузо, «Приключения Мюнхаузена», «Путешествия Гулливера», «Сказку о царе Салтане», рассказ «Янко-музыкант». Дети на всю жизнь запомнили очарование тех зимних вечеров, когда за окнами кружила метель, а они взбирались вместе с потерпевшим кораблекрушение Робинзоном Крузо на необитаемый остров, переносили с ним тяготы суровой борьбы с природой. В Комнате сказки мы читали все сказки Х. Андерсена, Л. Толстого, К. Ушинского, братьев Гримм, К. Чуковского, С. Маршака. Многолетний опыт убеждает в том, что нравственные идеи, заложенные в произведениях о добре и зле, правде и неправде, чести и бесчестии, становятся достоянием человека при условии, когда эти произведения прочитаны в детском возрасте. Сказки предназначены для детства.

Наше чтение было своеобразным: сказки и рассказы, названные здесь, я знал наизусть. Книгу я брал только для того, чтобы показать малышам иллюстрации. Как и рассказывание сказок, чтение было могучим средством воспитания разума и добрых, человеческих чувств.

Без преувеличения можно сказать, что чтение в годы детства — это прежде всего воспитание сердца, прикосновение человеческого благородства к сокровенным уголкам детской души. Слово, раскрывающее благородные идеи, навсегда откладывает в детском сердце крупинки человечности, из которых складывается совесть.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СКАЗКИ — НАШ «ОСТРОВ ЧУДЕС»

Детей влечет необычное — романтика путешествий и приключений, борьба со стихийными силами природы. Когда я впервые рассказал малышам о приключениях Робинзона Крузо, им захотелось поиграть в путешественников, услышать шум морских волн и грохот водопада. Ребята решили сделать свой «Остров чудес» — таинственный уголок, в котором можно было бы жить в мире игры. Этот «остров» мы создали в зарослях терна и акации: построили жилище Робинзона с частоколом, защищающим

от диких зверей, с таким же очагом, как у нашего героя; сделали маленькое окошко, через которое смотрели в безбрежную даль «моря», вскопали маленькую грядку, посеяли на ней несколько десятков зернышек пшеницы и ячменя. Коля приводил сюда из дому даже козленка — ведь в хозяйстве Робинзона тоже были козы. Принесли старую бочку, веревки, кирпичи. Из обручей сделали ножи, смастерили сети для ловли рыбы. Как первобытные охотники добывали огонь трением двух кусочков сухого дерева — ведь могло случиться, что у Робинзона не было никаких других средств для добывания огня.

Во время дождя углубление, из которого мы брали землю для сооружения жилища, заполнилось водой и образовался маленький пруд. Дети плескались в воде; воображение рисовало им безграничные просторы океана. А если есть океан, то должны быть и корабли: ребята нашли кусок вербы и стали мастерить из него лодку. Это был нелегкий труд, но он увенчался победой; на лодку поставили паруса, и вот она уже уходит в плаванье.

За маленьким холмиком — в детском воображении он стал большой горой — мы создали страну Лилипутию. Из фанеры и камыша построили город — столицу Лилипутии, из глины вылепили фигурки лошадей, коров и овец, вылепили былинного героя Илью Муромца и его противника Соловья-Разбойника. Фигурки поставили в кустарнике. Это был дремучий лес древней Руси. Сюда мы ходили в тихие летние вечера, каждому хотелось рассказать здесь сказку о смелом, мужественном богатыре.

Углубившись в непролазный кустарник, мы нашли на склоне оврага небольшую яму — это нещера злого Кащея Бессмертного, там, в таинственной глубине, где-то томится прекрасная царевна.

На «Острове чудес» в теплую погоду мы проводили выходные дни, когда не удавалось совершать более далеких путешествий. Возле жилища Робинзона построили шалаш. Это было любимое место, откуда крылья фантазии уносили нас в мир сказок. Сказочные герои были рядом, и когда на землю опускалась ночь, нам чудились свист Соловья-Разбойника, скрипящее крахтение Кащея Бессмертного, осторожные шаги Кота в сапогах. Здесь особенно ярко горел огонек детской фантазии. Юра, Галя, Тина, Витя создали в этом уголке чудесные сказки. Сама обстановка пробуждала игру воображения. Мысль текла плавно и неудер-

жимо, дети находили для выражения своих чувств яркие слова. Вот сказка о золотой радуге, составленная Сережей:

«Пришли однажды вечером к Солнышку Кузнецы-великаны и говорят: «Солнышко, Солнышко, молоты железные у нас уже разбились, скоро нечем будет ковать серебряные нити. Наковальня тоже старая. Отпусти нас на землю, мы возьмем железа». Отпустило Солнышко Кунецов. Стали идти Кузнецы-великаны к людям, но путь преградили темные облака. Посмотрели Кузнецы через облака на землю — высоко-высоко, как же опуститься? Возвратились к Солнышку и говорят: «Солнышко, Солнышко, как же нам спуститься на землю? Сделай какой-нибудь мост». Перекинуло Солнышко свои лучи через темные тучи, засверкал в небе солнечный мост. А с земли люди увидели золотую радугу. Кузнецы спустились на землю, взяли у людей железа и по солнечному мосту опять возвратились к Солнышку. Как только увидело Солнышко их белые бороды, убрало золотые лучи, исчезла радуга. С той поры, как только появятся на небе темные тучи, посылает Солнышко на землю Кунецов-великанов за железом. А зимой нет золотой радуги, потому что день очень маленький и Кузнецы-великаны мало стучат молотами».

Меня очень радовало, что каждый ребенок составил здесь свою сказку. Навсегда запомнился тихий летний вечер; после захода солнца небо приобрело пепельный оттенок. Такие вечера бывают несколько дней в году, когда лето в зените. Кажется, что само небо излучает слабое сияние, сумерки в эти вечера длиннее, чем обычно, на небе долго не загораются звезды... Дети молчали, очарованные красотой природы. В эти мгновения особенно ярко горит огонек фантазии. И вот мы услышали сказку, которую придумала Нина:

«Ушло Солнышко в свой волшебный сад на отдых. Легло отдохнуть и забыло закрыть глаза. А Кузнецы-великаны думают, что еще день. Куют и коуют серебряные нити. Рассыпались нити, превратились в пыль. Развевалась серебряная пыль по небу, горит-сияет...»

Мое сердце забилося учащенно, когда я слушал эту чудесную сказку. Как не радоваться тому, что очарование красотой природы, фантастические образы сказок — все это открывает в детском сознании ключи мысли. Не знаю, почему это так, но в самые длинные июньские вечера, когда пепельный небосвод кажется каким-то таинственным

покрывалом, — в эти часы особенно бурно разыгрывалась детская фантазия.

После окончания 3 класса детям захотелось создать на «Острове чудес» «штаб партизанского отряда». Как и предполагается, «штаб» разместили в землянке, которую помогли нам выкопать и оборудовать старшие школьники. Началась увлекательная игра, продолжавшаяся несколько месяцев. Детям хотелось играть ночью, и от этого их трудно было удержать. Они ходили в разведку, научились пользоваться компасом. Сделали деревянные «автоматы» и «пулеметы», перед выступлением на боевую операцию отдавали приказ.

В последний год обучения учеников увлекла книга русского писателя-сказочника П. Бажова «Малахитовая шкатулка». В детских глазах загорались огоньки радости, когда я читал о чудесных уральских самоцветах, об изумительной красоте пещер, где хранятся несметные богатства доброй Хозяйки медной горы, о малахитовых россыпях. Ребятам захотелось в те дни сделать что-нибудь красивое, таинственное, романтическое. У кого-то зародилась мысль создать подземное изумрудное царство. Мы стали собирать зеленые, синие, голубые, оранжевые, красные, фиолетовые осколки стеклышек и выложили ими стены нашей пещеры. Трудно передать своими словами чувство восхищения красотой, изумления, которое переживали дети, когда в пещере зажигалась маленькая электрическая лампочка и на стенах вспыхивало радужное зарево. Здесь родились новые сказки, здесь я еще раз убедился, насколько велика сила эстетических чувств в воспитании, развитии и укреплении умственных сил. На моих глазах произошел новый стремительный взлет мысли Вали, Петрика, Нины: ребята сложили свои сказки, поразившие меня богатством воображения. Здесь сложила сказку и Люда. Я убедился, что причина молчаливости девочки — не замедленное умственное развитие, а мечтательность, задумчивость.

ПЕСНЯ ОТКРЫВАЕТ ПЕРЕД РЕБЕНКОМ КРАСОТУ МИРА

В начальных классах, как и в «Школе радости», мы слушали музыку природы, которая является важнейшим источником эмоциональной окраски слова, ключом к пони-

манию и переживанию красоты мелодии. Слушая музыку природы, дети эмоционально готовились к хоровому пению. Я добивался того, чтобы они различали в природе музыку, созвучную песне, которую мы будем петь.

Недалеко от школы прекрасный уголок. Вечернее небо здесь отражается в зеркальной глади пруда, с луга доносится пение птиц; звонкой песней кузнечики встречают вечернюю прохладу. Здесь мы несколько раз слушали музыку природы перед тем, как разучить песню украинского композитора Я. Степового «Зоре моя вечірняя». В этой песне прекрасно передано восприятие красоты вечерней зари. В ее мелодии дети улавливали музыку, которая очаровывала в тихие летние вечера. Здесь же, в этом уголке, мы разучили песню. Детям хотелось петь. А потом через несколько недель ребята исполняли ее в комнате для слушания музыки, пения, игры на народных инструментах. Песня пробудила у детей воспоминания о красоте вечерней зари, их лица светились радостью.

В лесу мы слушали *музыку солнечного полдня*. Тихо шелестят листья на высоких деревьях, стучит дятел, где-то туркочет дикая голубка-горлица, слышно кукование кукушки. Чувства, навеянные этой музыкой, открыли перед детьми красоту песни А. Аренского «Кукушка».

С большой любовью ребята пели хором «Колыбельную» В. Моцарта, чешскую народную песню «Сорока», «Детскую песенку» П. Чайковского, «Идет коза рогатая» Н. Шпейера, «Осеннюю песенку» Д. Васильева-Буглая, польскую песню «Пение птичек», «Песню лисички» Н. Лысенко, «Песню про чибиса» М. Иорданского, «Портрет Володи Ульянова» М. Вериковского, пионерскую песню «Юный барабанщик», «Песню о Ленине» В. Рождественского, «Песню о Родине» А. Филиппенко. Как правило, наш хор пел без сопровождения. Меня очень радовало, что петь любят все. У ребят появились любимые произведения: «Летите, голуби, летите» И. Дунаевского, «Колыбельная» В. Моцарта, «Песня о маме» О. Сандлера, украинские народные песни «Розлилися води», «Ой, на горі та й женці жнуть», «Подояночка», «Повій, вітре, на Вкраїну», русские народные песни «Ходила младешенька по борочку», «Ах, улица широкая», «Сад», белорусская народная песня «Ой, пролетели два голубочка», чешская народная песня «Пастушок», «Взвейтесь кострами, синие ночи» С. Дешкина, «Шла колонна» А. Штогаренко, «Песня о Ленине»

М. Красева, «Мы любим свою Родину» И. Кишко, «Песня о пограничнике» С. Богуславского.

У детей выработалась потребность собираться вместе, чтобы попеть. Песня входила в их духовную жизнь, придавала яркую эмоциональную окраску их мыслям, пробуждала чувство любви к Родине, к красоте окружающего мира.

Большое впечатление произвела на детей украинская народная песня «Ой, на горі та й жінці жнуть». Она пробуждала яркие представления о далеком прошлом нашего народа, о его героической борьбе против захватчиков. Мелодия песни как бы переносила детей в суровую обстановку борьбы за независимость родины, они видели мир таким, каким его видели наши далекие предки несколько столетий назад. Вот на ниве жнецы жнут пшеницу, время от времени мужчины и женщины тревожно посматривают на горизонт — оттуда в любую минуту может показаться враг, и тогда серп надо менять на саблю, защищать родной дом, маленьких детей, лежащих вои там в тени, под снопами. Только песня с ее чарующей мелодией способна донести до сознания и сердца эти картины. Только песня может раскрыть красоту души народа. Мелодия и слово родной песни — это могучая воспитательная сила, раскрывающая перед ребенком народные идеалы и чаяния.

Есть такое человеческое качество — тонкость, эмоциональность натуры. Оно выражается в том, что окружающий мир обостряет способность к переживаниям. Человек с тонкой, эмоциональной натурой не может забыть горя, страдания, несчастья другого человека; совесть заставляет его прийти на помощь. Это качество воспитывает музыка и песня.

Эмоциональность натуры, свойственная нравственно и эстетически воспитанному человеку, выражается в том, что сердце становится восприимчивым к доброму слову, поучению, совету, напутствию. Если вы хотите, чтобы слово *учило жить*, чтобы ваши питомцы стремились к добру, — воспитывайте тонкость, эмоциональную чуткость юного сердца. Среди многочисленных средств воздействия на юное сердце важное место принадлежит музыке. *Музыка и нравственность* — это проблема, ожидающая глубокого изучения и исследования.

Песня утверждает поэтическое видение мира. Я помню, как однажды после пения песни, в которую народ вложил

глубокие чувства, мы пошли в степь. Перед нами раскинулось безбрежное море пшеницы, на горизонте синели древние курганы, между желтыми нивами узенькой лентой вилась дорога, в голубом небе пел жаворонок. Дети остановились, они будто впервые увидели этот уголок родной земли. «Это — как песня про жнецов», — сказала чуткая, впечатлительная Варя. Я чувствовал: в душе у каждого ребенка в эти мгновения звучат слова любимой песни. Песня как бы открывает глаза на красоту родной земли. И эта красота становится еще поднее, еще дороже.

Родная песня раскрывала перед детьми слово родной речи как бесценное духовное богатство народа. Благодаря песне дети воспринимали тонкость звучания слова.

На первых порах у нас было мало пластинок с записью тех произведений инструментальной музыки, слушание которых представлялось мне так же необходимым, как чтение рассказов Л. Толстого и А. Чехова, М. Горького и В. Короленко, А. Гайдара и К. Чуковского, Г. Сепкевича и Джека Лондона, стихов А. Пушкина и Т. Шевченко, сказок Х. Андерсена и братьев Grimm. Я не представлял воспитания без слушания музыки, без того, чтобы уже в детские годы у человека не было любимых мелодий. К началу работы нашей «Школы радости» педагогический коллектив собрал несколько записанных на пленке и пластинках произведений. Мы считали это большим сокровищем, и то, что это сокровище не могло создать у детей полного представления о духовных богатствах человечества, нас очень огорчало. К концу первого года обучения моих воспитанников у нас было уже 27 произведений, из них 7 песен и 20 инструментальных вещей. Мы приходили в музыкальную комнату специально для слушания музыки два раза в неделю. Некоторые мелодии и песни были знакомы детям, они вошли в их духовную жизнь еще в «Школе радости». Много раз ребята слушали «Песню жаворонка», «Подснежник» П. Чайковского, «Колыбельную» В. Моцарта, «Смелый всадник» Р. Шумана, «В пещере горного короля» Э. Грига, Песню Лисички, Песню Козы, Песню Волчонка из детской оперы «Коза-дереза» Н. Лысенко, украинские песни «Дивлюсь я на небо», «Рече та стогне Дніпр широкий», «Сонце заходить, гори чорніють».

За 4 года работы с детьми фонотека увеличилась примерно в 2 раза. Это было немного, но я заботился не о количестве, а прежде всего о том, чтобы в духовную жизнь

детей вошло все лучшее из музыкальных сокровищ человечества (прежде всего украинского и русского народов), чтобы слушание одного и того же произведения давало эстетическое наслаждение, накладывало отпечаток на мышление и эмоциональную жизнь.

Пусть за месяц ребенок услышит одну новую мелодию, но эта мелодия станет для него источником духовного наслаждения на всю жизнь. Я опасался пресыщения музыкой, все новыми и новыми произведениями, которые бы просто развлекали, не оставляя в сердце никакого следа.

Кроме указанных выше, мои дети слушали в течение четырех лет такие произведения: «Марш Черномора» из оперы «Руслан и Людмила» М. Глинки, марш из оперы «Фауст» Ш. Гуно, «Норвежский танец» и «Кобольд» Э. Грига, «Травка зеленеет», «Танец пастушков» и «Танец феи Драже» из балета «Щелкунчик», «Марш деревянных солдатиков», «Старинная французская песенка», «Болезнь куклы», «Итальянская песенка», «Детская песенка», «Камаринская», «Танец маленьких лебедей» из балета «Лебединое озеро» П. Чайковского, «Полет шмеля», отрывок «Три чуда» из оперы «Сказка о царе Салтане» Н. Римского-Корсакова, «Веселый крестьянин» Р. Шумана, «Танец Эльфов» Э. Грига, «Экосезы» Ф. Шуберта, «Скворцы прилетели» И. Дунаевского, отрывок из оперы К. Стеценко «Лисичка, Котик и Петушок», отрывок из оперы Н. Лысенко «Зима и весна», «Бабак» Л. Бетховена, швейцарская песня «Кукушка», польская песня «Пение птичек», украинские народные песни «Сусідка», «Ой на горі льон», «Стоїть гора високая», «Повій, вітре, на Вкраїну», венгерская народная песня «Соловей», русская народная песня «Во поле береза стояла», «Пионерское звено» Д. Кабалевского, «Пионер» А. Островского, «Пионерский костер» В. Мурадели, «Смело, товарищи, в ногу» (старая революционная песня в обработке Г. Лобачева), «Замучен тяжелой неволей» (любимая песня В. И. Лепина).

Перед слушанием музыки я рассказывал о той реальной действительности или фантастических картинах, которые отражены в музыкальных образах. Рассказу придавалось большое значение: он как бы настраивал детей на восприятие произведения. Так, перед слушанием «Танца феи Драже» я рассказал детям старинную сказку Э. Гофмана, сюжетную канву которой композитор положил в основу балета¹³. Яркими, выразительными словами я сосре-

мился создать в представлении детей образ доброй феи — легкой, грациозной. «Вы услышите перезвон маленьких хрустальных колокольчиков,— говорю я детям.— Эта музыка рисует окружение прекрасной феи. Я представляю легкие, стройные колонны чудесного дворца, освещенные ярким светом». Дети слушают музыку, потом рассказывают о том, как они представляют дворец феи. Воображение рисует пруды, фонтаны, тенистые рощи и таинственные пещеры. Фантастические образы пробуждают желание еще раз послушать музыку.

Толкование музыкального произведения, особенно неизвестного детям, требует большого такта и высокой педагогической культуры. Никогда нельзя забывать, что язык музыки — это язык чувств; даже народная песня с бесхитростными, порой элементарно простыми словами воспринимается как художественное произведение только благодаря мелодии. Чтобы разъяснить сущность художественных образов музыкального произведения, учитель должен понимать специфику изобразительных средств композитора. Объяснение должно быть своеобразным законченным художественным рассказом, услышанным ребенком из уст учителя. Уже сам по себе этот рассказ должен пробудить чувства, вызвать переживания, создать в воображении яркие картины.

Я глубоко убежден, что красота музыки — могучий источник мысли. Яркие образы, рождающиеся в представлении ребенка под влиянием музыкальной мелодии, оживляют мысль, как бы направляя ее многочисленные ручейки в единое русло. Дети стремятся словами нарисовать то, что создало воображение, что они чувствуют. Для ребят с замедленным умственным развитием слушание музыки было поистине могучим источником мысли. Я стремился к тому, чтобы после слушания музыкального произведения ребята неприпужденно передавали свои впечатления.

В музыкальной комнате мы играли на свирелях, разучивали полюбившиеся мелодии. Во 2 классе в нашем кружке любителей игры на свирели было 9 моих воспитанников и 4 ученика из других классов. Дети сами делали инструменты. Настоящими мастерами по изготовлению свирелей были Сережа, Юра, Тина и Лида. Они ходили в рощу, выбирали подходящий материал, выдерживали срезы ветви в тени, пробовали звучание инструмента, добиваясь чистоты и мелодичности звука. В 3 классе у нас

появились 2 баяна и 3 скрипки. Юра, Сережа, Федя, Лида, Коля, Тина, Лариса, Саня, Шура научились играть на баяне и скрипке. К концу обучения в начальной школе у 19 детей дома были музыкальные инструменты — баяны, скрипки. Но ребята не забывали и о свирелях. У некоторых детей раскрывались музыкальные задатки, но главную цель я видел не в воспитании отдельных талантов, а в том, чтобы все ученики любили музыку, чтобы для всех она стала духовной потребностью.

То, что упущено в детстве, никогда не возместить в годы юности и тем более в зрелом возрасте. Это правило касается всех сфер духовной жизни ребенка и особенно эстетического воспитания. Чуткость, восприимчивость к красоте в детские годы несравненно глубже, чем в более поздние периоды развития личности. Одной из главных задач учителя начальной школы является воспитание потребности в красивом, которая во многом определяет весь строй духовной жизни ребенка, его взаимоотношения в коллективе. Потребность в красивом утверждает моральную красоту, рождая непримиримость и нетерпимость ко всему пошлому, уродливому.

«Держа в руках скрипку, человек не способен совершить плохого», — гласит старинная украинская мудрость, приписываемая замечательному мыслителю Григорию Сковороде. Зло и подлинная красота несовместимы. Одна из важных задач воспитателя состоит в том, чтобы, образно говоря, дать в руки каждому ребенку скрипку, чтобы каждый чувствовал, как рождается музыка. В наши дни, когда технические средства записи и распространения музыки приобрели столь универсальный характер, эта воспитательная задача приобретает особый смысл. Не допустить, чтобы молодое поколение стало только потребителем красоты — это проблема не только эстетического, но и нравственного воспитания.

КНИГА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РЕБЕНКА

Книга играет большую роль в духовной жизни детей, но только тогда, когда ребенок умеет хорошо читать. Что значит «хорошо читать?» Это, прежде всего, владеть элементарным умением — техникой чтения. Я стремился к тому, чтобы индивидуальное чтение было духовной потребностью ребенка. В 1 и во 2 классах на каждые 1—

2 недели ученик брал в библиотеке книгу, читал ее вслух. Без этого невозможно выработать твердого, стойкого умения бегло читать и понимать прочитанное.

У каждого ученика уже во 2 классе появилась записная книжка — «словесная шкатулка». В нее записывались слова, которые показались ребенку интересными или непонятными (потом я объяснял детям значение или эмоциональную окраску слова). В 3 и 4 классах, кроме отдельных слов, в «словесную шкатулку» записывались обороты, фразы, предложения, полюбоившиеся ученику.

Чтение как источник духовного обогащения не сводится к умению читать; этим умением оно только начинается. Ребенок может читать бегло, безошибочно, но книга — это часто бывает — не стала для него той тропинкой, которая ведет к вершине умственного, нравственного и эстетического развития. Уметь читать — это означает быть чутким к смыслу и красоте слова, к его тончайшим оттенкам. Только тот ученик «читает», в сознании которого слово играет, трепещет, переливается красками и мелодиями окружающего мира. Чтение — это окошко, через которое дети видят и познают мир и самих себя. Оно открывается перед ребенком лишь тогда, когда наряду с чтением, одновременно с ним и даже раньше, чем впервые раскрыта книга, начинается кропотливая работа над словом, которая должна охватывать все сферы активной деятельности, духовной жизни детей — труд, игру, общение с природой, музыку, творчество. Без творческого труда, создающего красоту, без сказки и фантазии, игры и музыки невозможно представить чтение как одну из сфер духовной жизни ребенка. Основа развития речи и мышления — это и «путешествия» к живому источнику мысли, и эмоционально-эстетическая окраска слова, которая становится понятной благодаря умению чувствовать красоту речи, и художественные богатства, воплощенные в книгах.

До того как прочитать первое слово, ребенок должен услышать чтение учителя, матери, отца, почувствовать красоту художественных образов. «Путешествия» в мир природы нельзя представлять как что-то оторванное от книги. Ребенок не увидит красоты окружающего мира, если он не почувствовал красоты слова, прочитанного в книге. Путь к сердцу и сознанию ребенка идет с двух сторон, с первого взгляда как будто бы противоположных:

от книги, от прочитанного слова к устной речи и от живого, уже вошедшего в духовный мир ребенка слова к книге, чтению, написанию. Эмоционально-эстетическая подготовка к чтению и письму — важнейшее условие того, чтобы ребенок научился читать и писать — и научился не для получения отметки, а потому, что чтение и письмо необходимы в духовной жизни — неумение читать и писать лишает его многих радостей.

То, что мои дети еще в «Школе радости» передавали чувства и мысли о красоте окружающего мира в рисунках и выразительных подписях к ним, — это и есть результат эмоционально-эстетической подготовки к чтению и письму. «Путешествия» в природу в нашей системе воспитания не самоцель, а средство умственного развития ребенка через слово. Дети были бы равнодушны к красоте природы, к игре красок и звуков, к неисчерпаемому разнообразию жизни, если бы не слово, не умственное воспитание, не стремление к важнейшей образовательной цели — научить ребенка думать, подмечать взаимодействие предметов, вещей, явлений, обобщать, абстрагироваться от природы, от наглядных образов и представлений.

Я добивался, чтобы уже в 1 классе чтение было духовной потребностью ребенка, чтобы оно не сводилось к упражнениям, преследующим цель выработать технику беглого восприятия и произношения слова. Войти в духовный мир ученика может лишь то, что соответствует уровню его развития — умственного, эмоционального, эстетического — и в то же время способствует его дальнейшему развитию. Правильно выбрать, что читать, — исключительно важная задача воспитателя. В книгах для чтения, к сожалению, отсутствуют многие художественные ценности, доступные пониманию ребенка. Через 3 месяца после начала учебного года мы приступили к чтению интересных сказок и рассказов, не вошедших в книги для чтения.

Я раздаю детям книги «Украинские и русские сказки». Готовлю их к чтению украинской народной сказки «Соломенный бычок» — передаю ее содержание, иллюстрируя свой рассказ картинками. Ребята открывают книжку. Читает сказку один ученик, второй, третий. Сколько бы раз ни читалась одна и та же вещь — по обязательно интересная для детей — она не надоедает им, потому что

чтение для каждого ребенка это не повторительные упражнения, а глубоко личное переживание ярких образов; каждый ребенок вкладывает в слово свое индивидуальное восприятие. Дети слушают чтение так же внимательно, как если бы все они — один за другим — пели одну и ту же песню, слова и мелодия которой очень волнуют. Каждый пел бы по-разному, у каждого слово приобрело бы свою окраску, передающую тонкости переживаний, восприятий, представлений. Слово при таком чтении звучит как музыка, как мелодия.

В подготовке к эмоционально яркому индивидуальному чтению особенно важно то, что ребенок много раз был у источника мысли, пережил красоту слова. Вот ученик читает предложение: «И пошел бычок в темный лес, встретил его там серый волк». Со словами «темный лес» в сознании ребенка связаны незабываемые картины: вечерние сумерки в лесу, таинственные ночные шорохи, тревожный шум листвы перед грозой. Все это вошло в его духовную жизнь, играет яркими красками и переливается звуками музыки природы, когда до слуха доносятся слова «темный лес». Никакие разъяснения учителя, — как читать, как произносить, как правильно поставить интонацию, — не могут научить ребенка эмоционально богатому чтению, если он не знает дорожки к источнику живого слова и мысли.

С первого дня работы в школе предметом моей заботы было то, чтобы в детские руки не попала ни одна плохая книжка, чтобы ребята жили в мире интересных произведений, которые вошли в золотой фонд национальной и общечеловеческой культуры. Это исключительно важная задача: человек за всю свою жизнь может прочитать не больше 2000¹⁴ книг — следовательно, в годы детства и ранней юности надо вдумчиво отбирать материал для чтения. Пусть ребенок прочитает немного, но каждая книга пусть оставит глубокий след в его сердце и в сознании, чтобы человек возвращался к ней несколько раз, открывая все новые и новые духовные богатства. Здесь очень важно, чтобы ребенок чувствовал удовлетворение и наслаждение от выразительного чтения. Сила и красота слова раскрываются в его звучании, поэтому очень важно, чтобы переживание эмоциональной окраски слова шло от восприятия на слух — от выразительного чтения.

Уже в 1 классе у нас была создана детская библиотека. Состояла она из 4 отделов. Первый — это рассказы, представляющие, на мой взгляд, наибольшую ценность для нравственного, умственного и эстетического воспитания детей. (Каждую книжку мы покупали в 15 экземплярах с тем, чтобы на урок чтения можно было дать на парту по одной). Отдел этот был рассчитан на 4 года обучения в начальной школе. В нем подобраны рассказы с глубоко человеческой, понятной ребенку идеей, воплощенной в ярких художественных образах. Вот они: Л. Толстой — «Акула», «Прыжок», «Кавказский пленник»; П. Ершов — «Конек-Горбунок»; М. Коцюбинский — «Елочка»; В. Жуковский — «Спящая царевна», «Одиссей в пещере циклопов»; Д. Мамин-Сибиряк — «Емеля-охотник», «Зимовье на Студеной», «Богач и Еремка», «Премыш», «Серая Шейка»; Х. Андерсен — «Дюймовочка», «Гадкий утенок», «Новый наряд короля»; В. Гюго — «Козетта», «Гаврош» (из «Отверженных»); братья Гримм — «Гензель и Гретель», «Ленивый Ганс», «Три счастливца»; А. Пушкин — «Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне», «Станционный смотритель», «Анчар», «Узник», «Няня», «Птичка», «Зимний вечер»; Януш Корчак — «Когда я снова стапу маленьким»; В. Короленко — «Дети подземелья»; И. Некрасов — «Крестьянские дети», «Дядюшка Яков», «Дедушка Мазай и зайцы»; И. Тургенев — «Перепелка»; Д. Григорович — «Гуттаперчевый мальчик»; В. Гаршин — «Сигнал»; А. Куприн — «Скворцы»; К. Станюкович — «Максимка», «Пянька», «Побег»; А. Чехов — «Каштанка», «Белолобый», «Ванька», «Беглец», «Мальчики», «Хамелеон»; Г. Сепкевич — «Янко-музыкант»; Джек Лондон — «Сказание о Кише»; Марк Твен — «Приключения Тома Сойера»; М. Горький — «Пепе», «Дети из Пармы», «Случай с Евсейкой», «Детство Ильи», «Утро»; А. Гайдар — «Чук и Гек», «Дальние страны», «Тимур и его команда»; В. Бонч-Бруевич — «Левин и дети»; А. Тесленко — «Школьник»; Панас Мирный — «Морозенко»; И. Фрапко — «Грицева школьная наука», «Карандаш»; А. Кононов — «Рассказы о Ленине»; Л. Космодемьянская — «Повесть о Зое и Шуре»; «Рассказы о пионерах-героях»; Д. Бедзик — «Детство Олега Кошевого»; В. Катаев — «Сын полка»; А. Головкин — «Пилипко», «Красный платочек».

Чтение этих произведений было для детей не только познанием мира, не только упражнениями, способствующими выработке твердых навыков и умений, но и школой эмоционально-нравственного воспитания. Каждая книжка оставляла глубокий след в душе ребят. Большое впечатление на детей произвел изумительный рассказ Д. Мамина-Сибиряка «Зимовье на Студеной». В этом произведении речь идет об одиноком, всеми забытом старике, коротающем свои дни в избушке в глухой тайге. Я видел, как после чтения таких произведений обостряется чувствительность ребят к явлениям окружающего мира.

Рассказы мы читали и на уроках, и во внеклассное время. Этот отдел нашей библиотечки можно сравнить с фонотекой музыкальных произведений, предназначенных для коллективного слушания.

Второй отдел нашей классной библиотеки — это рассказы современных русских и украинских писателей о нашем сегодняшнем дне, о труде советских людей, о борьбе за мир, о подвигах героев в годы Великой Отечественной войны, о детях-героях. С наибольшим интересом мои воспитанники читали стихи С. Михалкова и С. Маршака, рассказы А. Гайдара, Л. Кассиля, И. Носова, М. Прилежаевой, М. Трублини, Ю. Яновского, Ю. Збапацкого, М. Линькова, О. Иваненко, Л. Воронковой, Б. Житкова, З. Александровой.

Третий отдел — это сказки, стихотворения и басни. Книжки предназначались только для внеклассного чтения. Каждый ребенок выбирал себе произведение, которое интересовало его (а интерес вызывался хорошим рисунком, рассказом учителя или товарища о прочитанном).

Четвертый отдел классной библиотечки — древнегреческая мифология. Здесь были собраны найденные с большим трудом книги, в которых в доступной для детей форме излагались мифы Эллады. Древняя мифология играет важную роль в интеллектуальном и эстетическом воспитании детей. Она не только открывает перед ребятами изумительную страницу культуры человечества, но и пробуждает воображение, развивает ум, воспитывает интерес к далекому прошлому.

Со середины первого года обучения мы стали проводить коллективные чтения. Я раздавал детям все экземпляры одной книжки, чтобы они читали ее дома. Это

была подготовка к коллективному чтению. Идти в Комнату сказки для того, чтобы читать рассказ, содержание которого уже хорошо известно? Откуда у детей такое желание и зачем это делать, не лучше ли читать что-то новое?

Да, новое, неизвестное тоже надо читать, и мы читали новые книжки. Но произведение входит в духовный мир лишь тогда, когда ребенку хочется прочитать товарищам то, что взволновало его сердце, хочется передать в слове свои чувства и переживания. Каждую книжку из первого отдела нашей библиотеки мы читали вслух не менее 10 раз, и от повторного чтения интерес к ней не ослабевал. Книжка прочитана 2—3 недели назад, но дети не забывают ее, стремятся прочесть еще раз и специально для этого приходят в школу. Проходит 3—4 месяца, детям, снова хочется прочитать полюбившуюся книгу — снова ей посвящается коллективное чтение.

Но красота и сила произведения трогают сердце и волнуют разум лишь при условии, если ребенок почувствовал тончайшие оттенки слова еще до того, как научился читать. Тому, перед кем не раскрылась чарующая красота слова во время «путешествий» к живому источнику мысли, — никогда не захочется слушать второй, третий, десятый раз то, что он уже знает.

Отдельные уроки мы посвящали любимому рассказу. Дети с волнением готовились к чтению. Каждый читал то, что больше всего понравилось, взволновало сердце.

Особое место отводилось у нас чтению стихотворений. Я читал детям наизусть лучшие образцы поэтических произведений, вошедших в мировую сокровищницу человеческой культуры, — стихотворения А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Жуковского, Н. Некрасова, А. Фета, Т. Шевченко, Леси Украинки, И. Шиллера, А. Мицкевича, Г. Гейне, П. Беранже и других поэтов. У ребят возникло желание выучить наизусть полюбившееся стихотворение. За 4 года учащиеся выучили много стихотворений. Но никогда они не учили до того, пока не пережили дивного звучания поэтического слова.

Хорошие стихотворения сочетают в себе красоту слова, образа и музыкальной мелодии. Я стремился к тому, чтобы дети уже в раннем возрасте почувствовали это единство эстетических богатств: читал наизусть стихи украинских и русских поэтов. Много раз мы читали сти-

хотворение А. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» и поэму Т. Шевченко «Наймичка». Эти произведения запомнили почти все дети (без какой бы то ни было специальной работы по заучиванию). Ребята выучили также много небольших лирических стихотворений, в которых описывается красота природы. Любимым для детей было чтение с продолжением. В Уголке мечты мы несколько недель читали «Приключения Тома Сойера». Обстановка, окружающая ребят, усиливала впечатление от книги. С продолжением мы читали также «Детство» М. Горького», «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Малахитовую шкатулку» П. Бажова.

Со временем мы начинали проводить вечера и утренники выразительного чтения. Каждый, кто желал участвовать в этом деле, готовился прочитать свой любимый рассказ или стихотворение. На вечера и утренники приходило много детей из других классов, постепенно такие чтения стали общешкольными.

Дважды — в конце первого полугодия и в конце учебного года — мы отмечали праздник родного слова. Стали традиционными некоторые обряды на этом празднике. Ребята приглашали старейших людей села, которые решали, кто лучше всех читал рассказ или стихотворение. Это было своеобразное творческое соревнование, победители которого награждались книгами. Награды детям вручали старшие колхозники — почитатели и цепители родного слова. Они тоже рассказывали сказки, читали наизусть стихотворения. Случалось, что одну и ту же вещь читал ученик и старый колхозник. На 4 году обучения весенний праздник родного слова длился 2 дня — так много было желающих прочитать рассказ, стихотворение, басню.

Постоянное общение со старшими — отцами, матерями, дедушками и бабушками — пробудило к жизни еще одну интересную традицию — лучшие наши чтецы стали читать дома своим родителям, в школу начали приходить взрослые, чтобы послушать, как читают дети. Возникло несколько кружков любителей и почитателей родного слова (кружки состояли из взрослых, очень уважаемых людей). То, что ребята были как бы организаторами этих кружков, усиливало интерес к книге и чтению.

Стал традиционным и общешкольный праздник книги. Накануне начала занятий, 31 августа, в школу приходили

дети и родители. В этот день все дарили книги: дети — друг другу, родители — детям. Стало правилом, что правление колхоза дарило книги в этот день лучшим руководителям кружков любителей и почитателей родного слова.

Я стремился к тому, чтобы каждый ребенок постепенно создавал личную библиотеку, чтобы чтение становилось важнейшей духовной потребностью детей. Уже в первые 2 года обучения ребят в начальных классах я добился того, что в каждой семье была создана библиотечка. В одних семьях библиотечка насчитывала свыше 500 книг, в других — меньше, но книжные богатства ежемесячно умножались в каждом доме. Если в течение месяца семейная библиотечка не пополнялась ни одной книгой, я считал это тревожным явлением.

С книги начинается самовоспитание, индивидуальная духовная жизнь. Есть такой момент в воспитательном процессе, когда наставник, все время заботливо ведущий за руку своего воспитанника, находит возможным выпустить его руку и сказать: «Иди сам, учись жить». Для того чтобы решиться на такой шаг, нужна большая педагогическая мудрость. Чтобы подготовить человека духовно к самостоятельной жизни, надо ввести его в мир книг. Книга должна стать для каждого воспитанника другом, наставником и мудрым учителем. Я видел важную воспитательную задачу в том, чтобы каждый мальчик, каждая девочка, кончая начальную школу, стремились к уединению с книгой — к раздумьям и размышлениям. Уединение — не одиночество. Это начало самовоспитания мыслей, чувств, убеждений, взглядов. Оно возможно только при условии, когда книга входит в жизнь маленького человека как духовная потребность. В индивидуальных беседах я выяснял, какая книга заинтересовала мальчика или девочку, на какие вопросы маленький человек ищет ответы в книге, — все это мне надо было знать для того, чтобы дать разумный совет, помочь ребятам встретиться со своей книгой.

Школа становится подлинным очагом культуры лишь тогда, когда в ней царят 4 культа: культ Родины, культ человека, культ книги и культ родного слова.

Еще до начала работы с моими учениками я много слышал о трудностях воспитательной работы с подростками. Мне говорили: «Легче всего работать с маленькими детьми. Но как только маленький ребенок станет

подростком, он преображается, вы не узнаете его. Исчезнут доброта, чуткость, стеснительность. Появятся грубость, резкость, равнодушие». В дальнейшем я убедился, насколько ошибочны эти слова. В подростковом «исчезает» все доброе в том случае, если оно не создавалось, если воспитатель считал, что доброе дается ребенку от природы. Если с детства у ребенка не воспитана любовь к книге, если чтение не стало его духовной потребностью на всю жизнь, — в годы отрочества душа подростка будет пустой, на свет божий выползает как будто неизвестно откуда взявшееся плохое.

РОДНОЕ СЛОВО

Для нас, украинцев, родным словом является украинский язык. На нем сегодня говорит свыше 36 миллионов человек. По исторические судьбы нашего народа сложились так, что нам, украинцам, очень близок и дорог язык братского русского народа. Два родственных языка переплетаются многими нитями. Это не только облегчает, но и затрудняет овладение и родным и русским языками. Сотни слов, одинаково звучащих в обоих языках, имеют различный смысл. В сотнях случаев одно и то же слово в украинском языке имеет один эмоциональный оттенок, в русском — другой. Слово, звучащее в одном языке с патетической окраской, в другом — иногда приобретает иронический смысл. Игра оттенков, тончайших черточек эмоционально-эстетической окраски слов в обоих языках является для нас, учителей украинских школ, источником духовного богатства, которое мы призваны передать молодому поколению.

Язык — духовное богатство народа. «Сколько я знаю языков, столько раз я человек», — говорит народная мудрость. Но богатство, воплощенное в сокровищах языков других народов, остается для человека недоступным, если он не овладел родной речью, не почувствовал ее красоты. Чем глубже человек познаёт тонкости родного языка, тем тоньше его восприимчивость к игре оттенков родного слова, тем больше подготовлен его ум к овладению языками других народов, тем активнее воспринимает сердце красоту слова.

Я стремился к тому, чтобы этот животворный источник — богатства родной речи — был открыт для детей с

первых шагов их школьной жизни. «Путешествуя» к живому источнику мысли и слова, мои воспитанники познавали одновременно эмоциональные, эстетические, смысловые оттенки родного и русского слова. Я добивался того, чтобы они чувствовали красоту языка, бережно относились к слову, заботились о его чистоте.

Речевая культура человека — это зеркало его духовной культуры. Важнейшим средством воздействия на ребенка, облагораживания его чувств, души, мыслей, переживаний являются красота и величие, сила и выразительность родного слова. Роль этого средства в начальной школе, где каждая встреча с новым явлением окружающего мира пробуждает в сердцах детей чувство изумления, невозможно переоценить.

Мы шли в природу — в лес, сад, поле, на луг, берег реки, — слово становилось в моих руках орудием, с помощью которого я открывал детям глаза на богатство окружающего мира. Чувствуя, переживая красоту увиденного и услышанного, дети воспринимали тончайшие оттенки слова, и через слово красота входила в их душу. «Путешествия» в природу были первым толчком к творчеству. У ребят появилось желание передать свои чувства и переживания, рассказать о красоте. Дети составляли маленькие сочинения о природе. Эти сочинения — важнейшая форма работы по развитию речи и мысли. Каждый ребенок составлял свое сочинение, а потом записывал его в классе. В качестве примера приведу несколько сочинений-миниатюр, устно составленных детьми в первый год обучения, а потом записанных в альбом «Наше родное слово» или в индивидуальные альбомы.

Песня жаворонка (*Лариса*)

В голубом небе дрожит серый комочек. Это жаворонок. Я слушаю его чудесную песню — не могу наслушаться. Как будто играет на топеньких-топеньких серебряных струнах. Натягивает струны от золотой пшеницы к солнышку. Колоски прислушиваются к его песне.

Зашло солнышко (*Сереза*)

Солнышко зашло. Потемнело поле. Из оврага расползается сумрак по полям и лугам. Растекается, как река. А на вершине тополя вспыхнули золотые искорки. Это солнышко послало свой последний привет. Вспыхнули и погасли. До свидания, солнышко!

Пчелы пьют воду (Гая)

Я видела, как пчелы пьют воду. По тонкой тростинке капельки воды стекают на гладкий вербовый пенек. Пенок мокрый. Пчелы любят запах вербы. Летят к пеньку пить воду. Встряхивают золотыми крылышками. Отдохните немного, пчелки, вам ведь далеко лететь.

Гречиха цветет (Варя)

Зацвела гречиха. Поле как будто белым ковром покрыто. Но этот ковер живой и так хорошо пахнет. На каждом цветочке — пчела. Ковер гудит — это пчелы жужжат. Большой мохнатый шмель сел на цветочек. Стебелек задрожал и поклонился. Шмель не удержался, свалился и сердито загудел.

Комбайнер (Юра)

Мой дядя комбайнер. Он ведет большую машину. Перед ним — пшеница. Острые ножи срезают стебли и подают в молотилку. Молотилка обмолачивает пшеницу. Зерно течет тоненькой струйкой в бункер. Подъезжает автомашина, везет зерно на ток. Будет много белого хлеба.

Наша молотилка (Ваня)

У нас в школе есть маленькая-маленькая молотилка, вот такая... Ученики сжали пшеницу на школьном участке. Связали пять снопов. Загудела маленькая молотилка. Обмолотила пшеницу. Ссыпали пшеницу в мешок. А мы будем ее сеять.

Цветут яблони (Павло)

Ой, как красиво в саду, когда цветут яблони. Белые цветочки раскрыли лепестки перед солнцем. Ветерок колышет цветочки, и они звенят. Как серебряные колокольчики. Весь сад звенит, улыбается солнцу. А когда ветер утихает, слышно жужжанье пчел. Они летают над деревьями. Высматривают самые голосистые колокольчики. И сад поет, как тысяча струн. Сядет пчелка на колокольчик, пошевелит лапками, встряхнет крылышками. Поднимается золотая пыльца над колокольчиком, как облачко.

На ферме у тети Даши (Коля)

Мы были на ферме у тети Даши. Она доит тридцать коров. Большие-большие бидоны молока. Молоко отвозят на маслозавод. Там из него делают масло.

Вечером курлычут журавли (Тина)

Зашло солнце за гору. В голубом небе летят журавли. Курлычут: «Здравствуйте, луга зеленые, мы прилетели с теплого моря». Затрепетали ветви на деревьях. Зашелестели зеленые травинки. Зазвенел пруд — здравствуйте, журавли, расскажите, что вы видели в теплом море.

Ласковый дедушка-Сумрак (Саня)

Загорелись звездочки на небе. Вышел из оврага ласковый Дедушка-Сумрак. Старенький, мохнатый-волохатый. С палочкой. Идет в село. Заходит в хаты. Берет детей в теплые, мягкие ладони. И детям хочется спать. Снятся им хорошие сны.

(Это она, Саня, еще в «Школе радости» придумала сказку о Сумраке. А теперь эта сказка снова ожила в памяти ребенка).

Дядя Кузьма (Федя)

Мы были у дяди Кузьмы. Он строитель. Из кирпича выкладывает стены дома. Сейчас он строит магазин. Дядя Кузьма построил уже пятьдесят домов. В них живет много людей. Он говорит: «Мои дома будут жить двести лет. Многие люди будут вспоминать: вот какой строитель дядя Кузьма!»

Подснежник (Катя)

Разбудило солнышко лес. Растопило снежинку на верхушке сосны. Упала горячая капелька на снег. Пробила сугроб и сухую листву. Там, где она упала, показалась зеленая стрелочка. А на ней расцвел голубой колокольчик. Смотрит на снег и удивляется: «Не рано ли я проснулся?» «Нет, не рано; пора, пора», — запели птички. И наступила весна.

Солнышко и туча (Толя)

Золотая нива. Солнышко играет в каждом колосочке. Поле, поле, какое ты красивое. Но вот приплыла к тебе туча. Закрыла солнышко. Погасли золотые искорки на колосочках. Стало поле серым. Как будто кто покрыл землю серым одеялом. Скорее выйди, солнышко, из-за тучи. Идут колосочки. Ждем и мы тебя, солнышко!

Падают звездочки с неба (Люба)

В августе падают звездочки с неба. Есть в темном лесу большая поляна. Упала звездочка с неба на поляну. Зацвел пурпурный цветочек.

В нашем классе тепло (Саша)

В нашем классе тепло-тепло. Горячие батареи, в них течет вода. В подвале — котел. В большой печи горит уголь. Его добыли под землей шахтеры. Повезли по железной дороге, привезли к нам. Сгрузили на землю. Потом погрузили на автомашину и привезли в школу. Нам тепло, потому что трудятся шахтеры и железнодорожники.

Скворцы зимой (Миша)

В прошлую зиму скворцы не улетали в теплый край. Откуда они узнали, что не будет больших морозов? Я видел, как вечером птицы собрались в большую стаю и перелетали от одного дерева к другому. Искали, где теплее. И тревожно пищали. В метель скворцы залетели к нам в сарай. Расселись везде, даже на спину коровы сели. А в солнечные морозные дни купались в снегу. Падают скворец камешком в мягкий сугроб, зарывается в снег. Потом выбирается из сугроба и весело щебечет.

Елка (Данько)

Мы с мамой поставили на стол елку. Украсили ее игрушками. Внизу поставили Деда Мороза. Пришла ночь. На дворе ярко светит луна. Мне хочется пошепотом, что делает Дед Мороз. А он поднял палку, отошел от елочки и уже ходит по столу. Ходит и побрякивает. А белые снежинки о чем-то шепчутся на ветвях. Серый зайчик притаился на сучке. Как прыгнет с елки да в мешок к Деду Морозу. Вот и будет подарок на Новый год.

Дед Юхим (Люда)

Мой дедушка Юхим лесовод. Он работает в колхозе уже двадцать пять лет. За селом дубрава. Это его дубы, он сажал их. Дедушка говорит, что его дубы будут жить триста лет. Я тоже посажу свой дубок.

Злой паук (Костя)

В темном уголке чуланчика расставил сети паук. Я смотрю, что он будет делать. Паук притаился на стенке и шевелит лапками. Как будто расматывает сети. Прилетела муха, жужжит. Паук повернулся, прилепывается. Муха наткнулась на паутину, запуталась. Жужжанье стало звонким, тревожным. А паук уже спешит к мухе. Нет, не удастся тебе муху погубить, злой паук. Я разрываю паутину и освобождаю муху. Лети, да не попадайся в сети злому пауку.

Красные помидоры на зеленых кустах. Утром помидоры покрыты капельками росы. Играет золотое солнце в каждой капле. Села белая бабочка на красный помидор. Жужжит пчела. Думала пчела, что это большой красный цветок. Покружила над помидором и улетела.

Сочинения ребят — результат большой работы. Надо пойти с детьми к живому источнику мысли и слова, добиться того, чтобы представление о предмете, явлении окружающего мира вошло через слово не только в их сознание, но и в душу и сердце. Эмоционально-эстетическая окраска слова, его тончайшие оттенки — вот в чем животворный источник детского творчества. Слово живет в сознании ребенка как яркий образ, поэтому, записывая в классе свои сочинения, дети дополняют текст рисунками.

Было бы наивным ожидать, что ребенок под влиянием красоты окружающего мира сразу же составит сочинение. Творчество не приходит к детям по какому-то паитию. Творчеству надо учить. Ребенок лишь тогда составит сочинение, когда он услышит описание природы от учителя. Первое сочинение, которое я прочитал детям, было составлено на берегу пруда, в тихий вечерний час. Я стремился к тому, чтобы ребята поняли и почувствовали, как наглядный образ можно передать словами. Сначала дети повторяли мои собственные сочинения, постепенно они переходили к самостоятельному описанию взволновавших их картин природы — начинался индивидуальный процесс детского творчества. В этом деле очень важно почувствовать эмоционально-эстетические оттенки слова. Ребенок научится составлять сочинение только в том случае, когда каждое слово перед ним — как готовый кирпичик, которому заранее приготовлено место. И дети выбирают тот единственный кирпичик, который подходит в данном случае. Они не могут взять первое попавшееся слово. Это не позволяет им сделать эмоционально-эстетическая чуткость.

Составление сочинений стало для моих воспитанников любимым делом. Они стремятся рассказать обо всем, что увидели, пережили. Слово для детей является средством выражения их отношения к красоте окружающего мира. Во 2, 3, 4 классах дети составляли сочинения о своих старших товарищах — колхозниках и рабочих, о труде советских людей, о раскрывающихся почках яблони и увя-

дающем цветке ромашки, о серебряных паутинках «бабьего лета» и сборе яблок в колхозном саду. В течение 4 лет каждый ученик составил 40—50 сочинений-миниатюр. Вот пескoлько сочинений, составленных детьми на втором, третьем и четвертом годах обучения.

Откуда берутся ледяные цветы на стекле
(Таня, 4 класс)

Я спросила у мамы: «Откуда берутся ледяные цветы на оконном стекле?» Мама сказала: «Рисует маленький внук Деда Мороза. Ходит он с дедушкой по ночам, разрисовывает окна...» Захотелось мне увидеть, как он это делает. Легла спать, но глаз не закрываю. Все уснуло. Скрипит дерево за окном. Подошел маленький мальчик к окну. Водит по стеклу серебряным карандашом и тихо поет. Вижу, нарисовал дивный цветок. Широкие-широкие листья и маленькие лепестки. Утром солнышко заиграло, цветок — как живой. Не знаю, снилось мне это или на самом деле видела.

Мир цветов среди зимы (Галля, 3 класс)

Осенью возле теплицы расцвели хризантемы. Они не боятся холодных туманов. Но вот с севера пришел мороз. Замерзла вода в ведре. Надо спасти хризантемы от холода. Мы пересадили их в горшочки и поставили в теплице. Обрезали стебли. Хризантемы снова зазеленели, а потом и зацвели. Утром я проснулась, вижу — на дворе снег. Снег и солнце. Я быстрее в теплицу. Цветут хризантемы — белые, синие, голубые. А за стеклами снег. Улыбаются хризантемы солнышку ясному.

Как мы ехали с поля (Павло, 2 класс)

Летом мы ездили с мамой в поле за сеном. Мама паложила большой воз сена. Увязала сено веревкой. Лошади шли медленно. Мы сидели на сене высоко-высоко. Зашло солнце, на небе загорелись звездочки. Я лег на сено и смотрел на небо. И вот наш воз уже не воз, а большая лодка. Мы плывем по морю. Над нами — звезды. Они близко. Поднимешь руку — и достанешь звездочку. Где-то далеко — зеленые берега. Там поет перепел, играют на скрипках кузнечики. Наша лодка остановилась, а звездочки колыхнутся. Приплыла лодка к берегу. Мама встает, а мне еще хочется полежать.

Пасмурный осенний день (Шура, 3 класс)

Дни стали короче, ночи длиннее. По утрам над рекой плывут туманы. Где солнце, почему оно не рассеет туманных клочьев? С неба падают маленькие капельки осеннего дождя. Деревья стоят с поникшими ветвями. Падают листья. На веточках висят крупные капли. Где-то в тумане протяжно закричала чайка. Может быть, она не может улететь на юг и жалуется людям. В лесу тихо-тихо. Стукнул несколько раз дятел и умолк. Падают золотые желуди на листья. Весь мир в белом тумане.

Когда начинается осень (Сергея, 4 класс)

Утром ласточки тревожно летали над селом. Потом собрались большой стаей. Сели рядочком на телефонные провода и о чем-то тихо пищали. Это они советовались, когда лететь в теплые края. А на следующий день ласточек уже не стало. Куда они улетели? И как они знают, что приближается осень? Ведь дни еще теплые. Солнце ласково греет. Я люблю осенние лучезарные вечера. Долго, очень долго горит багровый огонек вечерней зари. И листья на тополях кажутся багровыми. Это отблеск зари. Вода в уснувшем пруду — как вечерняя зоря. Только на пруду по вечерам шумно: почуют птицы, перелетая на юг. К утру пруд покрывается пеленой тумана. На траве — роса. Роса какая-то седая, не такая, как летом. Начинается осень.

Что самое главное в жизни (Варя, 4 класс)

Что самое главное в жизни? Шахтер говорит: самое главное — уголь. Если бы не было угля, стали бы машины, не было бы металла, люди замерзли бы...

Другой говорит: самое главное — металл. Без металла не было бы ни машин, ни угля, ни хлеба, ни одежды.

А третий говорит: самое главное — хлеб. Без хлеба не трудились бы ни шахтер, ни металлург, ни летчик, ни пограничник.

Но кто же из них прав? Что самое главное в жизни? Самое главное — труд. Без труда не было бы ни угля, ни металла, ни хлеба.

Конь Огонь (Саня, 4 класс)

Это мама рассказывала. Когда в селе создавали первые колхозы, купили колхозники коня. Имя у него было Огонь. Никому не подчинялся он. Самые смелые и бывалые люди боялись подойти к Огнию. Он рыл землю копытами, кусал зубами, храпел.

Молодой парень Юрко все-таки оседлал непокорного коня. Взвился он, заржал, выскочил на дорогу и сбросил Юрка. Пробежал несколько верст, остановился на окраине села. Посреди дороги играли двое маленьких детей. Они побежали к коню и обняли его за передние ноги. У матери сердце замерло от страха. Думает: вот сейчас убьет или покалечит детей. Но конь стоит тихо. Передвинет ногу и опять стоит. Косит глазом на детей, как будто боится задеть их. А дети все играют. Потом Огонь осторожно отошел от детей и побежал через село. Его поймали и поставили в конюшню.

Ежи (Федя, 4 класс)

У нас под крыльцом живут ежи. По вечерам вся их семья выходит через маленькое отверстие и направляется к пруду. Впереди старый еж, за ним пятеро маленьких ежат, сзади — ежиха. Что они там делают. Я посмотрел и увидел: пьют воду и умываются. А потом еще роют землю маленькими лапками, достают оттуда

какне-то корешки и едят. Это старый еж и сжиха. А маленькие ежата в это время играют, резвятся. Выбрали они тихий уголок — туда никто не ходит.

Однажды, откуда ни возьмись, собака. Подбежала к старому ежу. Он свернулся и замер. И все ежи свернулись. Взяла собака старого ежа в зубы и принесла к пруду. Опустила в воду. Еж поплыл к берегу. А собака смотрит на него. Потом стала играть с ежом. И прогнал собаку.

На следующую весну остался под крыльцом один старый еж. Куда девались остальные? Наверное, переселились в другое место. А старому ежу не захотелось переселяться. Я поставил возле крыльца блюдечко с молоком. Еж выпил. Он перестал бояться меня. И заманил его в комнату. Засветил лампу. Еж уставился на свет и смотрит. Я положил на пол старую газету. Еж стал играть ею. А на ночь ушел к себе под крыльцо.

Артем Михайлович — буденновец (Данько, 4 класс)

К нам на пионерский сбор приходил Артем Михайлович. Он работает в овощеводческой бригаде. Мы думали, что он просто дедшка. А он буденновец, герой гражданской войны. Он рассказал, как ходил в разведку, как шел в атаку на белогвардейцев. Однажды он был ранен и попал в плен к денкидцам. Его повели расстреливать. Но не убили, а еще раз тяжело ранили. Ночью он вылез и попросился в хату к крестьянину. Его спрятали на чердаке, выжили. Он опять ушел биться с белогвардейцами. Вот какой дед Артем Михайлович. Я тоже хочу быть таким.

Праздник Победы (Володя, 3 класс)

Пришел праздник Победы. В этот день закончилась война. Наша Советская Армия победила фашистов. Перестали рваться снаряды и бомбы. Теперь ежегодно в этот день люди празднуют свою победу, чтут память погибших. Владимир Ильич Ленин основал нашу Коммунистическую партию и сказал всем людям: «Живите дружно — украинцы, русские, белоруссы, грузины, молдаване — и вас никто не победит».

Мы составляли и коллективные сочинения. Однажды в пасмурный осенний день ребята сидели в Уголке мечты у горящего очага. Я рассказывал о далеких тропических островах. Детям почему-то вспоминалось знойное лето, река, отдых на баштане. Из этих воспоминаний сложилось сочинение, которое ребята записали потом в альбом «Наше родное слово».

Как мы жили на баштане

На горячей земле — большие арбузы. Спелые, зеленые, сизые. Утром они покрыты капельками росы. Холодные, холодные. И на траве роса, и курень наш в капельках росы. Однажды Данько встал рано утром, принес в курень большой арбуз. Разрезал его. Как только кто вставал, он угощал холодным арбузом. «Кто встанет

последним, — сказал Дашко, — тому достанется вкусная сердцевина арбуза — «дед». Уже все встали, спал один Сашко. Мы сидели, ждали — когда же он проснется? Надоело ждать, и мы съели «деда». Принесли еще один арбуз. «Дед» из этого арбуза достался Сашку.

Выдалось тихое туманное утро. Туман приплыл из балки, застал весь баштан. Из-за тучи выглянуло солнышко, осветило арбузы. Кажется, что это не арбузы, а спие, зеленые, серые стеклянные шары плывут по белой реке.

Днем над баштаном гуляет горячий ветер. В голубом небе поют жаворонки. Почему они не садятся на баштане? Почему жаворонки мостят гнезда и выводят птенцов только в пшенице, в ячмене, в просе? А больше всего жаворонковых гнезд в гречихе.

Рядом с баштаном, возле оврага, мы нашли муравейник. Дедушка увидел, как муравьи куда-то спешат. Он сказал: где-то недалеко есть большой муравейник, вот муравьи сами расскажут, где он. Положил дедушка несколько кусочков арбуза у муравьиной тропы. Сладкий арбуз сразу же облепили муравьи. Мы видели, как они берут крохотные крупинки сахара и несут их куда-то в одну сторону. Пошли за ними и пришли к муравейнику. Серый холмик под кустом, как живой. Муравьи относят крупинки сахара куда-то в норки и опять возвращаются на баштан. Дедушка рассказал нам о том, какую большую пользу приносят лесу и людям муравьи. Каждый муравейник спасает от вредителей несколько гектаров леса. Мы стали оберегать муравьев, а потом дедушка научил нас создавать новые муравейники.

Когда мы уходили домой, дедушка дал нам по большому арбузу. Арбузы долго стояли у нас на окнах. Они напоминали нам о горячем ветре, широкой степи, о жаворонке, о дедушке, о звонкой песенке сверчка, который поселился далеко от курения. Где он сейчас, этот сверчок?

Красота слова ярче всего воплощена в поэзии. Восхищаясь стихотворением или песней, дети как бы слышат музыку слова. В лучших стихотворениях поэтическое слово раскрывает тончайшие эмоциональные оттенки родного языка. Благодаря этому детям хочется запомнить стихотворение. Ребенок получает истинное наслаждение, повторяя запавшие в его душу слова.

Я стремился к тому, чтобы дети чувствовали и переживали музыку поэтического слова. На лоне природы в те минуты, когда дети были очарованы красотой окружающего мира, я читал им стихи. Однажды мы вышли в поле: перед нами открылся чудесный вид на пруд, в зеркальной глубине которого трепетало отражение верб. Я прочитал детям строки Т. Шевченко:

Тихесенько вітер вів,
Степи, лани мріють,
Між ярами, над ставами
Верби зеленіють.

Дети повторяли их. Они чувствовали, что в сочетании слов, создающих живой образ, рождается музыкальное звучание речи, которое не только придает слову новый эмоциональный оттепок, но и открывает новую красоту в окружающем мире. Под впечатлением лучших образцов мировой поэзии у детей пробуждалось стремление создать музыкальное звучание слов. Наслаждаясь красотой весеннего дня, ребята пытались сказать так, чтобы зазвучала мелодия слова. Детские сердца охватывало поэтическое вдохновение: мальчики и девочки сочиняли стихи. Вот Лариса всматривается в даль полей, ее глаза загораются, девочка тихо произносит слова, вслушивается в их звучание:

— Волны играют в желтом море пшеницы.

— В горячем мареве дрожит синий курган,— подхватывает ее мысль Сережа.

Все радостно взволнованы, всем хочется пайти свое звучание слова. В эти минуты, когда душу ребенка охватывает поэтическое вдохновение, слово — живое, полнокровное, играющее всеми цветами радуги, благоухающее ароматом полей и лугов,— входит в духовную жизнь ребенка; дети ищут и находят в нем средство выражения своих чувств, мыслей, переживаний. Пробудить в детском сердце поэтическое вдохновение — это значит открыть еще один животворный источник мысли. Сила этого источника заключается в том, что слово передает не только предмет, явление, которое оно обозначает в человеческой речи, но и глубоко личные восприятия чувства, переживания.

Учить поэтическому творчеству надо не для того, чтобы вырастить юных поэтов, а для того, чтобы облагородить каждое юное сердце. Я использовал любую возможность для того, чтобы пробудить в детских сердцах поэтическое вдохновение, чтобы слово приобрело индивидуальное поэтическое звучание в душе каждого ребенка.

Тихое зимнее утро. Деревья в белом инее. Покрытые тонкими, как иголки, льдинками ветви кажутся выкованными из серебра. Мы идем в школьный сад, стараемся не прикасаться к ветвям, чтобы не нарушить обаяния неповторимой красоты. Останавливаемся, я читаю стихи А. Пушкина и Г. Гейне о красоте зимы. Под впечатлением поэзии и красоты дети находят слова, с помощью которых можно нарисовать образ дерева, покрытого инеем, и составляют стихотворение. Делают это коллективно, по частям — мы несколько раз приходим в сад, покрытый

нием. В стихотворении оживают яркие фантастические образы сказок, созданных ранее:

Пришел волшебник-кузнец,
принес золотой горн,
расплавил в нем серебро,
деревья в саду облил.
Ковал он целую ночь,
стучал золотой молоток...
Стоит наш сад в серебре.
Заденет игла иглу,
и сад звенит, звенит.
А где же волшебник-кузнец?
На крыльях своих золотых
он к солнцу опять улетел.
Возьмет еще серебра,
положит в сумку свою
и снова к нам прилетит.
Расплавит вновь серебро,
и снова сад запоет...
А солнышко ждет кузнеца...
Куда ты, кузнец, улетел?
Зачем так долго в саду
ты плавил мое серебро?
Забыл ты, что ли, кузнец,
что надо венок ковать?
И пурпурный луч заглянул
в наш тихий серебряный сад.
И солнышко изумленное
не налюбуется красотой...

В детстве каждый ребенок — поэт. Конечно, было бы наивным ожидать, что поэтическое вдохновение придет к ребенку по какому-то чудесному наитию. Я далек от умиления природной одаренностью, далек от мысли, что каждый ребенок — поэт по своей природе. Поэта в душе пробуждает человеческое чувство прекрасного. Без воспитания этого чувства ученик останется равнодушным к красоте природы и слова, существом, для которого бросить камушек в воду и в поющего соловья — одно и то же. Дать ребенку радость поэтического вдохновения, пробудить в его сердце живой родник поэтического творчества — это такое же важное дело, как научить читать и решать задачи. У одних детей этот родник бьет сильнее, у других — слабее. Я видел, что у отдельных ребят поэтическое вдохновение — это не бурный кратковременный взлет, не вспышка огонька, а постоянная духовная потребность.

Поэтическое творчество — высшая ступень речевой культуры, а речевая культура выражает самую сущность

культуры человеческой. Поэтическое творчество доступно каждому. Оно не является привилегией особо одаренных. Поэтическое творчество возвышает человека. Очень важно, чтобы эта наиболее тонкая сфера творчества была глубоко личным, сердечным делом каждого ребенка.

Уже в 3 классе Лариса, Саня, Сережа, Катя, Варя, Коля, Таня, Лида стали украдкой читать мне свои стихи, составленные наедине. Я знал, что и другие дети пишут стихотворения, но стесняются говорить о своем увлечении. И это было очень хорошо.

Ничего исключительного в том, что ребята сочиняют стихи, я не видел; это нормальная игра духовных сил, обычный творческий огонек, без которого нельзя представить полноценного детства. Но как раз то, что духовная жизнь ребят была такой богатой, была столь живым ключом, меня очень радовало.

Особенную радость доставляло то, что поэтическое вдохновение облагораживало Колю. У нас с ним все больше крепла дружба. В школьном саду был уголок, где я любил бывать в одиночестве. Тут я отдыхал в хорошую погоду, играл на скрипке. И вот случайно получилось так, что Коля «открыл» мой уголок. Наверное, он сам искал уединения. Увидев меня, мальчик смутился, хотел уйти, но я попросил его остаться. Я играл на скрипке, мне хотелось выразить в звуках восхищение красотой летнего вечера. Коля прислушивался к мелодии. Потом я так увлекся, что не заметил, как мальчик сел рядом со мной. Даю ему скрипку. Коля пытается повторить то, что играл я, но у него ничего не выходит. Мальчик перестал играть. Мы сидим молча, наблюдая закат солнца, прислушиваясь к вечерней тишине. Наверное потому, что нас роднили переживания красоты окружающего мира, Коля доверил мне свое стихотворение о природе. Вот оно:

Синие цветы в зеленой листве;
летает пчелка над цветами.
Ночью в сад соловей прилетел,
в кустах сирени поет.

Утром в саду гремела гроза,
дождик цветы обмыл.
Серая туча над садом плывет,
а сирень голубая, как небо.

Мы долго сидели с Колей в саду в тот вечер. Мальчик стал приходить сюда и каждый раз читал маленькое стихотворение. Вот еще одно его стихотворение, оно настолько врезалось мне в память, что я записал его через год после того, как мальчик прочитал:

Красное солнце за гору зашло.
Пылает багряное небо:
завтра будет ветреный день.
Стая ворон взлетела тревожно в небо,
понеслась на запад к черному лесу.
На высоком тополе шепчет листва.
Тихо стало. Слышно, как где-то вдали
по звонкой дороге телега стучит.
Потемнело багряное небо,
серым пеплом покрылся жар.
Яркая звездочка в небе мерцает,
наступает ночь.

Я узнал, что Коля никогда не записывает своих стихотворений: он помнит их. Стихи живут в его памяти и в сердце. Мало кто из моих воспитанников придумывал стихи, сидя за чистым листком бумаги. Стихи рождались не для того, чтобы их записывать. Дети не могли обойтись без стихов, как не могли не рисовать.

Шура доверил мне свою тайну тоже в минуты душевной близости. В зимний день мы пошли в лес, катались на лыжах. Красное солнце склонилось к закату. Стволы сосен в вечерних лучах казались выкованными из железа. Мы стояли на лесной опушке, любуясь красотой природы. И в эти мгновенья Шура прочитал стихотворение о дятле:

У сосны под корою тысяча струн,
дятел сидит на верхушке сосны.
Стукнет клювом по верхней струне,
еле слышно струна звенит.
Ближе к солнышку — тоньше струна,
а у самой земли струна — не струна.
У земли колокол тихо гудит,
медный колокол — под красной корой.
Прыгает дятел, откроет струну,
клювом ударит, струна зазвенит...
Лес поет, а дятел уже
ищет другую струну.

Варя сложила в годы детства несколько десятков стихотворений. У этой девочки чуткая, впечатлительная душа. Я видел, как очарованная красотой летнего вечера,

Варя стояла на берегу, смотрела на вербы, склонившиеся к воде, на зеркальную гладь пруда, в котором отражалось синее небо. Потом, через несколько дней, девочка прочитала мне стихотворение об этом летнем вечере:

Синее небо, зеленые вербы, белые хатки —
все отразилось в воде.
Я стою перед голубым зеркалом,
передо мною далекий, бесконечный мир.
Там в алый закат, и облачко белое,
там мерцает звезда, и над дорогой далекой
в небо взлетела птичка — прощается с солнцем.
Только музыка своя в этом удивительном мире:
слышите, кто-то рукой прикоснулся
к толстой струне, и запел голубой небосвод,
вербы запели и хатки запели.
Эту музыку слышу я только в вечернем пруду,
когда солнце пожар зажигает — за морем вдали,
когда белые голуби спешат на почлег,
а летучая мышь чистит лапки в дупле.
Когда ветер, уставший за день, прилег отдохнуть
в потемневшем овраге.

Каждый год, когда приближалась осень, детям хотелось попрощаться с летом. Мы шли к своему дубу, сочиняли стихотворения — о минувшем лете, о журавлях, о теплых днях «бабьего лета». Прощаясь 4-й раз с летом, ребята коллективно составили стихотворение о самом дорогом и любимом для нас — о Родине. Я пытался перевести его на русский язык, как все другие, но в переводе оно теряло ту топкость эмоционально-эстетических оттенков, которые может передать только родной язык. Поэтому привожу стихотворение в оригинале:

У блакитному небі мріє ключ журавлиний,
Холодна зима з снігами й морозами
йде до нас із північних країв.
Піднялись журавлі на світанку високо в небо,
глянули на північ
і побачили білі сніги й хуртовину.
Закричали журавлі тривожно,
попрощалися з озером
і полетіли у вирій...
За лісом, за пралісом.
за високими горами й синіми морями
є тепле озеро з зеленими очеретами.
В тому озері б'ють чисті джерела,
на берегах квітнуть квіти,
та не милі журавлям ці джерельна вода,
ні квітки запашні.

Не роблять вони гнізд на теплому озері,
не виводять пташенят.
Ждуть не діждуться,
коли сонце розтопить сніги на нашій землі,
запумлять весняні води,
заграє веселка в небі,
зазеленіє осока в лузі.
Розтопило сонечко холодні сніги,
запуміли весняні води,
заграла веселка в небі,
зазеленіла осока в лузі.
Почули журавлі: весна прийшла на нашу землю,
піднялися в небо,
закричали радісно
полетіли до нас...
Є на світі багато теплих озер,
де ніколи немає зими,
де вічно зеленіє трава і вічно квітнуть квітки.
Та для нас найдорожчі наші озера,
наша трава і наші квітки.
Бо це — рідна земля.

В этом стихотворении очень тонкий, богатый эмоциональный подтекст — чувство любви к родной природе, грусть предстоящей разлуки с летом, предчувствие радости новой встречи с весной, цветением.

Главное, что заслуживало внимания и похвалы, — это яркие образы, созданные в детском воображении. Я добивался того, чтобы ребята, в духовной жизни которых поэтическое вдохновение стало потребностью, читали лучшие образцы поэзии. У нас была создана маленькая поэтическая библиотечка. Она особенно пужна была тем, для кого поэтическое творчество еще не стало духовной потребностью, у кого надо было развивать чуткость к поэтическому слову. Я еще раз повторяю, что детское поэтическое творчество нельзя считать признаком одаренности. Оно такое же закономерное явление, как рисование: рисуют ведь все, через это проходит каждый ребенок. Но поэтическое творчество становится обычным явлением в духовной жизни детей лишь тогда, когда воспитатель открывает перед детьми красоту окружающего мира и красоту слова. Как любовь к музыке невозможно воспитать без музыки, так и любовь к поэтическому творчеству не может быть воспитана без творчества.

Человек, который любит Пушкина и Гейне, Шевченко и Лесю Украинку, человек, которому хочется *сказать красиво о красоте*, окружающей его, человек, для которого поиски нужного слова стали такой же потребностью,

как потребность созерцать прекрасное, человек, для которого понятие о красоте человеческой выражается прежде всего в уважении человеческого достоинства, в утверждении самых справедливых — коммунистических — отношений между людьми, — такой человек не может стать грубияном, циником.

НАШ УГОЛОК КРАСОТЫ

Весной, перед окончанием 1 класса, мы начали создавать Уголок красоты. Ребята мечтали о нем давно. Он представлялся нам тихим, укромным местечком, где естественная красота природы дополнялась бы красотой, созданной человеческими руками. Мечта устремлялась в будущее, мы думали о том, как с каждым годом в нашем уголке будет все больше растений. Тут мы будем отдыхать и трудиться, встречать весну и прощаться с летом.

Между школьной усадьбой и зарослями кустарника ребята нашли маленькую полянку, примыкающую к заросшему травой склону оврага. Во время дождей здесь накоплялось много влаги. Мы очистили полянку от сорняков. Стали превращать ее в зеленую лужайку.

— Наш уголок будет царством зелени, — говорил я ребятам. — Склон оврага покроется зеленой стеной хмеля, в зарослях приживутся соловьи и иволги.

Мечта воодушевила детей. Мы много потрудились, чтобы превратить полянку в зеленую лужайку. Пришлось перенести с поля плиточки дерна, посадить их и поливать. Дети с нетерпением ожидали дождя, чтобы и он полил зеленую травку. Нашли в лесу несколько ростков хмеля, пересадили их на склон оврага. На наше счастье, лето было влажным, и все растения хорошо прижились. Выкопали в лесу несколько десятков корневищ ландыша, посадили их в одном уголке лужайки. Посадили 3 куста шиповника — к нему привьем розы, здесь должно быть царство цветов. Обсадили всю лужайку лесным орехом. Детям захотелось, чтобы у нас росли и полевые цветы. Нашли ромашку и другие растения. Из теплицы пересадили несколько кустов хризантем — пусть цветут до глубокой осени.

Варя посадила подсолнечник. В отдаленном конце лужайки ребята посеяли горсть гречихи. Отец Нины и Саша подарил нам 2 саженца карликовой яблони. Витя расска-

зал мне, что его бабушка выращивает тюльпаны. Мы пересадили несколько кустов тюльпанов с корневищами. Однажды летом ребята увидели в лесу большую цветущую липу. В ветвях дерева жужжали тысячи пчел, казалось, весь лес звенит, как арфа. Дети стояли молча, очарованные красотой природы. Им захотелось посадить рядом со своим Уголком красоты несколько лип. Осенью мы пошли в лес, накопили саженцев, разбили аллею. «Когда липы вырастут,— мечтали дети,— они сомкнутся густыми кронами, образуя тенистый коридор».

Каждый класс стал создавать свой Уголок красоты, стремясь сделать его непохожим на другие. А осенью 1955 г. коллектив школы начал создавать свой общий Уголок красоты. Рядом со школьным зданием мы заложили сад роз. Посадили десятки саженцев, выращенных из шиповника, к которому привили розы разных сортов. С каждым годом сад становится все краше. Весной и летом здесь море цветов. Все приходят сюда любоваться природой и трудиться — создавать красоту.

Сад роз — теперь детище всего школьного коллектива. Классу, который имеет наибольшие успехи в общественно полезном труде, предоставляется право быть хозяином сада. Чаще всего это право дается учащимся младших и средних классов. Им разрешается ежедневно срезать несколько десятков цветков. Розы приносят в классы, дарят учителям, матерям, лучшим труженикам села. В день Праздника первого снопа дети собирают большой букет роз, дарят его победителям социалистического соревнования.

Труд во имя создания красоты облагораживает юное сердце, предотвращает равнодушие. Создавая красоту земли, ребята становятся лучше, чище, красивее.

У истоков жизненного идеала

Я старался представить каждого из моих воспитанников взрослым человеком. Меня тревожили мысли: каким гражданином, каким человеком ты станешь, малыш? Что ты принесешь обществу, в чем будет твоя радость, чем ты будешь восхищаться и чем возмущаться, в чем найдешь свое счастье, какой след оставишь на земле?

Как учитель и воспитатель я стремился к тому, чтобы переложить в юные сердца нравственные ценности, соз-

данные и завоеванные человечеством на протяжении многих веков,— любовь к Родине и свободе, непримиримость к угнетению и порабощению человека человеком, готовность отдать свои силы и жизнь во имя высших идеалов — счастья, свободы людей. Очень важно, чтобы высокие слова о Родине и возвышенные идеалы не превратились в сознании наших воспитанников в громкие, но пустые фразы, чтобы они не обесцветились, не слиплись, не стерлись от частого произношения. Пусть ребята не часто говорят о высоких идеалах, пусть эти идеалы живут в горячем трепете юного сердца, в страстях и поступках, в любви и ненависти, в преданности и непримиримости.

Особенно недопустимо вкладывать в уста маленьких детей те слова, которых они еще не понимают. То, что составляет для народа святыню, может из-за этого превратиться в пустой звук.

Как у маленького деревца, еле поднявшегося над землей, заботливый садовник укрепляет корень, от мощности которого зависит жизнь растения на протяжении нескольких десятилетий, так и учитель должен заботиться о воспитании у своих детей чувства безграничной любви к Родине, преданности трудовому народу, верности великим идеалам коммунизма. Воспитание этих качеств начинается с того времени, когда ребенок начинает видеть, познавать, оценивать окружающий мир.

Очень важно, чтобы детям было дорого все созданное старшими поколениями, все добытое и завоеванное в тяжелой борьбе за свободу и независимость Отечества, за счастье трудящихся. Родина начинается для ребенка с куска хлеба и нивы пшеницы, с лесной опушки и голубого неба над маленьким прудом, с песен и сказок матери у детского изголовья. В золотую пору детства, когда ребята особенно чувствительны и к слову, и к образу, и к душевному миру другого человека, надо донести до детских сердец все, чем гордятся старшие поколения, рассказать о том, какой ценой завоевано счастье свободного труда. Я стремился не допустить беззаботного наслаждения жизненными благами. Познавание ребенком окружающего мира и самого себя не должно быть односторонним. Познавая мир и самих себя, дети обязаны по крупинке познавать свою ответственность за материальные и духовные ценности, созданные старшими поколениями.

«Путешествия» в прошлое родного края — так назывались наши экскурсии и походы в поле, в лес, на берег реки, в соседние села. Я стремился показать детям то, что связывает прошлое и настоящее в духовной жизни нашего народа. Говорю малышам:

— Перед вами тучная нива, наливаются колосья пшеницы. На этой ниве, у опушки леса, белогвардейцы расстреляли красного партизана в годы гражданской войны. А в трудное лето первого года Великой Отечественной войны здесь разгорелся бой между горсткой наших бойцов и ротой фашистов. Здесь погибли наши герои. Посмотрите, дети, на широкие поля. Холмики — это безымянные могилы; земля хранит память об их подвигах. Тысячи холмиков — это тысячи безымянных могил, — земля хранит благородную кровь героев, а сердце народа вечно хранит память о их подвигах. Если бы они не отдали свою жизнь за Родину, вы не наслаждались бы красотой родной земли, фашисты превратили бы вас в рабов.

Пусть маленький ребенок задумается над судьбой родной земли, пусть почувствует, переживет тревогу и беспокойство за ее будущее. Пусть события далекого прошлого предстанут перед ним как истоки настоящего.

Детские годы, тот возраст, который мы считаем возрастом беззаботной радости, игры, сказки, — это истоки жизненного идеала. Именно в это время закладываются корни гражданственности. От того, что открылось ребенку в окружающем мире в годы детства, что его изумило и восхитило, что возмутило и заставило плакать — не от личной обиды, а от переживания за судьбы других людей, — от этого зависит, каким гражданином будет наш воспитанник. Перед взором ребенка открывается многогранный мир с его противоречиями и сложностями, в нем дети видят красоту и уродство, счастье и горе. Все, что происходит в окружающем мире, все, чем жили люди в прошлом и чем живут сейчас, ребенок разделяет на добро и зло. Чтобы заложить в годы детства основу человечности и гражданственности, надо дать ребенку *правильное видение добра и зла*.

В эти слова я вкладываю вот какой смысл: все, что дети узнают об окружающем мире, все общественные явления, поступки людей в прошлом и в настоящем, — все это должно пробуждать в юных сердцах глубокие нравственные чувства. Правильное видение добра и зла

означает, что ребенок принимает близко к сердцу то, что он познает. Добро вызывает у него радостную взволнованность, восхищение, стремление следовать нравственной красоте; зло пробуждает негодование, непримиримость, прилив духовных сил для борьбы за правду и справедливость. Душа ребенка не должна быть холодным хранилищем истин. Большой порок, который я стремился предотвратить, — это равнодушие, бесстрастность. Маленький человек со льдинкой в сердце — будущий обыватель. Уже в детстве надо зажечь в сердце каждого человека искру гражданской страсти и непримиримости к тому, что является злом или потворствует злу.

В сознании ребенка нетрудно утвердить истину, что угнетение человека человеком — величайшее зло. Дети при случае правильно отвечают учителю на вопрос, в чем заключается зло. Но если ребенок не был потрясен яркой картиной порабощения человека человеком, не прочувствовал ненависти к носителям этого зла, он не станет настоящим гражданином, человеком возвышенных идеалов.

Человеческое равнодушие — опасно и омерзительно, детское же равнодушие — страшно. Я стремился к тому, чтобы каждый мой воспитанник в годы детства пережил благородное чувство глубоко личного беспокойства о судьбе других людей — далеких, может быть, живущих где-то на противоположном конце земного шара, может быть, живших 100 лет назад. Это чувство — верное средство против равнодушия, лекарство против льдинки в сердце — опасного семени обывательщины. Величайшее зло наших дней — это империализм, остатки колониализма, поджигатели войны. Это не какая-то абстрактная истина, а реальная сила, противостоящая коммунизму как высшей справедливости нашей эпохи.

Воспитание ненависти к империализму — благородная задача воспитателя. К осуществлению этой задачи надо идти постепенно, учитывая возраст детей.

Я читал своим воспитанникам книги и рассказывал жизненные истории, в которых звучит призыв к борьбе за человеческое достоинство, ярко выражена идея непримиримости к угнетению человека человеком. Много раз ребята слушали волнующий рассказ польского писателя Г. Сенкевича «Янко-музыкант». Первое чтение потрясло детей. Они пазывали извергом и кровопийцей помещика.

погубившего жизнь беззащитного мальчика. От негодования сжимались детские кулачки, а глаза ребят пылали гневом. Янко-музыкант вошел в духовную жизнь моих воспитанников навсегда. Потом мы читали рассказ много раз, кое-кто из детей запомнил его слово в слово. Почему ребятам хотелось еще и еще послушать о Янко-музыканте? Мне кажется потому, что переживание гнева рождает прилив духовных сил. Чувствуя себя непримиримым противником зла, ребенок становится сильнее, хочет пережить полноту своих нравственных сил, еще раз убедиться в том, что он готов бороться за правду. Сердце, в котором развито это чувство, чутко к добру и злу в окружающем мире.

Потрясающее впечатление произвели на детей рассказы выдающегося украинского писателя Архипа Тесленко о безрадостном детстве и юности детей бедных крестьян. Когда мы прочитали рассказ о тяжелой участи талантливой крестьянской девушки, доведенной до самоубийства нищетой и издевательствами богачей и царских чиновников, детские глаза были полны гнева.

В 3 и 4 классах мы два раза прочитали повесть Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Дети глубоко переживали судьбу рабов. Им трудно было представить, что человека покупают и продают, как животное. Потом, мысленно путешествуя по земному шару, ребята узнают, что и в наши дни в отдельных уголках земли сохранилось рабство. Малыши не могли примириться с мыслью, что они бессильны чем-нибудь помочь своему ровеснику из Южно-Африканской Республики, которого продают на невольничьем рынке. Постепенно перед сознанием ребят открывалась яркая картина борьбы между добром и злом в наши дни: миллионы людей в капиталистических и зависимых странах трудятся не на себя, а на помещиков и капиталистов, дети не знают, что такое детство, лучших сынов и дочерей — борцов за свободу и независимость своей родины — расстреливают и вешают, отправляют на каторгу.

На всю жизнь запомнили дети трагическую судьбу героя греческого народа Никоса Белоянниса. Во время фашистской оккупации Греции Белояннис боролся против захватчиков; когда же его страна была освобождена от гитлеровцев, буржуазный суд приговорил патриота к смертной казни, обвинив в измене родине. С красной гвоздикой в

руке Никос Белояннис встретил смерть, и в тот же день его жена, тоже приговоренная к смертной казни, родила сына. Потрясенные судьбой мальчика, который жил в тюрьме, дети спрашивали, как же помочь Никосу Белояннису-младшему. Благородное чувство побуждает к активной деятельности. Ребята написали письмо матери Никоса Белоянниса-младшего, послав его через Международный Красный Крест, и приготовили подарок — вышитую на белом шелке красную гвоздику. Потом ежегодно ученики посылали письмо жене героя и подарок мальчику в день его рождения: вышитый на белом шелке цветок — розу, мак, сирень. Этот с первого взгляда незначительный поступок оставляет в сердцах детей глубокий след, потому что он — осуждение зла, поединок с несправедливостью.

Вводя ребят в мир общественной жизни, я убеждал их в том, что даже в самые мрачные периоды человеческой истории, когда силы зла угнетали миллионы людей, всегда находились люди, восстающие против несправедливости. Имена этих людей, их жизнь, подвиги — это яркие, путеводные звезды для молодого поколения. Я стремился к тому, чтобы мои воспитанники восхищались стойкостью, мужеством, героизмом, верностью убеждениям лучших сынов человечества — тех, кто боролся и отдал жизнь за свободу и независимость своей родины, за освобождение от эксплуатации, за утверждение человеческого достоинства.

Я добивался того, чтобы нравственные ценности, созданные и завоеванные человечеством в прошлом и получившие расцвет в социалистическом обществе, в наши дни стали духовным богатством каждого ребенка, волновали сердца, побуждали к активной деятельности во имя торжества правды во всем мире. Истина всегда революционна, говорил Антонио Грамши. Я стремился раскрыть нравственные истины во всей их красоте, без громких слов. Красота нравственных ценностей человечества становится богатством души ребенка лишь тогда, когда ее революционный смысл раскрывается на ярких примерах, волнующих сердце. Учат слова, но увлекают примеры, — говорит латинская пословица. Пример яркой жизни, подвига во имя счастья человечества — это свет, озаряющий жизнь ребенка. Но и примеры учат жить лишь тогда, когда они — живое воплощение гуманных, прогрессивных,

революционных идей. Всякий, кто удаляется от идей, в конце концов остается при одних ощущениях, писал великий немецкий поэт И. Гете.

В годы детства я раскрыл перед ребятами яркие образы людей, чьи имена стали для многих поколений путеводной звездой. Конечно, маленькому ребенку невозможно рассказать все. Нельзя обрушивать на малыша лавину образов и картин, нельзя без конца потрясать его сердце, волновать душу. Пусть ребенок узнаёт пока немного, но чтобы в этом немногом для него открылась красота нравственных ценностей. Пусть дети подумают над тем, что взволновало и потрясло их, пусть сплав мыслей и чувств, образно говоря, отстоится в сердце каждого ребенка. За 4 года я рассказал своим воспитанникам о подвигах борцов за возвышенные идеалы человечества — Спартака, Кампанеллы, Ивана Сусанина, Степана Халтурина, Софьи Перовской, Николая Кибальчича, Тараса Шевченко, Томаса Мюнцера, Христо Ботева, Януша Корчака. Рассказал о жизни и борьбе великого В. И. Ленина, о героях-коммунистах Иване Бабушкине, Сергее Лазо, Камо, Якове Свердлове, Феликсе Дзержинском, Юлпусе Фучике, Эрнсте Тельмане, о героях Великой Отечественной войны Николае Гастелло и Александре Матросове, о мужественном борце за научную истину Джордано Бруно, о великом гуманисте-ученом Миклухо-Маклае.

Яркий пример, в котором идея воплощена в живых человеческих страстях, поступках и подвигах, обладает большой силой воздействия на духовный мир ребенка. Детям не нужно растолковывать, как понимать сущность того или иного поступка; когда идея и образ слиты воедино, ребенок прекрасно понимает идею. Для героев, о которых я рассказывал своим воспитанникам, характерна важнейшая черта, представляющая сущность моральной красоты, — готовность отдать все силы и жизнь ради счастья людей. Эта черта как раз и вызывает восхищение, заставляет ребенка задуматься над судьбами других людей. Люди, которые нашли свое счастье в служении человечеству, становятся для ребят нравственным идеалом.

Трудно представить полноценное воспитание без того, чтобы ребенок не зачитывался до полуночи книгой о нравственном величии, чтобы его сердце не забилося учащенно от чувства восторга. Нравственный идеал рождается в сердце тогда, когда человек как бы всматривается в са-

мого себя, сравнивает себя с тем, кто является в его представлении образцом моральной красоты — верности убеждениям, мужества, стойкости, непоколебимости перед трудностями.

Воспитатель должен вдумчиво отбирать рассказы, чтобы подвести детей к истокам нравственного идеала. Главное здесь — факты и события, составляющие идейный смысл. В жизни людей, которые являются идеалом для молодого поколения, очень важно показать единство личной судьбы и судьбы человечества.

Рассказывая детям о жизни и борьбе В. И. Ленина, я детально останавливался на тех фактах, которые показывают, как Ильич глубоко переживал судьбу трудового народа. Все, что делал великий вождь, имело своей целью счастье народа. Чувство радостного волнения охватывало ребят, когда они слушали рассказ о том, как в трудные годы гражданской войны и разрухи В. И. Ленин заботился об осиротевших детях. Я добивался того, чтобы ленинская человечность вошла в детские сердца как величайшая нравственная ценность, чтобы малыши как бы увидели себя и весь окружающий мир с этой вершины моральной красоты и правды.

Глубокий след в сердцах мальчиков и девочек оставили рассказы о Януше Корчаке — национальном герое польского народа. Ребят потрясло то, что человек пошел на смерть вместе с детьми, которых он любил. Януш Корчак мог бы сохранить свою жизнь, но он считал это бесчестием, когда от рук фашистских палачей умирают тысячи ни в чем не виновных детей... Януш Корчак стал для детей символом подлинной человечности.

Горячее чувство восхищения пробудили в сердцах детей рассказы о героях «Народной воли» — Степане Халтурине, Софье Перовской, Николае Кибальчиче. Когда я читал о стойкости, мужестве, верности убеждениям коммунистов-героев — Юлиуса Фучика и Камо (Тер-Петросяна), дети переживали чувство гордости за человека. Они говорили: «Вот таким бы стать. Это настоящий герой».

Я много рассказывал детям о подвигах героев, о подвигах Вали Котика, Вити Коробкова, Лени Голикова, Володи Дубинина, Васи Шишковского, отдавших жизнь в борьбе за свободу и независимость Советской Родины. При этом я стремился к тому, чтобы перед ребятами постепенно раскрывалась важнейшая черта коммунистической

правственности — идеологическая стойкость, мужество, непримиримость к врагам социализма, мира, свободы и демократии. Утвердить способность отстаивать свои убеждения как собственное достоинство — одна из важных задач воспитания, осуществить которую возможно лишь при условии, что с малых лет у человека начинают вырабатываться представления о добре и зле, воплощенные в яркие образы. Но одного представления недостаточно. Необходимо личная эмоциональная оценка. Необходимо четкое разделение нравственных явлений на то, что дорого ребенку, и то, с чем он никогда не может примириться. Нравственное воспитание в младшем возрасте — это воодушевление моральной красотой, пробуждающее стремление создавать радость для людей, беречь свое человеческое достоинство, дорожить моральными принципами коммунизма.

Дети младшего школьного возраста стоят у истоков нравственного идеала. Мы, воспитатели, должны открыть перед каждым ребенком красоту моральной доблести, утвердить верность коммунистическим убеждениям, чтобы уже учащиеся 1—4 классов чувствовали себя живой, творческой частицей вечного и непреходящего — трудового народа.

с думой о коммунистической партии

Одна из самых важных задач школы — воспитание чувства любви к Коммунистической партии нашей страны, верности ее идеалам, готовности бороться за идеи коммунизма. Слово «к о м м у н и с т» дети слышат очень часто. Я стремился к тому, чтобы в их сознании это слово и понятие сливалось с самыми яркими, самыми благородными образами борцов за освобождение нашего народа от эксплуататоров, за построение социализма, за победу над фашизмом, за коммунистическое преобразование общества. Идеалом воспитательной работы я считал то, чтобы наши дети, будучи наследниками коммунистических идеалов своих дедов и отцов, гордились ими, были постоянными хозяевами своей страны, борцами за построение и утверждение коммунизма.

Достижение этой воспитательной задачи я видел прежде всего в беседах о коммунистах. Этот цикл бесед назывался у нас «Люди с пламенными сердцами». Я рассказывал о

выдающихся коммунистах нашей страны. Яркая жизнь и героическая борьба коммунистов — борцов против царизма, за социалистическую революцию убеждали детей в том, что высшее счастье коммуниста — верность народу, борьба за народное счастье.

С первых же дней жизни нашей «Школы радости» и до того дня, когда юноши и девушки, получив аттестат об окончании средней школы, ушли в самостоятельную трудовую жизнь или на дальнейшую учебу, я проводил Ленинские чтения. Вначале это были яркие рассказы о детских и юношеских годах Владимира Ильича. С каждым месяцем Ленинские чтения все больше связывались с вопросами истории, коммунистической идеологии, борьбы нашей партии за лучшее будущее народа. Дети убеждались, что Коммунистическая партия — это цвет народа, его самые лучшие сыновья и дочери.

Начались встречи детей с коммунистами. Рассказы коммунистов о своей жизни и борьбе были для детей частицей истории Коммунистической партии. Никогда не забыть детям встреч со старыми большевиками В. М. Бескоровайным, А. М. Радзивиллом, Н. К. Гайчуком. Большое впечатление на ребят произвело то, что наши земляки стояли у колыбели Советской власти, проливали кровь за победу рабочих и крестьян. Дети убедились, что коммунисты — это люди твердых убеждений. В то же время они скромные труженики и, несмотря на преклонный возраст, отдают свои силы и разум строительству коммунизма. Артема Михайловича Радзивилла дети знают как лучшего овощевода, Василия Моисеевича Бескоровайного — как человека с золотыми руками, одного из самых опытных механизаторов. Он рассказал детям, как создавался в селе колхоз, как коммунисты, изучив трактор, сели за руль и сделали первую борозду на колхозном поле.

Василий Моисеевич провел с детьми несколько бесед, посвященных борьбе партии за лучшее будущее советского народа. Он рассказал о том, какие заботы у колхозной партийной организации. Дети узнали, что коммунисты колхоза заботятся о повышении урожайности, о том, чтобы животноводческие фермы давали больше мяса, молока, масла трудящимся.

Особенно интересными, волнующими были Ленинские чтения, посвященные Великой Отечественной войне. Дети встретились с участником партизанского соединения

С. А. Ковпака Героем Советского Союза А. К. Цимбалом, с участником боев за освобождение от фашизма Румынии и Венгрии Героем Советского Союза Н. С. Онопой, со многими нашими односельчанами — героями сражений за освобождение родной земли от фашизма. В сознании детей все глубже утверждалось убеждение в том, что ленинское дело, ленинская правда живут в делах и борьбе Коммунистической партии, в труде народа.

НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ И ДНЯ БЕЗ ТРЕВОГИ О ЧЕЛОВЕКЕ

Жизнь убеждает: если ребенок только «потребляет» радости, не добывая их трудом, напряжением духовных сил, его сердце может стать холодным, черствым, равнодушным.

Огромной нравственной силой, облагораживающей детей, является творение добра для людей. Одна из воспитательных задач советской школы состоит в том, чтобы ребенок сердцем чувствовал, что вокруг него есть люди, нуждающиеся в помощи, заботе, ласке, сердечности, участии. Самое главное — чтобы совесть не позволяла детям проходить мимо этих людей, чтобы добро человеку ребенок приносил не из желания отличиться перед другими, а из бескорыстных побуждений.

Источник детской совести, готовности делать добро для других — это сопереживание чувств тех людей, у которых на сердце горе. Чуткость к духовному миру человека, способность откликаться на чужое несчастье — с этого начинается высшая человеческая радость, без которой невозможна нравственная красота. Уже в «Школе радости» мои воспитанники сделали первые шаги на пути к вершине нравственной человеческой красоты: они постигали азы большой науки человечности, учились видеть горе, грусть, печаль, тревогу в глазах того, с кем их сталкивали обстоятельства повседневной жизни. Эта способность входит в нравственный облик в годы зрелости, становится неотъемлемой чертой духовной жизни лишь тогда, когда все годы детства человек дня не живет без беспокойства о людях.

Я всегда учил своих воспитанников сопереживать чувствам других людей, стремился к тому, чтобы ребенок ставил себя на место того, кто нуждается в участии, помощи и сердечной заботе, пережил его чувства. Горе другого чело-

века должно стать личным горем ребенка, заставить задуматься над тем, как помочь тому, кто нуждается в этом. В воспитании человечности исключительную роль играют личные взаимоотношения, духовное общение двух людей. Человечество легче любить, чем помочь соседу. Знать людей нельзя без знания конкретной человеческой личности. Горе человеческое не дойдет до сердца ребенка, если в глазах друга — печальных, умоляющих, страдающих — он не прочитает глубокого горя. Ребенок, который не узнал всех сторон человеческой жизни — и счастья, и горя, — никогда не станет чутким и отзывчивым.

У нас в классе было немало горя, за ним не стоило далеко ходить. В коллективе звенел радостный смех, царил дух бодрости, но глаза отдельных детей были печальные. Через 3 года после того, как Валя пришла в школу, резко ухудшилось здоровье ее отца. Девочка стала молчаливой, задумчивой. У Нины и Шуры тяжело больна мать, девочки нередко оставались дома, чтобы помочь отцу по хозяйству. У Шуры заболела бабушка. Несколько раз ее ложили в больницу — на неделю, а то и на месяц; для мальчика это было большим горем. Во время болезни бабушки ребенок находился на попечении тети, очень хорошей женщины, которая заботилась о Шуре, но разлука с бабушкой причиняла мальчику страдания. Однажды в холодный осенний день Шура решил повестить бабушку. Не сказав ни слова тете, он пошел в больницу. По дороге промок под дождем, простудился и заболел. Через несколько дней его положили в ту же больницу, где лежала бабушка.

Произошло несчастье в семье Володи. Его мама работала штукатуром. Ежедневно она ездила на работу автобусом. Во время весенней гололедицы автобус столкнулся с грузовым автомобилем, и мама Володи была тяжело ранена. Врачи говорили, что она на всю жизнь останется инвалидом. В это же время тяжело заболел и умер дедушка, очень много сделавший для того, чтобы Володя пошел по правильной жизненной дороге.

Горе, но горе другого рода, пришло в семью Коли А. За перепрыгивание краденых вещей отца арестовали и осудили на 2 года тюрьмы. Нравственная атмосфера в семье стала чище, но случившееся не могло не потрясти мальчика.

Встречая детей, я каждый день всматривался в их лица. Печальные глаза ребенка — что может быть более трудное в сложном процессе воспитания. Если в детском сердце горе, ребенок только и того, что присутствует в классе. Он — как туго натянутая струна: притронешься неосторожно — причинишь боль. Каждый ребенок переживает горе по-своему: одного приласкаешь — и ему станет легче, другому ласковое слово причиняет новую боль. Педагогическое мастерство в таких случаях заключается прежде всего в человеческой мудрости: умеи щадить больное сердце, не причиняй воспитаннику нового горя, не прикасайся к ранам его души. Потрясенный горем, охваченный смятением ученик, конечно, не может учиться так, как он учился раньше; горе накладывает отпечаток на его мышление. Самое главное для учителя — это прежде всего видеть детское горе, печаль, страдания. Видеть и чувствовать детскую душу. В том, как учитель относится к горю ребенка, насколько способен он понимать и чувствовать детскую душу, заключается основа педагогического мастерства.

Нельзя вызывать отвечать ученика, переживающего горе, нельзя требовать от него усидчивости и прилежания. Нельзя спрашивать о том, что случилось, — ребенку нелегко говорить об этом. Если дети доверяют учителю, если он их друг, то ребенок расскажет о том, что можно рассказать. Если же молчит — не прикасайся к больному детскому сердцу... Самое трудное в воспитании — это учить чувствовать. И чем старше ребенок, тем труднее учителю прикасаться к тем, образно говоря, тонким струнам человеческого сердца, звучание которых выливается в благородные чувства.

Чтобы научить ребенка чувствовать, видеть в глазах близкого его духовный мир, воспитателю надо уметь щадить чувства детей, и прежде всего горестные чувства. Нет ничего уродливее в эмоционально-правственных отношениях взрослого и малыша, чем стремление старшего разгнать горестные чувства легкомысленными рассуждениями о том, что ты, мол, дитя, преувеличиваешь свое горе...

Надо прежде всего понимать движения детского сердца. Этому невозможно научиться с помощью каких-то специальных приемов. Это дается лишь благодаря высокой эмоционально-правственной культуре педагога. Какими бы истоками ни питалось детское горе, у него всегда есть что-то общее: грустные, печальные глаза, в которых поражает

детская задумчивость, безучастность, тоска, одиночество. Ребенок, переживающий несчастье, не замечает игр и развлечений товарищей; ничто его не может отвлечь от горестных мыслей. Самая тонкая и доброжелательная помощь маленькому человеку — это разделить его горе, не прикасаясь к глубоко личному, сокровенному. Грубое вмешательство может вызвать озлобленность, а советы не унывать, не отчаиваться, держать себя в руках, если за ними нет подлинно человеческого чувства, воспринимаются детьми как неуместная болтливость...

Учить детей чувствовать — это значит прежде всего передавать им свою эмоционально-нравственную культуру. Культура чувств невозможна без глубокого понимания душевного состояния человека. А такое понимание приходит к ребенку тогда, когда он мысленно ставит себя на место того, кто переживает печаль или тревогу.

Когда у Сашка заболела бабушка, мальчик стал печальным, задумчивым и в то же время настороженным: скажешь ему что-нибудь — он вздрогнет, как будто бы прикоснулся к больному месту. А однажды я увидел, как его большие черные глаза наполнились слезами. Дети сказали мне: «Сашко плачет». Было бы наивным ожидать, что ребенок проникнется сочувствием к своему товарищу или взрослому человеку уже потому, что он ребенок. Сопереживание надо учить — так же вдумчиво, заботливо, осторожно, как учат детей делать первые самостоятельные шаги. Сопереживание — это одна из самых тонких сфер познания, познания мыслями и сердцем. У опытного педагога должно быть могучее средство воспитания сопереживания — слово.

Я выбрал минутку, когда Сашка не было в классе, и сказал детям: «Если у человека горе, нельзя выражать удивление. А у Сашка большое горе. У него единственный родной человек — бабушка. Он не помнит мамы. И вот бабушка заболела. Может быть, ее отвезут в больницу — с кем останется мальчик? Представьте себя на его месте, и вы почувствуете, что такое горе. Помните старика, которого мы встретили у дороги? Помните, какие у него были печальные глаза? Вы почувствовали тогда: у старика горе. Почему же вы не замечаете печали в глазах товарища? Вы же видите, что Сашко уже несколько дней молчаливый, задумчивый. Он в классе, а все мысли — у бабушкиной постели. Если мальчик останется на несколько дней дома, не спешите расспрашивать, почему он не был в школе.

Человеку нелегко говорить о своей беде. И вообще, если вы видите, что у человека горе, страдание — не любопытствуйте, а помогайте. Не растравляйте сердечных ран. Если вы знаете, что у кого-нибудь из нас в коллективе случилось несчастье, делайте все так, чтобы ни одно ваше слово, ни один поступок не прибавляли горя. И подумайте еще, чем можно помочь Сашку и его бабушке. Но помощь ваша не должна быть хвастливой: вот, мол, какие мы хорошие — помогаем товарищу. Выставлять напоказ свою доброту — это никуда не годится. Если сердце не говорит вам, что надо помочь другу, — никакая показная доброта не делает вас добрыми».

Сашко пришел в класс, о нем я больше не говорил ни слова, и дети почувствовали, почему я сразу же стал говорить о другом. А на перерыве они стали советоваться, как помочь мальчику и его бабушке. Ребята принесли товарищу яблоки и рыбу — все это было сделано из самых чистых побуждений. Когда бабушку положили в больницу и Сашко стал жить у тети, дети часто ходили к нему. Узнав, что мальчик промок под дождем, заболел и лежит в больнице вместе с бабушкой, они глубоко переживали это горе. В выходной день мы все отправились в больницу. Дети взяли для товарища яблоки и печенье. А Шура принес плитку шоколада, привезенного отцом. Полдня мы ждали, пока все ребята побывали в палате у Сашка.

Меня это и радовало и беспокоило. Ведь тут — результат коллективного порыва. Кое-кому из детей хотелось сделать товарищу добро прежде всего для того, чтобы благородный поступок увидели другие. Володя сказал мне, что понесет Сашку в больницу свой подарок — новые коньки, недавно купленные отцом.

— А отец разрешает? — спросил я.

— Да, разрешает.

— Ну, тогда незачем нести в больницу. Ведь Сашко сейчас не может кататься. Понесешь коньки домой, когда Сашко выздоровеет.

Володя не подарил коньки товарищу. Душевный порыв оказался очень слабым... Этот случай заставил задуматься над воспитанием душевной доброты, сердечности, отзывчивости. Очень тонкие, сложные это вещи. Как добиться, чтобы маленький человек делал что-то хорошее не в расчете на похвалу и награду, а из чувства потребности в добре? В чем она заключается — потребность в добре, с чего

она начинается? Конечно, в воспитании отзывчивости большое значение имеет и коллективный духовный порыв. Но все же сопереживание должно захватывать глубоко личные сферы духовной жизни каждого ребенка.

Я стремился к тому, чтобы все мои воспитанники делали благородные поступки — помогали товарищам или вообще другим людям — из внутренних побуждений и переживали глубокое чувство удовлетворения. Наверное, это одна из наиболее трудных вещей в нравственном воспитании: учить человека делать добро и вместе с тем избегать прямолинейных советов: сделай вот так. Как же поступать в практике работы? По-видимому, самое главное — развивать в ребенке внутренние силы, благодаря которым человек не может не делать добра, т. е. учить сопереживать. Но как это делать? Как добиваться того, чтобы дети, увидев горе другого человека, мысленно ставили себя на его место, чтобы яркая мысль пробуждала яркое чувство, чтобы личность маленького ребенка как бы сливалась с личностью человека, в жизни которого страдания, чтобы в человеке, переживающем горе, ребенок видел и чувствовал самого себя?

Наши совещания, посвященные самым трудным, сложным сферам духовной жизни и взаимоотношений детей, постепенно превратились в психологический семинар. В нем участвовали уже не только учителя начальных классов, но и воспитатели средних и старших классов. Предметом наших забот стал человек — ребенок, подросток, юноша. На заседаниях психологического семинара мы выступали с докладами и сообщениями о духовном мире конкретного ребенка, об истоках его умственного, нравственного, эмоционального, физического, эстетического развития, о среде, в которой происходило в дошкольные годы и происходит в годы школьного обучения формирование разума, мышления, чувств, воли, характера, убеждений личности. Учителя начальных классов своими докладами как бы готовили воспитателей средних и старших классов к воспитательному воздействию на подростков, юношей и девушек. Все больше утверждалось коллективное педагогическое убеждение: для того чтобы человек, которого мы воспитываем, находился в сфере влияния всего педагогического коллектива, каждый педагог должен глубоко знать, знать до тонкостей индивидуальность каждого ученика.

Нам не хватало 2, а иногда и 3 часа для того, чтобы глубоко вникнуть в сложнейшие сферы духовного мира отдельных детей. Так, после моего доклада о личности Коли учителя М. Т. Сыроватко, Е. Е. Коломийченко, В. А. Скочко дополнили мою характеристику очень важными деталями: как преломляется все, что видит ребенок в коллективе, в его эмоциональном мире, другими словами, как он чувствует отношения между людьми, как переживает свои отношения с другими людьми. Мы пришли к очень интересному и, по убеждению коллектива, новому выводу о внутренних духовных побуждениях к добру, о том, как ребенок заставляет сам себя делать добро людям.

Чем больше отдавали дети свои духовные силы товарищу, у которого горе, тем более чуткими становились их сердца. В холодный февральский день (ребята учились тогда в 3 классе) ко мне домой прибежали Миша, Коля и Лариса. Они были чем-то встревожены.

— Погиб Леня, брат Ваня, — сказала Катя. — Отцу принесли телеграмму. Он завтра едет в Казахстан. Что ж теперь делать?

Детские глаза умоляли: научите, как нам помочь товарищу?

В тот же день стало известно, как произошла трагедия. Леня, 18-летний тракторист, вез сено на животноводческую ферму. В пути его настиг буран. Юноше можно было оставить трактор и пойти в село, расположенное недалеко от дороги, но он не сделал этого, надеясь, что буран окончится и можно будет во время доставить сено на ферму. Но буран усилился, ударил мороз, и Леня замерз в кабине трактора... Несколько дней Ваня не приходил в школу. Дети были опечалены, умолкло щебетанье. Все спрашивали: как помочь товарищу? Кое-кто предлагал пойти домой к Ване. Я посоветовал не делать этого: «У мальчика, его магери, у отца, братьев и сестер большое горе. Мы придем к ним домой, мать увидит нас, вспомнит, как Леня ходил в школу, и ей станет еще труднее. Пойдем к Ване позже, когда материнское сердце переболит немного. А когда мальчик придет в школу, не спрашивайте у него, как погиб брат, об этом тяжело думать и говорить. Будьте внимательны и предупредительны к Ване, ничем не причиняйте ему сердечной боли».

Отец Вани, приехав из Казахстана, рассказал мне, что именем его старшего сына названа улица поселка в целин-

пом совхозе. Рассказ отца я повторил детям. В те дни наш класс готовился к поступлению в пионеры. Дети думали над тем, чьи имена будут носить отряд и каждое из трех звеньев. И вот они сами сказали то, чего я ожидал от них: пусть звено, в котором находится Ваня, носит имя его брата — Леонида, погибшего на боевом посту. Мальчик принес эту весть матери. Я посоветовал ребятам: возьмем альбом и каждый из нас пусть нарисует что-нибудь о школе. Конечно, детям хотелось нарисовать то, что связано с Леонидом и его школьными годами. Старшие учащиеся показали нам яблоню, посаженную Леонидом, когда он учился в 3 классе. В физическом кабинете мы нашли модель подъемного крана, сделанную Леонидом и его товарищами. Леонид любил птиц, и в школе жили воспоминания о том, как он вместе со своим звеном сделал маленький домик для голубей. Обо всем этом дети рассказали в альбоме. Я нарисовал портрет Леонида. Альбом преподнесли матери. Для нее этот подарок был бесценным: ее радовало, что школьный коллектив хранит память о сыне. Такой же альбом мы сделали и для пионерского звена, которое будет носить имя Леонида.

Очень важно не превращать добрые чувства и добрые дела в показательные «мероприятия». Как можно меньше разговоров о сделанном, никакой похвалы за доброту — таких требований надо придерживаться в воспитательной работе. Самое опасное то, что человеческие поступки ребенок мысленно ставит себе в заслугу, считает чуть ли не доблестью. Повишна в этом чаще всего бывает школа. Нашел ученик потерянные кем-то 10 копеек, принес в класс, и уже о находке знает весь коллектив. Вспоминается интересный случай, который произошел в одной соседней школе. Принесла девочка в класс находку — 5 копеек, учительница расхвалила ее... И вот на следующий перерыв к учительнице прибежали 3 девочки и один мальчик — все, оказывается, нашли потерянные товарищами деньги — кто копейку, кто две. Ребята ожидали похвалы; учительница, почувствовав неладное, возмущилась... Вот так и приучаются дети отпускать «порции доброты», а если их не хвалят за добрые поступки, у них возникает недовольство.

Доброта должна стать таким же обычным состоянием человека, как мышление. Она должна войти в привычку. Наш педагогический коллектив стремился к тому, чтобы добрые, сердечные, душевные поступки оставляли в детском

сердце чувство глубокого удовлетворения. Сердечная чуткость к духовному миру другого человека пробуждается в детстве и под влиянием слова учителя, и под влиянием настроения коллектива. Очень важно пробуждать порыв, сердечной участливости, готовность к доброму поступку у всех детей. Но этот порыв лишь тогда облагораживает сердце, когда он выливается в индивидуальную деятельность.

Мои воспитанники не забывали о своем старшем друге — дедушке Андрее. В зимние месяцы старик жил в маленькой хатке, недалеко от зимовника пасеки. К нему приходили дети, приносили яблок, рисунки. Дедушка был очень рад каждому теплому слову. Ребята чувствовали, что одиночество — это нелегкая судьба, и стремились сделать человеку добро.

Однажды в теплый мартовский день малыши спешили к дедушке Андрею: сегодня они будут помогать ему выставлять пчел. Этот день был для всех праздником: ребята радовались, наблюдая, как золотокрылые вестники весны совершают облет. По дороге к зимовнику мы зашли к старой женщине напиться воды. Она угостила нас домашним печеньем и предложила почаще навещать ее.

Ольга Федоровна пережила в годы войны большое горе: два ее сына, муж и брат погибли на фронте, а дочь умерла от непосильного труда на каменноугольной шахте в фашистской Германии. Я рассказал ребятам о тяжелой судьбе женщины, и в детских сердцах пробудилось желание подружиться с бабушкой Ольгой. Малыши часто навещали бабушку. Ольга Федоровна показала нам ордена и медали сыновей и мужа. В детских сердцах пробудилось стремление принести бабушке Ольге радость. Как только пришло время сажать плодовые деревья, мы посадили у нее во дворе 5 яблонь, столько же груш, вишен и кустов винограда — в память о сыновьях, дочери, муже и брате. Посадили деревья и для самой бабушки. Трудно передать словами чувство благодарности, которое переживала Ольга Федоровна. В знойные летние дни мы приходили поливать растения, хотя это и без нас делала Ольга Федоровна. Летом ребята проводили у нее целые дни.

Бабушка Ольга стала другом детей. Без нее ребята не проводили ни одного праздника. Мы старались не пропустить момента, когда созревали вишни, яблоки, груши и виноград. Приходили в сад к бабушке, срывали первые

созревшие плоды и несли ей. Когда дети учились в 7 классе, бабушка тяжело заболела. Она умерла через неделю после того, как закончился учебный год. Для ребят это было большое горе. А через некоторое время мы узнали, что Ольга Федоровна завещала передать после ее смерти хату и сад детям. Это завещание озадачило руководителей колхоза: как понимать, что ученики — хозяева хаты и сада? Колхозники помогли разобраться в том, что не укладывается ни в какие юридические нормы. Они сказали: пусть на этой маленькой усадьбе дети делают свои добрые дела. Мы пригласили в хату дедушку Андрея, и он с радостью перешел сюда — это было недалеко от пасеки. Варя и Зина во время обучения в 4 классе подружились с малышами-октябрятами, готовили их в пионеры. Малыши проводили в своем саду целые дни.

Велико горе матери, сын которой погиб в боях за свободу и независимость Родины. Пусть наши дети почувствуют, переживут, разделят это горе. Пусть тысячи и тысячи матерей, чьи сыновья лежат в безымянных могилах от Волги до Эльбы, от Северного Ледовитого океана до теплых вод Средиземного моря, станут друзьями школьников. Нельзя облагородить детское сердце, если оно не почувствовало, не пережило величайшего горя нашей Родины — горя утраты 20 миллионов жизней, горя страшных мучений, пожаров и разрушений — всего того, о чем наш народ не может ни забыть, ни простить фашистам.

Чем глубже ребенок осмыслит и переживет горе матери, тем больше будет чуткость в его сердце, тем тверже будут его гражданские убеждения, тем сильнее будет жить в сердце маленького человека чувство ответственности за будущее Родины. Поэтому надо с большим тактом подходить к такому важному событию, как приглашение на пионерский сбор (вообще в школу) матери, сын которой пал смертью героя на полях Великой Отечественной войны. Для детей это событие не должно промелькнуть как очередное воспитательное мероприятие. Встреча с человеком, личное горе которого является выражением всенародного горя, должна оставить в юных сердцах глубокий след.

Воспитание гражданина — одна из сложных проблем не только теории, но и практики педагогического процесса. В этой сфере первостепенную важность имеет то, чтобы знания прошли через сердце, отразились в личном

духовном мире человека. Знания о Родине, о том, что свято и дорого для советского народа, — это не просто сведения, которыми после запоминания можно руководствоваться в повседневной жизни. Это истины, которые должны затрагивать личную жизнь воспитанника. Они становятся священными для ребенка при условии, что величие Родины познается через величие человека.

«Память народа — громадная книга, где записано все»*. Гражданское воспитание немыслимо без чтения этой книги, без глубокого осознания и чувствования каждого слова, каждой буквы. То, что мы привыкли называть связью школы с жизнью, представляется мне прежде всего как передача из сердца народного в сознание и сердце детей наших великих святых — любви к Родине и ненависти к ее врагам, поработителям, причинившим большие страдания и беды народу. Каждое прикосновение к великой книге народной памяти является самым сложным, самым ответственным актом становления человеческой личности.

ТРУД ОДУХОВТОРЕН БЛАГОРОДНЫМИ ЧУВСТВАМИ

Труд становится великим воспитателем, когда он входит в духовную жизнь наших воспитанников, дает радость дружбы и товарищества, развивает пытливость и любознательность, рождает волнующую радость преодоления трудностей, открывает все новую и новую красоту в окружающем мире, пробуждает первое гражданское чувство — чувство создателя материальных благ, без которых невозможна жизнь человека.

Радость труда — могучая воспитательная сила. В годы детства каждый ребенок должен глубоко пережить это благородное чувство.

Первая осень школьной жизни. На участке старшие школьники отвели для нас несколько десятков квадратных метров земли. Мы разрыхлили почву — труд этот привычен для сельского ребенка. Говорю малышам: «Здесь мы посеём озимую пшеницу, соберем зерно, смеем его. Это будет наш первый хлеб». Дети хорошо знают, что такое хлеб, и стремятся трудиться, как их отцы и матери; в то

---

* Леонов Л. Венок герою. В кн.: «Люди легенд», вып. 2, Госполигиздат, 1966, с. 7.

же время в деле, которое мы затеваем, есть что-то романтическое, есть элемент игры.

Мечта о первом хлебе вдохновляет, помогает преодолевать трудности. А трудности немалые: дети носят маленькими корзинками перегной, смешивают его с почвой, роют канавки для рядков пшеницы, отбирают по зернышку семени. Посев превращается в настоящий праздник. Воодушевление трудом охватывает всех детей. Нива засеяна, но никто не идет домой. Хочется мечтать, мы садимся под деревом, и я рассказываю сказку о золотом пшеничном зернышке. Думаю о сказке и о том, чтобы труд был для моих воспитанников в годы детства не только детской, но и первой гражданской радостью. Чтобы через труд, как через широкую тропинку, ребенок входил в общественную жизнь, познавал людей и самого себя, переживал первое чувство гражданской гордости. Я никогда не забывал, что труд не должен быть легким делом. Мерой напряжения физических и духовных сил детей определяется тот очень важный процесс, который называется зрелостью. Благодаря труду ребенок взрослеет. Надо найти эту меру трудности, определить ее так, чтобы труд был детским и в то же время чтобы постепенно ребенок переставал быть ребенком. Многолетний опыт убедил, что эта воспитательная цель достигается при условии, когда детский труд содержит в себе важнейший элемент производительности взрослых: получение материального результата, включение его в отношения членов коллектива.

До появления всходов пшеницы ребята волнуются: скоро ли зазеленеет наша нива? А когда появились всходы, мальчики и девочки каждое утро бегали посмотреть: быстро ли растут зеленые стебельки? Зимой мы засыпали ниву снегом, чтобы пшенице было тепло. Весной дети переживали радостное волнение, наблюдая, как всходы сплошным ковром покрывают землю, как пшеница выходит в стрелку и колосится. Малыши близко к сердцу принимали судьбу каждого колоска.

Жатва была еще более радостным праздником, чем посев. В школу ребята пришли празднично одетые. Каждый ученик бережно срезал пшеницу, связывал ее в маленький сноп. Снова праздник труда — обмолот. Собрали все до зернышка, ссыпали в мешок. Дедушка Андрей смолот пшеницу, принес белую муку. Мы попросили маму Тины спечь нам хлеб. Ребята помогали ей: мальчики посили

воду, девочки подавали дрова. Вот они, 4 больших белых каравая, — наш труд, наши заботы и волнения. Чувство гордости волнует детские сердца.

Пришел долгожданный день — праздник первого хлеба. На праздник ребята пригласили дедушку Андрея, всех родителей. Разостлали белые вышитые скатерти, девочки разложили ароматные кусочки хлеба, дедушка Андрей поставил тарелки с медом. Родители едят хлеб, хвалят детей, благодарят за труд.

Этот день остался в памяти детей на всю жизнь. На празднике не говорили громких слов о труде и человеческом достоинстве. Главное, чем взволновал ребят праздник, — это переживание чувства гордости: мы вырастили хлеб, мы принесли радость родителям. А человеческая гордость за свой труд — важнейший источник нравственной чистоты и благородства.

Наш праздник первого хлеба привлек внимание других классных коллективов. Учащиеся каждого класса хотели вырастить свой хлеб. Ребята не давали покоя классным руководителям: почему у других есть праздник хлеба, а у нас нет?

Это событие вызвало в педагогическом коллективе много раздумий. Все увидели, что самое простое дело — обработка почвы, внесение удобрений — может стать для детей таким же желанным, как прогулка в лес, чтение интересной книги. Учителя рассказывали, что лодыри, у которых, казалось, ничем не пробудить интереса ни к какому делу, в этом труде стали неузнаваемыми. Им захотелось работать. «В чем же дело?» — думали мы. И все сошлись на том, что главное — в чувствах, в воодушевлении благородной целью. Трудолюбие — это прежде всего сфера эмоциональной жизни детей. Ребенок стремится работать тогда, когда труд дает ему радость. Чем глубже радость труда, тем больше дети дорожат собственной честью, тем нагляднее видят в деятельности самих себя — свои усилия, свое имя. Радость труда — могучая воспитательная сила, благодаря которой ребенок осознает себя как члена коллектива. Это не значит, что труд превращается в развлечение. Он требует напряжения и упорства. Но мы не должны забывать, что имеем дело с детьми, перед которыми только открывается мир.

Праздник первого хлеба дети решили отмечать ежегодно. На следующую осень своей школьной жизни они

взяли новый участок и, вырастив озимую пшеницу, опять пригласили в гости родителей, а также своих маленьких друзей — дошкольников. Даже тогда, когда мои воспитанники стали юношами и девушками, они с большим волнением убрали пшеницу с маленького школьного участка, молотили зерно, пекли хлеб — во всем этом была романтика, игра. Радость труда не сравнима ни с какими другими радостями. Она немыслима без чувствования красоты, но здесь красота — не только то, что получает ребенок, но прежде всего то, что он создает. Радость труда — это красота бытия; познавая эту красоту, ребенок переживает чувство собственного достоинства, гордость от сознания того, что трудности преодолены.

Чувство радости доступно лишь тому, кто умеет напрягать силы, знает, что такое пот и усталость. Детство не должно быть постоянным праздником — если нет трудового напряжения, сильного для детей, для ребенка останется недоступным и счастье труда. Высшая педагогическая мудрость трудового воспитания заключается в том, чтобы утвердить в детском сердце народное отношение к труду. Труд для народа является не только жизненной необходимостью, без которой немыслимо человеческое существование, но и сферой многогранных проявлений духовной жизни, духовного богатства личности. В труде раскрывается богатство человеческих отношений. Воспитать любовь к труду невозможно, если ребенок не почувствует красоты этих отношений. В трудовой деятельности народ видит важнейшее средство самовыражения, самоутверждения личности. Без труда человек становится пустым местом, — говорят в народе. Важная воспитательная задача в том, чтобы чувство личного достоинства, личной гордости каждого воспитанника основывалось на трудовом успехе.

В первую весну своей школьной жизни ребята посадили «Сад матери» — 31 яблоню и столько же кустов винограда. «Дети, — говорю своим воспитанникам, — это будет сад для наших матерей. Мама — самый дорогой, близкий для вас человек. Через 3 года яблони и виноград принесут первые плоды. Первое яблоко, первые гроздья винограда — это будет наш подарок матери. Принесем им радость. Помните, что у ваших матерей много забот. Заплатим за их заботы радостями».

Труд в «Саду матери» одухотворялся мечтой — принести радость старшим, родителям. Отдельные дети еще не знали всей глубины этого благородного человеческого чувства — любви к родной матери. Я стремился у каждого ребенка пробудить это чувство. Галя посадила дерево для мачехи, Сашко — для бабушки, Витя — для тети. Никто не относился к труду равнодушно. Весной и летом дети поливали растения, уничтожали вредителей. Яблони и виноградные кусты зазеленели. На третий год появились первые цветы, завязались первые плоды. Каждому хотелось, чтобы плоды на его дереве созрели побыстрее.

Для меня было большим счастьем то, что Толя, Тина, Коля радовались: на их деревьях созревали сочные яблоки, на виноградных кустах наливались янтарные гроздья. Дети срывали созревшие плоды, несли их матерям. Это были незабываемые дни в жизни ребят. Помню, какой лаской засветились глаза у Коли, когда мальчик снял с дерева яблоки, чтобы понести их матери.

На 2 году школьной жизни труд детей был одухотворен благородными чувствами. Каждый ребенок посадил на приусадебном участке родителей плодовые деревья для матери, отца, бабушки и дедушки. «Вот яблоня мамы, папы, бабушки или дедушки», — с гордостью говорили дети. Сашко посадил яблони в память отца и матери; Галя и Костя выращивали фруктовые деревья в память матерей, не забыли они и своих неродных матерей — им тоже посадили по яблоньке.

Ни к какой работе дети не относились с такой трогательной заботой, как к уходу за этими деревьями. Все с нетерпением ожидали, когда яблони зацветут. Дождаться первых плодов от яблони, спять их, понести матери — это не просто трудовые процессы, которые ребята выполняли один за другим. Это ступеньки нравственного развития, поднимаясь по которым, дети переживают красоту того, что они делают.

Самое святое и прекрасное в жизни человека — это мать. Очень важно, чтобы дети чувствовали нравственную красоту труда, который приносит радость матери. Постепенно у нас в коллективе родилась и утвердилась прекрасная традиция — осенью, когда земля и труд дают человеку щедрые дары, мы стали отмечать осенний праздник матери. Каждый ученик приносил матери в этот день то, что создал своим трудом, о чем мечтал целое лето, а то и не-

сколько лет: яблоки, цветы, колосья пшеницы, выращенные на крохотном участке (у каждого ребенка на приусадебном участке родителей был уголок любимого труда). «Берегите своих матерей», — эту мысль мы утверждали в сознании мальчиков и девочек, готовя их к осеннему празднику матери. Чем больше духовных сил вложил ребенок в труд во имя радости матери, тем больше человечности в его сердце.

Родился у нас и весенний праздник матери. Мы нашли в лесу глухую поляну, которую дети называли Земляничной — летом здесь много ягод. Большую радость переживали дети в минуты общения с этим чудесным уголком. Своей радостью им хотелось поделиться с матерями. И вот у ребят родилась мысль: первый цветок, украсивший землю, — маме. Так возник весенний праздник матери. Дети несли матерям в этот день не только нежные колокольчики подснежника, но и цветы, выращенные в теплице. В проведении праздников, посвященных матери, нужно избегать шумихи и «организационных мероприятий». Мы стремились к тому, чтобы чествование матери было делом семейным, интимным. Главное здесь — не громкие слова, а глубокие чувства.

Любить человечество легче, чем сделать добро родной матери, гласит старинное украинское изречение, приписываемое народному философу XVIII в. Григорию Сковороде. В этом изречении — большая мудрость народной педагогики. Невозможно воспитать человечность, если в сердце не утвердилось привязанность к близкому, дорогому человеку. Слова о любви к людям — еще не любовь. Подлинная школа воспитания сердечности, душевности и отзывчивости — это семья; отношение к матери, отцу, бабушке, дедушке, братьям, сестрам является испытанием человечности.

Труд детей должен быть творением красоты — таково требование единства эстетического и морального воспитания. В первую осень школьной жизни мы собрали семена шиповника, посадили их на отведенной нам грядке в укромном уголке школьной усадьбы. К шиповнику привили почки белых, красных, пурпурных, желтых роз. Мы создали свой «Сад роз». Трудно передать словами радость, которую испытывали дети, когда появились первые цветы. Мальчики и девочки боялись прикоснуться к кустам, чтобы не повредить их. Когда я сказал, что розы

будут цвести все лето, если правильно срезать цветы, дети были в восторге. Каждому хотелось понести цветок матери. Большую радость доставляло детям то, что маленький букетик роз можно подарить маме вместе с яблоками в осенний праздник матерей.

В первую весну школьного обучения мы посеяли много цветов. За растениями нужен был постоянный уход. Особенно нелегкое дело — поливка. В это время старшеклассники сделали небольшую водонапорную башню с насосом. Вода была подведена к цветнику, что облегчало труд детей, и он стал желанным для всех — даже самый маленький Данько поливал теперь все цветы в течение получаса.

Хотелось, чтобы выращивание цветов стало личным увлечением каждого ребенка. Наверное, нет труда, который бы в большей мере облагораживал сердце, сочетал в себе красоту и творчество, созидание и человечность, чем уход за розами. Я добился того, что у каждого ребенка возникло желание завести свой домашний цветник. В 3 и 4 классах мои воспитанники уже любовались цветками розы, выращенными на приусадебных участках.

Жизнь убедила меня, что если ребенок вырастил розу для того, чтобы любоваться ее красотой, если единственным вознаграждением за труд стало наслаждение красотой и творение этой красоты для счастья и радости другого человека, — он не способен на зло, подлость, цинизм, бессердечность. Это один из очень сложных вопросов нравственного воспитания. Красота сама по себе не содержит никакой магической силы, которая воспитывала бы в человеке духовное благородство. Красота воспитывает нравственную чистоту, человечность лишь тогда, когда труд, создающий красоту, очеловечен высокими нравственными побуждениями, прежде всего проникнут уважением к человеку. Чем глубже эта очеловеченность труда, создающего красоту для людей, тем больше уважает человек сам себя, тем более нетерпимым становится для него отступление от норм нравственности.

Роль красоты в воспитании нравственности стала предметом обсуждения в нашем педагогическом коллективе. Придавая большое значение красоте как одному из средств воздействия на духовный мир школьника, в особенности на эмоции, мы в то же время опасались переоценить роль этого воздействия. При каких условиях красота становится педагогическим воздействием? Этот вопрос мы

поставили перед собой на психологическом семинаре. Ответ на него вытекал из общего анализа закономерностей педагогического процесса. Делясь опытом, анализируя методы и приемы воздействия учителя на духовный мир учащихся младшего, среднего и старшего возраста, мы все больше убеждались в том, что нет и не может быть какого-то единственного, всесплыного метода, который мог бы обеспечить успех воспитания и в то же время компенсировать недостатки и слабые места в других сферах воспитательного воздействия.

Эстетическое воспитание может быть поставлено прекрасно, но если другие элементы и составные части коммунистического воспитания имеют серьезные недостатки, то и воспитательное влияние красоты ослабляется и даже может быть сведено на нет. Каждое воздействие на духовный мир ребенка приобретает воспитательную силу лишь тогда, когда рядом идут другие столь же важные воздействия. В определенных условиях человек может заботливо выращивать цветы, восторгаться их красотой и в то же время быть циником, равнодушным, бессердечным — все зависит от того, с какими другими средствами воздействия на духовный мир личности соседствует то воздействие, на которое мы, воспитатели, возлагаем определенные надежды.

Эти истины становились убеждениями нашего педагогического коллектива. Обсуждение конкретных жизненных судеб привело нас к проблеме гармонии педагогических воздействий. На мой взгляд, это одна из коренных, основополагающих закономерностей воспитания. Я далек от мысли, что она, эта проблема, решена в практике воспитательной работы нашей школы, но все же для ее решения и исследования сделано много. Сущность этой проблемы, выражающей одну из важнейших закономерностей воспитания, заключается в следующем: педагогический эффект каждого средства воздействия на личность зависит от того, насколько продуманы, целенаправлены, эффективны другие средства воздействия. Сила красоты как воспитательного средства зависит от того, насколько умело раскрывается сила труда как воспитательного средства, насколько глубоко и продуманно осуществляется воспитание разума, чувств. Слово учителя приобретает воспитательную силу лишь тогда, когда действует сила личного примера старших, когда все

другие воспитательные средства проникнуты нравственной чистотой и благородством.

Между воспитательными воздействиями существуют десятки, сотни, тысячи зависимостей и обусловленностей. Эффективность воспитания в конечном счете определяется тем, как эти зависимости и обусловленности учитываются, точнее, реализуются в практике. На мой взгляд, падавшие всем обвинения педагогической науки в том, что она отстает от жизни, как раз и исходят из игнорирования того факта, что любое воздействие на личность теряет свою силу, если нет сотни других воздействий, любая закономерность превращается в звук пустой, если не реализуются сотни других закономерностей. Педагогическая наука отстает в той мере, в какой она не исследует десятки и сотни зависимостей и взаимообусловленностей воздействий на личность. Она станет точной наукой, подлинной наукой лишь тогда, когда исследует и объяснит тончайшие, сложнейшие зависимости и взаимообусловленности педагогических явлений.

...Родились праздники цветов. Их было несколько. Весенний праздник цветов — это праздник ландышей, тюльпанов и сирени. В этот день мы шли в лес и в сиреневый цветник, заложенный в первую осень школьной жизни; каждый ученик собирал маленький букет, стремясь найти неповторимое сочетание оттенков. Приходили на лужайку, любовались букетами. Несли их матерям и нашим друзьям — дедушке Андрею и бабушке Ольге. Приглашали на праздник малышей-дошкольников, собирали букеты и для них.

Второй праздник — праздник роз. Собирали букеты в школьном «Саду роз» и на приусадебных участках. Уже на 2 год обучения почти у всех детей дома были кусты роз. Самые красивые букеты мы несли дедушке Андрею и бабушке Ольге.

Третий праздник — полевых цветов. Он приносил детям самую большую радость. Мы шли в поле утром — в эти часы цветы особенно красивы. Собрать красивый букет полевых цветов — настоящее творчество. Приносили букеты в школу, отдыхали, мечтали о том, чтобы и у нас цвели полевые цветы. Запоминали, где растут самые красивые цветы, осенью собирали семена, выкапывали корневища, и на приусадебном участке расцветали васильки, ромашки.

Осенний праздник цветов, или праздник хризантем был грустным прощанием с летом. Сколько труда надо было приложить, чтобы как можно позже отмечать его... Мы защищали кусты хризантем от холодных ветров и заморозков, прикрывали их на ночь бумажными колпачками. После осеннего праздника цветов мы переносили растения в теплицу.

На 3 году школьной жизни ребята впервые отмечали праздник подснежников. В лесу еще лежал снег, но земля уже пробуждалась от зимнего сна. На полянах появлялись первые лилово-синие и белые колокольчики. Маленькие букетики дети приносили в этот день матерям.

Я добивался, чтобы дети видели в труде источник духовных радостей. Пусть человек трудится не только для того, чтобы добыть хлеб и одежду, построить жилище, но и для того, чтобы рядом с его домом всегда цвели цветы, дающие радость и ему, и людям, — чтобы уже в годы детства человек трудился для радости.

Маленькие уголки красоты появились у наших ребят на приусадебных участках родителей уже через год после начала обучения в школе. Почти у всех детей цвели розы. Кроме того, у каждого ребенка были свои любимые цветы. Варя, Лида, Павел, Сережа, Катя, Лариса, Костя полюбили хризантемы. Саня, Зина, Люба, Люда, Сашко выращивали гвоздики и тюльпаны. Ваня, Витя и Петрик посадили несколько кустов сирени. Я показывал детям, как ухаживать за цветами, как готовить рассаду и подбирать самое хорошее место для растений.

Любовь к цветам стала причиной конфликта между Колей и его матерью. Мальчик любил работать в теплице. Я дал ему 3 куста хризантем и показал, как их посадить. В это время мы раздавали детям рассаду хороших сортов помидоров. Вместе с хризантемами Коля понес домой десяток корней помидоров. Мать посадила помидоры, а Коля — хризантемы. Недели через две мать увидела кусты хризантем — они уже хорошо укоренились — и выбросила их. Мальчик нашел выброшенные растения у забора, расплакался и прибежал к матери. Женщина рассмеялась: «Вот уж горе какое — цветы. Зачем они нам? Жили и будем жить без цветов». Коля молча взял растения и посадил их в уголке за сараем.

Через некоторое время мальчик принес матери несколько голубых цветков и сказал: «Мама, посмотри,

какие красивые». Сложные чувства вложил ребенок в эти слова. Ему, наверное, хотелось сказать: «Я хочу, мама, чтобы жизнь нашей семьи была такая же красивая, как эти цветы».

С большой сердечностью работали дети в «птичьей лечебнице».

После бури и грозы мы шли в лес и всегда находили выпавших из гнезд птенцов. В «птичьей лечебнице» долго не смолкали детские голоса... А зимой, в трескучие морозы, ребята выставляли у окна лечебницы кормушки с зернами тыквы. К корму слеталось много синичек. Когда не хватало корма, они требовательно пищали. Дети насыпали зерна на стол, синички залетали в комнату, клевали корм. Постепенно птички привыкли к ребятам, все дольше оставались в комнате, в морозные ночи даже не улетали. Они весело щебетали, садились на плечи, на руки, на головы. В солнечные дни птицы прилетали за кормом и сразу же улетали. Детям не хотелось расставаться с пернатыми друзьями. Казалось, птицы это чувствуют: в их писке ребята как бы улавливали просьбу: извините, мол, мы не можем долго оставаться.

Коля, Юра, Сашко, Костя, Павел находились в «птичьей лечебнице» по несколько часов. Я посоветовал детям устроить маленькие кормушки у себя дома. Возле оконных форточек появились полочки с зернами тыквы, а Павло сделал маленький домик.

С первого взгляда все это может показаться несущественным, не имеющим отношения к воспитанию. Но в действительности, забота о живом существе — это и есть воспитание душевной чуткости, сердечности, отзывчивости.

Начиная с 3 класса, Праздник жаворонка, о котором уже говорилось выше, стал своеобразным праздником труда и художественного творчества. Девочки выпекали из пшеничного теста маленьких жаворонков. Каждая стремилась передать в своем нехитром творении стремительный взлет птички. Это было единственное в своем роде художественное творчество. Девочки показывали друг другу своих жаворонков, находили в них не только движение, но и песню. «У тебя жаворонок молчит, а у меня поет», — можно было услышать в эти дни.

Когда дети станут взрослыми, они пойдут работать в полеводческие бригады и на животноводческие фермы, станут пахарями и доярками, агрономами и садоводами.

Надо, чтобы уже в раннем возрасте малыши почувствовали красоту простого труда на земле, на ферме. Очень важно, чтобы обыкновенный сельскохозяйственный труд давал детям радость. А это невозможно без игры, без коллективного воодушевления трудовой деятельностью, красотой взаимоотношений в коллективе — дружбой, товарищеской взаимопомощью. Мои воспитанники всегда близко к сердцу принимали общее дело, думали о его результатах. Класс всегда был трудовым коллективом.

Ранней весной мы пошли на животноводческую ферму к отцу Тани. Нам отвели теплый уголок в сарае и поместили сюда четверых ягнят — отец Тани выбрал самых слабых. Будем, дети, заботиться об этих маленьких теплых комочках жизни, будем приходить к ним ежедневно, кормить теплым настоем сена и молоком, пока ягнята хорошо поправятся, — говорю ребятам.

Нередко приходится слышать: бывают такие лодыри, которых ничто не интересует; бывают настолько очерствевшие сердца, что их ничем не проймешь. Неправда это. Воодушевите малышей (а не подростков; в 11—12 лет это делать уже поздно) таким вот трудом, как, например, уход за маленькими ягнятами на животноводческой ферме, поработайте с детьми месяц-два — и вы увидите, как растает льдинка в самом равнодушном сердце. Коллективное воодушевление детей красотой труда — это могучий источник трудолюбия. У нас в классе не было ни одного равнодушного, ни одного лодыря, и это — результат воодушевления детей простым трудом.

Мы нашли хорошее сено, приготовили из него муку, сварили «бульон для ягнят». Выпавали их молоком. Когда ягнята стали есть зеленую траву, ребята приносили им из теплицы поросль ячменя и овса. А как только зазеленела травка, у ягнят появились целые охапки сочного корма. Отец Тани сделал рядом с сараем загон, куда мы выпускали ягнят на целый день. Это была наша «овцеферма».

На 3 году школьной жизни появились новые, более серьезные заботы — мальчикам и девочкам захотелось ухаживать за телятами, и нам отвели еще один уголок — уже на молочнотоварной ферме. Ребята целую зиму выращивали в теплице зелень — ячмень и овес. Летом сушили сено для телят. Многие мальчики и девочки приходили на ферму почти каждый день.

Когда пришла весна и овец с ягнятами перевели на полевой стан, дети затосковали. Они хотели хоть один день пожить в поле, среди природы. В воскресенье мы шли в поле. Пасли овец и ягнят, собирали сено, скошенные пастухами; первая весенняя трава — это целебный корм для ягнят. А летом, после окончания запятий, ребята приходили на полевой стан почти каждый день. Жизнь убеждает, что человек никогда не полюбит простого сельскохозяйственного труда, если в детстве он не воодушевился красотой будничной работы.

Огонек романтики озарял труд ребят и на учебно-опытном участке школы. Уже в 1 классе нам выделили 0,1 га земли, и вместе со старшими школьниками дети построили здесь домик — кирпичные стены, черепичная кровля, деревянный пол, маленькая топка, водопровод, электричество, — все как в настоящем доме, но все небольшое. «Зеленый домик» — так ребята называли это сооружение — стал еще одним уютным уголком, где малыши читали, слушали рассказы о природе. Позже, когда дети уже учились в 3 классе, тут мы проводили опыты с семенами.

Строительство маленького домика было и игрой и трудом. Когда работа была закончена, ребята бережно отнеслись к созданию рук своих. Они хорошо понимали, что домик — результат их труда. Никакими разъяснениями невозможно заменить этот жизненный опыт.

Для того чтобы ребенок берег общественный труд, он должен приобрести первый, пусть вначале незначительный, личный опыт общественного созидания. Сущность материальных ценностей постигается лишь тогда, когда общественное становится дорогим для человека. Это качество должно приобретаться в детские годы. Учителя часто говорят о том, что некоторые подростки расточительно относятся к общественным ценностям — почему они, подростки, так бесчувственны? Если вы хотите, чтобы в годы отрочества и ранней юности человек был бережливым и внутренне дисциплинированным, чтобы его забота об общественных интересах имела не показной характер, а выражалась в сердечной тревоге о вещах, лично ему не принадлежащих, — пусть в годы детства что-нибудь общественное станет для него дорогим, неотделимым от личных радостей, личного счастья.

К «зелепому домику» прилегал участок, на котором мы выращивали пшеницу, ячмень, просо, гречиху, кукурузу,

подсолнечник. В домике отбирали семена, хранили урожай, готовили удобрения. Труд ребят был одухотворен романтикой познания. Дети работали думая и думали работая. Перед ними открывались тайны и закономерности природы. Я добивался, чтобы уже в детские годы мои воспитанники на собственном опыте убеждались, что знания помогают человеку использовать силы природы и приобретаются лишь в труде. Я рассказывал о пшеничном зернышке, о том, как труд управляет его жизнью. Перед детьми открывался удивительный мир жизни почвы. Мы вносили на участок органические вещества, и почва становилась плодородной. Дети высаживали по 100 зернышек пшеницы и с большим интересом наблюдали, как развиваются растения. Ребят воодушевляло стремление так «накормить» почву, чтобы в колосьях наливались крупные, тяжелые зерна. Каждому хотелось как можно лучше подкормить свои растения питательной жидкостью. Это было настоящее творчество, воодушевлявшее детей, побуждавшее их выполнять самые простые трудовые операции. Бережно срезая колосья, дети отсчитывали по тысяче зернышек и взвешивали их: кто собрал больший урожай, тот переживал волнующее чувство гордости; остальные ребята стремились лучше работать.

Я с радостью убеждался, что Шура, Миша, Павло, Сашко, Юра, Лариса, Тина, Ваня, Нина, Варя, Зина, Коля влюбляются в растения, чувствуют жизнь почвы. В 3 и 4 классах они вырастили пшеничные зерна в два раза крупнее, чем обычно выращивают в поле.

В «зеленом домике» и в теплице мы выращивали огурцы и помидоры на питательных растворах. С зимы дети готовили питательную смесь перегноя и чернозема, весной выносили ее на участок, а осенью собирали высокие урожаи картофеля и помидоров.

Отдельные ребята трудились и в «зеленой лаборатории» — домике, построенном для детей среднего возраста. Здесь мои воспитанники под руководством старших школьников ставили интересные опыты по садоводству и растениеводству. Здесь я показывал детям, как делать прививку культурных сортов плодовых деревьев к дичкам. Во 2 классе все ребята научились этому тонкому делу, чувствовали власть знаний над природой, единство теории и практики.

Мальчики и девочки с нетерпением ожидали весны, чтобы увидеть результаты прививки. Когда из привитых почек появились маленькие листочки, радости детей не было конца. Мы заложили коллективный питомник. Решили ежегодно выращивать саженцы. Питомник стал еще одним уголком любимого труда: здесь особенно любили работать Ваня, Люся, Коля, Володя, Люба, Зина, Федя, Катя, Варя, Лариса, Сережа, Типа, Галя. Летом, после окончания 3 класса, мы нашли в глухих зарослях сливудичка, и каждый из нас привил к ней почку культурного сорта — кто сливу, кто абрикос, кто персик. Все прививки прижились. Ребята с изумлением следили, как развиваются ростки разных сортов плодовых деревьев на одной кроне. Через 2 года появились плоды.

Уже говорилось, что природа — богатейший источник мысли, творческого, пытливого разума. Постигая ее закономерности, ребенок становится человеком, потому что он постепенно осознает сам себя как самую высокую ступеньку на длинной лестнице развития природы. Но природа не способна сама по себе творить чудеса — развивать естественные силы ребенка, воспитывать его разум, обогащать мышление. Без активных усилий, без труда нельзя раскрыть и познать ее тайн. Лишь тогда, когда человек делает первый сознательный шаг для того, чтобы использовать силы природы, она вознаграждает его вначале скупое, а потом все щедрее, по мере того, как человек прилагает новые усилия, познавая и одновременно создавая. Чем больше дети трудятся, тем больше тайн природы раскрывается перед их сознанием и тем больше нового, непонятного видят они перед собой. Но чем больше непонятного, тем активнее мысль; недоумение — это самая верная «затравка» мышления. От того момента, когда зерно пшеницы положено в рыхлую почву, до уборки урожая у детей возникло больше двухсот вопросов: как? почему? Трудно найти другую такую сферу воздействия на природу, которая пробуждала бы мысль, заставляла думать, как труд на земле — выращивание деревьев, зерновых и технических культур.

Я стремился к тому, чтобы труд детей был разнообразным, способствовал раскрытию их задатков и склонностей. Рядом со школьной мастерской мы оборудовали комнату для малышей. Здесь поставили столы, прикрепили к ним тиски. Удалось осуществить давнюю мечту — стар-

шие школьники сделали для малышей 2 миниатюрных токарных станочка и один сверлильный станок. В шкафу и на полках — маленькие рубанки, пилы, в слесарных ящиках — набор инструментов для обработки металла, а также металлические пластинки, проволока — все это необходимо для конструирования и моделирования. Труд в рабочей комнате заинтересовал многих мальчиков и девочек. Постепенно создался кружок юных мастеров. Особенно большой интерес к конструированию, моделированию, выпиливанию лобзиком проявляли Сережа, Слава, Юра, Толя, Галя, Миша, Витя, Люда, Таня, Саня, Ваня, Павел.

Собираясь после обеда в рабочей комнате, мы делали сразу несколько интересных моделей — ветроэлектростанции, зерноочистительной машины, веялки, а также домик, похожий на настоящий дом, письменный стол и шкаф для крохотных слесарных инструментов. Ребята трудились коллективно, изготавливая и деревянные, и металлические детали. Чем меньше и тоньше модель, чем труднее ее было сделать похожей на настоящую «взрослую», как говорили дети, тем с большим интересом они работали.

Главная цель, которую я ставил, вовлекая детей в этот труд, — пробудить задатки и наклонности, дать радость творчества, выработать умения и навыки, необходимые в будущем. Я стремился увлечь ребят примером: показывая им наглядно, как обрабатывать дерево и металл, как пользоваться инструментами. Мастерство того, кто учит, — это искра, зажигающая огонек наклонности, пробуждающая вдохновение. Наше занятие в рабочей комнате началось с того, что я на глазах у ребят сделал из дерева пгрушечную кроватку для куклы. Чем больше маленькая кроватка становилась похожей на настоящую кровать, тем ярче горели детские глаза: малыши стремились припятъ участие в работе. Многие из них тут же начали помогать мне: скоблили и шлифовали отдельные детали кровати. Когда мы приступили к изготовлению модели ветроэлектростанции, у меня уже были не только надежные помощники, но и настоящие товарищи по труду. Юра, Витя и Миша быстро научились владеть инструментами. Трудиться хотелось всем, а поэтому мы начали одновременно изготавливать несколько моделей.

Здесь надо сделать маленькое отступление. Истоки способностей и дарований детей — на копчиках их пальцев. От пальцев, образно говоря, идут тончайшие ручейки,

которые питают источник творческой мысли. Чем больше уверенности и изобретательности в движениях детской руки, чем тоньше взаимодействие руки с орудием труда, чем сложнее движения, необходимые для этого взаимодействия, тем ярче творческая стихия детского разума, тем точнее, тоньше, сложнее движения, необходимые для этого взаимодействия; чем глубже вошло взаимодействие руки с природой, с общественным трудом в духовную жизнь ребенка, тем больше наблюдательности, пытливости, зоркости, внимательности, способности исследовать в деятельности ребенка.

Другими словами: чем больше мастерства в детской руке, тем умнее ребенок. Но мастерство достигается не каким-то паптием. Оно зависит от умственных и физических сил ребенка. Силы ума крепнут по мере того, как совершенствуется мастерство, но и мастерство черпает свои силы в разуме. Я стремился к тому, чтобы познание окружающего мира было активным взаимодействием детских рук с окружающей средой, чтобы ребенок наблюдал не только глазами, но и руками, проявлял и развивал свою любознательность не только вопросами, но и трудом.

С первых дней жизни «Школы радости» мои воспитанники собирали гербарии, коллекции семян, образцы древесины разных пород. Они изучали свойства веществ не только в процессе наблюдений, но и благодаря взаимодействию руки, вооруженной простейшими инструментами — молоточками, ножиком, ножницами, зубилом — с разнообразными материалами. В 1 и во 2 классах дети учились работать маленьким ножиком. Ребята вырезали тоненькие пластинки из древесины разных пород — вербы, ясеня, тополя, дуба, сосны, груши, вишни, — шлифовали их, приклеивали или пришивали к бумаге, сравнивали по твердости и другим признакам. Из наростов на стволах ясеня (это очень пластичный материал) они делали буквы, фигурки зверей и птиц. Все мальчики и девочки вырезали «деревянную азбуку» — так они называли буквы из наростов ясеня. Недалеко от нашего села есть грапитная пещера. Сюда мы часто приходили собирать образцы горных пород. Дети с интересом отбивали маленькими молоточками кусочки слюды, собирали коллекцию разноцветных камней, из глины лепили игрушечные кирпичи, сушили их на солнце, а затем сооружали домики. Летом, во время уборки урожая, мы вырезали из соломы ржи и пшеницы ровные

стебли — «стрёлки», плели из них соломенную ленту, шили шляпы.

Все это было не только подготовкой к техническому творчеству. Развивая мастерство рук, я развивал разум. Когда мы изготавливали модель ветроэлектростанции, ребята предложили заменить металлические пластинки лопастей деревянными. «Ведь есть очень прочная и легкая древесина, — сказал Сережа. — Из нее можно сделать такие лопасти, что от маленького ветерка они будут вертеться...»

За 4 года обучения в начальной школе дети сделали свыше 30 действующих моделей, по сложности устройства равноценных модели ветроэлектростанции, которая приводила в движение маленький генератор. С каждым годом все ярче раскрывались индивидуальные наклонности детей. Шура, Витя, Миша, Сережа, Юра влюбились в металл и механизмы. Они могли несколько часов работать у тисков, время летело для мальчиков незаметно. Иногда стоило большого труда заставить их уйти домой. Наблюдая за работой мальчиков у тисков или у миниатюрного токарного станка, где они вытачивали несложные детали из дерева и мягкого металла, я вспомнил, как уже в «Школе радости» и в 1 классе ребята учились вырезать деревянные буквы. Было бы наивным видеть в этих мальчишеских увлечениях какое-то предначертание их будущей специальности или профессии. Мастерство — в этом убеждает жизненный опыт — переживает сложные трансформации. Очень редко человек становится тем, кем он мечтал стать в детские годы.

Физический труд тесно связан с умственным воспитанием. Мастерство рук — это материальное воплощение пытливого ума, смекалки, творческого воображения. Очень важно, чтобы в детские годы каждый ребенок осуществлял руками свой замысел.

В 4 классе дети сделали себе инструменты — маленькие рубанки, шерхебели. Не забывали мальчики и о самом простом инструменте: ножиком они вырезали забавные фигурки зверей и животных, сказочную Бабу-Ягу и Кощея Бессмертного для кукольного и теневого театров. Сережа и Миша сделали два аквариума — для классной комнаты и для Компаты сказки.

Большую радость принесла детям еще одна интересная работа: мы установили небольшую электростанцию, приводимую в движение маленьким двигателем внутреннего

сгорапия. Электростанция давала ток низкого напряжения, безопасный для детей.

В 3 и 4 классах у ребят еженедельно было 2 часа любимого труда. Одни дети шли в «зеленый домик», другие — в рабочую комнату, третьи — в теплицу, четвертые — на учебно-опытный участок или в сад. Полюбившие труд на ферме отправлялись к ягнятам и телятам. Каждый ученик занимался в эти часы трудом по душе. Я шел с детьми сегодня в один уголок любимого труда, завтра — в другой. В каждой группе были ребята, у которых ярко раскрывалась склонность к определенному виду деятельности. Они становились организаторами маленьких трудовых коллективов, увлекали товарищей своим примером. В рабочей комнате руководителем группы был Юра. У юных растениеводов — Ваня, у садоводов — Варя, у животноводов — Саша. Меня очень радовало, что эти дети многое умеют и знают значительно больше, чем их сверстники. За ними тянулись другие ребята, трудовая деятельность приобретала характер соревнования творческих способностей.

Труд входил в духовную жизнь моих воспитанников как радостная игра физических и интеллектуальных сил, как утверждение собственного достоинства. Очень важно, чтобы в годы детства каждый человек добился значительных успехов в любимом труде, наглядно увидел воплощение своих творческих способностей, овладел мастерством в любимом деле — конечно, в такой степени, в какой это доступно ребенку. Что-нибудь одно он должен научиться делать уже в школьном возрасте очень хорошо и красиво. Чувство гордости, переживаемое в связи с успехом в любимом деле, — первый источник самосознания, первая искра, зажигающая в душе ребенка огонек творческого вдохновения, а без вдохновения, без радостного подъема и ощущения полноты сил нет человека, нет глубокой уверенности в том, что он займет достойное место в жизни. Я стремился к тому, чтобы в школе не было ни одного ребенка, который не раскрыл бы в труде своей индивидуальности, самобытности.

Вспоминая годы детства каждого своего воспитанника, я вижу радостные глаза, горящие гордостью за успех в труде. Вот Сережа с маленьким радиоприемником. Мальчик сделал его в 4 классе: 3 месяца усидчивого труда вознаграждены большой радостью. Федя стоит рядом с цветущим персиковым деревом — он привил почку персика

к сливе-дичку, дождался цветения и плодоношения. Валя сохранилась в моей памяти в то радостное мгновение, когда она вынесла из помещения животноводческой фермы маленького ягненка. Девочка выходила его — слабенького, хилого. Тина широко улыбается солнцу и синему небу, смотрит на пурпурные цветы роз, — это она привила 3 почки розы к шиповнику, и вырос куст удивительной красоты. Когда называют имя Сашка, перед моими глазами встает черноглазый мальчик с маленьким снопиком пшеницы; взвесив зерно, выращенное им на 3 квадратных метрах, мы убедились, что с гектара такие крупные зерна дали бы восемьдесят центнеров... Недалеко от школьного колодца растет ветвистая яблоня. Каждый год, когда дерево расцветает, я люблюсь неповторимыми оттенками розовых цветков и мне кажется: вот сейчас прибежит к дереву маленькая девочка с белыми косичками, улыбнется и скажет: «Это моя яблоня». Так сказала Катя, когда впервые зацвела яблоня. Костя вспоминается грустный: прижал к себе маленького теленка, а теленок не отвечает на ласки — заболел.

Так вспоминаются все дети. Я вижу ребят влюбленными в труд. Но я далек от мысли, что эта влюбленность в какой-то мере предрешает дальнейший жизненный путь каждого ребенка. Если ученик влюбился в мир живой природы, если труд в плодовом саду или на ниве доставляет ему радость, то это не значит, что он обязательно станет садоводом или агрономом. Задатки, способности и склонности — как цветущий куст розы; одни цветы отцветают, другие раскрывают свои лепестки. У каждого ребенка всегда было несколько увлечений, иначе нельзя и представить богатой духовной жизни детей. Но в чем-то одном каждый ученик проявлял себя наиболее ярко. До тех пор, пока ребенок не достигал значительных успехов в каком-нибудь виде труда, он не запоминался как личность. Но как только труд стал доставлять глубоко личную радость, появлялась человеческая индивидуальность.

Труд, в котором человек достигает совершенства, утверждает личность, является могучим источником воспитания. Чувствуя себя творцом, человек хочет стремиться быть лучше, чем он есть. Трудно переоценить значение того, что уже в годы детства, на пороге отрочества человек осознает свои творческие силы и способности. В этом осознании — самая сущность формирования личности.

Здесь опять надо сделать оговорку, связанную с проблемой гармонии воспитательных воздействий, о которой уже шла речь выше. Труд как целенаправленное воздействие на личность особенно тесно связан многочисленными зависимостями и обусловленностями с другими воспитательными воздействиями, и если эти зависимости и обусловленности не реализуются, труд превращается в постылую обязанность, не дает ничего ни разуму, ни душе. Наш психологический семинар, содержание работы которого с каждым годом обогащалось проблемами воспитания личности, уделял много внимания гармонии труда с другими воздействиями. Особенно большой интерес вызвало обсуждение доклада о роли рук в умственном воспитании. Проблема взаимозависимости и взаимообусловленности труда и других воспитательных воздействий изучается нашим коллективом до сих пор.

ВЫ БУДУЩИЕ ХОЗЯЕВА СВОЕЙ РОДИНЫ, ЮНЫЕ ЛЕНИНЦЫ

Уже в 1 классе у меня появилась первая помощница — 12-летняя пионерка, ученица 6 класса Оля. Она попросила совет пионерской дружины, чтобы ей поручили подготовку малышей-октябрят к поступлению в пионеры. Оля любила детей — и это было главным. (У нас в школе вожатых октябрятских групп и пионерских отрядов не назначают; работать с малышами идет тот, у кого есть желание и кто любит детей). Оля помогала мне во многих делах: играла с ребятами, ходила с ними в лес, в поле, рассказывала о героях-пионерах, о подвигах советских людей в годы Великой Отечественной войны.

Оля пачала работу, которая продолжается уже больше 15 лет и играет большую роль в идейном воспитании юных ленинцев. По моему совету она провела первые встречи детей с героями Великой Отечественной войны. Рассказы героев были настолько интересны, что девочка записала их. Из записей постепенно стал складываться рукописный журнал «Наши земляки в годы Великой Отечественной войны». За годы работы с детьми Оля, а потом и пионеры записали свыше 100 рассказов. В журнал были помещены фотографии героев. Сейчас в рукописном журнале — 600 рассказов. Это яркий, бесценный источник воспитания чувства любви к Родине.

Постоянное общение с детьми было для Оли не обязанностью, а духовной потребностью. Я считаю эту потребность ярким, замечательным талантом — талантом человечности. Тот, кто обладает им, становится прекрасным педагогом и находит в своем труде большое счастье. Присмотритесь внимательно к детям в школьном коллективе, и вы увидите мальчиков и девочек, которые не могут жить без того, чтобы не делать что-то для своих маленьких друзей. У мальчиков эта потребность часто выражается в озорстве, шалостях, хитроумных проделках — мальчики стремятся быть руководителем, вести за собой товарищей, но он не знает, куда направить свои силы. Хочется посоветовать учителям: не подавляйте эту кипучую энергию. Мальчики — шалуны и проказники — это ваши потенциальные помощники. Сумейте приблизить ребят к себе и направить их энергию в нужное русло.

Я стремился к тому, чтобы подготовка к поступлению в организацию юных ленинцев и вся жизнь пионерского отряда воспитывали у детей глубокое чувство любви к нашей священной земле, обильно политой кровью борцов за ее свободу и независимость. Любовь к Родине начинается с восхищения красотой того, что видит перед собой ребенок, чем он любит, во что вкладывает частицу своей души. Мы с Олей открывали глаза детей на красоту родной природы и того, что создано руками советского человека.

Мы шли в степь, садились на вершину кургана, смотрели на широкие поля, засеянные пшеницей, любовались цветущими садами и стройными тополями, синим небом и пением жаворонка. Восхищение красотой земли, где жили деды и прадеды, где нам суждено прожить жизнь, повторить себя в детях, состариться и уйти в землю, родившую нас, — это важнейший эмоциональный источник любви к Родине. В мире есть страны, где природа ярче наших полей и лугов, но родная красота должна стать для наших детей самой дорогой. Надо, чтобы дети не просто видели, как деревья покрываются весной белым покрывалом, как пад золотыми колокольчиками хмеля летают пчелы, как наливаются яблоки и краснеют помидоры, — все это они должны переживать как радость, как полноту своей духовной жизни. Пусть детство вспомнится им в ярких, солнечных образах: сад в белом наряде цветения, неповторимое звучание пчелиной арфы над полем гречихи, глубокое, холодное осеннее небо с журавлиной стаей над

горизонтом, сипие курганы в дрожащем мареве, багровый закат, склонившаяся над зеркалом пруда верба, стройные тополя у дороги — все это пусть оставит неизгладимый отпечаток в сердце как красота жизни в годы детства, как память о самом дорогом.

Но пусть эта красота войдет в детское сердце вместе с мыслью о том, что не было бы ни цветущего сада, ни пчелиной арфы, ни ласковой материнской песни, ни сладких снов на рассвете, когда мама заботливо покрывает твои ноги одеялом, — ничего этого не было бы, если бы в холодное зимнее утро 19-летний юноша Александр Матросов не упал на вражеский пулемет, грудью закрывая от пуль дорогу боевым друзьям, если бы не направил свой пылающий самолет на вражеские танки Николай Гастелло, если бы не пролили свою кровь от Волги до Эльбы тысячи и тысячи героев. Вот эту мысль мы и доносим до сознания ребят как раз в те минуты, когда дети переживают радость бытия. Я рассказываю своим воспитанникам о том, как боролись советские воины за свободу и независимость нашей Родины вот здесь, в нашем родном селе, на этих полях, под этими деревьями.

Радость бытия — это не только наиболее яркое выражение самосознания личности, но и оценка окружающего мира, активное отношение ребенка к тому, что он видит вокруг себя. Логика жизни в социалистическом обществе такова, что красота окружающего мира призвана быть для наших воспитанников одним из источников радости детства — радости бытия. Поэтому воспитатель должен стремиться к тому, чтобы каждый цветок, каждая былинка радовали ребенка. Но станет ли дорогим для детей окружающий мир лишь потому, что он прекрасен? Ведь радость бытия — это лишь комплекс удовольствий, которые ребенок получает от старших поколений. А дорогим окружающий мир становится для маленького человека тогда, когда он видит и чувствует пот, кровь, слезы, пролитые дедами и прадедами во имя свободы и независимости Родины. Слияние радости бытия с гражданскими чувствами хорошо выразил литовский поэт Ю. Марцинкявичус в поэме «Кровь и пепел»:

Вложите, матери, в детей
любовь к Отчизне, чтобы в детях
сердца от чувств высоких этих
отважней стали и святей.

Вдохните в них, что небо наше
в полночном блеске звездных вех
пускай не выше и не краше,
но не такое, как у всех.
И будет близок детям тот,
кто с ними чувством слит единым.

Родная земля становится безгранично дорогой, когда радость бытия сливается с чувством долга перед людьми, отстоявшими красоту. В этом слиянии выражается единство нравственного и эстетического воспитания молодого поколения. Радость бытия не должна быть безмятежной. Глубоко ошибаются педагоги, считающие, что нельзя омрачать радости детства рассказами о горе, страданиях, жертвах во имя счастья свободного гражданина социалистического общества.

Солнечные дни ранней осени, гнутся ветви от яблок, наливаются гроздья винограда, желтеют вороха пшеницы на колхозных токах, плывут серебряные паутинки в прозрачном воздухе. Мы с Олей ведем детей на окраину села. Здесь стоит высокий курган, с него открывается вид на долину, покрытую сизыми арбузами, дальше — сад, за садом — стройные тополя, за ними — степь, зеленые нивы озимой пшеницы, на горизонте — далекие курганы в синей мгле. Мальчики и девочки переживают незабываемые мгновения. В красоте, открывшейся перед ними, они чувствуют частицу своего счастливого детства: с этих далеких полей вечером приходят мать и отец, приносят искорку солнца в ласковых глазах. Мы садимся на курган, я рассказываю сказку о добре и зле, дети радуются победе добра.

Через неделю мы снова на кургане, в чудесной картине природы перед детьми открывается новое: осень рассыпала свои первые краски, покрыла золотом яблони и тополя, а изумрудные поля озимых стали еще ярче, небо — еще глубже. Так каждую неделю, в один и тот же час мы приходим на свое место, любуемся красотой, переживаем борьбу добра и зла в прекрасных народных сказках, вслушиваемся в музыку осенней степи, дышим чистым воздухом, мечтаем о том, как весной придем сюда встречать жаворонка. Этот степной уголок входит в духовную жизнь ребят, становится дорогим для них. Он — первый яркий образ Родины, навсегда запечатлевающийся в детском сердце.

Нельзя пробудить чувство Родины без восприятия и переживания красоты окружающего мира. Прежде чем

рассказать о том, какой дорогóй ценой завоевали старшие поколения радости детства, надо открыть ребятам глаза на красоту родной природы. Пусть в сердце малыша на всю жизнь останутся воспоминания о маленьком уголке далекого детства, пусть с этим уголком связывается образ великой Родины.

В тихий осенний день я показываю детям еле приметную ямку на вершине кургана, говорю:

— Смотрите на эту ямку. Время сгладило ее, заросла она травкой... Был такой же, как сегодня, солнечный осенний день. По этой дороге за Днепр отступали наши войска. Сюда, на вершину кургана, пришел юноша-пулеметчик. Задержать врага, не пропустить к Днепру — вот для чего он установил здесь пулемет. На дороге показались вражеские мотоциклы. Пулеметчик уничтожил их. Фашисты стали обстреливать курган из миномета и орудий. Видите: с юга он как будто вскопан. Земля здесь усеяна смертоносным металлом. Умолкли взрывы, на дорогу снова выехали мотоциклисты, и курган снова ожил — враги падали от пуль советского воина. Фашисты послали к кургану танк. Он приблизился к этим вот деревьям и открыл огонь из орудия. Умолкли выстрелы, снова выехали на дорогу мотоциклисты, и снова ожил курган. Воин был тяжело ранен в руку, в голову и в грудь, но продолжал сражаться. Глаза заливала кровь, он знал, что последний раз видит голубое небо родной земли. И только после того, как снаряд разорвался рядом с пулеметом, перестало биться сердце юноши. Вечером сюда пришли колхозники, выкопали яму, похоронили окровавленное тело. Здесь и лежал прах воина до того дня, когда Советская Армия освободила село от врага. Пришли на вершину кургана боевые друзья воина, откопали прах, перенесли в село, с почестями похоронили в братской могиле. Мы не знаем имени героя, не знает и мать воина, где похоронен ее сын.

Детские сердца сжимает боль. Еще дороже для ребят красота жизни, красота этого родного уголка. Дети смотрят на мир глазами героя. Юноша отдал жизнь, чтобы они жили счастливые, спокойные, чтобы в небе мерцали звезды, пахли травы и яблоки, чтобы звенела над степью нежная песня кузнечика, чтобы в новогоднюю ночь мать положила под подушку подарок от Деда Мороза... Притихли ребята, смотрят на землю, обильно политую кровью. Им

хочется приласкать каждый комочек, каждую былинку полынн и чебреца.

Наверное, многие мои воспитанники долго не могли уснуть в тот вечер. Перед глазами — родная степь, то озаренная ярким солнцем, то застланная дымом боя. Боль сжимает сердце: никогда не увидит герой той красоты, которую они видели сегодня, увидят и завтра, и через год. И от этой мысли — снова слезы на глазах, а во сне — теплая, ласковая рука матери.

Утром следующего дня еще до уроков в школу приходит Варя. Она читает стихотворение, составленное вчера:

У дороги степной стоит высокий курган.
Много лет над ним шумел ветер,
сияло яркое солнце,
плыли осенние туманы.
На нашу землю пришел жестокий враг.
Встал юный герой на высоком кургане,
Преградил дорогу врагу.
Здесь, на древнем кургане, погиб молодой боец,
снаряд разорвал ему грудь,
затрепетало окровавленное сердце на земле,
потемнело синее небо,
скрылось солнце за черной тучей...
Мы не забудем тебя никогда,
ты погиб, чтобы жили мы.
Там, где сердце твое упало на землю,
мы посадили дубок.

Через неделю мы снова идем на курган. Детям хочется знать, кто был этот герой? Где он родился? Где учился? Жива ли его мать? Все, что ребята слышат и видят, они воспринимают теперь глазами героя, отдавшего жизнь за Родину. Детям хочется что-то сделать, чтобы выразить свои чувства. Когда с деревьев опали листья, мы принесли на вершину кургана маленький дубок. Не надо никаких слов, когда в детских сердцах трепещет нежная волна добрых чувств. Ребята глубоко переживают то, что они делают: мы не просто сажаем деревцо, чтобы зеленела вершина кургана,— мы ставим живой памятник герою.

Трудно вырастить дуб на кургане — дети знают это, но никакие трудности их не страшат. Зимой мы защищаем деревцо от холодных ветров, засыпаем его снегом. Весной, когда курган покрывается нежной травкой, ребята ежедневно бегают смотреть: не распускаются ли почки. Это не только забота о дереве,— это встреча с героем. Дубок

зазеленел, и в каждом листке дети чувствуют дыхание того сурового дня. Старики, хоронившие воина, помогают нам установить день подвига. Его мы отмечаем ежегодно как день светлой славы, памяти и скорби. Ребята приходят рано утром в школу, у каждого — цветы; сплетают живой венок и возлагают его там, где, по рассказам, упал герой.

Маленький клочок земли на вершине кургана стал для детей символом героизма старших поколений, отстаивших свободу и независимость Родины. «Вы хозяева земли, обильно политой кровью старших поколений,— эту мысль я внушаю детям.— Вы должны заботиться о том, чтобы наша Родина была богатой и могучей».

В один из теплых дней мы с Олей повели детей в «Сад Героев». Это памятник славы, созданный ученическим коллективом школы на том месте, где во время фашистской оккупации, поздней осенью 1941 г., разыгралась трагедия, полная героизма и самопожертвования. Вырубив колхозный сад, фашисты создали здесь лагерь для военнопленных. За колючей проволокой, под открытым небом, были обречены на смерть 6 тысяч раненых, голодных, раздетых бойцов и офицеров Советской Армии. Люди были лишены воды, в холодные осенние ночи они собирали иней с мерзлой земли, ели траву. Ежедневно умирали десятки военнопленных. Со звериной жестокостью фашисты ждали, когда погибнут все, чтобы потом подорвать рядом с лагерем склад авиабомб и обвинить советские войска: это они, мол, с самолетов сбросили бомбы на своих людей.

Советские патриоты создали в лагере тайную организацию, готовившую массовый побег. И вот в холодную ночь, когда тысячи людей дрожали под дождем и ветром, в 20 местах к колючей проволоке поползли бойцы и офицеры. Они шли на смерть: легли на проволоку, через их тела вырвались в степь многие военнопленные. Больше 4 тысяч человек нашли в ту ночь приют у колхозников, их не могли найти ни гестаповцы, ни изменники-полицейские. 400 героев отдали свою жизнь за то, чтобы 4 тысячи обреченных на смерть снова взяли в руки оружие и стали в ряды бойцов за свободу Родины.

После освобождения села от фашистов школьники решили: это священное место станет цветущим уголком, живым памятником героям. Очистили пустырь, засыпали рвы, посадили 400 дубков — 400 живых памятников тем, кто отдал жизнь во имя спасения товарищей. Поднялись

дубки, от поколения к поколению передавалась правдивая легенда о героическом подвиге. Через несколько лет после закладки дубравы новое поколение учащихся, поступая в пионеры, посадило рядом с дубравой и свои дубки. Там, где на колючей проволоке запеклась кровь героев, где пепел сердец смешался с землей, — пусть растет самое долговечное дерево. Каждый пионер посадил свое деревцо. Это стало традицией: поступая в пионеры, ученик сажает дубок в «Саду Героев».

Сюда пришли мы с ребятами. Оля рассказала о подвиге героев, показала свой дубок. Дети с нетерпением ожидали, когда придет время и им поступать в пионеры.

Пришла весна, осталось несколько недель до Дня памяти В. И. Ленина — в этот день у нас проводится торжественный сбор пионерской дружины, посвященный приему в организацию юных ленинцев. Мы снова в «Саду Героев» — каждый ребенок принес саженец дуба, лопатку, корзинку с перегноем. Посадили деревца, поливали их. Здесь, на священном месте героического подвига, 22 апреля старшие товарищи надели детям пионерские галстуки. Здесь юные ленинцы торжественно поклялись быть верными патронтами своей Социалистической Родины.

Несколько раз в год мы ходили в «Сад Героев». Ранней весной очищали деревья от сухих ветвей и листьев, подсаживали молодые деревца на место поврежденных морозом. В тот день поздней осени, когда герои свершили подвиг, мы проводили здесь сбор пионерского отряда. На месте проволочной стены растут стройные дубки. В суровом молчании проходят дети, каждый кладет цветы под деревцом, — пламенеют астры и хризантемы там, где в ту памятную ночь земля стала красной от крови.

В «Сад Героев» мы ходили и в самые счастливые дни — накануне летних каникул, перед далекой экскурсией. В этом священном месте всегда торжествовала тишина. Здесь нельзя бегать, играть, кричать, — здесь можно любоваться красотой природы, отдыхать, читать. Сюда приходят мальчики и девочки, отцы которых погибли в годы Великой Отечественной войны. Здесь сын склоняет голову перед могилой отца, которая находится где-то далеко — на берегу Ледовитого океана или в Карпатских горах. Из поколения в поколение передается рассказ о героях, которые своей смертью сохранили для советского народа солнце, цветы, свободный труд.

Все выше поднимается дубок над курганом. Увидит взрослый человек дерево, гордо поднявшее ветви к синему небу, и забьется учащенно сердце в его груди, еще роднее и дороже станет для него Родина.

Пройдут десятилетия, уйдут из жизни участники пекучей в истории битвы, все новые и новые поколения будут с изумлением и благодарностью вспоминать тех, кто спас человечество от угрозы фашистского порабощения.

Мы никогда не должны забывать неисчислимых бедствий и ужасов войны, зарева пожаров, стонов умирающих от разрывов бомб, плача угоняемых на каторгу в фашистскую Германию, крепких объятий отцов, уходящих на фронт, рыданий женщин, получивших похоронную — извещение о героической смерти мужа, отца... Молодое поколение должно положить начало вечному памятнику павшим героям. Здесь, в нашей школе, где мы сейчас учимся, фашисты во время оккупации устроили пересыльную тюрьму для угоняемых на каторгу советских юношей и девушек. Вы никогда не должны забыть об этом, дети. Вы станете взрослыми, у вас будут дети, — передайте и им, как эстафету, горячее чувство ненависти к врагу.

До войны в нашем селе было 5100 жителей. 837 наших односельчан, из них 785 мужчин и 52 женщины, пали смертью героев на фронтах Великой Отечественной войны. Кроме 837 односельчан, которые не вернулись домой с фронтов войны, 69 жителей нашего села погибли в фашистских лагерях смерти — их заморили голодом и нечеловеческими истязаниями, их замучили, умертвили, а потом сожгли в крематориях. Это их пеплом торговали фашистские убийцы. Пусть пепел ваших братьев и сестер, отцов и дедов стучит в вашу грудь, дети. Пусть стучит он в грудь ваших детей и внуков. Никогда не забывайте о том, что 276 подростков, юношей и девушек было угнано из нашего села на фашистскую каторгу в Германию, из них 194 человека убиты, умерщвлены в лагерях смерти, умерли от голода и непосильного труда, некоторые из них заживо сожжены в крематориях. Брату Павла, увезенному в город Бохум, фашистские преступники за саботаж выжгли раскаленным железом глаза, а потом живого прибили гвоздями к деревянному столбу. Сестру Таню за коммунистическую пропаганду нацисты живую закопали в землю. Дядю Костю бросили в железную клетку, где он голый мучился несколько суток и потом умер в мучениях. Двоюродного брата

Юры за попытку к бегству живого отдали на растерзание овчаркам. У двоюродной сестры Вали фашистский офицер отобрал грудного ребенка и на глазах матери разбил его головку о камни. Тетю Люсю, 26-летнюю женщину, отправили в фашистский лагерь Освенцим вместе с двумя детьми — 4-летней дочкой и 3-летним сыном. В лагере мать раслучили с детьми. Женщина сказала фашистскому офицеру: «Они больны, прошу вас, пусть останутся со мной». Фашист закричал: «Если больны, мы их полечим...» И на глазах у обезумевшей матери бросил раздетых детей на камни, растоптав кованными сапогами детские тела...

«Мы не только сами никогда не должны забывать этого, но и, как эстафету, передать память человеческой совести всем грядущим поколениям», — говорил я детям. Совместно решаем создать наш сельский пантеон — галерею портретов героев, павших за свободу и независимость Советской Родины. В конце 3 и начале 4 года обучения ребята побывали во всех семьях жителей села.

Матери передали нам фотокарточки героев, павших в боях, и мучеников фашистских лагерей смерти. Портреты, нарисованные с маленьких фотографий, мы поместили в «Комнате славы и скорби». Это будет начало пантеона, оформление которого постепенно закончат повые поколения школьников, — такую цель мы поставили перед собой. Это наш долг, мы должны выполнить его во имя того, чтобы на земле никогда не было войн, чтобы народы стали братьями, чтобы дети рождались для мира и счастья, а не для войны и гибели. Это наш долг перед народами всего мира, — мы не должны ничего ни забыть, ни простить во имя того, чтобы никогда не повторились ужасы фашизма.

Во время одного из туристических походов мы заночевали на высоком берегу Днепра. Несколько раз дети спускались к роднику в балке, чтобы набрать воды, и каждый раз им приходилось делать круг — обходить большую каменную глыбу, лежащую на тропинке.

«Почему лежит этот камень? — удивлялись дети. — Почему люди обходят его, не оттолкнув в кусты?» Из добрых побуждений они освободили тропинку — откатали камень. А утром к нам пришел старый рыбак. Спросил, где камень. Дети ожидали, что он похвалит их, но дедушка, покачив головой, сказал: «Этот камень лежит здесь много лет, здесь ему место...» — и рассказал о подвиге трех советских разведчиков. Переправившись через реку во время великой

битвы за Днепр, они залегли с автоматами под камнем и целые сутки вели неравный бой с захватчиками. Фашисты ввели в бой пушки и минометы, несколько часов гремели разрывы мин и снарядов, но камень оставался неприступной крепостью. Ночью переправились наши войска и выручили разведчиков. Солдаты лежали под камнем окровавленные, раненные пулями и осколками, но не сломленные. Разведчиков отправили в госпиталь за Днепр, и никто не знает их имен, только глыба гранита осталась как памятник подвигу героев. Дети пошли к камню, долго стояли перед ним. Выкатили камень из кустов, положили там, где он лежал. Только теперь заметили, что гранитная глыба иссечена пулями и осколками. В земле мы нашли много кусочков камня, и каждый ребенок взял на память маленький осколочек.

С того времени маршруты юных туристов всегда проходили мимо заветного камня. Как дубок на вершине кургана и «Сад Героев», серая гранитная глыба стала для детей символом красоты подвига, пробуждающего в юных сердцах высокие патриотические переживания.

От того, как относится человек в годы детства к героическому подвигу своих отцов и дедов, зависит его нравственный облик, отношение к общественным интересам, к труду на благо Родины. Я добивался того, чтобы сердце ребенка учащенно забилося при мысли, что на этом вот холмике, где мы сегодня трудимся, пролил свою кровь герой. Чувства утверждают убеждение: труд на родной земле для блага Родины — это великое счастье, за которое люди шли на смертный бой. В сокровенных уголках детского сердца пробуждается голос совести: ты идешь под ясным солнцем, смотришь на голубое небо только потому, что под тополями и березами, под дубами и яблонями лежат те, кто сохранил для тебя свет и жизнь.

Этот голос напоминает юным ленинцам, что они — будущие хозяева родной земли. Чувство хозяина материальных и духовных ценностей, созданных старшими поколениями, — корень гражданской зрелости. Мы с Олей думали, как воодушевить детей трудом во имя долга перед теми, кто отстоял для них яркое солнце и голубое небо. Однажды ребята пришли на свою ниву: надо было перепести несколько центнеров перегноя на маленький участок неплодородной почвы, чтобы заколосилась пшеница там, где никогда ничего не росло. Труд был нелегким и однообраз-

ным. Перед началом работы Оля рассказала детям о героическом подвиге украинского комсомольца Михаила Паникахо в грозные дни великой битвы на Волге.

19-летний юноша стоял в окопе, преграждавшем путь фашистским танкам. Вражеская машина шла на окоп. Войдя, она замахнулась, чтобы бросить бутылку с зажигательной смесью на танк. В это мгновение пуля разбила поднятую бутылку. Жидкость загорелась, огонь пополз по одежде к лицу. Живой факел, оставляя за собой хвост огня и дыма, поднялся над окопом, приблизился к танку. В руке Михаил держал последнюю бутылку. Вот он уже на броне вражеской машины. Удар бутылкой о башню — и танк запылал, завертелся. В последнюю минуту, перед тем как танк взорвался, Михаил встал во весь рост, поднял руку, охваченную пламенем, и закричал. Бойцы слышали призыв к бою, вырвались из окопов, смели врага, захватили улицу.

Рассказ потряс детей. Герой в эти мгновения стоит рядом с ними, живой и вечный, но как будто говорит: «Я отдал свою жизнь за такой же клочок нашей священной земли. Разве можно быть безразличным к тому, что будет расти на ней — чертополох или пшеница?» В каждом сердце в это мгновение заговорил голос совести: нельзя быть безразличным.

Я далек от мысли, что каждый раз перед тем, как работать, ребятам надо рассказывать о героических подвигах. Нельзя внушать ребенку мысль: если ты поленился, что-то не сделал так, как надо, ты плохо выполняешь свой долг перед Родиной. Чувство долга — священное чувство, и ребенок должен бережно хранить его в своем сердце. В то же время важно, чтобы героический подвиг учил жить, пробуждал в детском сознании первые гражданские убеждения. Я посоветовал Оле рассказать только о подвиге Михаила Паникахо, без всякой связи с предстоящим трудом, без назидания, чтобы ребенок увидел маленький клочок родной земли как гражданни.

ДЕТИ ВСТУПАЮТ В ОРГАНИЗАЦИЮ ЮНЫХ ЛЕНИНЦЕВ

Весной 1955 г., незадолго до окончания 3 класса, дети вступили в пионерскую организацию им. В. И. Ленина. Комитет комсомола назначил Олю вожатой. Она училась в 8 классе.

Торжественный сбор пионерской дружины им. Зои Космодемьянской был по традиции проведен в день рождения В. И. Ленина — 22 апреля. Задолго до этого дня Оля вместе со своими товарищами стала готовить детей к поступлению в пионеры. Восьмиклассники рассказывали детям о героической истории Ленинской партии, комсомола и пионерской организации.

«Пусть имя того, чьи подвиги вас больше всего воодушевляют, носит ваш пионерский отряд», — сказала Оля ребятам, и дети единодушно решили: наш отряд будет носить имя Михаила Паникахо — героя Сталинградской битвы. Девиз нашего отряда: «Бороться и побеждать — как Ленин», символ — дубовые листья и желуди, что означает нашу борьбу за обогащение родной природы.

На пионерский сбор пришли не только ученики, но и родители, участники Великой Октябрьской социалистической революции, ветераны партизанского движения и гражданской войны, первые комсомольцы, создавшие в селе организацию юных коммунистов в 1919 г.

Сбор проводили на большой зеленой лужайке. Друг против друга выстроились пионерский отряд восьмиклассников и учащиеся 3 класса — будущие юные ленинцы. Председатель совета отряда 8 класса сказал, что сегодня их отряд прекращает свою деятельность и передает эстафету юных ленинцев третьеклассникам.

Наступила торжественная минута передачи красных галстуков. По традиции, сложившейся в школе, пионерский отряд, прекращающий свою деятельность, передаст красные галстуки октябрятам, поступающим в пионеры. И вот мальчики и девочки снимают свои пионерские галстуки и повязывают их юным друзьям. Каждый ученик передал галстук тому малышу, с кем он сдружился. Среди учащихся 8 и 3 классов были братья и сестры — старшие передавали галстуки младшим как самую дорогую семейную реликвию. Приняв красные галстуки, дети произнесли торжественное обещание юного ленинца. Они дали клятву быть такими же стойкими и мужественными патриотами, как Михаил Паникахо, выполнять девиз «Бороться и побеждать — как Ленин». На память о поступлении в пионеры каждый ребенок получил подарок — книгу о жизни и борьбе выдающегося человека.

Этот сбор навсегда остался в сердцах моих воспитанников. В торжественном обряде приема в пионеры самое

главное то, что красный галстук передается от поколения к поколению юных ленинцев. Красный галстук — символ революционной борьбы — не покупается и не продается в магазине, он вручается и бережно хранится. Его носят не повседневно, а лишь в дни праздников, торжеств, пионерских сборов — это традиция нашей пионерской дружины.

БОРОТЬСЯ И ПОБЕЖДАТЬ — КАК ЛЕНИН

В. И. Ленин учил: борьба за коммунизм — в каждом будничном деле, в обычном повседневном труде¹⁵. Мы с Олей думали, как добиться, чтобы дети близко к сердцу принимали все, что происходит вокруг них, чтобы ребенка волновала судьба материальных ценностей, принадлежащих народу. Оля организовала в отряде группу юных защитников природы. Ребята взяли под наблюдение ползающую лесополосу, расположенную недалеко от школы. Прошли вдоль полосы и увидели: кто-то внизу обрезал кору на нескольких деревьях — ясно, хочет, чтобы деревья засохли, тогда будет основание срубить их: деревья-то сухие, зачем же им стоять? Дети возмущены: как же это получается — мы сажаем и выращиваем деревья, а кто-то уничтожает? Надо узнать, кто это сделал.

С этого дня начались пионерские рейды юных защитников природы. Вечером пионеры отправлялись в ползающую лесополосу, ожидали непрошенных гостей. Через несколько дней виновники были пойманы с поличным — два колхозника пришли с пилой, чтобы срезать деревья. О людях, уничтожавших деревья, дети сообщили правлению колхоза. Преступников заставили посадить по 10 деревьев вместо каждого уничтоженного. Ребята радовались: правда торжествует. Это неременное условие полноценного нравственного воспитания. Борьба за коммунистические идеалы тогда становится источником благородства, когда юный ленинец видит торжество справедливости. Победа воодушевляет, рождает новые силы, необходимые для преодоления новых трудностей.

Юных защитников природы увлекла интересная игра, в основе которой была борьба за красоту и трудолюбие. Во время одного из пионерских рейдов они увидели, что во дворах отдельных колхозников растут сорняки. Дети принесли этим колхозникам саженцы яблонь, предложили

уничтожить сорняки и посадить плодовые деревья. Написалось трое нерадивых, которым было лень сделать это. Пионеры написали «Сигнальные листки юных защитников природы», содержащие в себе обращение к нерадивым людям: «Нам, юным защитникам природы, очень тяжело смотреть, что у вас во дворе питомник сорняков. В зарослях чертополоха, наверное, скоро заведутся волки. Как вы живете в этом «лесу»? Просим вас: уничтожьте сорняки, посадите яблони и виноград, разведите цветы. Вот мы прикопали у вас возле дома 5 саженцев и 3 куста винограда. Деревья надо посадить завтра. Посадить и хорошо поливать. А если вам лень это сделать — мы придем, выкопаем ямы, уничтожим сорняки и посадим деревья. Будет сад, но только не ваш, а наш, пионерский».

«Сигнальные листки» вручили оригинальным способом: опустили в открытые форточки, положили на стол. А вечером, чтобы никто не видел, прикопали саженцы. Во всем этом была игра, импонирующая детям. С нетерпением ожидали следующего дня: что будут делать нерадивые люди? Прошли по улицам после уроков и не узнали пустырей: там, где росли сорняки, были посажены деревца... Весть о пионерской группе юных защитников природы быстро разнеслась по школе. Наш отряд стал организатором группы юных защитников природы пионерской дружины. Правление колхоза обратилось к старшим пионерам с просьбой взять под защиту насаждения тутовника: отдельные колхозники безжалостно ломали ветви. Пионеры провели несколько рейдов, и поломки прекратились.

Летом отряд взял обязательство заготовить 20 кг отборных семян пшеницы для опытного сортоиспытательного участка. Дети отобрали самые лучшие колосья, нашли в одном из школьных помещений сухое место для их хранения зимой, а весной обмолотили и зерно передали агроному. В этот труд было вложено столько тревог и волнений, что когда начался сев пшеницы, дети (они учились тогда уже в 4 классе) пошли в поле, чтобы собственными глазами увидеть, как посеют их семена. Появились всходы — и снова ребят потянуло в поле. Во время жатвы пионеры решили помочь старшеклассникам в уборке урожая. Я с радостью видел, как, отдав частицу своих сил для людей, дети становились более восприимчивыми ко всему, что происходит в окружающем мире. Вот мы идем с поля, ребята радостно взволнованы: наши семена хорошо взо-

шли. Проходим мимо колхозного сада и видим: на маленькой яблоньке — гусеницы. Детские сердца встревожены. Пионеры не думают в эти мгновения о своем долге перед обществом, нет, они не могут равнодушно пройти мимо живого существа, которому угрожает гибель. Ребята идут в сад, уничтожают гусениц, спасают яблоньку, осматривают соседние деревца: нет ли и на них вредителей?

Чувство хозяина родной земли — важнейшее патриотическое чувство, которое нам надо утверждать в юных сердцах. Настоящим патриотом станет тот, для кого в годы детства, отрочества и ранней юности судьба каждого колоска на общественной ниве, каждого деревца в общественном саду, каждой горсти зерна на колхозном току так же дорога, как все глубоко личное, доставляющее радость: игрушка, подаренная матерью или отцом, любимая книжка с картинками, коньки и лыжи... Общественное станет для ребенка глубоко личным лишь тогда, когда он вложит частицу своей души в труд, создающий что-то для людей, когда материальные ценности, созданные своими руками, принесут глубоко личную радость, когда путь к этой радости идет через тревоги, заботы и неудачи. Меня никогда не оставляла забота об источнике детских переживаний и огорчений. Что ребенок принимает близко к сердцу: только ли то, что связано с его личным благополучием, или же и то, что затрагивает интересы других людей? Ответ на этот вопрос всегда был для меня мериллом нравственных достоинств детей. Мне доставляло большую радость: Коля или Валя огорчались, увидев, что ливень согнул стебли пшеницы на учебно-опытном участке. До тех пор, пока ребенок не пережил такой беды, не переволновался и не перестрадал, воспитатель не может оставаться спокойным, потому что его воспитанник может войти в жизнь равнодушным наблюдателем.

Эгоисты и себялюбцы как раз и вырастают из тех, кто прожил детство без забот о людях, кто был лишь потребителем радостей. Я с тревогой видел, что эта опасность угрожает моим воспитанникам Володе и Славе. В семьях делалось все для того, чтобы вдоволь «накормить» этих мальчишек радостями. Детей огорчало лишь то, что родители не купили им чего-то нового, хорошего. Этим эгоистическим тревогам надо было противопоставить заботы и огорчения другого рода — беспокойство о материальных и духовных ценностях для людей.

В знойные летние дни я увидел, что липка, которую мы посадили еще в «Школе радости», стала засыхать. «Нашему другу не хватает влаги», — сказал я Володе и Славе. Повел ребят в сад, пообещав показать что-то интересное, и обратил внимание на засыхающее от жары деревцо. «Липка ждет от нас помощи, и мы можем помочь ей, если захотим, — говорю детям. — Дерево этой породы, особенно молодое, любит влажный воздух, сырость, прохладную тень. Вот и давайте, ребята, поможем нашему другу. Проведем сюда от водопровода тоненькую трубку (это недалеко), направим ее на липку, устроим дождь — дерево будет постоянно чувствовать прохладу». Вначале мальчики равнодушно отнеслись к моим словам, но когда я рассказал об искусственном дожде, в их глазах вспыхнул огонек любопытства. Труд показался детям интересной игрой, а разве есть ребенок, которому бы не хотелось поиграть? И мальчики стали играть. Мы провели к дереву трубку, вставили распыскиватель, и над липкой появилось еле заметное облачко из маленьких капелек. В знойный полдень малыши «включали» дождь, а перед вечером «выключали». Постепенно ребятами овладело чувство беспокойства за судьбу деревца: как оно чувствует себя под дождем? Дети обрадовались, заметив, что липка выпрямила ветви, на которых появились новые нежные листочки. Так в жизни малышей появился интерес, не связанный с личным благополучием.

Но это было лишь начало. Как ювелир оттачивает алмаз, присматриваясь к каждой грани, думая, где прикоснуться к драгоценному камню, чтобы получился бриллиант, так и воспитателю приходится думать, как подступиться к самым сокровенным уголкам детского сердца. Несколько раз мы ходили с Володией в лес, чтобы пайти и собрать самые крупные плоды шиповника, затем высеяли семена, поливали зеленые ростки. Когда можно было проводить прививку, мы нашли почки белой розы и привили ее к шиповнику. Это был не просто труд, а осторожное прикосновение к детскому сердцу. Постепенно я добился того, что источником радостей и огорчений для мальчика стал окружающий мир, а не только личное благополучие.

Много внимания пришлось уделить и Славе. Вместе с Олей мальчик выходил на животноводческой ферме большого ягненка. Вначале забота о живом существе напоминала детскую игру, затем она развилась в увлечение тру-

дом, и постепенно Володя стал трудолюбивым юным животноводом. Никогда не забуду, как в холодный зимний день он пришел ко мне со слезами на глазах. Мальчик жаловался: его любимая телочка любит зеленые стебли овса, а в теплице выращивают только ячмень. Как же ему идти теперь на ферму? Начали выращивать и овес...

Заботы о том, что не связано непосредственно с личными потребностями, — прекрасное лекарство от детского эгоизма. Если у ребенка появляется личный интерес, выражающийся в беспокойстве об общественном благе, в его сердце никогда не приживутся ростки того порока, который можно назвать жалостью к самому себе. Это эгоистическое чувство охватывает душу детей, в жизни которых радости и горести вращаются только вокруг собственного Я.

ЗВЕНО «СМЕЛЫХ И БЕССТРАШНЫХ»

Пришла та пора физического и духовного развития моих воспитанников, когда детская энергия стала неудержимо рваться наружу, выливаясь в странные, ничем не объяснимые с первого взгляда, поступки. На моих глазах происходил какой-то скачок: застенчивые становились отчаянными, робкие — смелыми и решительными.

Однажды мы пошли в поле посмотреть, как колхозники и старшие школьники складывают в скирды солому. Мальчиков и девочек заинтересовало, как тракторист, прикрепив к своей машине толстую проволоку, тянет на высокий стог целую копну соломы. Проволока натягивается, поднимаясь вверх метров на 15. От скирды мы направились к комбайну. И вот издали я вижу: кто-то из мальчиков, схватившись руками за проволоку, поднимается все выше и выше. Посмотрел — нет Шуры. Да, это он висит на 15-метровой высоте. Дети увидели Шуру, побежали к скирде, кричат от радости, каждому захотелось, наверное, испытать наслаждение подъема на головокружительную высоту. Я же дождался, когда Шура съехал, как на салазках, со скирды. Не знал, что делать — радоваться счастливому завершению необычного путешествия или поскорее увести детей отсюда.

С трудом удалось успокоить детей и удержать от такого же путешествия. Но я видел, что они очень недовольны моей осторожностью. Чувство подсказало: надо сделать

путешествие безопасным, а не запрещать. Под проволоку мы наложили соломы, и вот один за другим мальчики, а потом и девочки совершают путешествия.

В те годы у нас еще не было постоянного источника электрического тока, и для зарядки аккумуляторов старшеклассники построили ветроэлектростанцию. Ветродвигатель был установлен на 12-метровой вышке. На вершине вышки — ровная деревянная площадка с маленьким люком, через который добирался электромонтер к двигателю. Однажды во время сильного ветра дети запускали бумажного змея. Каждый стремился запустить змея как можно выше. Ваня сказал: «Мой змей полетит выше всех». Мальчик забрался на вышку, склонился на деревянный заборчик, ограждавший площадку, и стал распускать шворку. С ужасом я увидел, что крышка люка, отодвинутая Ваней в сторону, сползла на край площадки и упала на землю. Ребенок бегал вокруг открытого люка, ничего не видя под ногами. Его глаза были прикованы к змею. Только благодаря случайности не произошло несчастья.

Высота неудержимо влечет к себе детей; сладостное ощущение высоты дает детям огромную радость, у нас же, воспитателей, эти детские порывы вызывают столько тревог. Почти все поступки ребят, доставившие мне много волнений, связаны с притягательной силой высоты...

Недалеко от школы стояла старая церковь. 20-метровое здание колокольни увенчивал круглый покатый купол. Как-то в весенний солнечный день, взглянув на купол, я увидел рядом с крестом 3 детские фигурки. Узнал Сережу, Колю, Шуру. У меня замерло сердце. Дети заметили меня и стали прятаться, перебегая от одного края купола к другому. Звать ребят было немислимо. Это принесло бы только вред. Я пошел в школу, попросил учителей тихонько вывести всех детей — кого на экскурсию в лес, кого на прогулку в поле, старших — отпустить домой, — одним словом, сделать так, чтобы никто не обратил внимания на детей и не поднял тревоги. А сам пошел в мастерскую, откуда было хорошо видно колокольню, и сел у окна, обхватив голову руками. Может быть, затеяв игру возле скирды соломы, я разжег у детей стремление испытать наслаждение высотой? Потом я видел, как ребята слезили с церковного купола по старым, поржавевшим трубам, которые местами еле держались...

После летнего ливня под мостом через пруд образовался водопад. В школу пришла старая колхозница и сказала: идите посмотрите, что ваши дети делают. Я пошел к пруду. На плотине ничего не увидел, а из-под моста услышал детский визг. Толя и Витя, привязав длинные веревки к перилам моста, устроили качели: раскачиваясь над бурным водопадом, визжали от радости...

Петрик, Витя и Коля откуда-то притащили на высокий берег пруда небольшую деревянную бочку с наполовину выбитым дном. Один из мальчиков — строго по очереди, никому не хотелось уступить очередь товарищу — залезал в бочку, два других, легонько подтолкнув ее, пускали вниз по склону. Бочка катилась к пруду, останавливалась в нескольких метрах от воды. До сих пор не пойму, как могло обойтись в этом развлечении без несчастия. Счастливый исход в таких случаях возможен, наверное, только у детей.

Во время прогулки в лес мы паблюдали труд лесорубов, заготавливающих строительный материал для колхоза. Дети не могли оторвать взгляда от того, как спиленное дерево падает на землю. Уходя домой, ребята не заметили, что Шура и Данько отстали. Мы уже отдыхали на поляне, когда к нам пришел старик-лесоруб и привел с собой мальчиков. Старик рассказал, что Шура и Данько пытались взобраться на дерево, чтобы потом, когда оно будет падать, слететь на его ветвях вниз.

Все эти события произошли в течение каких-нибудь 6 месяцев в 3 и 4 классах. Я чувствовал, что удержать детей от таких поступков, заботиться о том, как бы не случилось несчастия, — это не выход. Бурный поток детской энергии требует не просто активной деятельности. Ребенку хочется утвердить свое бесстрашие перед лицом опасности. Жажда смелых поступков — свидетельство того, что в жизни моих воспитанников стучится романтика мужества. Надо направить энергию детей в правильное русло.

Читатель заметил, что поступки, кажущиеся с первого взгляда безрассудными, совершали главным образом мальчики. Не было ни одного мальчика, который бы не вызвал у меня раздумий. Даже Данько, которого я считал нерешительным и боязливым, позднее осенью 1955 г. удивил меня. По очень тонкому льду он перешел через пруд. Чтобы уменьшить опасность пролома льда, мальчик положил на лед сумку с книгами и толкал ее перед собой. Лед трещал, гнулся, над самым глубоким местом покрылся водой,

по каким-то чудом не проломился, мальчпк благополучно добрался в школу. Вслед за ним попробовали перейти через лед два 3-классника — под ними лед провалился, к счастью, у самого берега.

Оберегать от несчастных случаев? Это, конечно, очень важно, но не только в этом дело. Надо также идти навстречу опасности, преодолевать ее.

И вот у нас возникло звено «Смелых и бесстрашных». В него вошли все мальчики, а через некоторое время к ним присоединились и отдельные девочки. Я придумывал игры и развлечения, требовавшие силы воли, смелости, бесстрашия. На берегу пруда мы нашли высокий обрыв. Обследовали дно, оно оказалось безопасным. В знойный июльский день ребята пришли сюда покупаться. Я показал, как прыгать с обрыва и управлять собой в полете. Сразу же за мной в воду прыгнули Шура, Сережа, Коля, Витя и Федя. На второй день на первый прыжок отважились Юра, Костя и Петрик. На третий день — Толя, Миша, Сашко, Ваня. Осталось четверо нерешительных мальчиков — Павло, Володя, Данько и Слава.

Товарищи подтрунивали над ними. Внезу купались девочки, они тоже стали подзадоривать мальчиков. К нам на вершину обрыва пришла Тина. Ей тоже хотелось прыгнуть. Она прыгнула, прыжок был красивым. Ее примеру последовали Лариса и Варя. Мальчикам стало стыдно. В конце концов преодолели свою боязнь Павло, Данько и Слава.

Один Володя никак не мог решиться. Я видел, что мальчик переживает свой страх, но в то же время никак не может переступить черту, за которой перед человеком открывается гордость за мужественный поступок. Пришлось поискать для Володи обрыв пониже. Он прыгал там вместе с девочками, но на прыжок с высокого обрыва так и не отважился. С ним потом пришлось долго повозиться, побуждая на смелые поступки. Когда дети весной развешивали скворечники, мне удалось уговорить Володю полезть на высокое дерево. Это была первая победа мальчика над страхом. Ребята рассказали мне по секрету, что Володя один пошел к обрыву, разделся, долго сидел, несколько раз делал разбег, но прыгнуть все-таки побоялся.

Вслед за первыми тремя наиболее смелыми девочками с высокого обрыва прыгнула Валя. Никто не ожидал от нее этого. У Володи поступок Вали вызвал смятение. Маль-

чик зажмурил глаза и прыгнул в воду. После Вали на прыжок отважились Нина, Галя, Люся, Зина, Катя и Саша. За ними стали прыгать все девочки. Я убедился, что у девочек значительно больше волевых сил, чем у мальчиков, они с большим мужеством умеют преодолевать страх и нерешительность и не так бурно, как мальчики, выражают свою радость после того, как удалось заставить себя совершить мужественный поступок.

Когда после окончания 3 класса мы отдыхали на лоне природы, дети придумали игру в полярников. По условиям игры, на глухом, заросшем кустарником островке — на льдине, окруженной со всех сторон водой, — находились потерпевшие кораблекрушение полярники, у нас — «Большая земля». Надо было переправить «пострадавшим» продовольствие — хлеб, картофель. Между «льдиной» и «Большой землей» — небольшое озеро. По условиям игры переправлять продовольствие приходилось в суровую полярную ночь.

И вот из звена «Смелых и бесстрашных» вызываются охотники. Детям страшновато: говорят, на острове когда-то видели волчью пору. Но Шура и Сережа отважились на ночную переправу. На толстую сосновую доску привязываем узел с хлебом, картофелем, спичками, салом. Опускаем в воду две надутые резиновые камеры — по игре это катера. Заходит солнце, озеро и островок покрываются туманом, появляются звезды. Мальчики раздеваются, привязывают одежду к доске, тихонько отплывают. Через минуту их уже не видно, несколько минут слышится слабый плеск, потом и он умолкает. Все звено «Смелых и бесстрашных» сидит на берегу, вместе с нами — маленькая собачка Травка... Проходит час, ночь становится непроглядно темной, не видно ни острова, ни озерца. Вдруг в темноте вспыхивает слабый огонек: это юные полярники, добравшись до «пострадавших», подают сигнал: можно отправляться следующей паре катеров.

Опять привязываем к доске хлеб, картофель, сало и лук, опускаем автомобильные камеры. Раздеваются Витя и Юра. Кто-то из девочек рассказывает: в старину в этом озере жили большие щуки, может быть и сейчас они водятся здесь... Рассказ явно рассчитан на то, что Витя и Юра испугаются. Ребятам, конечно, страшно лезть в черную воду, но теперь они ни за что не откажутся от переправы. В то мгновение, когда Юра и Витя опустили ноги

в теплую воду, впереди послышался всплеск. Это, конечно, играет рыба, но мальчики не забыли рассказа о щуках. Проходит еще час, на острове вспыхивает второй огонек, и сразу же оба огонька гаснут — знак, что обе пары «юных полярников» соединились. Мы ложимся спать, но уснуть никто не может.

На острове вспыхивает костер: мальчики будут коротать ночь, до рассвета не сомкнут глаз. Сбившись в тесную кучку, они с нетерпением посматривают на восток: скоро ли начнет светлеть небо? А завтра, как только на верхушках деревьев заиграют первые золотые лучи солнца, ребята поплывут обратно. Им будут завидовать те, кто еще не испытал радости преодоления страха. А они, победившие страх, будут отвечать сдержанно, как подобает мужчинам: «Это вовсе не страшно».

В таинственную ночную переправу мы снаряжаем по очереди всех мальчиков, отправляется и Володя. В самом разгаре игры просятся и девочки: почему мальчикам можно, а нам нельзя? Я ожидал этой просьбы. Вместе с Колей переплывает озеро Тина, вместе с Толей — Варя. Мальчики нашли на острове сухое сено, постелили для девочек постель.

Ночь, тишина, уединенность — все это влечет детей, во всем этом они видят романтику преодоления трудностей. Дети придумали еще одну интересную игру — в геологов. В глубине леса, в непроходимой чаще, километрах в 5 от опушки, девочки соорудили шалаш и расположились в нем еще днем — это главная база геологоразведочной партии. По условиям игры группа геологов, мальчики, в глухую ночь через тайгу добирается к главной базе... За плечами геологов рюкзаки с образцами минералов. Когда на дворе стемнело, ребята выходят из школы, через час добираются к опушке леса. В темноте надо точно определить направление, кроме того, надо переправиться через бурную таежную реку и через горный хребет. Девочкам же запрещается подавать какие-либо сигналы. Переход через лес длится часа два. К главной базе мальчики добираются после полуночи усталые, но радостные и возбужденные.

В августе во время большого ливня от колхозного стада отбилось 14 телят. Животные убежали куда-то в заливные луга. Взрослые долго искали телят, но не могли найти. «Давайте поищем мы», — предложили мне Шура и Витя. И вот 9 человек из звена «Смелых и бесстрашных» —

6 мальчиков и 3 девочки — отправились со мной на поиски. Взяли запас продуктов, палатку, компас, 2 автомобильные камеры для переправы через озеро. У детей было приподнятое настроение. Мы обследовали заливные луга участок за участком; в отдельных местах приходилось разделяться на группы по 2—3 человека. Через 4 дня нашли 11 телят, они паслись на лесной поляне. Остальные телята, наверное, погибли, попав в бурный поток, образовавшийся во время ливня. Дни поисков навсегда сохранились в памяти детей. Особенно запомнились они Гале, Люсе и Сане — девочки боялись темноты, лягушек, ужей. А тут пришлось встретиться и с лисой, и с филином.

Летом, после окончания 4 класса, мы играли в альпинистов. С обрыва спустили в глубокий овраг веревочную лестницу, предварительно закрепив ее. Внизу — наш высокогорный лагерь, мы — альпинисты. Задача заключалась в том, чтобы по лестнице вскарабкаться на почти отвесную стену, влезть на обрыв, потом опять спуститься в овраг. Многие мальчики уже не боялись высоты, но и им вначале было страшновато. Первым добрался до вершины и спустился обратно Витя, за ним Шура и Сережа. Юра возвратился с полпути. Пришлось искать менее крутой обрыв, там мы играли несколько дней. Девочки соревновались с мальчиками. Наиболее смелыми и бесстрашными оказались Тина, Ларпса и Костя. Они подтрунивали над Володей и Славой — у этих мальчиков на 3 метровой высоте начинала кружиться голова. В конце концов все мальчики и девочки преодолели обрыв.

Дети, проявившие смелость и бесстрашие, переживают глубокое чувство радости. Смелость и мужество — эти нравственные и волевые черты необходимы каждому человеку не только в исключительных обстоятельствах, но и в повседневной жизни, в труде.

Чем меньше оставалось до окончания начальной школы, тем больше меня тревожила мысль: дети скоро станут подростками. Их уже волнуют мысли о самих себе, мальчики и девочки задумываются: «Какой я? Что во мне хорошего и что плохого? Что думаю обо мне товарищи?»

Приближается подростковый возраст — пора самовоспитания. Задумываясь над будущим, когда важнейшей воспитательной силой станут воля и настойчивость ребят, я стремился уже сейчас, в годы детства, пробудить интерес

к самовоспитанию. У каждого ребенка был режим труда и отдыха. Дети вставали в 6 часов утра, делали утреннюю гимнастику, обливали тело холодной водой, завтракали и принимались за уроки. До ухода в школу не меньше часа каждый работал над книгой. Я стремился к тому, чтобы постоянное соблюдение режима стало предметом самовоспитания. С трудом удавалось заставить себя рано подниматься Володе и Славе. Родителям было жаль будить детей, не могли они заставить их и рано ложиться спать. Я беседовал не только с мальчиками, но и с родителями. Славу удалось увлечь перспективой самовоспитания. Мальчик научился приказывать себе. А с Володей пока не удавалось сделать этого. Семья воспитывала в нем разнеженность.

МЫ ПРОЩАЕМСЯ С ЛЕТОМ

После окончания 4 класса все мои дети — 16 мальчиков и 15 девочек — перешли в 5 класс. 12 учеников по всем предметам получили отличные оценки, педагогический совет наградил их похвальными грамотами. 13 человек имели хорошие и отличные отметки. У 6 ребят были и «3», и «4», и «5».

Самым главным успехом своей воспитательной работы я считал то, что дети прошли школу человечности, научились чувствовать человека, близко принимать к сердцу его радости и горести, жить среди людей, любить свою Родину и ненавидеть ее врагов. Они поняли преобразующую роль труда, прекрасно овладели родной речью, научились 5 вещам: наблюдать, думать, читать, писать, передавать мысль словом. Я убедился, что научить читать и писать детей можно до 7-летнего возраста, то есть по существу до обучения в 1 классе. Если эта цель достигнута, духовные силы ребенка освобождаются для мысли и творчества.

Не менее важным я считал то, что дети были нравственно и духовно подготовлены к вступлению в трудный возраст — в годы отрочества. В начальных классах я думал о той поре, когда ребята приблизятся к невидимой полосе, отделяющей детство от подросткового возраста. Кто уже вступил в эту полосу. Трудности отрочества по существу начались уже в 4 классе.

...В тихий августовский вечер мы пришли в свой Уголок красоты попрощаться с летом.

Последние лучи солнца играют на верхушках деревьев; на яблоне, которую мы посадили 4 года назад, созревают яблоки. Шмель летает над виноградными гроздьями, с поля доносится гул трактора. Девочки принесли пшеничный сноп, вплели в колосья гроздь ягод калины. Мы поем песню о тихом летнем вечере. Песня умолкла, дети смотрят на вечернее небо. Музыка природы, воспоминания о лете, с которым мы сегодня прощаемся,— все это находит отзвук в детском сердце. Окружающий мир — вечернее небо, алая заря, янтарные яблоки, виноградные гроздья, зеленая стена хмеля, белые цветы хризантем, жуужканье шмеля — весь мир предстает перед нами как чудесная арфа, дети прикасаются к ее струнам, и звучит волшебная музыка, музыка слова. Это — музыка радости и грусти. Я тоже радовался и грустил. Вот вы уже подростки, ребята, что ожидает вас впереди? Я буду с вами каждый день, буду вести вас к ранней юности и зрелости. Пять лет я вел вас за руку, отдавал вам свое сердце. Были минуты, когда оно уставало. Когда в нем исчерпывались силы, я спешил к вам, дети. Веселое щебетанье вливало новые силы в мое сердце, улыбки рождали новую энергию, ваш пытливый взор будил мою мысль... В своей мечте я вижу вас взрослыми людьми, мои дорогие дети. Каждого из вас я вижу мужественным советским патриотом, человеком с честным и горячим сердцем, ясным умом, золотыми руками.

**РОЖДЕНИЕ
ГРАЖДАНИНА**

ЧТО ПРОИСХОДИТ С РЕБЕНКОМ В ОТРОЧЕСТВЕ

«СЛОВНО КТО НОВУЮ ДУШУ ВДОХНУЛ В МАЛЬЧИКА...»

Подростки... Сколько тревог переживают матери и педагоги, произнося это слово! Сколько книг написано о таинственной душе подростка, сколько диссертаций об отрочестве стоит на библиотечных полках!

Я прислушивался к тревогам и заботам учителей, присматривался к тем подросткам, которых знал маленькими детьми. Читал и перечитывал книги о подростках. С годами в моей библиотеке накопились десятки тетрадей и блокнотов; каждый из них был своеобразной летописью жизни маленького гражданина, его судьбы,— от первых дней пребывания в школе до зрелости, часто до того волнующего дня, когда тот, кто был озорником, сорвиголовой, приводит в школу сына или дочку и говорит: «Принимайте, это я в ипой форме... А содержание, наверное, то же самое».

Более всего заботили и волновали проблемы духовной жизни человека в период отрочества. Многолетние наблюдения над жизнью и работой школьных коллективов приводили к выводу: в подростковом возрасте совершаются настолько глубокие изменения в духовной жизни человека, что много фактов его познания, умственного труда, поведения, взаимоотношений с товарищами, эмоционального, эстетического и морального развития кажутся воспитателю непостижимыми и таинственными. Опытные педагоги нередко жалуются: трудно работать с подростками; что-то таинственное, непонятное происходит с ними.

В третьем-четвертом классах мальчик — лучшего не пужно: спокойный, уравновешенный, внимательный, предупредительный, чуткий, способный переживать высокие, благородные чувства, доступные человеку в этом возрасте; а уже в пятом, особенно в шестом-седьмом классах — ка-

жется, это уже не он: своевольный, невыдержанный, нередко грубый и дерзкий, болезненно самолюбивый, нетерпимый как к требованиям учителя, так и к слабостям товарищей, резкий и прямолинейный в суждениях об окружающем мире, особенно о поведении старших.

Порой в глаза бросается вот что: чувства, которые волнуют душу в детстве, со временем будто совсем не могут овладеть ею. Если прежде, бывало, горе близкого или незнакомого человека вызывало в детском сердце глубокие переживания, то подросток иногда может и не заметить людского горя.

«Словно кто новую душу вдохнул в мальчика,— рассказывает на заседании педагогического совета классный руководитель шестиклассника Виталия. (А я слушаю и думаю: «Неужели через два-три года такими станут Витя Безверхий или Володя Бескровный? Ведь в третьем-четвертом классах Виталий был образцовым в учении и поведении.) — А теперь,— продолжает свой рассказ классный руководитель,— закончилась четверть... Провожу родительское собрание, говорю об успеваемости. Решил рассказать о недисциплинированности Виталия. Думал: присутствие родителей повлияет на мальчика. Рассказываю, а одним глазом смотрю на Виталия. Сидит неподвижно, ни черточки тревоги или раскаяния. Вдруг вижу: раскрывает учебник по моему предмету, берет карандаш и что-то рисует на титульном листе. В глазах — огоньки злорадства. А сидит он на последней парте, никто не видит, что он делает. У меня в груди запекло. Что делать? Знаю, нельзя тут, перед родителями, начинать разговор об этой новой выходке. Боюсь, вспыхнет парнишка. Чувствую, он только и ждет моего обращения к нему. Это он специально портит учебник по моему предмету... чтобы досадить мне. Перевожу разговор на другое, а в памяти всплывает конфликт, который произошел с ним же, Виталием, несколько дней назад.

Была политинформация. Комсомолка-десятиклассница рассказывала о жизни в нашей стране и за рубежом. Речь зашла о самоотверженном труде колхозниц соседнего колхоза. Женщины вырастили высокий урожай сахарной свеклы. Честь и слава людям, которые работают по-коммунистически! Виталий поднял руку:

— Хочу сказать слово.

— Говори,— разрешил я.

— Моя мама месяц сидела на земле, очищая свеклу, — взволнованно произнес Виталий. — Заболела, теперь в больнице лежит. Почему тяжелую работу дают женщинам?

— Ты думаешь, о чем говоришь? — рассердился я. — Какой же ты пионер?

— А какой же вы учитель? — тихо, дрожащим голосом сказал Виталий. — Разве можно человеку месяц целый сидеть на сырой земле? Вы же учите бороться за правду.

Ошеломили меня эти слова Виталия, — закончил свой рассказ классный руководитель. — Что это — демагогия или жажда истины? Может, мы слишком много даем нашим подросткам и мало требуем от них? Может, в наше время душа человека, перед которой открывается мир, отличается какими-то особенностями, неизвестными нам? Может, подросткам открываются некоторые грани мира не такими, как открываются они нам. Что делать, чтобы отдельные недостатки нашей жизни не воспринимались так болезненно?»

Был горячий, откровенный разговор, в котором родилась истина, взволновавшая весь наш педагогический коллектив: да, мы иногда забываем о некоторых вещах; часто мы не стремимся смотреть на мир глазами тех, кого мы воспитываем; бывает, допускаем удивительную и непростительную противоречивость — учим своих воспитанников быть правдивыми, говорить правду и только правду и одновременно пытаемся погасить горячий порыв молодой души, вызванный непримиримостью к несправедливости. Подросток в отличие от ребенка начинает обобщать как добро, так и зло; в отдельных фактах он видит явление; и от того, какие мысли, настроения порождает в его душе это явление, зависят его убеждения, взгляды на мир, мысли о людях. Да, годы отрочества и отличаются от детства тем, что человек в этом возрасте видит, чувствует, переживает не так, как видел, чувствовал и переживал в детские годы.

Я много думал: чем отличается видение мира подростком от видения мира ребенком? Пытался поставить себя на место своих воспитанников. Вел педагогические наблюдения, записывая в отдельную тетрадь. В ней был специальный раздел «Я — глазами подростка». Мысленно я поставил себя на место того же Виталия, рассматривал, оценивал свои поступки с его точки зрения; пытался убедить себя, что я — это какой-то человек, с которым мой внима-

тальный, пылливый, уравновешенный, требовательный воспитанник — этот невыдержанный, своевольный, наглый подросток — встречается словно бы впервые.

Теперь, когда прошло много лет, перечитывая этот необычный дневник, я вновь переживаю то самое чувство удивления, которое переживал тогда. Удивительная, непонятная вещь: мой требовательный, наглый, непокорный, резкий и прямолинейный в суждениях подросток замечал во мне недостатков в сто раз больше, чем мог даже подумать о себе я. Не могу удержаться, чтобы не привести несколько записей из этого документа, который, возможно, вызовет у некоторых моих коллег-педагогов снисходительную улыбку.

1. «Учитель мой страдает «толстокожестью» при восприятии явлений окружающего мира. На его глазах мальчик обидел девочку. Он смотрит на обидчика спокойно, равнодушно. Он говорит девочке: «Придется поговорить с обидчиком. Поговорю завтра. Пусть он повторит слова, которыми тебя обидел». Проходит день, второй, учитель где-то в глубине сознания хранит мысль о том, что с обидчиком нужно поговорить... но это только ленивая, как сонный кот, мысль. А обидчик в это время говорит девочке: «Ничего мне не будет. Учителя забывают о поступках своих воспитанников. Надоедает им, учителям, возиться с ними...»

2. «Мой учитель неделю назад положил на стол книжку, которую ему нужно прочитать. Каждый раз, садясь за стол, он поглядывает на книжку и принимается за что-то другое. А вчера поставил ее на полку».

3. «У моего учителя в сердце льдинка. После лекции, которую он читал животноводам, один колхозник рассказал ему о своем изобретении. Уже больше года думает он над тем, как облегчить труд — механизировать уборку навоза без строительства крупных и дорогих сооружений. Завтра учитель собирается в район — рассказать в партийном комитете о ценном изобретении. Пусть приедут инженеры, помогут человеку воплотить идею в сложные механизмы. Прошел день, второй, три дня. Горячее желание поехать в район остыло. Через неделю он случайно встретился с секретарем райкома. Да, он говорит об интересной идее изобретателя. Но как говорит? Вместо страстного, взволнованного рассказа — мягкая, тягучая жвачка: неплохо было бы сделать вот так, хорошо было бы подумать об облегчении труда животноводов...»

В дневнике наблюдений над трудными подростками — тоже странные вещи. Это не регистрация поступков. Это мир, каким его видят подростки. Я представлял себя на месте этих мальчиков и девочек, смотрел на мир их глазами. На каждом шагу видел удивительные, порой непонятные вещи, которые вызывали удивление, нередко — гнев,

возмущение. Подросток видит то, чего еще не видит ребенок; он же видит то, что часто уже не видит, вернее, не замечает взрослый, потому что многие вещи становятся для него более чем привычными. Видение мира у подростка — единственное в своем роде, уникальное, неповторимое состояние человека, которое мы, взрослые, часто совсем не понимаем, мимо которого проходим невозмутимо.

Подросток принимает близко к сердцу то, что видит. Вот на яблоневоm листе гусеница. Он задумывается: почему это в школьном (или колхозном) саду много гусениц? Что будет, если вредителей не уничтожить? Почему никто не обращает внимания на то, что гусеницы уничтожают материальные ценности? В зависимости от того, в каких условиях воспитывается подросток, какими источниками познания, мышления, видения мира питались его мысли и чувства в детские годы, его или возмущает зло, которое творится на его глазах, и радуется добро, или же он равнодушен и к злу и к добру.

Нелегкие размышления над острыми, жгучими проблемами воспитания привели меня на тридцать четвертом году педагогической работы к выводу: трудность воспитания в подростковом возрасте состоит как раз в том, что ребенка мало учат видеть, понимать, ощущать самого себя как частицу коллектива, общества, народа. Почему так часто приходится слышать: школьник в детстве был хороший, а в годы отрочества понал под плохое влияние и стал плохим человеком? Что это такое — плохое влияние? Откуда оно берется? Основой, главным в воспитательной работе является не то, чтобы оберегать подростков от дурного влияния, а то, чтобы сделать их невосприимчивыми к чему-либо дурному, аморальному. Как это сделать? В этом как — мастерство и искусство воспитания.

Четыре года хвалила — не могла нахвалиться своими детьми учительница начальных классов.

Минули год-полтора, и она со слезами рассказала о своих воспитанниках, теперь уже шестиклассниках: у входа в кинотеатр они едва не сбили с ног старую женщину.

Слушая горькие слова хорошей, трудолюбивой учительницы, я подумал: ведь и вправду ее воспитанники были добрыми, вежливыми, старательными, выдержанными. И это не были черты, данные природой. Нет, это следствие кропотливой воспитательной работы. Чем же тогда объяснить, что в годы отрочества возникают трудности, прису-

щие только этому возрасту? Возможно, это всего лишь разговоры о трудностях, порожденные старыми взглядами на пору отрочества как на пору неизбежных катастроф? Я начал изучать правонарушения и преступления, совершенные людьми в возрасте от 12 до 30 лет, сначала в масштабе района, потом — области. Факты — вещь беспристрастная; выяснилось, что в возрасте от 12 до 15 лет правонарушителей и преступников вдвое больше, чем среди юношей и девушек в возрасте от 15 до 18 лет.

Я изучил материалы следствия по 460 криминальным делам. В каждой семье, которая давала обществу правонарушителя или преступника, что-то было неладно. Иногда родители сами по себе были людьми словно бы и неплохими, но не знали, чем живут их дети. Во многих семьях господствовала духовная убогость человеческих взаимоотношений, а в школах, в классных коллективах, где учились эти подростки, никто не интересовался, каковы их интересы и потребности, в чем они находят радости бытия.

Для примера расскажу о трагическом событии, которое произошло в маленьком тихом городке. Четырнадцатилетний подросток катался на коньках. Увидя восьмилетнего мальчика, он подозвал его к себе и сказал: «Катайся вот там — лед хороший, ровный», и показал в сторону проруби. Мальчик попал в прорубь, погиб, а подросток, покатавшись еще с час, вернулся в город, рассказал товарищам о том, как ему удалось обмануть малыша. Убитые горем родители мальчика спрашивали: «Ты ведь знал, куда посылаешь ребенка, неужели сердце твое не дрогнуло?» Подросток спокойно ответил: «Я не толкал его в прорубь. Он сам поехал туда. Я только посоветовал ему кататься там — лед там ровный...» — «Почему же ты сразу не прибежал к нам? Мальчика можно было спасти...» На это подросток ответил: «Не мое дело бегать. Каждый за себя отвечает...»

Я разговаривал с подростком, с родителями, учителями, с пионервожатой. Открылась удручающая картина. Ни у родителей, ни у единственного их сына — никаких духовных интересов. Мальчик знал только два чувства: удовлетворенность или неудовлетворенность. В семье превыше всего были низшие потребности: хорошо поесть, выспаться. Подросток не знал, что такое радость жажды общения с человеком, ему недоступна была радость творения добра, счастья для других людей. В школе были довольны тем, что мальчик учился без двоек и не проявлял себя как

нарушитель дисциплины. Когда я спросил воспитательницу, какие духовные потребности она воспитала или намеревалась воспитать в подростке, она ничего не могла сказать. Не услышал я ни слова в ответ и на вопрос о том, на что отдавались, во имя чего расходовались духовные силы этого человека в годы детства и отрочества. По сути, в школе не думали над главнейшими, коренными вопросами воспитания человека.

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ВОСПИТАНИЯ В ДЕТСТВЕ

Чем больше я анализировал трудности воспитания в годы отрочества, тем глубже убеждался в истинности простой, но важной закономерности: очень трудно воспитывать подростков там, где слишком легко шло воспитание в детские годы. Я изучил жизнь тех 460 семей, в которых воспитывались подростки, совершившие правонарушения и преступления, и увидел вот какую картину. Чем тяжелее преступление, чем больше в нем бесчеловечности, жестокости, тупости, тем беднее интеллектуальные, эстетические, моральные интересы и потребности семьи. Ни в одной семье подростков, которые совершили преступление или правонарушение, не было семейной библиотеки, хотя бы маленькой. А в семье подростка, о преступлении которого я рассказал, не оказалось ни одной книги, кроме учебников, причем истрепанных, грязных. Во всех 460 семьях я насчитал 786 книг (без школьных учебников), в том числе книжечки-рисунки для дошкольников. Никто из тех, кто совершил преступление или правонарушение, не мог назвать ни одного произведения симфонической, оперной или камерной музыки. Никто не мог назвать ни одного имени композитора — классика или современника. Всем 460 подросткам было предложено прослушать два музыкальных произведения: «Танец маленьких лебедей» из балета «Лебединое озеро» П. И. Чайковского и «Танец эльфов» Э. Грига. Понимание, ощущение красоты этих произведений является признаком элементарной эстетической культуры подростка. Ни один из этих подростков не мог сказать, какие картины создал композитор музыкальными образами. По глазам подростков я видел: ни у кого из них музыкальная мелодия не пробуждала никаких чувств, не вызывала никаких воспоминаний.

Изучая духовный мир подростков — правонарушителей и преступников, — я заинтересовался и вот каким вопросом: есть ли у подростков безгранично дорогие люди (человек), которым бы они отдали частицу души, в которых видели бы, как в зеркале, свои душевные порывы? Я анализировал, были ли в школе, где учились трудные подростки (вернее, люди с духовно убогим детством и отрочеством), такие взаимоотношения, сутью и содержанием которых является отдача духовных сил, творение счастья одним человеком для другого, тревога одного человека за судьбу другого, постижение умом и особенно сердцем наивысшей человеческой радости — радости того, что я даю счастье другому человеку. И вот тут-то выяснилось, что ни в семье, ни в школе не было этого, наиглавнейшего. Не было именно этого четкого замысла, ясной идеи и цели воспитательной работы, не было того, чтобы уже в детстве каждый человек вкладывал свои силы в другого человека, отдавал богатства своего сердца другому, познавал умом и сердцем (а потому и глубоко переживал, принимал близко к сердцу) тончайшие движения души другого человека — горе, радость, тревогу, отчаяние, печаль, смятение... Я с тревогой все больше убеждался, что в детские годы у многих — даже у лучших — воспитателей человек (воспитанник) проявляет себя чрезвычайно односторонне: о том, хороший или плохой воспитанник, воспитатель делает вывод только на основе того, как он выполняет нормы и требования порядка: послушный ли, не нарушает ли правил поведения. В послушности и покорности многие воспитатели видят внутреннюю душевную доброту, а это далеко не так. В годы отрочества такого очень бедного проявления человека уже маловато: он жаждет проявить себя в сложной гражданской, общественной активной деятельности. И вот потому, что его не учили вкладывать свои духовные силы в другого человека, потому что он не научился понимать, чувствовать, оценивать самого себя, отдавая свои силы творению добра для другого человека, он в годы отрочества словно перестает замечать, что живет среди людей.

У читателя может возникнуть мысль: почему автор исследовал духовную жизнь несовершеннолетних правонарушителей и преступников? Что это дает для выяснения сущности и закономерностей воспитания в годы отроче-

ства? Дело в том, что в правонарушениях и преступлениях ярче всего отражается зависимость следствий от причин. Моей заветной мечтой всегда было, чтобы ни один подросток не стал правонарушителем или преступником.

Постепенно становилась ясной суть мифа о фатальной неотвратимости трудностей, присущих отрочеству в силу каких-то врожденных возрастных особенностей, неподвластных воспитанию. Я все больше убеждался, что моральное лицо подростка зависит от того, как воспитывался человек в годы детства, что заложено в его душу от рождения до 10—11 лет. Природою своею детский возраст не может преподнести родителям и воспитателям тех трудностей, какие преподносит отрочество. Подросток — это, образно говоря, цветок, красота которого зависит от ухода за растением. Заботиться о красоте цветка нужно задолго до того, как он начнет цвести. Растерянность, удивление перед «фатальными», «неотвратимыми» явлениями отрочества похожи на растерянность и удивление садовника, который опустил в землю семя, не зная твердо, какое это семя — розы или чертополоха, а потом через несколько лет пришел любоваться цветком. Смешным казалось бы его удивление, если вместо розы оказался чертополох. И еще смешнее было бы видеть манипуляции садовника, если бы он начал подкрашивать, расписывать цветок чертополоха, пытаюсь сделать из него цветок розы, если бы он, поливая чертополох духами, пытался придать ему запах розы. А в том, кому дорога красота, такой садовник вызывал бы чувство возмущения. Почему же не вызывает возмущения то, что тысячи подобных садовников, дав жизнь человеку, считают миссию свою завершённой, а что из него, человека, выйдет — пусть об этом позаботится кто-то другой, пусть позаботится природа?

Красота цветка не может упасть с неба. Ее нужно создавать годами — растить, оберегать и от жары, и от мороза, заботливо поливать и удобрять землю. В создании самого красивого и самого высокого, что есть на земле, — Человека — несравненно больше однообразного, утомительного, часто неприятного труда, чем труда, который давал бы только удовлетворение. В истине «дети — радость жизни» — глубокий смысл, но и глубокое противоречие. Ребенок сам по себе не может быть источником

радости; в человеке, который повторяет отца и мать на новой основе, настоящим источником радости для отца и матери прежде всего является то, что они сумели вложить в него. В любви к детям раскрывается наивысшее человеческое качество — чувство собственного достоинства.

Чем ближе к сердцу принимал я тревоги подросткового возраста, тем яснее становилось, что в детские годы не может быть легкого и бесхлопотного воспитания. В детстве закладывается человеческий корень. Ни одной человеческой черточки природа не отшлифовывает — она только закладывает, а отшлифовывать нам — родителям, педагогам, обществу. Критические явления отрочества — моральные срывы, правонарушения, преступления — все это, если выразить словами Л. Н. Толстого, увеличительное стекло зла. Зла, неприметного для нас, зла на первый взгляд будто невинного, крохотного, а в действительности весьма небезопасного, потому что в сердце человека, который смотрит на мир широко открытыми глазами и не знает, как жить, эти крохотные льдинки становятся огромными глыбами льда.

Готовясь к воспитанию малышей в своей Школе под голубым небом, в начальных классах, я с тревогой думал о том времени, когда мои воспитанники приблизятся к границе, где кончается детство и начинается отрочество. Много из того, что я пытался сделать в детские годы моих воспитанников, конечно, не нужно было бы делать, если бы человек всю жизнь оставался ребенком. На горьком опыте своих товарищей, да и на собственном, на многочисленных ошибках я убедился: одна из великих бед школьного воспитания — это забвение того, что ребенок перестанет быть ребенком.

Воспитателям нужно иметь в виду, что ребенок когда-то станет мужем, женой, повторит себя в новом человеке. И я имел это в виду, хотя очень редко говорил детям о том, что они будут отцами и матерями. Кто внимательно читал первую книгу моих записок, не мог не заметить, как много делалось в детские годы для того, чтобы сформировать в ребенке тонкость и эмоциональную культуру восприятия окружающего мира — познания людей, способность к переживаниям, эмоциональную чуткость, сердечность и одновременно, параллельно с этим — чувство собственного достоинства, человеческой гордости, непри-

косновенности ко всему личному, интимному. Немало делалось для того, чтобы ребенок в коллективе находился во многих трудовых, моральных, интеллектуальных, эстетических отношениях. Делалось все это не только для сегодняшнего, но и с расчетом на будущее.

Ребенок никогда не бывает преступником, никогда сознательно не идет на преступление (патологические случаи требуют специального изучения), но я старался делать как можно больше именно для того, чтобы каждый мой воспитанник, став подростком, не позволил себе совершить преступление. В воспитательной работе было много специально созданных, предусмотренных, «построенных» человеческих отношений, которые имели своей целью утвердить в душах воспитанников уважение к человеку как высшей ценности, чтобы с детства человек был другом, товарищем, братом для другого человека.

Это, прежде всего, создание ребенком радостей для других людей и переживание личного счастья и гордости в связи с этим. Я добивался того, чтобы сердцу каждого ребенка самым радостным, самым дорогим, самым святым были мать, отец, братья и сестры, друзья. Чтобы ребенок готов был отдать все для блага и радости дорогих ему людей, чтобы эта отдача, созидание было главной духовной потребностью. Я стремился к тому, чтобы отношения ребенка с другими людьми и дома, и в школе строились на долге и ответственности. Осмысление и переживание ребенком своего долга перед матерью, отцом, учителем — именно с этого должно начинаться познание ребенком мира человека.

Во-вторых, создание и сохранение красоты во всех ее многогранных проявлениях. Чем больше в человеке сил и возможностей для активной деятельности, тем более важную роль в формировании его морального облика сыграет созидание красоты, сердечная забота о красоте, особенно в человеческих взаимоотношениях, в служении высоким идеалам, в идейности жизни.

В-третьих, гражданское идеологическое богатство деятельности ребенка в коллективе, взаимоотношений между детьми и другими, пешкольными коллективами. Добиться того, чтобы воспитанника уже в детстве волновало настоящее и будущее Отчизны, — одна из важнейших предпосылок предотвращения моральных срывов в годы отрочества. Гражданские мысли, чувства, тревоги, граж-

данский долг, гражданская ответственность — это основа чувства человеческого достоинства. Тот, в ком вы сформировали эти качества души, никогда не проявит себя в чем-то дурном, наоборот — он будет стремиться проявить себя только в добром, достойном наших идей, нашего общества.

В-четвертых, культивирование и развитие сочувствия, жалости (не будем бояться этого слова и тех благородных чувств, которые оно несет!) ко всему живому и красивому, развитие сердечной чуткости к прекрасному в природе. Это, наконец, культивирование жалости и к человеку. Мы твердо помним слова М. Горького: «Жалость унижает человека»¹. Но в нашем обществе, где нет никаких причин для социального зла и связанных с ним горя, страданий, жалость нужна именно для возвеличивания и моральной поддержки человека. Принижает человека только презрительная жалость. А когда, жалея, воспитанник жаждет помочь человеку, — такая жалость облагораживает. Нужно уметь жалеть человека.

В-пятых, развитие высокой интеллектуальной культуры — мыслей, чувств, переживаний, которые волнуют душу человека, когда он познает окружающий мир, прошлое и настоящее человечества, материальные и духовные богатства Отчизны, душу своего народа, ценности искусства, особенно художественной литературы. Я твердо убежден, что одной из наиглавнейших причин духовной примитивности, эмоциональной убогости, моральной нестойкости отдельных людей в годы отрочества и ранней юности является ограниченность, низкая культура мыслей, неумение находить удовлетворения своих духовных потребностей в книге. Сейчас, когда мы стоим на пороге осуществления всеобщего среднего образования, проблема интеллектуальной культуры рабочего и крестьянина, который будет иметь среднее образование не для поступления в вуз, а для того, чтобы быть настоящим человеком, проблема высокой интеллектуальной культуры приобретает особо важное значение. Молодого человека должна привлекать не рюмка, а книга. Книга является той могучей силой, которая способна одолеть злую силу рюмки — великой беды, которая, словно клещ, присасывается к телу, бедному духовными потребностями и интересами.

Ребенок перестает быть ребенком, становится подростком, юношей, невестой, отцом, матерью... Но было бы очень хорошо, если бы в годы отрочества и ранней юности в людской душе сохранились отдельные детские черты — непосредственность, яркая эмоциональная реакция на события и явления окружающего мира, сердечная чуткость к внутренним душевным движениям людей, с которыми приходится вместе работать, учиться преодолевать трудности.

Я еще не раз буду возвращаться к этой важнейшей проблеме воспитания, сейчас же подчеркиваю лишь ту сторону вопроса, которая связана с сохранением и развитием всего хорошего, приобретенного в детстве. Речь идет о тонкости, сложности духовного мира ребенка. Она не дается природой, она только воспитывается. В первой книге записок много страниц посвящено воспитанию тонкости ощущений: ощущения красоты слова, музыкальной мелодии, художественного образа, ощущения красоты и благородства жизненных явлений или идеи произведения изобразительного искусства, художественной литературы. Меня очень волновали разговоры родителей и педагогов о том, что в годы отрочества неминуемо огрубление ощущений, какая-то непонятная эмоциональная «толстокожесть»: подросток ломает ветку на дереве и сразу же забывает об этом; с одинаковым равнодушием целит из рогатки в стекла и в воробьев, вырезает на партах свои инициалы и целые афоризмы. Я начал присматриваться к таким подросткам. Оказалось, что все они в детстве принимали участие в воскресниках по древонасаждению, но ни один из них не вырастил дерева, не пережил радости творения красоты.

Жизнь убедила: если ребенок не знает труда, одухотворенного идеей творения красоты для людей, его сердцу чужды тонкость, чуткость, восприимчивость к тонким, «нежным» способам влияния на человеческую душу, он огрубляется и воспринимает только примитивные «воспитательные приемы»: окрик, принуждение, наказание. Отсюда грубость, разрушительные инстинкты подростков. Вот почему я старался, чтобы в детские годы мои будущие подростки переживали вдохновение, восхищение красотой, чтобы источником этого чувства был их личный труд. Это была забота (потом я убедился в обоснованности своих надежд) о чуткости, восприимчивости под-

ростка, юноши, девушки к слову воспитателя — к его совету, тонкому упреку. Тонкость и богатство переживаний в детстве (восторг перед красотой, созданной собственными руками, непримиримость к грубости, вульгарности, уничтожению красоты) были основой, на которой строилась эмоциональная культура подростков.

Особой моей заботой было то, чтобы детское сердце не огрублялось, не озлоблялось, не делалось холодным, равнодушным и жестоким в результате физических способов «воспитания» — ремнем, подзатыльниками, тумаками. Я всегда убеждал родителей, что физическое наказание — это показатель не только слабости, растерянности, бессилия родителей, но и крайнего педагогического бескультурья. Ремень и тумаки убивают в детском сердце тонкость и чувствительность, утверждают примитивные инстинкты, растлевают человека, одурманивая его ядом лжи, подхалимства. Дети, воспитанные ремнем, делаются бездушными, бессердечными людьми. На своего товарища по школе поднимает руку только тот, кто сам познал и продолжает познавать «прелести» домостроевского воспитания. Преступления и правонарушения подростков тоже в значительной мере являются следствием «кулачного» воспитания.

Ремень и тумаки в воспитании... Стыд и позор нам, педагогам, — стыд и позор потому, что в школу, в это святое место гуманности, добра и правды ребенок нередко боится идти, потому что знает: учитель расскажет отцу о его плохом поведении или неудачах в учебе, а отец будет бить. Это не абстрактная схема, а горькая истина; об этом часто пишут в своих письмах матери и даже сами дети. Записывая в дневник школьника: «Ваш сын не хочет учиться, примите меры», учитель, по сути, часто кладет в ученическую сумку кнут, которым отец стегает своего сына. Представим себе: идет сложная хирургическая операция, над открытой раной склонился мудрый хирург — и вдруг в операционную врывается мясник с топором за поясом, выхватывает топор и сует его в рану. Вот такой грязный топор и есть ремень и тумаки в воспитании.

Помните, учитель, если я знаю, что отца моего Грицка или Петра бог одарил единственным талантом — родить детей, и при этом вызываю этого мудрого родителя в школу и говорю ему: «Ваш Грицко лодырь, не хочет

учиться», тут происходит элементарное — я бью Грицка рукой отца. Унижаю человеческое достоинство. Становлюсь соучастником преступления,

Ребенок несправедлив того, кто бьет. Он очень тонко понимает и чувствует, что руку отца направляет учитель. Он начинает ненавидеть отца и учителя, школу и книгу.

Я знаю детей, которые не имеют даже представления о том, что человек может бить другого человека. В семьях, где они вырастают, господствуют тонкие духовно-психологические отношения, взаимное доверие между взрослыми и детьми. Эти дети отличаются большой чуткостью к слову воспитателя. Моим идеалом всегда было то, чтобы никто из детей не знал, что такое физические способы «воспитания». Уже в Школе под голубым небом мне удалось добиться того, что никто из родителей никогда не бил моих воспитанников. Я верю в то, что вырастут поколения, сердца которых будут болезненно сжиматься при чтении книг о прошлом, в которых есть воспоминания о том, как человек когда-то бил человека. Когда исчезнет насилие человека над человеком в сложнейшей сфере — в быту, в семье, когда дети будут воспитываться без физических наказаний, облегчится достижение великой цели — идеала коммунистического воспитания, тогда в обществе не будет преступлений, не будет убийств, исчезнет необходимость в тюрьмах и других наказаниях, которые сейчас необходимы.

Пусть не поймет меня читатель так, будто я проповедую абстрактную доброту и всепрощение. Речь идет о воспитании ребенка в обществе, которое строит коммунизм. Мир социализма не только живет один на один с миром капитализма, где господствуют жестокие законы человеконенавистничества, но и пребывает в постоянном идейном, духовном, моральном единоборстве с этим миром насилия и порабощения; дети наши должны быть готовыми ко всему: и к тому, чтобы встретиться с врагами на поле боя, и к тому, чтобы переносить испытания нелегкой борьбы. Коммунистическое воспитание не может разнеживать и расслаблять душу гражданина нашего общества. Наоборот, оно должно закалять человека физически и духовно. Мы должны учить не только любить, но и ненавидеть, учить быть не только чувствительными, но и беспощадными. Не только любоваться красотой, не только создавать красоту, но и стрелять во врага, кото-

рый посягнет на свободу и независимость нашей Отчизны. По-настоящему ненавидеть врага и быть беспощадным с ним может только человек большого духовного благородства.

Некоторые педагоги спрашивают: «Чем же заменить наказание?» Так вопрос ставить нельзя. Это все равно что спросить: «Чем заменить насилие человека над человеком?» Наказание не является чем-то неотвратимым. Необходимость в наказании не возникает там, где господствует дух взаимного доверия и теплоты, где ребенок сизмала тонко чувствует рядом с собою человека — с его мыслями и переживаниями, радостями и горем; где с первых шагов своей сознательной жизни ребенок учится управлять своими желаниями. Высокая культура желаний личности — это неременная предпосылка того, чтобы необходимость в наказаниях вообще не возникала.

ДВА ИСТОЧНИКА ВОСПИТАНИЯ В ДЕТСТВЕ И ОТРОЧЕСТВЕ

Учителей это событие ошеломило: Коля З., один из тихих, скромных, воспитанных, как считали все, подростков, гордость учителя литературы (он писал прекрасные сочинения), вдруг совершил позорный поступок: ночью открыл окно в физическом кабинете, влез туда и вытащил из магнитофона электромотор, сломав при этом некоторые детали. Семья З. считалась порядочной. Отец — работник одного завода, хороший семьянин. Все припомнили его умные, поучительные выступления на родительских собраниях. «Если отец и мать любят труд, — часто говорил он, — то уже этим, даже когда они не говорят ни слова, семья воспитывает в детях трудолюбие».

И вдруг такой огорчительный случай. Это произошло через несколько лет после войны. Физкабинет еще только создавался, магнитофон — подарок офицера, бывшего воспитанника школы — был гордостью коллектива. «Откуда в человеке берется дурное?» — думали учителя. Начались размышления о сложном процессе воспитания моральных убеждений и привычек. Присмотрелись внимательнее к семье З., и учителям открылись неприметные на первый взгляд, но очень тревожные вещи. С работы отец каждый день приносил какую-нибудь мелочь: то отрезки проволоки, то металлические пластинки, то трубку,

то подшипник. Сын помогал отцу раскладывать эти мелочи по многочисленным полочкам домашней мастерской. Никогда сын не спрашивал, откуда это все берется, — было ясно само собой. Отец не считал это позорным; он даже не думал о том, что его поступки могут пагубно влиять на сына. У соседа отец не взял бы никогда и гвоздика — это он считал воровством. Мы сказали отцу горькие слова, припомнили его поучения о личном примере родителей.

Это событие заставило задуматься над двумя источниками морального воспитания. Прежде всего — заранее предусмотренная воспитательная работа: многогранные моральные, трудовые, творческие, гражданско-политические взаимоотношения в коллективе, специально созданные для того, чтобы воспитывать; слово воспитателя; передача молодому поколению ценностей, созданных, добытых, завоеванных старшими поколениями. Это все то, что планируется, предусматривается воспитателем.

Но есть и другой, не менее важный источник воспитания. В детстве он играет исключительно важную роль. Это сложные отношения, которые окружают ребенка. Они являются для него средой, которая дает наглядные уроки, раскрывающие содержание моральных понятий. Эти отношения никем не мыслятся как специальный способ воспитания; но чем меньше думают о них взрослые как о силе, действующей на духовный мир ребенка, тем больше она, эта сила, воспитывает. Тут еще раз нужно подчеркнуть слово «отношения», потому что во всем, что окружает ребенка (не только люди, но и вещи, явления), он видит материализованные человеческие взгляды, суждения, привычки, намерения.

Воспитатель группы продленного дня ведет детей в школьную столовую. Конечно, он не забывает о том, чтобы во время обеда дети соблюдали правила культурного поведения, чтобы, удовлетворяя свои потребности, закрепляли моральные, эстетические, бытовые привычки. Но он ведет детей в столовую не для того, чтобы воспитывать их, а для того, чтобы накормить. Это первая и главная цель. В столовой ребенок не только ест, но и видит. Видит и хорошее и плохое. Вот семиклассник оттеснил от буфетного столика первоклассника, купил, что нужно, а малыш оказался в конце очереди. Вот работница школьной столовой — женщина преклонного возраста —

песет ведро с помоями к яме в дальнем конце двора. Навстречу идут два десятиклассника — на голову выше тети Маши и значительно сильнее ее. Посторонились, пропустили тетю Машу, боясь, чтобы она не коснулась их одежды грязным ведром, сморщили носы — в ведре не совсем приятные вещи, — побежали к окошку, и уже слышны оттуда их голоса: «А почему нет вымытых мисок?» Ребенок видит, как к буфету подошли две девочки. Одна купила плитку шоколада, другая — талон на суп. Девочка ест шоколад, ее подруга забыла купить хлеб и снова пошла к буфету. В суматохе будто никто и не видит этого, ребенок не думает над тем, что происходит на его глазах, но ни одно событие не исчезает бесследно, — все, что видят глаза, отражается в детской голове. Вот ребенок уже обратил внимание на необычное событие. Рядом с девочкой, которая забыла купить хлеб, сидит капризный мальчик. Он надулся. Перед ним стакан молока и белый хлеб. Он надкусил и положил кусок на стол, побежал к буфету, купил печенье. А хлеб отодвинул на край стола. Ребенок видит у умывальника грязное полотенце. Хочешь — мой руки, не хочешь — не мой, но потому, что никому не хочется заниматься еще одним делом, никто не моет рук. На окне стоит горшок с розой. В горшок складывают огрызки яблок. Окно засижено мухами. С кухни доносится сердитый голос: мужчина кого-то ругает за то, что не вымыли окна, не побелили стену под умывальником.

Все это будто скользит по поверхности сознания ребенка. Воспитатель озабочен тем, чтобы никто преждевременно не вышел из-за стола. Пообедав, дети встали (им хочется скорее бежать на спортплощадку), по команде воспитателя прокричали: «Спасибо за обед!» (это предусмотрено планом воспитательной работы); слова эти адресованы поварихе и тете Маше, но тем не до благодарности, их как раз отчитывает санинспектор, грозя записать что-то в санитарную книгу.

На глазах ребенка проходит жизнь рода человеческого, она по крохотке отражается в его памяти, порой обходя сознание, словно проскакивая в тайники памяти без внимания. Жизнь отражается не только в сознании, но и в подсознании. Память работает автоматически, информация из окружающего мира проникает больше в подсознание, нежели в сознание. Там она не нагромо-

ждается в беспорядке, нет, она группируется, систематизируется, давая о себе знать человеческими общественными инстинктами. Если ребенок, съев яблоко и держа в руке огрызок, ищет взглядом, куда выбросить, и, не найдя ящика для мусора, причет огрызок в карман,— это сработал общественный человеческий инстинкт, который выработался благодаря длительному обогащению подсознания информацией, которая не предназначается специально для воспитания, но воспитывает сильнейшим образом. Без этой информации все добрые наставления отскакивают от ребенка, «как горох от стенки».

Из всего, что видел ребенок в течение двадцати минут в школьной столовой, в его подсознании отразилось много хорошего, но отразились и факты, резко расходящиеся с поучениями, которые детям, конечно, часто приходится слышать от воспитателя. Эти факты опасны в воспитательном отношении именно потому, что на первый взгляд кажутся весьма незначительными. Чем больше в сознании и подсознании ребенка отражается информации, которая, по сути, противоречит поучениям педагога, тем слабее, бессильнее становится разум как главный страж людского поведения, властитель поступков. Чем резче диссонанс между предусмотренными, рассчитанными способами воспитания и способами непреднамеренными, которые являют собой среду для формирования общественных инстинктов человека, тем труднее воспитывать, тем труднее формировать то, что в практике называется голосом совести. Голос совести — это внутренняя потребность действовать так, как полезно, необходимо, красиво. Он формируется тогда, когда есть гармония предусмотренных и непредусмотренных, рассчитанных и нерассчитанных способов воспитания. Голос совести — это сила, которая принуждает ребенка, убедившегося в отсутствии ящика для мусора, спрятать огрызок в карман. Это сила, которая принуждает вежливо отобрать у женщины ведро с помоями, отнести помой в яму, вернуть ведро женщине, не ожидая благодарности за свой поступок. Это, наверное, самое главное.

Совесть немыслима без постоянного накопления в подсознании информации, которая содержит в себе благородное поведение человека: любовь к человеку, стремление к взаимопомощи, отвращение и непримиримость к наси-

лию над человеком, долг перед коллективом и обществом, нетерпимость к праздности, лени, дармоедству, глубокое уважение к старым и слабым, сочувствие. Совесть подчиняется сознанию, разуму — «царю в голове», как гласит народная мудрость. Но никчемный царь, если ему не над кем господствовать, если механическая, логическая, эмоциональная память не обогащается фактами благородного человеческого поведения, которое является многовековым опытом рода человеческого, которое озарено ныне высочайшими достижениями моральной культуры человечества — коммунистическими идеалами, коммунистическим образом морального совершенства человека.

Гармония первого и второго источников воспитания требует, чтобы активная деятельность воспитанников направлялась на создание обстоятельств, создание среды, которые усиливали бы действие рассчитанных, предусмотренных способов воспитания.

«Человек — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это *мир человека*, государство, общество» *. Воспитание человека происходит только в среде людей, и от того, насколько глубоко отражаются в этой среде моральные достижения человечества, *мир человека*, идеи общества и государства, зависит эффективность рассчитанных, предусмотренных, целенаправленных усилий воспитателя. Моральная воспитанность состоит, в конце концов, в том, что человек стремится делать добро и не может делать зла. В нашем обществе понятие *добро* имеет глубокий и многогранный смысл: активная деятельность, направленная на утверждение коммунистических идеалов, самоотверженный труд во имя народа, укрепление могущества, утверждение чести и славы Отчизны, трудолюбие, любовь к людям, честность, правдивость, скромность, непримиримость к злу во всех его проявлениях и особенно к врагам Родины. Высшим двигателем человеческого поведения является убежденность в том, что это добро — вершина морального богатства.

Такая убежденность и является «царем в голове», рожденным мудростью народа, созданным родом человеческим, *миром человека*. Но мудрость мира человеческого овладевает сознанием только тогда, когда, кроме понимания и логического анализа добра и зла,

---

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 1, с. 414.

у человека есть чувство добра и зла, то органическое чувство, которое стало личной совестью, личной точкой зрения.

Морально воспитанный человек, увидя женщину с непосильной ношей, почувствует, что рядом происходит что-то недоброе, он почувствует себя гадким, если не поможет женщине. Голос совести, идущий из глубины сознания и подсознания, сформировавшийся благодаря нагромождению в памяти личности многочисленных фактов из опыта морального утверждения благородных идей, сразу же подскажет разуму: «Смотри! Действуй! Приказывай!» И ум мгновенно отдаст приказ, руки протянутся к ноше, непосильной для женщины.

Чем больше я задумывался над перспективностью, направленностью воспитательного процесса в будущее, тем больше убеждался, что моральная чистота, духовное благородство, красота отношений между людьми в значительной степени зависят от того, насколько, образно говоря, крепка красная нить, которая соединяет детство, отрочество и юность (особенно детство и отрочество), — пору утверждения в юном сердце идей, истин, мыслей, являющихся для личности непоколебимой и безгранично дорогой святыней.

Одну из главнейших задач воспитания я усматриваю в том, чтобы в и д е н и е м и р а, личное отношение подростка к явлениям окружающей действительности отвечало его внутренним силам, способностям, возможностям. Основой морального воспитания, моральной зрелости подростка является идея Родины. Моральная воспитанность, духовное благородство человека в годы отрочества достигаются тем, что он видит мир через свой долг перед Родиной; самой дорогой для него святыней является честь, слава, могущество и независимость Родины. То, что входит в сферу повседневного поведения (отношение к людям, помощь слабому, трудолюбие, скромность), определяется отношением человека к святыням народа. Наш школьный коллектив прежде всего заботится о том, чтобы, познавая минувшее и настоящее, жизнь и труд строителей коммунизма, подросток ощущал себя гражданином, чтобы красота человеческая, стремление к которой мы пробуждаем в каждом юном сердце, осмысливалась и переживалась прежде всего как яркая, полноценная, духовно богатая жизнь гражданина. Гражданские мысли, гражданские

убеждения, труд — это и есть та сфера духовной жизни в годы отрочества, которая делается основой благородной, чуткой, требовательной к себе совести — голосу человеческой совести. Чтобы наш подросток дорожил высшими ценностями — святынями народа, он должен уважать в себе гражданина. Гражданская жизнь в годы отрочества — это важный раздел воспитательной работы. Я всегда стремился к органическому единству гражданских мыслей, чувств и деятельности, чтобы чувства, переживания находили свое выражение в благородных поступках, в труде для людей, для общества, для Отчизны.

Чрезвычайно тонким инструментом воспитания является похвала за хороший поступок, поощрение добра, приобщение к поведению, которое своей сущностью выражает человеческое благородство. Похвала учит ребенка, образно говоря, читать книгу элементарной человеческой культуры. Одобрение, высказанное семьей, коллективом, поднимает человека в собственных глазах, утверждает в нем гордость. Но когда ребенку приносят радость только похвалы, тут уже скрывается опасность. Настоящее мастерство воспитателя заключается в том, чтобы добро делалось без расчета на похвалу.

Нельзя без тревоги говорить о том, что в отдельных школах чрезмерно расхваливают детей за поступки, которые должны быть нормой ежедневного поведения (например, нашел мальчик рубль и положил его на стол в учительской — и уже о его честности пишут в стенной газете). Это игра в человечность. Такой игрой можно привить человеку моральную неряшливость: руки он будет мыть, потому что люди видят руки, ноги же останутся грязными, потому что они спрятаны от людских глаз обувью... Перед людьми он стремится быть порядочным, а наедине — непорядочным. Честность наедине с самим собой как выражение долга перед людьми, перед обществом — это важная моральная черта, которую надо воспитывать в детстве и отрочестве.

ДИСЦИПЛИНА И САМОДИСЦИПЛИНА. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД КОЛЛЕКТИВОМ И ПЕРЕД САМИМ СОБОЮ

ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕК ВИДЕЛ СЕБЯ ГЛАЗАМИ ЛЮДЕЙ

Соблюдение норм морали, утвердившихся в обществе, коллективе, норм и правил, нарушение которых осуждается общественным мнением и традициями, — одна из самых актуальных проблем общественного воспитания. Гармоническое воспитание — это одновременно воспитание дисциплины, ответственности перед коллективом, обществом и перед самим собой — перед собственной совестью.

В одном селе Правобережной Украины несколько лет назад произошло следующее. Жарким летним днем на берегу пруда сидел молодой, полный сил мужчина, ловил рыбу. Неподалеку купался мальчик и вдруг начал тонуть. Он звал на помощь, кричал, плакал, но каменное сердце взрослого, который все это наблюдал, осталось невозмутимым. От этого человека все отвернулись, при встречах обходили, его оставили сын и жена. Человек познал, что такое осуждение коллектива и одиночество. Он страдал и не мог найти в себе сил вернуться к людям — покончил жизнь самоубийством.

Здесь мы видим, как ответственность перед коллективом сливается с ответственностью перед собственной совестью. Там, где нет ответственности перед коллективом, человек не знает голоса собственной совести. Чувствуя ответственность перед собою, человек острее понимает, переживает нормы и правила, которые ставит перед ним коллектив.

В нашей педагогической работе нелегко найти критерии оценки результатов воспитания и самовоспитания. Критерий состоит прежде всего в том, как и с какой гражданской ответственностью, с каким уровнем их политической сознательности, что они утверждают своим трудом и поведением, за что и против чего борются, что любят

и что ненавидят. Одной из граней гражданского, политического сознания человека является его ответственность перед собственной совестью. Это вместе с тем и один из критериев воспитанности. Если вам удалось достичь того, что ребенку наедине с собою стало стыдно, стыдно самому перед собою за свой предосудительный поступок, если ребенок жаждет стать лучше, чем он есть, если в его сознании не только живет, но и становится личным убеждением представление о том, что лучше и что хуже, это означает, что вы видите результаты своей воспитательной работы.

Что необходимо для того, чтобы у разума был такой беспокойный, строгий страж, как чуткая совесть? Как практически достигнуть того, чтобы ребенок краснел наедине с собою, чтобы стремление быть лучшим стало одним из сильнейших желаний, которые вдохновляют, облагораживают человека, обогащают взаимоотношения в коллективе? Необходимы добрые, благородные поступки, которые не должны мыслиться и переживаться ребенком как заслуга или право на какие-то особые блага и радости. Обстановка, окружающая ребенка, должна материализовать в себе моральные богатства и ценности, созданные, добытые в борьбе за освобождение человека от социального и духовного угнетения. В понятие обстановка вкладывается не что-то застывшее и неизменное, а то, что творится, обновляется, усовершенствуется и самими воспитанниками. Материализация моральных богатств и ценностей означает, что каждый шаг воспитанника, все, что он делает, все, что удовлетворяет его потребности, отражается на других людях — приносит им добро, облегчает их жизнь, делает ее духовно богатой, полноценной.

Внести моральные богатства в отношения между воспитанником и окружающим миром на первый взгляд простое дело, в действительности же — очень сложное. Тут нужна повседневная, кропотливая работа. Самый организованный коллектив превратится в толпу, руководимую инстинктами, если хотя бы на неделю эта работа прекратится.

Суть этой интересной и сложной работы в том, что воспитанники постоянно создают вещи, богатства, ценности, обстоятельства, отношения, зависимости, цель

которых — радость для людей, благо для людей, красота для людей, счастье для людей и лишь потому — радость для себя, благо для себя, красота для себя, счастье для себя. Никакое добро не накопится, не утвердится в сознании человека, если он сам непричастен к нему. Жизнь тысячу раз убеждает в том, что подготовка ребенка к отрочеству и юности невозможна без труда, но труд должен быть особенным — таким, который материализует тончайшие движения души. Вот почему в первой части моей книги так много говорилось об уголках красоты, о цветах, винограде, плодовых деревьях, саде для людей. Я стремился, чтобы, создавая радость, благо, красоту, счастье для других и на основе этого — для себя, каждый переживал глубоко индивидуальное чувство радости творца, доводил его до вдохновения. Материализация благородства, моральной красоты в труде, во взаимоотношениях между членами коллектива — один из важнейших корней того дерева, которое мы называем гражданством. Очень важно, чтобы этот корень шел глубоко в детство.

Вдохновение приходит к ребенку тогда, когда вещь, не принадлежащая ему лично, становится для него дорогой — неизмеримо дороже, чем то, что принадлежит ему лично. Эти сложные движения души никогда не воспитаешь, если начнешь воспитывать их в отрочестве. Я считал своих учеников готовыми переступить границу, отделяющую детство от отрочества, готовыми потому, что каждый из них не раз пережил боль, тревогу, волнение, когда вещам, ценностям, богатству, созданным для радости и благополучия людей, что-то угрожало или кто-то портил их. В годы отрочества человек не способен в первые пережить эти чувства, если в детстве он не увидел самого себя.

Чем глубже в душу ребенка вошли тревоги, волнения, заботы о благе, счастье, красоте, радости для людей, общества, тем тоньше его эмоциональная чуткость к собственному поведению. Вот тут и соединятся первый и второй источники моральной воспитанности. Если человек не чувствует, что вокруг него и в нем самом лучшее, а что — худшее, если он не стремится стать лучше, чем он есть, — он глух к самым верным и эмоционально выразительным поучениям, советам воспитателя, отца, мудрой книги. Эмоциональная самооценка — это почва,

на которой хорошо прорастают зерна моральных поучений.

Если школьную жизнь наполнить материализацией моральных богатств и ценностей в человеческих отношениях, ребенок будет видеть себя глазами других людей. У него откроются глаза и уши на то, что он видит и слышит. Моральные поучения для него не абстрактные вещи, а истины, касающиеся непосредственно его самого. Ему становится стыдно самого себя, наедине с собою, потому что он чувствует, представляет, переживает, что подумают об его предосудительном поступке (или даже о предосудительном намерении, мысли) другие люди. Он наедине с самим собою, с глазу на глаз со своей совестью, но он не может обособиться от мира человека — от коллектива, общества. Он не думает о том, видит или не видит кто-нибудь, как он помогает бабушке или защищает девочку от обидчика, — он органически не может не сделать этого, это его глубоко личная потребность, как глубоко личной потребностью стало для него заботиться о саде роз, выращенном для радости людей, беспокоиться о винограднике, который стал для его маленьких друзей-дошкольников своеобразным детским садиком.

Особенно большое значение имеет материализация моральных богатств и ценностей в человеческих отношениях на грани детства и отрочества. Природа подросткового возраста таит в себе некоторые трудности, сложности, противоречия, на которых мы остановимся ниже. Подростковый возраст — это новая, особенная ступенька на пути к моральной зрелости. Когда человек приближается к границе, которая отделяет детство от отрочества, он должен видеть себя, как в зеркале, в созданных собственными руками ценностях, в которые вложена частица собственного сердца — любовь к людям, вдохновение трудом. Пусть это будет плодовое дерево или маленький виноградник, куст роз или куст сирени — ребенок измеряет мир своею мерой. Важно в конце концов то, чтобы маленький человек испытывал гордость за себя. Лишь при этом условии у него будет желание стать лучше. А это желание — основа гражданской совести.

Известный советский психиатр профессор В. М. Банщиков писал: «На протяжении тысячелетий выигрыш в борьбе человека за существование определялся мускульной силой и такими грубыми свойствами нервной системы, как смелость, жестокость, упорство. А в последние два-три столетия жизнеспособность человека зависит почти исключительно от тончайших и сложнейших механизмов нервной системы. Эти же механизмы как раз наиболее уязвимы!»* Эта мысль ученого помогает понять особенности процесса влияния воспитателя на воспитанника в наши дни.

Взаимоотношения между миром и человеком делаются чем дальше, тем сложнее. Система мир — человек — мир в социалистическом обществе характеризуется возрастанием роли личности во всех сферах общественной жизни. То обстоятельство, что наука становится непосредственной продуктивной силой общества, в котором высшая цель — человек, глубоко и многогранно отражается в духовном мире личности и коллектива. Человек не просто становится творцом материальных и духовных благ. Он своим творческим трудом во имя счастья, блага, радости общества и самого себя, возвеличивая свое общество, возвеличивает тем самым и себя.

Творческая деятельность становится для человека потребностью, удовлетворение которой приносит высшее наслаждение. «Опыт жизни людей — от гениев до самых скромных тружеников — показывает, — пишет академик Н. Н. Семенов, — что наслаждение творчеством в труде или в других проявлениях жизни — самое высокое наслаждение... Главное для создания счастливой жизни человечества в том, чтобы духовная творческая деятельность в той или иной мере стала присущей каждому»**.

Цель и содержание воспитательной работы состоит в том, чтобы многогранное удовлетворение потребности в творческой деятельности переживалось как моральное достоинство, чтобы, работая для общества, человек уже в

---

* Банщиков В. М. О психозах. Знание—сила, 1965, № 11, с. 39.

** Известия, 1961, 14 июля.

годы отрочества и ранней юности ощущал свою гражданскую активность.

В нашем обществе мир личной жизни открывается перед человеком, как проявление, развитие задатков, способностей, склонностей, призвания. Творческий труд, изобретательность, интеллектуальное богатство трудовой жизни, постоянное стремление человека к овладению все новыми и новыми знаниями — все это стало в нашем обществе ярким показателем гражданского достоинства человека. Все глубже осмысливается и переживается та истина, что коллективный труд является прежде всего духовным общением, в котором происходит взаимный обмен духовными богатствами. Та игра физических и умственных сил, о которой писал К. Маркс², входит в повседневную жизнь современного человека как проявление его индивидуальности. Субъективно эта игра переживается как соревнование творческих способностей, в котором человеку хочется быть первым, хочется стать лучше, красивее других.

Все шире становится сфера духовной жизни личности, не связанная непосредственно с трудом, с материальным производством. Важнейшей из потребностей этого рода является потребность в человеке. Труженик всегда ощущает, говоря словами Маркса, «потребность в том величайшем богатстве, каким является *другой человек*»*. Расцвет личности в нашем обществе привел к утверждению этой многогранной потребности как основы личного счастья. Без удовлетворения этой потребности человек не мог бы раскрывать себя как друг, товарищ и брат другого человека.

Всестороннее развитие человека, глубокое осознание им своей общественной роли, многогранность его потребностей, интересов, взаимоотношений — все это привело к обогащению и развитию чувств гражданина социалистического общества. Эмоциональная жизнь, по словам Маркса, является одним из ярчайших проявлений *мира человека*.³

Чем шире сфера общественной деятельности человека, чем многограннее его потребности и интересы, чем больше творчества в его труде, чем ярче в его взаимоотношениях выражается благородство норм коммунистиче-

---

* Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, с. 596.

ской морали, тем большую роль в его жизни играет культура чувств, тем теснее связь эмоциональной жизни с гражданской деятельностью, поведением, личной жизнью. Культура чувств становится особой сферой духовной жизни человека.

Богатство эмоциональной жизни далеко не всегда находится в прямой зависимости от умственного развития, образованности, знаний. Гармония образованности и эмоциональной культуры — одна из тончайших задач воспитательной работы в современной советской школе. Отставание культуры чувств от интеллектуального «груза» — большое зло, которое часто является причиной того, что некоторые молодые люди, подростки становятся на неправильный путь поведения. Если глубоко вдуматься в суть этого поведения, станет ясно, что так называемые пережитки прошлого в сознании нашего человека — это, по сути, нарушение гармонии интеллектуальной жизни и эмоциональной культуры. В одних случаях это связано с убогим, ограниченным кругом умственных интересов, в других — с дремучим бескультурьем «образованного» человека.

Особенности духовной жизни современного советского человека заставляют задуматься над сущностью и методами воспитания.

Среди учителей часто можно слышать жалобы: «Трудно воспитывать человека в наше время, особенно подростков. Трудно потому, что, кроме школы, из других источников они добывают много знаний, все это нужно осмыслить, «переварить». Трудно воспитывать подростков еще и потому, что несравненно обострилось их внимание к собственному духовному миру».

А может, эти факторы нужно сделать союзником воспитателя? Подросток способен много познавать. Следовательно, нужно использовать эту особенность духовной жизни так, чтобы познание окружающего мира становилось вместе с тем и моральным развитием. Эффективность воспитания подростков в значительной мере зависит от того, что они знают о человеке, как эти знания превращаются в убеждения, как убеждения утверждаются в деятельности. Переживание чувства собственного достоинства, вытекающее из самой социальной основы нашего общества, является для личности как бы лучом, направленным в собственную душу. Нужно, чтобы он никогда не

угасал. Это возлагает на воспитателя большую ответственность, требует от него исключительного мастерства в сфере человековедения. От воспитателя сейчас требуется не только чуткость и внимательность, а умение разобраться во взглядах каждого человека на собственный духовный мир. Поэтому совершенно необходимо, чтобы взгляды эти были и чтобы они были правильными, высокоидейными. Годы и годы потребовались мне для понимания того, как побудить подростка подумать о себе, задуматься над собственной судьбой.

Без уважения к самому себе нет моральной чистоты и духовного богатства личности. Наш важнейший педагогический инструмент — умение глубоко уважать человеческую личность в своем воспитаннике. Мы этим инструментом призваны творить очень нежную, тонкую вещь: желание быть хорошим, стать сегодня лучше, чем был вчера. Это желание не возникает само по себе, его можно только воспитать. Самый характер, социальные основы нашего общества требуют, чтобы главной связующей нитью воспитателя и воспитанника были искренние желания: желание воспитанника стать лучше и желание педагога видеть воспитанника лучшим, чем он есть сейчас. Уважение к личности воспитанника — это главнейшая предпосылка требовательности коллектива и педагога к человеку, предпосылка настоящей, коммунистической дисциплины, которая невозможна без умения человека заставить самого себя делать как раз то, что необходимо и полезно обществу. Воспитать чувство собственного достоинства, чести, уважения к самому себе можно лишь тогда, когда человек ощущает, чувствует себя хозяином в своем собственном духовном мире, когда в нем есть определенная граница, которую никто не имеет права переступить.

Как-то ко мне пришла мать шестиклассницы Зины и поделилась своей тайной. Последнее время в семье стало очень напряженно; отец ведет себя не так, как должно. Зина это тяжело переживает, но больше всего она боится, что кто-то узнает о недостойном поведении отца. Мать просила: «Помогите, поддержите девочку, но свято берегите тайну...» Да, учителю часто приходится быть хирургом. Касаться самых больных мест так, чтобы человек не знал об этом. Как помочь девочке? Сколько раз складывались такие обстоятельства, что мы вдвоем были

увлечены работой. Я рассказывал о морально стойких, мужественных, гордых, красивых душою людях. Главное, к чему я стремился, чтобы девочка не примирилась со злом, не закрыла на него глаза. Даже если не будет иных способов борьбы, пусть разовьется в ней непримиримость и ненависть к злу. Я получил большую радость от того, что в глазах девочки светилась гордость за те красивые чувства, которые она берегла и укрепляла в себе. Это были беседы с глазу на глаз человека с человеком. Многолетний опыт убеждает в том, что в годы отрочества это так же необходимо, как и влияние коллектива на духовный мир личности.

Беречь интимность, неприкосновенность духовного мира подростка — одна из важнейших задач воспитания. Если кто-то посторонний вмешивается буквально во все, о чем думает, что переживает подросток, что он хочет уберечь от постороннего взгляда, — это притупляет эмоциональную чуткость, огрубляет душу, воспитывает «толстокожесть», которая в конце концов приводит к эмоциональному невежеству.

Обнажение самых чувствительных уголков сердца, стремление «задеть» подростка «за живое», «потрясти», «ошеломить» разнообразными сильными, волевыми способами влияния — это признаки элементарного педагогического бескультурья. Если хотите, чтобы подросток пришел к вам за помощью, открыл вам свою душу, — берегите именно те уголки его души, прикосновение к которым воспринимается болезненно. Гражданская стойкость, мужество, настойчивость, которые мы, педагоги, призваны воспитывать в человеке с первых шагов его самостоятельной жизни, в значительной степени зависят от того, как развиваются и крепнут волевые силы ребенка, как человек выражает себя в самостоятельных поступках в годы детства и отрочества — в поступках, которые утверждают моральное достоинство и волевою независимость.

Уважение к личности воспитанника закономерно ведет к расширению сферы личного, интимного, неприкосновенного. Логика духовной жизни современного человека требует того, чтобы в эту сферу включалось все, что связано с взаимоотношениями ребенка, подростка, юноши и родителей. Духовно-психологические и морально-этические отношения в семье становятся в наши дни все тоньше, все богаче. К сожалению, бывает, что немало вопросов

и предложений, которые педагоги ставят своим воспитанникам, если внимательно в них вдуматься, часто требуют обнажения личного, интимного, «вывертывания» души. Чуткий к собственному духовному миру маленький человек иногда воспринимает замечание как оскорбление не только себя, но и матери, отца. Бывает, случайно брошенное слово порождает в юной душе такое глубокое смятение, что воспитанник всю жизнь не может забыть обиды, тогда как воспитатель ничего не заметил... Одна учительница спросила пятиклассника, смотрела ли мать его дневник в прошлую субботу. «Нет, не смотрела», — ответил мальчик. «А-а-а, ей некогда смотреть твой дневник, это я знаю...» — заметила учительница, и в словах ее было столько иронии, что на глазах у мальчика выступили слезы. Мальчик догадался, что до учительницы дошли слухи, распространяемые о его маме нехорошими людьми: будто она ведет себя легкомысленно. Почувствовав, что вложила учительница в свои слова, мальчик замкнулся. Его душа стала жестокой. Он нарочно делал учительнице одну неприятность за другой. До самого окончания школы он не мог забыть обиды. Еще тревожнее было в другой школе: одноклассники говорили девочке, что отец ее «такой-сякой», а девочке было безразлично. Это просто страшно: у ребенка притупилось чувство собственного достоинства.

Иногда на родительских собраниях обсуждают то, о чем можно говорить лишь наедине с родителями. Это приводит к огрублению эмоциональной сферы не только родителей, но и детей, потому что все приобретенное матерью и отцом неприметно, по капле передается детям.

Томас Манн сказал однажды, что человек стоит между зверем и ангелом. Кем он станет — это зависит от воспитания. Опасность приблизиться к зверю и отдалиться от ангела больше всего грозит человеку там, где не облагораживается его половой инстинкт. Вся многогранность мира человека облагораживает человеческий инстинкт продолжения рода, но необходим еще и специальный комплекс способов облагораживания «голоса крови». В этом комплексе, на мой взгляд, главнейшими являются две вещи, без которых невозможно полноценное воспитание подростков: культ матери и целомудрие.

Я всегда стремился к тому, чтобы имя матери стало святыней для каждого воспитанника. От матери человек

берет все прекрасное и самое чистое; особенно велико влияние духовного богатства матери на сына, дочку в годы отрочества и ранней юности. Я стремился, чтобы каждый мой воспитанник в эти годы отдавал много духовных сил во имя счастья и блага матери, творил ей радость.

У маленького Данька были какие-то странные отношения с матерью. Меня тревожило холодное равнодушие, с которым мальчик встречал известие о том, что после трехдневной работы на далеком полевом стане мама вернулась домой. Мать же не умела пробудить в душе сына волнения, тревоги, заботы. Эмоциональные отношения в семье — это особенно тревожило меня — были весьма примитивны. Как их облагородить, обогатить, как предотвратить, чтобы мальчик не вырос черствым, равнодушным человеком, чтобы он был готов к пробуждению юношеского чувства любви к девушке? Началась длительная, кропотливая работа. Ее можно назвать осторожными прикосновениями к сердцам — и материнскому, и сыновнему. Создавались такие обстоятельства, чтобы сын вкладывал свои духовные силы в материнскую радость. Вот он работает летом в колхозе, я советую: «Купи маме подарок на первый свой заработок». Парнишка с радостью покупает шелковый платок, приносит его матери. А через несколько недель — день рождения матери. «Не только преподнеси ей в этот день подарок, но и замени на работе — пусть мать отдохнет несколько дней, а ты поработай за нее на животноводческой ферме». Добро — великая сила, которая пробуждает в сердце чистые, благородные чувства. Холодное равнодушие, которое волновало меня в отношениях Данька с матерью, постепенно сменилось лаской, взаимной готовностью сделать что-то хорошее для дорогого человека.

Каждый новый год работы в школе все больше убеждал меня, какое огромное значение имеет то, чтобы сын в сложный период отрочества открывал, познавал в матери любовь и человеческое достоинство, честность и непримиримость к злу.

Настоящим гражданином, стойким борцом за высокие идеалы становится только человек, который в годы детства и отрочества овладел высоким искусством человечности — научился быть преданным сыном, преданной дочерью своих родителей. Преданность — не безмолвная

покорность, а облагораживающие взаимоотношения в семье, творение радостей для матери и отца.

Целомудрие — моральная предпосылка чистой, благородной любви. Кое-кто считает (это отражается и на практике воспитания), что в период полового созревания все будет хорошо, если объяснять мальчикам и девочкам все, что с ними происходит. И объясняют, толкуют, обсуждают, организуют диспуты, побликуют в молодежных газетах открытые письма четырнадцати-пятнадцатилетних девочек («Как найти друга жизни?», «Правильно ли я поступила, объяснившись парню в любви?»). О любви и дружбе часто говорят на комсомольских собраниях (а в комсомол принимают с 14 лет) и на пионерском собрании таким же деловым тоном, как о сборе металлолома. Все это вносит примитивизм в духовно-психологические и морально-эстетические отношения между подростками, вульгаризует чистое и высокое, сеет зерна равнодушия в юных сердцах. Ошибки и недочеты в половом воспитании огрубляют не только эту сферу человеческих отношений — они оставляют грубый рубец на сердце, оставляют боль, обиду.

Благородство во взаимоотношениях между юношей и девушкой, мужчиной и женщиной — это дерево, которое зеленеет только тогда, когда его красота питается глубокими корнями человеческого достоинства, чести, уважения к людям и к самому себе, непримиримости к злу, грязи, унижению человеческого достоинства. Мастерство воспитания в том и состоит, чтобы на всей долгой дороге человеческого утверждения — от первого дня, когда ребенок переступил порог школы, до первой мысли о самостоятельной жизни — воспитанник никогда не испытал оскорбления человеческого достоинства, чтобы стремление утвердить собственную честь и достоинство было важнейшим стимулом к нравственному совершенствованию. На этом пути для подростка вовсе не безопасна встреча с бессердечностью, произволом, унижением, которые огрубляют юное сердце, гасят в нем чуткость к чувству собственного достоинства и чести, делают человека равнодушным и жестоким.

Грубость поднимает из тайников людской души низменные инстинкты. Анализируя причины того, что приводит отдельных подростков к нарушениям моральных норм нашего общества, а иногда и к моральному падению,

чаще всего видим убогость эмоциональной и эстетической жизни человека в годы детства, отрочества и ранней юности. Эмоциональная невоспитанность рождается там, где благородные душевные порывы не соединяются с волевыми усилиями, где человек не побуждается к творению добра и счастья для других, к борьбе против зла, унижения человеческого достоинства. Один из страшнейших врагов отрочества и ранней юности — примитивизм эмоциональной и эстетической жизни, убогость выражения внутреннего духовного мира. Всегда я заботился о том, чтобы мои воспитанники переживали многогранные, разнообразные оттенки таких благородных чувств, как сочувствие, жалость, тревога и беспокойство о добре, благе и радости других людей, укоры сомнений. Меня всегда беспокоило: умеет ли мой воспитанник, встретившись с человеком, почувствовать, что у того неспокойно на сердце, что тот переживает глубоко затаенное горе? Умеет ли подросток прочитать в людских глазах горе, отчаяние? Я считал, что эта азбука эмоциональной культуры является вместе с тем азбукой нравственного благородства, без которого невозможно настоящее братство людей, непримиримость к злу, дружба, счастье, преданность высоким идеалам.

Чтобы мальчики и девочки постигли азбуку эмоциональной культуры, я водил их к людям. Мы встречались с людьми в поле, на ферме. Я учил мальчиков и девочек прислушиваться к словам старших, читать в их глазах мысли и чувства, принимать близко к сердцу все, что волнует, тревожит, беспокоит. Мне доставляло большую радость то, что стремление познать душу человека облагораживает чувства мальчиков и девочек. Чем ближе сердцу подростков делались горе, печаль, тяжелые переживания людей, тем более тонкими, чуткими, благородными становились юные сердца. Однажды я рассказал своим мальчикам и девочкам — шестиклассникам — о тяжком горе матери, маленький сын которой недавно искалечил себя, играя найденным в земле патроном. Встреча со слепым мальчиком глубоко взволновала подростков. Через несколько дней после этого поздним вечером пришла ко мне Люда — маленькая белокобая девочка. Со слезами на глазах она рассказала: «Сегодня мама целый день в глубокой печали сидит у стола, склонив голову на руки. Я зову

ее, спрашиваю: «Что с вами, мама?», а она молчит, словно не слышит. Помогите, посоветуйте, что делать».

Как я помог Люде и ее матери — об этом можно было бы многое рассказать, но сейчас речь идет о чуткости, высокой эмоциональной культуре каждого воспитанника. Эти вещи необходимы не только для того, чтобы жизнь человека, которого мы воспитываем, была богатой и полноценной. Эмоциональная культура — это, образно говоря, правильно настроенная скрипка. Только тогда, когда скрипка настроена, на ней можно играть. Только тогда, когда человек постиг азбуку эмоциональной культуры, его можно воспитывать. Без эмоциональной воспитанности напрасными будут слова о формировании и утверждении высоких гражданских чувств, о воспитании убеждений, об эстетике жизни и труда.

Духовный мир современного человека требует глубокого совершенствования педагогического процесса вглубь, в направлении повышения культуры морально-эмоциональных отношений между воспитателем и коллективом, между воспитателем и личностью каждого воспитанника. Миссия воспитателя состоит в том, чтобы в годы детства и отрочества развивать, облагораживать в своих воспитанниках тончайшие душевные, сердечные, нервные механизмы, через которые осуществляются отношения между личностью и миром человека. В детстве и отрочестве эти механизмы очень чутки, их необходимо беречь, не допускать огрубления, примитивизма, морально-эмоциональной пустоты.

Тончайшими способами влияния на юную душу являются, по моему мнению, слово и красота. Было время, когда школу критиковали за то, что воспитание в ней «болеет» словесностью. Эта критика (отзвуки ее можно услышать и сейчас) — недоразумение. Она вызывает большое удивление. Воспитание словом — самое слабое и наиболее уязвимое место современной советской школы. Отсутствие правильного, умелого воспитания словом в отдельных школах порождает много бед. Проблема воспитания словом — одна из самых жизненных и острейших проблем, над которыми, на мой взгляд, прежде всего нужно работать и в теоретическом, и в практическом плане. Тонкость внутреннего мира человека, благородство морально-эмоциональных отношений не утвердишь без высокой культуры словесного воспитания. Многолетний

опыт убеждает в том, что слово учителя пробуждает в маленьком ребенке, а потом в подростке, юноше, девушке чувство человека — глубокое переживание того, что рядом со мной человек со своими радостями и печалью, интересами и нуждами.

Пробуждение, развитие, постоянное культивирование чувствования человека невозможно без увлечения человеком, без удивления его красотой, мужеством, героизмом. В детстве мои воспитанники слушали рассказы о людской красоте; глубоко переживали гордость за величие, героизм человека, его преданность коммунистическим идеалам. Я написал повесть, в основу которой лег героический подвиг Клавдии Ильиничны Абрамовой. Проявив большое мужество в борьбе с фашистами, она попала в лапы гестапо, была расстреляна вместе с двумя дочками. «Я не на всякую жизнь соглашусь. Не стану предательницей!» — гордо ответила она врагам, поцеловала детей и повела их на расстрел. В этом героическом событии во всей полноте раскрывается смысл того понятия, что человек — наивысшая ценность, что жизнью и смертью героя измеряется красота, величие Родины.

Опыт привел меня к выводу, что для воспитания высокой эмоциональной культуры, для утверждения чувства человека необходимы художественные произведения, которые в ярких образах раскрывали бы идею чуткости, сердечности. Я написал хрестоматию «Мысли о человеке». Это коротенькие рассказы и сказки, которые вызывают у детей раздумья о человеке, сочувствие к его горю и несчастью. Вот два из них:

Почему у бабушки и дедушки на глазах слезы?

На столе маленький радиоприемник. У стола — папа и мама. В соседней комнате на диване сидят дедушка и бабушка. Маленькая Аленка играет на полу плюшевым медвежонком и смотрит, как папа, мама, дедушка и бабушка слушают музыку.

Удивительная эта музыка: кажется Аленке, что над открытым окном склонились волшебные цветы — большие-большие розы, над цветами летает пчела, в небе спит солнце, а видна далекая степь...

Видит Аленка, как в глазах папы и мамы вспыхивают ласковые искринки. Коснулся папа рукой пальцев мамы, и маминно лицо осветила добрая улыбка.

Но почему это бабушка и дедушка такие печальные? Почему на глазах у них слезы? Неужели от розы, пчелы и солнца плачут?

Разве наша бабуся — деточка?

У шестилетней Катюши две бабушки — бабуся Катерина и бабуся Марина. На самом деле бабуся одна — Катерина. А Марина — мать бабушки Катерины, то есть прабабушка. Они одинаково старенькие, одинаково добрые, и потому для Катюши они обе — бабуся.

Весною захворала бабуся Катерина. Долго хворала и умерла.

Пошла Катюша, плача, за гробом бабушки. Пошла проводить бабуся в последний путь. Рядом с Катюшей шла бабушка Марина. Плачет бабушка Марина и, плача, приговаривает:

— Куда же это тебя несут, дитя мое? Откуда же мне ждать тебя и откуда выглядывать, деточка моя белявенькая?

Катюша спрашивает у мамы:

— Мама, а разве наша бабуся Катерина — деточка?

— Деточка, доченька, деточка... До последнего дыхания каждый человек — деточка.

В печальных глазах Катюши — нелегкая дума.

Литература — это искусство мысли, — писал Л. Леонов. Для воспитания благородных чувств необходимы художественные произведения, которые пробуждали бы в детях мысль о высшей ценности мира — человеку.

Чувствование человека не пробудишь без сочувствия, сопереживания, без умения принять в свое сердце тончайшие движения души другого человека. Я написал рассказ, основой которого взял событие, происшедшее в тяжелый сорок первый год на Волге: мать, которая эвакуировалась с двумя маленькими дочерьми — полутора и трех лет, на минуту оставила их в зале ожидания на вокзале и пошла за водой. В это время начался налет вражеской авиации, мать была убита, дети остались сиротами. Они лежали на скамье, печальными глазами всматривались в каждую женщину, входившую в зал, спрашивали: «Где наша мама?»

Слово и является как раз тем инструментом, которым можно пробудить в детях умение видеть в людских глазах тончайшие оттенки переживаний: горе, тревогу, обиду, отчаяние, печаль, безнадежность, одиночество. Целая страница моего рассказа была посвящена глазам девочек, оставшихся сиротами. Я с радостью видел, что после чтения рассказа дети стали внимательно всматриваться в глаза тех, кто их окружал.

Это необходимо не для воспитания слезливой чувствительности, нет. Без широкого и полного диапазона чувств не будет полноценного человека. Одной из важнейших воспитательных задач школы является формирование духов-

ной готовности к идейной борьбе за дело Коммунистической партии. В этой борьбе главнейшее — чувство классового братства, чувство идейного единства со своими единомышленниками и соратниками по борьбе. Дружба, товарищество, братство — эти святые законы коммунистической морали утверждаются в юных сердцах не для чего-то абстрактного, а для того, чтобы в любую минуту человек человеку приходил на помощь. Речь идет о помощи опять-таки не какому-то абстрактному человеку, а своему соотечественнику.

Очень важно ввести подростков в мир тонких человеческих взаимоотношений. Я добивался того, чтобы каждый подросток сам встретил человека, который потребует помощи, сочувствия. Никакие коллективные мероприятия не могут заменить этого глубоко индивидуального движения человеческой души. Мне удалось достичь того, что каждый подросток не только встретил человека, которому нужно было помочь, но и разделил людское горе, помог в беде и — это особенно важно — не считал необходимым рассказывать об этом товарищам. Я увидел, как облагораживают эти поступки подростков. Благородство светилось в глазах Феде и Павла, когда они приходили от деда Матвея — девяностолетнего колхозника, у которого не осталось никого в семье — все умерли, — и одиночество стало для него большим горем. Федя и Павел шли к бабушке с книгой, журналом, рассказывали ему много интересного о достижениях науки и техники. Трудно передать словами радость, которую доставляли старому человеку подростки. А для них самих это была настоящая школа морального и эмоционального воспитания. Они сердцем своим постигли великую истину нашего бытия: не может, не должно быть у нас одинокого человека. Когда Федя и Павел поняли, что в полном одиночестве дед Матвей доживает свой век, это потрясло их. Помню ночь, когда мы почти до рассвета говорили о цели, смысле и ценности человеческой жизни. Для меня большим счастьем было ощущение того, что я в эти часы оттачиваю, отшлифовываю у своих воспитанников тончайшие чувства.

Рядом со словом таким же тонким и нежным средством влияния на юную душу является красота. Понимание и ощущение красоты, радость освоения и творения красивого — одна из важнейших предпосылок, чтобы человек, говоря словами Маркса⁴, видел самого себя в

созданном им мире. В годы отрочества, когда человек внимательно всматривается в самого себя, ощущая в себе рождение активной, деятельной личности, сравнивает себя со своими отцом-матерью, с воспитателем, — в этот период чрезвычайно важно, чтобы подросток нашел, ощутил, осмыслил в себе человеческую красоту, пережил чувство восхищения красотой в самом себе. Но утверждение красоты в себе невозможно без освоения эстетических ценностей, созданных человечеством, без формирования человеческого чувствования природы, без гармонической системы всей жизни коллектива. Задача школы — делать так, чтобы уже в годы отрочества человек жил в мире красоты. Это одна из решающих предпосылок самовоспитания, самоусовершенствования, наконец, власти разума, мудрости, нравственного благородства над тем инстинктом, который потребует длительного облагораживания, — над инстинктом продолжения рода человеческого.

Одна из очень тонких и важных проблем воспитания — добиваться того, чтобы человек видел, чувствовал людскую красоту, людской труд, людское достоинство в вещах, предметах, ценностях, созданных человеком для человека. Эстетика жизни — это прежде всего красота труда во всем его разнообразии и многогранности. В человеке одновременно рождается и утверждается чувство уважения к самому себе и чувство уважения к труду. Уважение к самому себе невозможно, немыслимо без переживания красоты того, что делаешь, — красоты цели, красоты процесса труда. Сплав этих чувств и мастерства — это, по моему глубокому убеждению, и есть то, что принято называть творчеством, творческим отношением к труду.

Мысль философов, педагогов, психологов направлена сейчас к одной из сложнейших проблем коммунистического преобразования общества: каким образом труд станет органической потребностью человека? На эту ступень морального развития наше общество поднимется тогда, когда каждый будет видеть, чувствовать собственную красоту в мире, который создается людьми.

Красота как средство морального, эмоционального и эстетического воспитания выражается в том, чтобы, познавая эстетические ценности, ученик чувствовал гордость за мудрость, талант человека-творца. Эстетическое наслаж-

дение красотой приобщает личность ко всему мудрому и прекрасному, созданному человечеством.

Мастерство и искусство воспитания состоят в том, чтобы эстетические ценности уже в детстве составляли индивидуальный, личный мир красоты в жизни воспитанника.

В современном человеке нужно воспитывать интеллектуальную тонкость, отзывчивость, чуткость к человеческой мудрости. Только уроками, усвоением обязательных знаний, выполнением домашних заданий, ответами на вопросы учителя этих качеств не воспитаешь. Пытливость, любовь к познанию — это извечные и неискоренимые человеческие потребности, они воспитаны тысячелетним опытом общественного труда и познания мира. Но если удовлетворение этих потребностей превращается только в обязанность, в повинность, — пытливость угасает, уступая место равнодушию к знаниям. Интеллектуальное равнодушие, бесстрастность, убогость интеллектуального мира — все это притупляет чуткость к мудрости, новизне, богатству, красоте знаний. Это опасно для умственной жизни подростка. Плохо, если после рассказа учителя нет никаких вопросов, все понятно. Это первый признак того, что удовлетворение интеллектуальных потребностей стало надоевшей повинностью.

Задача воспитателя-педагога (а каждый педагог является прежде всего воспитателем) состоит в том, чтобы в сознании каждого ученика не угасал огонек жажды познаний. Эти огоньки освещают человека, помогают понять, познать его, пробуждают взаимный интерес человека к человеку. С этого начинается сложный процесс взаимного духовного общения, обмена духовными ценностями. Я добивался того, чтобы уже в детские годы и особенно в годы отрочества ученики делились своими мыслями о том, что их волнует, мысля, переживали и, переживая, мыслили, а самое главное — спорили. Без столкновения мыслей не может быть взаимного духовного общения, не может утвердиться и потребность в человеке. Я стремился к тому, чтобы каждому подростку встретилась книга, в которой кроется разгадка тайн, волнующих его. Книга в жизни подростка — это целая сфера воспитания, к сожалению еще очень мало исследованная.

Человека к человеку притягивает также богатство эстетических запросов, интересов, потребностей. Убогость эстетической жизни личности — это каменная стена, отде-

ляющая человека от человека, это одна из коренных причин примитивности той основы, на которой строится духовное общение между зрелыми людьми, это причина ограниченности взаимной требовательности, в частности, в ту пору, когда человек создает семью. Забота об эстетическом богатстве личности является, образно говоря, созданием магнитного поля, которое притягивает человека к человеку.

Особенно большое значение имеет эстетика отношений между мальчиками и девочками, юношами и девушками, Прежде чем, покоряясь инстинкту, полюбить в девушке личность противоположного пола и испытать влечение к ней как к женщине, молодой человек, юноша должен полюбить в ней человека. От того, насколько наш воспитанник готов духовно к этому большому творчеству — полюбить в женщине прежде всего человека, зависит благородство, чистота, тонкость взаимоотношений между мужем и женою. Это вообще корень моральной, эмоциональной и эстетической культуры и воспитанности — корень, который питает дерево мира человека всю его жизнь. Если обмен духовными богатствами между подростками вообще играет огромную роль в облагораживании чувств, в воспитании культуры духовного мира личности, то обмен духовными богатствами между мальчиком и девочкой, юношей и девушкой, мужчиной и женщиной играет исключительную роль. Очень важно, чтобы уже в годы отрочества отношения между мальчиком и девочкой строились на духовной общности интересов, потребностей, запросов. Богатство моральной, интеллектуальной, эмоциональной и эстетической жизни личности, обмен духовными богатствами — это основа для взаимного познания человека человеком. Наши моральные идеалы требуют, чтобы воспитание чистоты, красоты взаимоотношений между мужчиной и женщиной начиналось в школе именно с этого взаимного познания, взаимного проникновения в духовное богатство другого человека. Я всегда видел очень важную воспитательную задачу в том, чтобы уже в детстве и отрочестве мальчик восхищался красотой ума, духа, воли, характера девочки, чтобы это восхищение оттачивало тонкость его собственных чувств, чтобы желание стать лучше вдохновляло юное сердце на труд, возбуждало усилия, направленные на моральное самовоспитание.

Уместно припомнить прекрасную мысль Шиллера о том, что напряжение отдельных духовных сил может создать выдающегося человека, но только равномерное сочетание духовных сил создает людей счастливых и совершенных. Забота о гармоничном развитии морали, ума, чувств, о воспитании благородства сердца, чистоты всех духовных порывов и устремлений является сущностью воспитания нового человека.

Как открытие переживает подросток мысль. «Я такая же личность, как и мой отец, мать, учитель, любой из взрослых». Эта мысль рождает бурный поток противоречий подросткового возраста. Все, что окружает, всех, с кем встречаются в жизни подростки, они резко делят на добро и зло. Подросток еще не умеет мысленно углубиться в суть фактов, явлений. Его оценка добра и зла прямолинейна и прежде всего эмоциональна — бурная, откровенная, резкая. Он склонен к поспешным выводам и обобщениям.

В начале своих записок я рассказал о подростке, который вспыхнул, когда учитель обвинил его в неуважении к человеческому труду. Почему он даже нагрубил учителю (если грубостью считать резкий тон острого, но, с точки зрения подростка, справедливого слов)? Он вступил в тот период духовного развития, когда все, что совершается вокруг, глубоко волнует личность, становится личным интересом. Его поразило несоответствие, как ему казалось, между тем, что он слышит, и тем, что видит в жизни. В этой вспышке подростка как раз и обнаружилось одно из противоречий духовного развития в годы отрочества, — с одной стороны, непримиримость к злу, неправде, готовность вступить в борьбу с малейшим отклонением от истины и, с другой стороны, неумение разобраться в сложных явлениях жизни.

На это противоречие духовного развития подростка необходимо обратить внимание. В этом противоречии подросткового возраста есть хорошее и плохое. Хорошее — это непримиримость со злом. Это бурная эмоциональная оценка зла — ненависть, отвращение ко всему, что прини-

жает представление подростка об идеале добра, правды, красоты.

Как драгоценную святыню нужно беречь в юных сердцах этот огонек непримиримости со злом. Не пытайтесь погасить вспышку юной непримиримости, не стремитесь к тому, чтобы во всех случаях жизни подросток сначала хорошо все обдумал, взвесил, а уже потом решил, что ему делать — любить или ненавидеть, восторгаться или негодовать, вмешиваться в ход событий или быть равнодушным наблюдателем. Припомним слова К. Д. Ушинского⁵. в огне юности вырабатывается характер человека. Ничем не нужно сдерживать горячую, бурную эмоциональную реакцию подростка на зло, которое он видит, о котором знает. В те минуты, когда вы видите такую вспышку, когда подросток высказывает свой взгляд на отрицательное явление нашей жизни (конечно, часто в его словах бывают ошибки), не нужно забывать, что мы как раз и имеем дело с формированием характера. Огня души не погасить без боли для души. Это большое счастье, что он горит. Поддержите подростка, помогите ему разобраться в собственных мыслях и сомнениях — вот что очень важно, если правда на его стороне, воспитатель сам зажигается благородным огнем. Он делается единомышленником подростка, его другом, товарищем; а какая это великая сила в воспитании! Конечно, «заданных» чувств не бывает, воспитатель не может предвидеть свои сердечные порывы, однако переживания должны быть отражением его настоящего духовного мира.

Если учитель старается погасить эмоциональный огонек, зажженный готовностью одолеть зло,— это может воспитать равнодушие и лицемерие. Если мальчик, юноша, увидя зло, неправду, спокойно посмотрит, придет к вам и спросит, что вы посоветуете сделать, то пусть вам не кажется, что вам удалось вырастить добрый урожай на ниве воспитания. Это не пшеница, а чертополох. Спокойная рассудительность, предусмотрительность воспитывают труса и обывателя, равнодушного ко всему, что происходит вокруг.

Воспитание только тогда становится творением человека, когда бурные страсти волнуют юные сердца. Пусть подростки еще недостаточно опытные, им нелегко найти путь, по которому нужно направить огонь своего сердца,— мир должен входить в их сердца так, чтобы в нем

не оставалось спокойного уголка. Большая опасность в воспитании юношества — эмоциональная спячка. Высокие эмоциональные слова остаются для подростка пустым звуком, если сердце его спит. А если спит сердце, истины понятны человеку, но они не становятся его убеждениями. Там, где эмоции не принимают участия в познании, подросток не применяет к себе истины, которые раскрывает перед его сознанием воспитатель; воспитание не становится самовоспитанием, а потому перестает быть и настоящим воспитанием.

Если вы хотите, чтобы ваши слова всегда доходили до ума подростка, разжигайте огонек эмоциональной оценки окружающего мира. Вслушивайтесь в то, что волнует, тревожит подростков. Беспристрастность — плохой воспитатель. Пристрастность пусть наполняет слова учителя живой плотью и кровью идейности.

Идеи становятся дорогими, святыми правилами, когда они живут в сердце. Поэтому нужно, чтобы юное сердце жило богатой идейпой жизнью. Идеи нельзя представить без страстей. Дорогие нашим сердцам коммунистические идеи — это благороднейшая человеческая тревога о добре для всех трудящихся мира, ненависть к врагам коммунизма, демократии, мира, справедливости. Мастерство воспитания состоит в том, чтобы в каждом сердце жил в миниатюре мир борьбы единственного настоящего добра — коммунизма — против самого страшного зла — мировоззрения человеконенавистничества, угнетения человека человеком — идей буржуазного мира. Мастерство воспитания юношества состоит в том, чтобы каждый, перед кем открывается мир общественной жизни, умел правильно определить свою позицию при тех обстоятельствах, когда добро означает только борьбу, только мужество, только труд, только напряжение всех сил. У настоящего воспитателя не только горячее сердце, от которого зажигается огонь благородства, но и мудрость, умение. Нужно учить молодежь жить, а это значит прежде всего учить никогда не быть спокойным. Это значит учить видеть в мире, вокруг себя ту ниву, вспахивая и обрабатывая которую молодая сила утверждает настоящее добро: коммунистические идеи. Бойтесь того, чтобы огонь юного сердца не превратился во вспышки. Воспитапник прислушивается к вашему мудрому совету тогда, когда с вашей помощью найдет правильный путь борьбы за утверждение самого себя как гражданина.

Второе противоречие отрочества: подросток хочет быть хорошим, стремится к идеалу и в то же время не любит, чтобы его воспитывали, не терпит той «оголенности» идей, тенденций, которая иногда становится настоящим бедствием школьного воспитания. Ф. Энгельс писал, что тенденция должна вытекать сама собой, из положений и действия⁶. Эта мысль очень важна для воспитательной работы. Истина становится дорогой, родной для человека, особенно в подростковом возрасте, если человек приложил собственные усилия, чтобы постичь эту истину, словно открыть ее. Найдите такую тропку к юному сердцу, чтобы оно увлеклось примером настоящей моральной красоты, чтобы в нем пробудилось чувство удивления, благоговения перед этой красотой. Если есть эти чувства, то мысль, обобщающая нравственные правила, становится собственным приобретением, завоеванием собственных духовных сил.

Особенно неприемлема в воспитании оголенная тенденциозность тогда, когда речь идет о святыне нашего сердца — любви к Родине, готовности отдать жизнь во имя ее чести, славы, могущества. Высокие слова только тогда волнуют, когда они лежат в глубине сердца неприкосновенными, когда только собственной мыслью человек проникает в собственную святыню, проверяя самого себя, ставя вопрос: «Для чего я живу на свете? Что я должен сделать для Родины?»

Я рассказываю подросткам о Сергее Лазо, а главная моя цель — чтобы воспитанники мои думали каждый о самом себе, чтобы собственные силы, собственная судьба, собственная готовность к благородному поступку и подвигу мыслились как частица Родины. Я твердо убежден в том, что из мысли о себе, о своем вкладе в большие дела Родины начинается воспитывающее влияние коллектива, точнее, задумавшись над вопросом о цели собственной жизни, подросток переходит к другой мысли: «Что обо мне думают люди? Каким они видят меня?» Воспитание только тогда даст желаемые результаты, когда человек, которого вы только что вывели на нелегкий путь жизни, сравнивает себя с нравственным идеалом, который его увлек, одухотворил.

Там, где есть мысленное сравнение, коллектив становится могучей воспитательной силой, потому что каждый

член коллектива предъявляет повышенные требования к самому себе и благодаря этому повышенные требования к товарищам. Прimitивно и бессильно то воспитание, где воспитатель, поделив коллектив на «чистых» и «нечистых», сравнивает лучших с худшими только вот тут, в первичной ячейке нашего общества. Влияние коллектива на личность очень тонкое средство воспитания. Без преувеличения можно сказать: это самое нежное и самое хрупкое, что есть в духовных взаимоотношениях между людьми. Коллектив только тогда становится настоящей облагораживающей силой, когда слабейший духовно видит в глазах преобладающего большинства своих товарищей увлечение нравственным идеалом, видит стремление во что бы то ни стало достичь вершины нравственной красоты. Утверждение коллектива как воспитывающей силы нужно начинать с формирования идейного взгляда, идейной убежденности. Нельзя без тревоги смотреть на то, как во многих школьных коллективах вызванный для «обсуждения» перед лицом коллектива чувствует, что на него хотят повлпать не столько для его блага, сколько для науки другим. В таких случаях коллективное обсуждение сложных явлений духовной жизни не может быть чутким, сердечным; подросток болезненно переживает «выворачивание души», и то, что он ошетинивается перед коллективом, молчит или допускает резкие ответы на шаблонные предложения «покаяться», «дать последнее слово», — все это говорит не о его моральной испорченности, а, наоборот, о чистоте и благородстве его духовных порываний, о непримиримости к фальши.

Воспитание детей, подростков — как и взрослых — совершается только тогда, когда есть самовоспитание. А самовоспитание — это человеческое достоинство в действии, это могучий поток, который движет колесо человеческого достоинства. Настоящее мастерство воспитания подростка — дать ему возможность самому подумать, как воспитывать себя, как стать лучше, как бороться за самого себя, преодолевая трудности, переживая радость победы. Если хотят «выдавить» из него обещание исправиться, если его принуждают дать «последнее слово», он, в лучшем случае, чувствует, что это фальшь, потому что он не представляет, как ему исправиться, что требуется в этом деле от него. Маленький человек чувствует себя бессловесным объектом воспитания, когда никто не пытается глубоко поинтере-

ресоваться личными причинами предосудительного поступка, а в присутствии всего общества далеко не всегда откроешь свою душу. За тридцать лет работы в школе мне довелось разбирать с то как будто бы совершенно одинаковых проступков: подросток скрыл от родителей неудовлетворительные оценки, поставленные учителем. Но в каждом случае есть свои причины, свои нравственные и эмоциональные мотивы, и главное вот что: если бы учитель, вместо того чтобы ставить в дневник неудовлетворительную оценку (специально для того, чтобы увидели родители), поговорил с подростком, дал ему индивидуальное задание, назначил время для личного разговора (да, не экзамена, а разговора), подросток думал бы о себе лучше, уважал бы себя больше, а это уже половина успеха воспитательной работы.

Весьма огорчительно, когда вместо вдумчивого проникновения в духовный мир человека видишь стандартное, шаблонное решение: виноват — не виноват. Но в жизни бывают тысячи разнообразнейших обстоятельств, когда вообще нельзя оценивать ситуацию с этой точки зрения. Нужно видеть духовное развитие подростка в перспективе, самое главное — видеть утверждение его гражданского достоинства, его уважения к самому себе.

Без научного предвидения, без умения закладывать в человеке сегодня те зерна, которые взойдут через десятилетия, воспитание превратилось бы в примитивный присмотр, воспитатель — в пеграмотную няньку, педагогика — в знахарство. Нужно научно предвидеть — в этом суть культуры педагогического процесса, и чем больше тонкого вдумчивого предвидения, тем меньше неожиданных несчастий. Между идеей, которую педагог воплощает в свой замысел, и конкретными человеческими отношениями, которые должны раскрыть идею, стоит живой человек, его мысли, чувства, переживания, воля. Я никогда не созывал родителей для того, чтобы выносить на их обсуждение тонкости чьей-то души. Я говорил подросткам: «Будем в течение года готовиться к встрече с родителями. Кто хочет, пусть читает свое произведение. Пусть родители послушают». Подростков увлекла атмосфера творческого соревнования. Каждому хотелось показать себя; не было и намека на поощрение лучших и критику худших. И как раз в том, что каждый хотел, чтобы о нем думали хорошо и говорили хорошо, и состоит воспитательная сила

коллектива. Добивайтесь, чтобы каждый ваш воспитанник в годы отрочества жаждал показать себя перед коллективом с лучшей стороны, чтобы в его душе надолго сохранились волнующие чувства как раз оттого, что люди думают о нем хорошо.

Тут мы переходим к третьему противоречию подросткового возраста: желание самоутвердиться и умение это сделать. Подросток делает важное открытие: моральное достоинство человека, его место в обществе, успехи в труде находят свое проявление в общественном признании. Об одном человеке все говорят с уважением, о другом — с презрением, о третьем — ничего, словно его и на свете нет. Подростку хочется быть личностью. Не случайно в эти годы так обостряется чуткость юной души ко всему героическому, романтическому, необычному.

Стремление к самоутверждению, желание стать личностью, добиться общественного признания вызывает у подростка внутренний порыв духовных сил. Он ощущает потребность действовать. Но чтобы действовать, нужно видеть перед собой цель. Идеалом воспитания является коммунистическое самоутверждение. Человек, которого мы ставим на жизненный путь и снаряжаем в далекую дорогу труда и служения Родине, должен проявить, выразить, показать себя как творец материальных и духовных ценностей во имя всеобщего блага, как верный сын народа, как стойкий борец против наших идейных противников. Эти качества формируются только тогда, когда в отрочестве человек преодолевает трудности и препятствия. Дорогим, родным становится для человека только то, что нелегко досталось. Настоящее самоутверждение происходит только в духовной борьбе, когда, напрягая волевые усилия, подчиняя второстепенные мотивы поведения главным, ведущим, человек лереживает радость победы над трудностями, волнующее чувство собственного достоинства, вырастает в собственных глазах.

Куда направлять силы подростков, на чем испытывать их стремления к преодолению трудностей? Это одна из главнейших проблем практики воспитания в годы отрочества. В чем должна проявляться борьба, против чего подросток должен бороться? Ведь в нашем обществе нет антагонистических противоречий, нет социальных сил, враждебных нашим целям. Нельзя относиться к этому важ-

ному вопросу прямолинейно. Именно в нашем обществе человек не может стать настоящей личностью — гражданином, трудящимся, всесторонне развитым наследником духовных богатств, созданных человечеством, воспитателем собственных детей, если его убеждения не закалились, не отшлифовались в преодолении трудностей и препятствий. Это закаливание убеждений является, как свидетельствует многолетний опыт, сутью самоутверждения личности в годы отрочества и ранней юности.

Духовную борьбу нужно представлять именно как борьбу мировоззрений, борьбу за свои убеждения. Выдающийся борец за коммунистические идеалы С. Г. Лазо так записал в своем дневнике: «Убеждения нужно выстрадать, нужно проверить их жизнеспособность. Человек должен скорее пойти на гибель, чем отказаться от своих убеждений»⁷. Человечество сделало первый шаг на долгом и нелегком пути нескончаемого совершенствования человеческого духа. В мире еще живет самое большое зло — капитализм, угнетение человека человеком. На всех континентах идет борьба за души людей, за убеждения, за взгляды на жизнь, за чувства. Идеологи буржуазии стремятся посеять в умах советской молодежи равнодушие и аполитичность, дух неверия в коммунистические идеалы. Каждый юноша, каждая девушка в нашем обществе является участником борьбы против сеятелей этого духовного зла, участником борьбы за коммунистические убеждения, за глубокую веру в единственную в мире правду — правду коммунистических идей. Искусство воспитания подростков и юношества сейчас состоит в том, чтобы увлечь их романтикой борьбы, чтобы каждому хотелось стать настоящим воином, непоколебимым и непримиримым к врагам.

Перед поколениями, которые вступают ныне в жизнь, есть еще много зла: лень, невежество, эмоциональное бескультурье и примитивизм, эстетическая убогость, суеверие, эгоизм, преобладание инстинктов над высоким чувством долга — все это, к сожалению, еще есть вокруг нас. Благородное, действительно бескрайнее поле духовной борьбы открывается сейчас перед человеком в сфере изучения, использования сил природы, проникновения интеллекта в ее тайны.

Задача воспитателя — учить подростков и юношество утверждать самих себя. Наш долг, образно говоря, привести подростка на поле, где бы он мог увидеть врага,

загореться желанием вступить с ним в поединок, познать самого себя, пережить, выстрадать, как писал С. Г. Лазо, свои убеждения и свою убежденность. Настоящий мастер-воспитатель благословляет своего воспитанника на борьбу, а не переживает страх за то, как бы его воспитанник не учинил чего-нибудь предосудительного, не вышел за рамки дозволенного. Аморальное, низменное никогда не проникнет в юное сердце, взволнованное благородными порывами. Чтобы предостеречь юное сердце от зла, нужно поселить в нем добро. Добрым человек становится тогда, когда он борется против зла. Добро в наши дни — это не только творение счастья и радости своему ближнему, но и непримиримость со злом, беспощадная борьба с идейным противником.

Чтобы научить подростка утверждать себя, пужно отказать от намерения найти какое-то универсальное средство. Процесс самоутверждения должен стать для подростка самой сутью его жизни. Жизнь подростка, который обучается в школе, — это прежде всего интеллектуальная жизнь. Мы должны стремиться к тому, чтобы богатая, полноценная интеллектуальная жизнь подростка была жизнью в мире идей, чтобы в юной душе нашего воспитанника закалялось оружие, острие которого направлено против идеологии и морали буржуазного мира. Руководство духовной жизнью подростка, его внутренней духовной борьбой — это и есть закаливание идейного оружия. Его я представляю так: подросток, юноша, по словам С. Г. Лазо, вступает в единоборство с враждебными идеями, в юной душе пылает огонь непримиримости с этими идеями. Семена идейного чертополоха, которые сеются идеологами буржуазной пропаганды на нашу землю, сжигаются огнем юных сердец. «Я прав, а мой враг — нет», — делает вывод подросток в той единственно необходимой атмосфере идейного воспитания, где мысль — результат не заучивания истины, а столкновения идей, борьбы идеологий.

Добиться того, чтобы урок, на котором изучаются социальные проблемы, стал для подростков и юношества ареной духовной борьбы, самоутверждения, — это едва ли не самая сложная грань педагогического мастерства. Именно в сфере интеллектуальной жизни начинается помощь воспитаннику в его самоутверждении. Именно тут пробиваются первые ростки того, чем подростку хочется «пока-

зять себя». Идейная, духовная жизнь — это внутренний заряд поведения, деятельности. Как огня бойтесь безыдейности, аполитичности мысли подростков. В этой беде — корни аморального поведения.

Задолго до зрелости наш подросток должен жить общественными мыслями и стремлениями. Настоящее гражданское воспитание в процессе обучения начинается там, где мысль вдохновляет, пробуждает и утверждает стремление к нравственному идеалу. Знания добывались человечеством в нелегкой, часто кровавой борьбе. Знания — это красота человеческого подвига, самоотверженности. Страницы истории борьбы человечества на пути к вершинам счастья — коммунизму — горячи, как раскаленное железо. Каждая строка этой истории должна гореть для подростков огнем неугасимых страстей. Воспитывать страстных борцов за коммунизм — это значит добиваться того, чтобы юные граждане прикасались своими сердцами к горячему биению сердец Ивана Сусанина и Сергея Лазо, Феликса Дзержинского и Николая Гастелло, Дмитрия Карбышева и Александра Матросова; чтобы горячие страницы истории зажигали юные души, пробуждали стремление к героическому подвигу, у ч и л и ж и т ь.

В годы отрочества человек больше, нежели в любой другой период своей жизни, чувствует потребность в помощи, совете. Именно в этом возрасте умный, чуткий педагог является духовным наставником. Почему же на практике встречаешься еще с одним противоречием отрочества: есть глубокая необходимость в совете, помощи — и в то же время словно нежелание обратиться к старшему? В этом странном, на первый взгляд, противоречии таится желание подростка действовать самостоятельно, желание выразить себя.

Как преодолеть это противоречие? В идейной общности педагога и воспитанника заложено важное условие того, что педагог является действительно духовным наставником. Отсутствием этой общности часто объясняются беды воспитания. Подросток совершил предосудительный поступок, и педагог охает: «Разве в семье ты видишь что-либо подобное?!» А беда состоит в том, что иногда подросток одинок, хотя вокруг него люди. Одиночество среди людей опасно. Оно заключается в том, что никто — ни учитель, ни родители — не знает, чем живет подросток. Особенно недопустимо незнание того, какие у подростка интеллек-

туальные интересы, какое место в его жизни занимают умственный труд, книга, искусство. Если подросток живет только кинофильмами, телевизором, транзисторным приемником, магнитофонными записями, если он не знает, что такое размышление над собственной судьбой, вызванное книгой, чтение которой нелегкий труд, то, сколько бы ни было вокруг него людской суеты, он одинок.

Человеком, который понимает, чувствует, что происходит в голове и в сердце подростка, должен быть педагог. Конечно, если воспитатель подойдет к подростку и спросит: «Ну что там у тебя, расскажи?» — это может оттолкнуть последнего. Наставником подростка становится только тот, кто переживает те же чувства, живет теми же идеями, общественными интересами, увлекается теми же ценностями, пылливо ищет то же самое, что неясно хочется искать и подростку. Сердце подростка и мое открываются тогда, когда нас волнуют одни и те же мысли, чувства, когда мне удалось вложить частицу сердца в сердце воспитанника. Духовная общность проявляется в том, что я повторяю себя в своем воспитаннике, вижу в нем свои стремления и идеалы. Если мне удалось вложить в душу воспитанника то, что есть в моей душе, воспитанник придет ко мне за советом и помощью, раскроет свое сердце.

Противоречие между богатством желаний, с одной стороны, и ограниченностью сил, опыта, возможностью для осуществления их — с другой, тоже представляет сложный процесс самоутверждения. Внимательный взгляд на человека — так можно определить особенности познания в годы отрочества. Подростка интересуют люди, которые утвердили свою личность в подвиге, в труде, науке, искусстве. Его волнует и работа мастера — человека с «золотыми руками», и творчество артиста, и достижения спортсмена. Отсюда множество увлечений, непостоянство интересов. Вчера подросток увлекался техническим творчеством, а сегодня — рисованием; вчера его интересовала работа в кружке юннатов, сегодня — фотографирование, а завтра он думает только о футболе. Когда же старше говорят: «Не разбрасывайся, думай об учебе», — ему кажется, что требования взрослых слишком суровы. Тут одна из причин «негативизма» — стремление действовать наперекор разумным требованиям и советам.

Гармонию между желаниями, интересами, стремлениями, с одной стороны, и силами, способностями, наклонностями подростка — с другой, запрещениями не создашь. В богатстве желаний подросток проявляет непонятное ему самому стремление познать собственные силы, возможности, способности. Непостоянство увлечений — это поиски. Нужно помогать в этих поисках, но иметь в виду, что подросток с недоверием воспринимает активное вмешательство в его занятия. Если воспитатель не знает духовного мира подростка, то даже доброжелательный совет может быть воспринят как запрещение делать одно и приказ делать другое. Чувствуя необходимость в разумном совете, переживая нерешительность в выборе занятий, подросток боится признаться в этом даже самому себе. Он боится, чтобы не сложилось впечатление об его неполноценности. Он не терпит снисходительного тона совета и поступает наперекор тому, что ему говорят, противопоставляя вмешательству в свои дела показную уверенность и желая прикрыть свою беспомощность решительностью. Задача воспитателя — позаботиться, чтобы одно из увлечений подростка стало более стойким, чем другие, стало осмысленным призванием. В подростковом возрасте, особенно в годы старшего отрочества, закономерным являются уже не абстрактные мечты о будущем, а сознательное взвешивание своих сил и возможностей, размышления о том, кем я стану, что мне доступно. Нам, воспитателям, необходимо сберечь, сделать длительным увлечение как раз тем занятием, которое в большей мере отвечает силам, задаткам подростка. Важно, чтобы не было бездумных увлечений, от которых со временем ничего не остается. Основа личности — это трудовое, творческое увлечение.

Без горячей любви к делу, без достижения значительных успехов в нем, без переживания чувства уважения к себе нет личности. Если в годы отрочества человек не нашел себя в труде, он может вырасти пустоцветом. Воспитание не должно сводиться к поискам средств предотвратить безделье, наполнить душу подростка чем-нибудь, лишь бы он не нашел «плохой компании» и т. д. Культура желаний и интересов — одна из тончайших сфер воспитательного процесса. Тут весьма опасно показное благополучие. То, что все подростки чем-то увлечены, пусть не успокаивает воспитателя. Главное — чем увлечен каждый. Желания и интересы каждого подростка нужно

видеть в движении, в развитии. Наконец, необходимое должно стать для подростка желанным. Нельзя принимать капризы за желания. Подростки были бы очень довольны воспитателем, если бы он разрешал им каждый день проводить по несколько часов в спортзале. Воспитание, писал К. Д. Ушинский, если оно желает счастья человеку, должно готовить его не для счастья, а для труда. Счастье не может быть беззаботным и бездумным.

Показное отрицание авторитетов, увлечение идеальным и сомнение в том, что идеальное может быть в нашей будничной жизни,— это противоречие подросткового возраста тоже имеет своей основой сложные психологические явления, которые выражают процесс самоутверждения личности.

Без нравственной ориентации на идеал невозможно воспитание подростков. Опасен отрыв от жизни, от «грешной земли», но не менее опасно и «приземление» мечты об идеале. Нельзя каждую мелочь в поведении школьника сравнивать с нравственным идеалом. Не повязал пионер красный галстук — и тотчас же упреки: «Ты забываешь, чье имя носит наш отряд. Имя пионера-героя. Он жизнь отдал за красный галстук, а ты что делаешь?» Заметил учитель проказы подростка — и сразу же тирада про героическое и идеальное: «Мы вчера читали рассказ о трактористах, которые отдали жизнь, спасая социалистическую собственность, а ты что делаешь? Нарисовал на парте чертика... Разве Олег Кошевой так относился к общественным интересам? Разве Зоя Космодемьянская рисовала на парте чертиков?»

Задача воспитателя — утверждать чистую, высокую мечту об идеальном. Не принижать эту мечту, не пробуждать в юной душе сомнение в возможности приблизиться к идеальному. Не превращать святыне истины и святыне имена в мелкую разменную монету, в холодную воду, которую выливают на горячее сердце подростка. Чистая, высокая мечта об идеальном — это великая внутренняя духовная сила человека. Ее нужно заботливо беречь и подходить к ней очень нежно. В повседневной воспитательной работе вообще не должно быть много слов об идеальном. О вере в идеал, желании быть похожим на идеального человека подросток пусть больше думает, но меньше говорит. Нельзя проводить параллелей между детскими

палостями и требованиями к идеальной нравственности. Из озорников вырастают и настоящие герои.

Внутренняя работа мысли и сердца, направленная на познание и утверждение идеального как морального ориентира, — это воспитательный процесс, неприметный на первый взгляд и очень сложный. Он требует от педагога больших духовных сил и большой культуры. Воспитанников нужно учить, по словам Маяковского, «делать жизнь с кого». Но учить мудро и чутко. Тут воспитание сливается с самовоспитанием. И чем органичнее это слияние, тем важнее влиять на ум через сердце, чувства.

Такое противоречие подросткового возраста, как презрение к эгоизму, индивидуализму и чувствительное самолюбие, требует большого такта педагога, уважения к личности воспитанника. Воспитательная работа с подростками должна направляться на развитие здорового честолюбия: уважения и строгости к себе. Эмоциональная чувствительность, тонкость натуры, восприимчивость к слову и красоте, как тончайшим средствам влияния на душу человека, — все это зависит от того, насколько умело и тактично педагог утверждает в душе подростка то, чем он имеет право гордиться, что расценивается обществом как нравственное достоинство. При этом очень важно, чтобы положительная общественная оценка достоинства личности выражалась не в премиях, наградах и т. п., не сравнением достоинства одного с недостатками другого. Такая оценка вместо коллективизма воспитывает детский карьеризм, опасный тем, что он таит в себе духовный заряд на всю жизнь: из маленького карьериста вырастает большой негодяй.

Воспитание нравственного достоинства, построенное на сравнении: будь таким, как хороший Ваня, и не будь таким, как плохой Петя, — развращает уже маленьких детей, для подростка же оно — духовный яд. Маленький человек пусть гордится своим достоинством и не ждет какой-то награды, выгоды, поощрения за свои достоинства. Я знаю такой случай: в шестом классе учился мальчик. У подростка были математические способности. Всегда за контрольную работу только он имел пятерку. И вот однажды результат контрольной работы удивил всех: пятерка не только у талантливого математика, но и еще у четверых школьников, двоек — ни одной, у подавляющего большинства — четверки. Талантливый математик за-

грустил и... расплакался. Учителя это удивило, он не мог понять, в чем дело. А дети поняли. Одна девочка сказала: «Он плачет потому, что пятерка не только у него. И еще потому, что ни у кого нет двоек».

Вот к чему приводит воспитание, построенное на противопоставлении: учитель всегда противопоставлял способности отличника бездарным троечникам. В голове подростка укоренилась мысль: я хороший потому, что есть плохие. Пусть каждому будет чем гордиться. Скупость на похвалу ученики ценят высоко тогда, когда учитель еще скупее на упрек, когда он редко бранит, когда редко бывает так, чтобы он не нашел в работе школьника ничего хорошего. Чувство уважения к самому себе — это благородное и бескорыстное чувство; в нем выражается тонкость, красота, величие взаимоотношений между людьми. Особенно ощутимо чистое, благородное чувство гордости за себя тогда, когда человек, словно в зеркале, видит себя в другом человеке, то есть когда то доброе, что есть в нем самом, он вкладывает, воплощает в другом человеке. Я всегда стремился к тому, чтобы подросток отдавал капельки своих духовных богатств другим людям, чтобы отношения дружбы, товарищества, братства строились на тесном переплетении духовного общения личности.

Обмен духовными богатствами, передача их из ума в ум, из сердца в сердце — тоже тонкая сфера личной жизни — включается в коллективные отношения. Предупреждение замкнутости, обособления личного духовного мира является одним из способов, с помощью которого можно избежать эгоизма, зазнайства. Достичь этой воспитательной цели не так легко, как кажется на первый взгляд. Логика учебного процесса таит в себе опасность замкнутости и обособленности, потому что в школе на каждом шагу подчеркивается (иначе невозможно): достигай успеха собственными усилиями, не надейся на кого-то, и результаты умственного труда оцениваются индивидуально. Чтобы школьная жизнь была проникнута духом коллективизма, она не должна исчерпываться уроками. Богатство интеллектуальной жизни вне уроков — важное условие обмена духовными богатствами.

Удивление перед неисчерпаемостью науки, желание много знать, переживание вдохновения, радости интеллектуального труда и в то же время поверхностное, даже

легкомысленное отношение к учебе, к своим повседневным заданиям — это противоречие подросткового возраста отражает противоречивый характер самоутверждения в сфере интеллектуальной жизни. В годы отрочества человек впервые переживает мысль, что школьное образование — только капля научных знаний, первая страница великой книги науки. Чем богаче интеллектуальная жизнь коллектива, тем дальше от взгляда ученика простирается горизонт науки; чем больше знает подросток, тем глубже осознает, как мало он знает.

Поэтому мастерство воспитания состоит в том, чтобы интеллектуальные интересы подростка находили свое удовлетворение и в познании богатств науки. Утвердить себя в сфере мысли, интеллектуальной жизни — значит увидеть в повседневном, однообразном учебном труде не только обязанность, но и духовную потребность. Это полностью зависит от учителя. Настоящий педагог никогда не забывает, что он руководит интеллектуальным самоутверждением подростка. Он умело связывает школьные знания с наукой, добиваясь того, чтобы ученик чувствовал себя не послушным «потребителем знаний», а пытливым исследователем. Внимание к личности подростка в руководстве его интеллектуальной работой приобретает большое значение в творческой лаборатории учителя. Готовясь к уроку во втором или третьем классе, можно меньше думать о конкретных детях и больше об общем содержании умственного труда, о закономерностях овладения знаниями. Но, готовясь к уроку в шестом или седьмом классе, учитель прежде всего думает об индивидуальных особенностях подростков: как подвести каждого из них к мысли о том, что, овладевая школьными знаниями, они приближаются, хотя и медленно, к горизонту науки.

Эта противоречивость подросткового возраста в значительной степени определяется перестройкой мышления, которая совершается в это время. Детская образность, конкретность мысли уступает место абстрактному мышлению. Подросток начинает мыслить понятиями, и это открывает перед ним мир с новой, как бы незнакомой стороны. Явления жизни он пытается познать средствами логического мышления, но в формальную логику трудно вложить разнообразие, сложность мира. Неумелые попытки проанализировать те или иные явления ведут к прямолинейности суждений, а отсюда ошибки,

поспешные выводы и обобщения, характерные для подростков. Но в связи с тем, что предметом пристального внимания подростка являются уже не только вещи вне его, но и он сам, слишком прямолинейные, поспешные выводы он делает и о самом себе, преувеличивая то свои достоинства, то свои недостатки. Отсюда странное переплетение уверенности в своих силах и неудовлетворенности собой. Один из самых сообразительных моих воспитанников, Юрко, в пятом-седьмом классах считался незаурядным математиком. В коллективе сложилось мнение, что Юрко может решить любую задачу. Перед контрольными работами кое-кто из девочек «падал духом»; Юрко своей уверенностью и бодростью морально поддерживал слабосильных. Но никто из его товарищей не знал, на чем держалась эта уверенность и что переживал подросток наедине с самим собой. Он рассказал мне, что алгебра — это самый страшный для него предмет. «Я боюсь задач,— доверил мне свою тайну Юрко.— Но чтобы не думали, что я слабый, часами сижу над ними. Выбираю самые сложные и сижу, сижу... А на контрольную работу иду как на казнь. Делаю вид, что ничего не боюсь, чтоб так думали товарищи, особенно девочки. Если бы они заметили в моих глазах страх, они бы растерялись и не решились задач».

В особенностях мышления кроется и подростковый негативизм. Негативизм часто начинается с возражений, игнорирования школьных заданий — той повседневной, слишком однообразной для подростка работы, которая кажется ему «муравьиной возней по сравнению с космическими полетами», — так сравнивал Шурко (шестиклассник, тоже один из лучших математиков) школьное обучение с развитием науки. Отсюда легкомысленное отношение к учебе. Отсюда и «защитная реакция» подростка против «посягательств» взрослых на его самостоятельность.

«Учитель спрашивает меня о рельефе местности где-то в Южной Америке, а я думаю: «Какое это имеет значение? Разве можно придавать большое значение горам и долинам, когда люди уже запустили искусственный спутник Земли?» — говорил Юрко.

Преодоление этого противоречия требует от учителей большого мастерства в руководстве умственным трудом. Это не только дидактическая, но и общепедагогическая

проблема. Не преподавать готовые знания, рассматривая подростка как запоминающего индивида, а мыслить перед учениками — таково важное условие гармонического развития мышления подростков. Опытный педагог, который знает духовный мир подростков, словно призывает их идти к горизонтам науки. Он вносит в элементарный школьный курс своего предмета крохотку научного познания, научных истин, и подросток забывает о том, что ему еще далеко до тех «мировых проблем», которые его так волнуют. Он ощущает себя исследователем и мыслителем. Он проводит нить от урока к внеклассному чтению, к книге. Радость интеллектуального труда озаряет не только то, что подросток видит вне урока, но и самый урок.

Свою миссию воспитателя я вижу в том, чтобы формировать тружеников мысли, чтобы примером для подражания был для подростков образ В. И. Ленина. Овладевать знаниями по-ленински, дорожить знаниями по-ленински — это один из краеугольных камней гражданского воспитания на уроках. Лучшие учителя-воспитатели умеют так раскрывать содержание материала, что ученики близко к сердцу принимают научную истину, которая родилась и утвердилась в борьбе науки против тьмы и невежества, прогресса против реакции.

Романтическая восторженность и... грубые выходки, моральное невежество, восхищение красотой и... проницательное отношение к красоте — эти противоречия подросткового возраста доставляют много неприятностей учителям и родителям. Н. К. Крупская писала: «Часто бывает так: уравновешенный ребенок — и вдруг словно с цепи сорвется: нагрубит, напортит и т. п.» *. Кое-кто из родителей и учителей высказывает мнение, будто желание что-то изломать, испортить, кого-то побить якобы вообще свойственно природе подростка. Это глубокая ошибка: жестокость никогда не была свойственна человеческой природе.

Эти противоречия таятся в качественной перестройке взаимодействия ума и эмоционального мира, которая совершается в подростковом возрасте и не всегда учитывается воспитателями и родителями. Эта перестройка еще

---

* Крупская Н. К. Пед. соч. К., АПН РСФСР, 1959, т. 3, с. 343.

мало исследована, а педагоги, не имея о ней точного научного представления, нередко руководствуются в своей практической работе догадками и общими рассуждениями о том, что подросток бурно реагирует на все, что касается его личности.

Абстрагируя, обобщая, пытливо всматриваясь в окружающий мир и в самого себя, он задумывается над сложными явлениями человеческого духа — идейным мужеством, стойкостью, храбростью, верностью убеждениям, отвагой, жаждой познания и проникновения мысли в тайны природы, готовностью бороться за высокие идеалы. Стремление к романтическому — это результат качественно новой ступени процесса познания.

Познание духовного мира человека — это крылья романтики и энергия, необходимая подростку для морального самоутверждения. Быть наставником человека в годы отрочества означает прежде всего открыть его пытливому взгляду мир человеческих мыслей, страстей, идеалов. Это означает добиваться того, чтобы в сознании подростка утверждались мысли о высшем смысле жизни, о бессмертии идеалов народа. Романтическая увлеченность, удивление духовным величием человека облагораживает чувства подростка, воспитывает тонкость его натуры. Без романтики нет культуры чувств.

Но романтическая увлеченность подростка словно вступает в противоречие с его интеллектуальной жизнью. Романтика анализируется мыслью. Наряду с явлениями окружающего мира подросток старается осмыслить и свои собственные чувства. Он критикует их. Он стыдится своих чувств, боится, чтобы его не считали чересчур чувствительным. Тонкие, добрые, человеческие чувства кажутся ему какими-то детскими, а со всем детским ему хочется как можно скорее расстаться. Во всех явлениях людского духа, которые удивляют, захватывают его, он не умеет разглядеть тонких чувств. Подросток ощущает прилив физических сил, ему хочется утвердить себя в деятельности, которая зависит от физической стойкости, выдержки. Если воспитатель хотя бы на минуту забудет о культуре эмоционального воспитания, подростки могут быстро растерять приобретенное в детские годы.

Припоминается такой случай. Мы путешествовали с семиклассниками по берегам Днепра. Теплым летним вечером очутились в каком-то глухом, словно забытом

уголке: старое кладбище, с одной стороны граничащее с небольшим оврагом. Над самым обрывом рос невысокий, стройный, ветвистый тополь. Недалеко от этого дерева мы и расположились на привал. Уже стемнело, когда сквозь сон я услышал громкий смех моих воспитанников. Поднялся, вижу: мальчики стоят вокруг тополя, а Витя изо всех сил старается вырвать его с корнем. Тополь уже склонился над оврагом, вот-вот переломится. Я подошел к мальчикам, они смутились, ушли в палатку. А Витя стоял, опустив голову. До полуночи говорили мы с ним о жизни, об идеалах. И мне открылась новая грань духовного мира подростков. Восхищаясь смелыми, мужественными людьми, Витя видел только внешнее проявление их силы, не замечал тонких благородных чувств. Спартака он считал прежде всего человеком большой физической силы, и о его тонких человеческих переживаниях в сознании подростка не осталось ничего, хотя читал он о Спартаке много.

Это убеждение играет большую роль в воспитании того, что можно назвать честностью и единством. Она невозможна без единства эмоционального и умственного контроля над своими действиями. Этот контроль — важная сторона самодисциплины.

Таковы противоречия подросткового возраста. Они не являются чем-то фатальным, их невозможно обойти или совсем отодвинуть. Умелой воспитательной работой они сглаживаются, ослабляются, неумелой — углубляются, заостряются, приводят к конфликтам. Общей их особенностью является несоразмерность между желанием, стремлением к самоутверждению и неумением его осуществить. Чтобы противоречивости подросткового возраста не приводили к конфликтам и срывам, нужно воспитывать в молодом гражданине зрелость мысли, идейную целенаправленность и стойкость.

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ.

Всматриваясь в глаза подростков — вчерашних детей, я старался найти объяснение тому удивительному скачку, который совершается в человеческой природе в годы отрочества — от 10—11 до 14—15 лет. Я часто не узнавал в подростке вчерашнего ребенка: и глаза не те, и голос уже не тот, и — это самое главное — восприятие окружающего мира иное, отношение к людям, требования, запросы, интересы — все качественно иное.

В часы вечерних размышлений о судьбе своих воспитанников я часто думал, что вступление в годы отрочества — это словно второе рождение человека. Первый раз рождается живое существо, второй раз — гражданин, активная, мыслящая, действующая личность, которая видит уже не только окружающий мир, но и саму себя. Первый раз человек заявляет о себе криком: «Вот я, заботьтесь, волнуйтесь обо мне, я беспомощный, не забывайте обо мне ни на минуту, берегите меня, сидите затаив дыхание у моей колыбели». Родившись во второй раз, человек заявляет о себе совершенно иначе: «Не опекайте меня, не ходите за мной, не связывайте каждый мой шаг, не свивайте меня пеленками присмотра и недоверия, не напоминайте и словом о моей колыбели. Я самостоятельный человек. Я не хочу, чтобы меня вели за руку. Передо мною высокая гора. Это цель моей жизни. Я вижу ее, думаю о ней, хочу достичь ее, по взойти на эту вершину хочу самостоятельно. Я уже поднимаюсь, делаю первые шаги; и чем выше ступает моя нога, тем более широкий горизонт открывается мне, тем больше я вижу людей, тем больше познаю их, тем больше людей видят меня. От величия и безграничности того, что мне открывается, делается страшно. Мне необходима поддержка старшего друга.

Я достигну своей вершины, если буду опираться на плечо сильного и мудрого человека. Но мне стыдно и боязно сказать об этом. Мне хочется, чтобы все считали, что я самостоятельно, своими силами доберусь до вершины». Вот что сказал бы подросток, если бы он умел сказать о том, что его волнует, и если бы — самое главное — он захотел откровенно обо всем сказать.

В период от 10—11 до 14—15 лет (у мальчиков иногда до 16) наблюдаем бурный скачок в анатомо-физиологическом развитии. Это прежде всего стремительный рост в высоту. Природа словно торопится завершить свое творение и в этой спешке не замечает, что в статуе, которая выходит из-под ее резца, много недоработок, корявость — черты человека обозначены резкими штрихами. Но природе некогда, она не занимается шлифованием того, что сделано. Кости растут так быстро, что мускульная ткань не успевает за ростом скелета. Из-за этого у подростков часто болят мускулы, что удивляет и пугает и их, и родителей. Резко меняется и весь внешний вид подростка, особенно мальчиков в период от 13 до 14 лет: его фигура становится нескладной, долговязой, руки и ноги длинными и тонкими, он не знает, куда их девать. Если учесть, что в эти годы подросток с особенным вниманием, пристальностью всматривается сам в себя, станет понятным, откуда у него возникает недовольство самим собою, нервозность, раздражительность.

В физиологических процессах, которые совершаются в организме подростка, есть внутренние противоречия. Затраты энергии на рост так значительны, что подросток часто ощущает усталость, необходимость дополнительного отдыха, специального режима питания и сна. Объем сердца резко увеличивается, а кровеносные сосуды остаются почти того же объема, что и год-два назад. В связи с этим у подростка нередко повышается кровяное давление (особенно в период от 12 до 13 лет у мальчиков и от 10 лет до 12 у девочек).

Особенно влияет на духовную жизнь подростка такой физиологический процесс, как начало половой зрелости. Влияние этого процесса на мышление, эмоции, взаимоотношения со взрослыми и ровесниками огромное. К сожалению, не одно десятилетие проблемы полового воспитания считались второстепенными, на них мало обраща-

ли внимания и потому плохо знали некоторые сложные и противоречивые явления подросткового возраста.

Глубокие физиологические процессы захватывают и нервную систему подростка. Происходят бурные изменения в коре полушарий головного мозга. Природа делает в это время все, чтобы человек мог перейти от образного детского мышления к мышлению абстрактному: развиваются связи между нейронами. Двадцатилетние наблюдения привели меня к выводу, что у подростков (у девочек немного раньше, у мальчиков позже) возникает очень важная особенность мышления: стремление соотносить все, что совершается в окружающем мире, что изучается в школе, читается в книге и т. д., со своей личностью, с внутренним миром мыслей, чувств, переживаний. Подросток думает одновременно и о том, что совершается вокруг него, и о самом себе. Из того, что он слышит (особенно из того, что читает), он выделяет мысли, которые касаются его личных интересов, потребностей, взглядов. Избирательный характер внимания и интересов в дальнейшем углубляется.

Способность распределять внимание в процессе мышления на объекты окружающего мира и на самого себя является, на мой взгляд, важной составной частью того, что в психологии называют самоутверждением подростка. Эта черта духовного развития подростка — самооценка, самовыражение, самонаблюдение, самовоспитание — является вместе с тем причиной ряда противоречивых явлений, которые доставляют много тревог и родителям и учителям. В сознании подростка рождается мысль: я такая же личность, как и мой отец, как мой учитель, как и каждый взрослый человек. Эта мысль приходит внезапно, как открытие, она ошеломляет, удивляет подростка, рождает рой новых мыслей. В детстве человек мысленно никогда не сравнивает себя с отцом, учителем так, как сравнивает подросток. Мысль подростка о том, что он такая же личность, как и любой взрослый человек, будто снимает с пьедестала и отца и учителя. Подросток начинает внимательно присматриваться к старшим, замечать у них много недостатков. И чем больше видит он других людей, тем внимательней присматривается к самому себе, но этот взгляд на себя далеко не всегда рождает желание стать лучше. Все зависит от воспитательной силы среды и от влияния коллектива, от той материализации

моральных богатств и ценностей, на которых мы останавливались выше.

Ребенок безоговорочно верит воспитателю: это можно, это нельзя, это хорошо, это плохо. Уже то обстоятельство, что так говорит учитель, для него является доказательством истины. Не заметив, что в человеке уже родилась мысль о своем равенстве со взрослыми, о таком же, как у них, праве управлять самим собою; не заметив, что личность видит уже не только мир, но и саму себя, сравнивает себя со взрослыми, стремится утвердить себя как творческую, разумную, красивую силу,— не заметив этого, воспитатель, бывает, механически переносит из детства в отрочество тон безапелляционного приказа. Большим недостатком воспитания является то, что воспитатель часто не замечает момента рождения личности. В поведении подростка вдумчивый педагог заметит перелом: настороженно-критическое отношение к словам старших, резкость, иногда раздражительность и грубость.

Несколько лет назад бывший воспитанник нашей школы, ныне агроном, дал мне тетрадь, которая чудом сбереглась со времени его отрочества. Это бесценный документ. Подросток отвел на каждого учителя и на самого себя по странице, записывал все положительные и отрицательные черты, замеченные у педагогов и у себя (ведь мы учили подростков: воспитывайте сами себя). Передо мной эти записи. Они открывают удивительную картину, которая в сознании подростка не могла не возбудить противоречивых мыслей. У каждого учителя не меньше отрицательных черт, чем у самого подростка. А у кое-кого из педагогов отрицательных черт значительно больше, чем положительных.

Этот факт наводит на размышления о взаимозависимости воспитания и самовоспитания в годы отрочества, а также о видении мира подростком. Способность «мерить на свой аршин» все, что видит подросток вокруг себя, особенно же способность мерить человека — это ступенька развития, которая в большой степени определяет новые мысли, переживания, тревоги, заботы подростка, кажущиеся учителю и родителям неожиданными. Подросток читает роман, ему встретились размышления о жизни и смерти, и вот его сознание молниеносно пронзает мысль: «Я тоже умру». Эта мысль вызывает смятение, во многих случаях — страдание. Я знал мальчика, который, от-

крыв эту истину, пережил тяжелое нервное потрясение. Он несколько дней сидел на уроках равнодушный ко всему. Ему казалось странным, непонятным: как это люди забыли о том, что все они умрут, как они могут спокойно работать, веселиться, близко к сердцу принимать мелкие житейские дела.

Это не какое-то патологическое явление — каждый подросток так или иначе проходит через это состояние; игнорировать сложное психическое состояние, источником которого является мысль о жизни и смерти, никак нельзя. Хотя в этот период перед учеником раскрываются важные материалистические идеи и его ум обогащается научными знаниями, он сравнительно легко поддается влиянию религиозного мировоззрения, догм, поучений. Никогда не забуду тихого сентябрьского утра, когда до начала уроков ко мне в сад пришел Костя (воспитанники мои учились тогда в восьмом классе). В глубоких, тревожных глазах парня я почувствовал какое-то горе. «Что случилось, Костя?» — спросил я. Он сел на скамью, вздохнул и спросил: «Как же это так? Через сто лет не будет никого — ни вас, ни меня, ни товарищей... Ни Любы, ни Лиды... все умрем. Как же это так? Почему?..» Потом, после долгих бесед наших о жизни и труде, о радости творчества и следе, который оставляет человек на земле, Костя сказал мне: «Наверно, счастливее те, которые верят в бога. Они верят в бессмертие. А нам без конца говорят: человек состоит из таких-то химических веществ, нет никакого бессмертия, человек смертен точно так же, как и лошадь... Разве так можно говорить?»

В тот миг я еще раз почувствовал всю глубину ответственности за душу человека. Я почувствовал, что в объяснении важнейших вопросов, во всем, что мы несем человеку о человеке, много примитивизма. Действительно, разве можно видеть атеистическое воспитание только в том, что без конца твердить: никакого бессмертия нет, все мы превратимся в прах, как и все другие живые существа? А почему бы не призывать каждого воспитанника утверждать свою личность в чем-то вечном, призывать обессмертить себя делом, которое жило бы много веков? Почему бы не утверждать на этом основании, что в отличие от лошади человек бессмертен, душа его бессмертна, но не в том понимании, как это проповедуют церковники? Беседы с Костей твердо убедили меня, что именно таким

путем и нужно идти и не только в воспитании подростков.

Нельзя забывать, что у современного человека с каждым новым поколением все больше развиваются тонкие нервные механизмы, что от чувствительности, тонкости, бодрости мысли и сердца зависит его моральное, интеллектуальное, эстетическое развитие. Развитие тонкости духовного мира человека — одна из первоочередных задач воспитания; и чем лучше школа справляется с этой задачей, тем больше волнуют воспитанников мысли о смысле жизни, об идеале, бессмертии и смерти, нескончаемости вселенной и неисчерпаемости материи и т. д. Быть чутким к духовному миру ребенка, подростка, юноши, девушки — это одна из важнейших черт педагогической культуры учителя. Я больше всего боялся, что не замечу, не сумею понять, почувствовать сердцем тот момент, тот короткий период, когда в ребенке рождается подросток.

...Это было прохладным апрельским вечером. Я пошел в школьный сад полюбоваться красным небом на закате (завтра будет ветер) и первым цветом яблони. И вот на аллее встретил Варю. Она шла задумчивая, какая-то сосредоточенная, прижав к груди «Воскресение» Л. Толстого. Варю нельзя было представить без улыбки, без радостной готовности поделиться всем, что есть у девочки на душе. Я ждал, что она подойдет ко мне, защебечет, расскажет о какой-нибудь своей тайне. Но случилось не так. Она еще крепче прижала к груди книгу, смутилась, сжалась. Казалось, она боялась, что я увижу ее мысли. Я почувствовал, каким большим внутренним усилием она погасила улыбку в своих глазах. Глаза Вари стали глухбе, задумчивей, печальнее. Ей не хотелось со мной говорить, девочке хотелось побыть наедине. Сердце мое забилося радостно: как хорошо, Варя, что я заметил ту минуту, когда ты уже не девочка, а девушка...

РОЖДЕНИЕ МУЖЧИНЫ, РОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Второе рождение человека... Это не только труднейшая и ответственнейшая ступень, на которую поднимается человек в своем духовном развитии. Это также рождение конкретного человека — мужчины или женщины.

В детские годы мы еще не видим этого конкретного человека. Помню такой случай. Мать повела шестилетнего мальчика в парикмахерскую. Его коротко постригли. Пятилетняя сестричка горько плакала, просила маму: «Постригите и меня так, как Петрика».

Рождение в подростке мужчины или женщины — это такое великое событие в личной жизни, такое откровение, что, удивленный, пораженный им подросток, совсем другими глазами всматривается в окружающий мир, в людей, в самого себя. Нет абстрактного подростка, как часто привыкли называть человека этого возраста, есть конкретная человеческая личность — мужчина или женщина, которые рождаются на наших глазах.

Рождение мужчины, рождение женщины имеет в своей основе сложные анатомо-физиологические процессы, которые совершаются в организме. Половое созревание протекает одновременно с бурным ростом в высоту. На протяжении двадцати лет у нас в школе измеряли рост в высоту 1660 мальчиков 9—15 лет и 1810 девочек того же возраста. Увеличение роста имеет некоторое индивидуальное отличие, но у всех отмечена закономерность: наибольший прирост в высоту соответствует самому бурному периоду полового созревания.

В последние годы ученые озабочены явлением, названным акселерацией. Суть этого явления состоит в ускорении физического (одновременно с тем и полового) развития человека. Многими данными доказано, что на протяжении последних семи-восьми десятилетий во всех странах мира физическое и половое развитие ускорилось на полтора-два года. Это ускорение падает на годы отрочества и ранней юности. Нынешняя четырнадцатилетняя девочка достигает такого же физического и полового развития, которого она несколько десятилетий назад достигала в шестнадцатилетнем возрасте. Явление акселерации ученые объясняют по-разному (улучшение питания и вообще условий жизни, повышение уровня культуры, уменьшение роли физического труда и т. д.).

У мальчиков наибольший прирост в высоту с 13 до 14 лет, когда они обучаются в седьмом классе. У девочек наибольший прирост приходится на период от 10 до 11 лет, то есть приблизительно на два-три года раньше, чем у мальчиков. У девочек рост в высоту идет сначала быстрее, чем у мальчиков, а потом отстает. Сложные процессы

полового созревания, связанные с ростом, отражаются на психике и в то же время зависят от психики. Осознание того, что он такой же мужчина, как и отец, является для мальчика великим откровением. Он начинает рассматривать отношения отца и матери с новой точки зрения, видит в них то, чего не видел раньше.

Период полового созревания у девочек начинается значительно раньше, чем у мальчиков. Женщина рождается в девочке на два, а иногда и на три года раньше, чем мужчина в мальчике. Это не какой-то каприз природы, который можно «отодвинуть» или «выровнять» могучей силой воспитания. Воспитание могуче только тогда, когда оно учитывает тончайшие «капризы» природы. Если закономерности природы игнорируются, может случиться беда. Мне несколько лет не давала покоя мысль: правильны или ошибочны мои догадки о том, что в пятых-седьмых классах, где обучаются одиннадцатилетние мальчики и девочки, воспитатель имеет дело, по сути, с людьми, которые находятся на разных, иногда далеких одна от другой ступенях физического и психического развития?

Шура и Катя дружили со второго класса. Дружба была крепкой и трогательной. Однажды во время прогулки в лес с классом Катя поранила ногу. Шура разорвал сорочку, чтобы перевязать рану; два километра нес девочку до села. Мальчик ходил играть домой к Кате, девочка — к Шуре. У них были свои секреты. Так было до четвертого класса. Но вот как-то Шура пришел ко мне взволнованный. Сквозь слезы он рассказал о своей горе: Катя не хочет, чтобы он приходил к ней, приносил свои игрушки... Чем я мог помочь беде?

Давно педагоги обратили внимание на то, что в переходном возрасте девочки учатся добросовестней, старательней, чем мальчики, умеют работать с большей сосредоточенностью. Все это считалось качествами, вообще свойственными женщине. Если это так, то почему? В начальных классах и мальчики и девочки учатся с одинаковым старанием приблизительно до десятилетнего возраста. А в период от 10 до 11 лет у девочек появляется задумчивость, которая отвлекает внимание от сосредоточенной работы над уроками, невнимательность, какая-то неорганизованность в умственном труде. Чем слабее воспитательная работа, при которой не учитывается, что дети

не всегда остаются детьми, тем отчетливей отражаются эти особенности духовного развития девочек на их успеваемости. Но этот период недолог, он длится несколько месяцев и сменяется тоже резким, на первый взгляд неожиданным умственным «возмужанием» девочек: уже в конце обучения в начальной школе и в первый год обучения в восьмилетней отношение девочек к учебе становится вдумчивее, серьезнее; они могут сосредоточенно работать долгое время, помогают товарищам.

В интеллектуальном развитии девочек, в их духовно-психических и морально-эстетических отношениях «переломных», тревожных явлений значительно меньше, чем в развитии мальчиков. При правильной постановке воспитательной работы половая зрелость благоприятно отражается на их психике — значительно быстрее и глубже умудряет их, пробуждает серьезные мысли о будущем. Следовательно, нужно, чтобы в годы детства у каждого члена коллектива формировалось чувство ответственности перед товарищами, перед самим собой, чтобы коллективистские отношения были проникнуты духом заботы о человеке, чтобы именно в этой коллективистской деятельности воспитывалась чуткость к внутреннему миру других людей. Благотворное влияние полового развития на духовно-психические отношения зависит главным образом от того, как обогащается в годы детства духовная жизнь коллектива и личности взаимной отдачей сил, забот, волнений, насколько разумно, тактично, настойчиво предотвращается эгоизм. Тут важно, чтобы в своем товарище каждый ученик видел прежде всего человека.

Половой инстинкт, инстинкт продолжения рода — очень сильное естественное побуждение. Именно этот инстинкт потребует облагораживания тонкими отношениями, и его нужно начинать задолго до пробуждения инстинкта. Чем больше тонкости, душевной чуткости, сердечности в отношениях между мальчиками и девочками в детские годы, тем глубже облагораживается половой инстинкт. Хорошее, правильное воспитание, правильная подготовка к рождению мужчины и женщины — именно в создании сердечных, чутких отношений, при которых один человек вкладывает свои духовные силы в другого. На мой взгляд, высшее мастерство педагога — это умение направить духовные силы ребенка на творение радости для других людей.

В хорошо воспитанном детском коллективе до сознания девочки доходят слова воспитателя о том, что она — будущая мать, что природой и многовековым опытом человечества на нее возложена ответственность за весь род людской. Об этом нужно говорить девочкам просто и возвышенно, понятно и целомудренно. Мысль об этом умудряет девочку. Большое значение в развитии этого мудрого убеждения имеет моральная чистота, благородство отношений между отцом и матерью. Если в этих отношениях грязь, обман, лицемерие, воспитателю очень трудно проводить свою работу.

Не один год думал я над различием во взглядах мальчиков и девочек, скажем, шестого класса, на дружбу, товарищество. Читая книгу о верной любви, о самоотверженных подвигах, девочки-шестиклассницы глубоко переживают судьбу героев, на глазах у них слезы, а мальчики равнодушны. В определенные периоды физического и духовного развития мальчики и девочки, бывает, не понимают друг друга, потому что сложные физиологические и психические процессы в организме девочки ушли далеко вперед, глубоко отразились на отношении к окружающему миру, тогда как в организме мальчиков эти процессы еще не начались или только начинаются. Откуда такая неравномерность, для чего она?

Природа мудра. Она дала людскому роду эту неравномерность, словно предвидя именно то, что в человеческих отношениях инстинкт продолжения рода перестанет быть только инстинктом, что мать будет не только кормилицей, но и воспитательницей, что воспитание человека требует многих лет. На тринадцатом-четырнадцатом году в девочке формируется женщина, а мальчик еще далек от той ступени, с которой перед ним откроется понимание тайны рождения ребенка, продолжения рода человеческого.

В этой разнице ступеней развития — источник тех конфликтов, которые случаются между мальчиками и девочками на тринадцатом-четырнадцатом и особенно на двенадцатом году. Тут кроются и причины того, что у шестиклассниц и семиклассниц вдруг появляются друзья-парни из девятого-десятого класса (а то и молодые солдаты), а удивленный педагог спрашивает: «В чем дело? Что я не сделал для укрепления ученического коллектива?» Ничего не поделаешь, если забудешь о вещах, которые не изменить человеческой волей, о природных закономерностях

развития человеческого организма в тот период, когда в человеке рождается личность мужчины и личность женщины.

У мальчиков бурный период полового созревания, как мы уже отмечали, приходится на возраст от 13 до 14 лет (бывают индивидуальные отклонения). Отражение апато-физиологических процессов на психике, поведении мальчиков значительно сильнее, чем у девочек в период от 10 до 11—12 лет. Рождение мужчины проходит, образно выражаясь, в больших муках, чем рождение женщины, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Дело в том, что интеллектуальное развитие мальчиков в это время значительно выше и общественный кругозор шире, чем в эту пору у девочек. Мальчики отличаются от девочек большей резкостью, прямолинейностью, эмоциональностью оценок явлений окружающего мира, большей остротой суждений и решений. У девочек больше беспристрастности, которая является, на мой взгляд, маленьким зернышком будущей материнской мудрости. Природа не случайно ускорила физическое развитие девочки — горячие чувства женщины должны соединяться с холодным разумом матери.

Как учитывать все это в воспитательной работе? В учебном коллективе пятиклассников, шестиклассников, семиклассников я вижу удивительное переплетение двух начал: горячая, бурная эмоциональность мальчиков и уравновешенность, женская мудрость девочек. (Конечно, нельзя считать, что все эти черты девочек даются природой в готовом виде: они развиваются лишь в том коллективе, где с первых дней воспитания дети не пассивные потребители радостей, а творцы радостей для других людей и затем для себя.) Мастерство воспитания состоит в том, чтобы эти начала взаимно обогащать, дополнять. Эмоциональность мальчиков пусть облагораживается тонкостью чувств девочек. Меня никогда не радует, что у отдельных девочек слишком много старательности, аккуратности и мало инициативности, самостоятельности, решительности. В будущей матери необходимо воспитывать гражданскую стойкость, чувство собственного достоинства, а не бессловесную покорность. Покорность, выработанная односторонним воспитанием (это — разрешается, это — запрещается), порождает идейную бесхребетность. Необходимо организовывать коллективную деятельность так, чтобы живые дела мальчиков и девочек были эмоционально насыщены,

пробуждали у девочек яркую эмоциональную оценку того, что их окружает, что они делают. Достоинство будущей женщины, матери, жены формируется тогда, когда она одухотворена гражданскими интересами, заботами, волнениями коллектива. Не творение какого-то абстрактного добра — такого нет, — а активная, упорная, целенаправленная борьба за интересы общества, за честь и достоинство человека — вот что идейно закаляет девочку.

Я всегда стремился, чтобы в каждой девочке коллектив видел и уважал прежде всего человека, гордился им как своим идейным единомышленником, открывал в ней качества, которые обогащают коллектив, личность. Девочки должны жить активной общественной жизнью. Слишком большая сосредоточенность на самой себе, углубление в свой внутренний духовный мир без полного, богатого познания умом и сердцем мира человека, мира борьбы за коммунистические идеалы, без отражения этого мира в своих личных потребностях и интересах могут быть причиной эмоциональной убогости, опустошенности. Эмоциональная убогость приводит к тому, что в годы ранней юности девочка становится беззащитной, когда нужно отстаивать свою честь и достоинство. Насыщенность коллективной деятельности благородными чувствами высокой идейности — это целая проблема воспитания подростков.

МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ — МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Половая зрелость девочек началась уже в четвертом классе. С 10 до 11 лет девочки так резко «подпрыгнули» в высоту, что все они стали какими-то неузнаваемыми: длинные руки и ноги, длинная узкая грудь, черты лица заострились, — все это напоминало, что начался таинственный процесс рождения женщины. словно зеркало внутренних процессов, которые начались под влиянием полового созревания, были глаза девочек. Они стали пытливыми и настороженными, тревожными и удивленными. Казалось, глаза девочек вопрошали: «Что со мной творится?»

С 10 лет у девочек началось развитие грудных желез, а к концу двенадцатого года уже были девичьи груди. Это самый бурный, важнейший и для них, и для воспитателя период становления женщины. Созревая значительно рань-

ше мальчиков, девочки ощущают, переживают словно преждевременность своего становления как женщины. Взглянет юноша на нескладную фигуру девочки, подумает с удивлением, что это рождается женщина, а девочка уже чувствует, что подумал юноша, она словно съежится под его взглядом, этот взгляд ее волнует, удивляет, вызывает какие-то неведомые радостные мысли. Необходимо посоветовать родителям и воспитателям: берегите девочек в этот период от нескромных, слишком любопытных, а иногда и развращенных взглядов взрослых. Нескромный, «оценивающий» взгляд взрослого девочка переживает как что-то странное, не совсем понятное, но в то же время она догадывается (больше чувствуя, чем понимая), кого в ней видят и разглядывают, и это сначала пробуждает в ней смутение, а потом — мысли о взаимоотношении полов. От юноши и зрелого мужчины требуется моральная воспитанность, чтобы «не замечать» изменений, которые совершаются в организме девочки. Как можно меньше разговоров о любви, половой жизни и взаимоотношениях полов, как можно меньше повышенного интереса к половому созреванию девочки, как можно больше человечности, сердечности, отзывчивости и чуткости во взаимоотношениях между членами коллектива — вот в чем предпосылка правильного полового воспитания.

В школе должен господствовать культ матери — дух высокого, целомудренного отношения к женщине — источник человеческой жизни и красоты. Это облагораживает естественное половое влечение, очищает душу человека от животного, грубо инстинктивного. Тот, кто воспитан в духе целомудренного уважения, благоговения перед матерью, никогда не взглянет на девочку и девушку похотливым взглядом, его глаза не заставят юное существо съежиться, насторожиться или же, наоборот, ответить женским кокетством. Воспитание в духе материнского культа потребует специального рассмотрения в тесной связи со всем комплексом проблем, связанных с формированием морального облика личности и коллектива.

Половая зрелость у мальчиков начинается года на два позже. Самая бурная деятельность гипофиза и щитовидной железы, которые своими гормонами пробуждают деятельность половых желез, приходится у мальчиков на тринадцатый и особенно на четырнадцатый годы. То, что у большинства девочек уже завершается, у мальчиков только

начинается. Это усложняет воспитательную работу, хотя в то же время и облегчает ее, потому что возбужденность, бурная реакция девочек па внешние влияния, вызванная половым созреванием, смягчается, сглаживается тем обстоятельством, что, ощущая необычность, глубокую интимность того, что совершается с ними, девочки стараются скрыть в себе рождение и становление женщины. Внутренняя возбужденность словно тормозится мыслью о вторичных половых признаках, особенно о развитии грудных желез. Эти признаки напоминают девочкам, что в них рождается будущая мать. Мысль об этом в значительной мере уравнивает противоречия отрочества. Целомудренность отношений между мальчиками и девочками, а потом между юношами и девушками зависит от того, насколько коллектив и каждая личность одухотворены чувством уважения к матери. Человеческое материнство — это не только забота о сохранении рода, это огромное моральное богатство, создававшееся тысячелетиями. Оно является могучей духовной силой, которая воспитывает в мальчике мужа и отца, который уважает самого себя, дорожит собственным человеческим достоинством лишь постольку, поскольку он уважает в девочке будущую мать и дорожит ее достоинством, как честью семьи.

Неодновременность начала полового созревания девочек и мальчиков облегчает воспитательную работу еще и тем, что девочки стыдятся мальчиков. В младшем классе летом дети купались вместе: с удовольствием бегали по берегу пруда, строили из влажного песка разные сооружения, плескались в воде. Но после окончания третьего класса девочки стали стремиться к одиночеству. Мальчики не понимали, почему девочки не хотят купаться вместе с ними. «Вы эгоистки», — говорил Юрко. Девочки ничего не отвечали, только улыбались. Казалось, они понимали то, чего еще не могут сообразить мальчики. Это пробуждение материнской мудрости в девочках как раз и облегчает воспитание.

Но много обстоятельств и затрудняют его. Обо всех непонятных подростку явлениях, связанных с половым созреванием, нужно говорить с мальчиками и девочками отдельно. И этот глубоко интимный разговор (с мальчиками — разговор мужчины, с девочками — женщины) должен не углублять интерес к половой зрелости, а, наоборот, сглаживать, облагораживать его.

Еще раз подчеркиваю: беседы о половой зрелости не разжигают нездоровой пытливости лишь тогда, когда школа одухотворена культом матери. Любая беседа о человеческой культуре должна нести в себе моральный смысл. Это очень важно. Я говорил мальчикам и девочкам: «Вы будущие отцы и матери. Через несколько лет у вас будут дети, вы будете думать об их воспитании так, как сейчас о вас думают ваши отцы и матери. Помните, что взаимоотношения мужчины и женщины ведут к рождению нового человека. Это не только биологический акт, а прежде всего великое человеческое творчество. Только циник и негодяй может думать об этих взаимоотношениях как о чем-то грязном».

В эти годы я составил хрестоматию «Материнская красота». Это рассказы и сказки о величии, благородстве, красоте матери. Тут неумирающие страницы о матерях В. И. Ленина и Николая Островского, Леси Украинки и Михаила Коцюбинского, Тараса Шевченко и Николая Гоголя, Олега Кошевого и Зои Космодемьянской. Тут страницы о матерях тех воинов, которые погибли в боях за Родину. Тут героическая страница о трагической и героической судьбе матери, которая в годы фашистской оккупации заставила своего сына-полицая покончить жизнь самоубийством, чтобы не позорить честь рода. Страницу за страницей раскрывал я перед умом и сердцем своих воспитанников эту хрестоматию, добиваясь того, чтобы ярче разгорался огонек уважения к красоте и величию матери.

Я стремился к тому, чтобы каждый мой воспитанник вкладывал как можно больше физических и духовных сил, творя радость и счастье, покой и благополучие матери. Первое созревшее яблоко с дерева, посаженного в честь матери еще в первый год школьной жизни, — матери и бабушке. Первую гроздь винограда — матери и бабушке. Меньше шума о добрых поступках для людей и больше заботы о родной матери — таков девиз нашей воспитательной работы.

Вот одна сказка из хрестоматии «Материнская красота», которую я рассказывал в начальных классах:

Семь дочерей

Было у матери семь дочек. Однажды поехала мать к сыну, который жил далеко. Вернулась домой только через неделю. Когда мать вошла в хату, дочки одна за другой стали говорить, как они скучали по матери.

— Я скучала по тебе, как маковка по солнечному лугу,— сказала первая дочь.

— Я ждала тебя, как сухая земля ждет каплю воды,— проговорила вторая.

— Я плакала по тебе, как маленький птенчик плачет по птичке,— сказала третья.

— Мне тяжело было без тебя, как пчеле без цветка,— щебетала четвертая.

— Ты снилась мне, как розе снится капля росы,— промолвила пятая.

— Я высматривала тебя, как вишневый сад высматривает соловья,— сказала шестая.

А седьмая дочка ничего не сказала. Она сняла с мамы ботинки и принесла ей воды в тазу — помыть ноги.

Я добился того, что сызмала каждый мой воспитанник брал на себя часть нелегкой, однообразной, надоедливой работы матери. Все это и является сутью материнского культа.

Большой моей заботой было утвердить чувство интимности в отношении мальчиков и девочек ко всему, что связано с половой зрелостью: к собственному телу, красоте, отдельным недостаткам. Почти все советы подросткам касались не биологических, анатомо-физиологических явлений, связанных непосредственно с функцией половых желез, а их влияния на организм в целом, особенно на рост тела, на мозг и сердце, на центральную и вегетативную нервную систему. Я убеждал подростков, что неприхотливость в питании — очень важное условие правильного физического развития, гармонии всех органов, красоты. Советовал, как приучиться быстро засыпать и просыпаться. Мальчики и девочки привыкли вставать утром в один и тот же час. Почти все рассказывали, что просыпаются за две-три минуты до того, как зазвонит будильник. Кое-кто вставал и без будильника.

Объясняя, почему в их возрасте человек испытывает быструю усталость, головокружение, сердцебиение, ослабление пульса, я убеждал мальчиков и девочек, что все это временные явления, которых не избежать. Давал советы, как предупредить переутомление, как щадить сердце и нервную систему.

Многое из того, что важно в сфере полового воспитания, меньше всего следует связывать с советами, которые касаются непосредственно этой сферы. Педагогическая мудрость полового воспитания состоит в том, чтобы как можно меньше говорить о физиологическом во взаимоотноше-

ниях полов. Исключительно важна тут гармония физического развития и духовной жизни. Безделье ведет к духовному опустошению, а все грязное, низменное, отвратительное, что есть в жизни нашего общества, заполняет эту пустоту, находя чуть приметные щели. Такой щелью является прежде всего убогость духовных интересов коллектива и личности, отсутствие или же крайняя бедность обмена интеллектуальными, эстетическими, творческими богатствами между мальчиками и девочками в период полового созревания. Если мальчик открывает в девочке только изменения в ее внешности, если ему попадают на глаза только вторичные половые признаки — это уже щель, через которую в пустую душу прорывается яд цинизма. Мальчик должен видеть, чувствовать в девочке прежде всего ее ум, духовные потребности и интересы, и самое главное — ее высокую требовательность к человеку, чувство собственного достоинства, гордости, неприкосновенности.

В половом воспитании подростков мы обращаем особое внимание на работу с девочками. Ее следовало бы называть воспитанием материнской гордости. В беседах, которые проводила с девочками, когда они вступали в период половой зрелости, опытный педагог А. И. Сухомлинская, на первом плане была мысль: я, девочка, — завтрашняя мать. Природой и обществом на меня возложена высокая миссия — повторить в детях себя и того, кого я люблю, переложить в детей все лучшее, созданное человечеством. Я должна быть мудрой, строгой и осмотрительной. Я — женщина, мои отношения с мужчиной ведут к рождению детей. Любовь — это великое, благородное чувство, но оно не должно затмевать мысли о том, что мои отношения с мужчиной ведут к созданию семьи. Я должна быть гордой, недоступной; я должна быть в сто раз мудрее мужчины — отца моих детей, потому что в миссии продолжения рода человеческого, сохранения и приумножения духовных богатств человечества природа возложила на меня несравненно большую ответственность, чем на него.

Конечная цель воспитания материнской гордости: девочка, женщина должна быть в определенной степени воспитателем юноши, мужчины, будущего отца. Она должна стать мудрой главою семьи. Чувство материнской гордости утверждается в душе девочки лишь тогда, когда в ней есть духовные богатства и для людской гордости. Чтобы быть гордой, мудрой, недоступной, она должна иметь то, чем

гордится человек: собственное достоинство, сознание высокой цели жизни, творческие способности, наклонности, призвание.

Все это создается в душе по крохотке. Если девочка приобретает все эти богатства в годы, предшествующие становлению в ней женщины, и в годы полового созревания, она становится могучей духовной силой, которая облагораживает мужчину.

Незадолго до окончания седьмого класса Варя познакомилась с восемнадцатилетним юношей — молодым рабочим. Однажды она сидела с ним в саду. Беседа как-то не вязалась, девочка увидела, что с юношей не о чем говорить. Вдруг он обнял ее, стал целовать. Варя настолько была ошеломлена неожиданностью всего этого, что в первую минуту растерялась и сидела неподвижно. Юноша понял это как согласие на интимную, физическую близость. Девочка ответила ему звонкой пощечиной. Потом Варя со слезами на глазах рассказывала матери:

«Я пыталась начать разговор о литературе, музыке, но он или молчал, или говорил такое, что мне стыдно было. Стала говорить о живописи, хотелось найти что-то интересное для него, но он оказался таким невеждой, что мне стало смешно. Я подумала: юноши интересуются техникой. Говорю про квантовые генераторы — у нас ребята только об этом и говорят, — но не услышала от него ни слова... А потом — полез целоваться... Когда я ударила его, сказал с насмешкой: «Делаешь вид, что недоступная? Все вы такие... Думаешь, я поверю, что ты пришла для умных разговоров про стихи и другие штучки?..» А до тех пор нравился мне, казался скромным. Его молчаливость казалась мне застенчивостью. А он просто невежда. Теперь я не могу без отвращения думать о нем. Красивый и дурак...»

Для меня было радостью, что Варя с честью выдержала такое испытание. В этом драгоценном человеческом качестве, которое я называю женской, материнской гордостью, большая роль принадлежит чувству красоты. Каждый раз, когда, столкнувшись с грубым инстинктом, с пошлостью и цинизмом, мои девочки проявляли светлую материнскую гордость, я все больше убеждался: если красота — красота человеческой души, красота благородства, преданности великим идеалам, если красота человеческой верности, по художественному определению Олеся Гон-

чара, стала человеческим богатством личности, это богатство делает девушку морально стойкой, мудрой, дальновидной.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Физическая культура — важнейший элемент всестороннего, гармоничного развития человека.

Воспитание физической культуры — это, во-первых, забота о здоровье и сохранении жизни как высшей ценности; во-вторых, система работы, которая обеспечивает гармонию физического развития и духовной жизни, многогранной деятельности человека.

Если физическая культура ребенка выражается главным образом в выполнении режима труда, что способствует нормальному развитию организма, укреплению здоровья, то в воспитании подростка это понятие имеет более глубокий смысл. Анатомо-физиологические процессы, происходящие в этом возрасте, настолько тесно связаны с духовной жизнью и формированием сознания, в такой значительной степени отражают будущее человека, что физическая культура уже не может ограничиваться культурой тела и здоровья. Она касается таких сложных сфер человеческой личности, как моральное достоинство, чистота и благородство чувств и отношений, жизненный идеал, моральные и эстетические критерии, оценка окружающего мира и самооценка.

То качественно новое, что рождается в этом возрасте в организме, — половой человеческий инстинкт, конкретный человек — мужчина, женщина, — в значительной степени выражает моральную суть отношений между людьми. От того, как, насколько облагораживается именно в этот период естественное, анатомо-физиологическое начало человеческого организма, начало, которое, по сути, в годы отрочества переживает свое настоящее рождение, в значительной мере зависит, кем станет существо, которое родилось с человеческим мозгом, человеческими центрами мышления, человеческими органами чувств, — настоящим человеком или человекоподобным животным, поведением которого руководят слепые силы инстинктов. От того, как очеловечиваются в этот период инстинкты, что влечет человека к человеку, очень зависит моральная культура отношений между будущими матерью и отцом, а эти

отношения определяют характер их морального развития.

В организме подростка совершаются сложные, бурные и противоречивые процессы, которые на всю жизнь определяют функционирование важнейших систем — нервной, сердечно-сосудистой, органов дыхания, пищеварения. Закладывается анатомо-физиологическая основа главной творческой духовной деятельности человека — труда. От гармонии физического развития, здоровья и труда зависит многогранность духовного мира личности — моральное, интеллектуальное, эмоциональное, эстетическое богатство потребностей, запросов, интересов. Человеческий труд в наши дни требует гармонического функционирования тонких систем и сфер организма: мысли, памяти, внимания, творческого вдохновения. Труд современного человека ежедневно, ежечасно производит многостороннее влияние на самые чувствительные системы организма (центральная нервная система, сердце, подкорковые центры). Это влияние не только положительное, оно и отрицательное: труд истощает нервные силы. Умение отдыхать, умение щадить нервные силы для современного человека так же важно, как и умение работать.

Физическая культура должна обеспечить сознательное отношение подростка к собственному организму, выработать умение щадить здоровье, укреплять его правильным режимом труда, отдыха, питания, гимнастикой и спортом, закалять физические и нервные силы, предупреждать заболевания.

Большое значение я придавал беседам о человеке. Эти беседы проводились с подростками раз в две недели, в их содержании была определенная система: от менее сложных анатомо-физиологических явлений постепенно переходили к глубоким, скрытым, которые затрагивают становление и развитие психики. Так, отдельные беседы посвящались мускульной и костной тканям, органам пищеварения, дыхания, сердечно-сосудистой системе, центральной и вегетативной нервной системе, органам чувств (зрение, слух, обоняние, осязание, система координации движений, железы внутренней секреции). Приблизительно раз в полтора месяца проводились беседы о человеческой психике, гигиене умственного труда.

Я стремился объединить теоретическое изложение с непосредственным обращением к личности воспитанника,

чтобы жизненные процессы и явления, о которых шла речь, каждый подросток рассматривал не как абстрактные обобщения, а как живую жизнь собственного организма. Этим, собственно, и объясняется интерес подростков к беседам о человеке: беседы побуждали к вдумчивому самоанализу. Такая направленность бесед требует большого такта: никогда, ни при каких обстоятельствах, характеризуя анатомо-физиологические и духовные процессы и явления, нельзя касаться конкретных особенностей физического развития отдельных подростков.

Беседы были важным стимулом самовоспитания. Я видел, с каким волнением подростки слушали беседу на тему «Сердце и труд». Эта беседа проводилась в пятых-восьмых классах дважды в год. Я придавал ей исключительное значение, каждый раз раскрывая перед воспитанниками новые факты, явления, закономерности. Внимательно вслушиваясь в каждое слово, подростки становились вдумчивыми; их пытливый взгляд обращался на самих себя. Вот я вижу, что Тину и Володю взволновала, встревожила моя беседа о подростковом неврозе сердца, мое предостережение о том, что именно в годы отрочества сердце можно надорвать на всю жизнь, если его не беречь. Из беседы с врачом я знал, что у Тины и Володи резко выражены симптомы подросткового сердечного невроза; в сердце у Володи порой слышатся даже шумы, которые напоминают порок митрального клапана. Никаких органических изменений в сердце этих подростков нет, но они могут появиться, если сердце перегрузить. Мой рассказ рассчитан прежде всего на Тину и Володю; я останавливаюсь на тех нарушениях режима труда, отдыха, физических упражнений, которые допускают они, но не называю имен. Тина и Володя думают о себе — это я вижу.

Каждый человек — самый чуткий, самый необходимый врач для самого себя, в этой истине я глубоко убедился, воспитывая детей, подростков, юношей и девушек. Известно, как глубоко среди подростков укоренилась дурная привычка курить. Огромный вред приносит курение сердечно-сосудистой системе, мозгу, органам пищеварения. Особенно грозным бичом курение становится в тот период, когда усиливается деятельность гипофиза и щитовидной железы, в связи с чем повышается возбудимость и раздражительность нервной системы.

Я убедился, что именно курение для многих подростков является той последней каплей, которая, переполняя чашу первого возбуждения, приводит к дурным, предосудительным поступкам. Отравляя нервную систему, никотин уже в годы отрочества выводит из строя отдельные группы клеток коры полушарий головного мозга. Тот, кто курит с отрочества, уже в 40 лет ощущает первые симптомы склероза мозга. Стараясь предупредить подростков, я рассказывал о губительных последствиях этой привычки. Удалось достичь того, что ни один из моих воспитанников в школьные годы не курил. Главную роль сыграло как раз то, что каждый был врачом для самого себя — боролся с дурными наклонностями.

Физическая культура тесно связана с культурой моральной и эстетической. Заботясь о собственном здоровье, подростки создают и оберегают обстановку, необходимую для здоровья, отдыха, полноты жизни других людей. Чуткость к себе не должна развиваться за счет равнодушия к другим.

РЕЖИМ ПИТАНИЯ, ТРУДА И ОТДЫХА

В организме подростка все находится в становлении и перестройке. Сложные анатомо-физиологические процессы вызывают усиленный обмен веществ. Затрата на рост очень велика. В двенадцати-тринадцатилетнем возрасте все наши девочки стали не похожи на тех кругленьких, полнотелых «пампушек», какими они были в третьем-четвертом классах. Кое-кто казался похудевшим, узкогрудым, быстро утомлялся, ощущал головокружение и сердцебиение. Это было чаще с живыми, импульсивными, очень подвижными мальчиками и девочками.

Этот период требует от воспитателя большого такта и умения читать душу человека. В жизни подростка бывают такие дни, когда его нельзя вызывать для ответа, потому что слишком возбуждены у него нервная система и сердце. Не будешь уметь читать душу — неминуемы конфликты.

Усиленный обмен веществ требует правильного питания. Питание должно быть простым (это очень важно), полноценным по калорийности и регулярным. Режим, который стал привычкой в детские годы, облегчает воспитательную работу в годы отрочества. Для каждого подростка мы с родителями выработали режим труда и отдыха. После

пробуждения — утренняя гимнастика, обливание холодной водой, обязательный физический труд — в саду, на винограднике (зимой — очищать двор от снега). Для всех мальчиков и девочек это стало привычкой. В беседах о человеке я особое внимание обращал на утреннюю гимнастику и обтирание мокрым полотенцем. Я убеждал подростков, что самочувствие, трудоспособность, ясность мысли зависят от того, как человек начал день, с какой головой он проснулся, как настроен организм на дневной труд.

Специальные беседы с родителями посвящались вопросам: каким физическим трудом заниматься подросткам утром, перед завтраком, и днем, после обеда; какой пищей должны питаться подростки, как распределить еду. Если у подростка не было утреннего физического труда, я считал все воспитание неполноценным, добивался того, чтобы он работал.

Мы договорились с родителями, что еда подростка будет калорийной и разнообразной. Особенно важно придерживаться определенных требований в питании в период бурного пробуждения деятельности половых желез. Чрезмерно белковая пища, пряности, чрезмерное употребление сладостей — все это еще больше возбуждает гипофиз и щитовидную железу, их гормоны возбуждают половые железы.

В подростковом возрасте очень важно соединять необходимую калорийность с достаточным количеством клетчатки. Особенно недопустимо постоянное питание высококалорийными белками в соединении с большим количеством рафинированного сахара, меда. Высококалорийное питание в детстве и отрочестве без отдачи энергии на физическую работу может привести даже к патологическим явлениям.

В беседах с родителями и подростками на убедительных примерах я показывал, как простота, умеренность, исключение чрезмерно питательной пищи, неприхотливость благотворно отражаются на здоровье, самочувствии, труде, на всей духовной жизни.

Как и в младшем возрасте, значительное внимание уделяли труду на свежем воздухе во все времена года. Не работе вообще, а работе на свежем воздухе, во все времена года, среди природы. Именно такая работа важна для подростка как фактор гармонического физического

развития и духовной жизни. Особенно ценен труд в коллективе, когда подросток ощущает духовное наслаждение и поддержку товарищей. Но следует научить работать и в одиночестве, наедине с природой. На приусадебном участке родителей у каждого был свой «рабочий уголок».

Во второй половине дня подростки работали в кружках, читали художественную и научно-популярную литературу, занимались физическим трудом, но не интенсивным умственным. Много бесед довелось провести с подростками и родителями, чтобы мальчики и девочки ложились спать не позже 21 часа. Восьмиклассники могут ложиться на час позже. Подросток потребует напоминания, контроля, но если нет самовоспитания, никакие напоминания и контроль не помогут. Вот почему я старался, чтобы мальчики и девочки были моими единомышленниками. Я убедил их, что лучше рано ложиться спать и рано вставать, выполнять домашние задания утром, до того, как идти в школу, вторую же половину дня посвящать главным образом физической работе, кружковой работе, чтению — не для заучивания и запоминания, а для общего интеллектуального развития.

В период бурного роста несколько раз в году измеряли кровяное давление. Чем больше рост, тем больше повышается кровяное давление и тем чаще заметны скачки — утром давление приближалось к нормальному, а к середине дня резко повысилось. Я рассказывал подросткам о сущности процессов, которые происходят в их организме, давал советы, как беречь именно в это время сердце и кровеносные сосуды, особенно мозговые.

Замечая малейшее ухудшение самочувствия вследствие печали, тревоги, волнения, я старался снять угнетенное состояние, ввести девочек в мир жизнерадостности. Жизнерадостное настроение — лучший способ предупреждения заболевания и аномалии в состоянии здоровья.

Отдых на свежем воздухе требуется всем подросткам. Я советовал им после обеда в теплые дни (весной и осенью) прилечь на полчаса, отдохнуть в саду. Рассказывал, как правильно дышать во время отдыха, работы, ходьбы, классных занятий — ведь потребность подростка в кислороде значительно больше потребности взрослого. Я научил подростков делать дыхательные упражнения во время отдыха в саду. Учителя проводили физкультурную минуту среди урока; тут тоже значительное внимание уделялось

дыхательным упражнениям. В классной комнате была смонтирована принудительная вентиляция. Перед окнами было много зелени — это обеспечивало хороший воздушный режим.

НАШ ТРУД И ОТДЫХ ВО ВРЕМЯ КАНИКУЛ

По окончании школьного года мы работаем и отдыхаем среди природы. У нас самостоятельный пионерский лагерь. Каждый год заблаговременно приводим в порядок свое хозяйство: снаряжение для походов и экскурсий, орудия труда. После экзаменов ставим в лесу палатки, сооружаем кухню.

Совет пионерского отряда распределяет обязанности на время каникул. На каждый день назначаются четверо дежурных, которые выполняют хозяйственные обязанности в нашей «Солнечной дубраве» — так называли подростки свой лагерь. Вчерашним пятиклассникам и шестиклассникам помогает повариха тетя Маша, а семиклассники и восьмиклассники обслуживают себя сами.

Все научились готовить еду, сохранять продукты, строить и ремонтировать кухню из кирпича и деревянных кольев, быстро разжигать костер в любую погоду, находить лесные роднички, собирать и сберегать дождевую воду для питья и приготовления пищи, мыть и чистить посуду, стирать белье, ставить палатку, доить корову, сохранять молоко, делать из него масло и сыр, обеспечивать коней и корову кормом, ухаживать за животными, собирать и сушить лесные плоды и лекарственные растения, пользоваться ими при заболеваниях и недомоганиях. Еду готовили трижды в день. Питание полноценное и очень простое. В блюдах нет ничего острого.

В период бурных анатомо-физиологических процессов, отражающихся в мозге подростков, очень важно обогащать еду железом и фосфором. В июле и августе подростки ежедневно едят яблоки, свежий мед, помидоры, которые обогащают пищу аскорбиновой кислотой, необходимой для усвоения всех продуктов питания и нейтрализации возбуждающего влияния на половые железы мяса и других богатых белком продуктов. На почве не допускаем питания продуктами, богатыми белками.

Мальчики и девочки на виду друг у друга, в жару все легко одеты, ежедневно три-четыре раза купаются — все

это требует забот о богатстве духовной жизни коллектива, о единстве физической и духовной сферы жизнедеятельности. Соблюдение режима труда и отдыха основано на самовоспитании — преодолении трудностей, закаливании, упражнениях, требующих силы воли. Особое значение имеет закаливание солнцем. Подростки постепенно привыкают к палящим лучам, в дни походов и экскурсий они могут в сильную жару несколько часов находиться на солнце, конечно, защитив голову. Летом все делается черными, загорелыми.

Каждое лето мы отправляемся в походы по берегам Днепра — изучаем родной край. Большое впечатление производят места героических битв Советской Армии против фашистских захватчиков. Затаив дыхание, в тихие летние вечера мальчики и девочки слушают рассказы участников событий и очевидцев.

Во время походов мы ночуем под открытым небом — под скирдою соломы, в поле, на опушке. Свежий воздух, полноценное питание, богатая духовная жизнь — это животворные источники физического и морального здоровья. Где бы ни находились подростки — в лагере или в походе, я всегда нахожу возможность дать полный отдых сердцу мальчиков и девочек. Во время пребывания в «Солнечной дубраве» подростки отдыхают в дневные часы дважды. Такой же отдых обеспечен и дома. В саду, на приусадебном участке у каждого подростка есть скамья, чтобы можно было посидеть и отдохнуть.

Пребывание в «Солнечной дубраве» не только отдых. Тут подростки и работают, изучают богатства родного края, наблюдают за природой, организуют военные игры. Ни в детстве, ни тем более в годы отрочества и ранней юности не должно быть «чистого отдыха». Если нет творческой духовной жизни, если мысли, чувства, желания не воплощаются, не очеловечиваются в вещах, если труд не создает мира человека не облагораживает чувств, интересов, отдых превращается в нудное безделье, а в скуке грубеет душа, наступают моральное равнодушие, гражданское убожество.

Единство физической и духовной сфер особенно важно, когда в подростках рождается мужчина и женщина. Чувство собственного достоинства, уважения к себе, которое играет исключительную роль в формировании чистых, благородных морально-эстетических отношений, формируется

тогда, когда человек постоянно открывает в другом человеке что-то красивое, морально цельное. Лишь при этом условии человек переживает желание быть лучше.

Тихим летним утром мы шли в степь искать самые крупные колоски пшеницы. Зерна нужны были для опытов. В этом труде объединились физические усилия и мысль. Особенно важным было то, что мыслителями, умными, мудрыми труженицами становились девочки.

После окончания пятого класса увлечением девочек и мальчиков стала резьба по дереву. Взрослые помогли нам под тенью дубов поставить столпки, за которые мы садимся в предвечерний час с маленькими металлическими резцами в руках. Вырезаем своеобразные гравюры — фигурки зверей и птиц, сказочных и фантастических существ. Это художественное творчество, в котором раскрываются индивидуальные особенности мышления и творческого воображения. Снова ожили образы детских сказок — Солнечные Кузнецы-Великаны, Ласковый Дед Сумрак, Баба-Яга Костяная Нога, Жаворонок. С большим интересом дети вырезают воинов, о подвигах которых слышали. Одни подростки отдаются этому творчеству всей душой, у других оно не вызывает особенного интереса. Никак не удавалось увлечь резьбой Петрика, Валю, Нину. Наблюдая работу подростков, я убедился, что существует зависимость между умственным развитием, умственными способностями и мастерством рук.

Мы также собираем урожай в колхозном саду, уничтожаем вредителей на полезащитных лесополосах, собираем семена для нового плодорассадника.

Большую радость доставляют детям военные игры. Не раз целую ночь мальчики и девочки ходили в разведку, наводили переправу под огнем «врага» на воображаемой бурной реке...

Работаем на свежем воздухе зимой. В тихую погоду при небольшом морозе мальчики и девочки задерживают снег в саду, защищают деревья от зайцев, нарезают камыш для летнего строительства и снегозадержания в поле.

Каждую зиму работаем несколько дней в лесу — в тихие солнечные дни при 5—10-градусном морозе изготавливаем из хвороста щиты для снегозадержания. На пятом году обучения подростки работают в лесу три дня по шесть часов, на шестом — три дня по семи часов, на седьмом —

четыре дня по семи часов, на восьмом — четыре дня по восьми часов.

Это прекрасный способ закаливания, физического и духовного. Легко, по тепло одевшись, на рассвете приезжаем в лес, располагаемся на поляне, варим горячую пищу, завтракаем. После завтрака часа три работаем. Уже через три часа всем хочется есть. Снова варим еду, обедаем. Каждый тут ест вдвое, а кое-кто — и в три раза больше, чем дома. Никто не ощущает холода. Никогда не было, чтобы кто-нибудь во время работы или по дороге домой мерз. Не было заболеваний. Пообедав, мальчишки идут в лесные чащи за чистой родниковой водой. Всем хочется «лесной воды». После обеда еще несколько часов работаем — и опять всем хочется есть. Снова варим кашу с салом — она кажется вкуснейшим в мире блюдом. Поужинав, любимся вечерней зарей и в сумерках возвращаемся домой. Иногда за нами приезжают в лес не автомашины, а сани — и это для всех великая радость.

Не знаю всех тонкостей влияния на организм чистого морозного воздуха, насыщенного запахами хвои, но из наблюдений можно сделать выводы: работа в лесу в морозный день, при ярком февральском солнце, которое уже заметно поднялось над горизонтом, — это чудесный способ укрепления здоровья, воспитания стойкости и выдержки.

Каждую зиму находится работа и на школьном участке: мы собираем снег для виноградики и сада, защищаем деревья от мороза и зайцев, заготавливаем лед на пруду для ледника.

Каждый год зимою подростки несколько дней отдыхают в лесу. Как и в годы детства, мы приезжаем в лес на рассвете, встречаем утреннюю зарю, ставим шалап, строим походную кухню. На лыжах отправляемся в лесные чащи, берем воду из родников. После завтрака сооружаем снежную крепость: дворцы, подземные тайники. Интересная, захватывающая военная игра... После обеда расходимся по лесной поляне, слушаем пение зимних птиц, любимся снежным убором деревьев. Вернувшись к снежной крепости, разжигаем огонь в ледяной печке, печем картошку и слушаем сказки. Эти дни навсегда остаются в памяти подростков.

Каждый год мы выбираем благоприятную погоду для отдыха на льду далекого озера, которое славится красотой природы. Тут проводим два дня, ночуем в палатках. Из

льда сооружаем хрустальный дворец. Трудно передать словами игру солнечных лучей в прозрачных стенах дворца. Эта красота восхищает, удивляет; каждому хочется посидеть во дворце, помечтать, послушать сказку или рассказ о путешествии в далекие края, о борьбе добра против зла.

Эта чудная красота — игра лучей в ледяных кристаллах — будит мысль, фантазию, вдохновляет творческое воображение. Вот мы сидим на ледяных ступенях, над нами — свод дворца. На стыках ледяных плит каждую минуту вспыхивают новые цвета; соединяясь и чередуясь, они играют, переливаются. В какой-то единственный за весь день момент, когда солнце спускается над лесом, в хрустальном дворце господствует зеленый сумрак, который напоминает морскую глубину. Потом сумерки сменяются игрою розовых лучей вечерней зари, наконец разливается фиолетовое сияние — эта неповторимая игра красок и оттенков так захватывает, одухотворяет, что все сидят словно зачарованные.

Тут, в вечерних сумерках, родились стихи о Ледовом Волшебнике. Эти стихи мы сложили коллективно. Вот они:

Над спящими волнами озера лесного
гуляет холодный ветер.
Плещут синие волны о серый берег,
шумит ветер в голых ветвях опустевшего леса.
Как только зашло солнце за гору,
на берег пришел Ледовый Волшебник.
Коснулся ледяным дыханием синих волн,
и застыли синие волны.
Стал за лесом Ледовый Волшебник,
там, где заиграли краски вечерней зари,
махнул рукою,дохнул ледяным дыханием
на замерзшие волны...
Заблестели тонкие иголки в кристалликах льда —
синие, красные, голубые, розовые,
зеленые, желтые, фиолетовые...
Солнечные искры вложил Ледовый Волшебник
в синие застывшие волны...
Дремлют искорки в ледяной глубине,
ждут не дождутся весны,
чтобы заиграть в певучих ручейках...

Тут, в хрустальном дворце, вступал в действие могучий эмоциональный стимул мысли; красота пробуждала, рождала яркие образы, вызывала вдохновенный порыв фантазии. Отдых на озере — это прекрасное лекарство, которое

укрепляет, оживляет мысль моих «трудных» детей — Петра, Вали, Иины, Славка.

Находим время и для отдыха в заснеженном овраге, что неподалеку от села. Тут была пещера, с которой у каждого из нас связано столько незабываемых воспоминаний детства... Сюда мы приходим в трескучий мороз или перед выюгой, открываем известный только нам вход в пещеру, растапливаем печь, варим кашу, под завывание ветра читаем интересную книгу. Тут мы прочитали рассказы Джека Лондона и Станюковича, романы Жюль Верна и Обручева. Тут зачитывались фантастическими рассказами о полетах к звездам.

Труд и отдых в зимние дни были источником гармонии физического и духовного. Меня заботило здоровье подростков — и прежде всего сердце. Работа и отдых на свежем воздухе, радость духовного общения в коллективе, наслаждение красотой бытия — все это крайне необходимо для того, чтобы укреплять сердце именно тогда, когда оно в бурном процессе становления, глубоких внутренних изменений. Больше половины людей, которые умирают в наши дни, — это люди, больные сердцем. Почему эти заболевания вообще появляются? Почему у сорока-пятидесятилетнего человека ослабленное, беспильное, изношенное сердце? Потому что его не берегут, не щадят, не воспитывают в годы отрочества, когда оно бурно растет. В эти годы сердце исключительно отзывчиво, восприимчиво к многочисленным раздражениям. Оно — клубок чутких нервов. Именно в этом возрасте оно расшатывается, ослабляется, надывается нарушениями гармонии между физической и духовной жизнью и — что особенно опасно в отрочестве — курением, простудными заболеваниями, ангинами, гриппами, насморками.

Предупреждая простудные заболевания, закаляя организм, укрепляя и оберегая сердце, мы заботимся о продолжении жизни. Простудных заболеваний у моих мальчиков и девочек не бывает. Это результат длительного физического закаливания в детстве. Но уже с детства мальчики и девочки придерживались ряда требований, которые стали привычкой: летом закаляли ноги (ходили босиком при любой погоде), спали при открытой форточке, обтирались мокрым полотенцем, делали утреннюю гимнастику.

Неуклюжесть, резкость движений в годы отрочества особенно характерна для тех мальчиков, у которых большая физическая сила, а таких у меня большинство. Сила у подростков неудержимо рвется наружу, поэтому очень важно согласовывать сложные и тонкие движения с физическими усилиями. Не потому ли у подростков так много неосмотрительных, нерассчитанных (непродуманных) движений? Не потому ли подростки так часто ломают и портят то, что ломать и портить им и в голову не приходило?

Юрко бросал мяч в сетку, а попал в окно, разбил стекло. Если бы я не видел, как он неумело рассчитал движения, я бы подумал, что он озорничал. Павло, переставляя кровать, сломал пожку — взрослому этого сделать не удалось бы. Закрывая парту, Шурко (так теперь звали маленького черноглазого Шуру) стукнул крышкой так, что вылетели винты, которыми прикреплена крышка. Я заметил, что чем больше раздражение, вызванное разными событиями духовной жизни коллектива, тем больше несогласованности между целью движений подростка и физическими усилиями, которые он вкладывает в свои движения. Жизнь подсказала, что учить ловкости, пластичности, красоте движений необходимо — это один из важнейших компонентов гармонии физического и духовного развития. Я учил подростков сложным и тонким движениям, которые требуют сочетания умения и физического напряжения. Прежде всего заботился о том, чтобы рука стала для подростка тонким, виртуозным инструментом труда, связанным тысячами нитей с мозгом. Сознательное и умелое управление движениями своего тела начинается с управления рукой, с обратного влияния руки на мозг, благодаря которому вырабатывается пластичность, чуткость взаимодействия систем: рука — мозг, тело — мозг, работа — мозг.

Тонкость, чуткость движений руки, ее связь с мозгом вырабатываются прежде всего в труде. Я заботился о том, чтобы в работе подростков не преобладали грубые, однообразные движения, которые требуют только физических усилий, чтобы утомление от такой работы не оупляло чуткости к собственному телу и к окружающему миру.

Опыт глубоко убедил меня в том, что если в отрочестве преобладают однообразные, грубые движения, в которых большое физическое напряжение — единственное условие успеха, — это откладывает отпечаток не только на физическое, но и на умственное, эмоциональное, эстетическое развитие человека: он не только неуклюж и неловок — ему недоступны тонкие оттенки мысли и чувств. В мастерской, в рабочих комнатах кружков, в лабораториях, на участке и в саду важное место занимала тонкая, виртуозная, филигранная работа, которая требует расчета, согласования силы и разума, постоянного самоконтроля: что сделано и как сделано. Вот почему большое значение придавалось резьбе по дереву. В мастерских подростки выполняли работу, связанную с тонкой обработкой дерева, металла. В биологическом кабинете пересаживали зародыши зерен пшеницы на зерно ржи. Работая в саду, мальчики научились владеть универсальным инструментом садовника — окулировочным ножом. Прививка почки культурного сорта к дичку — это тонкая сельскохозяйственная работа, которая воспитывает ловкость, практичность, красоту. Большое значение придавалось также работе, связанной с управлением машинами. Подростки учились выполнять одновременно несколько движений, необходимых в трудовом процессе.

Есть такие виды сельскохозяйственных работ, при выполнении которых принимает участие все тело, причем согласованность ловкости и пластичности с физическим напряжением немыслима без умения управлять всем телом. Закончив седьмой или восьмой класс, мальчики с большим удовольствием косили сено. Тут особенно ярко сочетаются физическая сила с пластичностью, легкостью, красотой. Человек, который полюбил косьбу, строен, красив, умеет управлять всем телом в работе и спорте.

Важное место отводилось катанию на велосипеде, коньках, лыжах, а также плаванию. Это умение тоже вырабатывает координацию движений, оттачивает пластичность и красоту. Мальчики и девочки настолько овладели велосипедом, что ездили и делали повороты, не прикасаясь к рулю. Организуя соревнования по катанию на коньках, плаванию, мы вырабатывали условия, которые требовали прежде всего красоты, пластичности движений.

Летом в «Солнечной дубраве» в нашем распоряжении было три лошади. Недалеко от наших палаток колхозники

построили летнее укрытие для лошадей. Мальчики и девочки с большим удовольствием заготавливали сено, ездили в село за овсом. По окончании шестого класса пасли лошадей ночью. Это доставляло особенное удовольствие. В ночное отправлялись по трое мальчиков. Порой нам давали нескольких лошадей, и мы выезжали на далекие луга, на берега приднепровского озера. Там рождались изумительные сказки о фантастических существах, о далеких звездных мирах.

Мальчики увлекались волейболом и баскетболом, девочки — настольным теннисом и баскетболом. В настольный теннис девочки играли и дома. Все годы отрочества мальчики и девочки были в секции гимнастики. Это один из любимейших видов спорта всех наших школьников. Труд и спорт постепенно отшлифовывали красоту мальчиков и девочек.

БЕРЕГИТЕ НЕРВНУЮ СИСТЕМУ ПОДРОСТКА!

Отрочество — пора глубоких качественных изменений мозга. В лобной, височной и теменной частях совершаются сложные процессы усиленного развития дендритов, что ведет к формированию специфических человеческих познавательных, мыслительных, творческих функций. Увеличивается количество ассоциативных волокон, которые соединяют как группы нейронов, так и отдельные частицы и участки коры с подкорковыми центрами.

Создание анатомо-физиологических предпосылок абстрактного мышления не проходит ровно, безболезненно. Этот процесс затрагивает те сферы духовной жизни подростка, в которых выражаются самоутверждение, самопознание, самоконтроль, самооценка. Нейроны и подкорковые центры у подростка делаются особенно чувствительными, в определенных условиях болезненно возбудимыми уже потому, что любая информация из окружающего мира не только «расшифровывается», систематизируется, связывается с ранее полученной информацией, но и соотносится с личностью того, кто мыслит. Подросток думает словно одновременно об окружающем мире и о самом себе. Насколько быстрым становится переключение нервных импульсов от одной группы нейронов к другой, настолько развивается при этом способность нагромождать и

сохранять информацию не только в сознании, но и в подсознании.

Умение учитывать эти качественно новые особенности мышления подростков, связанные с бурными анатомо-физиологическими процессами, в педагогической деятельности приобретает исключительное значение. Нервная система подростка бывает порой предельно напряжена: достаточно неумелого, нетактичного прикосновения — и подросток «взрывается», «вспыхивает». От воспитателя требуется очень внимательное, чуткое отношение прежде всего к миру мыслей и чувств, к сложному взаимодействию мышления и эмоций, сфере сознательного и подсознательного. Нужно учитывать, что в этот период в подкорковых центрах с особой интенсивностью откладываются эмоциональные следы познания и самопознания.

Коля, Миша и Толя в своих семьях иногда бывали свидетелями несправедливого, равнодушного отношения человека к человеку. Когда мальчики приходили в школу, факты, события словно стирались, сглаживались в памяти, но эмоциональные следы познания оставляли отпечаток на их поведении, самочувствии. Если бы я спросил кого-нибудь из них: «Как у вас дела дома?» — в ответ получил бы бурную вспышку гнева. Я ощущал это внутреннее напряжение духовного состояния мальчиков в их горячих, пытливых, словно пронзающих, взглядах, в молчаливой замкнутости. Догадывался, что именно в эти минуты подросткам необходима помощь, совет, но как подойти к их чутким сердцам? Не навязываясь с помощью и советами, я стремился, чтобы гордые, самолюбивые подростки все-таки открывались мне. Для этого необходима такая духовная общность, чтобы я и мой воспитанник забывали, что мы педагог и воспитанник. Как важно, чтобы именно в этот период отрочества, когда одновременно с перестройкой нервной системы совершаются первые глубинные процессы самоутверждения и самопознания, этот гордый и честолюбивый человек чувствовал рядом с собою не воспитателя, который колдует над душой со своими педагогическими мудрствованиями, а просто друга, чуткого, сердечного. Чем меньше в его педагогических мудрствованиях воспитательной нарочитости, тем лучший он воспитатель и тем больше тянутся к нему подростки.

Сплый, которая словно притягивает подростка к воспитателю, является общность интересов, увлечений, а отсюда

общность духовного состояния, прежде всего морально-эмоционального: непримиримость к злу, несправедливости, унижению человеческого достоинства. В те часы, когда моя душа горела ненавистью к злу, которое причинял семье отец Миши, когда я с тревогой смотрел на задумавшегося, настороженного подростка, как раз тогда его сердце открывалось передо мной. Сопереживание горя опережает жестокость — самую резкую и самую опасную реакцию чуткого сердца подростка на зло, неправду, несправедливость. Жестокость не только огрубляет юную душу, но и отражается на нервной системе, нарушает гармонию между физическим и духовным — угнетает тело и дух.

В поспешных и ошибочных выводах подросток переносит свою непримиримость со злом с отдельных людей на всех. Иногда он становится жестоким ко всему миру. Все кажутся ему злыми, чужими. Вдумаемся в слова великого художника и педагога Л. Н. Толстого об отрочестве: «Да, чем дальше подвигаюсь я в описании этой поры моей жизни, тем тяжелее и труднее становится оно для меня. Редко, редко между воспоминаниями за это время нахожу я минуты истинного теплого чувства, так ярко и постоянно освещавшего начало моей жизни. Мне невольно хочется пробежать скорее пустыню отрочества и достигнуть той счастливой поры, когда снова истинно нежное, благородное чувство дружбы ярким светом озарило конец этого возраста и положило начало новой, исполненной прелести и поэзии, поре юности»⁸.

Почему так неожиданно Л. Н. Толстой называет отрочество пустыней? Потому что события этой поры кажутся человеку острыми, тревожными. Малейшая тревога оставляет глубокую рану в сердце. Ведь в отрочестве начинается особенно острое, яркое познание мира сердцем. А сердце подростка становится впечатлительным, ранимым, оно с тонкой чуткостью прислушивается к мыслям, угнетающим дух. Стоит подростку припомнить слова, которые день, два, три дня, даже неделю назад поразили, взволновали его, как сердце его тревожно забьется, «подскочит» кровяное давление, по всему телу разливается то жар, то холод, лицо то бледнеет, то горит. А если в эти минуты подросток говорит, голос его дрожит, срывается.

Умейте заметить и понять это духовное состояние. Не спрашивайте: «Что с тобой происходит?» Вообще

«рывертывание души» воспитанника противоречит духовной гуманности советской педагогики, по отношению к подростку это преступление. Как ни в какой другой период своего развития, в годы отрочества человек живет очень богатой внутренней жизнью, и эта жизнь духа отражается на здоровье, на мыслях, на поступках. Сердечные потрясения ведут к общему разладу всех систем организма подростка. Я знаю случаи, когда возмущение злом, несправедливостью уже через несколько минут приводило к резкому повышению температуры, а потом к длительному заболеванию нервной системы. Нередко под влиянием сильного потрясения у подростка разлаживается пищеварение.

Оберегать центральную нервную систему подростка — это значит щадить его сердце и весь организм. Педагог должен владеть тончайшим инструментом, в котором таится человечность, чуткость, терпимость к слабостям подростка, — словом. Будьте осмотрительны, чтобы слово не стало кнутом, который, прикасаясь к нежному телу, обжигает, оставляя на всю жизнь грубые рубцы. Именно от этих прикосновений отрочество и кажется пустыней. Мудрое и чуткое слово — словно целительная вода: оно успокаивает, рождает жизнепразднственное мировосприятие, пробуждает мысли о торжестве справедливости.

Слово щадит и оберегает душу подростка только тогда, когда оно правдивое и идет от души воспитателя, когда в нем нет фальши, предубежденности, желания «распечь», «пробрать». Подбор острых слов специально для того, чтобы вызвать в подростке сильные переживания, является показателем элементарной педагогической неграмотности. В состоянии возбуждения, раздражения, когда между мозгом и сердцем туго натянута струна переживаний, чувство вины никогда не приходит к подростку. Чувство вины подросток переживает, только успокоившись. Поэтому слово педагога должно прежде всего успокаивать. Если крик педагога вообще ничемный инструмент в воспитании, то в отношении к подросткам этот инструмент свидетельствует о педагогическом невежестве. Крик сам по себе — независимо от того, виноват или не виноват подросток, — воспринимается им как несправедливость. Желание криком подавить непокорность подростка, привести его в состояние трепетного послушания и подчинения можно сравнить с сжиманием пружины: чем сильнее мы на нее на-

жимаем, тем сильнее опасность, что она лопнет или же, расправившись, ударит того, кто ее сжимает.

Стараясь привести подростка в состояние бессловесного подчинения, вы каждый раз словно растравляете, чрезмерно возбуждаете и без того возбужденное сердце. Когда учитель кричит, сердце подростка, образно говоря, охватывает пожар: чутко, болезненно напряженные нервы посылают сигналы в мозг, а мозг снова и снова растравляет сердце.

Иногда я видел крайнее возбуждение подростков, особенно Юрка, Виктора, Шурка. Это всегда настораживало меня. Подростки будто ждали, чтобы я начал что-то говорить о них, и стоило мне произнести слово повышенным тоном, как они вспыхивали, съеживались. В эти минуты я изо всех сил старался сохранить выдержку. Как можно тише, но выразительней, эмоционально насыщая каждое слово, говорил о чем-то, будто совсем не связанном с моим намерением успокоить. Подросток (а бывало, разговор начинался и с двумя-тремя) прислушивался к моим словам; и чем внимательней он был, тем тише я говорил. Через одну-две минуты исчезала напряженность, опасные огоньки возбуждения угасали, я ощущал спокойную душу. Если это говорилось перед классом, в классе устанавливалась тишина. В такой обстановке уже можно управлять тоном своего обращения к подросткам: чуть заметное повышение голоса воспринимается как справедливое требование быть внимательными, прилежными, рассудительными.

Изматывается, истощается, чрезмерно возбуждается, а потом и угнетается нервная система подростка тоном приказа, категоричности, не допускающей никаких возражений. По своей природе и функции ум подростка требует самостоятельности. Истина становится его убеждением только тогда, когда он, словно сомневаясь в ее справедливости, со всех сторон приглядывается к ней, проверяет ее, самостоятельно приходит к выводу, что нужно делать так, как советует воспитатель. Подросток — это исследователь не только явлений и закономерностей природы, но и моральных истин, исследователь человека. Особенно внимательно он исследует педагога. Беседы воспитателя с подростками должны быть не категорическими предписаниями, а размышлениями; при этом условии подросток подмечает у вас все лучшее, вы открываетесь перед ним тончайшими гранями своей души.

Когда же господствует дух категорического приказа, нетерпимости к сомнениям и возражениям, создается опасное положение, которого часто не замечает педагог. Категоричность вызывает в сознании подростка внутренних протест. В годы отрочества возрастает роль коры полушарий как контроля эмоций, подросток почти никогда открыто не проявляет своего протеста. Но тем глубже переживает он чувство. Нетерпимость, непримиримость с бессловесной покорностью — это чувство постоянно держит сердце подростка в возбужденном состоянии и напряжении. Вступают в действие могучие эмоциональные возбудители — подкорковые центры, они словно предупреждают ум: не покоряйся, у тебя самого голова на плечах. Эти сигналы из подкорковых центров настолько сильны, что подросток слышит звучание ваших слов, но не вникает в их смысл, они словно ползают по поверхности его сознания. Наступает торможение, сердце перестает быть напряженным, расслабляется. Но вот какая-то мысль, высказанная воспитателем, вновь вызывает горячий протест (когда подросток чувствует противоречивость между тем, о чем говорит учитель, и тем, что он, учитель, делает, или тем, что подросток видит в жизни), сердце вновь возбуждается, вновь идут сигналы из подкорки в кору полушарий.

Не давая возможности, размышляя, познавать и, познавая, размышлять, — а это и есть начало самоутверждения, учитель без конца терзает сердце подростка. Несколько лет такого дерганья — и оно грубеет, становится равнодушным. Для такого сердца часто нет ничего святого. Подсознание перестает быть чутким стражем совести. Но дело не ограничивается моральными утратами. Большой вред причиняется здоровью. Для тех, кто воспитывается в духе бессловесной покорности, характерно чувство угнетенности. Им недоступно оптимистическое, жизнерадостное мировосприятие.

Не поймите меня, уважаемый читатель, так, что я против приказа, требования, порядка в воспитании. Без разумного проявления воли воспитателя, требований коллектива, общества воспитание превратилось бы в стихию, а слова воспитателя — в розовую водичку, сладенький сироп абстрактного добра. Ведь настоящее воспитание — это воспитание в человеке долга перед другими людьми, перед обществом, перед народом, а долга не может быть

без спільної волі, без вимогливості, без наказання, без розумного поучення, без вміння підчинити свої особисті інтереси інтересам людей, колектива, суспільства, народу. Підлітки уважають, люблять, цінують людей сильної волі і не терплять людей безвольних, не переносять пусто-порожньої болтовні. Це золоті істини і золоті правила нашої системи виховання. Я попереджаю від того отвратительного, недопустимого в вихованні явлення, коли, крім наказу і вимоги, нічого немає, коли не уважається воля особистості підлітка. Майстерство волевого впливу вихователя на душу підлітка складається в тому, щоб, розуміючи свій обов'язок, підліток з радістю віддавав сам собі накази і сам ставив перед собою вимоги, щоб ви, вихователі, увлечли, одухотворили його моральною красою людського обов'язку, щоб дисципліна, су-рова, безоговорочна, нетерпляча до проповіді всепрощення і абстрактного добра, щоб ця дисципліна була для підлітка самоутвердженням, вираженням його власних моральних сил.

Якщо перед маленьким людиною моральна сторона людських відносин розкривається головним чином в яскравих картинах, поступках, поведінці дорослих, то підліток пізнає моральний світ уже і в слові. Він прислуховується до того, що говориться. Слово в устах дорослого стає для нього моральною характеристикою того, хто проносить це слово. Чутливе свідомість і підсвідомість підлітка уловлюють не тільки зміст слів, але і гармонію слова і поступків. Виховальна сила слова застосовується до підлітків залежить не стільки від істинності слова як такого, скільки від того, як воно гармонізує з моральним поведінням того, хто поучає. Як ложь і фальш сприймаються прекрасні слова, коли їх проносить той, для кого вони не особисте переконання, а службова повинність: той, хто проносить красиві слова, але не зробив і не може зробити нічого красивого. І чим красивіше в даному випадку слово, чим більше в ньому штучного воодушевлення, тим глибше внутрішній протест воно викликає, тим більше тисне на серце. Як важливо для гармонії духовного і фізичного розвитку, щоб за глибоким змістом моральних істин, які пропонуються підліткам, стояло велике моральне багатство тих, хто провозглашає великі, святі слова!

В воспитании подростков очень важно найти возможность для того, чтобы не трепать, не истощать их нервную систему и сердце. Многолетние наблюдения убеждают, что сердце подростка чрезвычайно возбуждается в те минуты урока, когда он ждет, кого спросит учитель. В тот миг, когда глаза учителя выбирают в списке, кого спросить, чуткие детские сердца замирают. Если бы в этот момент измерить кровяное давление, можно было бы увидеть, как вздрогнет стрелка, когда, наконец, иногда после долгих раздумий, класс услышал имя того, кого вызывают. Класс облегченно переводит дыхание: вызвали не меня. (Конечно, чувствительность есть только там, где с детских лет человек воспитывается добрым словом, не знает дурного слова, не чувствует на себе сильных «волевых» способов воспитания. Подростку, который привык к ремню и подзатыльникам, все равно, кого вызовут.) Ежечасно переживая эти испытания, сердце одного подростка перестает быть чувствительным, у другого же развивается школьный невроз. Когда мои подростки стали пятиклассниками, я увидел первые признаки этого невроза у Вари и Люси (кстати, большое прилежание девочек в школьных занятиях объясняется тем, что в связи с анатомо-физиологическими особенностями у них раньше развивается чуткость сознания и подсознания к слову). Мы в педагогическом коллективе задумались: для чего подвергать подростков этому ежечасному испытанию нервов? Не лучше ли будет, если в начале урока как-то незаметно, в беседе учитель скажет, кто сегодня будет отвечать? Оказалось, так значительно лучше. Подростки не волновались, сердца их не замирали. Они внутренне были подготовлены к опросу. И это не отражалось на прилежании, не снижало активности.

Опыт убеждает в целесообразности применения специальных воспитательных приемов, чтобы не возбуждать нервную систему. Это прежде всего труд среди природы, наедине, без шума и крика. После напряженного школьного дня каждый подросток работал полчаса в саду. Нервная система успокаивалась тем, что духовные силы направлялись на физический труд. Лучше всего успокаивают нервы и сердце однообразные физические операции, которые являются средством достижения исследовательской цели (например, обработка почвы лопатой и тяпкой, внесение удобрений, поливка, обрезание веток и пр.). Этот

труд очень полезен как зарядка для нервной системы и сердца.

Прекрасным отдыхом для нервов и сердца был выезд на целые дни в поле, а также зимний труд в лесу, о котором шла речь. Необозримая осенняя степь, чистый, прозрачный, прохладный воздух, синес небо, вкусный обед, сваренный тут же, около плантации картофеля или свеклы, — все это создавало гармонию физического и духовного. После такого труда можно начинать с коллективом какой-либо разговор, который требует значительных тревог, волнений.

Длительное пребывание в коллективе потребует смены обстановки — одиночества, полного отдыха от того напряжения, которое требует духовное общение. Нельзя проводить собрания после напряженного умственного труда на уроках. Это изматывает, истощает нервную систему, особенно тогда, когда на собраниях коллектив касается тонких, очень чувствительных и нежных сфер духовной жизни отдельных подростков. Если требовалось напряжение нервных сил, когда разговор вел к волнениям и тревогам, я собирал коллектив после физического труда (особенно когда нужно говорить о чем-то таком, что вызывает большое возмущение подростков). Эмоциональная непосредственность, благородный огонек чистых чувств должны всегда облагораживаться мудрой мыслью, а ясная голова у человека в таком возрасте будет только тогда, когда до начала разговора сердце не возбуждено многими другими волнениями и заботами.

Длительный отдых от коллектива необходим после целых периодов школьной жизни. После каждой учебной четверти подросток должен побыть наедине с собою, в кругу семьи. Это необходимо точно так же, как и богатая, полнокровная духовная жизнь коллектива. Я советовался с родителями, какую работу найти на это время в семье, чтобы подросток увлекался ею.

ПСИХИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Страшно и непонятно, почему во время утверждения личности школа не дает человеку никаких знаний о нем, о человеке — в частности, о том специфическом, что возносит человека над миром живого: о человеческой психике, мышлении и сознании, об эмоциональной, эстетической,

волевой и творческой сфере духовной жизни. Тот факт, что человек, по существу, ничего не знает о себе, часто бывает источником большой беды, за которую обществу приходится дорого расплачиваться. Физическая, моральная, эстетическая культура немыслима без психической культуры. Я старался дать подросткам элементарные, необходимейшие знания о специфическом человеческом и умение пользоваться этими знаниями в жизни, в труде, во взаимоотношениях с другими людьми. Знание психической культуры — это не краткий конспект психологии. Я бы назвал эти знания азбукой самопознания и самоутверждения, культурой духовной жизни личности. Давая их, я стремился не только донести до сознания подростков научно-материалистическое представление о единстве физического и духовного, о материальной основе психики. Нетрудно убедить и переубедить, что материальной субстанцией духовного являются сложные биохимические процессы, что никакой души, изолированной от тела, нет, что человек смертен, как и все живое на свете. Но это означало бы поставить человека на один уровень с животными; поэтому параллельно с этим нужно раскрыть перед юным разумом и то, что возносит человека как творца, одухотворенного высокими идеалами.

Очень важно, чтобы знание азов психической культуры одухотворяло подростков, утверждало в них оптимизм, веру в свои силы. Прежде всего я определил содержание знаний из основ психической культуры. Работа началась с элементарного понятия о чувстве. Пятиклассники усвоили понятие о видах чувств и с большим интересом стали наблюдать за собственными чувствами. Мы проводили специальные упражнения на повышение чувствительности зрения и слуха до предела различения. Они сыграли большую роль в формировании культуры чувств.

Во время экскурсий и походов подростки различали оттенки цвета листьев, травы, неба. Они сумели увидеть свыше десяти оттенков голубого небосклона — зависимо от времени года, освещения солнцем и других факторов. В лесу, на берегу реки, у моря подростки учились различать оттенки звуков. Эти упражнения сыграли огромную роль в выработке чуткости к слову родного языка, к тонкостям его звучания. Все наши учителя убеждены в том, что культура речи в значительной степени зависит от культуры звуковых ощущений. От культуры звуковых

ощущений зависит и формирование эстетической культуры. Мальчики и девочки научились различать свыше сорока оттенков цвета розы. Не находя в речи слов, чтобы назвать все оттенки, подростки придумывали собственные поэтические названия.

Развивая культуру чувства обоняния, я добился того, что у воспитанников выработалась органическая нетерпимость к затхлости. Они не могли находиться в комнате с несвежим воздухом. Любую работу начинали, только проветрив комнату*.

Уже в пятом классе началась работа по воспитанию культуры восприятия. На ярких, наглядных примерах я дал понятие о восприятии предметов и явлений окружающего мира. Особое внимание уделялось формированию умения воспринимать гармоническое единство предметов. Проводились специальные упражнения на выработку культуры восприятия пространства. С высоких степных могил в разные времена года мы наблюдали, как изменяются очертания предметов в зависимости от расстояния. С интересом подростки выполняли такие упражнения. Несколькими фразами я рисовал внешние черты какого-либо предмета. Подростки вслушивались в каждое слово, вдумывались, открывали альбомы для рисования и передавали в рисунках свое представление о том, что они слышали. Целью этих упражнений было развитие смешанного, то есть зрительно-слухо-моторного, типа представлений.

Постепенно подростки входили в мир мышления. Среди природы на наглядных примерах я давал понятие о мышлении и его процессе. Объяснение сути вопросов культуры мышления имеет большое значение, потому что в подростковом возрасте все больший вес приобретает абстрактное мышление. Наши занятия и упражнения чаще всего посвящались выработке умения абстрагировать. Мы анализировали, составляли и противопоставляли предметы и явления окружающего мира, упражнялись в умозаключениях. Наблюдая окружающий мир, подростки находили причинно-следственные связи; они удивлялись своим открытиям: одно явление в одном случае — следствие, в другом — причина. Эти открытия обогащали интеллектуальные эмоции.

---

* О культуре ощущений в воспитании чувств будет сказано в разделе «Эмоциональное и эстетическое воспитание».

На занятиях, посвященных психической культуре речи, я рассказывал о происхождении и развитии языка, о единстве мышления и языка, о выразительности, эмоциональности, образности речи. Я усматривал очень важную воспитательную задачу в том, чтобы предупредить серьезный недостаток школьного воспитания — отрыв речевой культуры от культуры мышления. Многолетние наблюдения убедили, как опустошается духовная жизнь подростка тем, что он заучивает слова и фразы, малопонятные или совсем непонятные. Важнейшей чертой психической культуры является то, чтобы слово входило в сознание ученика как живое, яркое отображение реальной действительности, чтобы в обобщающие, абстрактные понятия вкладывался ясный смысл, чтобы взаимосвязь слов отражала взаимосвязь мыслей.

В воспитании речевой психокультуры значительное место занимают самонаблюдения. Подростки учились проверять себя: ясен ли мне смысл того, что я говорю? Могу ли я точно выразить словами то, о чем думаю? С этой целью проводились упражнения: подросток дает словесное описание того, что видит или слышит, при этом старается передать тончайшие оттенки (цветов, звуков). Опыт убедил, что эти упражнения очень ценны для формирования культуры речи.

На уроках подростки учились самонаблюдению и самоконтролю в процессе рассказа, объяснения и беседы. Перед тем как начать изучение нового материала, я ставил задание: не только осмыслить, но и сделать логический анализ (например, выделить главные составные части, установить зависимость между понятиями).

Понятие о физиологической основе чувств, о низменных и высоких чувствах, настроении, аффектах — все это доступно уже шестикласснику. Я усматривал важную воспитательную задачу в развитии высоких и в предупреждении низменных чувств. Характеризуя те или иные чувства, я старался раскрыть единство эмоциональной и моральной сфер, убедить, что благородные чувства рождаются только благородными мыслями и делами. Мальчики и девочки учились развивать в себе благородные чувства.

Со всеми сферами духовной жизни подростков было тесно связано воспитание культуры воли. Более чем какая-либо другая сфера психической культуры волевое

поведение входило в духовную жизнь мальчиков и девочек как широкое поле для самонаблюдений и самовоспитания. Рассказывая о людях сильной воли, я учил ставить цели, принимать решения и преодолевать трудности. Со слабовольными, нерешительными воспитанниками — Володей, Людой, Петриком — проводилась индивидуальная работа: я учил их ставить перед собой сначала незначительные трудности, преодолевать их и переходить к более значительным.

Особое место в психической культуре занимает воспитание и самовоспитание памяти. Постепенно я развивал и углублял понятие о физиологической основе памяти. Добивался того, чтобы подросток понимал, насколько это позволяет возраст, что происходит в его голове в процессе умственного труда, от чего зависят результаты его усилий. Многолетние наблюдения привели к выводу, что истоки воспитания памяти таятся где-то на стыке произвольного и непроизвольного запоминания: чем глубже ученик вдумывается в смысл того, что изучается, чем яснее представляется ему суть фактов, явлений, тем глубже они запоминаются. Подростки овладевали исследовательским методом познания. Многочисленные факты убеждали: если ученик получал знания, следуя, анализируя все новые и новые факты, происходит не только эффективное запоминание, но и воспитание памяти. Это большая проблема интеллектуальной жизни в годы отрочества, которая требует специального исследования.

Чтобы подростки хорошо знали себя, я рассказал им о темпераменте и характере, о типах нервной системы и типах мышления. После этих разговоров заметно усилилось самонаблюдение.

Постепенно перед подростками раскрывались такие понятия, как способности, наклонности, интересы, призвание. Психическая культура в этих сферах духовной жизни неразрывно связана с культурой моральной, а также с гражданственно-политической, общественной активностью человека. Воспитательная цель состояла в том, чтобы каждый подросток был моим помощником и единомышленником в воспитании способностей. «Занимаясь той или другой работой, — учил я подростков, — сосредоточься, вкладывай в труд ум и чувства — лишь таким способом можно познать и найти себя».

«Когда и где проводить беседы о психической культуре? — спросил меня коллега-учитель. — Ведь в учебном плане времени для этого нет». Без общности духовной жизни учеников и педагога невозможно воспитание. «Рассказы о человеке» — так называли наши беседы о психической культуре подростки. В долгие часы нашего духовного общения эти рассказы вызывали наибольший интерес. О человеке я рассказывал и во время отдыха в походе, и в тихие вечерние часы в нашей «Солнечной дубраве», и в классе в вечерние сумерки, когда подростки, умолив рассказать что-нибудь интересное, приходили специально для этого в школу. А интереснее, чем сам человек, ничего в мире нет.

В наши дни, когда роль тонких нервных сфер в жизнедеятельности человека с каждым поколением все более возрастает, воспитание психической культуры становится одним из ведущих элементов всестороннего развития личности.

УМСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ПОДРОСТКА

ЕДИНСТВО ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И УБЕЖДЕНИЙ УЧИТЕЛЕЙ

За год до начала обучения в пятом классе я начал готовиться к резкой смене характера обучения в связи с предметным преподаванием. Кроме меня, в класс будут приходить еще восемь учителей, а это требует от воспитателя больших забот, прежде всего о единстве педагогических взглядов и убеждений.

Я взял родной язык, русский язык и историю, усматривая в этом важнейший принцип единства обучения и воспитания: классный руководитель (воспитатель) по возможности должен вести предметы, которые изучаются от начала обучения до выпуска.

Свою миссию — и как классный руководитель и как директор — я видел в том, чтобы учителя имели единые взгляды и убеждения по важнейшим вопросам воспитания и образования. Единство взглядов предусматривает расцвет творческой индивидуальности каждого педагога как личности. Ни один учитель не может быть универсальным (а потом абстрактным) воплощением всех достоинств. В каждом что-то преобладает, каждый, имея неповторимую живинку, способен ярче, полнее других раскрыть, выявить себя в какой-то сфере духовной жизни. Эта сфера как раз и является тем личным вкладом, который вносит индивидуальность педагога в сложный процесс влияния на подростков. Но вместе с тем каждый должен быть частицей единого целого — источника интеллектуальной, моральной, эстетической, физической, психической, эмоциональной культуры.

Наши педагогические взгляды и убеждения выработались в процессе труда и состояли в следующем:

1. Каждый педагог не только преподаватель, но и воспитатель. Благодаря духовной общности учителя и коллек-

тива подростков процесс обучения не сводится к передаче знаний, а выливается в многогранные отношения. Каждого из нас, учителей, связывали с подростками общие интеллектуальные, моральные, эстетические, общественно-политические интересы. Урок — первая искра, зажигающая факел любознательности и моральных убеждений.

2. Каждый из нас должен осуществить индивидуальное влияние на конкретного воспитанника, чем-то заинтересовать, увлечь, вдохновить подростка, пробудить в нем неповторимую личность. Каждый из нас должен быть не абстрактным воплощением педагогической мудрости, а живой личностью, которая помогает подростку познать не только мир, но и самого себя. Решающее значение имеет то, каких людей увидит в нас подросток. Мы должны быть для подростков примером богатства духовной жизни; лишь при этом условии мы имеем моральное право воспитывать. Ничто так не удивляет, не увлекает подростков, ничто с такой силой не пробуждает желания стать лучше, как умный, интеллектуально богатый и щедрый человек. В наших воспитанниках дремлют задатки талантливых математиков и физиков, филологов и историков, биологов и инженеров, мастеров творческого труда в поле и у станков. Эти таланты раскроются только тогда, когда каждый подросток встретит в воспитателе ту «живую воду», без которой задатки засыхают и хиреют. Ум воспитывается умом, совесть — совестью, преданность Родине — действенным служением Родине.

Не один год я знал педагогов, которым вверялась судьба наших воспитанников. Это умные, честные люди, влюбленные в детей, в науку, в книгу. Всех нас роднила и объединяла в коллектив могучая сила — жажда знаний и познания. Каждый из нас чувствовал себя учеником, у каждого было какое-то увлечение в сфере интеллектуальной жизни: О. А. Письменная, досконально владея французским и немецким языками, самостоятельно изучила английский и латинский; М. А. Лисак вынашивала мечту о необходимости начинать изучение алгебры с пятого класса и составила свой арифметический задачник; А. А. Филппов составил программу элементарного вступительного курса физики в пятом классе и был убежден, что изучение этого предмета создаст благоприятные условия для умственного воспитания детей, он составил также программу внеклассной работы по физике; О. И. Степанова изучала

биохимические процессы в почве, ставила интересные опыты; в каждом классе у нее было два-три воспитанника, которые твердо решили посвятить жизнь труду в сельском хозяйстве; М. Т. Сыроватка изучала природные богатства края, составила несколько краеведческих карт; А. А. Ворошило на практике стремился осуществить свое убеждение в том, что ум человека — на кончиках его пальцев, труд — это не только выработка практических навыков и привычек, но и воспитание любознательного, творческого ума; Г. Т. Зайцев был увлечен идеей единства рисования и воспитания культуры мышления; С. И. Ефременко, считая главным на своих уроках воспитание музыкальной культуры, составил программу слушания музыкальных произведений.

3. Полноценное умственное воспитание мы считали возможным лишь при том условии, когда обучение проходит на фоне богатой интеллектуальной жизни коллектива и личности. Скачок, качественно новый этап в умственном воспитании человека в годы отрочества, мы видели не только в определенном переходе от образного к абстрактному мышлению (переход — понятие условное: у ребенка есть элементы абстрактного мышления, у подростка сохраняются элементы мышления образного), а в том, что подросток самоутверждается в интеллектуальной жизни: при правильном воспитании он чувствует духовную необходимость отдать свои интеллектуальные богатства другим людям и брать эти богатства у других людей. Уроки, азы научных знаний, добытых на уроках, культура умственного труда в процессе обучения — все это имеет большое значение в умственном воспитании, но все это только составная часть в многогранной интеллектуальной жизни. В коллективе должен постоянно биться пульс пытливой мысли, стремления к горизонтам науки, интересных, увлекательных проблем и книг.

Источником, светочем, первым стимулом интеллектуальной жизни коллектива опять-таки является учитель. От богатства его знаний, мыслей, интересов, эрудиции зависит сам факт существования интеллектуальной жизни. В младшем возрасте учитель для ребенка — открыватель мира вещей и явлений, в отрочестве — открыватель мира идей.

От богатства интеллектуальной жизни коллектива зависят чистота, благородство, бескорыстность душевных

устремлений юности, пытливость, жажда знаний в период самоутверждения, душевность, человечность отношений между педагогами и воспитанниками. Предупреждение огромной беды отрочества и юности — пустоты души, беды, в которой кроется бездумное растрачивание жизни, равнодушное отношение к старшим, преступность, — состоит прежде всего в том, чтобы в годы отрочества человек познал богатство, красоту, полноту интеллектуальной жизни. Знания облагораживают душу не только содержанием истины, на основе которых строится моральное воспитание в советской школе, но и тем фактом, что знания в нашем обществе возвеличивают человека.

4. Мы убеждены, что нет в природе нормального человека, которому не были бы доступны интеллектуальные богатства, счастье полнокровной умственной жизни. Какими бы совершенными ни были методы обучения на уроке, они не могут обеспечить полноценного образования. Чем труднее даются человеку азы основ наук на уроках, тем важнее, чтобы его интеллектуальная жизнь не ограничивалась азами. Радость познания дается человеку только тогда, когда он познает несравненно больше, чем требуется знать. Предупреждение неуспеваемости — отставания, равнодушия к знаниям, науке, книгам, школе — состоит не в том, чтобы без конца подгонять и спасать неуспевающих, а в том, чтобы ввести каждого в мир богатой интеллектуальной жизни коллектива. Многочисленные срывы и ненормальности в жизни подростков имеют в своей основе горькую мысль человека, перед которым только открывается мир: я ни на что не способен, у меня ничего не выходит с учебой, мне недоступно то, что доступно другим. Если в годы самоутверждения открывается такая жестокая истина, на человека надвигается трагедия. Он теряет веру в добро. Он не ощущает на себе благотворного влияния коллектива, потому что настоящего коллектива в таких случаях нет. Он становится замкнутым, недоверчивым, колючим, а если его постоянно укоряют: ты ленивый, ты бездельник, он становится жестоким и действительно превращается в лодыря, бездельника, развращенное существо. Книга для него — мука, а не источник радости.

Пустая душа подростка — это большая беда.

5. Мы были твердо убеждены, что умственное воспитание и обучение в отрочестве совсем не то, что в детстве. Мы открываем подросткам не только природу и общество

с их закономерностями, но и их самих. Имеется в виду не только психическая культура, но и характер, направленность умственного труда на всех уроках. Познавая мир, подросток познает самого себя. Познавая закономерности природы и общества, подросток должен утверждаться в убеждении, что делает шаг вперед не только потому, что узнал что-то новое, но и потому, что вообще стал умнее. За всем, что изучает подросток, он должен видеть борьбу идей и всегда иметь твердую позицию, свое личное мнение в этой борьбе.

Запомнилась беседа с преподавателями пятого класса накануне занятий. Мы мечтали о будущем наших воспитанников. Едва ли кто-нибудь из нас, учителей, доживет до 2000 года, а ученики встретят XXI столетие в расцвете творческих сил. Они будут хозяевами мира — инженерами, агрономами, врачами, педагогами, строителями. Но прежде каждый из них должен стать патриотом своей Родины и настоящим человеком — человеком с ясным умом, благородным и мужественным сердцем, золотыми руками. Перед ними десятилетия творческого труда. За эти годы наука сделает большой шаг в своем развитии. Если взять за единицу тот уровень знаний, на котором наши воспитанники будут в год получения профессии, то на протяжении трудовой жизни каждому из них придется добавить к своему духовному богатству еще пять или шесть единиц — иначе они отстанут от жизни и не смогут успешно работать. Жизнь все больше требует постоянного обновления знаний. Без жажды знаний невозможна полноценная духовная, а значит, и трудовая, творческая жизнь. Следовательно, нам необходимо воспитывать органическую потребность в самообразовании.

Мы пришли к выводу: едва ли можно каждый день советоваться, сколько давать домашней работы. Будем исходить из разумных норм труда, никогда не забывая о полноте интеллектуальной жизни коллектива. Каждый из нас будет искать в подростках задатки склонностей и талантов. Мы будем соревноваться, стремясь увлечь юный ум и сердце.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И УБЕЖДЕННОСТЬ

Нет в учебном плане такого предмета, который бы в той или иной мере не касался бы мировоззрения. Отдаленные, казалось бы, от научно-материалистического

мировоззрения истины и закономерности, например математические обобщения, играют большую роль в формировании научных убеждений, потому что, познавая эти истины и закономерности, проверяя их правдивость практикой, человек самоутверждается, чувствует себя активной силой. Математика воспитывает истинами, потому что истины познаются трудом, — в этом убеждает многолетняя работа в школе.

Мировоззрение человека — это личное его отношение к истинам, закономерностям, фактам, явлениям, правилам, обобщениям, идеям. Воспитание научно-материалистического мировоззрения является проникновением педагога в духовный мир воспитанника. Педагог как воспитатель начинается с того, как он воспитывает мировоззрение.

В подростковом возрасте человек стремится много постичь и обобщить. Формирование мировоззрения начинается с той ступеньки мышления, поднявшись на которую человек словно оглядывает окружающий мир и в то же время ощущает себя как частицу мира — активную, творческую силу. Мы усматривали воспитательную задачу в том, чтобы подросток поднялся на мировоззренческую ступень в своем умственном труде, в обучении. Очень важно не допустить бездумного заучивания, механического запоминания. Зубрежка — большой враг не только ума, но и нравственности. При бездумном заучивании исчезает личность как активная творческая сила.

В пятом классе началось изучение систематического курса основ наук о природе, обществе, человеке. Мы стремились, чтобы эти три элемента образования, органически соединяясь, не только создавали в сознании подростков картину окружающего мира, но и помогали им утвердиться в собственных взглядах на мир, на прошлое, настоящее и будущее человечества, на самих себя. Подчеркиваю исключительное значение гармонического соединения трех элементов образования. Без знаний о человеке образование не будет полным — вот почему я придавал такое большое значение психической культуре.

Познание мира не могло бы быть полным без элементарных, доступных возрасту знаний о вселенной. С пятого класса и до завершения среднего образования я проводил цикл бесед о вселенной: Земля и солнечная система, Галактика, безграничность мира в пространстве

и времени. Эти беседы завершались изучением элементарного курса астрономии в выпускном классе.

На мой взгляд, очень важно, чтобы знания по основам психической культуры и вселенной давал подросткам один педагог — воспитатель. Воспитательный смысл этой гармонии состоит в том, что самопознание, самовоспитание происходит на широком фоне познания всеобщих закономерностей природы. Эта гармония и является сутью формирования научно-материалистических взглядов. Раскрывая основы научных знаний о природе, мы, преподаватели биологии, физики, химии, математики, физической географии, стремились к одному: природа должна раскрываться как поле для познания и для самоутверждения личности.

Ф. Энгельс назвал природу пробным камнем диалектики⁹. В этой мысли — источник глубоких воспитательных идей. Осуществляя эти идеи, мы старались, чтобы, познавая природу, овладевая диалектическим мышлением, человек утверждался в своем величии.

Жизнерадостное мировосприятие является началом той полноты духовного мира личности, без которой невозможна полнокровная интеллектуальная жизнь коллектива, невозможно желание учиться, интерес к знаниям, любовь к познанию, книгам, школе, учителям. Возвышая в сознании подростка человека, пробуждая познанием чувства гордости и собственного достоинства, мы, учителя, становимся воспитателями, потому что благодаря этому притягиваем к себе своих воспитанников, в их глазах наши собственные знания — не очередная порция материала для заучивания, а наше духовное богатство, которым мы щедро делимся.

Чтобы познанием, проникновением в тайны мира возносить человека, необходимо то, о чем не раз напоминал в своих письмах и отчетах И. Н. Ульянов: учителю нужно знать в десять, двадцать раз больше, чем дает он ученику. Если он, отдавая знания, делится только частицей своих богатств, он очеловечивает знания о мире. Слушая рассказ о сложных биохимических процессах в зеленом листе, подростки познавали не только то, что совершается независимо от человеческой воли и сознания, но и то, что сделал человек для проникновения в тайны природы. Учитель, который чувствует, что именно нужно сказать, чтобы познание поднимало воспитанников в их

собственных глазах, приобщая к миру человеческой культуры и неискоренимого стремления к познанию истины,— такой учитель находит в сокровищнице знаний как раз тот яркий образ, ту мысль, которые наглядно воплощают величие человека.

Так, рассказывая о зеленом листе — лаборатории органического вещества, источнике жизни на Земле, учительница О. И. Степанова создает в сознании подростков образ К. А. Тимирязева, который в порыве вдохновенного труда на благо человечества охватывает своим взглядом и плодородную землю, и бедного, задавленного нуждой крестьянина, и яркие солнечные лучи, и грандиозные процессы, которые совершаются в атмосфере и недрах Солнца, и мириады микроскопических клеток.

В том возрасте, когда человек пытливно всматривается в мир, стремясь обобщить многочисленные факты, вещи, явления, такое очеловечивание знаний сыграет очень большую роль. Это и есть соединение обучения и воспитания. Подросток чувствует, переживает свое приобщение к человеческой мудрости, к неодолимому порыву все знать. Природа открывается ему как бескрайнее поле для проявления творческих сил. Мы всегда стремились к тому, чтобы процесс познания был добыванием знаний. На уроках биологии, физики, химии, математики, географии, во время бесед о вселенной подростку отводилась роль активного исследователя, которые анализировал вещи и явления. Исследовательский элемент обучения — очень важное условие возвеличивания человека. Без проявления умственных сил, без напряжения мысли невозможно интеллектуальная жизнь личности и коллектива, невозможен обмен духовными богатствами. В добывании знаний есть одна очень важная черта: человек не только о чем-то узнает, но и что-то доказывает. Утверждая истину, он утверждает себя.

Возможности для осуществления исследовательского подхода к знаниям особенно благоприятны там, где процесс овладения знаниями характерен ярким переходом от конкретных вещей к абстрактным истинам, которые выражают общие закономерности. Такой переход часто бывает на уроках биологии, физики, химии, математики. Искусство раскрывать задатки и склонности воспитанников к своему предмету каждый из нас видел в том, чтобы

сделать их активными добытчиками знаний, исследователями вещей, фактов, явлений.

На уроках и в неурочное время наши воспитанники выполняли задания, которые давали им возможность словно бы открыть истину, вывести обобщение из наблюдений. Мы представляем себе умственное воспитание, в частности формирование научно-материалистического мировоззрения и убеждений, не как череду разрозненных уроков, где большие истины рождаются как сумма маленьких истин, а как единый, непрерывный, длительный процесс. Мы убедились, что уроки для подростка интересны лишь в том случае, если они объединяются в его сознании как единая тропка в познании мира и объединяющим началом является исследование. Каждый из нас давал подросткам задание для продолжительного поиска. Одни исследования были наблюдениями, другие — активным вмешательством человека в явление. Например, задание по биологии:

1. Наблюдая цветение и плодоношение различных растений, попробуйте сделать вывод о том, как зависят свойства плода от условий жизнедеятельности растения и от особенностей его размножения.

2. Внося органические и минеральные удобрения, наблюдайте за интенсивностью роста и созревания зерновой культуры. Сделайте вывод о зависимости величины колоска и зерен от внесения удобрений.

Учитель физики давал ученикам пятого класса подготовительные задания для наблюдений над явлениями природы и процессами труда. Эти наблюдения мы считали копилкой вопросов, и они состояли в том, чтобы подросток, наблюдая, задумался над сутью причинно-следственных связей, почувствовал, сколько вопросов вокруг. Ученики, например, наблюдали, как изменяется гранит под влиянием среды. На фермах, токах, в механических мастерских они видели, как передается движение от одного механизма к другому. Было и такое задание: описать все превращения энергии из одного вида в другой, какие есть в нашем производственном окружении. Подростки делали записи, зарисовки. Чем больше было наблюдений, тем больше открывалось непонятого и одновременно интересного. Страницы тетрадей для наблюдений были усеяны вопросительными знаками. Наблюдения были ничем не заменимым источником мысли. Мы

пришли к выводу: домашние задания должны отличаться от классной работы характером умственного труда. Накопление фактов для познания, накопление вопросов, раздумья — прежде всего этот умственный труд должен быть сущностью домашних заданий.

Чем старше становились воспитанники, чем больше развивалась их способность к абстрактному мышлению, тем большую роль в их духовной жизни играла та исследовательская работа, в ходе которой они не только познавали, но и что-то отстаивали, доказывали. Тут, на наш взгляд, начинается тончайшая шлифовка личных убеждений. Мы внимательно присматривались к каждому воспитаннику. Нас очень тревожило то, что в духовной жизни отдельных мальчиков и девочек намечалась какая-то безликость: нет собственной мысли, взгляда, позиции. Это опасно, потому что ведет к беспринципности, а иногда и к подхалимству. Маленькую детскую безликость убрать значительно легче, чем идеологическую беспринципность взрослого человека.

Мы старались так соединять учебу с воспитанием, чтобы каждый подросток отстаивал, доказывал правоту научно-материалистических истин. Воплощение научной истины в живые страсти, тревоги, волнения, споры — это и есть основа становления мировоззрения, самоутверждения личности. Педагогическую мудрость воспитания мы видели в том, чтобы каждый подросток был борцом за торжество научной истины, а это и есть возвеличивание человека. Духовная борьба за торжество научной истины составляет суть воспитания в годы отрочества.

Саша — молчаливая девочка, она словно сдерживается от слишком откровенного высказывания своих мыслей. Нао тревожит то, что у девочки нет страстной готовности отстаивать свои убеждения. У нее тяжело больная мать. Несколько лет отец ухаживал за больной, как за маленьким ребенком... И вот однажды Саша услышала: «Заболел человек — и никому он не нужен; таков, должно быть, закон жизни; люди, которые отдают себя на благо других людей, — это только в книгах». Эти слова произнес в разговоре с Сашей юноша, который не знал ни отца, ни матери девочки. Саша возразила: «Есть такие люди, Вот мой отец — такой». В начальной школе я много думал, как утвердить убеждения Саши, но кругозор ее в те годы был не настолько широк, чтобы она могла

обобщать вещи и явления окружающего мира, к тому же было и обстоятельство, углублявшее замкнутость, одиночество этой тонкой души — предчувствие неминуемого трагического конца матери. Теперь же девочка больше знала, глубже могла осмыслить суть явлений; можно было перейти к глубоко личному оттачиванию убеждений. Саше поручили работу лаборанта, помощника учительницы биологии в уголке живой природы. О. И. Степанова сумела пробудить в девочке интерес к эксперименту. Саша готовила почву для выращивания растений. Девочка ощутила чувство гордости за то, что она делает. Своей работой она доказывала, что в созданной ею среде начинаются те же биохимические процессы, что и в естественных условиях: создается органическое вещество. В печальных и словно бы испуганных глазах девочки загорелся огонек жизнерадостной мысли. Девочка с гордостью показывала подругам подготовленную ею почву, на которой колосилась пшеница. Как поднимает человека сознание того, что своими знаниями, умом, волей он влияет на жизнь! У Саши пробудилось желание знать больше, проникнуть мыслью в то, что непонятно: как полезные микроорганизмы создают условия, благоприятные для растений. Перед нею все больше открывалось то, что выходит за пределы программ по основам наук. Она с интересом стала читать научно-популярные книги. За два года работы в уголке живой природы девочка очень изменилась: теперь она не соглашалась молча со всем, что слышала. У нее определились собственные взгляды на моральные отношения между товарищами. Нередко она спорила, отстаивая свои убеждения.

Трудно переоценить роль активного познания природы и труда в формировании научно-материалистического мировоззрения и убеждений подростков. Исследование явлений растительного и животного мира — это не только средство воспитания любви, склонности и призвания к сельскохозяйственному труду. Хлеборобом, животноводом, агрономом станет далеко не каждый, а работа в мире природы необходима каждому подростку, — необходима прежде всего для выработки мировоззрения, для возвышения, возвышения самого себя в собственных глазах.

Связь обучения с жизнью — не в механическом добавлении физического труда к умственному, а в един-

стве созидания руками и разумом. Труд в природе (школьный участок, теплица, ферма) — важный источник самовыражения человека, без которого не может быть и речи о формировании мировоззрения. Это прежде всего идейное, общественное самовыражение — человек познает свои творческие силы в труде для людей. Труд среди природы, где постоянно совершается переход от конкретного к абстрактному, является также источником абстрактного мышления. Вещи, которые встречаются на каждом шагу и кажутся простыми и хорошо известными, — зеленый лист, корень, почва, перегной, вода — тают в себе тончайшие ручейки мудрых мировоззренческих истин; и как раз то, что эти истины познаются в труде, воспитывают личную эмоциональную, интеллектуальную, волевою, моральную сферы того, кто познает природу.

Мы стремились к тому, чтобы работа в природе была топкой, кропотливой, требовала сложных, точных, умных операций. Чем ярче выражается воспитание ума руками и рук умом, тем глубже переживает человек мировоззренческие истины, тем ближе принимает он к сердцу то, что познает. Мировоззренческие убеждения становятся духовным приобретением личности тогда, когда мысль полонит сердце, пробуждает чувства. Холодное сердце не может нести высоких чувств, стремлений, идеалов. Давая своим воспитанникам задания для исследования природы, мы хотели, чтобы мировоззренческие истины поражали юношеское воображение, удивляли именно тем, что источником этих истин являются простые вещи, с которыми человек сталкивается повседневно. Если человек в годы отрочества не прошел путь от конкретного факта к большой мировоззренческой истине, у него не будет правильных научно-материалистических убеждений, он легко может менять взгляды. Чтобы не допустить духовной, идеологической беспринципности, мы заботились об интеллектуальной насыщенности, полноценности всего, что делается в школе. Уголок (а потом и кабинет) живой природы, зеленая лаборатория, теплицы, зеленый домик, плодовый сад, виноградник, мастерские, физический и химический кабинеты были прежде всего очагами пытливого мысли. Мы создали еще один центр, в котором самые простые вещи, часто встречаю-

щиеся в жизни, вели к важным мировоззренческим истинам. Им стала комната «Источники знаний».

В формировании научно-материалистического мировоззрения большое значение имеют взгляды на общество. При правильном умственном и гражданском воспитании у подростков пробуждается большой интерес к таким мировоззренческим вопросам, как человек и общество, личность и коллектив, народы и человечество, материальное производство и духовная культура, борьба добра против зла, справедливости против несправедливости, чести против бесчестия; социальный и моральный прогресс в историческом аспекте и в наши дни; идеал человеческого счастья, коммунизм — высшая цель человечества, формирование коммунистических общественных отношений и воспитание нового человека. Чтобы эти идеи были осознаны умом и вызвали интерес у подростков, необходим особый характер интеллектуальных отношений воспитателя и воспитанников. Быть воспитателем учителю истории, Конституции, обществоведения, литературы — это значит не только раскрывать истины, но и непосредственно обращаться к духовному миру воспитанников, прикасаться к тем чутким струнам человеческой души, которые отзываются на события общественной жизни, убеждать человека, что он активный творец.

Меня очень беспокоило то, что изучение истории и литературы во многих школах превращалось в нудную зубрежку, опротивевшую ученикам; учитель преподает понятия, рассчитанные на абстрактного ученика. Нет живого, страстного, непосредственного обращения учителя к ученикам как воспитателя к своим воспитанникам. Имена, даты лавиной обрушиваются на память, закрывая мировоззренческие истины, лишая возможности подумать.

Каждый урок истории и литературы представляется мне прежде всего как беседа с воспитанниками, обращение к их мыслям, сердцам. Я не мог бы подготовиться к уроку, если бы не знал души каждого моего воспитанника. Готовясь, например, к рассказу о мужестве спартанцев в битве под Фермопилами, о Джордано Бруно, Иване Сусанине или бессмертных защитниках Сталинграда, я не мог бы воспитывать знаниями, если бы не чувствовал, что происходит в эти дни в душе Коли и Сашка, Толи и Нины, Петрика и Вали. Уроки были

призывом к юным сердцам: не будьте равнодушными наблюдателями, беспристрастными свидетелями событий.

Человек — творец истории. История творится на ваших глазах — строится первое в мире коммунистическое общество. В годину смертельной опасности для нашей Родины Иван Сусанин и Александр Матросов сумели сделать то, что требуется от настоящего патриота. Счастье в том, чтобы стать активными творцами жизни. Каждый при желании, настойчивости, творческом порыве может стать самобытной, неповторимой личностью.

Очень важно, чтобы такая закономерность, как объективный характер исторического развития, не заропила в юной голове мысли: все идет само собой, человек — это бессильная капля в могучем море истории. Это очень важный момент в духовном развитии подростков.

Нужно было донести до сердца и разума воспитанников ту истину, что исторические события объективно закономерны, но человек — творец истории, хозяин своей судьбы.

Истины, которые обобщают знания о человеке и обществе, — это выстраданные человечеством истины. Слово мое дойдет до подростков только тогда, когда их сердца переживут хотя бы крохотную частицу тех страстей, которые стали красотой бытия, подвигом борцов за социальную справедливость. Я стремился, чтобы каждый подросток четко определил свою позицию, переживая радость, гордость от мысли, что он сын народа — строителя коммунизма, испытывал непримиримость к социальной несправедливости. Когда на уроке речь шла о Спартаке, я ни слова не мог сказать о тяжелых переживаниях, которые мучили в эти дни Толю (мать унижала свою честь, люди говорили: ей все равно, с кем связать свою судьбу), но свой рассказ на уроке я рассчитывал именно на него. Я стремился одухотворить юношу высокими мыслями о человеке, который считал лучше умереть в бою за свободу, чем изнывать в рабстве. Я думал о Спартаке и в то же время хотел, чтобы между строками моего рассказа юноша читал призыв: будь настоящим человеком, будь мужчиной, сумей сказать матери слова, которые бы имели силу удержать ее от безрассудных поступков! Этот призыв юноша слышал каждый раз, когда шла речь о людях, духовно мужественных в борьбе против зла. Чувство гордости за самого себя переживал Толя

и в часы работы в уголке живой природы, где он не только узнавал мир, но и доказывал, что человек — творческая сила. Общими усилиями нам удалось достичь того, что мальчик сказал матери слова, которые пробудили в ней чувство достоинства, принудили задуматься над тем, что думают о ней люди и ее сын.

Очень большое значение я придавал проблеме *Человек и общество*. Чтобы завоевать свободу, убеждал я подростков, человек на протяжении многих веков боролся против несправедливого социального строя. Его личное счастье было невозможно без этой борьбы. Совсем иное положение в социалистическом обществе. Человек и общество при социализме — гармоническая единая сила. Я хотел, чтобы подростки видели жизнь своей Родины глазами гражданина, кровно заинтересованного в ее развитии, славе, могуществе.

Гражданское видение мира — одна из проблем, от которых зависит единство обучения и воспитания. На всех уроках, когда изучалось прошлое и настоящее нашей Отчизны, я стремился пробудить чувство того, что Отчизна — это родной дом; счастье Родины — это мое личное счастье, ее горе в годину тяжких испытаний — мое горе. В истории нашей Родины множество светлых, героических страниц, которые возвеличивают наш народ. Я пробуждал чувство гордости за все светлое, героическое, утверждая в сознании юных граждан мысль о том, что они наследники славы и чести предков. Но в истории Отчизны есть и темные, тяжкие страницы. Я стремился, чтобы эти страницы пробуждали чувство боли в юных сердцах.

Особое место в умственном воспитании занимает познание мира с помощью художественных средств. На уроках литературы вступает в действие могучий союзник мысли — переживание, эмоциональное восприятие явлений окружающего мира. Литература — это человекознание и в то же время одно из тончайших средств самопознания, самовоспитания, самоутверждения. Литература перестает быть воспитывающей силой, если пытливый взгляд человека не обращен в самого себя, если человек не дает оценки себе с точки зрения морально-эстетического идеала.

Эта оценка должна выражаться не в каком-то самобичевании, не в «вывертывании души», не в красноречии

по поводу собственных поступков, а в переживании чувства прекрасного в человеке, в непримиримости ко всему отвратительному, что унижает человека. Обращение к внутреннему миру человека на уроках литературы требует большой культуры и такта. Тут «ломиться в открытую дверь» — значит не только опошлять культурные ценности, но и уничтожать человека. Мировоззренческий смысл преподавания литературы состоит в том, чтобы, возвышая человека, помочь ему утверждать в самом себе моральную красоту, поднять его на ту ступень, которую бы я назвал восхищением нравственной красотой. Чтобы стать настоящим человеком, подросток должен уважать себя, без этого немыслима человеческая культура, немыслима и непримиримость ко всему, что унижает человека.

Если без участия сердца вообще невозможно формирование личных убеждений, то холодное, равнодушное сердце на уроке литературы — это еще и спящий ум; мысли ползают по поверхности, потому что истины не прошли через сердце, потому что сердце не послало в голову сигнал: думай, это касается лично тебя! О взглядах и убеждениях воспитанника нельзя судить по ответам на вопросы, поставленные учителем. (Если бы можно было сформировать мировоззрение заучиванием истин, воспитание стало бы очень легким делом). Тем более нельзя делать вывода о миропонимании из ответов на уроках литературы. Я боялся хотя бы на минуту забыть о важной истине: литература изучается совсем не для того, чтобы через несколько лет по окончании школы человек готов был повторить то, что он заучил. Жизнь устраивает человеку экзамен на каждом шагу, и выдерживает он его своим поведением, своей деятельностью. Конечной целью изучения литературы является становление внутреннего мира человека — морали, культуры, красоты. Когда я видел, что подросток взволнован, потрясен художественным образом, когда, слушая произведение, он задумывается над собственной судьбой, — для меня это было несравненно важнее, чем то, что он дал точный ответ. Возможно, это в какой-то мере преувеличение, но эта мысль не дает мне покоя уже тридцать лет: ставить вопрос ученикам после чтения художественного произведения иногда так же неуместно, как после слу-

шания музыкального произведения предлагать рассказывать содержание прослушанного.

Мировоззренческие истины в процессе изучения художественной литературы становятся приобретением личности благодаря высокой культуре воспитания чувств. Широкому моральному диапазону должен соответствовать широкий эмоциональный диапазон. Я стремился к тому, чтобы под влиянием художественного слова подростки переживали все богатство чувств — от беспощадной ненависти к врагам Родины, свободы, мира, социализма до милой нежности, сердечной чувствительности, тонкой чуткости к сокровенным движениям человеческой души. О миропонимании воспитанников я судил не столько по тому, как они рассказывают про «Бежин луг» и «Катерину», сколько по тому, как сыновья и дочери относятся к матери и отцу, внуки — к бабушке и дедушке, мальчики — к девочкам. Жизнь — лучший критерий не только истинности знаний, но и стойкости убеждений, единства мысли и чувств.

В умственном воспитании большую роль играет культура слова. Я был далек от прямолинейного вывода: богатая речь — богатый духовный мир, развитое чувство красоты слова — высокая нравственная культура. Речевая культура принимает участие в формировании мировоззрения только в гармоническом единстве с культурой нравственных чувств, отношений, поступков. Но слово и само по себе влияет на становление и развитие ума; и если мы говорим: человек — существо одаренное, то имеем в виду способность активно познавать и принимать активное участие в жизни общества, а это невозможно без высокоразвитой речевой культуры.

Слово становится все более необходимым средством обогащения культуры отношений между людьми. Без чуткости к тончайшим оттенкам слова немыслима чуткость к тем тонким средствам влияния, которым постоянно подвергается душа человека и благодаря которым оттачивается мировоззрение. Если бы наши воспитанники не обладали чуткостью к слову, они бы не могли слышать подтекст наших обращений к их уму и сердцу. Чуткость к тонкости слова — это глаза и уши, без которых невозможно видение мира, понимание души другого человека. Наверное, многим учителям приходилось встречаться с подростком, который равнодушно слушает ваши

слова, в глазах его вы не видите мысли, вы ошеломлены и сбиты с толку: «Что это за человек? Слышит ли он, подросток, мои слова? Чувствует ли он душу, вложенную в слово?» Это печальное явление, которое заставляет задуматься над самой сутью воспитания. Ведь человека мы воспитываем словом и только словом. Все остальное — упражнения, привычки, труд — от слова. Эмоционально-интеллектуальная чуткость к слову — это педагогическая целина. Этому вопросу будут посвящены страницы в разделе «Эмоциональное и эстетическое воспитание».

КАК МЫ РУКОВОДИЛИ УМСТВЕННЫМ ТРУДОМ НА УРОКЕ

У нас, учителей, были горячие споры о культуре умственного труда на уроках. Мы выясняли взаимосвязь умственного труда подростков и педагога, вопрос о внимании, интересе, применении знаний, специфике умственного труда в отрочестве, о прочности знаний. Жизнь поставила перед нами такие проблемы, как единство умственного труда и развитие индивидуальных наклонностей и способностей; взаимосвязь урока с широким фоном интеллектуальной жизни подростков; гармония разума и мастерства рук. Мы убедились, что нельзя рассматривать умственный труд подростков как что-то оторванное от общей культуры, эрудиции педагога, культуры его умственного труда. Культура труда подростков — это зеркало культуры учителя.

В сфере внимания педагога на уроке должны быть не только мысли о преподаваемом предмете, но и ученики: их восприятие, мышление, внимание, активность умственного труда. И чем меньше сосредоточен учитель на собственных мыслях об учебном материале, тем эффективнее умственный труд учеников. А если внимание учителя обращено только на собственные мысли, ученики тяжело воспринимают преподаваемое и даже плохо понимают учителя. Это объясняется спецификой умственного труда подростка: абстрагирование постепенно становится отличительной чертой его мысли, он внимательно воспринимает новую информацию и в то же время интенсивно осмысливает, обрабатывает уже принятую. Это выдвигает большие требования к качеству новой инфор-

мации: она должна быть четкой, ясной и не должна нарушать интенсивного умственного труда, необходимого для осмысления, систематизации знаний.

Чтобы подростки внимательно слушали, мы добивались идеальной ясности мысли. Это очень важно для подростков, у которых мыслительные операции медленнее. Теперь мне стало понятно, почему в пятых-шестых классах резко снижается успеваемость учеников, которые в начальных классах сравнительно легко преодолевали трудности обучения: им не под силу качественно новый этап мышления. Положение ухудшается тем, что один учитель достигает высокой ступени ясности, а от другого подросток не может ничего воспринять.

Следовательно, зная учителю в десять, в двадцать раз больше, чем будет преподаано на уроке, нужно для того, чтобы свободно владеть материалом, выбирать на уроке из великого множества фактов самые существенные. Если я знаю в двадцать раз больше, чем передаю ученикам, моя мысль и речь рождаются на уроке незаметно для учеников, «муки творчества» учителя не дергают их, они воспринимают материал без напряжения, а я в центре внимания имею не свой рассказ, а мышление подростков: по глазам вижу, понятно им или нет; если есть необходимость, добавляю новые факты. Педагогическое мастерство состоит не в том, чтобы предусмотреть все детали урока, а в том, чтобы умело и незаметно для учеников внести изменения в зависимости от обстоятельств. Хороший педагог, не зная в деталях, как будет развиваться его урок, умеет пойти тем единственно необходимым путем, который подсказывает логика, закономерности мышления на самом уроке. Такой подход имеет большое значение в воспитании подростков. Переход к сложным мыслительным процессам (мгновенное переключение от приема информации к ее обработке) требует большого внимания учителя, подвижности методических приемов. Шаблон и трафарет вообще недопустимы в школе, по отношению к подросткам — пагубны.

Потребность в абстрактном мышлении, в неизменном переходе от конкретных вещей к обобщениям — органическая духовная потребность подростков. Мы были не только преподавателями основ наук, но и воспитателями мысли. Чем ближе были мы к горизонтам науки, тем легче было наблюдать, как мыслят подростки. Чтобы

удовлетворить духовную потребность отрочества в абстрагировании, мы были щедры на факты и скупы на обобщения. Самое интересное изложение для подростка то, в котором не все доказано, мы излагали факты, предлагая подросткам проанализировать их, обобщить. Переход от фактов к обобщениям, если в нем подросток ощущает биение пульса и мысли,— самый бурный, эмоционально насыщенный период мышления. Готовясь к урокам, мы думали, как вывести подростка на эту своеобразную вершину, как помочь ему стать мыслителем и открывателем истин.

Вот на уроке математики учитель предлагает записать данные, касающиеся вычисления площади треугольника. Много еще непонятного, но уже очерчивается контур теоретического обобщения. Учитель не торопится, уступая подросткам дорогу для самостоятельного открытия. Он дает им возможность самостоятельно проанализировать новые факты, и подросткам становится ясно, каким способом можно вычислить площадь треугольника. Они переживают радость открытия именно тогда, когда установлена мысленная связь между конкретным фактом и обобщением. Это поднимает подростка в собственных глазах. Его мысль сразу же устремляется от обобщения к конкретным фактам: хочется применить знания на практике (решить задачи).

Учитывая эти особенности мышления подростков, мы старались найти в самом содержании материала пищу для размышлений-обобщений. На уроках истории, рассказывая о конкретных государствах, я постепенно подводил подростков к понятию о государстве вообще. Как только это понятие осмысливалось собственными усилиями подростков, им хотелось рассуждать, словно отдаляясь от конкретных событий. Имея уже значительный запас знаний о возникновении и развитии государств, подростки с большим интересом исследовали причины слабости, быстрого распада государств в условиях господства подневольного труда. Как важно удовлетворять эту юношескую потребность — потребность охватывать мыслью значительное количество фактов! Без переживания чувства гордости мыслителя умственный труд становится тяжелым и однообразным. И наоборот, если это чувство переживается, подростки с новой энергией берутся исследовать новые факты.

Чтобы удовлетворить потребность в абстрагировании, мы большое внимание уделяли упражнениям на рассуждения. Уроки были интересными для подростков, процесс овладения знаниями увлекал каждого, пробуждал тонкие интеллектуальные чувства искателей истин.

Особенно большой интерес вызывали упражнения на сообразительность на уроках природоведения, истории, физики, биологии, математики. Рассказав о нескольких представителях нового класса растений или животных, учительница О. И. Степанова предлагала подумать, что объединяет их в единое целое; в чем схожесть и отличие между только что изученным классом и тем, который изучали раньше? Анализируя умственный труд на таких уроках, мы убеждались, что сама природа процессов, которые совершаются в мозгу подростков, требует органического сочетания простого описания вещей, фактов, явлений и исследования их сути. Постепенно мы пришли к убеждению: чем больше нужно запомнить и сберечь в памяти, тем большая необходимость в обобщающих исследованиях, в отдалении от конкретного в размышлениях, рассуждениях. Обобщающие исследования словно снимают усталость. Мы не раз замечали: в течение напряженного дня, занятого умственным трудом, наступает момент, когда подростку уже очень трудно воспринимать материал, если восприятие сводится к однообразному механическому «нагромождению груза».

Иногда бывает: учитель четко, понятно объясняет, а подростки ничего не усваивают; спросишь — словно и не был на уроке. Сосредоточить внимание, пробудить интерес в таких случаях очень трудно. Мы столкнулись с еще одним явлением, чем легче предмет (например, по сложности мыслительных процессов ботаника легче математики), тем с большим равнодушием относятся подростки к механическому «нагромождению груза».

Думая о трудностях, на которые наталкиваются в своей работе тысячи педагогов, мы начали догадываться о причинах печального явления: много учеников, которые успешно учились в детстве, в подростковом возрасте делают, по характеристике учителей, тупыми, неспособными, равнодушными; учеба для них — мука и каторга. Причина этого зла в том, что как раз в этот период, когда ум требует раздумий, размышлений, исследований, он освобождается от мысли, все педагогические

мудрствования учителя направлены на то, чтобы сделать свое преподавание как можно понятливее, чтобы подростку легче было усваивать, как привыкли говорить. Получается парадокс: то, что, по замыслу учителя, должно было бы облегчить умственный труд, по сути делает его труднее, словно усыпляя, притупляя пытливым ум.

Мы думали, в чем же состоит усвоение знаний? Очевидно, в том, что вещи и факты, явления и события делаются для подростка в определенном понимании чем-то своим. Если подросток чувствует, что знания — результат его умственных усилий, он приобретает и в то же время применяет их. Я рассказал учителям, как Петрик осмыслил понятие «деепричастный оборот». Сколько ни объяснял я взаимосвязь между деепричастием и глаголом-сказуемым, Петрик не мог этого понять. Он составлял предложение по образцу: «Придя домой, у меня заболела голова». Я обратился к такому приему, чтобы мальчик сам открыл истину. Предложил ему: «Думай над тем, какие два действия можно выполнять одновременно: одно из них — главное, другое — добавочное». Петрик понял наконец тонкости смысловых связей между словами.

Мы пришли к выводу: с подростками, которые думают медленно, необходимо быть особенно терпеливыми. Нельзя упрекать за тугодумие, нельзя и перегружать память — это нисколько не поможет; если нет исследования размышлений, память делается «дырявой» — ничего не запоминается. Ослабление памяти происходит как раз в подростковом возрасте, причина этого явления — освобождение от мысли как раз тогда, когда человеку нужно как можно больше рассуждать. Непонимающего и несообразительного нужно вести к открытию истины, до озарения мысли. Это озарение необходимо не только для того, чтобы осмыслить конкретный материал. Оно своеобразная ступень в умственном развитии. Радость открытия, изумление перед истиной, добытой собственными силами, дает человеку самоутверждение, переживание гордости, уважения к самому себе.

Особенно широкие возможности для полноценного умственного воспитания дают уроки математики. В процессе самостоятельной работы по математике совершается тонкая, кропотливая воспитательная работа, которую можно назвать руководством самоутверждения под-

ростка. Перед тем как начать занятия в пятом классе, я рассказал учителям, каких результатов в умственном воспитании мне удалось достичь на уроках и внеклассной работе по математике. Дети научились решать задачи в общем виде — без действий над числами. Они понимали задачу, умели ее воспринять как единое целое, видели взаимосвязи и взаимозависимости. Специальные уроки посвящались рассуждению над условием задачи. Дети вслух высказывали ход мысли: например, сумму от сложения первой и второй величин нужно умножить на два, от произведения отнять третью величину, и получим искомое. Пока ребенок не научился решать задачу в общем виде, нечего и думать об успешном обучении математике. Постепенно я начал вводить буквенные обозначения величин, и рассуждения над задачами стали еще интереснее. От цифровой формулы перешли к буквенной. В четвертом классе, в середине года, произошло озарение в умственном труде одной из наиболее непонимающих, медленно думающих девочек — Вали. Я стал замечать: во время индивидуального размышления над задачей в глазах девочки вспыхивает пытливая мысль. Валя совершенно самостоятельно разобралась в зависимости между величинами и решила задачу в общем виде. Это стало одним из важнейших звеньев в процессе самоутверждения. Оно проходило у девочки нелегко. Взлеты умственной активности сменялись длительной пассивностью. Какие-то внутренние причины тормозили мысль. Я верил, что в недалеком будущем процесс умственного развития девочки пойдет быстрее.

Эта уверенность оправдалась. Учитель математики продолжал начатую в младших классах воспитательную работу: основной формой умственного труда было самостоятельное решение задач. Педагог подбирал задачи для каждого ученика. Не подгонял, не гнался за количеством решенных задач. Каждому давалась возможность сосредоточиться, мысленно углубиться в свою задачу. Один ученик решал за урок три задачи, второй — едва одну, третий — и одной не доводил до конца. Валя часто была среди последних, но время от времени она успешно справлялась с работой. В шестом классе, в возрасте от 12 до 13 лет, временные удачи сменились постоянными успехами: не было в задачке такой задачи, которую бы она не решила. Изучая работу девочки, мы убедились в существо-

вании глубоко индивидуальных особенностей ее мысли. Валя осмысливала суть взаимозависимостей словно по этапам: сначала она мысленно схватывала общие контуры, сосредоточивая на них внимание, потом переходила к деталям. Постепенно мы стали давать Вале сложнейшие задачи, и она с ними успешно справлялась. В конце шестого года обучения девочка стала одним из сильнейших математиков класса. Учитель бережно относился к медлительности ее умственного труда. Мы радовались, что успехи в математике укрепляли в девочке веру в себя, утверждали самостоятельность мысли. Изучение других предметов, в том числе грамматики, не казалось ей теперь таким тяжелым, как раньше.

В руководстве умственным трудом мы учитывали еще одну особенность мышления подростков: чем ярче, понятнее ученику зависимость между конкретными вещами и обобщениями, тем глубже субъективное переживание: я исследую истину, открываю ее, она становится моим духовным приобретением. Вот почему мы строили урок так, чтобы в конкретных, наглядных объектах подростки видели теоретические закономерности, зависимости, отношения, правила, законы. Модели геометрических фигур, механизмов, муляжи животных, растений, органов — все это делали и приносили на урок не для того только, чтобы продемонстрировать известные уже истины. Конкретные вещи делались объектом рассуждений, исследований. Это особенно необходимо было для тугодумов — Петрика, Нины, Славы.

Черты математического мышления мы старались перенести на все уроки. Интенсивное формирование абстрактных понятий в годы отрочества является очень важной предпосылкой развития не только умственного, но и анатомо-физиологического, благодаря чему усиливается способность мозга мыслить. Подросток, мозг которого не развивался формированием абстрактных понятий, словно останавливается в умственном развитии: не понимает реальной основы обобщений, речь его косноязычна, воображение убогое, рукам недоступны сложные, утонченные трудовые движения. Я понял: если человеку, который в детстве справлялся с умственным трудом и находил в нем радость, в отрочестве учеба кажется тяжелой мукой, — это печальный результат того, что его мозг не развивался абстрактным мышлением. Много тревожного в том, что умственные

способности ребенка словно постепенно угасают, притупляются в годы отрочества.

Поняв, какая большая опасность таится в игнорировании культуры мышления, я решил, что та черта мышления, которая обобщается понятием «математическое мышление», должна пронизывать умственную работу на всех уроках. Ни одно понятие, суждение, умозаключение, закон не должны запоминаться без понимания. В детстве это наносит вред, в отрочестве же это грозная опасность, потому что именно в этот период бурные анатомо-физиологические процессы завершаются, никогда больше нежная мыслящая материя не бывает такой пластичной, чувствительной к влиянию абстрактного мышления, как в этот период. Если в годы отрочества ученик не встретил мудрого наставника умственного труда, он никогда не научится по-настоящему мыслить.

Учитывая эти выводы, мы старались, чтобы на каждом шагу значительный удельный вес в умственном труде подростков занимало осмысление понятий. По глазам подростка мы следили за тем, что происходило у него в голове. Мы добивались, чтобы понятия, как первые кирпичики мышления, были освоены, стали инструментом, средством активного познания, добывания новых знаний.

Значительное место в нашей воспитательной работе занимали проблемы интереса и внимания.

Многолетние наблюдения приводят к выводу: если «эмоциональные зоны» подростка пребывают в состоянии возбуждения длительное время, интерес угасает, наступает усталость, равнодушие. Слова учителя будто не доходят до сознания, подросток слышит их звуковую оболочку, но не может осмыслить взаимосвязи между ними. Это замечается тогда, когда преподавание перенасыщается новым материалом и учитель старается ошеломить подростка новизной фактов, явлений, событий. Все яркое, необычное, что кажется очень заманчивым как способ возбуждения интереса, при неумелом подходе воспитателя превращается в свою противоположность.

Нужно очень осторожно подходить к возбуждению «эмоциональных зон» мозга.

Мы пробуждали «эмоциональные зоны» прежде всего определенным соотношением конкретного и абстрактного. Чувство удивления вызывалось тем, что в обычных, ничем не приметных вещах таится источник значительных

мировоззренческих истин. Интересным для подростка становилось не что-то специальное, вспомогательное, а сама суть материала. Вызвав интерес, мы уже не имели необходимости постоянно пробуждать «эмоциональные зоны».

Это очень важная черта педагогической культуры: уметь привязать подростков к нити мысли, вести их по ступеням к познанию. Признаком того, что цель достигнута — интерес возбужден, мы считали «звонкую тишину» на уроке: подростки прислушиваются к каждому слову, вы можете постепенно понизить голос и обращаться к ним не специальным лекционным тоном, который, кстати сказать, быстро вызывает усталость у школьников, а тоном обычного разговора человека с человеком.

Опыт убеждает, что чрезмерное обращение к захватывающему, яркому, образному ведет к чрезмерному возбуждению подростков (шум, движение), учителю приходится повышать голос, чтобы перекрыть шум, а это еще больше возбуждает. Слова, которые произносятся с напряжением, повышенным тоном, приводят кору полушарий в состояние какого-то оцепенения: подростки ничего не слышат, учителю приходится уже не только кричать, но и время от времени стучать по столу. «Зарядка», полученная на одном уроке, может вывести из рабочего тона на несколько уроков. Если несколько таких уроков идут один за другим, подросток находится в состоянии такого огромного возбуждения, что может нагрубить учителю, домой он приходит хмурый, сердитый, с головной болью. О нормальном умственном труде не может быть и речи. Примитивизм способов возбуждения интереса, отсутствие педагогической культуры в этом тонком деле — одна из серьезных причин того, что подростки — «тяжелый народ».

Культура пробуждения интереса все больше привлекала наше внимание. Мы проводили беседы о психологии урока, обсуждали психолого-педагогические характеристики отдельных учеников, сообщали о наблюдениях, стремились понять самое важное: что происходит в голове подростка, когда он мыслит? Нас заинтересовала проблема соотношения известного и неизвестного. Практика убеждала, что стойкий интерес, основанный на самой сути мышления, пробуждается тогда, когда материал урока содержит определенные «порции» известного и нового. Если рассказ насыщен только новым материалом, подросток не может привязать его к собственной мысли: нить

мысли, которую так старается сберечь учитель, рвется, учеников охватывает ощущение трудности, беспомощности. Раскрыть внутренние, глубинные связи неизвестного с новым — вот один из секретов пробуждения интереса. Нам хотелось, чтобы ученик, принимая от учителя кирпичики мысли и укладывая их в новое здание, знал, куда вкладывает, видел все здание, постигал его мыслью, время от времени отдаляясь, чтобы взглянуть на это сооружение как на единое целое, которое он возводит вместе с учителем. Переживание чувства личного участия в овладении знаниями очень важное условие пробуждения специфического подросткового интереса к знаниям. Этот интерес формируется, когда человек познает не только мир, но и самого себя. Без самоутверждения не может быть настоящего интереса к знаниям.

Мы не допускали «переживания» хорошо известного, чтобы не вызвать у подростков равнодушия, пренебрежения. Ведь они хотят чувствовать себя мыслителями, а не механическим прибором для воспроизведения знаний. Если вы убеждены, что все ученики хорошо знают тот или иной вопрос, не нужно ни задавать его, ни повторять другими способами. Кстати, проверка домашних заданий часто проходит неинтересно именно потому, что механически повторяется уже не раз повторенное.

Тут мы подошли к проблеме применения знаний. Для умственного воспитания подростков эта проблема исключительно важна.

То, что уже усвоил подросток, должно быть внутренним стимулом, толчком к созданию новых связей. Все это требует постоянного применения знаний. Кое-кто считает, что применять знания — значит время от времени выполнять задания практического характера (что-то измерять, вычислять и т. п.). Применение знаний должно быть стилем умственного труда, сутью преподавания нового материала. Мы стремились к преподаванию, которое бы было проблемным подходом к фактам и явлениям: думая, подросток находит в тайниках своего сознания то, что является инструментом для осмысления новых знаний.

Рассказывая подросткам об исторических событиях, объясняя сущность закономерностей языка, я в одних случаях растолковывал буквально все, в других — оставлял кое-что недоказанным — как раз из тех проблем, вопросов,

которые можно объяснить с помощью знаний, приобретенных раньше. И тут оказалось, что у подростков — и у тех, кто быстро понимает и осмысливает, и у тугодумов — такой метод всегда вызывал бурное повышение мыслительной активности: радостно вспыхивали огоньки в глазах, всем хотелось ответить на вопросы, которые не были освещены в рассказе. Передо мною представала как бы наглядная картина того, что происходило в голове подростка: он не только берет из моих рук кирпичики знаний, не только думает, куда их положить, но и внимательно присматривается, что это за кирпичики, из того ли они материала, который необходим для крепкого здания.

Мы стремились организовать умственную деятельность подростков так, чтобы процесс осмысления, овладения знаниями тесно сливался с применением знаний, чтобы одни знания были инструментом для овладения другими знаниями, — от этого в конце концов зависят и интерес, и внимание, и прочность знаний. Мы отводили на уроках время для углубленного самостоятельного осмысления фактов, взаимоотношений, явлений, событий. Это была суть того, что в практике называется закреплением. Оно не должно сводиться к тому, чтобы сразу же после рассказа учитель вызывал учеников и они отвечали на его вопросы. Отвечают в таких случаях самые способные, а средние и тугодумы потребуют дополнительного исследования, осмысления фактов. Потребуют этого и способные; если длительное время им все легко дается, их умственные способности могут притупиться. Проводя такую работу, мы не выдвигали на первое место цель — запоминать. Если умственную энергию направлять на то, чтобы глубоко осмыслить, как раз и совершается непроизвольное запоминание. А если все силы длительное время направлять на то, чтобы заучить, притупляются умственные способности.

Мы не допускали зубрежки, помогали подросткам овладевать рациональнейшими приемами запоминания; учили логически анализировать воспринятое на слух или прочитанное. Перед началом преподавания на многих уроках мы ставили перед подростками цель — осмыслить логические составные части матерпала, запоминать не все, а только главнейшее. Ученики с большим интересом относятся к этой работе, она отвечает их стремлению быть мысли-

телями. Постепенно подростки переходят к сложнейшим заданиям: слушая, записывают главные логические части материала, их последовательность.

РУКА И РАЗУМ

Ф. Энгельс прославил совершенство человеческой руки, которая волшебной силой своей призвала к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини¹⁰. Рука с миллиардами ее положений является великим воспитателем сознания, творцом разума. Роль руки в воспитании интеллекта, особенно в период бурных анатомо-физиологических процессов в годы детства и раннего отрочества, к сожалению, исследована мало. Вызывает удивление тот факт, что приобщение школьников к труду до последнего времени объяснялось необходимостью преодолеть уклон школы в чрезмерный интеллектуализм. Это какая-то нелепость: бездеятельность рук будто бы угрожала гипертрофией интеллекта!

В действительности этого не было и не могло быть. Безделье, как и бездумная загрузка любой физической работой, только бы не допустить безделья,— все это одинаково пагубно отражается на умственном развитии подростков. В течение десяти лет я наблюдал умственное развитие 140 учеников (от восьми- до шестнадцатилетнего возраста). Обстоятельства складывались так, что из года в год они по несколько месяцев выполняли однообразную и утомительную физическую работу, которая не требовала никакого умения. Их руки были скорее органом физической энергии, чем орудием созидания. В период интенсивных анатомо-физиологических процессов подростки вынуждены были выполнять особенно утомительную, однообразную и длительную физическую работу. В школе, где они учились, умственная работа была очень ограничена и однообразна, интеллектуальные интересы и потребности не воспитывались, и, что особенно тревожно, руки этих воспитанников в детстве и отрочестве не знали никакой сложной, тонкой, кропотливой умственной работы. Это наложило отпечаток на интеллектуальный облик многих воспитанников этой школы: шестнадцати-восемнадцатилетние юноши и девушки были беспомощны и боязливы, когда им пришлось работать с элементарными механизмами. Ни один воспитанник этой школы не смог выдер-

жать экзамен в высшее учебное заведение. Это печальный результат общей интеллектуальной убогости, на фоне которой выделялась низкая культура труда. Есть особые, активнейшие, наиболее творческие участки мозга, которые пробуждаются к жизни благодаря соединению процессов абстрактного мышления и тонкой, мудрой работы рук.

Работа рук, которая требует точных, рассчитанных движений, у нас начинается уже в первом классе. На уроках ручного труда, в кружках дети учатся вырезать из бумаги или резцом делать на древесине тонкие рисунки. В этой работе главное место занимает красота, гармония — соотношения, пропорция. Руки словно бы дисциплинируют ум: воспитывают самоконтроль и чувствительность мысли к точности, тонкости, красоте. Тот, кто научился владеть резцом, красиво пишет, чутко относится к малейшей неаккуратности, непримирим к работе как к нибудь. Эта чувствительность переносится и на мысль. Руки учат точности, аккуратности, ясности мышления.

Для работы подростков мы старались использовать тонкие инструменты, которые требуют сложных движений рук и пальцев. Важную роль в воспитании ума подростка играет тонкая обработка пластмассы, дерева и мягких металлов ручными инструментами. Работая индивидуально, ученик привыкает к своему инструменту, чувствует его. Преподаватель труда А. А. Ворошило, обучая владению ручными инструментами, выполнял важную миссию умственного воспитания. Мы с тревогой ждали: когда пробудятся руки наших тугодумов? И вот в шестом классе неаккуратная, грубая работа Петрика уступила место красивой, аккуратной. Мы радовались: это был большой шаг на пути активизации его мышления. Дальше троек (изредка четверок) Петрик пока что не шел, но если бы не эти крохи воспитательной работы, не было бы и этого успеха.

Постепенно подростки переходили к конструированию. В мастерской есть набор деревянных и пластмассовых деталей для собирания разных схем и моделей, детали размонтированных действующих моделей и механизмов. Подростки анализировали соотношение деталей, мысленно создавали схему или модель, собирали, монтировали. В этой работе особенно ярко соединяются усилия ума и рук. Тут информация идет двумя непрерывными встречными потоками — от рук к мозгу и от мозга к рукам. Руки

мыслят, и в эти моменты как раз и пробуждаются творческие участки мозга. В этой работе на первом месте понимание соотношения, взаимодействия. От целого мысль переходит к частному, от общего — к конкретному; в этом переходе активное участие принимает рука. Мы убедились, что наблюдательность, расчет, которые необходимы в этой работе, непосредственно связаны с развитием математических способностей. Валя быстрее чем кто-либо из мальчиков научилась разбираться в сложном соотношении и взаимосвязи деталей действующих моделей, и это отразилось на пробуждении ее мысли.

В течение нескольких лет я наблюдал, как обучаются в классах рабочей молодежи. Не имея времени для выполнения домашних заданий, редко посещая занятия, многие ученики овладевали знаниями по математике, физике, химии значительно глубже, чем ученики дневной школы. Почему это так? Могучим стимулом, пробуждающим умственные способности, является мудрая работа рук. Лучшие математики в вечерних классах — это образованные, талантливые механизаторы, те, кого в народе называют самородками. Самородками их делает тонкая, кропотливая умственная творческая работа. Учитывая уроки этой житейской мудрости, мы старались, чтобы руки будили мысль не только на уроках труда, но и в других видах деятельности.

«ИСТОЧНИКИ ЗНАНИЙ»

Так называли мы небольшую комнату. Здесь раскрывалась суть многих вещей и явлений, господствовала умственная работа рук, самостоятельность и творчество. Это была комната подростков. Мы делали так, чтобы через «Источники знаний» прошли все подростки, особенно те, кому учеба давалась трудно. Каждый из нас был шефом этой комнаты, придумывал что-то новое для объединения усилий рук и мысли.

Тут были представлены модели, отображающие явления, над которыми пятиклассники задумывались задолго до изучения физики. Вот действующая модель зерноочистительной машины. С нее сняты некоторые узлы, они лежат рядом, и машина не может работать. Почему не может? Какую роль играет каждый узел? Если один узел заменить другим, отличным по конструкции, можно

очищать еще одну зерновую культуру. Почему это так? Вот модель приспособления, которое подает воду животноводческой ферме. Чтобы привести ее в движение, нужно понять взаимодействие составных частей, а чтобы понять, нужно подумать.

Учитель физики выставил несколько моделей механизмов с особенными секретами: неправильно были сделаны отдельные узлы, в результате чего модели действовали неверно или совсем не действовали. «Почему эта модель действует неправильно?» — эта надпись заставляла искать, исследовать. Тут открывались источники абстрактного мышления: по сути все, что привлекало внимание, требовало анализа взаимодействий

По химии подросткам предлагалось проследить свойства отдельных веществ, подумать, почему они изменяются при различных условиях (в соединениях, при смене температуры). Все это также было исследованием взаимодействий.

Мы не боялись того, что много представленных здесь вещей и явлений подростки еще не изучали. Мы как раз и стремились к тому, чтобы пытливым ум сам искал ответ на вопрос, который его волнует. Пусть рядом с обязательной умственной работой на уроках совершается необязательная вне уроков. Тут были и книги (пособия, справочники), из которых можно было узнать о том, что интересно.

Важное место занимала систематизация. Систематизация — мать мышления. Учителя биологии, химии, истории, литературы подбирали специальные задания; думая над свойствами вещей, подростки относили их к себе или к той или иной группе, классу, историческому периоду, стилю. В папках — десятки бессистемно сложенных засушенных листиков растений. Задание: систематизировать их, сделать опись. Мы с радостью наблюдали, как сосредоточенно изучают подростки каждый листик. Книга при этом была первым помощником. Для систематизации и классификации брали образцы почвы и удобрений, древесину разных пород. По истории предлагали рисунки, на которых изображены орудия труда, предметы быта, оружие, хозяйственные вещи, одежда. Нужно определить, к какому периоду они принадлежат. По литературе — отрывки из художественных произведений без указания авторов. По стилю нужно определить, кому принадлежит отрывок.

Предлагались задания и посложнее. Например, по схеме сконструировать действующую модель.

Мы не ставили целью сделать задания, которые предлагаются в «Источниках знаний», иллюстрацией к тому, что сейчас изучается. Тут были совсем другие цели. Мы хотели, чтобы подростки задумывались над тем, что еще не изучалось. Коротко остановлюсь на этих целях.

ДВЕ ПРОГРАММЫ УМСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Умственная жизнь подростков, широта и многогранность их интересов, стремление к самоутверждению в активной деятельности — все это ведет к тому, что урок, если в школе, кроме него, ничего нет, не удовлетворяет их. Какими бы интересными ни были уроки, как бы старательно ни работал учитель над их совершенствованием, подростки относятся к ним равнодушно, если интеллектуальные запросы ограничиваются уроками. К знаниям, приобретенным словно бы мимоходом, попутно, независимо от уроков, подростки относятся с большим уважением, дорожат ими; то, что добыто собственными усилиями, человеку особенно дорого.

Многолетний опыт убеждает: чем больше прочитал и узнал подросток не на уроке, независимо от урока (независимость эта, конечно, относительна: искра жажды знаний — на уроке; от культуры учителя зависит зажечь этой искрой огонь в душе подростка), не для урока, тем с большим уважением относится он к знаниям вообще, к умственному труду, к учителю, к уроку и к самому себе. Учитывая эту закономерность, мы видели две воспитательные задачи урока: дать определенные знания; пробудить жажду знаний, стремление подростка выйти за рамки урока — читать, исследовать, думать. Урок должен быть хорошим прежде всего для того, чтобы в интеллектуальной жизни подростков был не только урок. Если это достигнуто, урок становится для подростка желанным очагом духовной жизни, учитель — добрым творцом и хранителем этого очага, книга — бесценной сокровищницей культуры.

Эти вещи являют собой основу педагогической мудрости в интеллектуальном воспитании подростков. Если вы хотите, чтобы духовная жизнь подростков была насыщенной и полноценной, чтобы они не теряли напрасно времени и не искали острых ощущений в чем-то предосудительном,

протяните эти незримые нити от урока к внеурочным интересам, запросам, увлечениям.

Готовя предстоящий урок, каждый из нас думал о том, где, в чем мы открываем искорку жажды знаний, как донесем ее до юных сердец. Выполнение этой воспитательной задачи зависит от того, насколько глубоко подросток ощущает себя исследователем, открывателем истин. Чем глубже это чувство, тем больше подростку хочется знать. С другой стороны, попытки улучшить урок внеклассной работой, возбудить интерес к уроку вне урока напрасны.

Каждый учитель, давая предусмотренный программой круг знаний, в то же время раскрывает вторую программу — программу знаний необязательных. Необязательные знания — это все то, что выходит за пределы школьной программы. Они определялись и развитием науки, и кругозором учеников, и материальными возможностями, средой, которая окружает подростка, и его индивидуальными склонностями, интересами, призванием. Последнее особенно важно: по одному и тому же предмету границы второй программы (интеллектуального фона обучения) у одного ученика шире, у другого — уже. Расширение этих границ зависит от ученика, но первый толчок, первая искра, которая зажигает огонек жажды знаний, — это культура учителя, его кругозор, эрудиция.

Наш педагогический коллектив твердо убежден, что от единства обязательной и необязательной программ зависит интеллектуальное воспитание подростков. Характер этого единства определяется индивидуальными особенностями каждого воспитанника. Наблюдая умственную работу тугодумов, мы убедились, что для осмысления и сохранения в памяти обязательного материала им нужно прочитать определенный объем внепрограммной научно-популярной литературы — не для запоминания, а для того, чтобы прочитанное, пройдя через сознание, оставило качественный след в мыслящей материи, настроило мозг на осмысление и сохранение в памяти обязательных знаний.

Один год мне довелось преподавать физику. Во время изучения раздела «Давление жидкостей и газов» ученикам, которые с большим трудом усваивали материал, я дал прочитать интересные научно-популярные брошюры. Чтение стало словно бы толчком, который разбудил интеллектуальные силы. Ученики стали быстрее осмысливать

причинно-следственные связи, усилилась роль произвольного запоминания. Я убедился, что способность абстрактно мыслить зависит не столько от «груза» знаний, который сохраняется в голове, сколько от того, что продумано, осмыслено. От интенсивности умственных усилий, направленных на осмысление интересного, желаемого, но необязательного для запоминания, зависит развитие памяти вообще.

Овладение второй программой — сама суть интеллектуального самоутверждения подростков, многогранной духовной жизни коллектива, постоянного обмена духовными богатствами.

Важнейший путь овладения второй программой — самостоятельное чтение.

«КОМНАТА МЫСЛИ»

Могучая воспитательная сила художественного произведения — в художественном сплаве эстетических, нравственных, политических идей. Зная, что за всю жизнь человек может прочесть не больше двух тысяч книг и значительная часть этих книг относится к школьным годам (не менее половины), я с большой требовательностью отбирал то, что нужно обязательно прочесть в годы отрочества. Так была создана «Золотая библиотека отрочества». Это интереснейшие книги, предназначенные специально для подростков. Теперь она насчитывает 360 книг. Нет необходимости называть их. Главное — принципы, по которым комплектуется библиотека, и место, которое занимают книги в духовной жизни подростка.

Для «Золотой библиотеки отрочества» мы отобрали выдающиеся произведения мировой литературы. Мы не представляем себе полноценной духовной жизни в отрочестве без того, чтобы в душе каждого воспитанника не оставили глубокого следа произведения классиков. Есть книги, без которых вообще немыслима школа. Все книги в «Золотой библиотеке отрочества» были в нескольких экземплярах (от 10 до 15), а произведения Сервантеса, Шекспира, Гёте, Шиллера, Марка Твена, Джека Лондона, Гюго, Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, Чехова, Короленко, Достоевского, Горького, Шевченко, Леси Украинки, Франко — в нескольких десятках экземпляров. Мы добились, что книга вошла в духовную жизнь подростков как важнейшая

интеллектуальная и эстетическая потребность. Мы усматривали идеал в том, чтобы повторное чтение, перечитывание книг стало для подростков такой же необходимостью, как повторное слушание музыки для музыкально образованного человека. «Золотая библиотека отрочества» стала образцом, по которому комплектуются семейные библиотеки.

Отрочество — период формирования идеала; и очень важно, чтобы в ум и сердце каждого подростка вошли образы людей, жизнь которых должна стать примером. Поэтому в «Золотой библиотеке отрочества» есть книги о жизни и борьбе вождей пролетариата К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, их соратников и последователей, гениальных деятелей науки и культуры, о героях революции, гражданской и Великой Отечественной войн.

Чем больше ученик должен запомнить, заучить, тем больше ему нужно прочесть того, что не обязательно запоминать, а нужно только узнать, пережить радость познания. В период наиболее напряженной работы, имеющей целью запоминание, мы обогащали «Золотую библиотеку отрочества» литературой, в которой важная научная проблема насыщена яркими образами и страстями, и чтение одухотворяло юные сердца. Прошлое и настоящее народов, важные мировоззренческие истины о вселенной, закономерности борьбы человечества за счастливое будущее — все это было отражено в «Золотой библиотеке отрочества». В ней были яркие произведения, которые раскрывают моральные идеи — верность народу, готовность отдать жизнь за его счастье, верность убеждениям, стойкость в испытаниях. «Золотая библиотека отрочества» представлялась нам тем очагом жизни личности, у которого совершаются тончайшие процессы формирования юной души: человек прикасается к самому дорогому, самому святому, что создано, добыто, завоевано, выстрадано человечеством, и сам становится активной воспитывающей силой, потому что моральные ценности становятся личными приобретениями. Для «Золотой библиотеки отрочества» мы подбирали книги о явлениях природы, жизни, быта, культуры народов; на отдельной полке стояли книги для коллективного выразительного чтения.

Настоящее чтение — это чтение, которое увлекает ум и сердце, пробуждает раздумья о мире и самом себе, заставляет подростка видеть себя и думать о собственном будущем. Нет такого чтения — человеку грозит духовная

пустота. Ничто не заменит книги. Почему подростка, после того как он выучил уроки или пришел с работы, во многих случаях тянет из дому? Почему подростку не хочется провести несколько часов наедине с лучшим другом человека — умной книгой? Почему вообще желание побыть наедине с самим собой не стало еще таким самым естественным желанием подростка, как и стремление к людям? Почему редко бывает, чтобы подросток зачитывался книгой, переживал чувство сожаления, что не хватает времени, чтобы прочитать как можно больше умных книг?

Подростков нужно учить читать и, читая, познавать самих себя, учить воспитываться книгой и жить в мире книг.

«Золотая библиотека отрочества» размещена в «Комнате мысли». «Комнатой мысли» мы назвали ее, чтобы подчеркнуть великую духовную силу книги.

Открылась «Комната мысли» коллективным чтением моего рассказа о русском Муции Сцеволе — солдате, который попал в плен к французам во время нашествия Наполеона. Когда ему на левой руке поставили клеймо в виде буквы «N», он, исполненный презрения и ненависти к врагам, схватил топор и отсек «испоганенную» руку. Рассказ глубоко взволновал подростков. Я советую каждому воспитателю: если вы хотите пробудить в юных сердцах высокие патриотические чувства, прочтите им такую книгу, в которой меж строками читаются великие идеи: самое дорогое для человека — Отчизна; ты прежде всего гражданин, сын своей Родины, ее честь — это твоя личная честь.

На следующий день я рассказал подросткам содержание книги о Сергее Лазо — герое гражданской войны, сожженном белогвардейцами в топке паровоза. Показал свой дневник читателя, который веду не одно десятилетие. Я стремился создать в воображении подростков картину высшего счастья культурного человека — счастья общения с книгой, счастья интеллектуального и эстетического наслаждения.

Подростки любят слушать выразительное чтение. Восприятие произведения зависит от того, сколько у вас слушателей и когда читается книга. Слушателей должно быть не больше класса. У них должны быть общие духовные интересы. Уютная, светлая комната среди засыпанного снегом сада, вечерние сумерки, буйное цветение деревьев и трав, шепот листвы, вечерняя заря — все это усиливает

эстетическую чувствительность, обостряет чувство красоты слова.

Сначала «Комната мысли» привлекала немногих подростков. Они выбирали книги и читали. Чтение в «Комнате мысли» только тихое. Меня очень радовало, что у подростков за книгой вспыхивал в глазах тот внутренний огонек, который отражает игру мысли и чувства.

...Федько читает книгу о вселенной. Как хорошо, что удалось пробудить в нем интерес к этой книге! С Федьком было немало хлопот. Никак не удавалось пробудить пылкость, желание знать. Достигнув маленького успеха, он думал, что уже достиг вершины. В его душу закралась откуда-то самоуверенность. Пусть книги открывают перед ним не только мир, но и ту истину, что он не постиг еще и первой строки великой книги познания.

Если умная книга станет для подростка другом, то чем больше он читает, чем глубже убеждается: чтобы знать много, нужно много работать.

Как хотелось мне, чтобы все подростки знали дорогу к шкафу с книгами о жизни выдающихся людей! Тут я поставил несколько десятков книг о мужестве и духовной стойкости людей, которые считали, что лучше умереть, чем отказаться от правды, истины, своих убеждений, — о Кампанелле и Александре Ульянове, Юлиусе Фучике и Сергее Лазо, Мусе Джалиле и генерале Карбышеве, Януше Корчаке и Никосе Белояннисе. Книги о таких людях — энциклопедия самовоспитания подростков. Пока перед подростком не занялся яркий огонь, зажженный верностью высоким идеалам, огонь, который стал для многих поколений путеводной звездой, — он не увидит по-настоящему себя. Без идеала нет духовного основания личности. Мы стремились, чтобы этот идеал стал духовным приобретением человека, его собственной мыслью, чтобы он утвердился в размышлениях о самом себе, о собственной жизни.

Знания, проникнутые морально-политическими идеалами, — это прежде всего знания истории. Именно они, отражаясь в духовном мире личности, закладывают основу убеждений. Это становится возможным тогда, когда теоретический материал, проникнутый морально-политическими идеями, человек соотносит с собой. Думая о мужестве Александра Ульянова, подросток должен думать о себе.

Тут есть одна тонкая психологическая закономерность: соотносится с собой, отражается в духовной жизни лич-

пости с наибольшей силой то, что не обязательно запоминать, что не нужно подвергать специфическому «анатомированию». Эта закономерность характерна именно для подросткового возраста, когда мысль разделяется между окружающим миром и самим собой. Вот почему обязательные знания по истории и другим гуманитарным предметам потребуют особенно широкого интеллектуального фона.

Я старался, чтобы у каждого подростка была любимая книга, которую он читает и перечитывает, над которой думает не потому, что прочитанное нужно запомнить и изложить потом учителю, а потому, что его волнует собственная судьба. Я твердо убежден, что самовоспитание подростков начинается над книгой и состоит в измерении самого себя высшей мерой — жизнью мужественных, преданных благородным идеям людей. А самоизмерение, самопознание невозможно, если в духовной жизни подростка есть только урок, слушание и сидение над книгой только с целью запомнить. Уже психологическая установка на запоминание отодвигает на второй план морально-политические идеи. Как врач, анатомирующий человека, забывает о величии человека, хотя его труд в конце концов утверждает это величие, так и подросток, который подвергает теоретический материал логическому анализу с целью заучивания, в какой-то степени отходит от мысли о морально-политической идее. У подростков, которые встречаются определенные трудности в умственном труде, идейно богатый материал не оставляет следа в душе, потому что все их духовные силы идут на «анатомирование».

В классе, поле, в лесу, во время экскурсий я рассказывал подросткам о жизни выдающихся людей. Меня радовало, что «Комната мысли» постепенно становится очагом богатой идейной жизни. Я видел, как мальчики и девочки перечитывают одну и ту же книгу. Потянулся руки к записным книжкам. Вот один из наших философов и мыслителей, Юрко (он все подвергает сомнению, ко всему пылливо присматривается), уже в пятый раз перечитывает речь Александра Ульянова, произнесенную на суде. Варя записывает пламенные слова Сергея Лазо об убеждениях. Мишко несколько раз перечитывает описание мужества и духовной стойкости Зои Космодемьянской. Мысли подростка, я вижу, уже не только о книге. Он думает о себе. Для меня дороги эти минуты. Как нелегко достичь того, чтобы человек, перед которым только открывается

дорога в жизнь, посмотрел на себя глазами героя, мужественного человека, измерил себя мерой героического! Разговор с самим собой, рассказ перед собственной совестью — это настоящее самовоспитание. Этой высокой ступени идейной жизни достигает только тот, кто нашел в моральном богатстве человечества пример для себя, у кого возникло желание взять для своей души самое дорогое из этих богатств.

Морально-политическая идея, пронизывающая общественные науки, литературу, искусство, — это верность убеждениям, преданность идеалам трудового народа, сила воли, нестигаемость перед трудностями. Эта идея не может быть «усвоена» на каком-то одном уроке или цикле уроков. Переживание, осмысление требуют длительных раздумий. Лишь тогда, когда человек переживает эту идею как высшую человеческую красоту, красоту нравственную, он задумывается о самом себе. Открыть же эту красоту помогает чтение — индивидуальное общение с умной книгой.

Я считаю воспитательную цель достигнутой лишь тогда, когда каждый юноша, каждая девушка нашли книгу, которая оставляет глубокий след в их душах на всю жизнь. Я терпеливо жду встречи подростка с его книгой. Эта встреча будет, если вы откроете подростку настоящую людскую красоту.

Я рассказал мальчикам и девочкам содержание очень интересной книги о Софье Перовской. Посоветовал прочитать. Зашел в «Комнату мысли». Интересно было: кто же первым откроет книгу? Очень обрадовался, увидя, что это сделала Тина. Девочке шел тринадцатый год. Последнее время она стала задумчивой, настороженной. Уже с первых страниц книга увлекла девочку. Несколько дней Тина не разлучалась с ней. Забыла о кружке художественного слова, в котором принимала активное участие. Не нужно напоминать девочке об этом, нельзя нарушать поток мыслей и чувств, взволновавших душу. Нельзя спрашивать: «Что ты думаешь о книге, какие мысли и чувства она пробудила в тебе?» Пусть осмысливает идеи, переживает, волнуется. Проходит неделя, другая. Девочка еще раз перечитывает книгу, начинает вести дневник. В эти дни нельзя советовать девочке читать что-то другое, нельзя поручать никаких бесед, потому что происходит напряженная внутренняя работа мысли и чувств, человек познает мир и самого себя.

Необходимы и беседы, и горячие споры — юность стремится к борьбе мыслей, ищет истину. Пионерская организация проводит диспут о мужестве, и Тина просит слова. Она делится раздумьями: может ли обычный, простой человек оставить после себя след на земле? Эта мысль, словно молния, озаряет сознание каждого подростка многими духовными запросами и интересами. От того, каков будет ответ на этот вопрос, зависят нравственный облик человека, его идейная целенаправленность и духовное богатство.

«Книга о Софье Перовской убедила меня,— говорит Тина,— что человек — это не пылинка, которая пролетит в вихре жизни и бесследно исчезнет в вечности. Каждый может оставить глубокий след после себя, если он любит Отчизну и хочет стать настоящим патриотом». Прошли годы. Недавно Тина пришла в школу. Молодая женщина счастлива. У нее хорошая семья. Женщина пришла посоветоваться, как воспитывать детей. Мы вспомнили «Комнату мысли», и Тина сказала: «Та книга (о Софье Перовской.— В. С.) навсегда осталась в моем сердце. Хочется, чтобы и дети нашли свою книгу. А «Комната мысли» — это очень нужный огонек; пусть никогда он не угасает».

Долго искал свою книгу Володя. Это был очень сложный подросток: с каждым годом ярче раскрывались его умственные способности и в то же время проявлялись неприятные явления в моральном развитии. Чрезмерная опека родителей закрывала ему глаза на самого себя, подросток еще не думал о своем будущем. Нужно было добиться, чтобы Володя встретился с книгой, которая заставила бы его по-иному взглянуть на свою жизнь, труд. Наконец встретил Володя свою книгу — о сибирском комбайнере Прокофий Нектове, человеке удивительной судьбы. Война отняла у Прокофия ноги, но он нашел в себе огромную силу воли, заставил себя ходить на протезах, а потом стал за штурвал комбайна. Прокофию Нектову было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. О нем я составил сборник из многих газетных и журнальных вырезок. Тем временем Володя большими усилиями преодолевал свою лень. Ему никак не удавалось начать день трудом. Мы говорили с его родителями, но возлагали надежду на самого подростка: нужно было добиться, чтобы человек, увидя себя, начал бороться с плохим. И вот встреча состоялась — это была не только встреча

с книгой, но и встреча с человеком. Я не утешал себя мыслью, что Володя сразу же станет другим. Такого не бывает. Но меня радовало, что первое чувство подростка, пережитое от встречи с книгой, — восхищение.

— Так ведь это такой же подвиг, как и подвиг Мережкова, — сказал мне Володя, ощущая желание поделиться своими чувствами.

— У каждого человека — свое сердце, своя душа, свой путь к подвигу, — ответил я.

— Когда я перечитываю эту книгу, всегда думаю о себе. Словно Прокофий упрекает: «Разве можно откладывать на завтра то, что нужно сделать сегодня?» Мужество настоящего человека открывает нам собственное сердце, и нам тоже хочется быть настоящими людьми.

Это было сказано искренно, в глазах Володи засветились огоньки. Я рассказал ему, как, составляя книгу о Прокофии Нектове, воспитывал сам себя. И тут же заметил, как Володя сосредоточился. Я ждал, что будет дальше. Володя несколько раз прочитал книгу о Нектове. Постепенно глаза мальчика теряли выражение душевной пустоты.

Конечно, не одна книга сыграла решающую роль в воспитании Володи. Воспитывать чем-то одним — это всё равно что пытаться сыграть «Героическую симфонию» Бетховена на одной клавише. Воспитывает только гармония. Но гармония не была бы достигнута, если бы не было книги, которая стала для подростка чем-то дорогим, личным. Книга о герое-комбайнере, а со временем еще одна книга — о Николае Островском — вошли в духовную жизнь Володи. Через несколько лет после окончания школы он рассказал мне: «Стыдно стало, когда я читал ту книгу. Сначала меня только увлекал подвиг, но потом пришла мысль: «А какой я? Задают работать над сочинением две недели, а я все откладываю, берусь за работу накауне. Словно стал он, Прокофий Нектов, передо мной и говорит: «Лодырь ты, Владимир». Взяла меня злость на самого себя: неужели я такой слабовольный? Где-то в глубине сознания звучал голос: «Не всем же быть таким, как герой-комбайнер». Хотелось прислушаться к этому голосу, но становилось стыдно. Так стыдно было перед самим собой, что, бывало, когда кто-нибудь из учителей посмотрит в глаза, кажется, будто видит во мне ленивое и равнодушное существо, которое шепчет: «Не всем же быть

героями»... На людях я стал себя чувствовать так, будто меня видят насквозь. Захотелось быть настоящим человеком. Задали сочинение. Пришел домой и написал в тот же день. А рано утром встал и переписал, дополнил, уточнил. Захотелось, чтобы во мне видели человека лучшего, чем до тех пор. Написал список художественной литературы и дал себе слово: прочитать за три месяца. Это было уже когда прочитал книгу Николая Островского...»

Это слова двадцатидвухлетнего молодого человека, который прошел школу жизненной закалки. Эти слова дают основание утверждать, что книга играет большую роль в самовоспитании.

На отдельных полках в «Комнате мысли» были книги о странах и народах мира, о прошлом народов нашей страны и зарубежного мира, о языке народов. Много труда затратили мы, чтобы подобрать книги о жизни и творчестве выдающихся ученых и изобретателей.

Подбирая книги для «Комнаты мысли», мы исходили из того, что познавательные силы человека огромны. Тогда мы имели научные данные, что в коре полушарий головного мозга свыше 14 миллиардов нейронов. Через несколько лет мы узнали о новом открытии ученых: только в одном мозжечке свыше 100 миллиардов клеток мыслящей материи. В детстве, отрочестве, ранней юности человек может овладеть знаниями, по объему в десять раз большими, чем овладевает он потом. Понятие доступности овладения определенным объемом знаний относительно, все зависит от культуры умственного труда и прежде всего от соотношения двух элементов знаний: того, что обязательно для заучивания, запоминания, сохранения в памяти, и того, над чем нужно только подумать. Объем усвоенных знаний зависит также от эмоциональной окраски умственного труда: если духовное общение с книгой является для человека радостью, в его сознание входит великое множество фактов, вещей, истин, закономерностей, которые он и не ставит целью запомнить.

Состояние духовной приподнятости, вызванной радостным общением с книгой,— это могучий рычаг, с помощью которого поднимаются глыбы знаний. В этом состоянии словно открывается, бьет могучей струей большой родник умственного труда — произвольное внимание и невольное запоминание. Чем сильнее духовная приподнятость и вдохновение, тем больше знаний входят

в сознание. В те моменты учебного года, когда по характеру изучаемого материала требовалось большое напряжение произвольного внимания, наши воспитанники проводили много времени в «Комнате мысли» за любимыми книгами. Особенно мы заботились о том, чтобы книга стала духовной потребностью тугодумов.

Нелегким был путь к знаниям для Петрика. В шестом-седьмом классах во время изучения сложных обобщений и закономерностей он столкнулся с трудностями, в преодолении которых ему помогли только книги. Для этого мы специально подбирали литературу по математике, физике, химии. В этих книгах был выразительный эмоциональный элемент: абстрактная истина раскрывалась на фоне творческой деятельности человека, одухотворенного жаждой знаний. Книга стала для подростка не кладовой истин, а источником переживаний. Были такие моменты, когда мы советовали Петрику: отложи учебник, прочитай вот эту книгу. И чтение вливало в него новые познавательные силы.

Мы считали, что не нашли тропки к сердцу подростка, если он не увлекся научной книгой, если в «Комнате мысли» у него нет любимой полки. После того как подросток прочитает несколько книг в «Комнате мысли» и почувствует радость познания, он читает дома. Как и е книги читает человек в годы отрочества и ранней юности, чем стала для него книга — от этого зависят его духовное богатство, осознание и переживание цели жизни. От этого зависят и воспитание взглядов, чувств, отношение молодого человека к своему долгу. Жить в мире книг — это не только аккуратно, старательно выполнять уроки. Человек может неплохо, даже на «отлично» закончить школу и совсем не знать, что такое мир интеллектуальной жизни, не чувствовать высокой радости общения с книгой. Жить в мире книг — это приобщаться к тончайшим сферам культуры, переживать величие человека, который знает настоящую цену духовных богатств.

Все споры и размышления о том, как сделать обучение воспитывающим, будут беспредметными, пока в жизни подростка самообразование не наберет необходимого веса. Без самообразования, без напряжения умственных и волевых сил для познания и самопознания образование, обучение не могут стать воспитывающими. Жизнь современного человека немыслима без того постоянного духовного обще-

ния с книгой, которое вдохновляется гордым человеческим стремлением возвеличить самого себя.

Я твердо убежден, что важнейшая причина тех нездоровых явлений среди подростков и юношества, которые все больше тревожат общественность,— пьянство, хулиганство, бессмысленная трата времени — это пустота, убогость, ограниченность умственной жизни после окончания школы, которые процветают на почве пустоты и убогости интеллектуальных интересов в школьные годы. Жизнь современного человека, которая повседневно затрагивает тончайшие, чувствительнейшие сферы его существа, требует постоянного и очень тонкого воспитания этих сфер, воспитания исключительно тонкими средствами — умной книгой, музыкой, искусством. Никакие средства борьбы против пьянства, хулиганства, правонарушений не помогут, если всю жизнь не длится это тонкое воспитание разума и эмоций. Но послешкольное воспитание — это главным образом самовоспитание, оно же возможно только при том условии, когда в школьные годы человек полюбил книгу, научился познавать по книге не только окружающий мир, но и самого себя. Если эта основа самовоспитания не заложена в школьные годы, если после школы человек или совсем не знает книги, или же чтение ограничивается детективом, его внутренний мир грубеет, человек ищет острых наслаждений и находит их там, где теряется все человеческое. Я не представляю духовную жизнь молодого рабочего полноценной, если он ежедневно не посидел два-три часа над умной книгой.

Советую воспитателям подростков: посвящайте целые часы школьных занятий наипрекраснейшему человеческому занятию — встрече с книгой. Пусть книга увлекает так, как любимая мелодия, как прекрасный танец. Если книга станет для подростка всегда новым, неизъяснимым чудом, если молодой человек будет стремиться к одиночеству, чтобы осмыслить тайны этого чуда, если среди юношества будет много чудаков, влюбленных в книгу, чудаков, которые отдают книге предпочтение перед всем другим,— исчезнут проблемы, перед которыми бессильны другие, казалось бы, могучие средства...

В это понятие мы вкладываем: 1) комплектование личной библиотеки; 2) умственный труд дома, наедине.

Без страсти к книге человеку недоступны культура современного мира, интеллектуальное и эмоциональное совершенствование. Возможно, при коммунизме личная собственность на книгу достигнет высокого развития: в этой собственности человек будет видеть частицу самого себя.

Уже в годы детства мои воспитанники составляли личные библиотечки. Самым дорогим подарком для ребенка на праздники, день рождения стала хорошая книга. В год окончания начальной школы личная библиотечка каждого моего воспитанника насчитывала не менее 150 книг, а у некоторых детей — 400—500. Много заботились мы о том, чтобы создать личные библиотечки у тех детей, чья духовная жизнь в семье без книги была убогой и однообразной, а также у тех, кто встречал серьезные трудности в учебе. Родители Коли и Петрика не думали о личных библиотечках своих детей. За годы учебы в начальных классах школа (пионерская организация, родительский комитет, директор) подарила мальчикам много книг.

Мы видели свою цель в том, чтобы у каждого была своя жизнь в мире книг. В школе было Общество почитателей книги, которое объединяло и детей, и взрослых. Оно проводило еженедельные чтения. Подростки создали кооператив, который занимался распространением книг. «Комната мысли» стала местом, где воспитывалась любовь к знаниям. Ежегодно каждый класс проводил Праздник книги. Во всем этом мы видели средства, которые формировали жизнь в мире книг.

Мы далеки от мысли, что в отрочестве окончательно определяются склонности, призвание. Это подвижная сфера духовной жизни, которая постоянно развивается. Но в годы отрочества человек должен углубиться в одну область человеческих знаний, что возможно только на основе разносторонних интеллектуальных интересов.

Мы убедились, что без самостоятельного чтения невозможен сознательный выбор жизненного пути. Чтобы заинтересованность чем-то не оказалась скоротечной и случайной, пусть в годы отрочества человек много читает, думает, ищет; пусть интеллектуальная жизнь тесно свя-

зывается с творческими, трудовыми интересами. Самообразование как раз и представляет собой единство овладения знаниями на уроках и той самостоятельной интеллектуальной работой дома над книгой, в которой выражается длительный процесс становления склонностей, способностей, призвания.

Если домашняя учебная работа сводится к подготовке уроков, не может быть и речи о многогранных умственных интересах, об осмысленном выборе жизненного пути, о любви к книге и знаниям. Большую часть домашней работы наших подростков составляло самостоятельное чтение по личному выбору и меньшую часть — чтение учебников. Мы достигли того, что домашние задания ученики выполняли в течение 1,5 (5—7-е классы) и 2,5 часа (8—10-е классы). Это стало возможным потому, что умственный труд не сводился к выполнению домашних заданий. Больше того — чтение необязательного материала и подготовка уроков были равнозначными составными частями духовной жизни.

Как и в начальных классах, домашние задания выполнялись главным образом утром, перед тем как идти в школу (все дети учились только в первую смену). Этот целесообразный с точки зрения психической культуры режим труда был бы неосуществим, если бы в младшем возрасте не выработались прочные привычки, самодисциплина. В годы отрочества закрепляется все достигнутое в детстве. Каждый из нас, учителей, побуждал подростков к волевым усилиям, говорил им: «Заставьте себя выполнять домашние задания утром, и вы убедитесь, как это облегчает умственный труд, даст свободное время для чтения, кружков, самообразования. Чем больше в вашей духовной жизни будет чтения, кружковой работы, тем легче будут да в а т ь с я обязательные знания».

Во второй половине дня (после обеда и отдыха) воспитанники тоже занимались умственным трудом, но это был своеобразный труд: чтение в «Комнате мысли» и дома, работа над словом (сочинения). Итак, во второй половине дня умственные силы были направлены на то, что интересует каждого.

Как же удастся достичь того, что подростки выполняют домашние задания утром? Ведь утром они занимаются и физической работой. Чтобы выполнять задания утром, нужно рано вставать и рано ложиться спать.

Мы придаем большое значение формированию и развитию потребности в самообразовании. Опыт убедил, что эта потребность рождается только на основе интересов, увлечений. Известный советский психолог С. Л. Рубинштейн говорил, что внешнее влияет на личность только через внутреннее¹¹. К этому я бы прибавил: нет в человеческом поведении ничего, что не имело бы своим стимулом внешнее, отраженное в глубоко личном, индивидуальном. От увлечения кружковой работой к книге, от книги к своей области научных знаний, от знаний к творческому труду — таков путь воспитания и самовоспитания потребности в самообразовании.

Постепенно, без поспешности, но последовательно мы добивались, чтобы каждый подросток нашел свой любимый предмет. Не у всех это происходило одновременно. В одном вспыхивал огонек интеллектуального вдохновения уже в шестом, в другом — только в восьмом классе. Каждый приходил к увлечению тем или другим предметом своим путем, но всегда решающим в этом были единство жизни в мире книг и творческого труда. Путь к любимому предмету шел от урока к внеклассному чтению научной книги, от класса к «Комнате мысли», от первой книги, которая пробудила интерес, к маленькой личной библиотеке по любимому предмету. В пробуждении интереса к своему предмету каждый преподаватель видел творческое соревнование. Мы убедились, что первая искра заинтересованности тем или иным предметом выражается в том, что человек узнает больше, чем требует программа, и стремится знать еще больше. Повторяю, если умственная жизнь подростка ограничивается учебником, если, выучив урок, он считает цель достигнутой, у него не может появиться любимого предмета.

Нашим учителям приходилось проявлять изобретательность, чтобы удовлетворить пытливість мальчиков и девочек. Во время летних поездок мы находили интересные книги для «Комнаты мысли» и для личных библиотечек своих воспитанников. Нашего возвращения домой подростки ждали с большим нетерпением. Привезенные книги были огоньками, пробуждавшими пытливість.

Мы были далеки от надежды на то, что интеллектуальное вдохновение окончательно решит жизненную судьбу каждого воспитанника. Но в то же время в любимом предмете мы видели основу интеллектуальной жизни. «...Без

ограничения сферы деятельности,— говорит К. Маркс,— нельзя ни в одной области совершить ничего значительного» *.

Разумное ограничение сферы интеллектуальных интересов в годы отрочества ведет не к ограничению, а к гармоничному всестороннему развитию. Мы видели в этом ограничении важный стимул самопознания, самовоспитания и самоутверждения.

В интеллектуальном развитии подростков и юношества большую роль играют научно-предметные кружки. Учитель, руководя одним из этих кружков, осуществляет вторую программу обучения, о которой речь шла выше. Без этого немыслима школа. В научно-предметных кружках принимают участие старшеклассники и подростки, начиная с шестого-седьмого классов, а иногда и с пятого класса. Все мои воспитанники стали участниками этих кружков. Это были очаги интеллектуальной жизни, благодаря которым в школе живет культ книги и дух самообразования.

Ни один подросток не должен чувствовать себя обездоленным в интеллектуальном развитии, обреченным на отставание. Корень многих трагедий отрочества именно в этом, человек не может быть счастливым, ощущая свою неполноценность, а там, где несчастье, рождается замкнутость, настороженность, недоверие к людям, потом — самое страшное: неверие в человека, жестокость. Я не могу без сердечной боли думать о том, что во многих школах сидят за партами хмурые, настороженные или равнодушные ко всему двоечники. Это зеркало низкой педагогической культуры нашей, уважаемые коллеги-учителя. Нельзя допустить, чтобы человек выходил из школы не только недоученным, но и равнодушным к знаниям. Там, где не воспитывается любовь к знаниям, образованию, науке, книге, культуре, нет настоящей школы.

ОБМЕН ДУХОВНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

Самообразование — это не механическое пополнение знаний, не замкнутость и оторванность от людей, а живые человеческие взаимоотношения. Интеллектуальная жизнь школы немыслима без тех тонких отношений, в которых

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 378.

человек открывается перед человеком как большое духовное богатство. Суть их должна состоять в обмене знаниями, умениями. Передавая свои знания людям, человек познает другого человека и себя. Интеллектуальные чувства при этом переплетаются с чувствами нравственными; человек переживает в себе рождение чувства долга перед людьми. В сложном переплетении этих чувств — залог предупреждения интеллектуального эгоизма, когда человек удовлетворен тем, что знает, а к другим он равнодушен.

Обмен духовными богатствами начинается уже на уроке. Готовясь к чтению реферата, рассказывая содержание прочитанной книги, подросток переживает радость отдачи своих духовных сил. Мы проводили отдельные уроки, целью которых был прежде всего обмен духовными ценностями: чтение сочинений, написанных по материалам наблюдений; доклады, которые обобщают опыты и наблюдения; сообщения наших талантливых математиков об интересных задачах. Все это оценивалось коллективом как отчет о самостоятельном умственном труде. Чувство ответственности перед товарищами заставляло подростков читать, думать.

Ваня, Лида и Сашко уже в пятом классе научились готовить препараты для работы с микроскопом. Они с радостью передавали свое умение товарищам. Ваня учил одноклассников и младших товарищей прививать плодовые деревья к дичкам. Коля, Сергей, Лариса, Юрко, Тина, Варя рисовали иллюстрации к урокам. Поэтическое творчество, которое захватило в младших классах всех, в годы отрочества не угасло. Мы проводили утренники поэтического творчества, на которых подростки читали стихи.

Когда Галя училась в шестом классе, я посоветовал ей руководить кружком математики учеников второго и третьего классов. Девочка искала интересные задачи, готовила для занятий кружка рисунки. Она стала требовательней к себе. В ее личной библиотечке появились новые книги по истории математики. Кружком она руководила до окончания школы. Эта работа наложила отпечаток и на интеллектуальное развитие, и на гражданские взгляды девочки.

Руководителями математических кружков стали Павло, Зина, Валя, Сергей, Федя. Мы побаивались, что руководство математическим кружком будет нелегким делом для Кости, и не поручали ему такого задания. Подросток сам попросил, чтобы его назначили руководителем. Люда

и Ваня стали настоящими помощниками учителя биологии.

Кружковцы вели фенологические наблюдения, оберегали птиц и деревья. Кружок Вани заложил виноградник. Лариса, Таня, Нина, Володя, Катя, Люба руководили кружками художественного слова, юных сказочников, юных художников. Обмен духовными богатствами в гуманитарных кружках приобрел характер творчества.

Когда Варя была в пятом классе, она уже руководила кружком первоклассников-сказочников. В погожие зимние дни дети шли с Варей в лес, на берег пруда, в сад, в нашу пещеру («Уголок мечты»). В памяти Вари жили яркие образы, созданные в детстве. Каждое новое путешествие в природу пробуждало эти образы, придавало им новую эмоциональную окраску. Сказочное видение мира она передавала маленьким детям. Мальчики и девочки слагали сказки о птицах и животных, в их воображении оживали деревья и горы, река и старый дубовый пенек.

Вместе с Варей и ее сказочниками мы несколько раз ходили в лес, в поле, в Уголок мечты. Слушая сказки, сложенные детьми, я припоминал, что было пять лет назад, когда Варя была таким же ребенком, как ее нынешние воспитанники. Я вдумывался в отношения, которые складывались между двенадцатилетней девочкой и семилетними малышами, и убеждался, что настоящая самостоятельность в ученическом коллективе возможна лишь тогда, когда между старшими и младшими есть интеллектуальные взаимоотношения: мысль старшего рождает живой отклик в мыслях младшего, старший учит младшего видеть и понимать мир. Интеллектуальные отношения становятся возможными тогда, когда у старших и младших есть общие духовные интересы. Свой жизненный опыт, знания, умения подростки хотят передать детям, переживая в этом самоутверждение. Чем тоньше духовно-психологические отношения, в которых выражается передача духовных ценностей, тем глубже пробуждается у старшего чувство уважения к себе оттого, что он является другом, наставником младших.

Особенно большое значение имела тонкость духовно-психологических отношений с младшими для Нины, Вали, Петрика и Славка. Мысль о том, что они дают младшим что-то хорошее, необходимое, возвышала, вдохновляла этих мальчиков и девочек.

Через несколько лет после окончания школы Варя рассказала: «Сначала моя дружба с малышами проявлялась в прогулках в лес, в путешествии в Сказочную страну лесного сумрака. Там дети слушали мои сказки, слагали свои. С маленькими детьми я чувствовала себя смелее, и мысли были ярче, и нужные слова находились. Я стала давать детям задачи на сообразительность. Создался кружок математиков. Решили собираться раз в неделю, но тайком от учителей я собирала детей трижды. К детям я шла одухотворенная, радостная, гордая. Пытливые, доверчивые детские глаза возбуждали во мне новые силы. Я не могла готовиться к урокам как-нибудь. Хотелось быть лучшей. В меня словно вселился кто-то другой, и этот кто-то строго оценивал меня...»

Таня, Люся и Катя подружились с учениками второго и третьего классов, стали учить детей читать и писать французские слова. Такие кружки существуют и сейчас. Много детей, закончивших четвертый класс, умеют читать по-французски.

Лида, Саня и Славко создали кружок юных путешественников. Их друзья — ученики третьих и четвертых классов — слушали в Комнате сказки рассказы о странах и народах мира, о памятных уголках родного края. В Комнате сказки стали создавать фильмотеку для маленьких школьников. Весной и летом совершались путешествия в прямом значении: мальчики и девочки изучали родное село.

Сашко, Люда, Тина, Ваня, Петрик стали руководителями кружков юных исследователей природы. Физическая исследовательская работа объединялась тут с чтением книг. Возникли и первые кружки юных механизаторов. Юрко и Сергей достали маленький двигатель внутреннего сгорания, организовали из пионеров четвертого класса кружок по изучению техники.

Трудно представить себе полноценный умственный груз подростков без активного обмена духовными ценностями. Взаимоотношения, основанные на обмене интеллектуальными ценностями, являются условием духовной потребности в образовании — жажде знаний.

Ученики шестого класса проводили вечера научных знаний для населения. Вечером в одну из хат собирались колхозники. К своим родителям и дедушкам приходили подростки, рассказывали о явлениях природы, технике,

достижениях науки. К рассказам научно-естественного цикла постепенно добавлялись рассказы по истории и современной жизни народов. Вечера вызывали у взрослых большой интерес. Принимать в них участие хотелось каждому подростку. Класс делился на пять групп; каждая группа определяла для себя место, где раз или два раза в неделю собирались колхозники. Так возникли первые очаги культуры; со временем они стали важной формой участия старших пионеров и комсомольцев в общественной жизни. Передача знаний взрослым была для подростков сложнейшей и желаннейшей формой духовного общения с другими людьми, чем руководство кружками малышей. Встречи с людьми зрелого и пожилого возраста, умудренными жизнью, еще больше разжигали интерес к книге, науке. Взрослые задавали вопросы, которые открывали окошко в неизведанный мир познания. После встреч со взрослыми подростки зачитывались книгами, у них появлялись новые интересы.

ПАМЯТЬ, МЫШЛЕНИЕ И УМЕНИЕ УЧИТЬСЯ

Важнейшим условием полноценного умственного воспитания являются прочные, сознательные знания элементарных истин науки — тех азов, с которых начинается обучение и без которых невозможно овладение вершинами знаний.

В начальных классах дети овладели орфографическим минимумом (навсегда запомнили правописание слов), арифметическими обобщениями, правилами, формулами. В подростковом возрасте такая работа продолжалась с той же целенаправленностью. Не могло быть и речи о самообразовании, если бы в памяти прочно не сохранялись азбучные истины науки.

Готовясь к занятиям в пятых-седьмых классах, каждый из нас, преподавателей, определял, что должно быть навсегда сохранено в памяти. Мы предостерегали от запоминания того, что должно было быть только осмыслено. Для трех лет обучения мы составили орфографический минимум по украинскому, русскому, французскому языкам. Мы считали, что мысль подростка должна быть подготовлена для творческой умственной работы — работы, которая требует размышлений, исследования фактов и явлений. Многолетний опыт убедил меня в том, что уродливый

характер умственного труда учеников — постоянное заучивание, зубрежка — порождает инертность мысли. Тот, кто только заучивает, может много помнить, но если приходится найти в памяти азбучную истину, все в голове смешивается, человек делается беспомощным перед элементарным умственным заданием. Не умея отбирать для запоминания только необходимое, он не умеет и думать.

Если, например, работая над сочинением, подросток будет думать, как писать каждое слово, а решая задачу, станет думать над формулой сокращенного умножения, он вообще ни о чем не сможет думать. Есть вещи, над которыми ученик не должен думать, они применяются в умственной работе полуавтоматически. Как опытный слесарь берет инструмент, не рассматривая его, потому что знает каждую черточку своего инструмента, так и подготовленный к умственной работе ученик берет из хранилища своего сознания азбучную истину без напряженного сосредоточивания мысли.

Для подросткового возраста это имеет исключительное значение. Бурное развитие абстрактного мышления порождает в подростке своеобразное презрение к азбучным истинам, которые нужно твердо запоминать. (Для чего запоминать какую-то формулу, когда мир безграничен во времени и пространстве?) Но абстрактное мышление невозможно без знания конкретных фактов, вещей. Тот, у кого нет «под рукой», в памяти, азбучных истин, в годы отрочества отличается косностью мысли — у него мысль хаотичная, и это накладывает отпечаток на всю интеллектуальную жизнь.

Мы уделяли большое внимание тому, чтобы элементарные истины запоминались и произвольно, и произвольно. В «Комнате мысли» выставлялись наглядные пособия и приборы, специально предназначенные для самопроверки, для тренировки памяти (например, математические электрички). У каждого была записная книжка «Для самопроверки». Сюда записывалось то, что навсегда нужно сберечь в памяти: алгебраические, физические, химические формулы. В беседах о психической культуре я учил подростков определять отрезки времени, через которые нужно проверять сохранение материала в памяти.

В начальных классах большое внимание мы уделяли умению учиться читать, писать, рассуждать, наблюдать,

высказывать мысль. Если в отрочестве эти умения не развиваются и не углубляются, подросткам трудно учиться.

Каждый из нас внимательно следил за тем, как совершенствуется умение быстро читать. Первоочередное значение в подростковом возрасте имеет чтение про себя. В шестом и седьмом классах ученик должен уметь мысленно схватывать целые части большого предложения. Без овладения этими умениями мышление подростка притупляется, мысль словно останавливается перед многочисленными тупиками. Неумение мысленно схватить законченные, логически самостоятельные части предложения, неумение догадаться о содержании какой-то части предложения, даже не дочитав его до конца, — все это отражается не только на успеваемости в данный момент, но и на анатомо-физиологических процессах в мозгу. Неумение читать тормозит, угнетает пластичность тончайших ассоциативных волокон, которые обеспечивают связь между центрами мыслящей материи. Кто не умеет читать — не умеет мыслить.

Все эти вещи не второстепенные, в них таится грозная опасность умственной ограниченности, убогости интеллектуальной жизни. Учить нужно не только в начальных классах. В годы отрочества это обучение требует большой педагогической культуры всех преподавателей. Каждый из нас добивался, чтобы в пятом и шестом классах продолжалось выразительное чтение. Оно необходимо для тренировки. Без него невозможно выработать сложное умение глазами и мысленно схватывать логически законченную часть большого предложения, осмысливать и одновременно переходить к следующей части. Другими словами, подростка нужно учить читать и думать одновременно. Психологическая сложность этого умения является тем внешним стимулом, который пробуждает внутренние силы мозга.

Учить подростков читать! Почему кое-кто из учеников, сообразительный, понимающий, пытливый в детстве, в годы отрочества становится ограниченным в своих умственных способностях, равнодушным к знаниям, инертным? Потому, что он не умеет читать. Человеческий мозг — это сложное целое, если одна часть недостаточно развита, тормозится работа всего целого. В коре полушарий есть участки, которые управляют чтением, они связаны с самыми деятельными, творческими отделами мозга. Если в

участках, которые управляют чтением, есть тупики, тормозится анатомо-физиологическое развитие всех отделов коры. Есть еще одна опасность: процессы, которые совершаются в коре полушарий, необратимы. Если в подростковом возрасте человек не научился глазами и мысленно охватывать логически законченные части предложений и целые предложения, он никогда уже этому не научится.

Задумаемся над следующим: отдельные подростки, очень мало работающие над домашними заданиями, все-таки успевают. Это не всегда объясняется их исключительными способностями. Часто это бывает потому, что они умеют хорошо читать. Умение хорошо читать, в свою очередь, развивает умственные способности.

Мы заботились и о том, чтобы письмо стало полуавтоматическим процессом. Каждый преподаватель имел свою систему письменных упражнений. Подростки практиковались в написании слов и словосочетаний, свойственных этому предмету. Мы учили подростков распределять внимание между слушанием и письмом. Кто не справлялся с этой работой на уроках, выполнял дополнительные тренировочные упражнения.

На уроках языка и литературы развивались наблюдательность, умение правильно выразить мысль. Путешествия к источникам мысли и слова стали теперь сферой самовоспитания.

СТАНОВЛЕНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ. РОЖДЕНИЕ ГРАЖДАНИНА

ОТ МИРА ВЕЩЕЙ К МИРУ ИДЕЙ

Если в детские годы важнейшим источником духовной жизни человека является мир вещей — их суть, причинно-следственные связи и зависимости, то в годы отрочества перед ним открывается мир идей. Отцам и матерям кажется странным, непонятным, оскорбительным для их самолюбия, что сын словно забывает о колыбели, из которой он увидел солнце и небо, забывает о груди материнской, вскормившей его. Но в этом выражается сложная, противоречивая сущность того факта, что на фоне широкой картины общественной жизни семья, домашний очаг, колыбель, материнская любовь вдруг кажутся подростку маленькими, незначительными. Даже собственные «грешки» — нарушение норм поведения — кажутся ему делом несущественным в сравнении с мировыми проблемами.

Подросток начинает философствовать — мыслить широкими общественно-политическими, моральными понятиями. Все, что происходит в мире, касается его личности. Пусть это не удивляет вас, воспитатели подростков: глубокая заинтересованность в судьбе других людей — суть отрочества. Помню, с каким волнением и вниманием, затаив дыхание, слушали мои воспитанники-шестиклассники рассказ о далеком Алжире, о героической борьбе вольнолюбивого народа за свободу. Волновали подростков, конечно, и факты, но каким бы ярким ни был факт, он отступал на второе место — все внимание подростков поглощали идейные, философские вопросы: почему, на каком основании правящие круги империалистических государств угнетают трудящихся колониальных и зависимых стран? До каких пор на Земле будут угнетали и угнетенные? Что можно сделать нам, подросткам, юношеству первого в мире

социалистического государства, чтобы помочь борцам за свободу и независимость?

Как воспитатель — классный руководитель и преподаватель гуманитарных предметов, — я стремился, чтобы у подростков развивалось, обострялось гражданское видение мира. Без волнения за судьбу далеких людей, которые не имеют, казалось бы, непосредственного отношения к личной судьбе, к жизни собственной семьи, села, невозможно вступление в мир идей. Природа, место и роль отрочества в моральном развитии человека требуют, чтобы, поднимаясь вверх по ступеням общественной жизни, человек мысленно оглядывал мир, понимал смысл сложных общественно-политических явлений, видел борьбу за те идеалы, которые волнуют его лично.

От воспитателя решительным образом зависит то, как видит мир подросток, что его волнует, удивляет, заботит, трогает, пробуждает сочувствие и презрение, любовь и ненависть. Я заботился о том, чтобы подростки постепенно вступали в мир идей. Для этого еженедельно (иногда дважды, трижды в неделю) я рассказывал им, что происходит в мире. Это была не просто информация, что в практике работы школ приобрела название политической. Это было мышление идеями. Каждый факт, о котором сообщалось, пробуждал в подростке личное эмоциональное отношение к нему. Идея становилась духовным приобретением личности, потому что проходила через сердце.

Самое глубокое впечатление на подростков производили рассказы, в которых раскрывались, можно сказать, материализовались идеи: человек и общество, свобода и угнетение, счастье и горе, социальный прогресс и сила реакции. С большим волнением слушали мальчики и девочки рассказы о том, что в наши дни — в дни искусственных спутников Земли и первых полетов человека в космос (это были те незабываемые дни, когда победы советской науки в космосе по-новому осветили нам, гражданам СССР, наш собственный мир и заставили по-новому взглянуть на судьбу всего человечества) — в мире есть еще страны, где людей продают, словно скот, в рабство, где правительства издают законы, устанавливающие цены на «живой товар». Я показывал документы о работорговле в Южной Африке; о том, что итальянские матери, задавленные нуждой, продают своих детей американским богачам, — все это вызвало сначала глубокое удивление, даже недоверие, а потом гнев

и ненависть к эксплуататорам. Когда я показал английскую газету, в которой опубликовано фото: арабские дети, закованные в кандалы, ждут продажи на невольничьем рынке, Варя с болью сказала: «Что ж это такое? У нас человек мечтает о путешествии к далеким звездам, а там человек — раб, словно в Древнем Египте! Так вот каков он, тот проклятый мир, который за границей любят называть свободным! Там, где все покупается и продается, человек не может быть свободным».

Свои рассказы о мире я назвал бы уроками гражданского видения мира. В эти часы мальчики и девочки с особой остротой ощущали сложность и противоречивость жизненных явлений, непримиримость коммунизма и капитализма. На фоне борьбы человечества за освобождение от остатков рабства, угнетения, экономической и духовной зависимости человека от человека, на фоне борьбы народов против ужасов атомной войны наша Советская Родина вставала перед глазами мальчиков и девочек как живое воплощение добра, справедливости, чести.

Гражданское видение мира — это живая плоть и кровь нравственности. Я стремился к тому, чтобы воспитанники не только знали, понимали добро и зло, справедливость и несправедливость, честь и бесчестье, но и переживали непримиримость, ненависть к социальному злу, бесчестью, несправедливости.

Отрочество — возраст горячих и бескомпромиссных чувств. Очень важно, чтобы сферой утверждения и выражения чистых, высоких моральных чувств была богатая, благородная эмоциональная жизнь, личное отношение человека к значительным социальным, общественно-политическим явлениям. Многолетний опыт привел меня к твердому убеждению, что корни аморальных явлений в среде подростков и юношества питаются ограниченностью, убожеством, примитивностью мира чувств. Зло рождается там, где подросток ненавидит не угнетение человека человеком, не сграшный мир, где все можно купить и продать, а своего ровесника, у которого часы или пальто лучше, чем у него. Такой подросток принимает близко к сердцу не то, что борцу за свободу и независимость угнетенного народа, коммунисту угрожает расправа, а то, что собранный с приусадебного участка родителей виноград пришлось продать на рынке дешевле, чем предполагалось.

Ч е м у и к о м у принадлежит сердце человека в зрелые годы, к а к и е идеалы волнуют, тревожат, вдохновляют и понуждают к труду и борьбе — все это зависит от того, как человек оттачивает свои убеждения в борьбе с чуждыми ему убеждениями, в противоборстве с каким идейным противником формируется его нравственность. Нельзя эту борьбу представлять только как прямое столкновение с человеком, который разделяет взгляды, чуждые коммунистическому мировоззрению. Такое бывает редко. Но перед каждым подростком открыт мир духовной борьбы, мир непримиримого разоблачения идей, враждебных коммунизму, человечеству, счастью, гуманности. Эти идеи не что-то абстрактное, за ними стоят атомные бомбы и другие способы массового уничтожения людей, за ними — дубинка полицейского, который не пускает негритянских детей в американскую школу для белых, за ними — дьявольские печи Майданека и Освенцима, о которых нельзя забывать. Станет или не станет ваш воспитанник активным борцом против идей, враждебных коммунизму (а враг коммунизма — враг человека, добра, справедливости, чести), зависит от того, ч е м у и к о м у принадлежит его сердце в годы отрочества и ранней юности.

Я стремился, чтобы мои рассказы о мире не только доносили знания до сознания мальчиков и девочек, но и заставляли задуматься над судьбой мира, над тем, что мое личное счастье, счастье семьи зависят от кое-чего более значительного, нежели огород и приусадебный участок, урожай яблок в нынешнем году и цена на них. Как важно, чтобы, оставаясь наедине с самим собою, раздумывая о мире, подросток определенное время был одухотворен прежде всего гражданскими заботами, волнениями и тревогами! Пока мне не удавалось достичь этого в воспитании каждого мальчика, каждой девочки, я считал, что мне не удалось даже возвести их на первую ступень морального воспитания и самовоспитания. Приходилось проводить не только коллективные, но и индивидуальные беседы о событиях в нашей стране и за рубежом. Я старался найти с каждым воспитанником духовную общность, не ломился с политическими идеями в открытую дверь, а шел к подростку с мыслями о том, что глубоко волновало, беспокоило; мое волнение передавалось воспитаннику, мы с ним одухотворялись одними и теми же стремлениями. Долго мне пришлось бороться, чтобы предметами ненависти

Коли и Толи не были вещи мелкие, незначительные, чтобы мальчишки не стали мелкими себялюбцами и эгоистами. Несколько дней во время работы в саду, когда мы оставались наедине с Колей, я рассказывал ему о героине алжирского народа Джамиле Бухиред. Оставаясь с Толей в комнате «Источники знаний», я рассказывал ему волнующую повесть о Хосрове Рузбехе — человеке кристальной чистоты, вожде иранских коммунистов, выдающемся ученом-математике, замученном палачами иранского народа. С обоими мальчюками несколько вечеров мы говорили о подвиге Александра Матросова. Я хотел, чтобы духовный мир героя-патриота стал тем ярким огнем, который бы освещал подросткам путь к их личному счастью. Эти рассказы были непосредственным обращением к гражданскому сознанию мальчишек. Я хотел, чтобы Коля понял, что в мире есть зло несравненно значительнее, чем зависть его матери к честным, правдивым, трудолюбивым людям. Есть также и добро, в свете которого недостатки его матери особенно нетерпимы. Я стремился, чтобы мои воспитанники видели мир вокруг себя и самих себя глазами гражданина. На основе гражданского видения мира строится все моральное воспитание.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА, НРАВСТВЕННОСТЬ И АТЕИЗМ

Чем больше человек узнает об окружающем мире, тем больше он должен знать о человеке. Пренебрежение к этому очень важному правилу нарушает гармонию между знаниями и нравственностью. Это явление я бы назвал моральным невежеством. Оно состоит в том, что человек, владея значительными знаниями об окружающем мире, не знает с у т и ч е л о в е ч е с к о г о н и в историческом, ни в общественно-политическом, ни в духовно-психологическом, ни в эстетическом аспектах. Без знания, без мысли о том, что возвышает человека над миром живого, не развивается эмоциональная сфера; это ведет к примитивности чувств. Нашу общественность беспокоит существование образованных бездельников. Мы удивляемся: как же это так получается: человек имеет среднее образование — и вдруг становится правонарушителем или даже преступником? Часто эти случаи объясняют тем, что человек оторван от труда; праздность — мать всех

пороков и т. д. Но вот я взял 100 дел осужденных за особо тяжкие преступления, совершенные лицами в возрасте от 16 до 26 лет, и оказалось: 88 из них — молодые рабочие и колхозники буквально от станка.

Духовная культура человека будет неполной, если он не обладает знаниями, которые являются основой моральной культуры. Я раскрывал перед подростками картину становления человека, убеждал, что человек в социалистическом обществе — высшая ценность и на него возложена величайшая ответственность за все, что происходит. Раз в две недели одну из воспитательных бесед я посвящал человеку. Я рассказывал подросткам о тяжелой, полной невзгод жизни первобытного человека, который не понимал сил и явлений природы. Большой интерес у подростков вызывала характеристика того, как говорил Г. В. Плеханов, «царства физической необходимости», в котором постепенно обогащался человеческий ум. Отдельные беседы были посвящены труду, без понимания роли которого невозможно уважение к человеку и самоуважение.

Понимание человеческого как творческого труда должно пронизывать все обучение. Эта сфера человеческого — первоисточник культуры моральной, основа духовной культуры. Я рассказывал подросткам, как человек, создавая орудия и средства труда, постепенно возвышал себя, завоевывал самого себя, становился не только разумным существом, осознающим свое бытие, но и личностью. Понимание той истины, что в становлении личности решающее значение имеет труд, рождает и укрепляет в подростке чувство собственного достоинства.

Мои воспитанников заинтересовала, взволновала картина отчуждения человека, по словам Маркса и Энгельса, господство стихийных общественных сил над человеком. Много тысячелетий, пока существовали и существуют еще и теперь в мире эксплуататорские общества, человек труда был и есть существо, которое «утратило самое себя». Без ясного представления и эмоциональной оценки «человека, который утратил самого себя», невозможно понимание высшей в мире гуманности, которую принес Великий Октябрь. Несколько воспитательных бесед было посвящено раскрытию той истины научного коммунизма, что полный расцвет человеческих сил является самоцелью и настоящим царством свобо-

ды. Мне казалось очень важным, чтобы понимание человека как высшей ценности было основой духовной и моральной культуры.

Особое место в моих рассказах занимали элементарные сведения из истории религии как одной из форм общественного сознания.

Подростки должны понять религию как отражение окружающего мира в сложной, противоречивой духовной жизни человека. Без понимания религии невозможен настоящий атеизм. А без атеизма невозможна коммунистическая идейность, убежденность в справедливости благороднейших идеалов человечества. Понять религию нельзя, не осмыслив сложного исторического пути развития человека. Я рассказывал о трудовой жизни первобытного человека. Необходимы были тысячелетия, пока у него возникло «антропоморфное мышление», когда «мерой всех вещей» стал он сам. Наделяя человеческими чертами живую и мертвую природу, отношения в семье, роду, племени, свои страсти и слабости, человек сотворил множество богов. Когда вместо многих потерявших силу и власть вождей племен носителями политической власти стали цари, которых было немного, человек сотворил богов-самодержцев.

Преподавая историю духовной жизни человека в период возникновения христианства, я раскрывал суть этой качественно новой религии не только как новое духовное угнетение, но и как смелый протест человека-бунтаря. Христианство — сложное историческое явление духовной жизни человека. В образе вездесущего и всемогущего Христа раб жаждал найти какую-то, хотя бы и призрачную, надежду на освобождение. Но освобождение в этом мире, в реальной жизни не только было невозможно; но и немыслимо. Апокалиптические образы огня и ада, образ раба — это порожденное тяжкими страданиями представление о правде. В мире же социального зла, жестокой эксплуатации служители церкви превратили это представление в ложь, в обман. Христос — царь небесный — стал таким же душителем свободы и мысли, как и земные цари.

Четырнадцати-пятнадцатилетние подростки, которые пытливно ищут ответа на мировоззренческие вопросы, должны осмыслить христианство как бунтарские устремления человека. Подростку нужно много сказать, чтобы

доказать, что религия — порабощение человеческого духа. Она поработила человека потому, что человек не знал истинного пути к свободе: духовная свобода, счастье невозможны без ликвидации частной собственности и эксплуатации. Бог угнетает человека до тех пор, пока люди угнетают друг друга. Это человеческое угнетение не ограничивается сферой экономических отношений. Оно проникает в быт, в повседневные взаимоотношения — в частности, во взаимоотношения между мужем и женой. Я твердо убежден, что первая мысль о божестве возникла в сознании женщины. Ведь она «стала рабой раньше, чем появился раб» (А. Бебель) ¹².

Осмысливая историческую сложность противоречивого и многотрудного человеческого духа, мои воспитанники переживали гордость за человека и понимали детство человеческого мышления. Религия — этап социальной и духовной жизни. Но точно так же, как в общественной жизни человек неминуемо стал на путь освобождения от эксплуатации, так и в духовной жизни он неизбежно освободится от веры в несуществующего бога. Отрицание бога — настоящее возвышение, возвеличивание человека. В этой истине кроется суть атеистических убеждений, непримиримость к религии как средству духовного угнетения человека в наши дни. Я старался, чтобы к отрицанию бога мои воспитанники пришли, поняв религию. Воспитывать атеистов невозможно без глубокого проникновения в духовный мир того, кого воспитываешь, — без настоящего человекознания.

Чтобы стать настоящим атеистом, герольдом Нового Света, нужно пройти самому через всю историю. Было бы педагогическим бескультурьем представлять себе воспитание нравственности так: учитель вещает, словно оракул, а ученики складывают порции знаний в свои головы, «усваивают». Нет, надо, чтобы вместе со мною мои воспитанники прошли всю историю и прежде всего через историю человеческого духа. Чтобы вместе со мной они пришли на берега Нила к строителям древних пирамид, к людям, которые поклонялись солнцу, создали поэтическую легенду о солнцеликом Ра. Чтобы мы вошли в театры Древнего Рима, вместе с первыми христианами вслушались в гневные слова против насилия и угнетения. Чтобы мы вышли на площадки древних ассирийских и вавилонских обсерваторий, вместе с

первыми учеными-жрецами взглянули на звезды и задумались над сущностью мира. Чтобы мы ощутили на себе одежду смертника — великого мученика науки Джордано Бруно, сожженного во имя бога... Только таким вхождением в историю человек поймет, что такое религия и что такое настоящее свободомыслие.

Я постепенно подводил своих воспитанников к выводу, что религиозные догмы, мировоззрение и моральные поучения неминуемо вступали в противоречие с наукой. Наука и религия — несовместимы и непримиримы. В этом подростков убеждали прежде всего факты, которые свидетельствовали, что много честных священнослужителей или теоретиков церкви сделали выдающиеся научные открытия. С большим интересом подростки слушали рассказы об ассиро-вавилонских и египетских жрецах — первых астрономах и создателях календаря. Я рассказал также о том, что католический священник Николай Коперник доказал несостоятельность геоцентрической системы Птолемея, создав новую картину вселенной; иезуит Секки стал отцом астрофизики; чешский пастор Ян Амос Коменский — признанный всем миром отец современной педагогики; монаха-доминиканца Джордано Бруно сожгли за создание учения о безграничности миров; монах-доминиканец Томмазо Кампанелла, томившийся тридцать лет в застенках и темницах инквизиции, написал поразительную книгу «Город Солнца», которая стала предвестницей научного социализма; убежденный католик Томас Мор — творец гениальной «Утопии», которая дала название целому направлению в философии, приблизила человечество к идеалам социализма; французский священник Жан Мелье, настоятель маленького сельского прихода, оставил после смерти знаменитое «Завещание», которое волнует человечество и сегодня; мятежный священник Томас Мюнцер поднял крестьянские «Евангельские полки» на борьбу с феодальными князьями и епископами; чешский монах Грегор Мендель своими опытами положил начало новой науке — генетике.

Если правильно подать суть этих фактов, то они ярко раскрывают мятежный дух человеческой мысли, вселяют в сердце подростков уверенность в том, что нет такой мировоззренческой истины, под которой могли бы подписаться и наука, и религия. Для моих воспитанников Джордано Бруно и Николай Коперник, Томмазо Кампанелла и Жан

Мелье, Томас Мюнцер и Грегор Мендель стали не служителями религиозного культа, которые случайно начали заниматься научными и общественными проблемами, а мятежниками человеческого духа, борцами против религии. Рассказывая о тернистом пути борьбы за настоящую свободу духа, я пробуждал в юных сердцах восхищение борцами за торжество человеческого свободомыслия — образами великих ученых-гуманистов, социалистов, коммунистов.

Без знания исторического пути борьбы за свободомыслие невозможно настоящее духовное богатство современного человека. Я стремился, чтобы мои воспитанники осмыслили и пережили истину: да, человеческий дух бессмертен! Человек бессмертен. Он не безвестная пылинка в вихре времени, а творец. Бессмертно духовное богатство человечества, бессмертны прогрессивные идеи, завоевания, добытые человеком в его многовековой борьбе за освобождение.

Через все мои рассказы и беседы о человеке проходила идея моральных ценностей, созданных человечеством на протяжении многих столетий его существования. Понимание сути моральных ценностей очень важный элемент духовной и моральной культуры человека.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ МОРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Процесс морального воспитания состоит в передаче от поколения к поколению моральных ценностей человечества. Ценности морали отражены в Программе КПСС как моральный кодекс строителя коммунизма. Они являются высшим достижением морального прогресса человечества и в то же время программой воспитания новых поколений.

Если в младшем возрасте нормы морали раскрываются прежде всего в конкретном, эмоционально выразительном поступке, то в годы отрочества складываются благоприятные условия, чтобы раскрыть воспитанникам идейную сущность этих норм, пробудить моральную потребность в благородных поступках. В связи с этим мы стремились к единству разъяснения сути норм нравственности, наставления, убеждения, понуждения к активной деятельности.

Нормам нравственности я посвящал специальные беседы, стараясь раскрыть суть их в такой эмоциональной

окраске, чтобы побуждение к правильным, хорошим поступкам было первой школой гражданства. Вот важнейшие нормы нравственности, которые я стремился раскрыть подросткам как азы моральной культуры.

1. Вы живете среди людей. Каждый ваш поступок, каждое ваше желание отражается на людях. Знайте, что существует граница между тем, что вам хочется, и тем, что можно. Ваши желания — это радости или слезы ваших близких. Проверяйте свои поступки сознанием: не причиняете ли вы зла, неприятностей, неудобств людям своими поступками. Делайте так, чтобы людям, которые окружают вас, было хорошо. Разъясняя подросткам сущность этого морального поучения, я показываю, как следует себя вести среди людей. Подумайте, не причиняете ли вы зла людям, делая приятное себе. Вот на школьной аллее цветет сирень. Вам хочется сломить цветущую веточку. Но если каждый удовлетворит свое желание, цветущий куст превратится в голые ветви. Людям нечему будет радоваться — своим поступком вы украдете у них красоту.

Если эти поучения подкрепляются культурой моральных отношений в повседневной жизни коллектива, у человека вырабатываются духовные силы, которые ограничивают желания и не допускают превращения желаний в капризы. А это очень важно для формирования чувства долга — одной из элементарных основ гражданского воспитания. Человек, который не знает границ своим желаниям и не умеет соотносить их с интересами других людей, никогда не станет хорошим гражданином. Нужно, чтобы маленький человек чувствовал и понимал необходимость в чем-то сдерживать свои порывы и желания. Вот на этой зеленой полянке хотелось бы поиграть в мяч, но нельзя: трава тут всегда должна быть свежей, потому что она — это чистый воздух. Если сызмала не учить ребенка руководить своими желаниями, это постепенно воспитает распушенность, капризность: мне все можно, мне море по колено.

Ответственность — это значит ответственность перед кем-то и за кого-то. Мы старались создать такие трудовые отношения, чтобы подростки руководили работой младших школьников, подавали им пример.

2. Вы пользуетесь благами, созданными другими людьми. Люди дают вам счастье детства, отрочества и юности. Платите им за это добром. Эта норма нравственности является важнейшим источником чувства гражданского долга. Прежде чем человек осмыслит всю глубину истины, что он гражданин и это возлагает на него большие обязанности, он должен научиться платить добром за добро, творить своими силами счастье и радость другим людям. Совесть не должна позволять ему быть только потребителем благ и радостей. «У вас уютный, светлый, чистый класс, учебные кабинеты, спортивный зал, наглядные пособия, — говорю я подросткам. — Все это создали для вас люди. Умейте отблагодарить за это. В тихий предрассветный час, когда вы еще лежите в постели, доярки уже давно работают на ферме: убирают навоз, доят коров — готовят вам теплое, свежее молоко. На дворе лютый мороз, а тракторист едет в поле за кормом для коров, чтобы молоко было у вас и завтра и послезавтра. Повар разжигает печь на школьной кухне — готовит завтрак. Кочегар поддает огня в котлы центрального отопления, чтобы горячими были батареи, когда вы придете в класс. Вам щедро дают, но от вас и ждут. У вас уже достаточно сил, чтобы делать добро людям».

Чувство благодарности людям — это родная сестра чувства ответственности, долга, гражданского достоинства. Основа моральной воспитанности состоит в том, чтобы человек готов был делать добро для людей по велению собственной совести.

Вот здание животноводческой фермы, вот место для отдыха животноводов. Посадим тут яблони, пусть этот уголок станет уголком красоты для ваших матерей и сестер. Эта работа дает подросткам много радости, потому что она одухотворена благородной мыслью. Потом подростки переходят к другой работе для людей — так и идут они тропой моральной культуры. Чувства их облагораживаются, в их сердцах утверждается благодарность за все, что дают старшие поколения. В духовный мир человека в годы детства и отрочества входит привычка делать добро для людей — платить добром за добро. Если эта привычка приобретена уже в детстве и отрочестве, то в годы юности человек не может жить, не делая добра людям. Он ощущает себя морально зрелым прежде всего потому, что к

моменту вступления в юность много раз пережил радость творения, радость труда для общества.

3. Все блага и радости жизни создаются трудом и только трудом. Без труда нельзя честно жить. Народ учит: кто не работает, тот не ест. Лодырь, дармоед — это трутни, которые пожирают мед трудолюбивых пчел. Учеба — ваш первый труд. Идя в школу, вы идете на работу. Чтобы утвердить в сознании подростков народные взгляды на труд, мы сызмала воспитываем в каждом привычку работать. В школе поддерживается атмосфера нетерпимости к лени, безделью, неряшеству. Маленький бездельник — это живучий корешок дармоедства и паразитизма, и если человек стал взрослым дармоедом, вырвать этот корень, который прижился с детства и отрочества, очень трудно. Мы никогда не забываем об опасности: атмосфера беззаботности, бездумного поглощения благ, созданных старшими, порождает бездельников и дармоедов. Предотвратить эту опасность нелегко, потому что безделье маленького человека на первый взгляд кажется не таким уж большим недостатком, в действительности же это опасное зло. В желании родителей (а иногда и учителей) облегчить жизнь детей и подростков, уберечь их от трудностей кроется большая опасность.

Труд — корень нравственности. Необходимо, чтобы в духовной жизни коллектива красной нитью проходило уважение к труду, людям труда, чтобы на этой основе утверждалось уважение к самому себе, наши подростки всегда имели перед собой определенную гражданскую цель, преодолевали трудности, переживали коллективное чувство радости в связи с борьбой и победой. В сфере труда — широкое поле для той духовной борьбы, о которой я говорил как о важнейшем условии становления нравственного облика человека. Понять истину, что без труда нельзя жить, подростки могут лишь тогда, когда они живут радостями труда, а эти радости ни с чем не сравнимы: они отличаются от всех иных радостей тем, что человек напрягает усилия, делает не то, что хочет, а то, что нужно, и, наконец, переживает радость за сделанное для людей, хочет делать то, что нужно для всеобщего блага.

Нравственный смысл труда как раз и состоит в том, что человек получает наивысшую радость оптимисти-

ческого восприятия — радость творения. Это, по сути, и есть самовоспитание. Говорить о радости труда подростков было бы невозможно, если бы они не привыкли работать уже в детстве. Моральное самоутверждение подростков в труде становится реальным только потому, что наши воспитанники уже в детские годы, обучаясь в первом-втором классах, закладывали маленькие сады, виноградники, превращали пустыри в цветущие уголки, выращивая рассаду цветов, саженцы роз для людей. В двенадцать-четырнадцать лет подросток чувствует себя тружеником, переживает первую гражданскую гордость за свой труд, потому что уже в девяти-десятилетнем возрасте он видел первые материальные результаты своей работы. Это важное условие элементарной моральной культуры. Если двенадцатилетний человек видит цветущий сад, посаженный собственными руками, он переживает ни с чем не сравнимое чувство гордости; он измеряет пройденный жизненный путь материальными ценностями, созданными для людей. И чем глубже это чувство, тем сознательнее гражданская ответственность перед людьми.

Мы добивались, чтобы в коллективе не было такого подростка, который бы не переживал радости труда. В коллективе не должна теряться личность; чувство радости труда — это не только коллективное вдохновение, но и глубоко личное переживание личного достоинства. Мы заботились, чтобы каждый подросток в материальных результатах своего труда видел, как в зеркале, себя самого — свое мастерство, настойчивость, силу воли, взлет творческой мысли. Лишь при этом условии входит в сердце, становится святыней нерушимая истина: жизнь без труда невозможна. Если вы любите садоводство, вырастите такое дерево, чтобы им все любовались, видели в нем ваше трудолюбие, ваш разум. Если вашим увлечением стало техническое творчество, сделайте физический прибор, который служил бы не одному «поколению» ваших младших товарищей. Подросток только тогда начинает воспитывать себя, когда, увлекаясь трудом, углубляясь в него, преодолевает трудности, овладевает знаниями, закаляет волю. Это важное правило воспитания и самовоспитания подростков.

4. Будьте добрыми и чуткими к людям. Помогайте слабым и беззащитным. Не делайте людям зла. Помогайте в беде това-

рищу. Уважайте, почитайте мать и отца: они дали вам жизнь, они воспитывают вас, они хотят, чтобы вы стали честным гражданином социалистического общества, человеком с чистым сердцем, ясным умом, доброй душой, золотыми руками. Гуманность, чуткость к человеку, готовность прийти ему на помощь — эти элементарные черты человечности, порядочности должны стать приобретением, личным моральным богатством каждого воспитанника. Я усматриваю одну из важнейших воспитательных задач школы в том, чтобы утвердить в каждом человеке доброту и сердечность, чуткость ко всему живому, в чем воплощена красота и величие жизни. Не может быть коммунистической морали без элементарной человечности. Не могут быть доступными высокие идеалы бессердечному человеку, неспособному к тонким переживаниям. Бессердечность порождает равнодушие к людям, равнодушие — себялюбие, себялюбие — жестокость.

Кое-кто считает, что поскольку в наше время человека нужно воспитывать сильным, волевым, готовым ко всему, то не следует говорить о доброте, сердечности, чуткости. Это глубокая ошибка. Да, наше важнейшее воспитательное задание — утверждать в душе нашего гражданина непримиримость к врагам Отчизны, готовность к единоборству с тем, кто посягнет на ее свободу и независимость. Но уроки благородной ненависти недоступны тому, кто не знает уроков доброты, сердечности, чуткости. Потому что мужество — это высшая человеческая доброта, а ненависть к врагам — настоящая человечность. Детство и отрочество должны стать школой доброты, человечности, чуткости. Только при этом условии в том чутком музыкальном инструменте, которым является сердце человека, будет вся гамма благородных человеческих чувств — от тончайшей, чувствительной заботы о матери до ненависти к врагу, непримиримости к идейному противнику.

К сожалению, во многих школах забывают о воспитании элементарной моральной культуры. От подростка требуют знания высоких моральных истин, не замечая того, как он убивает птичку из рогатки или уничтожает дерево. С ним говорят о честности и правдивости, а он, слушая воспитателя, готовит шпаргалку к предстоящему экзамену

или контрольной работе. Элементарная непорядочность — это семья безыдейности, пустоты души.

Только великая любовь к людям одухотворяет ненависть к врагу. Чтобы предотвратить бессердечность и равнодушие, мы стараемся утвердить в детях и подростках сердечную заботу, тревогу, волнение о живом и прекрасном. Ребенок, который принимает близко к сердцу то, что в лютый мороз синичка беззащитна, который спасает ее от гибели, оберегает деревцо от повреждения, — этот ребенок никогда не станет жестоким и бессердечным к людям. И наоборот, если маленький человек ломает, безжалостно уничтожает то, что должно вызывать восторг, благоговение, он может стать маленьким тираном, который издевается над близкими.

Сколько таких тиранов встречается в жизни! Вот семилетний малыш собирается в школу, он никак не застегнет пуговицы на пальто. Вместо того чтобы спокойно попросить взрослых помочь, он сбрасывает пальто, собирается идти в школу раздетым. Ему хочется, чтобы мать обеспокоилась, заволновалась, даже заплакала оттого, что у него что-то неладно. И когда он доводит мать до слез — чувствует облегчение. Против этой «невинной» тирании нужно умно, тактично, чутко, но настойчиво и неукоснительно бороться.

Подросток делает большой шаг в интеллектуальном развитии, перед ним раскрывается мир идей, его мысль пытливно ищет ответа на вопросы мировоззренческого характера. Это закономерное качественное изменение в жизни человека скрывает в себе опасность отставания эмоциональной культуры от культуры мысли. Чтобы не допустить этого отставания, в подростковом возрасте, как и в детстве, необходим труд, который пробуждает, развивает добрые, сердечные, благородные чувства. Прискорбно, если четырнадцатилетний подросток считает, что унизит свое достоинство, если возьмет об руку свою мать и пойдет с нею в клуб, если будет заботиться о цветах и птицах. Заботы о матери, бабушке, дедушке, младших братьях и сестрах — это не менее важно, чем богатая, полнокровная жизнь коллектива. Взаимоотношения подростка с родителями — это целая область воспитания, которая остается, к сожалению, еще нетронутой целиной.

Мы всегда заботились о том, чтобы подросток большую часть времени находился дома, в семье, особенно с мате-

рю. Нет необходимости всегда чем-то «охватывать» подростков, всегда что-то для них организовывать в коллективе. В предпраздничные и праздничные дни подросток пусть будет с матерью и отцом — это лучше всего.

5. Не будьте равнодушны к людям, которые стараются жить за счет отца, матери. Проявляйте нетерпимость к тем, кто не заботится об интересах общественных. Ненавидьте того, кто творит расточительство, обкрадывает общество. Выполнение этой нормы нравственности зависит от того, как глубоко входит в духовную жизнь ребенка труд для людей. Видит зло и непримирим к нему тот, кто умеет делать добро по велению своей совести. Мы видели важную задачу школы в воспитании гражданской непримиримости, активности в борьбе с проявлениями зла в жизни. Нельзя допускать, чтобы дети молча наблюдали такое зло, как расточительство, нерадивое отношение к общественным ценностям, лень, безделье, подхалимство. Но активности в борьбе против этих проявлений зла не пробудишь, если взрослые равнодушны к этому. У нас есть пионерский пост по охране зеленых насаждений. Если подростки увидели, что взрослый человек уничтожает дерево, то борьба с этим злом не должна ограничиваться только разговорами. Душу подростка калечит безнаказанность и равнодушие. Мы добивались, чтобы человека, совершившего зло, общественность принудила возместить убытки.

Зная, убеждаясь на собственном опыте, что торжествует добро, подростки с большим энтузиазмом включаются в работу, которая создает общественные богатства. Если подросток один раз возмутился злом, которое увидел в жизни, выразил свое презрение, непримиримость, он должен десять раз сделать добро, утвердить в жизни добро своими поступками. Если это правило забывается, человек может вырасти болтуном, демагогом, «обличителем», который ничего не делает для торжества добра.

Овладевая этой азбукой моральной культуры, ученики готовятся постичь суть коммунизма как высшей формы гуманности и нравственности, как системы идей и убеждений, которые вобрали в себя лучшие моральные ценности человечества. Без овладения этой азбукой человек остается в моральном развитии невеждой. Книгой за семью печатями будут для него такие идеи и принципы

коммунистической морали, как любовь к Родине, верность идеалам народа, героизм, стойкость, мужество в борьбе за свободу, честь, независимость, величие и могущество Родины.

Азбука моральной культуры входит в сознание и душу лишь тогда, когда в школьном коллективе есть элементарная моральная культура человеческих взаимоотношений. Это очень простое и одновременно очень сложное дело. Просто оно тем, что отношения эти укладываются в единую формулу: каждый должен относиться к каждому как к человеку. Сложно тем, что человеческие отношения должны охватывать все сферы духовной жизни и всех членов коллектива — и воспитателей, и воспитанников. Я бы посоветовал воспитателям подростков: если хотите, чтобы вам работалось легче (а с подростками, как известно, работать очень трудно), одухотворите свои отношения с воспитанниками глубоким взаимным уважением. Все мы, преподаватели основ наук, видели воспитывающее начало своей работы в том, чтобы каждый ученик был для каждого из нас (и для всех без исключения) прежде всего человеческой личностью, достойной большого уважения. Мы обращаемся к подросткам на Вы. Этой форме мы придаем большое значение как воплощению высокого смысла — подросток чувствует, что все воспитатели уважают в нем творческую индивидуальность, способную достичь высочайших вершин интеллектуального, морального, идейного, эстетического развития. В повседневном общении с живой человеческой личностью — со всеми ее гранями достоинства и человеческих слабостей — мы даем понять, почувствовать, пережить важнейшую истину: мы видим Вас, молодой человек (Вас, девушка), не только таким, каким Вы есть сегодня, но и таким, каким Вы станете в будущем. Мы уважаем в Вас не только то, что Вы уже с нашей помощью достигли, но и то, чего Вы достигнете. А достигнете Вы высшей ступени духовного развития только при большой своей настойчивости и при нашей помощи. В простом вежливом Вы мы выражаем видение человека в перспективе: мы даем понять и пережить подростку, что в нем мы уважаем прежде всего гражданина Советского Союза, завтрашнего отца, завтрашнюю мать своих детей, завтрашнего мастера с «золотыми руками», поэта, человека, который имеет право гордиться самим собой. Найдите такую форму духовного общения, чтобы

воспитанник понял, кого вы уважаете в нем, к каким сокровенным уголкам его сердца обращаетесь, — и он раскроется перед вами чистейшим цветком людского доверия.

Тут следует иметь в виду некоторые подводные камни самой логики педагогического процесса: обучение проникнуто постоянной, повседневной проверкой (контролем), ежечасным сравнением успехов одного ученика с успехами другого. За всем этим таится опасность разочарования, неуверенности в своих силах, замкнутости, равнодушия, озлобления, то есть таких душевных сдвигов, которые приводят к огрублению души, утрате чуткости к тонким способам влияния на духовный мир человека — слова и красоты. Бывает, воспитатель удивляется: почему подросток в ответ на доброе слово грубит, почему он не понимает ласки? Да потому, что душу его огрубили, «закалили» недоверием, подозрительностью, ежедневными уколами в самое чувствительное место человеческой души — самолюбие. Видишь, мол, твой товарищ отвечает на пятерку, а ты троечник. Как же тебе не стыдно, да и есть ли у тебя хоть капля самолюбия? Слов этих может и не быть, но подтекст часто бывает именно таким. Постоянная апелляция к самолюбию приводит к одереженению, приглашению самолюбия; сердце подростка словно бы покрывается льдом. Пытаться проникнуть в его сердце добрым словом — все одно что отогреть теплыми ладонями толстую льдину: она не отогреется, ее нужно растопить.

Как же обойти эти подводные камни воспитания? Мы всегда боялись дать почувствовать подростку, что не верим в него. Потому что, как только он это почувствует, научится виртуозно обманывать воспитателя и родителей, достигнет в этом деле утонченности. Неверие в человека словно парализует душу подростка, не оставляет в ней места для самостоятельных решений, напряжения волевых усилий для определения трудностей, — он привыкает делать изпод кнута. Мы полагались на внутренние духовные силы человека: не стояли у него над душой, не держали его за руку, а предоставляли ему свободу выбора, и он выбирал как раз то, что мы от него ждали: напрягал волевые усилия, преодолевал трудности, переживая при этом уважение к самому себе.

Мы договорились (и никогда не нарушали этой договоренности): если подросток не выполнил задания потому, что чего-то не понял, не ошеломлять его сразу же оценкой.

Мы вообще не ставили неудовлетворительных оценок. «Если Вы еще не поняли, поработайте, подумайте, выполните самостоятельно то, что нужно было выполнить вместе с классом» — таким был смысл и тон обращения. За доверие подростки платили нам искренностью и трудолюбием. Эти отношения были бы недостижимой мечтой, если бы весь дух школьной жизни не воспитывал у подростков чувства собственного достоинства и уважения к самому себе. Подчеркиваю, что на одних только уроках таких взаимоотношений достичь невозможно. Каждый из нас имел множество, можно сказать, точек соприкосновения духовных интересов с подростками: воспитатель (а каждый учитель был прежде всего воспитателем) видел в каждом своем воспитаннике такой огонек, который давал основание верить в то, что человек никогда не останется на том уровне, на котором он находится сегодня.

Мы щадили самолюбие подростков тем, что избегали сравнения: Вы учитесь хорошо, а Вы — плохо. Оценка умственного труда людей, которые имеют разные способности, требует большого такта. Наша оценка знаний основывалась на желании каждого подростка стать лучше, на доверии к нам, педагогам, и на вере в нас. Мы не представляли полноценной духовной жизни подростка без того, чтобы он не достиг определенного успеха в учебе, умственном труде, без развития его познавательных сил и возможностей.

Отзывчивость сердца на добро, сердечное, чуткое отношение, взаимное доверие, тонкость человеческих отношений между учителем и учениками — все это было в нашей воспитательной работе решающим условием чуткости мальчиков и девочек к слову педагога, к моральным поучениям, советам, требованиям. Чем богаче, разностороннее были интеллектуальные интересы подростка, чем больше радости находил он в чтении, чем значительнее место в его духовной жизни занимали книги и красота, тем отзывчивей он был на нашу доброту, сердечность, чуткость, тем тоньше откликалось его сердце на благородство, человечность нашего отношения к нему. Это одна из важнейших закономерностей морального воспитания. Моральную культуру нельзя ввести во взаимоотношения педагога и воспитанника какими-то внешними приемами. Ее основы лежат в самой глубине духовной жизни человека, в богатстве мысли, тонкости и благородстве чувств.

Я очень чутко прислушивался не только к содержанию того, о чем говорил подросток, но и к тону его обращения к нам, педагогам. Меня настораживало малейшее проявление грубости, «толстокожести» сердца, «одеревенение» души.

На границе двенадцати и тринадцати лет эти тревожные признаки я ощутил у Коли и Миши. Много усилий пришлось приложить, чтобы «отшлифовать» чувства этих подростков. Я давал им книги, которые развивали тонкость и чувствительность сердца, чтобы именно в этот период в духовную жизнь мальчиков вошли неумирающие духовные ценности; заботился о том, чтобы как раз в это время развивалась их чуткость к музыкальной мелодии. Многолетний опыт убеждает, что в руках педагога есть могучее средство предупреждения грубости, бессердечности, морального бескультурия — это лечение музыкой. В тихие зимние вечера я приглашал в музыкальную комнату Колю, Мишу и еще нескольких таких, как они, подростков, и мы слушали Грига, Чайковского, Сибелиуса. В эти вечерние часы мало было слов — разве только те, которые нужно было сказать о подтексте мелодии, ввести подростков в мир музыкальных образов. Я с радостью видел, как оттаивали сердца подростков, как их взгляды озарялись благородными мыслями, одухотворялись тонкими, высокими чувствами.

МОРАЛЬНЫЕ ПРИВЫЧКИ

Источник моральных привычек — в единстве глубокой сознательности и личной эмоциональной оценки явлений, взаимоотношений между людьми, их моральных качеств. В свете тех глубинных интеллектуальных и эмоциональных процессов, которые совершаются в душе человека в годы отрочества, воспитание моральных привычек приобретает особый вес. Моральные привычки — азбука моральных идей и убеждений. Формирование моральных привычек — это тот путь проникновения воспитателя в духовный мир воспитанника, без которого невозможно понимание человека и влияние на него тончайшими средствами — словом, красотой.

Благодаря моральной привычке нормы общественной сознательности и общественной морали становятся духовным приобретением личности. Без моральной привычки

невозможны самоутверждение, самовоспитание, уважение к самому себе. Дело в том, что моральная истина становится чем-то святым, безоговорочным, дорогим для личности именно потому, что человек принимает близко к сердцу благородство этой истины, в его сознание идут молниеносные эмоциональные сигналы: делай именно так, потому что делать иначе не позволяет уважение к самому себе. Привычка облагораживает этот внутренний голос совести, чувство всегда стоит на страже сознания. Эти сложные процессы под силу только отрочеству: как раз в этот период осмысливается обобщающий характер моральных идей. Отрочество словно открывает идеям путь к сердцу. Если важнейшие истины моральной культуры именно в подростковом возрасте не вошли в привычку, потерянного никогда не наверстать.

Как же воспитывать моральные привычки в годы отрочества? Что нужно делать, чтобы сфера сознательности расширялась, охватывая наиважнейшие моральные богатства, которые стали для личности святыми, безоговорочными истинами?

В годы отрочества первоочередное значение в моральном развитии приобретает единство сознательности и моральных чувств. Моральные чувства — это свет, который освещает путь человеческих поступков. «Без моральных чувств, — пишет советский психолог П. М. Якобсон, — которые вносят живое начало в восприятие человеком норм общественной морали, эти нормы, по сути, остаются чужими для него» *. Я старался пробудить в своих воспитанниках отзывчивость, чуткость ко всему, что происходит вокруг, утвердить яркую эмоциональную оценку явлений окружающего мира, чтобы подростки все принимали близко к сердцу, познавали не только сознанием, но и чувствами.

Подростки вместе со мною воспринимают окружающий мир, и я будто передаю им свое отношение к вещам, явлениям, событиям: нет ничего, что оставляло бы нас равнодушными. Мы идем по лесу, впереди интересный день — отдых, прогулка, чтение, наблюдения, познание мира. По дороге видим: стоит грузовая машина, шофер копается в моторе. Он увидел нас и словно спросил, не поможем ли. Мы чувствуем: человек не скажет ни слова, но он ждет от

---

* Якобсон П. М. Психология чувств. Изд. 2-е. М., Изд-во АПН РСФСР, 1958, с. 210.

нас помощи. Вот тут и нужно сказать подросткам слова, которые бы заставили их глубоко вдуматься в суть явлений, чтобы моральная истина взволновала их. Я нахожу эти слова, и они доходят до сердец мальчиков и девочек, наверно, прежде всего потому, что несут в себе яркую эмоциональную окраску. Мы забываем о лесных соблазнах (забываем, конечно, не совсем; мы помним об этом, но совесть подсказывает: стыдно пройти мимо). Одни из нас идут в село на ремонтно-техническую станцию, другие помогают водителю.

Видение моральной стороны явлений, взаимоотношений между людьми, познание мира сердцем — очень важная предпосылка воспитания долга. Чувство гражданского долга рождается из элементарной моральной привычки, которая в условиях правильного воспитания прочно утверждается в людской душе в годы отрочества, — привычки приходить человеку на помощь независимо от того, просит он об этом или нет.

Очень важно, чтобы явления окружающего мира, особенно взаимоотношения между людьми, не раз взволновали подростка, заставили его пережить весь диапазон чувств — от нежного сочувствия и сопереживания чужой беды до возмущения злом. Я твердо убежден: если у подростка выработалась чувствительность к окружающему миру, он начинает видеть себя глазами людей, его тревожит мысль: что подумают обо мне люди, если я пройду равнодушно мимо несчастья, зла? Что подумают люди?.. Эта тревожная мысль является, образно говоря, тем тончайшим проводом, по которому от сердца в сознание идет эмоциональный сигнал: я перестану сам себя уважать, если закрою глаза на то, что творится вокруг меня. Только так моральное понятие входит в привычку. Весьма важной предпосылкой этого вхождения является гражданская, коллективная, моральная оценка того, что делает человек наедине с обстоятельствами в годы отрочества. Духовное общение в коллективе должно быть таким богатым, чувство долга личности перед коллективом таким крепким, чтобы воспитанник ощущал на себе взгляд коллектива даже тогда, когда он один, когда жизнь повернулась к нему той гранью, которая требует личной инициативы, решимости, волевых усилий, мужества, честности.

Наша задача состоит в том, чтобы важнейшие моральные привычки, прежде всего привычка поступиться соб-

ственными интересами, если нужно отдать свои силы во имя блага другого человека, стали традицией. Перерастание привычек в традиции — один из элементов той сложной перестройки сознания, без которой невозможно построить коммунизм. Старые традиции, которые складывались веками, имели, по выражению В. И. Ленина, страшную силу. В наши дни проводится кропотливая, тонкая работа — создание новых традиций, которые должны иметь — и будут иметь — огромную духовную силу. Привычки, которые входят в традицию, имеют большую власть над человеком, и в этом их воспитательная сила. В годы отрочества в коллективе моих воспитанников сложилась традиция: от того, как ты относишься к матери, девушке, женщине, зависит мнение коллектива о твоей личности. Эта традиция стала могучим стимулом самовоспитания: каждому парнишке хотелось поступками, поведением утвердить в себе моральное благородство.

Другой важной закономерностью воспитания моральной привычки является эмоциональная оценка, переживание собственных поступков, особенно тех, которые отражают отношение к труду, к своим близким, к членам коллектива. Мы всегда стремились к тому, чтобы самостоятельное выполнение работы подростки переживали как радость, чтобы списывание, использование чужого труда вызывало недовольство самим собой. Для этих переживаний необходима подготовка: слова, настраивающие на самооценку. Воспитание, развитие тонкости чувств требует большой самостоятельности: чтобы дать эмоциональную оценку собственному поступку, человек должен напрячь силу воли. Советы по самовоспитанию, подбор специальных упражнений — все это приложение к процессу становления моральных привычек. Очень важно, чтобы подросток давал эмоциональную оценку не только хорошему поступку, но и тому, что нельзя, недопустимо. Переживание «нельзя» — это вырабатывание моральной ориентации личности в обществе. Главное же «нельзя», переживание которого каждым подростком мы считали элементарным признаком моральной культуры, — это невозможность быть равнодушным к тому, что происходит вокруг. Исключительное значение в практической воспитательной работе я придавал тому, чтобы каждый подросток переживал волнующую радость, полноту духовной жизни, принимал активное участие в

деятельности, которая на первый взгляд не затрагивает его личных интересов.

Третья закономерность воспитания моральных привычек — взаимосообразность морального принципа и поступка, к которому воспитатель побуждает воспитанника. Святые истины коммунистической морали — любовь к Родине, верность идеалам народа, принципиальность и т. д. — не следует повторять на каждом шагу и связывать с делами, которые являются азбукой моральной культуры, порядочности. Подросток нарисовал чертика на парте, подставил ногу товарищу, и тот, унав, разбил нос, — не следует по поводу этих фактов начинать разговор о долге перед обществом и подвигах героев. Всему есть место и мера.

Соответственно этим закономерностям мы выработали программу моральных привычек. В нее были включены такие привычки: доводить начатое до конца; выполнять работу не как-нибудь, а только хорошо; никогда не перекладывать свою работу на других и не пользоваться плодами труда других людей; помогать старым, слабым, одиноким независимо от того, близкие это люди или «чужие»; согласовывать свои желания с моральным правом на удовлетворение желаний; никогда не допускать, чтобы, удовлетворяя мои желания, родители в чем-то ограничивали себя или создавали для себя трудности; согласовывать свои радости, удовольствия, развлечения с потребностями других людей; не допускать, чтобы мои радости доставляли кому-то заботы или боль; не скрывать своих предосудительных поступков, иметь мужество откровенно сказать о них тому, кому считаете необходимым сказать.

Воспитание моральных привычек не требует каких-то специальных методов или приемов. Оно в самой сути коллективистских взаимоотношений. Важнейшим в этой тонкой сфере морального воспитания будет то, чтобы главным побуждением к хорошим поступкам была совесть и воля самих подростков. Воспитание не должно сводиться к приказам и бездумному подчинению. Подросток всегда должен чувствовать, что без его воли хороший поступок был бы невозможен. Это чрезвычайно важно в тех случаях, когда сами обстоятельства требуют от подростка правильной оценки его отрицательного поступка. С первых дней пребывания в школе я приучил детей к мысли, что признаться в предосудительном поступке — благородно. Не допускалось, чтобы признание «выдавливалось» угрозой наказания. На-

казание в воспитании моральных привычек — вещь недопустимая. Этот инструмент вообще требует огромнейшей выдержки и такта. У хорошего мастера он всегда наготове, но он им никогда не пользуется. Там, где процветают наказания, где за каждый возможный отрицательный поступок предусмотрено соответствующее наказание, не может быть и речи о моральных привычках. Со времен Каина, писал Маркс, мир никогда не удавалось ни исправить, ни утешить наказанием: как раз наоборот¹³. Самый большой вред, который причиняют детям и подросткам непродуманные, примененные сгоряча наказания, заключается в том, что наказанному уже не нужно прилагать внутренние духовные силы к тому, чтобы стать лучше. Большая мудрость в словах Ф. М. Достоевского: наказание освобождает от мук совести¹⁴. Значительно легче наказать, чем добиться того, чтобы человек переживал собственную вину, карал себя своей совестью. А собственная кара, собственный голос совести в детстве и особенно в отрочестве имеют огромную силу. Я добиваюсь того, чтобы, осмыслив свой дурной поступок, подросток переживал мысль: я должен быть не таким, какой я сейчас. Переживание собственной вины — важный источник непримиримости и нетерпимости к дурным поступкам других.

ИДЕИ СТАНОВЯТСЯ УБЕЖДЕНИЯМИ

Основа морального воспитания — моральная убежденность. Свою задачу мы видели в том, чтобы каждому подростку дать мировоззрение материалиста-диалектика, убежденность борца, душу честного человека, руки творца, красоту одаренного существа. Мы стремились, чтобы коммунистические идеи стали для каждого подростка священными и нерушимыми, чтобы они, говоря словами К. Маркса, превратились в узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца *. Это наитончайшее и наисложнейшее в воспитании души. Не будем бояться слов с в я щ е н н о е и н е р у ш и м о е. Когда речь идет о моральном облике нового человека, в них вкладывают совершенно ясный и конкретный смысл: то, чем человек дорожит как собственной честью и достоинством, то, чем он не поступится ни при каких обстоятельствах.

---

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. I, с. 112.

Как достичь того, чтобы коммунистические идеи, много раз переосмысленные, осознанные, глубоко продуманные, выношенные, выстраданные, стали органической частью субъективного мира, чтобы идеи вошли в плоть и кровь, чтобы человек никогда не чувствовал себя на распутье? А. В. Луначарский писал, что иногда идейные влияния овладевают личностью попеременно, и тогда перед нами тип отступника, оборотня; в другом же случае они соединяются в нем одновременно — тогда перед нами скептик. Не допустить такой душевной хрупкости, по сути пустоты души, — в этом мы усматриваем основу идейной стойкости, моральной цельности. Превратить идеи в убеждения — это прежде всего знать душу подростка, быть человековедом. Чем глубже идея, которую нужно раскрыть на уроке, тем настоятельней ощущал я, готовясь к уроку, необходимость мысленно видеть тех, к кому я обращаю свое слово.

Если бы я не знал, кто будет передо мной на уроке, чем живут сейчас Коля и Тина, Голя и Валя, я бы обращался к абстрактному ученику. Осмысливая идеи, которые нужно раскрыть на уроке, я думал прежде всего о душе каждого своего воспитанника. Слова идей надо было оживить, наполнить живым трепетом сердца и мысли. Слияние политической идеи с личностью, воплощение идеи в ее душевных порывах, мыслях, стремлениях воспитателя — это и есть то огромное, ничем не заменимое влияние человека на человека, в котором — только в нем и ни в чем больше — может раскрыться могучая сила знаний, убежденность коммунистических идей. Идеи живут только в убеждениях, в душе человека, и влиять идеями на душу воспитанника — это значит влиять на человека.

С познания истины воспитание только начинается. Суть процесса морального воспитания состоит в том, что моральные, политические идеи становятся достоянием каждого воспитанника, превращаются в нормы и правила поведения. Этот процесс возможен только при многогранной духовной деятельности, без которой нет устремления к идеалу, нет живой человеческой личности.

Духовная жизнь — это сложная вещь. Ее нельзя представлять упрощенно: если подросток своими руками делает что-то полезное, необходимое обществу, то, мол, формирование необходимых чувств и устремлений в его сердце совершается автоматически. Никогда не забуду события,

произошедшего в первое десятилетие моей педагогической деятельности. Пять мальчиков-шестиклассников несли воду, чтобы полить у одной бабушки капусту (кстати, нехорошие убеждения порой формируются у подростка: «шефствуя» над капустой, он считает, что «шефствует» над человеком). Встретили на дороге старика. Они хорошо знали его: старик плохо видел, палкой пробовал дорогу перед собой. И вот мальчикам захотелось развлечься: там, где должен был пройти старик, они вылили воду, а сами спрятались за кустами. Старик забрел в лужу, и это рассмешило подростков. Насмеявшись, они вернулись к колодцу, набрали в ведра воды, пошли поливать капусту бабушки. Подростки шли делать доброе дело, они как будто и сделали его, но какова цена добра, если оно не одухотворяется благородными побуждениями? Человек становится моральным калекой, если творение добра для него точно такое же задание, как выучить урок, если не познает он ни разу в годы своего детства и отрочества, что такое добро по велению сердца. У таких мальчиков, как эти шестиклассники, все случайно — и добро, и зло. Трудно предвидеть, что сделает такой подросток, выйдя из дома на улицу: благородный поступок или попадет в милицию за нарушение норм общежития или за преступление.

Духовная деятельность — это активные усилия личности, которые прилагаются, чтобы наши политические, моральные, эстетические идеи, взгляды, убеждения, идеалы стали богатством личности, внутренними ценностями человека. Духовная деятельность — это не какие-то оторванные от повседневного труда самоуглубление и самоанализ. Это творческий труд, кипучая общественная деятельность, одухотворенная благородной целью. Духовная деятельность — это отражение общественных отношений, включая труд, во внутреннем мире человека, в его пристрастиях и устремлениях, в его желаниях. Повторяю: в желаниях. Настоящим человеком становится только тот, у кого в душе возникают, утверждаются благородные желания, которые стимулируют поведение, порождают страсти и поступки, в которых человек опять-таки утверждается, в которых рождаются новые желания. Этот сложный процесс и является тем, что мы в практике воспитания называем идейной жизнью личности. Идеи делаются святыми и нерушимыми не тогда, когда они запоминаются, а тогда, когда жив в ут в живом трепете мысли и чувства, в сози-

дании, поступках. Если же этого нет, если, воспринимая идеи, подросток не думает сам о себе, не переживает своих поступков, своего поведения как живого воплощения идей, образуется пустота души, случайность добра и зла в поведении. Как можно больше поступков, побуждаемых благородными желаниями, стремлениями личности к моральному идеалу, — вот одно из золотых правил воспитания подростков.

Как же воспитать юную душу, как добиться, чтобы мать и отец не боялись за подростка: выйдет за порог — не попадет ли в беду, встретившись с дурной компанией?.. Как утвердить в юной душе иммунитет против зла, чтобы встреча со злом на жизненном пути не калечила, а духовно закаляла ее? Как, преподавая суть моральных, политических идей, давая знания, в то же время разговаривать с человеком, обращаясь непосредственно к его совести?

Готовясь к урокам литературы, истории, воспитательной беседе о человеке и человеческом, я всегда ставлю перед собой цель добиваться, чтобы подростки думали о себе, измеряя себя высшей мерой морального достоинства — коммунистическими идеями. А для этого я стараюсь пробудить в юном сердце восхищение нравственной красотой, удивление перед моральным подвигом, ненависть к врагам Советской Родины. Последнее чрезвычайно важно, потому что ненависть к злу учит любить добро. Моральные, политические идеи — это не абстрактные истины и мертвые принципы. Это плоть и кровь живых людей, трепетное биение горячих сердец, счастье жизни человека во имя блага человечества, радости и страдания, взлеты и падения. С подростками нельзя разговаривать, нельзя дойти до их души, если в ваших словах они не почувствуют живого воплощения человеческих страстей и устремлений, борьбы и побед. Я всегда стараюсь нарисовать в воображении подростков такой яркий образ живого человека, который стал для человечества вечным воплощением моральной красоты, чтобы он осветил юное сердце, проник в сокровеннейшие его уголки, заставил юные сердца биться быстрее, чтобы, переживая верность коммунистическим убеждениям, человек ощущал личную гражданскую гордость.

Не обязательно говорить подросткам: будьте и вы такими же стойкими, непреклонными, отважными, мужест-

венными, нравственно красивыми людьми. Пусть подросток забудет, что сейчас — урок или воспитательная беседа; пусть он не думает о том, что учитель пришел воспитывать его, — подростки не любят дидактизма, очень осторожно, критически относятся к параллелям: вот при каких обстоятельствах действовал герой и вот при каких обстоятельствах живете вы. К о л ю ч к и такой настороженности я нередко видел в глазах Толи. Нужно было каждый раз прилагать большие усилия, чтобы подросток забыл, что его пришли воспитывать. Я с большим волнением ждал момента, когда в настороженных, недоверчивых глазах этого сложного (ой какого сложного!..) мальчика исчезнут к о л ю ч к и. Они исчезали тогда, когда нравственная красота овладевала юным сердцем и подросток видел сам себя, смотрел на себя глазами настоящего человека. Наверно, он забывал, что я учитель, как раз в тот момент, когда я забывал, что он ученик, когда я передавал ему не просто знания, а волнения своей души. Я становился для Толи единомышленником, мы жили в мире идей. В такие минуты рождаются убеждения, рождается и утверждается вера в творческие силы. Если воспитанник и учитель ощущают себя единомышленниками, если, открывая мир идей, они сами становятся властителями этого мира, выбирая свою баррикаду, выбирая свою позицию на баррикаде, — вот в такие минуты и совершается та сложная духовная деятельность, о которой я говорил. Совершается настоящее самовоспитание. Формируется духовная готовность к единоборству с идейным противником, с которым возможна встреча в жизни каждого воспитанника.

Стремление к нравственной красоте, величественному и героическому — одна из важнейших граней души подростка. Одухотворенный чувством удивления перед нравственной красотой, Толя думает: «А я — что я за человек?» Пусть эту мысль подросток бережет в себе как самое дорогое, пусть никогда не угаснет перед его глазами факел нравственной красоты: видение же этой красоты является тем свежим ветром, который надувает паруса идейности. Не ищите сразу же параллелей между поступками и поведением того, кто должен стать идеалом для юного сердца, и подростком. Эти поиски могут привести вас к результатам, совершенно противоположным ожидаемым. Сергей Лазо и Александр Ульянов жили не в тех условиях, в каких живут Толя и Коля. Подросткам нужно искать свои пути

самовыражения и самоутверждения. Если бы я попробовал искать в повседневной жизни Толи что-то необходимое для такой же твердости духа, которую проявил идеальный человек, Толя сразу насторожился бы, из глубины его сознания показались бы колючки настороженности и недоверия, он стал бы сравнивать героическую борьбу со своей будничной жизнью, и это сравнение могло бы привести его к выводу: сейчас не те времена.

Я побаивался этих сравнений вовсе не потому, что хотел оторвать подростков от реальной жизни и заставить их витать в облаках. Нет, я боялся искусственности, неубедительности. Меня заботило то, чтобы одухотворенность высоким, героическим, вера в моральный идеал, сливаясь с верой в самого себя, нашли свое применение в жизни подростка, в его взаимоотношениях с людьми.

Раскрывая величие моральных, политических идей, я как огня боялся, чтобы даже между строками моего рассказа подростки не прочитали укора: настоящие люди делают вот как, а вы совсем по-другому... Даже намек на это ведет к тому, что духовная деятельность, без которой невозможно формирование идеала, останавливается; в юном сердце рождается неверие в собственные силы, возникает страшная немощь души — ощущение собственной никчемности, бесплодности усилий, направленных на самовоспитание, недоступность идеала. Но юное существо никогда не примирится с мыслью о собственной никчемности. Подросток протестует — протестует внутренне, всеми силами своей души: он перестает верить в то, что вы говорите ему; все высокое, идеальное вы можете сбросить с пьедестала героического. Так, бывает, рождается цинизм. Духовное богатство немыслимо без чувства собственного достоинства. Яркий образ идеальной жизни, красоты, морального подвига должен не ослеплять подростка, а освещать ему путь, высвечивать все доброе и все дурное в его собственном сердце. Именно это нужно делать — освещать юному сердцу путь к идеалу, а не копать руками в сердце, не «выворачивать» его.

Красота сама собой влияет на душу и не требует разъяснения. Мы любимся цветком розы как единым целым, и красота была бы разрушена, если бы мы отрывали от цветка лепестки и анализировали, в чем состоит сущность красоты. Не нужно объяснять подростку то, что ясно само собою. Пусть воображение перенесет его в ту обстановку,

в которой жил и боролся герой, образ которого пленил душу.

Идея становится убеждением тогда, когда она добыта из лавины фактов и вещей диалектическим мышлением. Я часто стремился к тому, чтобы держать класс в состоянии спора. Это очень сложная и тонкая сфера педагогического мастерства. Состояние спора создается благодаря тому, что подростки, мысленно оглядывая, анализируя факты, словно бы отдаляются от фактов и видят проблему. В этой ситуации есть «за» и «против». Подросток с интересом исследует противоречия и определяет свою точку зрения. Он не беспристрастный «усваивающий знания», а борец. Я видел свою воспитательную задачу в том, чтобы повернуть факты острейшей их стороной — в этом суть проблемной ситуации. Проблемность эмоционально обогащает мышление: подростку не безразлична глубинная связь фактов и их взаимосвязь. Давно минувшие события воспринимаются и переживаются им как современность; литературный персонаж становится для него единомышленником или же идейным противником.

Знать, чем живет подросток, уметь настроиться на звучание музыки его души — это великое искусство воспитания, доступное, если своим сердцем чувствуешь биение сердца другого человека. Не утешайте себя надеждой, что, создав на уроке или в воспитательной беседе образ нравственной красоты и величия, вы пленили ум и душу подростка, заставили его задуматься над собственной судьбой, взглянуть на самого себя: что я за человек, то благодаря этому уже и утвердилось в юном сердце то, что вам нужно утвердить. Это лишь начало той многогранной внутренней работы ума и сердца, в которой рождается идейная убежденность человека. Это словно духовный заряд, который вы даете воспитаннику: он пока что только заряд, но он уже могучий, от силы его зависит вся дальнейшая духовная деятельность подростка. Превращение идей в убеждения зависит от силы, мощности этого духовного заряда и в то же время от того, что делает подросток, на что направляются его чувства.

Нельзя забывать, что подросток не всегда в коллективе и вы, воспитатель, не всегда с ним. Часто он бывает наедине с собой. Очень важно, чтобы, оставшись в одиночестве, он захотел подумать, помечтать, нарисовать в своем воображении величественную картину красивого, героического,

представить себя в сложных обстоятельствах борьбы за торжество добра. Без таких минут и часов нет человеческой личности, нет благородного порыва юного сердца к моральному идеалу. Это не любованье самим собой, не эгоистическое обособление от коллектива. Это этап индивидуальной духовной деятельности, этап самовоспитания, утверждение в собственных убеждениях. Я всегда заботился о том, чтобы дать каждому подростку сильный заряд для индивидуальной духовной деятельности — для строгого, требовательного взгляда на самого себя, для измерения себя высшей мерой — мерой коммунистических принципов. Меня очень порадовал рассказ матери Володи о том, что четырнадцатилетний подросток часто сидит над книгой задумчивый, сосредоточенный, словно встревоженный чем-то. Я советовал матери: «Не нарушайте этого состояния. Не говорите сыну: «Пойди к товарищам, развежь свою печаль». Это самовоспитание, это действие духовного заряда, полученного в школе».

Еще раз нужно предостеречь от неточного понимания того, что я называю индивидуальной духовной деятельностью. Это не оторванные от жизни мечты, не бесплодный полет фантазии. Это прежде всего мысль о том, чем живет человек, что его волнует, тревожит. Это размышления и мечты о своей работе, о том, что уже достигнуто и чего нужно достичь. Если нет полнокровной, идейно богатой жизни, труда, благородных моральных отношений в коллективе, то не может быть и полноценной личной духовной деятельности, направленной на самооценку и самовоспитание.

Одна из тончайших граней мастерства воспитания подростков состоит в том, чтобы огонек, зажженный воспитателем, не угасал, когда воспитанник остается один на один с самим собой. Я стремился, чтобы подросток зачитывался книгой о жизни и борьбе выдающегося человека, который воплотил в себе моральное величие и красоту. Чтение и перечитывание сильной, зажигающей книги я считаю одним из богатейших периодов духовной деятельности личности.

Воспитательная сила коллектива, целительная сила труда — все это азбучные истины воспитания, но они не поднимаются выше азбуки, если нет внутренней индивидуальной духовной деятельности, в которой формируется идеал. Моральный идеал — это и общественное, и вместе с

тем глубоко сердечное дело: это преломление политических, моральных, эстетических принципов в личном.

Убеждения по самой своей природе не могут быть бездейственным духовным богатством. Они живут, крепнут, оттачиваются только при активной деятельности. Человек в чем-то убеждается только тогда, когда он утверждает в себе принципы, за которые готов бороться, которыми не поступится ни при каких обстоятельствах. Тут вновь следует вернуться к духовной борьбе. Трудом, взаимоотношениями в коллективе каждый подросток должен что-то доказывать, отстаивать, чтобы вместе с истиной оттачивалось и собственное достоинство, честь. Это и есть духовная борьба. Одухотворять деятельность познавательной или моральной идеей — в этом смысл того возвышения, возвеличивания человека, без которого невозможно самоутверждение в годы отрочества. Помочь каждому подростку найти поле для духовной борьбы — в этом я видел одну из граней индивидуального подхода. Чаще же всего сферой духовной борьбы становился труд.

Если бы каждый подросток не прошел через эту школу самовоспитания, ни о каком формировании духовного облика личности не могло бы быть и речи. Когда идеи живут в труде, тогда и человек живет трудом.

Но духовная борьба выражается не только в труде. Подростки собирались на свои вечера Юных мыслителей. Это были жаркие споры об истине, одухотворенное желание узнать, убедиться, открыть истину и утвердиться в чем-то святом и нерушимом. Споры Юных мыслителей превратились бы в оторванные от жизни мечты, если бы не было труда, озаренного благородными идеями. Если человек утверждает себя в убеждениях трудом, преодолением трудностей, которое требует напряжения всех физических и духовных сил, то мир мыслей становится для него тоже сферой острой борьбы и самоутверждения. Мыслями, убеждениями дорожит только тот, кто постиг на собственном опыте борьбу за достижение победы в труде, в созидании.

Вечера Юных мыслителей проводили пионерская и комсомольская организации. Пионерская организация — это организация прежде всего политико-воспитательная. Двенадцати-четырнадцатилетним подросткам доступен мир идей, мыслей. Самодеятельность пионеров нельзя ограничивать туристскими походами, экскурсиями, тимуровскими командами, собиранием металлолома. Труд старших

пионеров должен связываться с мыслью, идеей, политическим образованием, овладением научными и политическими знаниями. Когда у нас начались вечера Юных мыслителей, в атмосфере полнокровной духовной жизни коллектива всегда билась живая, пытливая мысль. Вместе с комитетом комсомола мы внимательно прислушивались к тому, что волнует подростков, назначали тему предстоящего спора. Все это делалось, конечно, незаметно для подростков. Вмешательство в их духовную жизнь состояло в том, что мы, преподаватели основ наук, разжигали страсти, вступали в спор, и наши воспитанники ощущали потребность в том, чтобы выразить свои мысли, сомнения, раздумья.

Один из споров Юных мыслителей был посвящен проблеме: «Можно, нельзя, нужно». Это был, по существу, спор по вопросу, который всегда волнует подростков и юношество: о человеке и обществе, о долге и свободе, о взаимоотношениях личности и коллектива. Подходя разными путями к пониманию истины, подростки жаждали утвердить свою правоту, отстаивали свои взгляды. Высказывались не только верные, но и ошибочные мысли; и то обстоятельство, что ошибки опровергались в горячем споре, делали истину с в о е ю, дорогой. Мы, учителя, были такими же участниками дискуссии, как и наши воспитанники. Тут не принималось во внимание то, что мы — воспитатели, а наши юные друзья — школьники. Мы были равноправны; и главным доказательством истинности того или иного нашего утверждения был не наш авторитет воспитателей, а наши знания, эрудиция, кругозор. Но именно в споре, когда подростки забывали о том, что мы воспитатели, и утверждался наш авторитет воспитателей.

Прошли годы со времени первого вечера Юных мыслителей. Споры по вопросам мировоззрения твердо вошли в духовную жизнь подростков. Опыт убедил: если мы хотим найти путь к сердцу подростка, если хотим, чтобы он раскрыл перед нами свою душу, нужно увлечь его спором об истинах, которые волнуют его. Подросток лучше всего расскажет вам о себе в споре по вопросам, которые на первый взгляд не касаются его лично. Никогда не забуду двух вечеров Юных мыслителей, посвященных добру и злу. Миша, Толя взволнованно говорили о добром и дурном в человеческих душах вообще, но в словах их читались размышления о самих себе, тревожные сомнения: а всегда ли

добро побеждает зло? Что делать, если на твоих глазах торжествует зло? Почему кое-кто из людей старшего поколения не хочет вмешиваться в острые, иногда неприятные сложности жизни? Сначала они говорили об этом намеками, а потом откровенно рассказали о фактах, которые поразили, встревожили нас. Катя, Варя, Лариса, Зина по-разному высказали мысль о том, что человек счастлив лишь тогда, когда делает добро для других людей. Девочки, по существу, рассказали о счастье своих семей, о дружбе, взаимопомощи, которые господствуют в отношениях между родителями. Если истину подросток взял из жизни, она приобретает яркую эмоциональную окраску и потому становится убедительней. Искатели правды и добра Миша, Толя и другие подростки с волнением прислушивались к словам своих товарищей. На наших глазах совершалось становление истины. Наше участие в спорах часто состояло в том, что мы, ни одного слова не говоря о самих себе, по существу, рассказывали о своем житейском опыте. Благодаря этому слово воспитателя было сердечным, задушевным, эмоционально насыщенным.

Вечера Юных мыслителей открыли нам важную закономерность воспитания: моральная истина становится приобретением личности только при том условии, если подросток «скрестил меч», откровенно выразил свои мысли не только для того, чтобы назвать вещи своими именами, но и для того, чтобы вступить в единоборство с ошибками товарищей. Это давало подросткам радость утверждения в истине.

Школу нельзя представлять в искусственно созданной обстановке идеологической стерильности. Вокруг подростков кипит сложная и противоречивая жизнь: часто они оказываются на перекрестке идейных влияний. Нужно не укрывать от чужих идейных влияний, а сталкивать с ними, понуждать пытлившую мысль к самостоятельному анализу жизненных явлений и ситуаций. Чтобы «перевести» знания в убеждения, нужно, образно говоря, подвести подростка к бурной реке, научить его плавать и вместе с ним плыть через быстрину. Ступив на твердый берег, юный гражданин почувствует себя настоящим борцом. В. И. Ленин учит, что идеи марксизма должны быть не чем-то заученным, а «тем, что вами продумано»¹⁵. Мысль же человеческая никогда не идет к истине прямым путем. Мы никогда не уклонялись от острых вопросов, которые зада-

вали наши воспитанники, от спорных и ошибочных суждений. Наоборот, мы были очень рады, что подростки идут к нам с открытой душой. Ошибки рассеиваются в диалектической борьбе истины с неправильными взглядами и утверждениями.

Наши подростки посвящали свои вечера Юных мыслителей таким вопросам и проблемам: «Родина без тебя обойтись может, ты же без Родины — ничто», «Как утвердить в себе стойкие коммунистические убеждения?», «Истина только тогда истина, когда она для людей» (Гёте), «Правда всегда торжествует, но ей нужно решительно помогать» (Юлиус Фучик), «Что мы получаем от общества и что даем обществу», «Как нужно учиться, чтобы переживать радость познания?», «Нужно ли современному человеку знать далекое прошлое?», «Вы встретились с разумным существом далекого звездного мира... Что земное вы с радостью раскрыли бы перед ним и что старались бы пока скрыть?», «Чем гордится человечество и в чем его беда и позор?», «Личность и человечество. Как оставить после себя добрый след на Земле?», «Как быть счастливым и творить счастье для других?», «Как воспитывать в себе мужество?», «Что такое добро и зло?». Вечера Юных мыслителей стали тем мостиком, который соединял окружающий мир и жизненный опыт наших воспитанников с моральными идеями, знаниями. Благодаря тому, что каждый подросток раскрывал себя как думающая и ищущая личность, нам удалось одухотворить интеллектуальную жизнь, сделать овладение обязательными знаниями делом интересным и захватывающим. Между вечерами Юных мыслителей и уроком установилась тесная двусторонняя связь: на уроках зажигались первые огоньки пытливости, желание знать; споры об истине приводили подростков к убеждению в том, насколько широкий и многоплановый мир знаний.

Коротко остановлюсь на важнейшей идее, которая играет решающую роль в моральном воспитании. Главнейшая задача школы — воспитать патриотов, безгранично преданных социалистической Родине, идеям коммунизма, идеалам трудового народа.

Мы стремились, чтобы у каждого подростка формировалось личное отношение к Родине: желание, духовный порыв утвердить ее достоинство, величие, честь, славу, могущество. Познавая идею Родины, переживая

чувство любви, благодарности, восторженности, тревоги, заботы об ее нынешнем и будущем, непримиримости к ее врагам и готовности отдать за нее жизнь (честная, благородная, свободная жизнь невозможна без полной отдачи всего себя Родине), человек в подростковом возрасте познает себя, утверждает свое достоинство.

Многолетний опыт школьного воспитания приводит к убеждению: сила и эффективность патриотического воспитания определяется тем, как глубоко идея Родины овладевает личностью, насколько ярко видит человек мир и самого себя глазами патриота. Воспитать патриота, готового отдать жизнь за независимость Советской Родины,— это значит наполнить повседневную жизнь подростка благородными чувствами, которые окрашивали бы все, что человек в этом возрасте познает и делает.

В книге «Сердце отдаю детям» я уже рассказывал о «путешествиях» детей по карте Родины. Эти путешествия продолжались и в подростковом возрасте. С каждым новым «путешествием» в прошлое и современное Родины дети будто бы все больше отдалялись от конкретных фактов, образов и задумывались над тем, что Родина для человека и самая дорогая и самая святая, без Родины человек перестает быть личностью, теряет себя. Подростки стали видеть Советскую Родину как единое целое, ее безграничные пространства, богатства, величественное прошлое и героическое сегодня, ее социалистический строй и строительство коммунизма.

Для каждого «путешествия» я готовил беседу, в которой от прошлого тянулись нити к современности. Я заботился о том, чтобы подростки охватывали мысленным взглядом пространство и время, потому что это одно из важнейших условий формирования идеи Родины и познание ее величия умом и сердцем. Это достигается, в частности, тем, что во время одной беседы, охватывая целые столетия и огромнейшие пространства, на которых происходили исторические события, я открывал воспитанникам какую-то одну грань патриотизма: например, непримиримость к захватчикам, готовность отдать жизнь за свободу и независимость.

В подростковом возрасте очень важно, чтобы мир, который человек охватывает своим мысленным взором, не был узким, домашним. Чем дальше и больше видит подросток, чем больше мыслей, чувств возникает, возбуждает

в нем то далекое, с которым он непосредственно не сталкивается в повседневной жизни, тем тоньше, внимательней и чувствительней у него гражданское видение своего села, своего труда, своих товарищей, родных и близких и самого себя. Если подростка взволновало то, что происходит где-то у подножия высокого Памира, то его взволнует и то, что он видит в родном селе.

Я с радостью убеждался, что, одухотворенные величественной идеей Родины, мои воспитанники принимали близко к сердцу все, что совершалось на их глазах, замечали то, что не замечали прежде: их патриотическое видение мира — не умирление, а гражданская тревога, гражданское беспокойство. Возвращаясь однажды из леса, где мы мысленно осуществляли одно из далеких «путешествий», подростки увидели то, на что равнодушно смотрели не раз: овраг «сожрал» несколько гектаров плодородной земли. С каждым годом он отрывал от плодородного поля все больший участок чернозема. «Так все поля могут превратиться в овраги», — с тревогой сказал Ваня. Подростки в раздумье остановились у оврага. Они видели родную землю глазами патриотов: видели не только хорошее, не только процветание и могущество, но и наше горе. С видения этой стороны окружающего мира как раз и начинается чувство долга.

Человек, который не пережил трепетного волнения, осознавая и ощущая величественную идею Родины, не может видеть частицу своей Отчизны в родном селе, в родном городе, он не чувствует горячей потребности сделать что-то для возвеличивания Родины. Меня радовало, что у моих воспитанников уже есть духовный заряд для такого труда. Пятиклассники горячо взялись за работу, и на нее ушел не один год. Они обсадили овраг деревьями, старательно ухаживали за ними. Разрушение поля остановилось, когда овраг зарос дубками и ясенями.

При оценке воспитательного значения той или иной работы наш коллектив прежде всего учитывал, в чем состоит гражданское начало трудовой деятельности. Мы видели действенность морального воспитания в том, чтобы во все годы отрочества, а потом ранней юности желание человека видеть свою Отчизну могучей, прекрасной, счастливой выражалось в труде, который имеет ярко выраженное гражданское направление. Только в этом источник формирования патриотического долга. Человек

чувствует, что он должен сделать только тогда, когда у него есть гражданские желания, влечения, устремления. Чем ярче гражданские желания выражаются в годы отрочества, тем благороднее все желания в зрелом возрасте.

Именно в годы отрочества нужно, по словам В. Г. Белинского, допрашивать и спрашивать прошлое, чтобы оно помогло понять современное и заглянуть в будущее. Историческая образованность — важнейшая ступень на пути к моральному самовоспитанию. Никогда человек не переживает так глубоко чувства долга перед Родиной, как в те часы размышлений над судьбой Отчизны, когда он сам мысленно повторяет путь, пройденный своим народом, видит и ощущает себя как частицу народа. Историческая библиотека в Компате мысли была источником, к которому подростки приходили, чтобы подумать и попереживать.

Каждый подросток познавал Родину в процессе самостоятельного чтения. Я убедился, никогда с такой силой и глубиной не переживается чувство принадлежности к великому и героическому прошлому своего народа, никогда так горячо не бьется сердце при мысли о том, что я — сын Отчизны, как в годы отрочества и ранней юности. Никогда с такой болью не сжимается сердце от мрачных, трагических страниц истории родного народа, как в подростковом и юношеском возрасте. Годы отрочества и ранней юности были для моих воспитанников годами пытливого и пристрастного путешествия по векам и десятилетиям прошлого нашего народа. Для исторической библиотеки я подбирал литературу, главной идеей которой было то, что я вижу сейчас перед собою, то, что предстает перед мысленным взором как родная земля, — это не только среда, в которой я живу, но и завещание предков. Каждый квадратный метр родной земли полит кровью борцов за освобождение человека от гнета эксплуатации, за честь, свободу и независимость Родины. Возможно, мои предки неясно представляли образ того будущего, за которое они отдали жизнь, но их мечта о торжестве добра и справедливости — это мое современное. Я прежде всего должник — должник поколений, которые создали богатства родной земли, завоевали, отстаивали, выстрадали мое сегодняшнее счастье.

В осмыслении и переживании этих идей как раз и раскрываются перед подростками те тысячи нитей, которыми связано прошлое с современным. Чувство долга —

это голос совести, это глубоко личное отношение человека к своему обществу, народу. Мы, старшие поколения, даем подрастающему поколению неисчислимы материальные и духовные богатства, заботясь о его счастье. Но счастливым человек делается только тогда, когда он понимает и чувствует сердцем, почему он счастлив, знает и переживает источники своего счастья. Познание и переживание счастья свободного труда в социалистическом обществе — основа моральной ценности человеческой личности — формируется в подростковом возрасте. Я видел, как в глубине сознания, в юной душе совершались сложные процессы: постепенно, шаг за шагом каждый подросток по-своему умом и душой познавал счастье своей жизни — счастье того, что он свободен от забот о завтрашнем куске хлеба, что он приобщается к духовным богатствам человечества, что ему доставляет наслаждение и радость красота окружающего мира, что он может мечтать о счастье и сознательно строить его.

В период от 13 до 15 лет я раскрывал перед подростками ярчайшие страницы героической истории нашей Советской Родины. Мальчики и девочки читали книги о революции, гражданской и Великой Отечественной войнах. Они ощущали дыхание истории: на глазах матерей еще не высохли слезы; еще не найдены могилы многих героев, не наказаны еще многие преступники-фашисты, которые мучили, терзали тело и душу Советской Родины, предатели, которые продали землю предков и стали холопами врага. Я заботился о том, чтобы каждый подросток, поднявшись на эту вершину истории нашего народа, осмыслил и пережил, что нам угрожало и что отстояли старшие поколения, еще глубже проникся чувством долга. В отрочестве мои воспитанники собирали материалы об участии наших односельчан в Великой Отечественной войне. Мальчики и девочки приносили как бесценные сокровища доверенные им пожелтевшие фотокарточки героев — своих соседей, родных и близких. Они изготовили большие портреты героев и поставили их в одной комнате, которую назвали Пантеоном Славы. Тут сберегали все материалы о Великой Отечественной войне. На почетном месте стояли портреты родителей моих воспитанников, которые погибли на фронтах. Пионерский, а потом комсомольский отряд юных следопытов был одухотворен поисками героического. Как драгоценные капли сберегались и записывались и расска-

зы участников боев за освобождение Родины от фашистских захватчиков.

В этот период, когда познавалось и переживалось счастье творческого труда, особенно важен в воспитании подростков был труд для Родины. Подростки чувствовали глубокий гражданский смысл простых, будничных дел, которыми были увлечены. На пустыре, где даже бурьян не рос — почва была непригодной, — они заложили Сад для Людей. Мы строили новое помещение для школы, оберегали лес, посаженный в детстве, выращивали семена зерновых культур. Эта работа требовала напряжения духовных и физических сил. Одухотворение труда высокими целями стало своеобразной духовной закалкой подростков. Они чувствовали себя гражданами.

Чем больше сделал подросток, чем больше личных духовных и физических сил вложил он в то, чтобы родная земля стала богаче, тем более чутким становилось патристическое видение мира.

ЧЕЛОВЕК И КОЛЛЕКТИВ

Познавая тончайшие оттенки человеческого, подросток делается очень требовательным к человеку. Качества, которые бы он хотел видеть в других людях, особенно в своих родителях, товарищах, близких, являются, можно сказать, глубинными, они незаметны на первый взгляд. Чуткая душа и пытливая мысль подростка замечают эти качества, дают им строгую и беспристрастную оценку. Трудно найти что-либо важнее для воспитания веры в добро и желания быть лучше, нежели то, чтобы моральные качества людей, окружающих подростков, отвечали принципам, нормам, идеалам, которые раскрываются перед ними. Слово «коллектив» для нас означает и школьный коллектив, и домашнее окружение, и тружеников, с которыми человек работает на производстве; это все, с кем подросток вступает в разнообразные отношения.

Коллектив — это не какая-то безликая масса. Он существует как богатство индивидуальностей. И если воспитатель надеется, что воспитывающая сила коллектива прежде всего в организационных зависимостях, в подчинении и руководстве, его надежды не оправдаются. Воспитывающая сила коллектива начинается с того, что есть в каждом отдельном человеке, какие духовные богатства

имеет каждый человек, что он привносит в коллектив, что дает другим, что от него берут люди. Но богатство каждой личности — это только основа полноценной, содержательной жизни коллектива. Коллектив становится воспитывающей силой при наличии такой совместной деятельности, в которой раскрывается высокая идейная одухотворенность труда благородными моральными целями.

Отрочество знаменательно тем, что человек не только открывает человека (это характерно и для детства), но и ищет человека. В хорошем коллективе, деятельность которого одухотворена высокими моральными, общественными целями, человек словно в зеркале видит себя, чувствует свои положительные и отрицательные черты. Без коллективного одухотворения благородным трудом невозможно утвердить желание быть лучше, совершенствовать себя. Самовоспитание как глубоко индивидуальный процесс — это та грань духовной жизни личности, которая открывается только тогда, когда человек, ощущая на себе благотворное влияние высокоморальных отношений, прилагает духовные усилия, чтобы стать лучше. И чем значительнее эти личные усилия, тем богаче, духовно насыщенной, идейно полнокровнее становится жизнь коллектива.

Почему нередко в практике школьного воспитания бывает так: в детские годы класс был хорошим коллективом, а в годы отрочества он буквально распадается? Потому что, открыв в детские годы в каждом из своих ровесников все, что можно было открыть, подросток не находит теперь ничего нового, не видит того, что требовательно и пытливо ищет его душа. А не находит потому, что жизнь коллектива не обогащается содержательной, идейно насыщенной деятельностью. Забота о воспитательной силе коллектива — это забота о духовном обогащении и росте каждого члена коллектива, о богатстве отношений. Коллектив привлекает к себе подростка, когда последний находит там интересных, духовно развитых, идейно богатых и разных людей. Я всегда стремился, чтобы каждый подросток что-то отдавал своим товарищам, чем-то обогащал жизнь коллектива. Чтобы поиски человека удовлетворялись коллективистскими отношениями, подросток должен находить в своих товарищах то, к чему он стремится (в условиях правильно поставленного воспитания): ум, одухотворенность трудом, творчество, благородные моральные каче-

ства. В отрочестве пополнение индивидуальных богатств чем дальше, тем больше зависит от личной духовной жизни каждого подростка. Вот почему предметом большой заботы коллектива преподавателей подростковых классов является то, чтобы у каждого из нас были свои воспитанники: у филолога и историка — свои, у биолога — свои, у математика — свои. Открывать индивидуальность — это значит не только добиваться, чтобы уроки по одному предмету человек учил прилежнее, чем по другим. Мы старались открыть в человеке ту его творческую жилку, которая возбудила бы интерес к целой области знаний, зажгла интеллектуальные чувства, нашла свое проявление в моральных отношениях. Особенно большую роль в этом играют интеллектуальные чувства: если подросток одухотворен, вдохновлен мыслями о любимом деле, он жаждет передать свои знания, свою увлеченность другим, а это великий стимул духовной жизни коллектива.

В коллективе наших подростков всегда бурлила интересная, многогранная интеллектуальная жизнь. Начиная с шестого класса подростки проводили утренники, а потом и вечера научных знаний, литературного творчества, художественного чтения. Самим себе и своим младшим товарищам подростки отдавали свои интеллектуальные богатства, у старших — брали. К шестиклассникам приходит, например, комсомолец, ученик десятого класса. Он рассказывает о далеких звездных мирах. Он увлечен этим предметом, и его слушают с большим вниманием. Через несколько дней приходит девятиклассник, увлеченный математикой, он показывает решение интересных задач. Потом восьмиклассник читает стихи о родной природе... Наступает время, когда и мои воспитанники (это впервые было в конце шестого года обучения) выступают с докладами перед учениками четвертого класса. Эти доклады — небольшие интересные рассказы о жизни растений и животных, о явлениях природы, о подвигах героев.

Взаимный обмен духовными богатствами становится одной из черт жизни коллектива. Каждый что-то дает товарищам, каждый будто тайком от них готовит сюрприз. Когда мои воспитанники учились в седьмом классе, девочки преподнесли мальчикам как раз один из таких сюрпризов: написали рассказы о летних днях в «Солнечной дубраве». В этих рассказах давалась характеристика поведения каждого ученика. Рассказы вызвали большой инте-

рес. Старшеклассники попросили девочек прийти к ним и прочитать свои рассказы.

Начиная с пятого класса многие мои воспитанники стали маленькими воспитателями самых маленьких школьников — первоклассников. Мы, воспитатели, с большим интересом и волнением смотрели, как раскрывается новая страница в духовном развитии детей, которые уже сделали один шаг в отрочество. Настоящее воспитание начинается там, где человек чувствует себя уже не только воспитанником, но и ответственным за судьбу других людей. Ответственность человека за человека для жизни коллектива — это все равно что цементный раствор для строительства здания из кирпича: нет раствора — не построишь здание, нет ответственности человека за человека — нет и коллектива. Потому что ответственность человека за человека — это вершина высокодейного, творческого труда. Пятиклассники были вожатыми октябрят, руководителями детских кружков, пионерами-инструкторами, которые готовили своих младших товарищей к вступлению в организацию юных ленинцев. В шестом классе они стали проводить еженедельную политинформацию для младших школьников.

Личная дружба старшего с младшим раскрывает одну из благородных человеческих потребностей — потребность в человеке. Учась в пятом и шестом классах, подростки стали помогать своим маленьким друзьям в учебе. Все это утверждало чувство ответственности за человека. В дружбе подростков с детьми раскрывалось настоящее человеческое благородство, в труде воплощались те движения души, которые мы, воспитатели, старались вызвать всеми способами влияния на ум и сердце. Особенно большое значение мы придавали желанию видеть своего маленького друга лучшим, чем он есть. Помогая маленьким друзьям учиться писать, рисовать, читать, решать задачи, подростки стали принимать близко к сердцу все их радости и огорчения. Забота о другом человеке — лучшее средство самовоспитания. Чем глубже желание утвердить добро в другом, тем больше человек видит, понимает, ощущает хорошее и плохое в самом себе. Я считал очень важным для морального развития подростков то, что их дружба с другими людьми начинается с отдачи духовных богатств, потребность в человеке рождается с желанием найти для себя в другом человеке источник радости, отдавая что-то свое.

Другой линией развития потребности в человеке было зарождение дружбы мальчиков и девочек в своем коллективе. В пятом и особенно в шестом классах начали складываться отношения духовной общности, которые положили начало крепкой дружбе. В отдельных случаях в основе духовной общности были единые интересы, единая деятельность. Коля и Данько увлекались физикой; не один час провели они вместе в комнате Источники знаний и в Комнате мысли за интересными действующими моделями и книгами. Но единство творческих увлечений и деятельности вопреки моим ожиданиям редко бывало основой дружбы. В большинстве случаев друзьями становились подростки, которые увлекались разными видами творческой деятельности. Большими друзьями стали Ваня, влюбленный в биологию и растениеводство, и Сергейка, который любил математику и радиотехнику. Лариса и Толя, казалось, были далеки по своим увлечениям и творческой деятельности (девочка любила художественное творчество, рисовала и писала стихи; мальчика же все считали «сухим математиком»), но они стали большими друзьями.

Я убедился, что основой дружбы в подростковом возрасте, особенно в тринадцати-четырнадцатилетних, являются чаще духовные интересы и потребности, нежели увлечение тем или иным видом труда. Тонкое, часто трудноуловимое для нас, воспитателей, единство мыслей, интеллектуальных чувств, эстетических потребностей — вот что чаще всего становится основой дружбы. Многочисленные факты твердо убеждали в том, какое большое значение имеет в подростковом возрасте эмоционально-эстетическая сторона отношений: человека влечет к человеку потребность в сопереживании. И чем богаче, полнее духовная жизнь коллектива, тем более тонкие и крепкие нити связывают подростков отношениями дружбы.

Для меня большой радостью было то, что в преобладающем большинстве случаев основой духовной общности подростков становилось увлечение книгой и вообще интеллектуальными и эстетическими ценностями. Это способствовало глубокому взаимному проникновению во внутренний духовный мир друг друга. Постепенно углублялся, развивался взаимный интерес к духовному богатству, утверждалось чувство любви к человеку. Десятилетия работы с подростками убедили меня в том, что именно дружба является одной из сфер воспитания любви к человеку,

взаимного уважения, ощущения тончайших душевных движений в другом человеке.

Для такого периода творчества, когда в человеке рождаются мужчина и женщина, благородная основа дружбы чрезвычайно важна. Нас, воспитателей, очень радовало то, что друзьями становятся мальчики и девочки, что взаимная симпатия, в глубине которой лежит половое влечение, одухотворяется тонкими, высокими интересами.

Большое место в утверждении высокой потребности в человеке занимает дружба подростков со взрослыми. В подавляющем большинстве друзьями мальчиков и девочек стали отцы и матери. Годами нужно было готовить родителей к этому периоду духовного развития детей. Я советовал отцам и матерям: «С большим тактом и уважением относитесь к личности человека, в котором рождается мужчина или женщина; ваши взаимоотношения с подростками должны быть проникнуты духом равенства и в то же время духом уважения к жизненной мудрости старших; дорожите стремлением подростков к самостоятельности, не обижайте недоверием и подозрительностью и в то же время знайте все о своих детях, знайте без слежки и навязчивого контроля. Учите зрелости суждений и поведения, утверждайте важную моральную черту зрелости — чувство ответственности за свое поведение».

У подавляющего большинства матерей и отцов сложились хорошие дружеские отношения с детьми-подростками. Не нашли друзей в своих матерях только Толя, Тина и Коля. Без отца и матери рос Сашко. А между тем человек, в котором рождается гражданин и в то же время мужчина или женщина, не может жить без духовной близости с умудренным жизненным опытом человеком старшего поколения. Дружба со взрослым необходима подростку прежде всего как источник утверждения чувства собственного достоинства. Я знал подростков, которые были несчастны потому, что были одиноки; мир взрослых был для них недостижим и непонятен; о взрослых у них складывалось представление только на основе общения со слишком требовательными, суровыми, придирчивыми воспитателями. Большая педагогическая мудрость необходима для того, чтобы правильно ввести подростка в мир взрослых. Мы, учителя, стали друзьями своих воспитанников, лишенных счастья отцовской и материнской мудрости.

Уже в начальных классах моими друзьями стали Тина и Коля. Дружба с ними открыла мне очень много в удивительном мире отрочества. Я понял, что сердце подростка словно раскрывается перед вами, когда вы бережно, тонко, ласково прикасаетесь к нему, бережете его интимность. Чем ближе принимал я к сердцу радости и горе моих друзей, тем доверчивей открывали они мне свои тайны, тем чаще обращались ко мне за советом. Однако нужно уметь беречь секреты отрочества, не проявлять к ним излишнего интереса, не копаться в чужой душе. «Выворачивание» сердца подростка, стремление дознаться о нем то, в чем он и сам себе стыдится признаться, вмешательство в сферы глубоко личного — это яркие признаки педагогического бескультурья. Оно воздвигает стену между подростком и воспитателем. Чем больше подросток доверил вам, воспитателю, своих секретов и чем мудрее вы умеете беречь их, тем более мастерской является ваша игра на тончайших струнах души вашего воспитанника, тем глубже и преданней верит воспитанник в вашу человечность, тем больше жаждет он быть в ваших глазах хорошим.

Дружба с Тиной и Колей убедила меня: у человека в эти периоды бывают моменты, когда он настолько остро переживает чувство потребности в человеке, что, когда нет людской поддержки, сопереживания, утешения, помощи, сочувствия, это может привести к беде. Иногда для этой острой потребности в человеке бывают конкретные причины, но часто бывает и так, что будто ни с того ни с сего человек внезапно почувствует себя одиноким и ему хочется быть с тем, кто поймет и почувствует его переживания. Не раз бывало так: после занятий или в воскресенье вдруг приходит ко мне Коля или Тина. По тревожному взгляду, по другим едва уловимым признакам я чувствовал, что человек ощущает себя одиноким. В эти минуты нельзя спрашивать, в чем дело. Мы шли в сад, в поле — это были лучшие места, чтобы рассеялись смятение, печаль... Я рассказывал что-нибудь интересное, стараясь не связывать свой рассказ с настроением подростка. Бывало, мои слова не доходили до сознания подростка, ему вообще не нужны были слова, ему нужно было только быть рядом с другом — и все. Коля и Тина нередко открывали мне свои тайны.

Дружба с подростками помогла мне понять многие тонкости их своеобразной этики. Подростки презируют ябедничество, видят его иногда даже там, где есть чистосердечное желание товарища исправить ошибку. В воспитательной работе все это нужно учитывать. Мы всегда обращались к чувству собственного достоинства подростков: тот, кто допустил предосудительный поступок, пусть сам найдет в себе силу воли сказать об этом учителю или коллективу. Прятаться за спину товарищей — значит быть трусом и предателем. Сызмала мы приучали детей быть чистосердечными и откровенными. Тот, кто колебался — признаться или смолчать, чувствовал презрение товарищей, и это было самым страшным наказанием.

Дружба с подростками помогла нам, воспитателям, понять и то, что избавиться от списывания, подсказок, шпаргалок можно не суровыми запретами и наказаниями, а обращением к чувству собственного достоинства подростков. Подростки считали позором пользоваться трудом товарищей.

Суть многих трудностей отрочества состоит во взаимном непонимании и недоверии: взрослые не понимают духовного мира подростков, а подростки, не понимая взрослых, относятся к ним с настороженностью и предубежденностью, считая, что каждый шаг взрослых направлен к ограничению их самостоятельности. Я видел важную воспитательную задачу в том, чтобы подростки правильно понимали единство своей самостоятельности и долга перед другими людьми. Без друга-взрослого подросток не может понять ту истину, что независимость отрочества имеет свои разумные границы, а свобода немыслима без долга и ответственности. Никогда не забуду бесед с Колей и Тинной: без снисходительности и сюсюканья я говорил с ними как с равными о сложности и противоречивости жизни. Эти беседы, по существу, были моими рассказами о людских судьбах, о тонких и противоречивых отношениях взрослых со взрослыми, взрослых с детьми. Сердца моих воспитанников ускоренно билось при мысли о том, что самое дорогое в мире — это человек, его счастье, гармоническое единство его радостей и радостей тех, кто его окружает. Я твердо убежден, что каждый в этом бурном и нелегком возрасте ощущает потребность в этих человековедческих беседах.

Нас объединял и роднил также мир книг. Часто до позднего вечера я рассказывал о книгах, которые оставили вечный след в духовной жизни человечества. Эти рассказы одухотворяли юношеское желание ближе познать Спартака и Тиля Уленшпигеля, Вильгельма Телля и Рахметова, Дон-Кихота и Печорина, Павла Корчагина и Григория Мелехова, Овода и Зою Космодемьянскую. Полки моей библиотеки стали источником богатства духовной жизни Коли и Тины. На праздники, в день рождения они получали подарок — хорошую книгу. Это были счастливейшие минуты их жизни.

Без радостной, одухотворенной высокими идеалами, дружбы со взрослым невозможны, просто немыслимы духовно богатые отрочество и юность. Если среди ваших воспитанников есть люди, лишенные человеческого тепла и радости в семье, воспитать их настоящими людьми поможет только дружба со взрослыми. Но чтобы быть другом подростка, нужно глубоко знать его духовный мир, сердцем чувствовать и откликаться на тончайшие мысли, желания, тревоги.

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

«Во все времена и у всех народов педагоги ненавидели любовь»,¹⁶ — заметил как-то А. С. Макаренко в беседе с учителями. В этом шутливом замечании есть частица истины: некоторые учителя не понимают, что в старшем подростковом возрасте человек — это уже мужчина или женщина, и половое влечение становится закономерным явлением. Не учитывается и то, что подростковое и юношеское половое влечение окрашивается совсем не теми эмоциями, что влечение взрослых. В атмосфере богатой, полноценной духовной жизни интимная суть отношений мальчиков и девочек прикрыта идеальными, чистыми, благородными побуждениями и сближениями. Объективная основа их взаимного влечения — половой инстинкт, но мальчик и девочка были бы глубоко поражены, если бы им сказали об этом откровенно.

Подростки особенно остро переживают чувство нетерпимости к вмешательству взрослых в неприкосновенный мир чувств. Искусство уважать и понимать юношескую любовь — этот «эгоизм вдвоем» — является очень важной

предпосылкой гармонии духовного мира взрослых — воспитателей и подростков-воспитанников.

Что же главное в этом уважении и понимании? На мой взгляд, необходимо изгнать из школы нескромные и непужные разговоры о любви воспитанников. Ни одного слова о том, кто в кого влюбился. Ни малейшего намека на то, что один пятнадцатилетний подросток называл «ощущением сердца железными рукавицами». Любовь должна навсегда, на всю жизнь остаться для человека самым светлым, интимнейшим и неприкосновеннейшим. Между нами, воспитателями, и нашими воспитанниками был молчаливый уговор: нам известно, что подростки знают об интимных отношениях между мужчиной и женщиной, но делаем вид, будто это нам неизвестно; подростки знают о том, что нам, взрослым, известна их осведомленность, но тоже делаем вид, что они этого не знают. Это элементарное требование порядочности, которая должна пронизывать отношения взрослых и подростков. Это не игра в секреты, а глубокое уважение личности. Избегая лишних разговоров о том, что такое любовь и что бывает результатом естественных интимных отношений между мужчиной и женщиной, мы считали необходимым, чтобы мальчики и девочки с глубоким чувством ответственности относились к своим взаимоотношениям. Свобода любви требует самой суровой, самой непримиримой к легкомыслию дисциплины и самодисциплины. Это большое человеческое счастье доступно только тому, кто умеет держать себя в руках, кто имеет власть разума над инстинктом. Только при этих условиях можно говорить о свободе любви.

Без свободы прекрасных, высоких чувств, свободы разумной, красивой, дисциплинированной и нетерпимой к разврату немыслим расцвет человеческого достоинства и в то же время немыслима нетерпимость юношества к низменным чувствам, оскорбляющим человека. Чистота и возвышенность юношеской влюбленности зависят, конечно, и от поучений, напутствий, мудрого слова, но еще больше от того, чем живут воспитанники, какие у них духовные интересы, запросы, потребности, как в школьном коллективе развивается важнейшая моральная идея нашего общества: самая большая ценность — человек.

Прежде чем полюбить в своем друге женщину, подросток должен полюбить в ней человека, проникнуться чувством восхищения, удивления перед тем, что он открыл

или открывает в ней. Подростковая и юношеская влюбленность — это, образно говоря, то светлое окошко, через которое человек, вступающий в жизнь, видит важнейшую сущность окружающего мира — человека. Узнав, что мальчик и девочка до позднего вечера просидели под цветущей яблоней, мы не переживали тревоги и страха. Мы были уверены: между ними все чисто и благородно, потому что каждому из них есть что открывать друг в друге.

Десятилетиями воспитывая подростков, я открыл мудрую истину: влюбленность подростков, основанная на духовном богатстве интересов, запросов, потребностей, воспитывает утонченность, грациозность, деликатность человеческих отношений. Тот, кто влюблен в красоту, чувствует и понимает красоту человека, становится к нему более чутким. Уважение к интимному миру подростков — одно из важнейших условий правильного эмоционального воспитания (это, к сожалению, тоже почти нетронутая педагогическая целина). Вмешательство в чужую любовь — это словно операция на сердце. Вступая в эту заповедную сферу, я всегда переживал огромную ответственность, чувствовал себя хирургом, который вскрывает грудную клетку и «выходит на сердце». Я всегда боялся, что грубое, бестактное, неумное прикосновение к сокровеннейшим уголкам человеческого сердца в тот период, когда это сердце еще не знает, что такое жизнь, может навсегда сломать человеческое чувство, породить недоверие в чистоту человеческих отношений. Преступники, которые поднимают руку на человека, рождаются часто там, где сломано, изуродовано, загажено представление о красивом и высоком прежде всего в этой сфере человеческих отношений.

Если хотите, чтобы воспитанник понимал и чувствовал красоту высоких морально-политических идей (верность Родине, долг, борьба за коммунизм), добейтесь того, чтобы он понял и берег красоту интимных чувств. Без чистоты интимных чувств немыслима чистота чувств гражданских.

ПИОНЕРСКАЯ И КОМСОМОЛЬСКАЯ РОМАНТИКА

Коммунистическая идейность — это не заучивание истин коммунизма, а прежде всего горение благородных страстей. Без яркой эмоциональной жизни пионерская

организация может превратиться во что-то мягкотелое и инертное. Идея становится одухотворяющим началом пионерского коллектива тогда, когда она выражена в душевных порывах, в борьбе, в столкновении с трудностями и преодолении их. Одухотворенность высокой идеи яркими чувствами — в этом, по сути, и состоит та пионерская и комсомольская романтика, которую, к сожалению, иногда представляют как что-то вне идейно-политического воспитания. Богатство идейной жизни — это и есть романтика.

Романтика начинается в том, что юные ленинцы живут «взрослыми» интересами и стремлениями и чувствуют отношение к себе как к взрослым. Совершенно недопустимо «кормить» подростков «молочными идеями»; не опаздывая на уроки, аккуратно выполняя домашние задания и т. п. Это важные обязанности школьника, но на них не построишь богатство идейных отношений, ими не вдохновишь; в этих обязанностях слишком узкое поле для борьбы и преодоления трудностей, для формирования идейных убеждений. Для этих убеждений необходимо богатство идейных отношений. Если в годы отрочества и ранней юности ученик безответственно относится к учебе, это означает, что в его жизни нет огонька, который бы освещал будничные труд, нет борьбы за настоящие, как говорят подростки, «взрослые» дела.

Воспитывая коллектив, мы стремились, чтобы пионеры чувствовали себя единомышленниками в борьбе за великое, высокое. Великое и высокое — в самой сути коммунистических идей. «Взрослая» идея — это прежде всего труд для общества, переживание активного участия в создании материальных и духовных ценностей для людей. В мир взрослых я начал вводить своих воспитанников еще в начальной школе рассказами о ленинских идеях. Я рассказывал о жизни и борьбе В. И. Ленина за создание Коммунистической партии, о революции, о тяжелых годах разрухи и гражданской войны, о строительстве социализма, о Великой Отечественной войне советского народа с фашистскими захватчиками. Очень осторожно я обращался к призыву: «Будьте и вы такими, как Ленин!» Чтобы знания стали убеждениями, необходимо огромное напряжение всех духовных сил, и чем больше самостоятельных поисков — как жить и бороться, что должно стать моим идеалом, тем глубже одухотворенность моральной идеей. Рассказами о В. И. Ленине и ленинских идеях я стремился

прежде всего вдохновить подростков мыслями о служении народу. Наивысшее личное счастье — бороться за что-то более значительное, чем личные интересы. К этому выводу мальчиков и девочек приводили яркие факты, которые раскрывали суть ленинских идей.

Сущность пионерской и комсомольской романтики я видел в том, чтобы мальчики и девочки, делая что-то необходимое для общества, чувствовали себя счастливыми. Это одна из наисложнейших вещей в воспитании. Тут много «подводных камней» равнодушия и пустой фразы. С большой осторожностью я относился к обязательствам, заверениям достичь поставленной цели. Чтобы давать обещание, нужно достичь высокого уровня моральной воспитанности — уметь жить во имя долга. Взять на себя обязательство можно лишь тогда, когда в коллективе уже есть идейная одухотворенность, внутренняя готовность к труду для людей, переживание счастья труда. Только при этих условиях каждый подросток вынесет из работы, связанной с взятыми перед людьми и собственной совестью обязательствами, чувство гордости при мысли, что он живет не только для себя, и это чувство станет духовным приобретением личности.

В педагогической технике этого сложного дела важно то, чтобы одухотворенность ленинской идеей служения народу стала личным побуждением, личным мотивом. Пусть поменьше говорит подросток, во имя чего он трудится и преодолевает трудности, что вдохновляет его. Пусть все это совершается в глубине его души.

Перед нами голый, сожженный солнцем склон. «Тут будет Сад для Людей», — решили юные ленинцы. На склоне мы вырыли ямы и посадили яблони. Началась долгая, нелегкая работа, которая составила целый период в духовной жизни подростков. Летом и осенью нужно было поливать деревья, иначе они засохли бы. А для этого нужно было приносить каждый раз тысячи ведер воды. Зимой задерживали снег, оберегали деревья от зайцев. Если бы мы отступили перед трудностями, если бы бросили начатую работу, в сердца подростков вошли бы пустота и лицемерие.

Через год после начала этой работы отряд взялся еще за одно дело: мы заложили виноградник. Вскопали такой же забытый, бесплодный холм, разрыхлили почву, вырыли глубокие ямы, посадили нежные маленькие саженцы;

сделали защиту от эрозии. Виноград требовал еще больше труда и забот, чем яблони. Под каждый куст подростки напосили немало плодородной земли. Это был не просто труд. Мы боролись. Чувствовали себя борцами-единомышленниками. Очень редко звучали слова о чести коллектива, но именно чувство чести коллектива побуждало к преодолению трудностей. Каждый чувствовал свой долг перед коллективом. Дух единства — это, наверное, самые точные слова, которыми можно охарактеризовать отношение каждого подростка к коллективному делу. Зеленые ростки радовали нас, стали для нас материальным воплощением коллективного достоинства.

Через два года, когда мои воспитанники закончили шестой класс, на сад и виноградник обрушилось стихийное бедствие — засуха. Природа словно испытывала нас. Земля трескалась от зноя. «Неужели мы отступим?» — эти слова были произнесены в жаркий июньский день, когда, придя в сад, мы увидели увядающие от жары листочки. «Нет, не отступим», — дали себе слово юные ленинцы. В тот вечер подростки решили назвать свой коллектив ярким, выразительным именем — Непобедимые. Это была своеобразная романтическая клятва: «Никогда не примиряться с противником — косными силами природы, не мириться с собственной ленью, нежеланием трудиться».

Тут, под яркими июньскими звездами, не было сказано ни единого слова об идейной стойкости. Не потому, что в глубине души каждый из нас считал себя недостойным этих высоких слов. Нет, пионерская романтика выражается в более тонких и сложных чувствах и переживаниях; каких бы успехов ни достигли, идеал — впереди, мы на пути к идеалу. Это вдохновляет на преодоление трудностей — вот в чем суть этой одухотворенности, без которой не может быть и речи о пионерской романтике. Души мальчиков и девочек очень чутки к порыву, движению вперед. Если вы хотите, чтобы в глазах подростков не угасал огонек одухотворенности, никогда не допускайте покоя и благодушия: мы достигли цели, можно отдохнуть. Передышка в идейной жизни немыслима, как сон всех бойцов на поле боя.

Через несколько недель подростки установили девиз своего отряда Непобедимых: «Всегда бороться и никогда не отступать!». Эти слова призывали, волновали, побуждали каждого всматриваться в самого себя, видеть себя

глазами коллектива. Кроме девиза, в отряде Непобедимых был и символ — рисунок, который в ярком образе воплощал содержание и цель нашей борьбы: гроздь винограда и зеленый листок под жгучим в синем небе солнцем. Это означало: несмотря ни на что, мы добьемся торжества жизни, цветения, красоты! Мы приносим людям счастье.

На склоне, в саду, недалеко от оврага, в котором был наш «Уголок мечты», мы соорудили соломенный курень. Тут каждый день дежурили двое пионеров. Деревья и виноград поливали вечером и ночью, иногда ранним утром. Огонек вдохновения подростков поддерживался словом — рассказами о людях большой моральной красоты. Я побаивался прямолинейности, чувствуя, что в той духовной борьбе, которую ведут подростки, она недопустима. Было бы принижением благородных идей и неверием в юные сердца, если бы каждому трудовому напряжению предшествовал специально предназначенный для одухотворения рассказ. Подростки улавливают эту прямолинейность и воспринимают ее как недоверие. Рассказы были в определенной мере независимы от труда. И чем тоньше удавалось мне найти форму этой независимости, тем органичнее была связь духовной жизни подростков с трудом. Эта связь была в глубине души: каждый был очарован, взволнован моральной красотой по-своему. Но потому, что идея одухотворяла всех и переживание состояния вдохновения было коллективным, пионеры чувствовали себя идейными единомышленниками.

Через два года мы увидели первые результаты своего труда: стали плодоносить виноградные кусты. Все переживали волнующую радость успеха. Плоды своего труда мы раздавали дошкольникам, старым, больным. Первые гроздья винограда мы отнесли матерям, сыновья которых погибли на фронтах Великой Отечественной войны, а также бабушкам и дедушкам, уважаемым всем селом людям, которые отдали десятилетия своей жизни труду на земле. Я убедился, что вся логика и философия идейного воспитания пионеров состоит в одной мудрой истине: чем больше сил вложил человек в труд для людей, чем ярче он выразил в этом труде самого себя, тем глубже в его душе желание быть лучше, тем чище, благороднее его желания, стремления, порывы. Сама суть пионерской романтики состоит в материальном воплощении, утверждении внутреп-

них духовных сил человека: красоту самого себя, своих товарищей, своего коллектива человек видит в том, что ими создано.

На заложенном одновременно с виноградником питомнике выросли сотни саженцев, и мы стали раздавать их людям. В селе появились десятки виноградников. В осенние и зимние вечера пионеры шли в хаты колхозников, где на огонек собирались люди послушать наши рассказы о природе, науке, человеке, обществе, далеких странах, борьбе народов против эксплуатации и войны. Мы доказывали, что наша земля может дать в несколько раз больший урожай, если работать по-настоящему. Мы хотели добиться того, чтобы виноград стал в нашем селе таким же обычным продуктом, как хлеб. Ведь кто ест виноград, тот дольше живет.

Чем больше мы радовались хорошему, создаваемому собственными руками, тем лучше мы видели плохое. Мы заметили, что колхозники, которые работают на свекольных плантациях, в обеденный перерыв отдыхают под палящими лучами солнца. Мы заложили в поле три сиреневых сада. Взрослые помогали нам, и уже через два года люди отдыхали в тени, а весной к тому же любовались цветами. Поле для борьбы открывалось для нас на каждом шагу. Вот на ниве едва приметная канавка: это грозный признак эрозии, тут образуется овраг. Мы вступаем в борьбу, сажаем деревья, создаем противоэрозионную защиту.

Труд сочетался с игрою. Суть ее в эстетической и эмоциональной выразительности борьбы за красоту, человечность, дружбу, в переживании радости духовного единения. Пионерская романтика невозможна без игры. У одного из школьных зданий есть балкон. Как-то подростки заметили: на балконе растет ромашка. Пришло в голову: создадим тут еще один уголок — уголок красоты. Хотелось этот замысел держать в тайне. Вечерами мальчишки и девочки приходили в школу, носили на балкон землю с перегноем. Весной сюда перенесли куст розы, незаметно для других школьников поливали его. Куст зацвел. Здесь в тихие летние вечера собирались подростки, читали интересную книгу, мечтали о тайнах непознанного.

У подростков не угасает интерес к сказке. Много игр было построено на сказочной основе. После окончания пятого, шестого, седьмого классов наш коллектив на не-

сколько дней уходил в поход. Это были захватывающие Путешествия в сказку. Среди многочисленных рукавов Днепра мы нашли место, на которое, казалось, никогда не ступала нога человека. Тихое, будто сонное, озеро, заросший деревьями остров. На острове жили дикие кабаны. В лесу мы видели лося. Этот уголок подростки так и называли: «Таинственный мир». Мы дали себе слово оберегать его. Под ветвями деревьев каждое лето устраивали два жилища: одно на берегу Днепра — для мальчиков, другое в глубине острова — для девочек. Придумывали интересные игры с ночными переправами через озеро, с сооружением плотов. Для мальчиков самой интересной была игра «Партизанскими тропами». Сушили сено — готовили для коз и лосей запасы на зиму. Чтобы сберечь свой Таинственный мир от «любопытных» охотников, на дороге к острову мы сделали несколько завалов, нагромодили пни, камни, надежно укрыв от посторонних глаз зимнюю дорогу на остров.

Во время каникул мы осторожно пробрались в Таинственный мир. Нашли пещеру, соорудили зимнюю кухню, варили еду, грелись у очага, откапывали из-под снега сено; лоси зимой становились особенно доверчивыми. Однажды нас застала на острове вьюга. Вслушиваясь в завывание ветра, мы улавливали какие-то таинственные звуки. Тут мы прочитали «Северную Одиссею» Джека Лондона и книгу партизанского полководца С. А. Ковпака о героическом походе от Путивля до Карпат. В те незабываемые дни мы провели военную игру: наступали на вражеские укрепления, штурмовали неприступную вершину.

Во время одного из летних путешествий мы обнаружили овраг, заросший деревьями и кустарником. В глубине оврага мы нашли озерцо с прозрачной водой и в нем увидели рыбу. Как она попала сюда? Может, во время весеннего разлива? Но и в самое большое половодье сюда не достигала вода из озер. Так и осталась тайной рыба в маленьком озерце. Недалеко от озера росла липа, стройная, красивая, а под нею десятка два маленьких липок. Мы пришли к оврагу поздней осенью, выкопали липки. Приближалась пора окончания седьмого класса. Еще в пятом классе мальчики и девочки посадили деревья дружбы. Каждое дерево сажали двое — друзья. Место посадки сохранялось в тайне: дружба — дело глубоко личное. Моим желанием было создание такой духовной общности, которая

была бы неприкосновенной и сохранялась как что-то самое дорогое, интимное. Если вы хотите, чтобы духовная жизнь коллектива была богатой и полноценной, создавайте личную жизнь, богатую чистыми, возвышенными чувствами, жизнь, которая давала бы личное счастье, жизнь, в которую никто бы не вмешивался. Это один из очень тонких моментов воспитания.

Друзья нашли известные только им уголки и посадили липки, выкопанные в овраге. Едва ли есть сила, которая бы лучше облагораживала юные сердца, чем романтика благородной дружбы. Без переживания красоты дружбы, красоты людской преданности юное сердце останется глухим к таким высоким моральным идеям, как верность долгу, преданность Родине. Без высокой потребности человека в человеке нет преданности идее. Я стремился, чтобы романтика дружбы имела свои корни в детстве и отрочестве. Через чувство потребности в человеке в юные сердца входила благородная идея верности народу. Переживая чувство дружбы, мальчики и девочки познавали красоту народа, его идеалов, труда, созидания.

Во время учебы моих воспитанников в пятом классе наша школа стала дружить с коллективом Кормьянской средней школы Гомельской области. Каждый год в гости к друзьям ездили наши пионеры, к нам приезжали гости из Белоруссии. Стали традиционными встречи у пионерского костра в белорусских лесах и у нас в лесу.

В первый приезд белорусских гостей был заложен Сад дружбы: наши и белорусские пионеры посадили яблоки, вишни, сливы, абрикосы. Каждый новый приезд дорогих гостей прибавлял деревьев в Саду дружбы. Никогда в жизни подростков не было много труда, который бы так ярко воплощал высокие гражданские и в то же время глубоко интимные чувства, как уход за деревьями в Саду дружбы. В этот труд каждый вкладывал искреннейшие порывы своей души. Мы, воспитатели, убедились в том, что чувство дружбы с детьми народов-братьев является могучей духовной силой, которая облагораживает юные души. Под властью этого чувства юное сердце буквально преображается: печувствительный и равнодушный становится чутким и заботливым, у эгоиста пробуждается чувство долга перед людьми.

Толя, Петрик, Коля, Тина, у которых дома была такая обстановка, что вела к очерствлению сердца, несколько

раз ездили в гости к белорусским друзьям. Никогда не забуду, как, прощаясь с ровесниками, которые стали на всю жизнь братьями, Толя плакал и не стыдился своих слез. Это были первые слезы в его жизни, первое чувство взволнованности, вызванное переживанием красоты благородной потребности — потребности в человеке. Я с радостью наблюдал, как менялся характер Толи: мальчик стал впечатлительным, чутким к слову. То, что прежде, казалось, не доходило до его сознания, теперь волновало, тревожило, заставляло вмешиваться в события окружающей жизни.

После возвращения от белорусских друзей Толя вдруг увидел, что недалеко от него живет инвалид-дошкольник Петрик. Толю потрясло горе маленького человека, прикованного к постели. Однажды Петрик сказал Толе: «Какой ты счастливый — ходишь по земле, идешь к вербе, что у пруда...» Эти слова запали глубоко в душу двенадцатилетнего подростка. Он пришел ко мне, рассказал о глазах своего маленького товарища. Во взгляде Петрика он прочитал мольбу: возьмите меня хоть раз с собою в лес, в поле! Так началась дружба с маленьким человеком. Эта дружба сыграла большую роль в воспитании чувств подростка.

Однажды белорусские друзья привезли саженцы елочки и рябины — редкостных в нашей местности деревьев. Заложили Аллею дружбы. А мы повезли белорусским друзьям яблони. Сад дружбы зазеленел и на белорусской земле. Глубокие и тонкие чувства переживали подростки в те единственные, неповторимые минуты, когда они копали нашу обыкновенную украинскую землю, укладывали ее в ящики, чтобы повезти в Белоруссию, высыпать ее под яблони: пусть крепче приживаются. А когда эти ящики открывали на белорусской земле и сажали яблони, в глазах у Толи, Петрика, Коли, Тины я видел сияние высшего человеческого благородства. В такие минуты человек поднимается на вершину нравственной красоты, ощущает себя духовно богатым, переживает чувство приобщения к священным идеалам народа. Я дал себе слово: каждого своего воспитанника проведу через это, с каждым поднимусь на вершину нравственной красоты. Жизнь убедила, что идейное воспитание — это формирование утопченной способности познавать мир разумом и сердцем.

Чем тоньше становились моральные и эстетические чувства подростков, тем чувствительней воспринимали они слова воспитателя, тем тоньше влияли на их сознание образ, картина, которые я создавал словом. Когда подростки находились под впечатлением встреч с белорусскими друзьями, они были особенно чутки к моим рассказам о ленинских идеях. Тонкость переживаний, проникновение сердцем в духовный мир других людей, глубокая потребность в человеке — все это утверждало чуткость к революционной романтике — романтике подвига во имя блага народа, романтике Красного знамени и пионерского галстука. Рассказывая юным ленинцам о верности пионерской клятве, о подвигах героев, отдавших жизнь за честь Красного знамени революции, я видел, как в глазах подростков загораются огоньки благородных чувств. В эти минуты мне вспоминалось, как жаловались учителя многих школ: «Почему пионеры иногда равнодушны к красному галстуку? Почему они иногда даже стыдятся носить галстук?» Потому что часто нет крепкой эмоциональной основы идейного воспитания. Идея становится личным приобретением, богатством души лишь тогда, когда она неотделима от чувства красоты, человеческого благородства. Если человек дорожит нравственной красотой, он не может вырвать идю, как не может вырвать собственного сердца.

На восьмом году обучения у нас была создана комсомольская организация класса. К этому событию подростки готовились с большим волнением. Вся духовная жизнь пионерского отряда была, по сути, подготовкой к вступлению в организацию, которую подростки рассматривают как организацию для взрослых. Главное, чтобы каждый пришел в комсомол своею собственной тропкой, чтобы каждого в эту организацию привела личная зрелость. Нельзя считать, что, сказав пионерам-восьмиклассникам: «Теперь вы уже комсомольцы» и вручив им в торжественной обстановке комсомольские билеты, мы тем самым сделаем их взрослыми. Наивная вера в магическую силу комсомольского билета нередко мстит воспитателям: если подросток чувствует, что после торжественной церемонии о нем забыли, он становится равнодушным. Больше того, он начинает думать: все то высокое, возвышенное, о чем говорилось, — лицемерие.

Мы заботились о том, чтобы вступление в комсомол основывалось на внутренней гражданской, общественно-политической зрелости каждого подростка. Именно тут большую роль сыграет индивидуальный, личный опыт общественной работы. Я стремился, чтобы в моем классе каждый подросток переживал чувство своей необходимости для людей, радость личного труда для коллектива. Человек не только должен добросовестно выполнять то, что поручают, — он должен стать организатором, инициатором важного общественного дела; лишь при этом условии он готов к вступлению в комсомол. Необходимо каждому найти дело по душе.

Уже в седьмом классе Ваня стал руководителем пионерского кружка исследователей природы. У него были свои воспитанники — ученики третьих-четвертых классов. Во время летних каникул Ваня отправлялся с детьми в путешествия: юные селекционеры искали наиболее морозостойкие сорта пшеницы. Он заботился о своих маленьких товарищах, близко к сердцу принимал их успехи и неудачи. Предметом большой заботы всех нас, воспитателей, было то, чтобы общественная деятельность каждого подростка была проникнута тонкими, разнообразными отношениями с младшими товарищами.

На шестом году обучения Юрко стал одним из механиков, в распоряжении которых была школьная техника (тракторы, автомашины, механизмы для ремонта). Постепенно вокруг него организовался кружок юных механизаторов (пионеры третьих-пятых классов), который изучал двигатель внутреннего сгорания. Воспитательная сила этой общественной деятельности состояла в том, что подросток видел прежде всего не машины и механизмы, а живых людей.

Много подростков на седьмом году обучения вышли за стены школы, полем их общественной деятельности стали село, колхоз. Выделялись мальчики и девочки, которые полюбили интересную работу: распространение научных знаний среди населения в очагах культуры. В селе было создано Общество почитателей книги, в работе которого принимали участие и подростки. На окраинах села в осенние и зимние вечера Петрик, Таня, Люда, Люба читали колхозникам художественные произведения. У них появились старшие друзья.

«Подумайте, взвесьте свои силы, проверьте свою готовность к вступлению в организацию юных коммунистов,— советовали мы подросткам.— Не следует торопиться, но нельзя и часа расходовать напрасно». Нам хотелось, чтобы духовная жизнь подростков была насыщена многими мыслями, чувствами, переживаниями. Мы старались создать обстановку и условия, способствующие тому, чтобы мальчики и девочки в эти дни могли в одиночестве почитать, подумать. Большой такт, общность интересов воспитателя и воспитанника нужны были в этот период, чтобы отдельным подросткам именно теперь посоветовать ту или иную книгу.

Первыми подали заявление и вступили в комсомол Варя, Лариса, Костя, Коля, Галя, Люба и Ваня. На собрание, посвященное приему в комсомол, пришли участники Великой Октябрьской социалистической революции, Великой Отечественной войны. Первый член партии в нашем селе, участник гражданской войны Василь Мусиевич обратился к вступающим в комсомол с наказом. Все, что делалось до этого времени для воспитания общественной активности, было, по существу, подготовкой к восприятию идей наказа старших поколений. И содержанию, и форме наказа мы придаем большое значение. Наказ коммунистов стал одной из комсомольских традиций.

МОРАЛЬНАЯ СТОЙКОСТЬ

Нелегкой была судьба Тины. Мать не хотела, чтобы Тина родилась. Она делала все, чтобы наступили преждевременные роды или ребенок родился мертвым. Девочка родилась здоровой, но лицо имело дефект — лобик был плоский... Уже после рождения мать хотела избавиться от ребенка: оставляла ее в комнате одну, долго не кормила. Жизнь девочки была спасена благодаря счастливой случайности. После этого у матери проснулось чувство любви к дочери. Ее мучила мысль, что она причинила ребенку зло. Мать часто плакала над ребенком, боялась за его здоровье. А девочка росла крепкой, здоровой.

Когда Тина стала ученицей, редко кто обращал внимание на ее плоский лобик. Это было незаметно, когда девочка повязывала голову платком. «Синие очи, белая коса — настоящая красавица вырастет», — думали мы, учителя.

Тина была умной, пытливой девочкой, выделялась в коллективе большой сердечной чуткостью, добротой, доверчивостью. Она близко принимала к сердцу радости и горе товарищей. Кто-нибудь захворает, не придет в школу — она уже тревожится, переживает, идет к больному. Эмоциональная чуткость и впечатлительность — эти душевные черты и облегчают, и затрудняют воспитание. Моральные истины, осмысляясь, оставляют в чутком сердце глубокие следы, идея быстро становится убеждением чуткой души. Но в то же время чуткое, впечатлительное сердце склонно к острому переживанию истин, для осмысления которых необходим определенный жизненный опыт. На десятом году чуткое сердце Тины впервые напомнило о себе настоящей детской бедой... Утром, задолго до занятий, пришла ко мне мать Тины, встревоженная, заплакавшая.

«Что делать? Тина не спала всю ночь. С вечера была задумчива. Долго лежала с открытыми глазами. Я уже заснула, разбудил меня плач дочки. Долго не хотела говорить, в чем дело, потом сказала: «Мамочка, неужели мы все умрем? И вы, и я, и все, все?..» Что мне говорить ей? Утешаю, как умею, а она плачет. Немного успокоилась, но не спала ни минуты».

По опыту я знал, что мысль о неминуемой смерти потрясает чуткие и эмоционально впечатлительные сердца. Но таких глубоких переживаний, как у Тины, мне еще не приходилось встречать. Девочка стала молчаливой, замкнутой. До нее словно не доходило происходившее вокруг, она углубилась в собственные мысли. Бывало, слушает рассказ учителя, сначала будто внимательно думает о том, что изучается, потом взгляд ее устремляется куда-то в пространство, на глазах слезы. Обратимся к ней — она содрогнется, будто пробудилась от глубокого сна.

Страх смерти, писал М. Горький,¹⁷ гонит человека в темницу веры. Этот страх сковывает духовные силы человека и может наложить отпечаток на моральный облик и мышление на всю жизнь. Много пришлось приложить сил, чтобы Тина пережила, почувствовала радость жизни, чтобы оптимистическое мировосприятие стало той призмой, сквозь которую девочка увидит природу, людей, саму себя. Счастье — это прежде всего оптимизм, вера в светлое будущее, творческий труд, переживание радости удовлетворения наивысшей человеческой потребности — потреб-

ности в человеке. Подросток еще не умеет мечтать о будущем. Его счастье — это радостное сегодня, полнота духовной жизни, отдача физических и духовных сил для творения радости людей сегодня. Я старался, чтобы жизнь Тины была насыщена сегодняшним счастьем. Тревожная мысль о смерти постепенно сглаживалась в ее сознании. Тина становилась жизнерадостной, как и прежде.

Но возникла новая опасность, которой я боялся и которую ждал. Наступила пора пробуждения женщины. Девочка почувствовала, что ее красота изуродована... Эта мысль принесла ей страдание. Чувство собственной неполноценности ошеломило Тину. Мать сердцем чувствовала, что творится в душе дочери, но боялась и слово сказать об этом, чтобы не углубить страданий. Чуткая к каждому слову товарищей и крайне впечатлительная, Тина уловила в шепоте подруг слова об ее лице. Это усилило боль. Как залечить рану в чутком сердце? Не могло быть и речи о том, чтобы прямо говорить с Тиной о причинах ее страданий. Это привело бы к еще большей замкнутости. Но как бы ни хотелось избежать этих больно разящих слов, но когда-то придется их произнести в разговоре с девочкой. Но только тогда, когда девочка сама будет готова к этому: сама поделится горем. Нужно терпеливо ждать этой откровенности, но нужно и что-то делать, чтобы побудить к откровенности.

Пока я думал обо всем этом, произошло неожиданное. В теплые весенние вечера Тина шла на берег реки, садилась на камни и молча смотрела в воду. Однажды, когда уже стало темнеть, девочка почувствовала, что за спиной у нее кто-то стоит. Оглянулась — увидела женщину средних лет, красивую, в праздничной одежде. Женщина смотрела ласково, приветливо, и от ее взгляда Тине стало приятно. Тина узнала: перед нею стояла Мария, жена проповедника общины христианских евангелистов — баптистов.

Обо всем, что было после этой встречи, мне стало известно уже тогда, когда Тине угрожала большая опасность. Я не пересказываю ее рассказа дословно — это была бы целая повесть, расскажу лишь коротко о событиях и о том душевном смятении, которое пережгла Тина. Все это стало для нас, учителей, суровым уроком: личное счастье, духовная полнота личного счастья — это тот

драгоценный камень-самоцвет, в ярком блеске которого для человека становится дорогим все, что выражает коммунистические идеалы: научно-материалистические истины, величие общественных целей, добро и благополучие общества. Без личного счастья, без глубоко индивидуальных радостей не может быть и цельного мировоззрения. Счастье, идеалы, мировоззрение — это большая философская проблема. Это не философия книжных исследований, а живой трепет сердец, страсти живого человека.

...На следующий день к вечеру Тина снова пошла к реке, и снова в тот же час пришла и Мария. Теперь она подошла к девочке ближе, села рядом, коснулась рукой плеча, снова так же ласково, как и вчера, посмотрела в глаза.

— Я вижу: ты несчастлива, — сказала Мария. — И несчастье твое такое большое, что хочется тебе уйти из этого мира...

Тина хотела возразить, но Мария продолжала ласковым шепотом:

— Не нужно ничего говорить. Бог уже знает, что ты хотела сказать: «Не ваше дело, тетя». Ошибаешься, девочка. Мое дело, все мы дети господни, все братья и сестры. Все умрем, все мы в этом мире лишь странники, а постоянный наш дом там, на небе. Но бог не разрешает идти к нему раньше, чем он позовет. Он знает, когда наступит твой час, и позовет тебя. И меня, и каждого, кто странствует в этом мире. Там — вечная жизнь, девочка. Душа твоя чиста, как вон то облачко. Душа твоя прекрасна. А тело — только временное пристанище греховных страстей и искушений. Пусть не тревожит тебя мысль о красоте — это однодневный цветок. Иди к нам — мы настоящие люди. Послушаешь, о чем мы говорим. Мы и песни любим, и музыку. У нас ты найдешь то, чего ждешь, — настоящее добро, истину, покой.

Тина слупала, вдумывалась в каждое слово. Она не раз слышала и читала, что религиозные сказки — это обман, но сейчас все это забылось. Перед нею был живой человек, в ее глазах горели огоньки глубокой убежденности. Эта женщина, наверное, была счастлива, и счастлива, наверное, потому, что верила в ту истину, о которой говорила. Разве может быть плохим человек, который искренне, всем сердцем желает тебе добра?

Слова Марии взволновали Тину еще и потому, что они давали ответ на ее сомнения, и как раз тот ответ, какой ей хотелось, какой она в глубине души ждала. Да, она действительно думала покончить с жизнью. Страшнее мысли о собственной неполноценности она ничего не представляла, и ей хотелось умереть. И когда из уст этой женщины она услышала о бессмертной и красивой душе, эти слова уже не казались ей религиозной сказкой. Возможно, где-то в глубине души и таилась мысль о том, что это обман, но в минуту отчаяния ей хотелось, чтобы это было правдой. В тяжелые минуты человек сам создает иллюзию правды, ему хочется верить в создание собственного воображения. Вероятно, так в своем воображении человек сотворил и бога.

Тина пошла к «настоящим людям». В тот день сектанты собрались на моление, посвященное счастливому событию в их общине: двадцатилетняя девушка выходила замуж за сорокалетнего вдовца. На Тину хлынул целый поток впечатлений и ошеломил ее. Удивило ее то, что у сектантов прекрасный хор. Еще больше удивило, что «божественные» песни поют на мотивы «мирских», хорошо знакомых Тине украинских народных песен. Родные мелодии волновали, брали за душу, придавали словам какой-то особый смысл.

Мария проводила Тину домой, напомнив, что через два дня субботнее моление. В субботу Тина вновь пошла в «святую церковь» — так сектанты называли обычную хату. В этот раз она внимательно прислушивалась к проповеди пресвитера. Тихим, ласковым, отеческим тоном он поучал: «Все мы в руках господних, никто из нас не знает, что будет завтра, что будет через минуту. Знает только бог, так верьте же в его могущество».

Пресвитер сказал, что сейчас выступит гордость их церкви — проповедник. Его слова увлекли Тину. В них было столько возвышенного вдохновения, искренней веры, что девочка почувствовала, как ускоренно забилось ее сердце. Но потом в глубину сознания закралось сомнение: почему это и Мария, и проповедник, и пресвитер подчеркивают одно: верьте не думая, верьте сердцем, а не разумом, не подвергайте суду мысли то, о чем вам говорит сердце; бога нельзя видеть, понимать, постичь мыслью; смертному человеку дано только чувствовать бога сердцем и верить, верить, верить... И вновь та же пастойчивая

мысль, что и в словах Марии: то, что мы видим вокруг себя,— только сон, мы — гости в этом мире, настоящее же наше место там, рядом с вечным судьей. Работай, ешь, спи, радуйся солнцу, рожай детей, но каждую минуту будь готов завершить свое кратковременное странствие на этом свете. И чем скорее призовет бог, тем счастливее будешь ты.

Тина чувствовала, как деревенеет ее тело, туманится в голове. Разве это она искала? Перед нею, словно ослепительная молния, засияла на миг мысль о вечной красоте души, а выходит, что нельзя думать, рисовать в своем воображении, что такое вечная красота, что такое душа. Обо всем этом она шепотом спросила у Марии, но та взглянула на нее такими суровыми, гневными глазами, что девочка была поражена: неужели это та красивая, ласковая женщина? А Мария толкнула ее и сердито прошептала: «Сердцем верь, сердцем, а не подвергай суду мысли. Кроме царства небесного, есть и муки адовые. Бог карает за мудрствования». «В эти минуты все словно померкло перед моими глазами,— рассказывала потом Тина.— Я чуть не потеряла сознания. Мария вывела меня из комнаты, проводила домой, что-то говорила, но я ничего не понимала».

Девочка тяжело заболела. Встревоженная мать пришла в школу. Рассказала все, что знала: и про беседы с Марией, и про то, что дочка ходила на моления. «А сейчас бредит... и в бреду зовет вас. Придите». У постели больной мы встретились с Марией. В минуту, когда к Тине вернулось сознание, она увидела Марию и вскрикнула: «Вон, вон!..»

Через три дня девочке стало легче. Она рассказала обо всем. Ее ошеломило требование сектантов: ни о чем нельзя думать. Как же это так? А что такое душа, что такое красота души? Разве можно во что-то верить не думая? Это глубоко потрясло девочку.

Рассказала девочка откровенно и о своем горе — о том, почему она пошла к сектантам, что думала и переживала перед этим, как хотела покончить жизнь самоубийством. Теперь, когда Тина открыла душу, можно было осторожно коснуться сердечной раны. «Девочка, ты прекрасна,— сказал я Тине.— Прекрасна не только душой, но и телом. У тебя красивые глаза и коса, красивое лицо и фигура. Красота твоя — и в гордости, в переживании собственного достоинства. Ты найдешь свое счастье. Ты уже

убеждена, что настоящее счастье не в том, чтобы быть бессловесной, покорной божьей скотинкой, а в том, чтобы верить в силу разума, творить счастье. Поправляйся скорее, тебя ждут друзья. А от этих лицемеров будь как можно дальше...»

Я не успел закончить. Тина перебила меня:

— Нет, я еще пойду туда. Скажу им...

Она еще раз пошла к ним и сказала правдивые, страстные слова. Когда проповедник снова начал говорить о необходимости верить сердцем, а не умом, Тина встала и звонким голосом спросила:

— А разум — разве это не душа?

Ошарашенный проповедник, не догадываясь, к чему ведет свою мысль девочка, ответил:

— Да, разум — это душа. Только у человека есть разум.

— А что же тогда остается от души, если нельзя думать, как вы поучаете? Мне хотелось знать, что такое вечность, о которой вы так много говорили. Хотелось представить, что же это такое — царство небесное. Хотелось понять, почему я каждую минуту должна готовиться к смерти. Я хотела верить во все это. Но меня поразило, почему же об этом нельзя думать? Как же верить в то, о чем нельзя думать?

Проповедник молчал. Он был сбит с толку простыми и мудрыми доказательствами четырнадцатилетней девочки. Потом он взволнованно стал говорить вновь о том же самом:

— Верить сердцем нужно потому, что так требует бог.

— Но сердце человеческое — это и есть разум, — сказала Тина. — Без ума нет человеческого сердца. Сердце есть и у живого, но без разума оно не стало душой. Вы много говорите о душе, а сами накладываете на нее цепи. Вы превращаете душу в рабыню. Отбираете у людей живую душу и превращаете ее в мумию. А я хочу жить. Хочу думать не о смерти, а о голубом небе и цветах.

Возможно, читателю покажется невероятным, чтобы такие глубокие мысли и так могла выразить четырнадцатилетняя девочка. Я тоже не поверил бы, если бы в мою жизнь не вошла эта прекрасная душа, если бы я сам не был много раз до глубины души взволнован ясностью, мудростью и вдохновением ее слов о жизни, правде, кра-

соте, счастье, идеалах. Не преувеличиваю влияния Тины на верующих: они не стали атеистами, выслушав ее гневные и правдивые слова. Но эти слова кое-кого потрясли, особенно молодых, потрясли правдой, искренностью, непримиримостью к злу, насилию над человеком.

Столкнувшись с чужим идейным влиянием, Тина вступила в борьбу за свою духовную свободу и вышла победительницей. Если бы в те дни, когда девочку потрясла мысль о неизбежности смерти, а потом и мысль о своей неполноценности и недоступности настоящего счастья, ей не помогли, если бы вся жизнь, которая окружала Тину в школе, не была проникнута оптимистическим мировосприятием, она поддалась бы влиянию религиозного мировоззрения. Стойкость против чужих идейных влияний вырабатывается всем строем духовной жизни коллектива; ярче всего это качество проявляется при тех обстоятельствах, когда человек встречается с глазу на глаз с идейным противником.

* * *

Моральное богатство личности отличается единством мыслей, чувств, переживаний, деятельности.

Готовясь к воспитательной работе в течение одного, нескольких лет, всего периода отрочества, старайтесь определить прежде всего, что узнает за этот период подросток об окружающем мире и о себе самом, как отразится процесс познания в духовной жизни и особенно в деятельности. Отрочество по природе своей требует такой степени активности, чтобы идея, которую нужно сделать приобретением личности, глубоко осмысливалась, осознавалась, переживалась в моральных отношениях с людьми. Заботьтесь о том, чтобы познание идей, истин, которые волнуют народы нашей страны, все человечество, не было оторвано от того, что человек в это время делает.

Исключительно важно, чтобы мир мыслей, чувств, переживаний подростка постепенно расширялся — от взгляда на свое село, город, область до взгляда на свою Родину, на современность и будущее. Если подросток думает о проблемах, касающихся судьбы Родины, он принимает близко к сердцу то, что выходит за пределы удовлетворения его повседневных потребностей. Добивайтесь, чтобы

глубоко личным для подростка стало конкретное дело, которое будто не затрагивает интересов личности. В человеке начинается гражданин, когда сфера его личных интересов расширяется, включая в себя интересы многих людей.

Моральные отношения индивида с людьми пусть выражаются именно в том, чтобы интересы других людей становились для подростков личными. Тут мы вступаем в тонкую и сложную сферу воспитания личности: в сферу эмоционального и эстетического воспитания.

ЕДИНСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И МОРАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Познание окружающего мира не может быть беспристрастным, равнодушным его объяснением и пониманием. Убежденность, верность коммунистическим идеалам немислимы без высокой эмоциональной культуры, без высококондейной направленности чувств в процессе деятельности человека.

Общественно-политическое развитие нашей страны, новые задачи, которые встают перед каждым членом нашего общества, расширяют сферу вмешательства в окружающий мир. Чувство гражданского долга и личной ответственности за материальные и духовные богатства, созданные старшими поколениями, являются одним из важных источников морального богатства, всестороннего развития личности, идейной активности человека. Идея личной ответственности за все созданное нашим народом может стать моральным приобретением каждого подростка лишь при том условии, если в его душе утвердится глубоко личное отношение к этой идее, а оно невозможно без утонченного чувства долга перед обществом.

Уже за школьной партой человек в наше время мыслью проникает в сложные закономерности природы, общественного развития и своей собственной духовной жизни. Объектом все более пристального внимания становятся проблемы: человек и общество, человек и Родина, человек и коллектив, человек и природа, человек и будущее.

Отношение к труду, поведение в быту одного человека все больше отражаются на судьбе других людей. Благополучие, счастье зависят от того, как каждый человек ощущает людей вокруг себя, как он согласовывает свое поведение с интересами коллектива, общества. Воспитание и развитие таких чувств, как коллективизм, дружба,

доброжелательность, уважение к внутреннему духовному миру другого человека, приобретают все больший общественный вес. Эмоциональное бескультурье в отношении к людям рождает эгоизм, который является главным корнем равнодушия, антиобщественных поступков, преступлений. Корни аморального поведения людей, которые не знают, что такое эксплуатация человека человеком, в эмоциональном и моральном невежестве, которое соединяется с общей убогостью духовного мира. Чем больше материальных и духовных благ поступает в распоряжение молодого человека от старших поколений, тем более сильным, глубоким должно быть чувство долга личности перед обществом. Подчеркиваю: не только понимание того, что общество ничего не жалеет для моего личного счастья, а именно чувство, отношение к этому фактору общественных отношений в нашей стране. В воспитании подростков переживание чувства личного долга перед старшими поколениями приобретает особенно большой вес. Подросткам во всем величии раскрывается идея: человек — превыше всего, все в нашем обществе — для блага человека. Если познание этой истины не сопровождается высокой эмоциональной культурой, то величественная идея, призванная воспитывать человеческое достоинство, может обернуться не тем концом. Потребительские настроения как раз и есть результат того, что отдельные подростки не переживают стремления к моральной красоте собственного поведения, поступков, отношения к людям.

Свобода личности, в том числе и свобода чувств, является великим благом нашего общества. Но это благо может превратиться во зло, если взаимоотношения между людьми не пронизывает одно из самых чистых и самых благородных чувств: чувства человека, переживание того, что рядом со мной — люди, интересы и желания которых могут не сойтись с моими. Свобода чувств будет приносить общее благо только тогда, когда она вытекает из большой внутренней эмоциональной самодисциплины. Тут более чем в какой-либо иной сфере духовной жизни необходимо развитие чувства ответственности человека за другого человека. Подростков нужно подводить к понятию «свобода чувств» через дисциплину чувств, через самовоспитание и самоограничение.

Воспитание моральных, интеллектуальных, эстетических чувств в их тесной взаимосвязи имеет практическую

целенаправленность! научить молодого человека управлять своими желаниями, сознательно ограничивать их, быть властелином желаний, воспитывать в себе благородные человеческие потребности.

И. П. Павлов назвал эмоции темной силой¹⁸. Физиологическая основа эмоций таится в инстинктах, которые сближают человека с животным. Но человек поднялся над миром животных как раз потому, что его эмоции облагорожены специфической культурой, человеческим познанием, трудом, общественными отношениями. Первые сознательные движения руки для создания средств производства, первая искра человеческой мысли были вместе с тем и первой ступенью на пути к открытию мира красоты. Человек стал человеком тогда, когда увидел красоту вечерней зари и облаков, плывущих в голубом небе, услышал пение соловья и пережил восхищение красотой пространства. С тех пор мысль и красота идут рядом. Но это облагораживание требует больших воспитательных усилий.

В подростковом возрасте единство эмоционального и эстетического воспитания приобретает особое значение. Качественно новая ступень мышления способствует тому, что человек познает, охватывает мыслью и чувствами уже не только вещи, факты, явления, но и идеи, принципы. Чем ярче личное эмоционально-эстетическое отношение к социальной, общественной идее, тем глубже моральные чувства. В годы отрочества эмоционально-эстетическая оценка идей, окружающего мира особенно ярко переживается личностью. Это объясняется тем, что человек словно открывает, впервые видит мир через призму идей и принципов. Качественно новое видение мира, открытие многих новых вещей пробуждает личное отношение к идеям и принципам: подростка одухотворяет, восхищает добро и возмущает зло. Это важная сторона процесса становления моральных чувств. Моральная культура подростка в значительной мере зависит от того, насколько благородные, высокие чувства он переживает в связи с глубоким осмыслением сути сложных явлений общественной жизни, человеческих взаимоотношений.

От того, насколько ярко окрашиваются эмоционально познанные в годы отрочества идеи, принципы, насколько широкий круг фактов охватывает человек своим мысленным взглядом, насколько органично сливаются, соединяются эмоциональная и моральная оценки окружающего

мира, насколько глубоко отражаются познанные человеком идеи в его личной деятельности, борьбе, зависит тонкость, душевность, сердечность личного отношения к человеку и коллективу, к болям и радостям других людей. Добиться того, чтобы в процессе познания подросток вдохновлялся на борьбу за благородные идеалы, чувствовал себя единомышленником людей, образ которых вошел в духовную сокровищницу человечества благодаря их идейному мужеству, — в этом выражается высокий уровень педагогического мастерства.

Необходимо тонкое, разумное эмоциональное воспитание подростков. Оно определяется ролью знаний, обучения, интеллектуального развития в их духовной жизни. Нет на свете более трудного и напряженного труда, чем обучение в годы детства, отрочества и ранней юности. Труд этот становится желанным и обогащает духовный мир лишь тогда, когда одновременно с познанием, с овладением знаниями человек овладевает и высокой эмоциональной культурой. Без надежной эмоциональной основы невозможно не только успешное, но и вообще нормальное обучение. Отсутствие единства эмоционального воспитания и познания мира является одним из самых живучих и самых опасных источников равнодушного отношения к знаниям и в конце концов нежелания учиться. Эмоциональная культура умственного труда, процесс овладения знаниями — важная сторона интеллектуального богатства школьной жизни вообще.

КУЛЬТУРА ОЩУЩЕНИЙ И ВОСПРИЯТИЙ

Эмоциональное и эстетическое воспитание начинается с развития культуры ощущений и восприятий. Как для воспитания трудового мастерства необходимы длительные упражнения руки, которые развивают ум, интеллектуальные способности, так и воспитание духовной, моральной, эмоциональной, эстетической культуры требует длительных упражнений органов чувств, прежде всего зрения и слуха. Тонкость чувств, переживаний, эмоционально-эстетического отношения к окружающему миру и к самому себе зависит от культуры ощущений и восприятий. Чем тоньше ощущения и восприятия, чем больше видит и слышит человек в окружающем мире оттенков, тонов и полутонов, чем глубже выражается личная эмоциональная оцен-

ка фактов, предметов, явлений, событий, тем шире эмоциональный диапазон, который характеризует духовную культуру человека.

Эмоционально-эстетическая оценка идей, принципов как важнейший элемент идейного воспитания зависит от того, как глубоко способен человек переживать в связи с познанием окружающего мира такие чувства, как радость, восхищение, удивление, печаль, тревогу, стыд, гнев, возмущение, смущение, угрызения совести и пр. Я стараюсь, чтобы уже в детстве благодаря тонкости ощущений эти чувства и их многочисленные отклики сопровождали процесс познания картин и явлений природы. В годы отрочества эта воспитательная целенаправленность еще больше усилилась. Каждый мальчик, каждая девочка должны пройти длительную школу ощущений и восприятий, которая выработала бы у каждого широкий диапазон чувств, сопровождающих процесс познания, возникающих и развивающихся в процессе познания.

Мы совершали путешествия в мир природы в такое время и в такие места, где можно было раскрыть богатство восприятий. С наступлением весны мы каждый день шли на околицу села, поднимались на степной курган, с которого открывалась широкая долина, далекие луга. Каждый раз мы видели новые оттенки весенних красок. Мы подметили тонкие переходы серой, зимней окраски деревьев в зеленое убранство; склоны, поросшие кустарником, приобретали нежный зеленовато-коричневый оттенок. С каждым днем этот оттенок изменялся. В зависимости от погоды, особенно от того, как и г р а е т (так говорили подростки) весеннее солнце, переливались оттенки зеленого: от светло-изумрудного до зеленовато-фиолетового, от голубовато-зеленого до сиреневого. Мы заметили свыше двадцати оттенков весенней зелени. Особенно богатыми были переливы зеленых красок в лугах.

Подростки переживали чувство радости, восторга, удивления. Тонкость восприятия рождала тонкость чувств, развивала благородную человеческую потребность переживать эти чувства.

Чудесными уроками восприятий и ощущений были наши путешествия в лес, когда осень открывает свою богатую палитру. Трудно найти слова, чтобы передать безграничное богатство оттенков листвы в тихие солнечные дни «бабьего лета», особенно в солнечные утра после дождя или

росной ночи, когда прозрачный воздух словно раскрывает новые оттенки осенней окраски леса, сада, луга. Одни подростки находили свыше семидесяти оттенков и переходов от красного к желтому, от желтого к зеленому, от зеленого к синему, другие — свыше восьмидесяти. Варя и Люда на одном кленовом листе нашли девять переливов, как они говорили. Мишко, Люба, Костя увидели шесть оттенков зеленого цвета озимой пшеницы. В солнечные дни после уроков подросткам хотелось идти в поле, в лес, на берег пруда, чтобы видеть и радоваться.

Перед нами открылась новая удивительная красота окружающего мира — красота пространства. Мы начали наблюдать, присматриваться и заметили, что в утреннюю и вечернюю пору оттенки красок изменяются именно потому, что другим становится пространство. В воскресенье в пору «бабьего лета» мы шли в поле наблюдать, как говорили подростки, степную даль. Когда солнце достигало высшей точки на небосклоне, мы поднимались на высокую могилу скифов. Нашим глазам открывалась поразительная картина, на которую подростки не могли смотреть без радостного волнения. Мы долго молчали, словно боясь нарушить волшебную картину и то счастье бытия, которое переживали в эти минуты. Перед нами лежали поля, похожие на море, чуть встревоженное волнами.словно зеленые островки, стояли леса. Долина за долиной, возвышенность за возвышенностью, волна за волной, могила за могилой, лес за лесом — все это протянулось вдаль, словно зачарованное дно волшебного морского царства, а простор, дрожащее марево над полями, как прозрачная глубина вод, озаренных солнцем. Мы видели, как пространство накладывает десятки оттенков на нивы и луга, холмы и перелески, на села, раскинувшиеся в долинах и словно дремлющие под ласковым осенним солнцем, на темно-зеленые вишневые сады, на застывшие в обрамлении зеленых верб синие пруды («Кусочки голубого неба на земле», — говорили подростки). Мы любовались тончайшими переливами цветов — от светло-зеленого до темно-фиолетового, от нежно-голубого до густо-синего. Перед нами открывались цвета и оттенки пространства. Нас манила вдаль сиренево-фиолетовая дымка, укрывавшая край леса на горизонте. В следующее воскресенье мы пошли туда, нам открылись новые дали: Днепр, села и нивы, стройные ряды тополей и кудрявые вербы Заднепровья.

Видение и переживание красоты окружающего мира — один из главнейших источников понимания и переживания радости бытия, красоты жизни, неповторимости и уникальности той мысли, что я живу только в отведенное мне природой время в вечной жизни мира, природы, красоты. Очень важно, чтобы в отрочестве каждый подумал о том, как нужно прожить свою жизнь. Нам нужно учить человека дорожить жизнью — дорожить человеком, беречь человека, оберегать жизнь.

Никогда не забуду, как тихим летним утром на опушке мы наблюдали рождение дня и восход солнца. Мальчики и девочки стояли словно зачарованные, не могли отвести глаз от игры оттенков утренней зари: их захватывала игра красок и на небе, и в зеркальной глубине пруда, отражавшего красоту утра. В тихие, мягкие осенние дни мы научились отличать четырнадцать оттенков безоблачного неба. Таня назвала некоторые из этих оттенков словами «холодное, тревожное небо»; Данько назвал один из оттенков «спокойным небом»; Федя нашел для обозначения оттенков неба слова «глубокое и застывшее».

Путешествия в природу обогатили также наши слуховые ощущения и восприятия. В годы отрочества, как и в детстве, слушание музыки природы дает нам много радости, восхищения, удивления. В сердцах моих воспитанников на всю жизнь остались впечатления от *музыки весенних лугов*. Она была знакома им с детства, но теперь воспринималась и переживалась тоньше. Солнечным весенним днем, когда луга покрывались первой нежной зеленью, а деревья — легким сиренево-зеленым покрывалом, мы шли на берег пруда, садились у старой вербы, слушали далекий звон весенних лугов (этот художественный образ создали подростки). Мир звучал для нас тончайшими переливами звуков. В радостном, звонком небе (это слова Катя) курлыкали птицы, которые возвращались из теплых краев; плескались тихие волны, над головой дрожали гибкие ветви, где-то далеко на лугу время от времени раздавался какой-то тихий звон, казалось, что звенит голубой свод неба. Это была музыка, пробуждавшая в сердце тончайшее чувство радостного мировосприятия. Человек переживает радость общения с природой, ему хочется быть красивее, лучше. Зачарованная Лида сказала: «Как хорошо жить!..»

Мы ходили слушать, как шумит лес. Подростки улавливали тончайшие оттенки лесной музыки (слова Гали) в тихие дни летней жары и в радостные солнечные утра, после которых должны были наступить лучистые дни (слова Шуры) и настороженные вечера (слова Толи), когда багровая заря вещает ветренный, холодный день.

Огромное наслаждение давала нам и музыка летнего поля. В полдень мы шли в поле, ложились под колосьями пшеницы, смотрели в горячее небо (слова Ларисы) и слушали едва уловимый шепот колосков, шорох крыльев потревоженного перепела, серебристую песню жаворонка. Песня жаворонка была ведущей мелодией этой симфонии. «Кажется, что серебряными звоночками звенит весь мир», — сказала наша поэтесса Варя.

В заросшем кустарником овраге мы открыли (слова Коли) еще одну изумительную мелодию природы — музыку лесного ручья. Он пробивался из родника тонкий, певучий (слова Люды, поэтессы) и тихо журчал.

В холодные зимние дни мы шли к своему «Уголку мечты», разжигали огонь в таинственной пещере. Настоящим счастьем для нас было, когда в эти дни озорничала вьюга (слова Мишкá) или стучался к нам (слова Славкá) холодный ветер.

С детства моим воспитанникам запомнились радостные часы, проведенные в степи, недалеко от села: мы наблюдали угасание дня и рождение вечера, слушали музыку вечернего поля. В отрочестве эти часы стали особенно радостными и желанными. Мы сидели под высоким ясенем и смотрели, как вечерние сумерки окутывали (слова Сергейки) поле и село, слушали, как умолкают звуки дня и рождается новая музыка — музыка летней ночи.

Чувства, которые пробуждались под влиянием восприятия тончайших оттенков окружающего мира, развивали тонкость видения, чуткость, впечатлительность души. Каждый раз, когда мы возвращались из леса, поля, от берега пруда, я видел, как у мальчиков и девочек, образно говоря, широко открываются глаза не только на красоту природы, но и на все человеческое. Они делались более чуткими к душевному состоянию друг друга и к другим, «чужим» людям. Возвращаясь домой после слушания му-

зыки лесного ручья, мы увидели у дороги небольшое деревцо, сломанное машиной. Мальчики и девочки подошли к нему, долго стояли, печальные, задумчивые. Не было сказано ни слова, но чувствовалось, что в эти минуты в духовной жизни подростков совершаются сложные явления.

В эти годы подростки выращивали Сад для Людей и Виноградник для Людей. Нелегкий труд стал для мальчиков и девочек духовной потребностью. Особенно большое значение имело воспитание культуры ощущений и восприятий для подростков, семейное окружение которых таило в себе угрозу очерствления души. Стогло, бывало, Коле и Толе побыть два-три дня в семье, не общаться со школьным коллективом, как их сердца словно одевались в панцирь бессердечности, они становились грубыми, раздражительными, особенно Толя (такие недостатки порождаются наиболее часто грубостью, равнодушием, бессердечием людей, окружающих подростка дома). Этот панцирь можно было уничтожить пробуждением чувствительности к красоте природы, красоте идей и принципов к духовному миру других людей. Возбужденного, ошестившегося, настороженного Толю я вел в сад или луг. Старался, чтобы в этом состоянии человек ощущал вокруг себя красоту, чтобы перед ним открывалась новая грань человечности, сердечности. Очень важно, — в этом я много раз убеждался — что воспринимает подросток от воспитателя в те минуты, когда он возбужден, насторожен, ершист. Я рассказывал Толе о людях, которые творят красоту и радость другим людям. Как важно, чтобы человек, в сердце которого зло заронило зерно равнодушия, озлобленности, бессердечности, увидел, почувствовал что-то человеческое. Я видел, как постепенно тает льдинка в юном сердце, теплеют глаза. Мы углублялись в лесные чащи или далекие луга, перед нами открывался мир красоты. Я добивался, чтобы в эти минуты подросток воспринимал тончайшие оттенки красоты. Это необходимо прежде всего для воспитания чуткости юного сердца к слову.

СЛОВО И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЛОВЕКА

Тут мы вступаем в менее всего исследованную, таинственную сферу воспитания. Почему слово у одного учителя является могучим средством воспитания, а у другого оно мука адская для воспитанников?

Ведь никак нельзя согласиться с утверждением: словами человека не воспитаешь. Много ущерба принесла и приносит «теория» о том, что словесное воспитание — это «однобокое» воспитание. Есть учителя, убежденные в том, что к слову, как средству воспитания, нужно обращаться как можно реже; главное — режим, труд, контроль.

В этих взглядах и утверждениях отражается примитивное представление о воспитательном процессе. В воспитании нет единого, универсального средства влияния на духовный мир человека. Алфавитной истиной является то, что труд могучая воспитательная сила. Но и эта сила будет спящим богатырем, если к чувствительнейшим уголкам человеческой души не прикасается тончайший инструмент человеческого воспитания — слово. Неуважение к слову, неверие в слово порождают педагогическое бескультурье и примитивизм. «Если в самом понятии «словесное воспитание» есть что-то предосудительное, — думает кое-кто из учителей, — то для чего утруждать себя поисками и творчеством в этом деле?»

Духовные отношения между воспитателями и воспитанниками во многих школах я назвал бы педагогическим косноязычием. Большая беда в том, что воспитатель не умеет выбирать из сокровищницы языка как раз те слова, которые необходимы, чтобы найти путь к единственному, не похожему на другие, человеческому сердцу. Случайные слова отскакивают от сознания воспитанников как горох от стенки. Ученик не слышит слов воспитателя, его душа остается глухой к словам.

Слово является в определенном понимании единственным средством воспитания. Это особенно касается отрочества — возраста познания идей, принципов, обобщающих истин. Желание охватить сложные явления и отношения требует большой чуткости к слову и его оттенкам. Моральное, эмоциональное, эстетическое воспитание подростка немыслимо без развития в нем способности ощущать оттенки мысли и чувств людей. Эта чувствительность вырабатывается тогда, когда человек понимает и ощущает игру слова: его внутреннее смысловое богатство, эмоциональную окраску.

Воспитание чувствительности к слову и его оттенкам — одна из предпосылок гармонического развития личности. От культуры слова к эмоциональной культуре, от эмоциональной культуры к культуре моральных чувств

и моральных отношений — таков путь к гармонии знаний и нравственности. В соединении работы преподавателя языка и воспитателя (классного руководителя) я видел благоприятные условия для создания этой гармонии. Средством воспитания чувствительности к оттенкам эмоциональных красок, игры слова была высокая культура ощущений и восприятий. Я не случайно приводил примеры тех определений, которые давали подростки оттенкам красок и звуков. Каждое слово, найденное подростком в сокровищнице родного языка, требовало большого напряжения интеллектуальных и эмоциональных сил. Слово выражало большую внутреннюю работу подростка по самовоспитанию чувств. Это интеллектуальное вхождение человека в окружающий мир требует большой эмоциональной культуры, материальным носителем которой является только слово.

Чтобы слово педагога воспитывало, оно должно жить в душе воспитанника. Я рассказываю воспитанникам о красоте коммунистических идей, о борьбе за свободу и независимость Родины, о силе человеческого духа. Мои слова были бы пустым звуком, если бы в душах воспитанников я не извлекал тонкой чувствительности к слову, если бы каждое мое слово не пробуждало в них внутреннего эмоционального отклика. Чтобы воспитывать словом, нужно создать в юном сердце духовное богатство слова. Если его нет, начинается педагогическое косноязычие.

Я твердо убежден: много трудностей воспитания подростков скрывается в том, что интеллектуальное вхождение в мир не сопровождается тонкой работой воспитателя по развитию эмоционально-эстетической культуры, чувствительности к слову.

В подростковые годы продолжались наши путешествия к источникам мысли и слова, но уже ставилось целью не только ввести в активный запас новые слова и раскрыть их эмоционально-эстетическую окраску, но и дать эмоциональной культуре выразить себя в индивидуальном творчестве подростков, в духовных взаимоотношениях. Я стремился, чтобы слово, тонкости и эмоционально-эстетическая окраска которого раскрывались благодаря путешествиям к источникам мысли и слова, начало свою жизнь в душе подростка.

Вот мы любимся полем цветущей гречихи: вслушиваемся в неповторимые звуки пчелиной арфы, проникаем

в топкости слов. В младшем возрасте в таких случаях тут же начиналось коллективное творчество: дети писали сочинения, стихи. Теперь вдохновение красотой приобретало более индивидуальный, личный характер. Мальчики и девочки словно стыдились выражать свои чувства в присутствии коллектива. Начиналось индивидуальное творчество. Каждый сочинял свой рассказ-миниатюру, свое стихотворение о природе. В отрочестве буквально все увлекались стихосложением. Это был важный этап становления эмоционально-эстетической культуры. Время от времени мы проводили вечера поэтического творчества. Тем, что создано в минуты вдохновения, мальчики и девочки хотели поделиться с товарищами. То, что стихи твердо сохранялись в памяти, свидетельствовало, что слово живет в духовном мире воспитанников.

Почти все стихи были свободными. В этом в определенной степени обозначилось мое влияние: я часто слагал именно такие стихи; дети заимствовали не только стиль, но и дух мышления, характер восприятия окружающего мира. Я записал несколько десятков стихов, сложенных моими мальчиками и девочками. Вот одно из стихотворений нашей поэтессы Вари:

Песня жаворонка

Дождь на рассвете вымыл голубое небо.
Стал голубой небосвод
звонким и радостным, словно песня.
На колосках пшеницы — капли воды дождевой,
в каждой капле играет маленькое солнце.
Тихо-тихо в степи.
К земле склонились колосья и капля дождя.
Я иду по траве
и боюсь потревожить тишину полей.
Выхожу на древнюю скифскую могилу,
поднимаю руки над головой,
вдыхаю запахи грозы.
Стою и вслушиваюсь в тишину.
И вдруг от солнца,
из глубин небосвода,
вымытого на рассвете дождем,
звонкого, словно колокол из голубого стекла,
плывут тихие, нежные звуки.
Словно кто-то сыплет и сыплет зерно золотое
на прозрачный колокол — на голубой свод неба.
Колокол дрожит, и поет, и играет.
Я смотрю в лазурь,
вижу: комочек серый дрожит.

Это жаворонок солнце встречает.
Есть чудесная сказка о весенней птице:
падают искры на черную пиву,
искры от солнца,
оживают на земле комочки,
взлетают птицы в небо...
Поет жаворонок о матери — теплой земле,
о ярком солнце,
о своих детках,—
где-то в пшенице в гнездышке
сладко спят птенчики...

Влюбленный в красоту слова, человек становится чувствительней и требовательней к эстетическому и моральному бытию вокруг себя. Чем тоньше чувствительность к слову, к богатству его оттенков, тем глубже восприимчивость юного сердца к моральным поучениям, к тончайшим средствам влияния на духовный мир подростка — слову воспитателя и красоте всего человеческого. Большое значение в воспитании этой восприимчивости имеют путешествия в мир идей: беседы о силе духа, идейном мужестве, непримиримости к злу, нестигаемости в преодолении трудностей, величии и красоте преданности человека высокой идее. Характерной особенностью этих бесед является словно бы отход от конкретных фактов, событий, явлений к обобщающей истине, принципу. Подростки ощущают огромную потребность в таких беседах: им хочется рассуждать. Познание мира идей — особенность отрочества. Но чтобы идея воспитывала, подросток должен почувствовать, пережить ее красоту. Это возвышает, облагораживает человека.

Путешествие в мир идей я начинал с рассказа о явлении, событии, в которых раскрывалась духовная жизнь человека. Тихим зимним вечером подростки пришли в «Комнату сказки». Я рассказал об Александре Ульянове. Мальчиков и девочек в этом человеке увлекла красота мужества, верность убеждениям. Когда я рассказал, как Александр Ульянов с возмущением отверг предложение адвокатов просить милости у палачей народа, в глазах моих воспитанников загорелись огоньки гордости за настоящего человека. Началась волнующая беседа. Мальчики и девочки, словно отдаляясь от конкретного исторического события и конкретного подвига, высказывали свои мысли об идейной стойкости, верности убеждениям, чести. Перед нами раскрывался настоящий смысл этих понятий. Подростки

убеждаются: быть настоящим человеком, дорожить своей честью, пропестить верность высоким идеалам через всю свою жизнь — это несравненно выше элементарной человеческой порядочности. Это убеждение я стараюсь еще больше углубить, рассказывая о героическом подвиге Сергея Лазо, о титаническом труде Льва Толстого и Константина Циолковского, Ильи Репина и Игоря Курчатова. Стараюсь, чтобы в сознании и сердце подростков не стиралось настоящее значение высоких слов «честь», «подвиг», «мужество», «героизм», чтобы у них не утвердился легкомысленный взгляд на афоризмы: «В жизни всегда есть место подвигу»¹⁹, «Подвиг может совершить каждый». Подростки убеждаются, что есть большая разница между благородным поступком и подвигом, элементарной порядочностью и коммунистической убежденностью, осуществлением требований дисциплины и мужеством, честностью в быту, в повседневной жизни и высокой гражданской честью.

ПОЗНАНИЕ ИДЕЙ

После того как истина стала понятной, все духовные силы человека устремляются на то, чтобы запомнить, заучить, знать, ответить, «выложить» учителю свои знания. И тогда уже сердце остается равнодушным к тому, что осмысливает разум. Воспитательная сила моральных, политических, общественных, эстетических истин у отдельных преподавателей снижается тем, что на уроках, где раскрывается смысл этих истин, преобладают приемы умственного труда, направленные на запоминание, логическую классификацию фактов и т. д. Я знаю преподавателя истории, который очень увлекался разнообразными таблицами и схемами. Вот перед подростками раскрыт величественный подвиг нашего народа в Отечественной войне 1812 года. С замиранием сердца слушают мальчики и девочки рассказ о всенародной борьбе против захватчиков. Но вдруг учитель скороговоркой заканчивает свой рассказ и предлагает ученикам составить логическую схему: «разложить по полочкам» причины, способствовавшие нашей победе. Одухотворенность угасла, «анатомирование фактов» превращает живую плоть идеи в мертвую схему. Идея словно ползает по поверхности сознания и не затрагивает сердца.

Настоящее познание идеи (познание умом и сердцем, формирование личного отношения к моральной истине, принципу) начинается тогда, когда вы обращаетесь к внутреннему духовному миру своих воспитанников. Если материал уже понятен, не торопитесь переходить к следующему разделу или теме. Найдите слова, которые побуждают к раздумьям, к осмыслению. В подростковом возрасте очень важно дать возможность взглянуть на вещи собственными глазами, стать словно бы участником и судьей событий. С этого, по сути, начинается эмоционально-эстетическое познание, в этом состоит формирование убеждений.

Подростки очень чутки к добру и злу, справедливости и несправедливости, чести и бесчестию. Поэтому познание закономерностей общественной жизни и духовного мира человека должно быть для них в то же время эмоционально-эстетическим познанием добра и зла. Найдите такие слова для обращения к уму, сердцу, совести своих воспитанников, чтобы они не только поняли суть добра и зла, но и четко определили свою моральную, идейную позицию. Найдите слова, которые бы побуждали переживать чувство непримиримости к социальному злу. Переживание непримиримости к идейному противнику — это важное духовное состояние, без которого немислимо формирование моральных убеждений. Когда я рассказывал о Джордано Бруно, в глазах мальчиков и девочек вспыхивали огоньки ненависти к инквизиторам, которые жестоко расправлялись с лучшими людьми, открывавшими человечеству глаза на мир. Раскрывая идею борьбы разума и невежества, свободымыслия и религии, я видел перед собой не абстрактного ученика, ум которого «обрабатывает» то, о чем рассказывается, а живых, с чуткими сердцами Толю и Колю, Славка и Нину. Вера воспитанников в торжество добра, в справедливость, во все светлое и честное зависит от того, как они будут относиться к реальным носителям добра и зла. Я считал большим успехом своей воспитательной работы то, что образы мужественных людей, для которых отказ от истины был великим позором, а смерть со словом истины на устах — честью, вошли в сердца мальчиков и девочек, которые видели в жизни вокруг себя не только добро, но и зло.

Рассказывая о фашистских зверствах на нашей советской земле, об адских печах Майданека и Бабьем Яре в Киеве, я стремился утвердить в юных сердцах дух борьбы

против сил, которые и в наши дни готовятся разжечь мировую войну.

На уроках литературы и истории перед сознанием и сердцами мальчиков и девочек раскрывалась история морали.

Я показывал, как в человеческом обществе складывались элементарные нормы моральной культуры, как человек труда бережно заботился и передавал из поколения в поколение все лучшее, добытое и созданное общим трудом, борьбой за счастливую жизнь.

В беседах по истории морали особое место занимало становление идеи и чувства Родины. Эмоциональное отношение к этой идее определяет моральное лицо гражданина. В жизни человека должно быть что-то самое главное, что стоит выше всех повседневных забот, тревог, страстей. Двое могут переживать неприязнь друг к другу, по там, где речь идет о великом и священном — Родине, они единомышленники, соратники и друзья. Отношение к идее Родины как к священнейшему и самому дорогому облагораживает все человеческие чувства, сближает, роднит людей, очищает души от всего, что унижает их достоинство.

Утверждение святого и нерушимого в сердце каждого юного гражданина требует внимательного, вдумчивого взгляда на историю человечества. Я показывал, как чувство Родины возвеличивает человека, вдохновляет на героические подвиги. Настоящее бессмертие человека — в безграничной любви к Отчизне. Несколько раз рассказывал я мальчикам и девочкам о бессмертном подвиге нашего земляка, Героя Советского Союза, черноморского моряка Алексея Калюжного, который в битве за Севастополь был смертельно ранен и, умирая, написал письмо своим родителям, молодежи, будущим поколениям. Читал слова этого письма, вычеканенные на могиле героя, призывал задуматься над своей судьбой и судьбой Родины. Рассказ всегда пробуждал глубокий интерес и желание поделиться раздумьями. С таким же интересом слушали мальчики и девочки рассказы об Александре Матросове, Николае Гастелло и тех, кто повторил их подвиги. Никогда не забуду, как после рассказа о подвиге Александра Матросова, Толя сказал: «Без Родины настоящий человек и дня прожить не может. Родина делает каждого из нас настоящим человеком».

«Почему это так? — спросил Ваня. — О самом дорогом мы как-то забываем. Вот перед нами широкие поля, созревает пшеница. Мы думаем: будет хороший урожай. И почему-то забываем, что это наша Родина. Наверное, потому, что человек забывает и о своих глазах, когда они у него есть. И о руках, если есть руки. А вот я слышал рассказ инвалида Отечественной войны. Он попал в плен к фашистам. В кармане у него как-то сберегся маленький серый камешек, который он подобрал, когда военнопленных фашисты гнали на запад, в неволю. И этот камешек согревал ему душу, напоминал о Родине, поддерживал веру в победу, потому что напоминал, что есть родная земля».

Слова Коли: «Посмотрел я на высокую степную могилу и подумал: «Ведь тут, на нашей земле, далекие предки наши били татарских пришельцев. И шведов били, когда они бежали от Полтавы в Турцию. И белогвардейцев, и фашистов били. Это уже наши деды и отцы. Вот и путь, по которому пришла в наше село освободительница — Советская Армия. Так ведь это Отчизна».

Казалось бы, обычные, много раз произнесенные слова. Но нет, они — откровение для подростков. В этих словах живет идея Родины, потому что живет она в их сердцах.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ПОДРОСТКА

Все годы работы в школе меня волновала проблема взаимосвязи и зависимости между эмоциональным состоянием, с одной стороны, и идейным, моральным, умственным развитием, формированием убеждений, с другой стороны. Длительные наблюдения над духовной жизнью, трудом, обучением одних и тех же школьников, непосредственное участие в духовной жизни и труде коллективов, многолетняя дружба с отдельными воспитанниками — все это дает возможность сделать вывод, касающийся гармонии всех сфер жизнедеятельности личности. Эмоциональное состояние является, образно говоря, дрижером, от взмаха чудесной палочки которого разрозненные звуки превращаются в стройное звучание прекрасной мелодии. Если в детские годы чувства быстро захватывают духовный мир человека и так же быстро сменяются, то в годы отрочества преобладает эмоциональная стойкость состояния. Делается тонкой, обостренно чувствительной связь между разумом

и чувствами, чувствами и моральным сознанием, эмоциональным отношением к окружающему миру и действительностью.

Содержание, характер, направленность мышления подростка глубоко отражаются на его эмоциональном состоянии, порождая не только интеллектуальные чувства, но и накладывая отпечаток на всю духовную жизнь, создавая то, что я назвал бы чувством полноты духовной жизни. Задача учителя состоит в том, чтобы умственный труд (а он является определяющим в жизни подростка) был деятельностью, проявлением активных сил души, самоутверждением и самопознанием человека. Настоящее мастерство учителя-воспитателя раскрывается в том, что под его руководством в процессе обучения подросток выражает себя. Определяющим эмоциональное состояние является отношение к самому себе, видение самого себя в сложном, многогранном окружающем мире. Выражение себя — очень сложная и нелегкая сфера воспитания и самовоспитания. Она не может ограничиваться только уроками. Обучение, приобретение знаний — это многогранная умственная, трудовая общественно полезная деятельность. Мы стремились, чтобы она десятками, сотнями нитей была связана со сложной и разнообразной интеллектуальной жизнью подростка, с его трудовым и идейным самоутверждением.

Чем больше подросток углубляется в мир знаний и труда, тем больше он ощущает себя человеком, творческой личностью. Мы заботились о том, чтобы приобретение знаний связывалось с творческим их применением, чтобы знания не оставались мертвым грузом. Особенно целесообразно было осуществить это воспитательное задание по отношению к тем подросткам, которым знания доставались нелегко. Старательность и трудолюбие Петрика, Нины, Славка держались на тоненькой ниточке эмоционального стимула; как только перервется эта ниточка — ничего не останется, учеба их превратится в тяжелую, непосильную повинность. Как важно, чтобы эта ниточка делалась крепкой и надежной, чтобы человеку не грозило разочарование!

Мы пришли к выводу: подросток, каким бы посредственным ни был общий уровень его способностей, в чем-то одном должен достигать, переживать значительный успех, чувствовать себя в чем-то настоящим творцом, властителем знаний. Это как раз и является прочным основанием того, что связывает человека со школой, с миром интел-

лектуальной жизни, с человеческой культурой вообще. Славко с большими трудностями разбирался в закономерностях исторической науки. Ему было трудно понять обобщающую истину. И в математике мальчику трудно было «поймать» переход от реальных вещей и фактов к абстрактной закономерности: алгебраическая формула или теорема были для него тайной за семью печатями. Нужно было найти в умственном труде, в интеллектуальной жизни ту сферу, в которой бы подросток ощутил себя настоящим творцом. Мы нашли две сферы. Первое — это чтение научно-популярной литературы о странах и народах мира. Славко увлекся такими книгами; постепенно у него собралась библиотека, он стал в коллективе знатоком географии и этнографии. Часами он мог рассказывать товарищам о народах Индонезии, островах Индийского океана, Африки, об их культуре, быте, традициях. Второе — это изготовление моделей геометрических фигур. Учитель учил Славку передавать объемные и пространственные представления, связанные с теоремами, в моделях, изготовленных из пластмассы, стекла. Увлечшись этой работой, подросток стал понимать сущность абстрактных истин. Упорным трудом, изучением учебников он добился того, что геометрия стала его любимым предметом. С каждым годом крепла нить, которая связывала Славку с интеллектуальным трудом, со школой. Он ощущал свою полноценность, не терялся перед трудностями.

Петрик с огромными трудностями осмысливал грамматические правила, допускал грубые ошибки. Сочинения по литературе долгое время казались ему чем-то непостижимым. Много раз мы ходили с ним в поле, к пруду, в лес и всматривались в цвета и оттенки, вслушивались в звучание музыки природы. Постепенно мальчику стали открываться тонкости слова. Для меня было большой радостью, что в глазах мальчика исчезло выражение равнодушия. Пробудился интерес к творчеству. Я читал сочинения-миниатюры, сложенные тут же, среди природы; мальчик зажигался желанием сказать и свое слово о картинах и явлениях, которые вдохновляли меня; мое вдохновение передавалось ему.

Отражение знаний в эмоциях — важное условие перехода знаний в убеждения, условие становления убежденности и мировоззрения. Эмоциональное состояние имеет огромную возвратную силу влияния на ум, на всю интел-

лектуальную жизнь подростка. В годы отрочества ум особенно чувствителен к эмоциональному состоянию. Тысячи фактов убедили меня в том, что жизнерадостное мировосприятие, чувство власти над вещами, явлениями и истинами, уверенность в своих силах пробуждают новые родники памяти, мысли, сообразительности.

Полнота духовной жизни — понятие широкое и многогранное. Благотворным; но, к сожалению, еще малоизученным источником полноты духовной жизни подростка является творческий труд, в котором органически сливаются мастерство рук и знания. В понятие «деятельность» мы вкладываем как раз то слияние творчества ума и руки, в котором рождается полнота духовной жизни. Мы добивались, чтобы у каждого подростка была своя любимая, интересная, волнующая работа; чтобы чувство, рождающееся в этой работе, переносилось на обучение, на моральные отношения в коллективе. Условием этого переноса не обязательно должна быть непосредственная связь работы с теоретическим материалом, который сейчас изучается на уроках. Работа обогащает интеллектуальную жизнь и усиливает интерес к учебе независимо от того, как она связана с программой, с процессом обучения. Наоборот, очень важно, чтобы творческая работа рук способствовала расширению сферы познания.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ВОСПРИИМЧИВОСТЬ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ И МОРАЛЬНЫХ ИДЕЙ, ПРИНЦИПОВ, ИСТИН

Рассказывая о своем тяжелом детстве, о тяжелой руке деда Каширина, М. Горький писал: «С той поры во мне появилось беспокойное внимание к людям, и, словно мне содрали кожу с сердца, оно стало нестерпимо чувствительным ко всякой обиде и боли своей и чужой»²⁰. Выработать беспокойное внимание, нестерпимую чуткость к человеку — одна из важнейших задач школы. Это большое счастье, что в жестокое время и в жестокой обстановке сердце, с которого «содрали кожу», стало эмоционально восприимчивым. В подавляющем большинстве случаев бывает иначе: обида и жестокость огрубляют сердце, делают его жестоким. Однако воспитание эмоциональной восприимчивости состоит вовсе не в том, чтобы человек прошел через горнило обид и унижений.

Важнейшим средством воспитания эмоциональной восприимчивости, которая играет исключительную роль в становлении всех человеческих качеств, является единство слова воспитателя и деятельности воспитанника. Эмоциональная чуткость к мировоззренческим истинам, идеям, принципам, закономерностям — это, образно говоря, тот огонек, от которого вспыхивает порох убежденности, принципиальности, верности человека своим убеждениям. Человек дорожит священным и непоколебимым только тогда, когда он пережил, перестрадал, ощутил глубину идей, принципов, истин. Коммунистическая убежденность формируется благодаря единству логического познания мировоззренческих идей и эмоционального познания: осмысливая сущность мировоззренческих истин и идей, воспитанники переживают восхищение, удивление, гордость за величие, мудрость, красоту человека.

Это достигается не какими-то специфическими приемами, не громкими фразами или искусственным пафосом, а глубиной материалистического толкования истин, идей, принципов — такого объяснения, при котором подчеркивается могущество разума человека, его творчества, идейной непримиримости к злу, тьме. Эмоциональное познание не требует от подростка каких-то специальных средств выражения чувств. Оно должно отражаться в глубине души — в этом как раз и состоит его сила.

Восприимчивость к мировоззренческим идеям, истинам, принципам через переживание их величия, мудрости и красоты только начинается. В отрочестве роль активного выражения взглядов, убеждений в духовной жизни человека особенно велика. Для полноты духовной жизни, для жизнерадостного мировосприятия, оптимистического видения мира и становления уверенности в своих силах важно, чтобы подросток чувствовал словно бы столкновение своих взглядов и убеждений с чем-то противодействующим.

Это противодействие является как бы горючим для новой эмоциональной вспышки, для ярчайшей личной оценки правды, справедливости, величия, красоты мировоззренческой истины. Мы всегда заботились о мировоззренческом характере труда подростков, стремились к тому, чтобы труд для подростка был не только обязанностью, но и формой, средством выражения и утверждения взглядов, отношения к истине. Противодействием являются трудности, преграды, которые нужно преодолеть, чтобы выразить

самого себя. Подросток, например, знает, что мертвую глину можно за год превратить в живую, плодоносящую почву, — для этого нужно создавать среду, которая способствует жизнедеятельности полезных микроорганизмов. Выполняя эту работу, он не просто убеждается в истинности научных знаний — он утверждает в своем чувстве гордости за науку, познания человека, за самого себя. Это и есть та духовная борьба, в которой закаляются моральные силы человека. Настоящее моральное воспитание невозможно без воспитания эмоционального.

Моральная и политическая идеи обобщают тысячи и тысячи явлений, событий, человеческих страстей. По своей природе моральная и политическая идеи имеют могучий эмоциональный корень, который при надлежащем воспитании дает живую ветвь человеческих поступков, забот, тревог. Но этот корень требует определенной среды. Чтобы он ожил и дал росток, идею нужно пережить, почувствовать, а это значит — соотнести с собой. Глубоко личное, эмоциональное отношение к идее у подростка рождается, крепнет, развивается лишь при том условии, если в его жизни есть личное отношение к человеку: чтобы понять нравственность, нужно полюбить человека и вместе с тем нужно уметь ненавидеть все, что унижает человека.

Эмоциональная восприимчивость к моральным истинам, идеям, принципам становится реальностью тогда, когда подросток, познавая мир, входит в него как активное, действенное начало. Познавать окружающий мир умом и сердцем — это значит постичь моральные истины, идеи, принципы в их реальном, конкретном выражении: в отношениях с живыми людьми, в пристрастиях, поступках, столкновениях взглядов и судеб.

Становление морального облика в годы отрочества определяется главным образом идеей: нравственным является все, что помогает борьбе за коммунизм. Доносить до сердца эту великую нравственную и вместе с тем политическую идею — значит вводить подростка в мир гражданской жизни, давать ему гражданскую радость служения Отчизне, обществу. Мы всегда усматривали высокую воспитательную миссию школы в том, чтобы ведущими, самыми сильными в духовной жизни подростков были гражданские чувства: радость, гордость и ответственность. Эти чувства гармонично сливаются, подросток видит в своей деятельности гражданскую целенаправленность.

Большое внимание уделяли мы также познанию идей: делай добро людям, понимай и ощущай радости и горе человека, который живет рядом с тобой, вкладывай в него частицу своей души, будь непримирим к равнодушию, ненавидь унижение человеческого достоинства — и ты будешь настоящим человеком. Воспитывать эмоциональную восприимчивость к этой идее — это не значит без конца повторять ее с целью закрепить в сознании, памяти. Человек даже может не знать этой идеи как логического суждения, но если он делает добро другим людям и переживает при этом благородные чувства, то постигнет моральную идею и умом и сердцем. Для подростка характерна одна очень важная особенность: чем ближе он принимает к сердцу все, что совершается вокруг, тем больше у него интерес к явлениям окружающего мира, тем тоньше чувствительность, восприимчивость его души к слову воспитателя, к моральному поучению, к словесному выражению моральной идеи. Восприятие окружающего мира умом и сердцем — важнейшая предпосылка становления моральной культуры. Моральное равнодушие имеет своим корнем эмоциональное равнодушие.

Воспитывать чувства — это не значит говорить о чувствах или учить переживать. К. С. Станиславский не раз говорил, что «чувства показывать нельзя». Если искусственность, нарочитость в воспитании вообще недопустимы, то в воспитании эмоциональной культуры они особенно вредны. Вера педагога в действенность и воспитательную силу схемы: пойми то, что я тебе говорю, почувствуй то, что я хочу утвердить в твоей душе, и ты будешь хорошим человеком, — ведет к тому, что высокие слова в сознании подростка могут превратиться в разменную монету, обесценятся. К чувству нужно подвести, необходимое для становления моральной и эмоциональной культуры чувство нужно вызвать, пробудить, а для этого необходимы эмоциональные ситуации.

Использование безграничного богатства жизненных ситуаций в отношениях между людьми, умышленное создание ситуаций для воспитания эмоциональной культуры — это сфера наитончайшего педагогического мастерства, суть педагогической культуры. Нельзя быть педагогом, не овладев тонким эмоционально-эстетическим видением окружающего мира. Как много из того, что происходит рядом с детьми, подростками, юношами и девушками, безвозвратно

теряется для морального и эмоционального воспитания, и причиной этих утрат является то, что педагог не вырабатывает, не развивает в себе эмоционально-эстетическое видение мира. Это не какое-то врожденное духовное качество. Оно только приобретается, постигается, вырабатывается, совершенствуется, умудряется жизнью. Если говорить о педагогическом опыте, о годах труда как его источнике, то в это понятие я включил бы прежде всего тонкость эмоционально-эстетического видения мира, и прежде всего человека. Педагог становится наставником детей и юношества постольку, поскольку он тонко и чутко познает мир умом и сердцем. В воспитании подростков это качество приобретает особый смысл. Перед подростком неудержимо расширяется горизонт, его ум приобретает способность к познанию, логическому анализу обобщающих истин; человек в этом возрасте видит то, что далеко от него, и часто не замечает того, что близко. Развивая и углубляя то, что требует природа отрочества и общественное положение подростка, воспитатель должен в то же время развивать в нем способность видеть умом и сердцем вещи и явления буквально в двух шагах от себя.

ЭМОЦИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ДОСТОИНСТВО

Воспитание гражданского достоинства личности — одна из тончайших сфер влияния на духовный мир подростка. Воспитатель должен сделать все для того, чтобы воспитанник чувствовал себя активной силой, способной влиять на общественное развитие. Гражданские чувства — это самые высокие и благородные движения души, они возвеличивают человека, утверждают в нем общественное сознание, честь, гордость. Гражданские чувства являются главным источником моральной чистоты. У человека с глубоко развитым чувством гражданского достоинства собственное, личное видение мира; все, что совершается вокруг него, он рассматривает через призму общественной значимости: то, что, казалось бы, не касается его личности, входит в его душу как личное.

Чувство гражданской чести и гордости начинается с эстетического наслаждения высоким моральным поступком. Это чувство доступно человеку уже в детские годы, а в подростковом возрасте оно ярко озаряется сознанием, пониманием идейной сути морального благородства. Эстетическое

переживание моральной красоты — важное условие познания общественного величия человека. Тонкость влияния на духовный мир подростка в том и состоит, чтобы эстетическое наслаждение моральной красотой сливалось с познанием человека. Рассказывая о высокоморальном поведении, я старался обращаться непосредственно к духовному миру подростка. Подросток очень чувствителен именно к такому обращению, он открывается перед воспитателем: становятся чуткими, впечатлительными самые сокровенные уголки его сердца.

Я рассказывал подросткам о вершине человеческого благородства — о подвигах героев Великой Отечественной войны, которые, отдавая жизнь во имя свободы и независимости Родины, выражали гневное презрение к врагу, в страшных муках сохраняли гражданскую гордость и ощущали свое моральное, духовное превосходство над врагом. Познавая красоту и величие гражданского подвига, подростки обращаются именно к себе, задумываются над вопросом: «На что способен я?»

Взволновал учеников подвиг тринадцатилетнего пионера Саша Ковалева из Нальчика. Толовыми пашками он поднял в воздух мост, по которому отступали фашисты, и сам был ранен во время взрыва. Его привели в фашистскую комендатуру. Комендант сказал: «Назови тех, кто тебя научил, и тебя отпустят домой». Саша ответил: «Никто не научил». Комендант кинул пионеру плитку шоколада. «Вот тебе, фашистская гадина!» — крикнул пионер и растоптал шоколад. Комендант ударил мальчика головой о стену. Его повели на расстрел в дубраву. Не смея взглянуть мальчику в глаза, эсэсовец выстрелил ему в спину.

Рассказывал я и о безымянном герое — советском воине, узнике Бухенвальда, который отказался спясть пояс, на пряжке которого спяла наша советская звездочка. Когда за ним пришли эсэсовцы, он убил одного, а другого ранил. Никогда не забуду, с каким вниманием слушали мои воспитанники о героическом подвиге нашей землячки — комсомолки Веры Повши. Вместе со своими подругами она писала антифашистские листовки, прятала советских солдат, бежавших из плена. Веру схватили фашисты, стали пытать. Фашист выколол ей глаз. «Если назовешь имена своих сообщников, — сказал гестаповец, — будешь жить. Не назовешь — выколем второй глаз. Будешь молиться,

просить смерти». Вера с презрением плюнула в глаза фашисту. Пересиливая нечеловеческие страдания, она сказала: «Ты кончишь свою жизнь на виселице, подлец».

Вдумываясь в эти прекрасные, высокие подвиги героев, каждый подросток мысленно поднимался до героического. Его воображение рисовало величественные картины гордости народа, силы его духа, красоты чувств. Благодаря высоким чувствам в эти минуты он умом и сердцем постигал мысль, что в человеческой жизни есть вещи, которые нельзя ни с чем ни сравнить, ни сопоставить, — свобода и независимость родной земли, ее слава, могущество, достоинство.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Суть эмоциональной ситуации как средства воспитания состоит в том, что человек сердцем ощущает тончайшие движения сердца другого человека и отвечает на них собственными душевными движениями.

Для эмоциональной ситуации характерна деятельность, которая выражается в душевных порывах, — деятельность словно бы стихийная, никаким замыслом не побуждаемая: моральные ценности, приобретенные раньше, вступают в действие. Деятельность, которая не предусматривается заранее и не подготавливается, а возникает под влиянием обстоятельств, является одновременно и проявлением определенной эмоционально-моральной культуры — средством дальнейшего развития, углубления благородных человеческих страстей.

Мать решила отправить Толю жить к дяде. Мальчику нелегко было разлучаться с коллективом, но где-то в глубине души таилась надежда, что, может, там, в иной обстановке, его жизнь станет легче. Коллектив чувствовал эти переживания Толи. Все грустили: разлучаться было нелегко. За несколько дней до отъезда подростки принесли мальчику подарки. Купили альбом, и каждый на отведенной ему странице что-то нарисовал и написал. Наступил день отъезда. Договорились, что на железнодзржкую станцию (за два километра от школы) пойдут пятеро — трое мальчиков и две девочки. Поезд отходил во время третьего урока. Уже на первом уроке стало ясно: мальчикам и девочкам не до занятий. Я понял, что все они пойдут провожать товарища. Боялся только одного: неужели

у них не хватит решимости попросить, чтобы отпустили с уроков? Они ушли, прислав делегата, который сказал: «Разве можно в такой день оставить товарища? Уроки проведем после всех занятий»... Для меня было настоящим счастьем, что мальчики и девочки сделали так, как им подсказывало благородное чувство. Хорошо, что они не испытывали этого чувства мучительными размышлениями: «Как быть? Можно ли так сделать? Не будет ли неприятностей?»

В поступках такого рода приобретается большое духовное богатство: человек утверждает в своих благородных чувствах. Яркое эмоциональное проявление внутреннего мира усиливает чистоту человеческих отношений: углубляется чувство долга человека перед человеком, развивается чуткость сердца. Отношение коллектива сыграло большую роль в жизни Толи.

Детская и юношеская способность жить сердцем, отдавать свое сердце людям особенно остра тогда, когда в воспитательной работе осуществляется единство эмоционального и морального влияния. Эта бескорыстная способность делает жизнь светлой и радостной. Полнота духовной жизни детей и подростков немыслима без утонченной потребности отдавать свое сердце людям, вообще живым существам, вещам — всему тому, что воплощает в себе красоту нашего бытия. Всем хорошо известна духовная потребность ребенка приручать — отдавать свою душу, одухотворять, оживлять все вокруг себя. Кукла для ребенка — живое существо, которое он наделяет умом, чувствами, характером. Эта духовная потребность не является чем-то врожденным. Она то первое человеческое, что передают люди маленькому существу, которое пришло в мир и стремится стать человеком. Эта благородная человеческая потребность приручать, одухотворять, отдавать свое сердце указывает воспитателю путь, которым нужно идти, воспитывая эмоциональную чуткость и восприимчивость к моральным истинам, идеям, принципам. Детское сердце должно быть кому-то, чему-то предано. Если маленький человек не оставил частицы своего сердца в кукле, лошадке, плюшевом медвежонке, птичке, нежном и беззащитном цветке, деревце, в любимой книге — для него недоступно глубокое чувство человеческой дружбы, верности, преданности, привязанности.

Свою воспитательную задачу я видел в том, чтобы в отдаче сердца между детством и отрочеством не было границы, чтобы сердечное богатство, приобретенное в детские годы, со временем не было растеряно. Именно в утрате эмоционально-моральных приобретений детства, а часто и в ограниченности, убогости эмоционально-эстетического мира детства и кроется одна из причин трудности воспитания подростков. Большой вред воспитанию наносит формализм: многое из того, что делают дети и подростки, не касается их сердец, ползает по поверхности сознания (например, иногда даже помощь инвалидам, больным превращается в очередное «мероприятие» и становится предметом оценки, выставленной баллами, очками... Трудно найти что-то другое, что в большей степени уродовало бы детское сердце).

Я заботился о том, чтобы у подростков была богатая эмоциональная жизнь в мире дружбы, красоты, чтобы каждому что-то стало безгранично дорогим, сердечным, чтобы как можно больше живых существ и вещей, которые вошли в духовную жизнь в детские годы, сохранили в эмоциональном мире свою чарующую привлекательность на все годы отрочества.

Одухотворению вещей, растений, животных был, по сути, подчинен труд как в детстве, так и в подростковом возрасте. Решающее значение имело не то, сколько деревьев посадил каждый ребенок, а то, чем стало для него хотя бы единственное деревцо, как оно вошло в его сердце. Одухотворенный труд соединяет эмоциональную культуру детства с эмоциональной культурой отрочества. Уголки красоты, созданные в детские годы, на всю жизнь вошли в духовную жизнь моих воспитанников как любимейшие места. Через много лет после прощания с друзьями и учителями взрослые, зрелые люди стремились побывать в этих местах.

Большую роль в воспитании чуткости юного сердца к окружающему миру играет эмоциональная память. Поэтому я старался обогатить эмоциональный мир человека в годы детства и отрочества яркими впечатлениями, переживаниями, чтобы эмоциональное отношение к окружающему миру было не быстропреходящим, а оставляло свой отпечаток в душе, пробуждало чистые мысли и побуждения.

В развитии и обогащении эмоциональной памяти — единство эмоционального и эстетического воспитания. Нашим ученикам в годы их детства открылось несколько уголков поразительной красоты. Это были вербы, склонившиеся над прудом, тихие сумерки дубрав, старая черешня в овраге, сиреневый сад. Красота этих уголков пробуждала в детях чувство удивления. Широко раскрытыми глазами смотрели они на мир, переживали счастье наслаждения красотой. Воспоминания детства, связанные с картинами природы, обостряли чувствительность, восприимчивость к окружающему миру. Подростки видели красоту природы, потому что открыли ее в детстве и она запечатлелась в их эмоциональной памяти.

Источником обогащения эмоциональной памяти является музыка. Я стремился, чтобы восприятие музыкальной мелодии в детские годы связывалось с чистыми, благородными, высокими чувствами и — что особенно важно — побуждениями. Слушая среди природы произведения Чайковского, Грйга, Бетховена, Баха, дети создавали в своем воображении картины борьбы добра и зла; мыслями и сердцем они были на стороне доброго, прекрасного, справедливого. Именно в эти минуты у детей пробуждалось желание сделать что-то хорошее. Эта облагораживающая сила музыки переносилась в отрочество. Время от времени мы проводили музыкальные вечера и утренники. Главным образом это было слушание музыки.

ВАЖНЕЙШИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

1. От того, как воспитатель сумеет научить своих воспитанников ощущать сердцем внутренний мир другого человека, зависит духовная красота личности, которую мы должны создать из живого, мыслящего и переживающего существа, не ставшего еще человеком в полном смысле этого слова. Искусство облагораживания ребенка и подростка высшими чувствами и переживаниями является искусством сопереживания. Я добивался, чтобы уже в детские годы человек понимал и ощущал сердцем тончайшие душевные движения другого человека.

Рассказывая своим воспитанникам о маленьком инвалиде — дошкольнике Петрике, прикованном к постели тяжелой болезнью и лишенном радостей детства, я хотел,

чтобы каждый мальчик, каждая девочка представляли себя на месте больного. С этого и начинается сопереживание. Мы ходили к мальчику, носили ему книги, игрушки. Петрик был впечатлительным, очень остро и чутко воспринимал окружающий мир. Сначала он насторожился, относился к нам с каким-то недоверием, но чистосердечность подростков и доброжелательность их побуждений растопили льдинку в детском сердце. Он ждал мальчиков и девочек, рассказывал о своих детских радостях и тайнах: о ласточке, слепившей свое гнездо над его окошком, о маленькой книге с рисунками, с которой у него связано много радостей, о солнечном зайчике, что прибывает ранним утром к его головке. Мир детской фантазии, творчества был близок и дорог моим воспитанникам, и они быстро почувствовали всем сердцем заботы и волнения маленького человека. Утвердилась сердечная дружба. Мы принесли Петрику большой альбом; каждый из нас нарисовал мальчику какой-нибудь рисунок. Вместе с Петриком мы сочинили к этим рисункам сказки.

Духовное общение с больным мальчиком стало своеобразной школой эмоционального воспитания. Уже первые свидания с Петриком пробудили в юных сердцах глубокое сочувствие: подростки переживали, что мальчик не имеет представления о многих вещах, доступных каждому здоровому человеку. Когда Таня рассказала о Лесном сумраке, Петрик засыпал ее вопросами: «А какой дятел? Как шумит лес? Как играют солнечные зайчики на траве? Как дышит лесная прохлада? Где проводит день сова? Как журчит ручей?» Дети были взволнованы. Они всем сердцем переживали печаль от того, что мальчик не может пойти в лес, увидеть его красоту, прислушаться к лесной тишине и музыке.

«Мы повезем тебя в лес», — сказал Толя. Петрик с терпением ждал дня, на который был назначен поход в лес. Подростки нашли маленькую коляску на резиновых колесах, посадили в нее мальчика, повезли в лес. Желание творить добро охватило в эти минуты все юные сердца. Каждому хотелось что-то показать Петрику в безгранично чудесном и красивом мире. Его привезли на солнечную поляну. Мальчик увидел дятла, впервые услышал лесной шум, почувствовал дыхание лесной прохлады.

Первые два года школьного обучения мальчик провел дома. Все мы стали его учителями. Летом подростки помо-

гали лечить Петрика. Наконец настал радостный день, когда молодые силы детского организма победили болезнь и Петрик стал на ноги. В сердцах моих воспитанников отзывался каждый шаг мальчика. Ни одного похода в лес не было теперь без Петрика. Часть пути он шел сам, часть его везли. Когда отправлялись в далекие, непосильные для мальчика походы, кто-нибудь из подростков оставался с ним дома.

Эмоциональная чуткость как бы открывает глаза на мир. Сопереживание научает ощущать горе другого человека в самых неприметных оттенках печали, задумчивости, тревоги в глазах. Благодаря школе эмоциональной чуткости, которую проходили мои воспитанники в детские годы, в отрочестве и ранней юности они замечали одиночество взрослых и детей, проникались к ним сочувствием, становились их друзьями. Так они увидели одиночество врача Петра Панасовича, который ушел на пенсию. У него умерла жена, он похоронил ее и переехал к маме в село, каждую неделю носил цветы на ее могилу в соседнее село. Во время лесных походов подростки узнали об этом, увидели тоскующие глаза старого человека. Их потрясла глубина его чувств: человек проходил тридцать километров, чтобы положить на дорожную могилу розы или васильки. Подростки подружились с Петром Панасовичем. Они помогали ему выращивать цветы, тайком от него носили цветы на могилу его жены, чтобы принести Петру Панасовичу радость.

Годы дружбы с этим человеком наложили отпечаток на мысли и чувства подростков. Обострилась их чувствительность, восприимчивость к сердечным отношениям между людьми. Они узнали о несчастье в семье одной ученицы третьего класса. Отец и мать девочки расстались. Девочка осталась у бабушки — матери отца, а братик ее, которому едва исполнилось два года, жил у другой бабушки — материнной матери. Девочка страдала: ей хотелось быть вместе с братом. Однажды она пошла к нему, и он уже не встретил сестричку радостно, как всегда, а смотрел на нее испуганно и настороженно. «Юрко уже не помнит меня», — рассказывала она девочкам. Эти слова потрясли девочек.

«Почему люди причиняют друг другу боль, приносят зло, обиду? — спросила Варя, когда мы сели отдыхать во время похода в лес. — Почему они разлучили Раю и Юрка?

Почему бывают злые отцы и матери?» Такие вопросы не возникли бы, если бы подростки не чувствовали горя других людей, не принимали бы его так близко к сердцу.

Сфера сопереживания постепенно расширяется — от того, что видит подросток вокруг себя, до людей, которые живут очень далеко. Если бы не было школы сопереживания тут, в нашей повседневной жизни, подростки были бы равнодушны к тому, что совершается в мире. Сила слова воспитателя, влияния слова на духовный мир воспитанника, умение «глаголом жечь сердца» зависит от того, какую эмоциональную культуру воспитывает сопереживание.

Чем больше научных истин и закономерностей открывается воспитателю, чем значительней становятся его интеллектуальные богатства, тем важнее становится познание духовного мира человека, утверждение благородных человеческих чувств. От жизненной эмоциональной школы, от глубины сопереживания радостей и горестей других людей зависит и восприятие подростком художественных произведений. Художественное произведение воспитывает эмоциональную и моральную культуру только тогда, когда зерна этой культуры сеются в юную душу тонкими эмоционально-моральными отношениями. Это чрезвычайно важное условие правильного воспитания подростков.

2. М а т е р и а л ь н о е   в о п л о щ е н и е   д о б р ы х   ч у в с т в. Каждый подросток на протяжении длительного времени должен вкладывать свои добрые чувства в труд, очеловечивать его благородными побуждениями. Завершение труда, по моему замыслу, должно вести к ситуации, которая обостряет тонкость ощущения духовного мира другого человека.

За несколько месяцев до Праздника девочек, который мы ежегодно отмечали в первую неделю января, мальчик выкапывал в лесу корень ландыша, сохранял его в холодной почве, потом переносил в теплицу, ждал цветов... Переживание доброго чувства само по себе становится целью и побуждением к труду. Ради минутного счастья человек работает в течение нескольких месяцев — в этом таится огромная воспитательная сила труда. Эта минута словно поднимает человека на новую ступень в эмоциональном и моральном развитии. Она оставляет глубокий след в душе. Каждый подросток переживает миг, который был благоприятнейшей ситуацией, благодаря которой один человек проникал во внутренний духовный мир другого человека.

Накануне Праздника девочек мальчик долго не может заснуть. Ему снятся глаза девочки, одухотворенные радостью. В то незабываемое мгновение, когда мальчик передает цветок девочке, сердца открываются друг другу. Душа человеческая, образно говоря, выпрямляется, становится гордой, готовой к творению добра.

Как важно, чтобы человечность — труд для радости людей — стала основой личности в годы отрочества, когда человеку открываются горизонты, когда за «мировыми проблемами» подросток может проглядеть ближнего! Я заботился о том, чтобы каждый подросток находил в труде богатый, радостный мир личной эмоциональной и эстетической жизни. Уже в годы детства каждый на приусадебном участке родителей создал свой Сад роз. Этот уголок был, образно говоря, еще одним окошком, через которое открывался эмоционально-эстетический мир человека. Если бы не десятки таких окошек, воспитанники жили бы во тьме и вступали бы в жизнь грубыми, равнодушными невеждами в эмоциональном, эстетическом и моральном отношении. Без цветов я не представлял полноценного морального воспитания. Труд каждого мальчика, каждой девочки в Саду роз был для меня важной ячейкой воспитания. Вырастить куст розы, пережить радость первого цветка, отдать цветок человеку, испытать волнующее счастье этой минуты важно для воспитания нового человека так точно, как вспахать ниву, вырастить хлеб, познать напряжение, пот, мозоли и наслаждение трудом.

Тонкость ощущения человека, эмоциональная восприимчивость, впечатлительность, чуткость, чувствительность, сопереживание, проникновение в духовный мир другого человека — все это постигается прежде всего в семье, во взаимоотношениях с родными. Тут нужно искать эмоционально-эстетический корень благородной духовной потребности в человеке. Воспитание человечности начинается с того, что мать становится для ребенка самым родным, самым дорогим, самым красивым в мире человеком. Но добрые чувства достаются ценой великой затраты духовных сил. Подросток должен добывать добрые чувства трудом, воплощать их в материальные ценности.

Во втором, третьем (а иногда и в первом) классах каждый мальчик, каждая девочка сажали на приусадебном участке Яблоню матери, Яблоню отца, Яблоню бабушки, Яблоню дедушки. Побуждение к этому труду требовало

большого такта и чуткости — ведь не у всех были отцы и матери... Конечно, ребенок может и забыть о дереве, если ему не напоминать о нем.

Проходили месяцы и годы, росли дети. Вырастали деревца, приближалась пора плодоношения. Наступал тот счастливый момент, ради которого дети работали годами. Уже весной, когда на деревьях завязывались плоды, мальчики и девочки с волнением рассказывали мне о том, сколько яблок будет на Яблоне матери. Наверно, не было другого труда, результатов которого дети ждали бы с таким волнением, потому что в труде они видели самих себя.

На рассвете июльского дня ко мне пришел Славко. «Пойдемте посмотрим, созрели ли яблоки», — сказал он. Мы пошли в его маленький сад. На Яблоне матери краснели яблоки. Может, они еще и не совсем созрели, но мальчик не мог больше ждать. Он пошел в хату, взял миску, осторожно сорвал несколько яблок. Понес их матери. Я никогда не видел мальчика таким счастливым. В тот миг я подумал: «Если твой воспитанник переживает счастье творения добра для человека, ты, воспитатель, — счастливейший творец».

3. Все, что происходит в мире, касается меня. В жизни ребенка бывает немало таких неуловимых эмоциональных ситуаций, когда вещи, явления окружающего мира могут потрясти душу, а могут и остаться совсем незамеченными, — все зависит от того, какими глазами ребенок видит мир. Дать чувствительное видение мира, научить переживать радости и тревоги видения — это самое тонкое, что есть в эмоциональном, эстетическом и моральном воспитании. Я старался, чтобы каждый чем-то дорожил, что-то оберегал, о чем-то заботился. Одухотворение, очеловечивание неразрывно связаны с красотой, с чувством красивого и высокого. Однако чем больше даете вы детям готовых вещей, специально предназначенных для радости и наслаждения, тем меньше они видят, тем равнодушнее к живому и прекрасному, если своими руками ничего не создают для радости своей и других людей.

Когда мои дети впервые шли по школьному участку, я обратил их внимание на маленький дубок, который неизвестно каким образом вырос у самой тропки. Мы остановились. «Посмотрите, дети, на ветвистый, кудрявый дуб, что растет у дороги, — сказал я. — Этот дубок тоже стал бы могучим деревом, но ему не повезло. Видите, кто-то уже

наступил ногой на нежную веточку, но она все-таки выпрямилась. Дубочек можно спасти». И малыши увидели то, мимо чего проходили равнодушно. Пробуждается потребность одухотворять и приручать. Лариса нежно гладит запыленные листочки, говорит: «Маленький дубочек, тебе больно...» — «Как же его спасти?» — спрашивают дети, обратив ко мне тревожный, умоляющий взгляд. Дубок для них уже не один из тысячи дубков, которые могут появиться под солнцем, а их единственный в мире дубок. Приносив лопату, выкапываем большой ком земли, переносим нежный стебелек с корнем и землею. Выкапываем яму в тихом, уютном уголке. Опускаем ком в яму — и вот наш дубок вне опасности. Дети идут домой, неся в сердце дорогое, единственное. Придя на другой день в школу, сразу же бегут к своему дубку.

Человеческое видение мира не дается природой, оно добывается трудом и человеческими отношениями. Трудом, в котором принимает участие сердце, — без него и труд не воспитывает.

Каждый мой воспитанник находит что-то единственное в мире, дорогое и неповторимое. Каждый заботится о живом и прекрасном. И чем больше вещей и живых существ приручено, одухотворено, тем острее воспринимают мальчики и девочки явления окружающего мира. Ежегодно мы сеем на небольшом участке пшеницу. Сбор урожая входит в нашу духовную жизнь как один из праздников труда. Осторожно срезая колоски, мальчики и девочки обеспокоены тем, чтобы ни одно зернышко не упало на землю. В этой заботе пока еще нет гражданских чувств. Зернышко для ребенка еще не общественное богатство, а живое существо. Гражданское чувство и гражданское видение мира утвердятся со временем, когда перед человеком расширится горизонт его мира. Но человек не станет настоящим гражданином, если в годы детства у него не было ничего самого дорогого.

Я старался, чтобы подростки не проходили равнодушно мимо того, что должно взволновать чуткого человека, чтобы у них развивалось чувство непримиримости ко злу и стремление утвердить добро. Воспитание благородных чувств, становление гражданина нельзя представить себе без того, чтобы человек в подростковом возрасте не проявил личной заинтересованности в том, что казалось бы, не касается его лично. Нельзя представить полноценное

моральное воспитание без того, чтобы сердце подростка не дрогнуло от боли, когда он увидит равнодушие, беззаботность, унижение человеческого достоинства, чтобы благородное возмущение злом не вдохновило на честный, высокий поступок. Провести каждого подростка через борьбу за торжество правды, добра — это очень важное правило морального, эмоционального, эстетического воспитания.

Наши подростки создали группу юных защитников природы. Они внимательно следят: не поднимает ли кто руку на зеленого друга, не появились ли вредители леса и сада, не крадется ли браконьер, чтобы половить рыбу в запрещенное время, не прозвучал ли выстрел, не орошена ли трава кровью утки или перепела? Время от времени эти походы завершаются успехом — пионеры приходят к своим старшим товарищам возмущенные, но радостно возбужденные: им удалось в чем-то предупредить плохое, в худшем случае, установить истину. В таких случаях создаются очень ценные эмоциональные ситуации.

4. Благородство эмоционального порыва. Тихим осенним вечером в учительскую пришли юные защитники природы Коля, Витя, Сергей, Ваня. «Они приехали на автомашине... Пилили дуб», — сказал запыхавшийся Ваня. Из путаного рассказа стало ясно следующее. Несколько дней назад юные защитники природы заметили в лесу дуб, на котором внизу узкой, почти незаметной полоской была снята кора. Дуб засыхал. Потом таким же способом были умерщвлены (это слова Коли) еще два дуба. Это событие взволновало всех пионеров. Стало ясно: кто-то калечит деревья, чтобы они засохли: потом легче будет спилить и вывезти их. В отряде Непобедимых торжественно поклялись во что бы то ни стало найти преступников. И вот сегодня среди бела дня в лес приехала автомашина. Двое стали пилить дуб, третий куда-то пошел. Мальчики были ошеломлены: среди тех, кто уничтожал деревья, они узнали заведующего животноводческой фермой. Не раз слышали они от него красивые слова о патриотизме и гражданском долге. Что же это такое? Как теперь верить этому человеку? Браконьеры, не кончив пилить первое дерево, положили пилу и топоры, отошли на поляну и сели обедать. Пришел третий — шофер, который куда-то ходил. Все трое стали пить и есть. Потом легли на траву и, наверно, уснули. Мальчики тихо вышли из своего тайника. Взяли пилу, топоры, нашли в кузове машины веревку. Все

это связали, бросили в овраг, еще и землей присыпали. А на кузове машины написали: «Воры».

По-своему наказав преступников, мальчики теперь боялись, не обвинят ли их в шалостях или даже в хулиганстве. В их глазах я увидел огоньки возмущения злом и в то же время неуверенности. Мальчики словно спрашивали: «Правильно ли мы сделали?» Едва сдерживая чувство радости, я сказал: «Молодцы, ребята! Всегда, когда видите преступление, обман, лицемерие, делайте так, как подсказывает и приказывает совесть. Она никогда не предаст. Будьте настоящими борцами за правду. Преступников накажут. Кроме того, они своими руками посадят десять деревьев за каждое уничтоженное и будут ухаживать за ними несколько лет».

Ободренные моей похвалой, мальчики отдали ключ от автомашины: преступников легко было задержать...

Мальчики сделали так, как велела совесть, а совесть — это чувство, помноженное на осознание правоты. Не было сомнения, что этот поступок оставит в сердцах след на всю жизнь. Еще несколько поступков такого рода — и подростки станут морально зрелыми, стойкими, непримиримыми ко злу.

Я всегда побаивался, как бы не охладить страсти юного сердца, не посеять равнодушия, не погасить огонька возмущения. Никогда не отмахиваться от искреннего порыва юных сердец, не поколебать веры в самое дорогое, что есть на свете, что озаряет путеводной звездой их жизненный путь, — веры в коммунистический идеал, в торжество самой справедливой правды (слова Люды). Моральный облик человека, перед которым открываются горизонты жизни, зависит от того, каким он вышел из встречи со злом.

Однажды, встретившись со злом, мальчики из отряда «Непобедимых» поступили еще более дерзко. Ранней весной, когда охота на перелетных птиц еще запрещена, они набрали на двух охотников, которые настреляли много дичи. Уставшие браконьеры устроили себе отдых и заснули. Мальчики взяли ружья, патроны и еще какую-то тяжелую ношу в мешке (потом выяснилось, что это взрывчатка для глушения рыбы) и все это утопили. За сто метров от спящих браконьеров они разожгли костер из камыша и положили в него с десяток охотничьих патронов. Можно было возмутиться шалостями подростков. Можно было

требовать: «Не делайте так. Пойдите, мол, в сельсовет или, в крайнем случае, в школу и заявите о нарушителях закона». Но в этом требовании было бы ханжество. Оно учило бы подростков: «Увидев зло, хорошенько присмотрись, запомни, может, и запиши, расскажи старшим — пусть разбираются...» Если подросток сделает именно так десять, двадцать раз, он вырастет черствым, бездушным, равнодушным ко всему человеческому. Все в нем будет подчиняться холодной, беспристрастной расчетливости. Он будет думать: «Возмущаться или не возмущаться, если на глазах творится беззаконие?» Он может научиться управлять чувствами с точки зрения собственной выгоды и удобства. Такие люди страшны и небезопасны: они способны на предательство и вероломство, на них нельзя положиться в сложной обстановке, для них нет ничего дорогого и святого.

В жизни бывают такие обстоятельства, когда голос совести, чувства, самые благородные и самые разумные, когда правда утверждаются гневом, возмущением. Я усматривал важную воспитательную задачу в том, чтобы развивать, оттачивать у своих воспитанников тонкость восприятия тех явлений, которые по своему характеру производят особое влияние прежде всего на чувства. К таким явлениям относится горе, страдание, причиненные одним человеком другому, нарушение норм нравственности, которые воспитанник считает священными, нерушимыми. С точки зрения взрослых зло, с которым встретился воспитанник, маленькое, мелкое, но ведь у детства и отрочества свои масштабы и свое измерение добра и зла. Нужно не только взглянуть на мир детских интересов, но и глубоко проникнуть в мысль ребенка, подростка, пережить его чувства, взволноваться его тревогами. Сопереживание — это эмоциональная основа вашего морального облика в глазах вашего воспитанника. Подросток из того, как вы относитесь к его чувству возмущения злом, делает вывод, какой вы человек. Если вы, образно говоря, выльете на пылающий костер ведро холодной воды, то горячий голос сердца будет глушиться холодным, расчетливым голосом трусливой мысли: «Стоит ли обращать на это внимание? Ведь все равно мое вмешательство не поможет: что я один сделаю?»

Из эмоционального разоружения рождается опасный моральный порок — бессилие, чувство собственной никчемности. Самым страшным, что можно представить в эмоцио-

нальном мире человека, мне кажется именно это чувство: человек считает себя маленькой, крохотной пылинкой. Источником такого морального надлома личности является невоспитанность чувств в широком значении этого понятия.

ИСТОЧНИКИ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЧУВСТВ

Культура эстетических чувств требует высокой общей культуры школьной жизни, особенно моральной культуры — отношения к человеку как к высшей ценности. Эстетические ценности окажутся бессильными в обстановке, где господствует грубость, равнодушие, непорядочность в «мелочах» повседневных взаимоотношений.

Эстетическое воспитание начинается с богатого эмоционального подтекста отношений между членами коллектива: чуткость, сердечность, задушевность. В гармоничном соединении красоты, окружающей человека, и красоты самого человека ведущая роль принадлежит красоте человеческих взаимоотношений. Ребенок еще не может постигнуть сути этой красоты мыслью, сознанием, но он чувствует ее сердцем: красота для него в справедливости. Справедливость облагораживает сердце ребенка, несправедливость огрубляет, порождает жестокость. С переживания радости справедливого начинается гармония между внутренним миром человека и миром, который окружает его. Справедливость имеет чудесное свойство открывать ребенку глаза и сердце на красоту. Несправедливость словно охватывает юное сердце ледяным панцирем, и оно становится глухим к красоте. От того, что господствует в семье и школе — справедливость или несправедливость, зависит душевное состояние ребенка, взаимодействия его внутреннего мира с людьми, которые живут рядом и входят в его жизнь. Душевное состояние — это глубоко личная эмоциональная оценка поступков, которые в той или иной степени затрагивают личность ребенка. Справедливость рождает внутренний духовный мир, который можно охарактеризовать словами: человек с открытым, чутким сердцем, способный откликнуться на тончайшие движения духовной жизни другого человека. Красота окружающего мира является для такого сердца могучим источником веры в добро. Несправедливость порождает эмоциональную и эстетическую толстокожесть.

Особенно опасна несправедливость для духовной жизни подростков. Красоту человеческих отношений они уже способны подвергнуть первому логическому анализу. Способность обобщать нередко приводит подростка к ошибочному выводу, что гуманность и человеческое достоинство унижаются не в каком-то отдельном случае, а на каждом шагу.

Эстетические чувства имеют своим источником культуру эстетических восприятий. Переживание несправедливости притупляет чувствительность, свойственную высокой эстетической культуре. Потрясая нервную систему подростка, несправедливость вызывает состояние возбуждения, которое сменяется угнетенностью, расслабленностью. В этом состоянии человек не способен нормально воспринимать вещи и явления, их оттенки и качества, не способен нормально мыслить. Он не ощущает красоты в людях, которые окружают его, а потому не стремится к красоте и в себе, к идеалу человечности, добру в своем поведении.

Настоящая красота человеческих отношений — правдивость — далеко не всегда бывает приятной. Часто правда горька, тревожна, в ней осуждение и непримиримость к злу. Но самая горькая правда утверждает в душе стремление быть хорошим, потому что правда по своей природе никогда не унижает человеческого достоинства.

Дух справедливости в школе живет прежде всего в оценке трудовых усилий ребенка и подростка. Эти усилия, тонкие, трудноуловимые, часто не дают результатов — глубоких знаний, твердых практических навыков. Умственный труд есть, усилия есть, а результатов нет; учитель же оценивает только результат — знания. В такой односторонней оценке ребенок и усматривает великую несправедливость. Добиться того, чтобы умственные усилия всегда давали положительные результаты, — в этом состоит искусство нашей школьной гуманности и справедливости.

Справедливость оценки трудовых усилий формирует у воспитанников убеждение, что они и их наставник — товарищи в общем труде, единомышленники. Благодаря переживанию этого чувства воспитатель и воспитанник предстают друг перед другом с открытыми сердцами: они понимают душу друг друга, лучшие человеческие черты не прячутся под случайными, притворными, второстепенными. В атмосфере товарищества и дружбы, одухотворенных благородными побуждениями, сердце ребенка, подростка ста-

новится чувствительным ко всему доброму. Человек чувствует красоту в людях, эта красота утверждает в его сердце веру в добро. Воля воспитателя воспринимается ребенком как совет доброго друга, товарища, единомышленника, а если так воспринимает волю воспитателя и подросток, — это великое благо для школы. Я твердо убежден, что это один из краеугольных камней сознательной дисциплины. Увлеченный общим товарищеским трудом, воспитанник раскрывает при этом свои моральные и волевые силы. Его собственную волю не расслабляют; наоборот, он напрягает свои духовные силы, чтобы достичь цели. Практически эта важная закономерность настоящего воспитания находит свое выражение в том, что воспитатель очень редко запрещает и почти всегда побуждает, увлекает воспитанников своим примером. В этом весь «секрет» мастерства воспитания сильной воли. Хороший учитель мало запрещает не потому, что он закрывает глаза на зло, а потому, что воспитанник, увлеченный творением добра, стремится быть хорошим.

Если каждый стремится быть хорошим, в коллективе ярко раскрывается каждая личность. Речь идет не только о том, что каждый проявляет свои силы, способности. Раскрывается индивидуальность восприятия, внутренней эмоциональной реакции на оценку учителем поступков и поведения. Эта реакция — важный элемент красоты человеческих отношений. Благодаря стремлению быть хорошим даже гнев, страсть, боль, печаль учителя не воспринимаются как несправедливость. Наоборот, эти движения души педагога пробуждают в воспитаннике желание стать лучше, заставляют переживать справедливость воспитателя.

Если вы хотите быть настоящим воспитателем, раскройте перед юным сердцем красоту человеческого прежде всего в самом себе — это очень важно. Речь идет не только о личном примере учителя как большой воспитательной силе. Дети, подростки должны понимать, ощущать красоту человеческого в повседневной работе своего воспитателя: тонкости эмоций, эмоциональной культуры. Настоящий воспитатель — человек широкого эмоционального диапазона, который глубоко переживает радость и печаль, горести и тревогу, возмущение и гнев. Он очень редко кричит — повышает голос. Тревогу, печаль, удивление, боль, гнев (а учитель имеет право быть гневным, как и любой эмоционально культурный, воспитанный человек) — все эти

и десятки оттенков аналогичных чувств дети улавливают в обычных словах своего наставника. Чтобы эти чувства были восприняты детьми, настоящему педагогу-гуманисту не нужно заниматься какими-то риторическими упражнениями. Я знаю одного прекрасного воспитателя: возмущенный, он говорит почти шепотом, и класс прислушивается к каждому слову затаив дыхание. Это не какая-то специальная «постановка» голоса. Это идет от души, от огромной внутренней воспитанности чувств. Если воспитатель хочет, чтобы его воспитанники ощущали в нем красоту человеческого, он должен стремиться к тому, чтобы они повседневно ощущали тонкую эмоционально-эстетическую реакцию на их поступки, на их поведение. Эта реакция и есть та могучая сила воспитания в духе гуманности, справедливости человеческой красоты, без которой немислима школа. В этой реакции, в этих движениях богатой души наставника воспитанники и ощущают его личность.

В отдельных школах дети не понимают и не ощущают человеческой индивидуальности в учителе, им чуждо сочувствие и понимание трудностей его работы. Уставшему, нервно возбужденному учителю дети часто надоедают своими шалостями и затеями; учитель «выходит из себя» — кричит... Это верный признак низкой культуры человеческих взаимоотношений. Где крик, там грубость, эмоциональная толстокожесть. В крике выражается примитивнейшая, инстинктивная реакция, в которой теряются те зерна эмоциональной культуры, которые есть в душе каждого учителя. Дети, которых воспитывают криком, теряют способность ощущать тончайшие оттенки чувств других людей и — это особенно тревожно — теряют чуткость к добру. Воспитанный криком, а дома еще и тумаками, подзатыльниками, грубостью, ребенок не видит, не ощущает красоты вокруг себя, он равнодушен, безжалостен, в его поведении иногда можно заметить самое страшное, что бывает в человеке, — жестокость.

Источником культуры человеческих эмоций является способность учителя чувствовать сердцем внутренний духовный мир ребенка, подростка, юноши, девушки. У ребенка бывают свои тревоги, радости, заботы, горе. Учитель, который владеет высокой эмоциональной культурой, ощущает мир человека по тому отражению мыслей, чувств, переживаний, которые пзлучают глаза. Появ, что у ученика не все ладно, чуткий учитель не станет сразу же рас-

спрашивать или успокаивать. Он даст ребенку почувствовать, что догадывается о его сердечной тревоге, печали, заботе, горе. Убедившись, что ребенок требует помощи, учитель говорит с ним наедине. Умение подойти к этому разговору — очень важная черта эмоциональной культуры.

Воспитание способности ощущать сердцем — одна из ответственных сфер совершенствования педагогического мастерства учителя. Старайтесь проникнуть в эмоциональный подтекст того, что говорит человек. Речь, как и глаза, — зеркало души. Я научился улавливать в словах воспитанников тончайшие оттенки чувств: угнетенность, тревогу, печаль, одиночество, горести, досаду, недовольство, смятение. В семье Мишкá иногда бывали скандалы. Подросток глубоко переживал горе матери, вызванное бессердечностью отца. По тончайшим оттенкам слов Мишкá я научился угадывать, что происходит сейчас в семье. Мальчик, бывало, рассказывает о книге, которая изволновала его, а я дознаюсь: с радостью или тревогой, то есть сейчас в семье мир и покой или, наоборот, мать в отчаянии.

Понять, что происходит в душе мальчика или девочки, учителю помогает реакция воспитанника на красоту. Тот, у кого сердце горит, трепещет от горя, обиды, гнева, возмущения, по-своему воспринимает слова учителя о добре, справедливости, по-своему реагирует на красоту искусства, природы. Смятение, горе, отчаяние, обида — эти чувства словно закрывают путь красоте к человеческому сердцу. Та истина, что красота воспитывает, превращается в красивые слова, если человеческому сердцу не до красоты, если оно поражено, ранено, оскорблено несправедливостью. Прежде чем обратиться к красоте как к лекарству, нужно настроить чуткие струны человеческого сердца так, чтобы музыка красоты пробуждала в нем отклик. Человеку, который переживает смятение, угнетенность, отчаяние, нужно сказать что-то такое, что касалось бы только его. В школьном коллективе должен царить дух сопереживания, сочувствия, сердечной чуткости всех к каждому. Этот дух не создать сразу и какими-то специальными средствами. Его зачатки — в общей эмоциональной культуре учителей и воспитанников, особенно в том, что учитель понимает и ощущает всю сложность, все трудности умственного труда ребенка, правильно оценивает каждое его усилие. Дух сочувствия несовместим с «подстраиванием» учителя под настроение учеников, со всепрощением и сюсюканьем,

нетребовательностью и недисциплинированностью. Потворство безделью, лени, распущенности — это обратная сторона несправедливости. Там, где есть эти моральные язвы, несправедливость проникает в тончайшие поры духовных взаимоотношений, порождая обман, подхалимство, нравственную непорядочность.

ПРИРОДА И КРАСОТА

Красота природы играет большую роль в воспитании духовного благородства. Она воспитывает в душе подростка способность ощущать, воспринимать тонкости, оттенки вещей, явлений, движения сердца.

Природа является источником добра, ее красота влияет на духовный мир человека только тогда, когда юное сердце облагораживается высшей человеческой красотой — добром, правдой, человечностью, сочувствием, непримиримостью к злу. Многолетний опыт убеждает, что бессердечными, бездушными «потрошителями» живого, безжалостными расточителями красоты природы становятся те дети и подростки, в душах которых притуплено чувство добра, нет искреннего желания стать лучше. Притупление чувства человеческого достоинства ведет к тому, что человек не видит красоты природы. Красота природы как средство эмоционального, эстетического и морального воспитания звучит только в общей гармонии всех средств духовного влияния на личность. Она для подростка является прежде всего школой культуры эстетического восприятия. Красота природы воспитывает утонченность чувств, помогает ощущать красоту человека. Свою воспитательную задачу я видел в том, чтобы эмоционально-эстетические богатства, приобретенные в процессе общения с природой в годы детства, в подростковом возрасте входили в духовную жизнь как одна из глубочайших человеческих потребностей, чтобы познание красоты природы глубже, чем в детстве, способствовало познанию красивого, высокого в самом себе, утверждению человеческого достоинства. Познавая оттенки красоты природы, мальчики и девочки переживали жизне-радостную полноту духовных сил, жажду познания все новых и новых источников эстетических богатств.

В подростковом возрасте человек больше, чем в какой-либо другой период своего морального, умственного, эмоционального и эстетического развития, потребует тонкости,

глубины, эмоционально-эстетической ясности восприятия окружающего мира. Логическое познание научных истин и закономерностей требует облагораживания мыслей чувствами. Один из источников этого облагораживания есть красота природы, потому что и источником мысли, познания, открытия истины для подростка тоже является мир природы. В годы отрочества восприятие эстетических качеств мира сливается с углубленным логическим познанием, мысленным проникновением в природу вещей и явлений. Чем глубже, тоньше логическое познание, чем ярче связанные с ним интеллектуальные чувства, тем значительней влияние эстетических качеств природы на духовный мир подростка. В единстве логического и эстетического познания, в слиянии интеллектуальных и эстетических эмоций источник того, что подросток пристальней, внимательней всматривается в людей, видит человека, ощущает его внутренний мир.

В годы отрочества человеку открываются такие научные истины, как вечность материи, безграничность вселенной, переход энергии из одного вида в другой, единство живого и неживого. Проникновение в суть этих истин является для подростка настолько ярким, неожиданным открытием, что эту лавину знаний, впечатлений нужно не только глубоко осмыслить, но и пережить. Если этого нет, то процесс логического познания лишен души — чувства удивления перед могуществом разума, а в этом чувстве — источник жажды знаний. Пережить, ощутить эти истины подростку нужно для того, чтобы они не ошеломили его своим величием, не вызвали в нем растерянности.

Средой, фоном для переживания этих важнейших мировоззренческих истин является красота природы. Когда сознанию подростков раскрывалась логическая сторона истин и закономерностей, я вел их в лес, сад, на берег пруда, в поле — туда, где, по словам Пушкина, «равнодушная природа сияет вечной красотой». Под влиянием волнующих мыслей, возникавших у подростка в процессе познания, обострялось эмоционально-эстетическое видение мира. Идею вечности и неистребимости материи я нарочно впервые открыл сознанию подростков в те дни, когда природа начала пробуждаться от зимнего сна. Мы пошли на луг взволнованные, удивленные величием идеи. Подростки по-новому увидели весеннюю природу. Красота жизни ассоциировалась в их интеллектуальном и эмоциональном мире

с мыслью о вечности и неистребимости материи. Я увидел, как обычные, известные вещи производят на мальчиков и девочек новое, неожиданное впечатление.

Никогда не забуду, как широко открытыми от удивления глазами смотрели Толя, Данько, Коля на озаренные вечерним солнцем вербы. Кусты краснотала обрели первую весеннюю окраску, она играла, переливалась в солнечных лучах. «Жизнь бурлит вокруг», — сказал Данько, и в этих словах я ощутил новое, совсем не то, что в детские годы, удивление перед красотой. Это была новая, эмоционально-эстетическая окраска мысли.

Встречи с природой в период пробуждения жизни (ранней весной), буйного расцвета, зенита жизненных процессов (в середине лета) и в период замирания (осенью) стали для подростков эстетической потребностью. Мысль о безграничном разнообразии жизни углубляла эстетическое восприятие. Мальчики и девочки по-новому увидели гамму осеннего убранства леса, заметили новые оттенки в сиянии осеннего солнца. Они впервые почувствовали и пережили своеобразную красоту обнаженного леса, заметили десятки тончайших проявлений жизни. Словно сквозь призму идей о вечности и неистребимости материи, о нескончаемом разнообразии жизни подростки увидели жизнь в холодном, вастывшем (это слово девочек, удивленных игрой осенних красок) пруду, в покрытых изморозью полях, в вянущих вербах и тополях. Потребность в эстетическом общении с природой звала мальчиков и девочек в лес, в луга, в поле даже зимой, когда, казалось бы, жизнь полностью замирает. Они почувствовали, увидели, ощутили жизнь в лесу даже в трескучий январский мороз.

К идее о безграничности вселенной я нарочно привел мальчиков и девочек в те ясные осенние дни, когда жизнь звездного неба особенно бурна: в августе и сентябре наша планета встречает на своем пути рой метеоритов и, ночное небо в этот период озаряется «падающими звездами». Нет идеи, которая бы сильнее тревожила мысль, чем идея безграничности вселенной. В темные звездные ночи в конце сентября мы сидели на пахучем сене, мальчики и девочки смотрели в глубокое небо и пытались представить себе безграничность. У мальчиков и девочек стала тоньше чувствительность к красоте оттенков утренней и вечерней зари, голубому небосводу. В хмурые осенние дни, когда небо подолгу облегалли серые тучи, мальчики и девочки с ра-

достью, с увлеченностью всматривались в небо, чтобы увидеть, как где-то выглянет кусочек лазури.

По-новому теперь мальчики и девочки воспринимали красоту солнца. Если в годы детства оно для них было сказочным существом, которое, прячась за горизонт, шло в свой волшебный сад и укладывалось спать, а фантастические Кузнецы-Великаны готовились к завтрашней работе, то теперь красота солнца открывалась совсем по-другому. Солнце представало перед удивленным и пытливым взором как могущественный мир таинственных процессов, являющийся источником всего живого на Земле. Это откровение окрашивало новые мысли об окружающем мире яркими эстетическими чувствами. Мальчики и девочки всматривались в игру вечерней и утренней зари, в краски радуги, в отражение нежных оттенков небесного свода в зеркальной поверхности пруда. Красота пробуждала интеллектуальные силы, обостряла любознательность. Сколько сложных, неожиданных вопросов задали мальчики и девочки в тихие летние вечера, когда любовались вечерней зарей и вслушивались в музыку природы.

В детские годы мир природы отражался в сознании прежде всего яркой, волнующей сказкой: крылья фантазии несли детскую любознательность в далекие миры. Когда дети видели, как из-под холодной прошлогодней листвы пробивался нежный цветок подснежника, это удивительное, величественное явление природы — рождение цветка — отражалось в их сознании прекрасной сказкой: солнышко растопило на дереве снежинку, горячая капля упала на землю, растопила ледяной панцирь, согрела землю, и там, где она упала, вырос цветок, увидел солнце, ясное небо и, с удивлением оглядевшись вокруг, сказал: «Какой прекрасный мир!»

Так было в детстве. Пора сказки и теперь не минула, но крылья фантазии несли в иной мир: создавались сказки о красоте и уродстве, о добре и зле. Фантазировали мальчики и девочки и о далеких звездных мирах, о космических полетах, о новых, неведомых человеку формах жизни и мыслящих существах. А познание природы, ее красоты озарялось теперь не сказкой, а мудростью мысли. Вот сочинение Лиды:

Я люблю встречать солнце. Задолго до восхода оно оповещает о своем пробуждении. Окрашивает своими лучами ночной небосвод, гасит звезды. Краски на небе играют, дрожат. У самой земли — тесная, багрово-красная полоса. Дальше — оранжевая, потом — розовая, голубая, лиловая, синяя. Где, в какой глубине солнечных недр рождается эта красота? Что там происходит? Как зажегся огонек жизни на Земле? Всегда ли будет светить солнце? Что ждет Землю, если оно погаснет?

Солнце вот-вот выплывает из-за леса. Цветные полосы гаснут, небо розовеет, словно цветок, умытый дождем. Солнечные лучи уже позолотили верхушки деревьев, а солнца еще не видно. Вот из-за горизонта выглянула искорка, она растет, вот уже пылает костер. Небо на востоке пылает, вспыхивают искры в капельках росы на траве. Все пробудилось, все встречает солнце. Могучий столетний дуб — это тоже солнце. Его поливали дожди и ласкал весенний ветер. А дожди — тоже солнце. И ветер. И нежный стебелек травы. И каменный уголь, и теплое молоко — все это создало солнце.

Тут на первом плане — пытливая мысль. Чем глубже эстетическое восприятие, тем сильнее полет мысли, тем больше стремится охватить своим мысленным взглядом подросток.

Многогранная духовная жизнь в годы отрочества требует того, чтобы природа стала не каким-то придатком, фоном умственных интересов, а самой сутью жизненной среды. Необходимо постоянное общение подростка с природой, его жизнь среди природы. Особенно важно органическое единство интеллектуального мира, труда и природы. Эстетическое познание, освоение природы в годы отрочества становится несравненно сложнее, чем в детстве. Если ребенок просто любит окружающую красоту, то подросток уже не может переживать восхищение красотой без мысли, без пытливого проникновения в источники этой красоты. Я усматривал воспитательную задачу в том, чтобы интеллектуальное развитие подростка совершалось в общении с природой. Для полноценной духовной жизни подростка важен творческий характер этого общения. Нужно, чтобы подросток что-то создавал своими руками, но дело не только в этом. Природа должна стать сферой приложения духовных сил. Каждое лето мы несколько дней с утра до вечера жили в «Солнечной дубраве» — чудесном уголке, где, образно говоря, каждое прикосновение юной души к красоте пробуждало желание знать, познавать, мыслить. В годы отрочества повседневное общение с природой тре-

бует все новых и новых открытий. Я стремился к такому общению своих воспитанников с природой, чтобы время от времени открытие таинственных источников жизни заостряло эстетическую чуткость, вызывало чувство гордости за ум, науку, мысль.

В эстетическом и эмоциональном воспитании недопустимы дидактизм, искусственное умиление красотой. Только искреннее увлечение воспитателя красотой природы может зажечь огонек эстетических чувств в душе подростка. Но общение с природой раскрывает всю полноту эстетических возможностей лишь тогда, когда воспитанник умеет оставаться наедине с красотой. Я стремился, чтобы у каждого мальчика, у каждой девочки был свой индивидуальный мир духовной жизни среди природы. Огромные усилия необходимо было приложить, чтобы подростки полюбили общение с природой. Каждый подросток создал дома свой Уголок красоты. Я учил мальчиков и девочек читать книги в этом уголке, думать. Постепенно удалось достичь того, что у каждого подростка появилось что-то свое, любимое в природе: у Гали — ветвистая верба у колодца; у Сашка — беседка, заросшая диким виноградом; у Зины — зеленая полянка, окруженная вишнями; у Люды — пасека из двух ульев под грушами; у Любы и Лиды — виноградник.

ИСКУССТВО

Искусство — это время и пространство, в котором живет красота человеческого духа. Как гимнастика выпрямляет тело, так искусство выпрямляет душу. Познавая ценности искусства, человек познает человеческое в человеке, поднимает себя до прекрасного, переживает наслаждение. Жизнь человеческой души — это высшая цель воспитания нашей коммунистической педагогики. Знания, навыки, труд, творчество — все это только средства достижения высшей цели. «Теперь спросите меня: В чем счастье на земле? — говорил К. Станиславский. — В познании. В искусстве и труде, в постижении его. Познавая искусство в себе, познаешь природу, жизнь мира, смысл жизни, познаешь душу — талант. Выше этого счастья нет»*.

---

* Таланов А. В. Станиславский К. С. М., Детская литература, 1965, с. 172.

Если рассматривать школу и воспитание как частицу коммунистического строительства, то важнейшей задачей в сфере создания духовных ценностей нового мира является утверждение человеческого счастья. В основе человековедения, которым является педагогика, лежит, по сути, творение счастья. И в этом творении огромная роль принадлежит искусству.

Для становления человека в годы отрочества искусство имеет исключительное значение. Познавая, подросток должен чувствовать себя счастливым человеком, переживать полноту творческих сил. Это возможно, если сфера познания включает в себя все прекрасное. Познание искусства — широкое, многогранное понятие. Его нельзя сводить к узнаванию, к нагромождению знаний, чтобы ответить на вопрос учителя и получить оценку. Настоящее познание искусства начинается там, где человек постигает прекрасное для себя, для полноты своей духовной жизни, живет в мире искусства, ощущает жажду приобщения к прекрасному. Сложную и тонкую задачу воспитания я усматривал в том, чтобы ценности искусства стали духовной потребностью подростков, чтобы свободное время они стремились наполнить самым счастливым, самым жизнерадостным трудом души — постижением прекрасного.

Вхождение искусства в духовный мир подростка начинается с познания красоты слова. Самое доступное и в то же время самое могучее искусство — это художественная литература. Познание красоты слова является первым и важнейшим шагом в мир прекрасного. Слово — могучий способ оттачивания, воспитания утонченных чувств. Важнейшая педагогическая задача состоит в том, чтобы уже в детские годы слово с его многогранной, радостной, обогащающей красотой стало неисчерпаемым источником и средством познания прекрасного, внутренним духовным богатством и в то же время средством выражения этого богатства. Если я верю в могучую силу воспитания, то одним из главнейших источников этой веры является красота поэзии, вычеканенная столетиями глубина человеческой мудрости слова.

С детьми путешествовали мы к источникам родного слова. Мы шли смотреть утреннюю зарю, слушать песню жаворонка и гудение пчел, чтобы проникнуть в богатейший, доступный человеку мир — мир слова. В годы отрочества эти путешествия приобрели более глубокий смысл.

Без путешествия к источникам родного слова я не представляю полноценного эстетического, эмоционального и морального воспитания подростков. Познание красоты слова рождает в душе подростка чувство благородной гордости, человеческого достоинства. Постигая красоту слова, подросток начинает испытывать отвращение ко всему уродливому, злему. Непримируемость и нетерпимость к злу тоже воспитываются красотой слова. Вести подростков к источникам красоты родного слова, открывать им эту таинственную красоту — в этом, на мой взгляд, заключается одна из тончайших, благороднейших задач эстетического и эмоционального воспитания. Когда ясным солнечным днем мы с подростками сидели у гречишного поля, вслушивались в звучание пчелиной арифмы, когда я говорил мальчикам и девочкам о том, что я вижу, — красота слова была в эти минуты прежде всего моей духовной потребностью. Слово жило, трепетало в моей душе, и, наверное, только потому оно входило в духовный мир воспитанников.

Наши путешествия доставляли подросткам огромное удовлетворение. Темной летней ночью, задолго до рассвета, мы шли в поле, в пшеничные поля (эти слова, впервые произнесенные кем-то из девочек, стали означать сложные эмоциональные оттенки красок родной речи), шли просто, чтобы полюбоваться красотой утренней зари. Источники родного слова открывались как бы попутно, но приобщение к ним захватывало всю душу, все помыслы подростков. В моей памяти и в памяти воспитанников навсегда сохранились четыре путешествия. Нас зачаровывали неповторимая красота полей, бескрайняя лазурь неба. «Если бы не пришли сегодня в поле, мы бы и не знали, что есть в мире такая красота», — сказала Люда во время нашего первого путешествия. Взволнованным, захваченным красотой окружающего мира подросткам хотелось видеть тонкости, оттенки, переливы этой красоты. В такие минуты человеку хочется выразить свое чувство, найти слово для общения с другим человеком, общения именно для того, чтобы передать свое удивление, восхищение. Только тогда, когда я вижу, что в душе подростков это желание вызрело, я открываю им красоту слова.

Подростки слышат взволнованный поэтический рассказ — представляют эмоционально насыщенный образ того, что мы видим, слышим, ощущаем, переживаем,

Разве может быть что-либо прекраснее, чем эта игра красок на ясном небе, когда восходит солнце? А пшеничное поле, покрытое росой, тоже играет. Эти мириады капель росы отражают небесную игру красок. Тихо склонились над землей колоски. Пахнет пшеница. Эти запахи неповторимы, ничто так не пахнет, как созревающее пшеничное зерно. Это солнце вложило энергию в свои кладовые жизни, тепла, радостей. Запахи зреющего пшеничного зерна напоминают зной летнего дня и прохладу леса, и шум комбайна, и звонкую девичью песню в предвечерье, и вкусный, только что из печи каравай... Вот что такое пшеничное поле...

Вслушаемся в степную тишину. Вначале она безгранична, словно эти поля. Кажется, все спит. Но степь уже проснулась, ждет солнца. Слышите, как поет кузнецик? Он радуется: скоро на каплях росы заиграют солнечные лучи. Где-то сидит он под пшеничным колоском и играет на малюсенькой скрипке. И нива кажется ему таким же бескрайним миром, как нам межзвездное пространство. И поет он, может быть, о бескрайности своей вселенной. Слышите легкое трепетанье? Это проснулся жаворонок. Поднял крылышки, встрепенулся. Прислушивается к нашим голосам. Умолк, насторожился. Слышите, шелестит? Это он побежал между стеблями пшеницы. Взлетает в небо он не возле гнезда. Вот видите — уже он в небе. Смотрите, поднимается серым комочком. Видите: стал красноватым. Это он встречает солнышко. Золотые лучи уже сияют там, в вышине. Он уже видит солнышко и поет о нем.

Мы радуемся, любимся красотой. Мое слово помогает мальчикам и девочкам понять, ощутить, пережить то, что им хочется понять, ощутить, пережить. Происходит одно из тончайших явлений воспитания — постижение эмоциональной окраски слова. Я знаю, что теперь оно будет жить в сердцах. Услышит или прочитает Коля слова «утро в степи», «утренняя зоря», «восход солнца», они напомнят ему это утро. Слово разбудит в чувствительнейших, сокровеннейших уголках его сердца чувство — живой трепет человеческой радости, наслаждение словом.

Никогда не забудутся путешествия в Лесные сумерки. Горячим пюльским днем мы шли в лес, находили уголок, где, казалось, не ступала нога человека. Заросший мхом ствол дерева, когда-то сваленного бурей, таинственный овраг, закрытый верхушкамп деревьев, тихое, чуть слышное журчание ручейка где-то на дне оврага, песня дикого голубя и кукушкино «ку-ку» в глубине леса, шелест деревьев, шорох крыльев ночной птицы, которая спряталась на день в сумерках и взлетела, испуганная нами, — все это затаив дыхание слушают подростки. Им хочется увидеть, ощутить, пережить. Я рассказываю о лесном роднике, о родниковой воде, о таинственной жизни

леса — и в сердце, в эмоциональную память подростков входит неоценимое духовное богатство народа — слово. Оно не только помогает лучше увидеть, осмыслить, познать окружающий мир. Оно одухотворяет человека, пробуждает чувство радости, гордости от того, что я, Человек, ощущаю, переживаю, мыслю.

Постижение эмоциональных оттенков слова — это преддверие не только искусства, но и богатой, полноценной интеллектуальной жизни подростков. В понятие «слово одухотворяет» я вкладываю вот что. Когда человек ощущает, переживает тончайшие оттенки, запахи, эмоциональный подтекст слова, он как бы пробуждает дремлющие силы разума. Много раз я замечал, когда Петрика удивляла, трогала какая-то неведомая ему раньше грань слова, его медлительная, инертная, словно лепивая мысль преобразалась: мальчик делался внимательным, любознательным, видел то, чего не замечал раньше, задумывался над тем, что прежде и в голову не приходило. Познание слова несет в себе энергию мысли. Постижение слова — это подготовка к чтению художественной литературы. Лишь тогда чтение может стать духовной потребностью, когда слово отложилось и в логической, и в эмоциональной памяти. Прежде чем дать подростку в руки книгу, скажем, «Миккола Джеря» И. Нечуя-Левицкого, «Тарас Бульба» Н. Гоголя или «Слепой музыкант» В. Короленко, и сказать ему: «Читай», нужно ввести его в преддверие искусства. Наряду с путешествиями к источникам родного слова я придавал очень большое значение художественному рассказу. Без этого вхождения в преддверие искусства чтение и слушание музыки слова не может стать духовной потребностью подростка. Художественный рассказ требует высокой эмоциональной и эстетической культуры педагога. Тут нередко подстерегает угроза сползти к искусственной эмоциональности, пышпословию.

Время от времени мы собиравлись в Уголке красоты, Компате сказки или в другом красивом месте, и я рассказывал художественное произведение. Эти рассказы были посвящены повестям и рассказам: «Ночь перед рождеством» Н. Гоголя, «Разве режут волосы, когда ясли полны?» П. Мирного, «Ася» И. Тургенева, «Степь» А. Чехова, «Дорогой ценой» М. Коцюбинского, «Казачи». Л. Толстого, «Овод» Э. Войнич, «Без семьи» Гектора Мале, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, «Тапштен-

ный остров» Жюль Верна, «Отверженные» Виктора Гюго, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Старуха Изергиль» М. Горького, «Земля гудит» О. Гончара. Из художественных рассказов подростки узнали о жизни и борьбе Джордано Бруно, Томаса Мюнцера, Сергея Лазо, Ивана Вазова, Ивана Богуня, Януша Корчака, Феликса Дзержинского, Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Юлиуса Фучика, Хосрава Рузбеха.

Часов, посвященных художественному рассказу, мальчики и девочки ждали с большим нетерпением.

Если мне нужно было донести до сокровеннейших уголков юных сердец идею, если нужно было раскрыть величие благородства подвига, героизма, самопожертвования, настоящей человечности, я обращался к художественному рассказу. Думаю, что в эти часы больше чем когда-либо раскрывалась сила воспитателя и сила слова.

Обстановка, в которой проходил художественный рассказ, сближала нас, вносила дух интимности, накладывала на наши встречи поэтический отпечаток. Нам не хотелось, чтобы во время художественного рассказа среди нас был кто-то «чужой» — из другого коллектива. Хотелось слушать художественные рассказы в вечерние зимние сумерки. Любили мы и тихие летние и осенние вечера. Все, что бралось для художественного рассказа, было проникнуто идеями борьбы добра и зла, торжества человечности, справедливости, моральной чистоты и доблести, благородства человеческих чувств. Через произведения я стремился провести идею верности человека высокой цели, идеалам трудового народа. Я стремился, чтобы моральная красота стала глубоко личным, дорогим, неколебимым идеалом. Переживание моральной красоты поднимало подростков к величественному. Больше чем когда-либо каждый из них ощущал себя в эти минуты человеком.

Не забыть ранних декабрьских сумерек, когда мальчики и девочки впервые услышали сказку М. Горького «Старуха Изергиль». Образ Данко вызвал у подростков чувство глубокого удивления. Я читал в их глазах тончайшие оттенки мыслей, тревог, волнений. Вот одухотворяющее чувством гордости за человека лицо Толи. Я знал, что в эти дни на него в семье свалилось горе: мать страдала от мысли, что она покинута... Мальчик видел и знал слишком много для своего возраста, его возмущала ничем-

ность человека, который причинил матери горе. Небезопасна для души подростка мысль о том, что зло торжествует... И вот пылающий факел сердца Данко очистил мальчика от тяжких мыслей и переживаний. Взволнованный безграничной преданностью людям, мальчик переживал радость за человека. Действительно, человеческое открыло ему истину, зло не может торжествовать. Торжество добра требует непримиримости к злу и безграничной преданности высоким идеалам.

Я вижу посветлевшие, озаренные внутренним огнем глаза Нины. Ее угнетают страдания матери. Недавно, разговаривая с девочкой, я был ошеломлен тем, что юная душа переживает смятение, вызванное мыслью: все будто ждёт материнской смерти. Я не смог тогда найти ни одного слова, чтобы утешить Нину, развеять ее смятение. Мое сердце ни на минуту не оставляла тревога: если девочка утвердится в своей мысли, тем более когда для такой мысли есть какие-то основания, она может утратить веру в добро, озлобиться. Озлобленность, которая сливается с несправедливостью и одиночеством, бессилием и безнадежностью, — это опасное состояние для юной души, тем более для девочки, которая горячо любит самого родного человека. И вот под влиянием нравственного благородства девочка по-новому увидела мир; в ее глазах переживание радостного откровения: добро есть, оно торжествует.

Художественный рассказ оттачивал чувствительность юных сердец к злу, неправде, темным сторонам жизни, пробуждал горячий протест, непримиримость ко всему, что противоречит идеалу. Я убедился, что внутреннее торжество благородных чувств, которое переживается в часы одухотворенности нравственной красоты, обостряет способность откликаться сердцем на явления окружающего мира. Именно в те дни, когда мальчики и девочки находились под впечатлением образов сказки М. Горького, их возмутили равнодушие, эгоизм человека. С волнением и презрением говорили они о сорокалетнем мужчине, который ловил рыбу, когда тонул мальчик, и даже не поднялся, не сделал попытки спасти человека. Тракторист, проезжавший мимо пруда, бросился в воду и спас мальчика. Мои воспитанники давно знали об этом, но бессердечность человека тогда не взволновала их сердец. Теперь же они по-новому увидели этот поступок и с возмущением говорили: «Как может спокойно ходить по земле, спокойно

спать, дышать тем же воздухом, каким дышат честные люди, тот, у кого нет сердца?»

Через художественный рассказ мальчикам и девочкам раскрывается подтекст, философская сторона произведения — то, что почти никогда не выражается словами, по должно взволновать. В подтексте часто вся идейная глубина произведения, сила его эмоционального влияния. Когда дети прослушали художественный рассказ произведения «Бежит луг» И. Тургенева, им захотелось побывать среди природы, в таком же чудесном уголке, который описал великий художник. Они переживали чувство радостной взволнованности: то, о чем не сказано в прекрасном произведении ни слова, больше всего тронуло их. Это было радостное увлечение обычной, ничем словно не приметной красотой, которая встречается на каждом шагу и которую человек привык не замечать.

Рассказывал я четырнадцатилетним подросткам «Палату № 6» А. Чехова. Жестокое духовное закабаление в условиях эксплуататорского строя, беззащитность человека — все это потрясло моих воспитанников. Когда я закончил рассказ, им захотелось пойти в поле.

Особое место в художественном рассказе я отводил жизни и борьбе выдающихся людей. Эти рассказы о нравственной красоте и доблести были непосредственным обращением к духовному миру отдельных мальчиков и девочек. Ни слова не говоря о слабости Володи, я рассказывал о Феликсе Дзержинском прежде всего для него. Я видел некоторый успех на трудном поле воспитания уже в том, что мальчик переживал восхищение идейной стойкостью, мужеством. Это непременно условие видения самого себя. Не падаясь на легкий успех с помощью какого-то одного способа, я придавал художественному раскрытию моральной красоты особое значение. Без ощущения сердцем нравственного величия, благородства не может быть и речи о чуткой совести и самовоспитании.

Опыт убедил меня в том, что лирика и поэтическая проза — не единственный в своем роде способ воспитания чувств. В диапазоне средств эмоционального и эстетического воспитания лирика (в узком понимании этого слова) лежит между эпосом и музыкой. Эмоциональная насыщенность, тонкость и многогранность оттенков слова, глубокий подтекст образов лирического произведения — все это роднит лирику с музыкой. Без понимания и ощу-

щения лирических произведений и поэтической прозы человек остается глух, равнодушен к музыке.

Большое значение я придавал тому, чтобы воспитанники научились ощущать музыкальное звучание слова в стихе. Богатство и благородство чувств подростков немыслимо без сопереживания тончайших движений человеческой души, которые являют собой духовное богатство и завоевания человечества. Речь идет о чувствах, переживаемых, воплощенных в выдающихся произведениях мировой поэзии. Подростки должны пройти школу сопереживания эмоционального богатства поэзии. Среди природы, в Уголке красоты, в Компанте сказки я читал мальчикам и девочкам отрывки из произведений Толстого, Гоголя, Тургенева, Чехова, Панаса Мирного, Нечуя-Левицкого, Горького, Шолохова. Для чтения отбирал те поэтические строчки прозы, которые с детства вошли в мое сознание и которые я считаю такой же поэзией, как бессмертные стихи Гомера и Дарте, Пушкина и Шевченко, Лермонтова и Некрасова, Леси Украинки и Франко.

Поэтическое слово с его тонкими оттенками пробуждало в подростках радостное чувство приобщения к самому светлому и прекрасному, к бесценным богатствам человечества. У них возникало желание читать и перечитывать именно эти строки художественной прозы, в которых нет четко очерченного сюжета, но есть мысли и чувства писателя, его пристальный взгляд в окружающий мир. С этого начинается жизнь в мире книг.

Любовь к поэзии и духовную потребность в чтении, переживание поэтического слова можно воспитать только тогда, когда слово живет в душе учителя. Лирические стихи я всегда читал наизусть. Это один из способов непосредственного обращения к духовному миру детей. Отдельным воспитанникам нужно было сказать: «Будьте чуткими к своим матерям, облегчайте их труд, берегите их жизнь». Научить чувствовать можно, только обращаясь к языку чувств, а этот язык начинается с поэтического слова. Я читал поэму Т. Шевченко «Наймичка», стихотворение Н. Некрасова «Внимая ужасам войны...», в которых с гигантской силой поэтического вдохновения высказана любовь к творцу жизни — матери. Читал мудрые поэтические строки М. Горького о величии и красоте материнства.

В лесу, на берегу реки и пруда, в саду, в степи я читал лирические произведения о красоте родной природы, о высоком чувстве любви к Родине. Эти стихи настраивали мальчиков и девочек на мечту о далеких уголках нашей страны, о неоглядных просторах родной земли. Совершалось одно из тончайших явлений, необходимых для патриотического воспитания, — поэтическое, художественное познание Родины. Какой-нибудь маленький, неприметный уголок родного села — верба, склонившаяся над прудом, вишневый сад под горой, могучий дуб в ярком осеннем уборе, заросший кустарником овраг — воспринимался как частица Родины.

Большое значение я придавал чтению лирических стихов о духовном мире человека. Познание мира чувств — это тонкое и вдохновенное познание, которое возвеличивает, возносит, облагораживает. Стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Леси Украинки, Есенина, Брюсова, в которых отражено жизнерадостное мировосприятие, открывали подросткам те уголки души, то неуловимое душевное состояние, о котором не рассказать никакими пояснениями.

Никогда не забуду торжественной, величественной тишины в дубраве на берегу Днепра, когда мы сидели на залитой осенним солнцем поляне, над нами синело глубокое, в м ы т о е д о ж д я м и (слова Любы) небо, в теплом предвечернем воздухе пел сверчок и курлыкали журавли. В эти минуты я прочитал стихотворение Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Оно глубоко поразило моих воспитанников. Они ощутили, пережили величие, красоту чувств человека, его радостей и печалей, его желание познать мир и самого себя. Стихотворение запомнилось тут же. Одно из богатейших мыслями и чувствами произведение великого поэта вошло в духовный мир мальчиков и девочек как слово того языка чувств, без которого нельзя представить эмоционально и эстетически культурного человека. Я с радостью замечал, что, вкладывая одно за другим такие слова в душу воспитанников, я достигаю мягкости, изящества, сердечной чуткости.

Поэтическое слово о любви, верности, преданности — могучая сила, облагораживающая юную душу. Когда у моих воспитанников совершался таинственный процесс рождения мужчины и женщины, я читал им пушкинское «Я помню чудное мгновенье», «Еду ли ночью по улице

темпой» Некрасова, балладу Т. Шевченко «Порчепая», стихи и отрывки из прозаических произведений других писателей. Никакими поучениями и разъяснениями, как бы тонки они ни были, не донесешь до юных сердец всей красоты чувства любви к человеческой красоте так, как поэтическим словом. Познание красоты любви становится возможным лишь тогда, когда человек обожествляет самое чистое и самое сокровенное в том мире, о котором писал К. Маркс ²¹, — женщину, мать, рождение человека. Без этого познания человек не может понять и достичь человеческой культуры. И если мы, воспитатели, хотим, чтобы из школы не выходил ни один недоученный и невоспитанный, мы должны давать эти познания нашему воспитаннику в годы отрочества — именно тогда, когда в человеке рождается мужчина и женщина.

Я с радостью убеждался в том, что, благодаря познанию чувств, у каждого подростка появляются свои любимые лирические стихотворения, книги, авторы. Для меня большое счастье, что мальчики и девочки любят читать и перечитывать прежде всего поэтов. Любовь к поэтическому слову отображает индивидуальные черты моих воспитанников. Для Вари, очень тонкой, чуткой, впечатлительной души, любимыми поэтами стали Лесья Украинка и Есенин. Нина читала и перечитывала Шевченко и Мицкевича. Ваня полюбил Франко. Любимыми книгами Сашка стали «Записки охотника» Тургенева и рассказы Олеся Гончара. Таня полюбила тонкие поэтические повести Паустовского. Книги в домашних библиотеках стали духовным богатством, их любят читать и перечитывать, как любят слушать хорошую музыку.

МУЗЫКА

Музыка тесно связана с лирической поэзией и является как бы следующим этапом в духовном развитии человека. Музыка объединяет моральную, эмоциональную и эстетическую сферы человека.

Музыка — это язык чувств. Мелодия передает тончайшие оттенки переживаний, недоступные слову. Музыка начинается там, где кончается слово. И если словом ограничивается проникновение воспитателя в сокровенные уголки юного сердца, если после слова не начинается

более тонкое и глубокое проникновение — музыка, воспитание не может быть полноценным.

Музыка и пение в школах не только учебный предмет, но и могучее средство воспитания, которое должно эмоционально и эстетически окрасить всю духовную жизнь человека. Познание мира чувств невозможно без понимания и переживания музыки, без глубокой духовной потребности слушать музыку и получать наслаждение от нее. Без музыки трудно убедить человека, который вступает в мир, в том, что человек прекрасен, а это убеждение, по сути, является основой эмоциональной, эстетической, моральной культуры.

Я усматривал важную воспитательную задачу в том, чтобы сделать язык чувств доступным юной душе, научить владеть этим языком, слушать и пользоваться им как средством самовыражения. Если музыка является книгой для чтения на языке чувств, то букварь этого предмета начинается со слушания музыки природы, с познания красоты звуков, которые рождаются вокруг нас. В детстве мои воспитанники любили слушать музыку цветущего сада и цветущего поля гречихи, весенних лугов и осеннего дождя. Они ощущали, переживали красоту окружающего мира, и это облагораживало их душу. Но какой бы прекрасной ни была музыка природы, это, строго говоря, еще не музыка. Это буквы, выучив которые, человек может приступить к книге для чтения на языке чувств. Самая простая мелодия, сыгранная на свирели, в тысячу раз ближе к музыкальной культуре, чем самая красивая песня соловья или жаворонка. От слушания музыки природы мы уже в детстве постепенно переходили к музыкальному творчеству: играли на свирели. В годы отрочества это творчество стало любимым только для некоторых подростков. Кое-кто уже стыдился своего увлечения. Это меня не удивляло. Главная цель музыкального воспитания — воспитать не музыкантов, а людей.

Перед началом учебного года мы просматривали программу и отмечали, какие музыкальные произведения прослушают подростки на уроках и какие — в свободное время. Это не были какие-то «сверхурочные» воспитательные средства. Ценность и необходимость музыкального воспитания, кроме того, что оно является достиже-

нием языка чувств, состоит в том, что слушать музыку становится духовной потребностью.

Как и в детские годы, мальчики и девочки слушали музыкальные произведения в Комнате сказки и Уголке мечты. И теперь большое значение имела обстановка: язык чувств лучше всего познать осенним вечером или когда за окном трескучий мороз. Вероятно, восприимчивость к языку чувств в эти дни и часы объясняется тем, что природа замирает, стихает многоголосый хор птиц, шум листвы, бледнеет игра красок и у человека обостряется чувствительность к внутреннему, духовному миру. Каждый музыкальный вечер посвящался, как правило, одному или нескольким произведениям.

Труднейшее в познании языка чувств — это говорить о музыке. Слово никогда не может до конца объяснить всю глубину музыки, но без слова нельзя приблизиться к этой тончайшей сфере познания чувств. Я старался, чтобы слово, объяснение музыки было своеобразным эмоциональным стимулом, который пробуждает чувствительность к музыке как непосредственному языку души (А. Серов)²². Слово должно настроить чуткие струны сердца, чтобы постичь язык чувств. Я находил слово, которое бы выразило какую-то яркую черту окружающего мира, что отражается в нашей эмоциональной памяти. Ведь объяснение музыки должно нести в себе что-то поэтическое, что-то такое, что приближало бы слово к музыке. Его я старался найти в эмоциональной памяти воспитанников: при помощи слова создавал картину, которая пробуждала воспоминания о пережитом, и ощущение, и слово, добытое из глубин эмоциональной памяти, настраивало струны сердца на восприятие музыки.

Первые и самые яркие страницы для чтения на языке чувств — это народные песни. Долгими осенними и зимними вечерами мы слушали украинские песни. Это о нас писал Н. В. Гоголь²³. «Покажите мне народ, у которого было бы больше песен». Огромно эмоциональное богатство в прекрасной украинской песне «Стоит гора высокая», которую мальчикам и девочкам хотелось слушать десятки раз. Смысл и дух этой песни импонирует склонности подростков к философскому познанию мира. Все богатство песни — в глубоком подтексте, эмоциональную тонкость которого способна донести до сердца и сознания только музыка. Мир прекрасен, прекрасна вечная природа,

но, кроме радости, есть и печаль... Стоят вербы, склонившись над прудом, и грустят; упадет лист, понесет его вода... К вербам вернется весна, а к человеку молодость никогда не вернется. Но тем и прекрасен человек, что его красота расцветает, словно ослепительное сияние падающей звезды. Как дать эмоциональный толчок для постижения тонкого подтекста песни, выраженного языком чувств — музыкой? Я говорю подросткам: «Припомните солнечный день ранней осени, когда мы, путешествуя по берегу реки, открыли прелестный уголок: зеркальная поверхность тихого залива, две вербы у самой реки, одна — старая, дуплистая, умирающая, а вторая — стройная, молодая, певучая, как сказала тогда Люда. Мы переживали сложные чувства — печаль и радость. Дерево, цветок не бессмертны, а жизнь бессмертна. И венцом бессмертия является человек. Именно о том, что мы переживали тогда, рассказывается в песне «Стоит гора высокая», но рассказывается тоньше и глубже».

Открылись, заиграли родники эмоциональной памяти. Загорелись глаза, затрепетали сердца. Песня пробудила в юных сердцах желание глубже познать мир чувств. Плавная, широкая (это слово принадлежит кому-то из девочек) мипорная мелодия словно подхватывает на могучие крылья; человек летит над землей, видит чарующую красоту; переживание красоты рождает философские мысли о вечном и проходящем. Передо мной совершается таинственный процесс постижения, познания тонкого, эмоционально-эстетического, философского подтекста музыки. Своим особенным, понятным только душе языком песня говорит каждому подростку: «Человек прекрасен, дорожи высоким именем Человека. Тебя окружает мир красоты, эта красота вечна, основа этой вечности и красоты — ты, Человек».

В тихие зимние вечера мы слушали песню А. Лядова «Колыбельная», созданную по мотивам народной русской колыбельной песни, и армянскую народную песню «Хуропатка», записанную и обработанную композитором С. Комитасом. Подростки услышали в «Колыбельной» А. Лядова не только размеренное покачивание люльки, а и тихое спокойное дыхание ребенка, нежное, бережное, любящее прикосновение рук матери к детскому телу. Нет слов, какими бы можно было передать материнские чувства, выраженные в прекрасной мелодии этой песни. Они

играют, волнуют сердца подростков. При помощи музыки мальчики и девочки познают глубину, тонкость, сердечность отношения человека к человеку. Когда звучит тихий заключительный аккорд «Колыбельной», я вижу в глазах своих воспитанников самое чистое человеческое чувство — нежность.

Нежность, ласковость, сердечность, задушевность — именно эти чувства я старался пробудить музыкой, которая, «чудесно прикасаясь к глубине души» (М. Горький), открывает самое дорогое, что есть в человеке, — любовь к людям, готовность творить и утверждать красоту. Чувство сердечной нежности, утонченной ласковости пробуждает в юных сердцах музыка, которая раскрывает тонкую красоту природы, любви, восхищения, удивления, благоговения перед женщиной. Каждый раз, когда в музыкальной мелодии выражалась эта волшебная, чарующая красота, о которой невозможно рассказать словами, я ощущал, что сердца моих мальчиков и девочек делаются доверчиво открытыми, чрезвычайно чуткими к слову, взгляду, призыву, просьбе — тем тонким прикосновениям человека к человеку, в которых выражается чуткость, сердечность отношений.

Волшебной силой обладает музыка, которая выражает восхищение величием природы. Это восхищение передавалось моим воспитанникам, когда они слушали «Куропатку» С. Комитаса или отрывок из финала Четвертой симфонии П. Чайковского, мировосприятие детей становилось жизнерадостным. А это и является важнейшим источником человеческой нежности, ласковости, задушевности.

Я стремился донести до юных сердец тончайшие оттенки человеческого чувства — любви. Воспитывающее влияние музыки в этой сфере духовной жизни подростков огромно. Музыка, воплотившая в себе голос любящего сердца, восхищенного, затарованного красотой женщины, воспитывает в будущих женах и мужах, матерях и отцах романтическое, чистое, благородное чувство нежности. Познавая непосредственного языка души тех музыкальных произведений, которые воспевают любовь, я бы назвал эмоционально-эстетической школой воспитания будущих мужей и жен. Прежде чем предложить послушать музыкальное произведение о любви, я долго думал над словом, которое бы помогло понять язык чувств в этой таинственной

сфере человеческих взаимоотношений. Я заботился о том, чтобы музыка о любви сказала юным сердцам то, что невозможно выразить словами. Я бы советовал воспитателям подростков: пусть будет меньше бесед и лекций, диспутов и вечеров вопросов и ответов про любовь; пусть тихо, безмолвно вслушиваются подростки в музыку о любви.

ЖИВОПИСЬ

Произведения изобразительного искусства утверждают в юной душе чувства величия и красоты человека, поднимают личность в ее собственных глазах.

Рассматривание с детьми картин — такой же сложный способ эмоционально-эстетического влияния, как и музыка. Конкретность, образность мышления в детские годы затрудняет раскрытие перед воспитанниками обобщающего содержания изобразительного искусства. Рассматривая картину И. Шишкина «Рожь», ребенок видит только рожь, и для того, чтобы он увидел что-то более значительное, — мир человеческих чувств, нужна большая подготовительная работа.

Азбукой познания живописи является непосредственное наблюдение природы. Чтобы понимать, переживать и любить живопись, человеку необходимо пройти длительную школу чувств именно в мире природы. Уже в детские годы каждый должен учиться открывать красоту природы, чтобы духовная жизнь ребенка и природа словно бы связывались интеллектуальными, эмоциональными, эстетическими, творческими нитями. Важно, чтобы источником мысли и чувств было познание явлений природы, ее красоты. Долгие месяцы приходилось ждать, пока ребенок остановится от удивления перед каким-нибудь неприметным на первый взгляд степным островком или полянкой в лесу, перед украшенным яптарными ягодами кустом шиповника или укрытой легкой дымкой степной могилой, — остановится, одухотворенный красотой. Это открытие красоты говорило мне много, и прежде всего о том, что у ребенка появилось в природе что-то свое, личное. Чем раньше поднялся ребенок на эту ступеньку эстетического и эмоционального развития, тем больше он подготовлен к рассматриванию произведений живописи.

Рассматривание картин — это углубленное познание вещей и — что особенно важно — познание мира чувств.

Есть картины, недоступные ребенку, их пужно рассматривать в отрочестве и юности, но нет картин, которые бы можно было «пройти» в детстве и не возвращаться к ним всю жизнь. В настоящем искусстве нет ничего элементарного. Каждое произведение являет собой неисчерпаемый мир чувств. Такие «элементарные» картины, как «Рожь» И. Шишкина, «Грачи прилетели» А. Саврасова, «Золотая осень» и «Березовый лес» И. Левитана, «Русская зима» К. Юона, «Первый снег» А. Пластова, нужно рассматривать и в детстве, и в отрочестве, и в ранней юности; каждый раз человек видит в них что-то новое. Повторное рассматривание картин обогащает, развивает эмоциональную память, воспитывает то, что можно назвать обостренностью восприятия красоты. Именно благодаря повторному восприятию изобразительное искусство и входит в духовную жизнь подростков. Поэтому с каждым новым периодом интеллектуального, эмоционального и эстетического развития в воспитание включаются все новые произведения живописи и в то же время повторно рассматриваются картины, которые уже рассматривались.

В годы отрочества каждый мой воспитанник уже открыл и полюбил свой неповторимый, единственный уголок природы. Обычные, ничем не примечательные пруд, дерево, кустарник, нива приобрели в сознании мальчиков и девочек эмоциональную окраску. Именно на эмоциональном богатстве, приобретенном в процессе общения с природой, строилось повторное рассматривание картин, знакомых с детства. Картины «Золотая осень» И. Остроухова и «Золотая осень» И. Левитана рассматривались в часы ранних зимних сумерек, когда на землю тихо падали снежинки. Контраст между тем, что рассматривается, и тем, что происходит в это время в природе, является дополнительным стимулом, который открывает источники эмоциональной памяти. У подростков пробуждают желание снова видеть золотую осень не на картине, а в живой природе. И именно потому, что сейчас это невозможно, повышался интерес к произведению искусства.

Я стремился, чтобы каждый наш поход в природу, каждая встреча с красотой окружающего мира оставляли в детских и юношеских сердцах капельку радости. Это важное условие того, чтобы повторное рассматривание произведения искусства было новой ступенькой эмоционального развития. В переживании радости огромная притягательная

сила искусства. Уже в годы обучения в третьем и особенно в четвертом классах мальчики и девочки стали создавать свои маленькие картинные галереи: сохраняли репродукции картин. Меня радовало, что им хотелось рассматривать картины. Эта индивидуальная жизнь в мире искусства несравненно ценнее, чем создание так называемых «школьных третьяков» и т. п. Если картины висят на стене несколько месяцев, ученики перестают обращать на них внимание, произведения искусства утрачивают значительную часть эмоционального и эстетического влияния. В подростковые годы мальчики и девочки ознакомились с изобразительным искусством в историческом плане. Систему бесед и рассматривание картин нельзя построить в строго хронологическом плане. В один и тот же период мы рассматривали такие картины, как «Допрос коммунистов» Б. Йогансона, «Сенокос» А. Пластова, «Бурлаки на Волге» И. Репина, скульптурную группу «Граждане Кале» О. Родена, «Сикстинская мадонна» Рафаэля, «Монна Лиза» Леонардо да Винчи.

Особенности возраста требуют большого внимания воспитателя к тем произведениям искусства, в которых изображен человек с его сложным и многообразным духовным миром.

На первый план я ставил картины, изображающие моральную красоту, моральный подвиг человека — борца за высокие идеалы. Искусство должно быть источником познания мира чувств. Это правило эстетического воспитания особенно важно в познании живописи и изобразительного искусства вообще. Подросткам, конечно, нужно говорить о картине значительно больше и глубже, чем детям. Несколько раз мы рассматривали картину В. Серова «Ходоки у В. И. Ленина». В слове об этом произведении я объяснял тонкость характеров и отношений. Подростки понимали и ощущали доверчивость, вдумчивость, сердечность рассказа крестьян о своей жизни. Дальше речь шла об идеалах трудового народа, о величии исторических событий, воплощенных в картине, о судьбе нашей Родины. Этот философский фон необходим не только для углубленного понимания искусства, но и для познания гражданских чувств как высшей ступени эмоциональной жизни человека.

После характеристики содержания картины «Допрос коммунистов» Б. Йогансона я перешел к психологическому и идейному обобщению: в образах героев, которые прези-

рают смерть, художник показал мужество народа, величие и победу идеалов коммунизма.

Рассказ о работе Е. Вучетича над скульптурой воина-освободителя (Берлин, Трептов-парк) пробудил у мальчиков и девочек глубокое чувство гордости за великий подвиг нашего народа, спасшего мир от фашизма.

Беседа о героизме, мужестве советского народа, является словно бы отправным пунктом для ознакомления подростков с рядом других произведений искусства о человеке — герое, патриоте, борце за свободу и независимость своей Родины. Волнующие размышления о судьбе Отчизны вызывают картины «Богатыри» В. Васнецова, «В отряд к Буденному» М. Грекова, «Сибирские партизаны» В. Серова, «У Бабьего Яра» В. Пророкова. Глубокое чувство ненависти к фашизму, к темным силам вызывает картина Кукрыниксов «Конец», скульптурная группа немецкого художника-антифашиста Ф. Кремера «Жертвы Бухенвальда», картина Б. Пророкова «Мать». Я раскрывал гражданскую идею верности Родине и стойкости в борьбе с врагом. Мальчиков и девочек трогает величие духа, непримиримость к врагу. Скульптурную группу Кремера мы рассматривали в пятом классе и потом повторяли каждый год. Каждый раз мальчики и девочки открывали новые детали в духовном облике людей, измученных голодом, пытками, но не покорившихся. Рассматривание этой скульптурной группы было эмоциональной и эстетической подготовкой к восприятию и эмоционально-эстетической оценке других прекрасных произведений: скульптуры «Непокоренные» О. Фивейского и «Мать» П. Йокубописа. Я считал очень важной воспитательной задачей раскрыть все величие и красоту человеческого духа. Человек, одухотворенный идеей служения народу, Родине, высшим идеалам человечества, непобедим. Эта мысль красной нитью проходила через беседы о тех произведениях искусства, в которых художники воплотили идею патриотизма.

Глубокий след в душе моих воспитанников оставило бессмертное произведение О. Родена «Граждане Кале». Мы рассматривали его через несколько дней после художественного рассказа романа Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель». Затаив дыхание, слушали подростки художественный пересказ хроники города Кале. В их воображении ожили давно прошедшие события Столетней войны между Англией и Францией. Английский король, войска

которого обложили Кале, послал гражданам города суровый ультиматум: город не будет стерт с лица земли только при одном условии, если шесть именитых, наиболее уважаемых граждан, сняв с себя одежду, оставшись в одних сорочках, накинут на шею веревки и принесут победителю ключ от города. Король заранее обрек этих граждан на смерть. Во имя спасения города шесть патриотов обрекли себя на смерть. Вот они идут, исполненные героической решимости, охваченные тоской и ужасом перед смертью; они колеблются, исполненные страдания и печали прощания с жизнью.

Трагизм и героизм этого произведения, воплотившего в себе величие человека, одухотворенного любовью к отчизне, я рассматривал как эмоционально-эстетическую подготовку к восприятию произведений советского изобразительного искусства, посвященных подвигу нашего народа в годы Великой Отечественной войны. Осмысление и глубокое переживание идеи патриотического подвига народа является вершиной самоутверждения личности. Искусство — огромная сила, способная пробуждать в юном гражданине чувство гордости за человека. Нужно, чтобы это чувство пробуждалось и крепло в связи с патриотическими идеями, суть которых раскрывается в художественных образах. Мои воспитанники рассматривали картины, которые изображают героическую борьбу нашего народа за свободу и независимость Родины как в недавней битве с фашизмом, так и в далеком прошлом. Чувство гордости за подвиги наших предков пробудило рассматривание картин «Утро на Куликовом поле» А. Бубнова, «Поединок Пересвета с Челубеем» А. Авилова, «Переход Суворова через Альпы» В. Сурикова.

Изобразительное искусство — могучий способ проникновения в духовную жизнь народа. Воспитание души юного гражданина было бы односторонним, если бы он не познавал сердцем, не чувствовал, не переживал тех страшных бедствий и страданий, которые пришлось перенести нашему народу в прошлом. Специальные вечера были посвящены рассматриванию картин «Бурлаки на Волге» И. Репина, «Проводы покойника» и «Тройка» В. Перова, «Земство обедает» Г. Мясоедова, «Смерть переселенца» С. Иванова, «Прачки» А. Архипова, «Проводы на войну» и «Ремонтные работы на железной дороге» К. Савицкого, «Смертельно раненый» и «Апофеоз войны» В. Верещагина. Только по-

няв и пережив все, что выпало па долю трудового народа в прошлом, молодое поколение будет дорожить материальными и духовными благами социалистического общества.

Особенно сильным средством интеллектуального, эмоционального и эстетического воспитания в подростковом возрасте является портретная живопись. В системе воспитательной работы нашего педагогического коллектива большое место занимает воспитание способности чувствовать человека — чувствовать сердцем тончайшие движения души, уметь увидеть в глазах горе, обиду, страдание, смятение, одиночество. А самое главное — нужно уметь впдеть и чувствовать в глазах своего ближнего потребность в человеческом сочувствии, помощи. Одной из самых тонких и самых трудных проблем воспитательной работы я считаю развитие эмоциональной чувствительности и чуткости к мыслям и чувствам другого человека. Зеркалом мысли и чувств являются глаза. Какую бы картину мы ни рассматривали, я всегда обращал внимание подростков на глаза человека, образ которого воплотил в своем произведении художник. Картины и скульптурные произведения с этой точки зрения составляют целую школу эмоционально-эстетического воспитания.

Глаза — это сложнейший мир мыслей, чувств, переживаний. Целая система бесед, связанных с рассматриванием картин, у нас была посвящена этому миру. Я стремился, чтобы человеческое благородство, изображенное художниками разных времен и народов, переходило в моих воспитанников, а духовные пороки, ярко выраженные прежде всего в человеческих глазах, пробуждали в подростках чувство презрения.

Школе посчастливилось приобрести репродукцию фрески Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». Этой картине было посвящено несколько бесед. Рассказав о религиозной основе произведения, я ввел мальчиков и девочек в сложный мир человеческих чувств, убедив, что религиозный миф — это только внешняя оболочка, предлог для раскрытия глубоко индивидуального мира человеческих страстей. Увлеченные стихией познания чувств, мальчики и девочки, конечно, забывают, что перед ними картина на библийскую тему. Они видят сложный мир человеческих страстей, столкновение добра и зла, благородства и морального падения — предательства.

Пленительными, полными неповторимой поэзии были

для подростков вечера, посвященные рассматриванию картин «Монна Лиза» Леонардо да Винчи, «Мадонна с цветком» и «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Я хотел, чтобы мои воспитанники пережили чувство одухотворения красотой человеческих чувств, чтобы эта красота породила внутреннюю красоту переживаний в человеческой душе в тот период становления мировоззрения, когда мысль становится особенно пытливой, чуткой к человеку — его моральному облику, духовному богатству, интеллекту. Десятилетия работы в школе убедили меня в том, что познание человека должно быть одухотворено живым трепетом чувств. Мало сказать подростку: «Человек прекрасен благородными чувствами». Эти слова могут ничего не сказать душе, если красота чувств не будет пережита, ощутима.

Во время рассматривания картин Леонардо да Винчи и Рафаэля я особенно остро ощутил необходимость соединить эстетическую культуру восприятия и слово. Тут каждое слово воспитателя должно быть эмоционально-эстетическим стимулом, пробуждающим поэтическое мышление. Только там, где есть поэтическое мышление, есть глубоко эстетическое чувство красоты человека. Поясняя историю создания шедевров мирового искусства, я говорил не только о том, что изображено. Плоть и кровь слова как эмоционально-эстетического стимула — это подтекст, то, что переживал художник, что он видел в окружающем мире. Я рассказал о том, что могло вызвать улыбку, увековеченную художником на устах и в глазах Монны Лизы. Тут с особенной глубиной и поэтической выразительностью говорят человеческие глаза. Мгновение, отраженное гением в глазах молодой женщины, — это целый мир чувств. Нелегко было найти слово для того, чтобы создать в воображении мальчиков и девочек то поэтическое понятие о неясных, неопределенных, быстропроходящих переживаниях, без которых сердце остается глухим к поэтическим чувствам.

И трудными, и в то же время радостными, исполненными очарования были для меня вечера, посвященные картинам Рафаэля. Я думал, как в произведениях искусства, в которых слились христианство и античность, экстаз наивной веры в неминуемость жертвы, приносимой во имя спасения человечества, и высокая красота человеческого, материнского чувства, раскрыть ту настоящую человеческую красоту, которая облагораживает чувства людей, отда-

ленных от эпохи Возрождения не только столетиями, но и совсем иным мировоззрением. Чем удачнее слово я находил, чтобы раскрыть то земное, вечное, что поднимает человека над богом, тем сильнее трогала, волновала подрастков красота искусства и красота человеческого. Я старался найти слова, которые создавали бы у мальчиков и девочек живое, яркое представление о тех человеческих чувствах, которые выражают отношение к самому дорогому — сыну, дочери, человеческому счастью. В образе божественной девы, которая несет миру как жертву для спасения людей частицу самой себя — своего сына, мои воспитанники увидели наивысшую красоту мира — силу материнской любви. В глазах матери не только тревога и предчувствие страданий; в уголках ее дрожащих губ не только покорная неизбежность, но и твердая решимость. Нет в мире другого произведения искусства, которое бы в человеческих глазах передавало бы такую могучую силу материнства. «Портрет того, что думали народы, — так называл «Сикстинскую мадонну» И. Крамской. — Даже когда человечество перестанет верить... и тогда картина не утратит ценности». В этих словах Крамского выражено понимание общечеловеческого в творении Рафаэля.

К названному произведению Рафаэля, к «Рождению Венеры» С. Боттичелли, «Девушке, читающей письмо» Я. Вермеера Делфтского, «Свободе на баррикадах» Э. Делакруа, «Роднику» Ж. Энгра, «Елене Формен с детьми» и «Камеристке» П. Рубенса, «Девочке с персиками» В. Серова, портрету М. И. Лопухиной В. Боровиковского и «Курсистке» Н. Ярошенко мы возвращались не раз в тот период, когда в мальчиках и девочках рождались мужчина и женщина. Я твердо убежден, что, когда в юношескую душу невянятно стучат первые ветры неосмысленных желаний и порывов, очень важно раскрыть всю глубину красоты женщины как высшего воплощения общечеловеческой красоты. Я старался, чтобы мальчики и девочки обожествляли красоту женщины, относились к ней как к чему-то идеальному, неприкосновенному, а в девочках чтобы утвердилось чувство интимности, целомудренности. Никакие моральные поучения, как бы мудро они ни были освещены жизненным опытом и чувством благоговения перед человеческой красотой, не могут утвердить в юных сердцах эти благородные, высокие чувства, если рядом со словом не стоит искусство.

Мне долго не удавалось найти «ключ» к пониманию моими воспитанниками глубины и красоты портретной живописи. Когда они были в пятом классе, читая «Три смерти» Л. Толстого, я показал им портрет великого писателя, созданный И. Крамским. Слушая и переживая прекрасное произведение Л. Толстого, подростки все внимательней всматривались в черты его лица, особенно в глаза. Перед ними постепенно раскрывалось «глубокое знание сокровенных движений человеческой жизни» (слова Н. Г. Чернышевского о молодом Толстом)²⁴. Волевое, одухотворенное мыслю лицо с проникновенным взглядом, который замечает то, что не каждому дано увидеть, сосредоточенность, пытливість, неугасимая жажда найти истину — все это под влиянием чтения воспринималось как живая реальность и в то же время поэтически сложное, непостижимое богатство души, которую нужно познавать всю жизнь и она останется не до конца познанной. Я никогда не забуду, как, читая восьмиклассникам «Анну Каренину», я выставил перед ними большую репродукцию. Я знал, что этот портрет Л. Толстого писался тогда, когда писатель работал над этим романом, но не говорил об этом подросткам. И вот, слушая высказывания и реплики героев романа, Лариса взволнованно сказала: «Так это же мысли Толстого. Он сам так думает».

Я не помню другого факта, в котором бы с такой значительностью, как в этом маленьком эпизоде, проявилась могучая сила искусства.

Потом, через год, мы читали «Войну и мир», и перед нами стоял большой портрет Л. Толстого, созданный И. Репиным через пятнадцать лет после портрета И. Крамского. В глазах того же мыслителя мои воспитанники увидели теперь иное: лицо Л. Толстого, по их словам, «озарено мудростью и покоем».

Слушая отрывки из произведений М. Мусоргского, мальчики и девочки всматривались в портрет композитора работы И. Репина. Именно музыка помогла понять, ощутить то вдохновение, ту вершину творчества, на какой сумел увидеть композитора художник и написать его портрет — написать огненно, по восторженной характеристике В. Стасова.

Проблема творчества — один из участков педагогической целины, и чтобы только приступить к ее освоению, нужно создать книгу о педагогическом аспекте творчества. Тут я коснусь только творчества, связанного с эмоционально-эстетической сферой духовной жизни подростков.

Почему «зубной болью сердца» (Гейне)²⁵ подростков является их охлаждение, часто равнодушие к учебе, а то и просто нежелание учиться? Одна из главнейших причин этого явления — отсутствие или убогость творческого начала в духовной жизни. Подростку уже маловато тех стимулов, которых было достаточно для младшего школьника: выполнения воли и желания дорогого человека, похвалы, поощрения. Подросток стремится выразить себя, и выразить не только в результатах своей учебы, но и во внутреннем духовном мире. Ему уже не хочется быть только пассивным потребителем духовных благ и ценностей. Он хочет быть творцом. Творческое вдохновение трудом, создающим какие-то духовные ценности, является важнейшим условием полноты его духовной жизни.

Творческое вдохновение — человеческая потребность, в которой личность находит счастье. Переживая духовное удовлетворение от того, что он творит, человек по-настоящему ощущает, что он живет. Без творчества невозможно представить жизнь подростков. Творчество было той «живой водою», которая вливалась свежие силы в моих мальчиков и девочек, помогая преодолевать трудности. Без творческого начала они просто не могли бы справиться с тем, что делали.

Творчество начинается там, где интеллектуальные и эстетические богатства, освоенные, добытые раньше, становятся средством познания, освоения, преобразования мира, при этом человеческая личность словно сливается со своим духовным достоянием.

Важнейшим первоисточником творчества как самовыражения и самоутверждения личности является слово. И творческое вдохновение, которое переживается уже в детские годы, начинается с того, что слово как духовное богатство личности становится строительным материалом, из которого ребенок что-то создает. Сочинение,

сказка были первой сферой творчества, в котором ребенок утверждал свои способности, познавал себя, переживал первое чувство гордости от того, что он что-то создает. Детская сказка, сложенная среди природы, является, по моему убеждению, целым духовным миром, который определяет содержание и направленность мыслей, чувств, переживаний. В детстве каждый мой воспитанник сложил от двадцати до пятидесяти сказок. В отрочестве мальчикам и девочкам не хотелось разлучаться со своим любимым миром сказки. Но горизонты мира у подростка уже не те, что у ребенка,— не те и сказки. Стремление углубленно познавать, обобщать вещи и явления наложило отпечаток и на творчество. В отрочестве мои воспитанники тоже славали много сказок, но в них ярко проявлялось стремление к раздумьям, обобщениям. Вот сказка, сложенная Катей:

Красота и Уродство

На солнечной поляне живет красавица — Краса. У нее много-много цветов. Какие только есть в мире цветы — все растут у нее в цветнике. Когда тихие сумерки опускаются на землю и все живое ложится спать, Краса идет к людям. Заходит в дом, подходит к спящему человеку, кладет в головы цветов... Если человек спит чутко, он слышит приход Красы, просыпается, берет цветок, любит ее им. И этот человек уже счастлив. Но если человек спит так, что не слышит ни завывания ветра, ни грохота грома, он никогда не видит подарка Красы. Потому что следом за красавицей Красою идет от дома к дому, от человека к человеку Уродство. Это отвратительное существо. В его злых глазах ненависть и презрение к людям. Оно живет где-то в смердящем болоте. Кто не ощутил Красы, не проснулся, не взял цветка, не zalюбовался им,— оно к тому и заходит. Берет цветок и пожирает, словно ястреб птенца, который выпал из гнезда. И сон человека, к которому пришло Уродство, делается тяжелым и тревожным. Снятся ему голые ветви деревьев и высохшее поле.

Тут хорошо выражена пытливая обобщающая мысль, стремление воплотить идею в яркие художественные образы.

Значительное место в духовной жизни детей и подростков занимает драматическое творчество. В детстве у моих воспитанников был Театр сказки и кукольный театр. Дети инсценировали сказки. В отрочестве интерес к кукольному театру не угас. Варя стала руководителем кукольного театра октябрят. Неожиданно вспыхнул интерес к этому

виду драматического творчества у Кости: он организовал кукольный театр, в котором действующими лицами были исключительно цветы, растения. Для своего театра Костя сам сочинял маленькие пьесы, ему помогала Люба. Мальчиков и девочек теперь больше интересовали сказки, в которых раскрывались моральные отношения между людьми.

Своеобразным творчеством подростков был художественный рассказ. Катя, Лариса, Люба, Миша стали руководителями маленьких кружков художественного слова.

ТРУД ВО ВСЕСТОРОННЕМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

Труд называют могучим воспитателем. Но его воспитательная сила еще не раскрывается тогда, когда руки подростка чем-то заняты. Труд, оторванный от идейного, интеллектуального, морального, эстетического, эмоционального, физического воспитания, от творчества, от интересов и потребностей, от многогранных отношений между воспитанниками, становится повинностью, которую им хочется побыстрее «отбыть», чтобы осталось больше времени на более интересные дела. Большим злом во многих школах является то, что труд не становится духовной потребностью. Это обедняет духовную жизнь человека в годы становления его взглядов, убеждений. Лень часто расцветает как тяжкая беда и порок не потому, что человек ничего не делает, а потому, что работа не вдохновляет, не одухотворяет его, не оставляет положительного следа в эмоциональной памяти.

Углубленное познание мира, самого себя и самовоспитание как определяющие черты духовной жизни в годы отрочества невозможны без самутверждения в труде. И совершенно невозможно представить гармоничное всеобщее развитие личности без переживания, без ощущения гордости человеком за то, что он создает. В этом источник счастья и полноты жизни. В отрочестве к человеку должна прийти, овладеть его сознанием мысль: «Кто я? Где мое место в жизни? Где мой жизненный путь? На что я способен?» Эта мысль может возникнуть в человеке лишь тогда, когда он в чем-то проявил, выразил себя, чем-то увлекся, в чем-то достиг значительных для своего возраста результатов. Каждого воспитанника я помню прежде всего как личность, чем-то увлеченную, одухотворенную мечтой о цели творческого труда, одержимую стремлением

постичь секреты трудового мастерства. Что означает идея: труд — основа всестороннего гармонического развития? В практической работе с детьми и подростками это означает, что от труда идут крепкие питы к интеллектуальному, моральному, эстетическому, эмоциональному, физическому развитию, к становлению идейной, гражданской основы личности. Обучение и труд нельзя представлять упрощенно, как практическое закрепление, проверку на практике знаний, полученных на уроке. Проблема эта глужбе и тоньше: умственное развитие — труд, ум — труд. Умелое решение этой проблемы в воспитании подростков имеет исключительное значение. Найти такой труд, который бы развивал умственные силы и способности, вводил бы человека в мир творчества — одна из главных задач умственного и трудового воспитания, и успеха тут можно достичь тогда, когда их решают в единстве.

Труд становится основой гармонического развития личности также и потому, что в трудовой деятельности человек утверждает себя как гражданина, переживает чувство гражданского достоинства. Он чувствует, что способен добывать не только хлеб насущный, но и материализовать свой ум, свое творчество. Гражданское должно быть не в звонкой фразе, а в душе — это одно из важнейших правил трудового воспитания. Чувство гражданской значимости труда — это наряду с радостью познания, освоения мира очень сильный эмоциональный стимул, одухотворяющий нелегкий труд, а труд только тогда воспитывает, когда он пелегкок. Один из топчайших секретов воспитания — суметь увидеть, пайти, открыть гражданское, идейное начало труда.

Единство труда и эмоционально-эстетического воспитания достигается тем, что человек, познавая мир трудом, создает красоту, утверждая этим в себе чувство красоты труда, творчества, познания. Создание красоты труда — это целая область воспитания, которая тоже относится, к сожалению, к педагогической целине.

ПРИВЫЧКА ТРУДИТЬСЯ

В годы отрочества привычка трудиться объединяется с осмыслением роли труда как важной духовной потребности. Подросток задумывается над своим местом в жизни, сознательно стремится выразить свою индивидуальность.

В этот период важно не только то, сколько и как работает человек, но и то, что он думает о труде. Создавая в воображении подростков картину коммунистического общества, нельзя вселять в них мысль, что при коммунизме жизнь будет легкой, рабочий день сократится до минимума и в этом будет состоять главное благо человека. К использованию самого большого блага коммунистической жизни — свободного времени — человека нужно внутренне подготовить. Полнота духовной жизни зависит от того, чем человек наполнит свое свободное время. Только труд во всей его многогранности, направленный на познание, освоение мира, на самовыражение, самоутверждение личности в творчестве, только насыщение свободного времени трудом, обогащающим духовную жизнь, может дать человеку счастье. Без труда он будет обречен на муки Танта́ла: в обстановке материального богатства он останется нищим и, как сказал Тарас Шевченко, «душеубогим».

Дисциплина труда в годы отрочества приобретает особое значение. В выполнении режима дня, преодолении трудностей каждый подросток должен видеть средства волевого самовоспитания. Я твердо убежден, что для умственного, трудового воспитания необходимо прежде всего свободное время. Лишь при этом условии подросток может выразить самого себя в том труде, который в большей степени раскрывает его способности и задатки. Чем больше работает подросток по собственному желанию, тем глубже входит в его духовную жизнь любимая работа, тем больше ценит он свободное время и умеет пользоваться им как источником благ и радостей.

ТРУД И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Интеллектуальное богатство школьной жизни в большинстве своем определяется тем, насколько тесно связаны умственная жизнь и физический труд. Уже в годы детства мои воспитанники видели, как богата умственная жизнь в небольших трудовых коллективах — технических и сельскохозяйственных кружках. Эти кружки — важная форма воспитания подростков. Ценность кружковой работы состоит в том, что каждый может в течение длительного времени испытывать свои задатки, способности, выражать в конкретном деле свои склонности, находить любимую работу.

По учебному плану раз в неделю подростки работают в школьной мастерской: учатся обрабатывать дерево и металл, изготавливают модели машин и механизмов. Этим, по существу, и исчерпывается программный труд. Может ли он удовлетворить разнообразные интересы и запросы подростков? Конечно, не может. Для единения труда и интеллектуальной жизни, для насыщения свободного времени деятельностью большой духовной значимости как раз и существуют кружки юных растениеводов, селекционеров, садовников, пасечников, механизаторов, электротехников, радиотехников, слесарей-конструкторов, токарей, животноводов, цветоводов. Без кружков, в которых бурлит пытливая мысль, нельзя представить ни интеллектуального, ни эмоционально-эстетического воспитания. Если бы руки не были мудрым учителем разума, у подростков не было бы интереса к знаниям; из процесса обучения выпал бы один из самых сильных эмоциональных стимулов.

Уже в третьем и четвертом классах мальчики и девочки стали включаться в кружковую работу. На первых порах, конечно, не было и не могло быть сознательного выбора. Необходим длительный период поиска самого себя. Ученик переходит от одного дела к другому, одно увлечение сменяется другим. Это необходимо для сознательного выбора любимой работы. Наступает время, когда подросток находит то, что в большей степени отвечает его задаткам. Поспешность воспитателя в этом деле недопустима. Нельзя «прикреплять» подростка к тому или другому кружку. Но нельзя и отдавать стихии сложный процесс самоутверждения в труде. Нужно зажечь в каждом сердце огонек увлечения трудом. Это значит помочь подростку приложить руки к такому делу и таким способом, чтобы они стали учителем разума.

Юрко увлекался работой на школьной пасеке, на кроликоферме и в кружке юных селекционеров. Он научился прививать плодородное дерево к дичку, готовить семена и сеять, обрабатывать почву и ухаживать за телятами. Но по-настоящему захватила его только работа в кружке юных механизаторов. Он не мог оторвать глаз от миниатюрной автомашины, которой учились управлять его ровесники-пятиклассники. Но чтобы иметь право учиться управлять машиной, нужно было изучить двигатель внутреннего сгорания. Юрко посещал занятия одного из кружков юных механизаторов, которым руководил десятиклассник.

Мальчик с интересом изучал двигатель, учился запускать его, разбирать и собирать отдельные узлы. Двигатель изучен, и Юрко учится управлять маленькой автомашиной.

А в это время в кружке появились новые интересные дела: под руководством учителя труда и старшеклассников подростки монтируют новую автомашину. Увлекался этой работой и Юрко. В ней много однообразных, ничем не привлекательных трудовых операций — нужно шлифовать металлические пластинки, очищать от ржавчины железо для рамы. Но все это подчинено интересному замыслу, который одухотворяет работу. С работой рук связывалось интересное творчество. И чем теснее была связь мысли и рук, тем глубже входил труд в духовную жизнь, становился любимым. Творчество в труде было одним из самых сильных стимулов, которые развивали умственные силы подростков. Чем глубже вдохновлял Юрка замысел сделать красивую, удобную, послушную в управлении автомашину, тем большим был интерес к книге, чтению. Уже в шестом классе у подростка была маленькая техническая библиотека, она все время пополнялась. Значительное место в духовной жизни мальчика заняло чтение, не связанное с необходимостью запоминать, удерживать в памяти, заучивать. Это было чтение, побуждаемое интересом к творческому труду, желание достичь успехов в работе рук. Оно играло большую роль в воспитании разума, в расширении кругозора и — что особенно важно — в становлении стиля, характера умственного труда в процессе обучения. Такое чтение воспитывает способность глубоко осмысливать, вдумываться в суть прочитанного. Этот подход к чтению стал характерным и для работы над учебниками. Кто увлекается творческим трудом, никогда не зубрит. Зубрежка, которая истощает умственные силы и опустошает душу, может быть там, где нет духовной жизни в труде.

Каждый кружок — центр творческого труда и полноценной интеллектуальной жизни. Мы стремились, чтобы каждый подросток был тружеником, мыслителем и искателем, чтобы познание мира и самого себя совершалось в интересном, вдохновленном творчестве. Самоутверждение, самовоспитание в годы отрочества состоит в том, что познание истины, ее открытие сливается с творческими силами личности: человек ощущает, что благодаря мысли, пытливости природа открывает свои тайны.

Работа в кружках носила исследовательский характер. Когда мои воспитанники вступили в пору отрочества, в школе было несколько кружков юных селекционеров и почвоведов. Мальчики и девочки отбирали семена для высевания, собирали и сохраняли местные удобрения, вносили их в почву, перекапывали участки. Труд стал бы в этих кружках однообразной и надоедливой обязанностью, если бы мальчиков и девочек не вдохновляли исследовательские замыслы. Эти замыслы нужно было донести к юным сердцам, чтобы зажечь огонек любознательности. Вместе с преподавателем биологии и агрономом колхоза учителя рассказали юным исследователям о том, как можно вырастить зерно пшеницы вдвое больше, чем выращивается обычное. Мысль о крупном, тяжелом зерне вдохновляла мальчиков и девочек. Перед сбором урожая мы с кружковцами отправлялись в поля, искали крупные колоски для опытов на грядках учебно-исследовательского участка; вносили в почву удобрения, старательно обрабатывали грядки. Каждая грядка становилась маленькой исследовательской лабораторией. Мальчики и девочки работали лопатой, а после этого шли в уголок почвоведения, читали литературу, исследовали жизнь микробов, которые создают плодородие. Наблюдения над развитием и созреванием пшеницы, сбор урожая, старательное взвешивание, определение веса одного зернышка — все это была очень тонкая и интересная работа. Люда, Сашко, Ваня, Лида, Петрик, Нина несколько лет изучали жизнь почв, созданных на двадцати грядках. Это были настоящие исследования: почву создавали из смесей, различными веществами стимулировали бурную жизнедеятельность микроорганизмов, обогащавших почву азотом и фосфором. Уже на второй год юные исследователи вырастили пшеничное зерно на 70 процентов тяжелее среднего веса зерна, которое выращивается обычно в самые урожайные годы. На третий год отдельные грядки дали зерно вдвое тяжелее среднего веса. Мальчиков и девочек захватила новая цель: вырастить пшеничное зерно значительно богаче белком. Исследование по этой теме стало творческой работой, которая вдохновляла не только в годы отрочества, но и в ранней юности.

В годы, предшествующие обучению моих воспитанников в пятом классе, в школе возник кружок юных конструкторов сельскохозяйственной техники. Вместе с учителем по труду А. А. Ворошило мы увлекли подростков конструи-

ровапием и изготовлением механизмов и машин для обработки почвы, сева, уборки урожая, обмолота. Электричество все больше входило в производство, в быт, и мы поставили перед собой цель—использование электроэнергии в различных трудовых процессах сельского хозяйства.

В этом кружке подростков вдохновляли конструкторские замыслы: как использовать силу электрического тока, чтобы заменить работу рук? Как приспособить электродвигатель к механизмам, которые действуют на почву, стебли, колоски? Юные конструкторы сделали маленькую косилку для собирания зерновых культур на грядках учебно-исследовательского участка. Со временем возникло желание сделать маленькую молотилку. Целый год Юрко, Толя, Нина, Шурко, Сергей, Зина, Федя, Володя работали над этим механизмом. По чертежам, сделанным учителем по труду, они вырезали, выпиливали, точили, шлифовали. Чем ближе к завершению была работа, тем больше вдохновлялись подростки, тем дороже становилось сделанное, тем ближе принимали они к сердцу замечания, связанные с оценкой качества работы.

Это было настоящее богатство интеллектуальной жизни, слияние физического труда и мысли. Физический труд, напряжение никогда не было конечной целью, а только средством осуществления замысла. Основным была мысль. Но руки — не пассивный исполнитель. Они учили ум. Понять тонкости и огромную воспитательную силу этого обучения помогало нам, учителям, трудовое содружество с юными конструкторами, руки которых словно проверяют предположения, догадки. Под влиянием этой проверки мысль работает с большой интенсивностью, а открытия переживаются как достоинство личности.

Связь учебы с трудом я усматривал в том, чтобы подросток думал работая и работал думая. Школу этого творческого труда каждый подросток проходил в течение нескольких лет. Меня волновал вопрос: как эта школа отразится на умственном развитии? Жизнь давала поучительный ответ: через слияние мысли и физического труда, где тонкие движения рук осуществляют такой же тонкий замысел, подростки становятся мудрыми мыслителями, исследователями и открывателями истины, а не потребителями готовых знаний. Я наблюдал, как относятся к теоретическим знаниям юные конструкторы, селекционеры, электротехники и радиотехники. В каждой истине они

стремились прежде всего осмыслить реальную сущность фактов, вещей, предметов, явлений, зависимостей. Они словно присматриваются к суждению, вдумываются в логические связи между отдельными его частями.

Творческая работа в кружках научила отдельных подростков думать. В мышлении Петрика с каждым месяцем все отчетливей проступала ценная черта: мальчик старался найти в своих знаниях то, с чем можно было связать новое, подтвердить истинность нового тем, что осмыслено и стало приобретением мысли и памяти раньше.

Тот, кто проходил длительную школу трудового творчества, сознательно остерегался запоминания непонятного. На уроках алгебры, геометрии, физики, записав новую формулу, Нина и Петрик ощущали потребность просто подумать над нею, вдуматься в то, что обобщает формула. Для них это было необходимо точно так же, как попробовать прикоснуться рукой, пальцами к деталям, узлам механизмов.

Выращивая крупное зерно пшеницы, мальчики и девочки исследовали зависимость жизнедеятельности растения от многих условий: от микрофлоры почвы, сохранения влажности в глубинных пластах, предпосевной обработки почвы, от энергии прорастания семени и пр. Труд являл собой исследование и обобщение многогранных комбинаций зависимостей между этими факторами, изучения, осмысления их взаимоотношений во времени и пространстве. Жизнь убедила, что если труд сливается с осмыслением важных зависимостей и причинно-следственных связей длительное время (например, в течение всего периода вегетации исследуется влияние микроэлементов на рост и созревание злаковых), если одна и та же мысль глубоко захватывает ум, волнует, — у подростка воспитывается очень ценная способность переживать мысль. Первым источником интеллектуальных чувств является слияние труда и разума.

У тех моих воспитанников, которые медленно думали и с большими усилиями осмысливали обобщающие истины и закономерности математики, физики, химии, истории, были такие периоды, когда казалось, что вот сейчас иссякнут внутренние духовные силы и стимулы, настанет полное равнодушие, ум перестанет осмысливать знания. Это неминуемо случилось бы с Петриком, Нипой, Славком. Эта внутренняя усталость ума охватила бы и способных

учеников, если бы не одухотворенность трудом, не переживание мыслей, порожденных слиянием работы рук и мысли. Каждый раз, когда была видна угроза этой внутренней опустошенности, я старался втянуть мальчиков и девочек в работу, которую они переживали как исследование, открытие истин.

Когда мои воспитанники учились в пятом классе, в школе были созданы кружки радиотехники, электроники, биохимии, почвоведения. Тут топкая работа с микроскопом, со сложными приборами чередовалась с обычной, однообразной физической работой, важнейшими инструментами для которой были зубило, молоток, тиски, лопата, грабли, ведро, вилы. В этом чередовании один из «секретов» гармонического слияния ума и рук: напряжение физических усилий переживается не как конечная цель, а как средство достижения цели. Это и является одним из стимулов к работе.

В школе для подростков было создано несколько уголков творческого труда по радиотехнике, электронике, биохимии, почвоведению, гибридизации. Нельзя себе представить полноценного воспитания в годы отрочества без того, чтобы мальчик, девочка не засиделись над сложной схемой или прибором, забыв про все на свете, кроме своей интересной работы. Тут подростки становились мыслителями и исследователями, которые переживали глубокое удивление, благоговение перед величием научной мысли и подвигами ученых. Тут в этих уголках, вспыхивали искры мечты о будущем. Творческая мысль приобретала особый характер и стиль; предметом ее становились явления, которые во многих случаях невозможно видеть, наблюдать непосредственно. Размышление над этими явлениями, управление ими — это высшая ступень школьного единства труда и разума. Не было в моем классе ни одного ученика, который бы не увлекся интересной работой. Увлечения были разнообразными и, казалось, далекие друг от друга. Те, у кого любимым предметом была литература, кто жил богатой духовной жизнью в мире слова, вдруг увлекался антибиотиками. Юные механизаторы увлекались радиотехникой и электроникой. В духовной жизни многих мальчиков и девочек длительное время было два и даже три увлечения. Когда мои воспитанники учились в шестом-седьмом классах, в школе была открыта Комната сложных дел. На двери мальчики написали слова Маркса: «А у входа в науку, как

и у входа в ад, должно быть выставлено требование: «Здесь нужно, чтоб душа была тверда: здесь страх не должен по-давать совета» (Данте, «Божественная комедия») *.

В этой комнате было выставлено все самое трудное, что при напряжении умственных сил может быть доступным подросткам: схемы по радиотехнике и электронике, по которым предлагалось изготовить приборы и модели; сложные задачи по физике, химии, математике, описание задач для исследования по биохимии и почвоведению. Переступая порог этой комнаты, мальчики и девочки входили словно бы в преддверие науки. Тут испытывался характер, закалялась воля; тут подростки на собственном опыте познавали, что такое самовоспитание.

ГРАЖДАНСКОЕ НАЧАЛО ТРУДА

«Светя другим, сгорай», — гласит древняя клятва врачей. Я стремился к тому, чтобы эта истина воодушевляла мальчиков и девочек, облагораживала их сердца, пробуждала чувство собственного достоинства. Настоящее счастье — служить людям. Эту идею я старался провести через все, о чем думали и что делали мои воспитанники.

Подростков волновали рассказы о подвигах во имя блага и счастья людей. Но это только первая ступенька гражданского воспитания. Непосредственным стимулом светить другим является переживание того, что человек делает. На первый взгляд это кажется легким делом: юные граждане что-то сделали своими руками — значит, они уже переживают чувство любви к людям и долга перед ними. Но в жизни это не так просто. Если, работая, дети равнодушны или относятся к работе как к надоевшей обязанности, сколько бы они ни работали, это не оставит доброго следа в их душе. Работать для людей юный гражданин должен с чистым сердцем и светлыми, жизнерадостными мыслями. Эта работа должна давать радость и вдохновлять высокими мыслями. Наибольшая усталость от этой работы — а без пота, усталости, мозолей невозможна настоящая работа — должна окрашиваться ощущением полноты жизни, счастливым переживанием.

Как же открыть воспитанникам это светлое гражданское начало труда? Здесь нужно иметь в виду ряд правил

---

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 13, с. 9.

педагогической техники. Идти работать для людей нужно со свежими не только физическими, но и духовными силами. Нужно духовно подготовить воспитанника к труду, который, по замыслу педагога, имеет яркое гражданское звучание. Нужно очистить юное сердце от всего случайного, преходящего. Плохое настроение коллектива, если в нем произошло что-то неладное, может отравить источник гражданских чувств. Перед тем как идти работать для людей, я старался достичь того, чтобы сознанием детей и особенно подростков овладели светлые мысли. Это прежде всего яркое, жизнерадостное представление о том, что мы создадим своими руками для людей, какую радость принесет им наш труд. Лишь тогда юные труженики оставят частицу своего сердца в том, что они сделали.

На пустыре, где через год будут строить хозяйственное здание колхоза, растет дуб. Дереву уже лет десять, но легко уничтожать его во время строительства. Может, спасти дуб? Перенесем в другое место, где он будет доставлять радость не одному поколению? Это нелегко сделать. Нужно вместе с корнем перенести с кубометр почвы. Нелегко, но какая бы это была радость для людей. Дуб растет двести и даже триста лет. Множество людей под его ветвями будут переживать радость бытия. Яркое представление о труде — творении радости — пробуждает у мальчиков и девочек те светлые мысли, без которых невозможны энтузиазм, вдохновение. Мы идем работать. Работаем несколько дней, и чем ближе завершение работы, тем глубже чувство радости.

Очень важно, чтобы в годы отрочества мальчики и девочки видели материальные ценности, созданные собственными руками в детстве. Мои воспитанники каждый год что-то прибавляли к работе, которую они начали в первый или во второй год школьной жизни. Благодаря этому работа для людей становилась духовной жизнью коллектива.

Гражданское начало труда органически сливается с чувством собственного достоинства. Труд во имя общего блага не означает самоотречения и обособления человека. Радость труда для людей имеет в своей основе глубоко личное чувство гордости, собственного достоинства. Важное задание коммунистического воспитания состоит в том, что в обществе не должно быть ни одного бесцветного человека. Сильно выраженная личность, по определению А. В. Луначарского, — это корень общества. Важно, чтобы

в основе гражданских чувств лежала трудовая гордость подростка, переживание мысли, что в своей любимой работе он непревзойденный мастер. Найти, открыть, утвердить в человеке его трудовое призвание, добиться, чтобы каждый стал настоящим мастером в какой-то работе, чтобы трудовое творчество навсегда вошло в духовную жизнь и стало самым сильным эмоциональным стимулом деятельности,— в этом состоит единство идейного и трудового воспитания.

Необходимо помочь каждому найти себя, проявить себя в любимой работе, овладеть необходимыми знаниями и умением, стать мастером. Это альфа и омега индивидуального подхода, воспитания личности и коллектива. Трудовое лицо коллектива — это не какая-то безликая масса, действующая по приказу или команде. Без ярко выраженных личностей нет коллектива. Воспитание коллектива я видел прежде всего в том, чтобы в каждом подростке раскрылась его живинка, пробудился талант. В годы отрочества подросток должен в чем-то одном добиться значительных успехов, что-то одно должно увлечь, одухотворить его, какая-то одна работа должна стать настоящим творчеством.

Я с волнением и тревогой ждал, когда подросток настолько углубится во что-то одно, что забудет обо всем другом. Речь идет об интеллектуальном, творческом, эмоциональном углублении в тонкости работы, в секреты мастерства. Этот момент является закономерным результатом творческого труда, каким подросток занимается в течение определенного времени. Для углубления в работу необходима такая конкретная деятельность, в которой бы особенно зримо, ощутимо выступало подчинение физических усилий творческому замыслу.

Одухотворенность творческой работой, переживание чувства гордости от мысли, что я мастер своего дела, у меня «золотые руки», меня уважают за то, что я властелин труда,— все это является настоящим рождением гражданина.

У Коли было много трудовых увлечений: он с интересом работал и на учебно-исследовательском участке, и в кружке юных конструкторов-моделистов. Было у него и увлечение живописью: Коля любил рисовать, собирал коллекцию репродукций произведений изобразительного искусства. Но вот в шестом классе он начал работать в кружке юных механизаторов. Он не мог оторваться от малень-

кого двигателя, разбирал и собирал его, чистил, смазывал. В школьной мастерской тогда монтировали установку для распиливания досок. Пилу присоединяли к электромотору. Во время ремонта электросети возникла необходимость присоединить пилу к двигателю внутреннего сгорания. Эта работа стала для Коли как бы толчком к углублению в машинную технику. По его просьбе в помещении школьной учебной электростанции (для старшекласников) отвели уголок, где Коля установил маленький двигатель внутреннего сгорания, присоединил к нему генератор переменного тока, подключил к сети электролампы. Все это было миниатюрное, электростанция казалась игрушкой, но она стала центром кружка младших школьников. Под руководством Коли тут запылал огонек нового увлечения. Юный мастер присоединял к электродвигателю маленькие механизмы — электролобзики, вентиляторы, электроплавильную печь. В седьмом и восьмом классах Коля стал настоящим мастером электромонтажного дела, прекрасно знал двигатель внутреннего сгорания. На глазах рождался гражданин, исполненный чувства собственного достоинства. Гордое, сознательное уважение к себе и людям — таков воспитательный результат того, что человек нашел себя, задумался серьезно над своим будущим. Чувство чести, собственного достоинства, переживание в связи с этим полноты жизни — это основы гражданского самосознания, которые своими корнями уходят в трудовое мастерство.

Наверно, никто из мальчиков не пережил столько увлечений работой, как Толя. Он увлекался и цветоводством, и работой на животноводческой ферме, и выращиванием зерновых культур. Очень долго никакая работа не пробуждала в душе мальчика настоящего вдохновения. Но вот он стал отдавать предпочтение обработке металла на токарном станке, конструированию и моделированию. В конце шестого года обучения мальчик настолько увлекся металлом, что оставил иные виды труда. Обработка деталей механизмов, приборов, моделей ручным инструментом и на станке стала его любимой работой. Под руководством учителя труда подросток взялся за изготовление электролобзика. Он сам сделал чертеж, изготовил детали, смонтировал механизм. День, когда Толя соединил свой лобзик с маленьким электромотором, стал для него праздником. В глазах светилась радость. «В тот день я почувствовал себя человеком, — рассказывал Толя через несколько лет после

окончания школы.— До этого мне порой казалось, что я не такой, как все, хуже других... А с того дня как-то по-другому открылся мир. Люди словно добрее стали...»

Найдя в годы отрочества свою любимую работу, каждый подросток сделал большой шаг на пути к моральной зрелости.

ТРУД И КРАСОТА

Я старался, чтобы в годы отрочества труд облагораживал чувства моих воспитанников, открывал им красоту окружающего мира и человека. Первый источник эстетических чувств в труде — это творение красоты. В уголках красоты, во время праздников труда, в мастерской, на участке — всюду создавалась человеческая красота.

В жизни каждого подростка наступал тот знаменательный, торжественный момент, когда со школьного учебно-исследовательского участка, из плодового сада, теплицы, мастерской, рабочей комнаты он переходил на колхозное поле. Этот шаг переживался как вступление в трудовую семью взрослых, как приобщение к общенародным делам. Это событие отмечалось, как трудовой праздник — Праздник первой борозды. Когда мои воспитанники перешли в шестой класс, это событие впервые было отмечено торжественным обрядом. Мальчики и девочки стали обрабатывать свой пионерский гектар. Они вышли в поле, вывезли удобрения, внесли в почву. С тех пор началась длительная, кропотливая работа на гектаре земли. Каждый год подростки выращивали тут пшеницу. Они старались как можно больше насытить землю удобрениями и влагой, хорошо подготавливали семена.

Незабываемым был Праздник возрождения плодородия. Подростки праздновали его раз за все годы отрочества. Чувство радости труда, переживаемой в этот день, добывалось особенно дорогой ценой и оставляло неизгладимый след в сердцах. Несколько лет мальчики и девочки работали на небольшом участке неплодородной, негодной земли. Цель работы — вернуть земле плодородие. В тот торжественный день, когда сеяли зерно в землю, которая несколько лет назад была мертвым пустырем, а теперь стала плодородным черноземным полем, на участок приходили наиболее уважаемые в селе труженики. Они поздравляли подростков с победой.

Чувство красоты труда утверждали также праздники первого снопа, винограда, сенокоса.

В летние каникулы мальчики и девочки в течение двух-трех недель работали на сенокосе. Это были счастливые дни. Начало этой волнующей работы отмечалось традиционным Праздником сенокоса. Тихими солнечными утрами подростки выезжали в поле, каждый скашивал косой несколько десятков квадратных метров травы. После этого начинались трудовые будни: сено косили вручную и конными косилками, сушили, складывали. Жили в поле, варили еду, вечером читали, слушали рассказы бывалых людей.

ТРУД И ВОСПИТАНИЕ ВОЛИ

Радость труда своеобразна. Ее можно сравнить разве что с чувством, которое переживает человек, поднимаясь на вершину высокой горы. Тяжелый каменистый путь, каждый шаг дается ценою больших усилий, но перед человеком благородная цель — достичь вершины. Поднявшись на вершину, человек возвышает себя, утверждает собственное достоинство. Он ощущает себя сильным и мужественным, готовым к преодолению новых трудностей.

Я видел очень важную воспитательную задачу в том, чтобы в годы отрочества каждый подросток поднялся на эту вершину. Труд должен быть своеобразной волевой закалкой; в этом правиле трудового воспитания выражается единство физического и духовного. Каждый выполнял работу, которая требовала значительного напряжения физических и духовных сил.

В зимний холод, когда ветер обжигал лицо и забивал дыхание, подростки ехали в поле: н у ж н о привезти сено для животноводческой фермы. Они понимали, что никакие трудности не могут освободить человека от труда: перестанешь работать — нечего будет есть. Жизнь на каждом шагу убеждала их, что работать н у ж н о в с е г д а. И они шли навстречу снежной буре и январскому морозу. Грузили сено, привозили на ферму. Возвращались с работы уставшие, но радостно возбужденные, переживали большую человеческую гордость. Это чувство гордости познается только трудом, и ни при каких других обстоятельствах в школьной жизни оно недоступно. Тот, кто познал это

чувство, понял азы жизненной мудрости: радости жизни оплачиваются трудом, их нужно добыть. Эта мысль становится личным убеждением каждого подростка.

НА ПОРОГЕ ЮНОСТИ

Июньским днем мы пришли в лес. Устроились на своей любимой солнечной поляне. Завтра все мои воспитанники получают свидетельство об окончании восьмилетней школы.

Я был рад: они приобрели прочные знания, полюбили науку и книгу, научились мыслить и понимать окружающий мир и самих себя. Каждый из них нашел себя — полюбил труд, пережил радость успеха в любимом деле, стал мастером, творцом. Настоящим человеком. В каждом юном сердце утвердилось чуткость к радостям и беде других людей. Все, что происходит в окружающем мире, глубоко волнует, тревожит юное сердце, переживается как личное. Сердца моих воспитанников стали непримиримыми к злу. Добро, правда, человечность радуют, одухотворяют благородными чувствами, а зло, неправда, лицемерие возмущают, пробуждают волю к борьбе.

Мои воспитанники чувствительны к красоте и прежде всего к красоте в человеке. Я убежден, что никто из них не обидит человека, не унижит его достоинство. Но человечество любить легче, чем по-настоящему любить одного человека. Труднее помочь ближнему, чем твердить: «Я люблю людей».

Высшей наградой за труд, за тревожные дни и бессонные ночи является для меня то, что воспитанники мои стали настоящими сыновьями своей Родины: они знают, какой дорогой ценой досталось их поколению счастье труда, материальные и духовные блага социализма. Им дорог каждый стебелек на родной земле, они готовы отдать жизнь за социалистическую Отчизну.

**ПИСЬМА
К СЫНУ**

1. Добрый день, дорогой сын!

Вот ты и улетел из родительского гнезда — живешь в большом городе, учишься в вузе, хочешь чувствовать себя самостоятельным человеком. Знаю по собственному опыту, что, захваченный бурным вихрем новой для тебя жизни, ты мало вспоминаешь о родительском доме, о нас с матерью, и почти не скучаешь. Это придет позже, когда ты узнаешь жизнь.

...Первое письмо сыну, улетевшему из родительского гнезда... Хочется, чтобы оно осталось у тебя на всю жизнь, чтобы ты хранил его, перечитывал, думал над ним. Мы с матерью знаем, что каждое молодое поколение немного снисходительно относится к поучениям родителей: вы, мол, не можете видеть и понимать все то, что видим и понимаем мы. Может быть, это и так... Может быть, прочитав это письмо, ты захочешь положить его куда-нибудь подальше, чтобы оно меньше напоминало о бесконечных поучениях отца и матери. Ну что же, положи, но только хорошенько запомни, куда, потому что придет такой день, когда ты вспомнишь эти поучения, скажешь себе: а все-таки прав был отец... и тебе надо будет прочитать это старое полузабытое письмо. Ты найдешь и прочитаешь его. Сохрани же его на всю жизнь.

Я тоже сохранил первое письмо от отца. Мне было 15 лет, когда я улетел из родительского гнезда — поступил учиться в Кременчугский педагогический институт. Был трудный 1934 год. Помню, как провожала меня мать на вступительные экзамены. В старенький чистый платок завязала новое, хранившееся на дне сундука рядом и узелок с продовольствием: лепешки, два стакана жареной сои...

Экзамены я сдал хорошо. Абитуриентов со средним образованием тогда было мало, и в институт разрешали

принимать выпускников семилетки. Началось мое учение. Трудно, очень трудно было овладевать знаниями, когда в желудке пусто. Но вот появился хлеб нового урожая. Никогда не забуду того дня, когда мать передала мне первый каравай, испеченный из новой ржи. Привез передачу дедушка Матвей, извозчик сельского потребительского общества, еженедельно приезжавший в город за товаром. Каравай был в чистой полотняной торбе — мягкий, душистый, с хрустящей корочкой. И рядом с караваем отцовское письмо — то первое письмо, о котором я говорю: оно хранится у меня, как первая заповедь... «Не забывай, сын, о хлебе насущном. Я не верю в бога, но хлеб называю святым. Пусть и для тебя он на всю жизнь останется святым. Помни, кто ты и откуда вышел. Помни, как трудно добывается этот хлеб. Помни, что дед твой, мой отец Омелько Сухомлин был крепостным и умер за плугом на ниве. Никогда не забывай о народном корне. Не забывай о том, что пока ты учишься — кто-то трудится, добывая тебе хлеб насущный. И выучишься, станешь учителем — тоже не забывай о хлебе. Хлеб — это труд человеческий, это и надежда на будущее, и мерка, которой всегда будет измеряться совесть твоя и твоих детей».

Вот что писал отец в своем первом письме. Ну, была еще приписка о том, что получили рожь и пшеницу на трудодни, что каждую неделю будет привозить мне дед Матвей по караваю.

Для чего я пишу тебе об этом, сын? Не забывай, что корень наш — трудовой народ, земля, хлеб святой. И проклят будет тот, кто хоть одним помыслом, одним словом, одним поступком своим выразит пренебрежение к хлебу и труду, к народу, давшему всем нам жизнь...

Сотни тысяч слов в нашем языке, но на первое место я бы поставил три слова: хлеб, труд, народ. Это три корня, на которых держится наше государство. Это самая сущность нашего строя. И эти корни так прочно переплелись, что ни разорвать их, ни разделить невозможно. Кто не знает, что такое хлеб и труд, перестает быть сыном своего народа. Тот теряет лучшие духовные качества народные, становится отщепенцем, безликим существом, недостойным уважения. Кто забывает, что такое труд, пот и усталость, гот перестает дорожить хлебом. Какой бы из этих трех могучих корней ни был поврежден у человека, он перестает

быть настоящим человеком, у него появляется внутри гниль, червоточинка.

Я горжусь тем, что ты знаешь труд на хлеботорбской ниве, знаешь, как нелегко добывается хлеб. Помнишь, как накануне первомайского праздника я пришел к вам в класс (кажется, учились вы тогда в девятом) и передал просьбу колхозных механизаторов: замените нас, пожалуйста, в поле в праздничные дни, мы хотим отдохнуть. Помнишь, как не хотелось всем вам, юношам, вместо праздничного костюма одевать комбинезон, садиться за руль трактора, быть прицепщиком? Но зато какая гордость светилась у вас в глазах, когда эти два дня прошли, когда вы вернулись домой, чувствуя себя труженниками.

Я не верю в такое вот, я бы сказал, шоколадное представление о коммунизме: всех материальных благ будет предостаточно, всем человек будет обеспечен, все будет у него как будто бы по мановению руки, и все так легко ему будет доставаться: захотел — вот тебе на столе, что душе твоей угодно. Если бы все это было так, то человек превратился бы в черт знает что, наперное, в пресыщенное животное. К счастью, этого не будет. Ничто не будет доставаться человеку без напряжения, без усилий, без пота и усталости, без тревог и волнений. Будут и при коммунизме мозоли, будут и бессонные ночи. И самое главное, на чем всегда будет держаться человек — его ум, совесть, человеческая гордость — это то, что он всегда будет добывать хлеб в поте лица своего. Будет всегда тревога у вспаханного поля, будет сердечная забота, как о живом существе, о нежном стебельке пшеницы. Будет неупорядоченное стремление к тому, чтобы земля давала все больше и больше — на этом всегда будет держаться хлебный корень человека.

И этот корень надо беречь в каждом. Ты пишешь, что скоро вас посылают на работу в колхоз. И очень хорошо. Я этому очень, очень рад. Работай хорошо, не подводи ни себя, ни отца, ни товарищей. Не выбирай чего-нибудь почище да полегче. Выбирай труд непосредственно в поле, на земле. Лопата — тоже инструмент, которым можно показать мастерство.

А в летние каникулы будешь работать в тракторной бригаде у себя в колхозе (конечно, если не будут набирать желающих на целинные земли. Если же будут набирать — обязательно поезжай туда).

«По колосу пшеницы узнают человека, вырастившего ее», — ты, наверное, хорошо знаешь эту нашу украинскую поговорку. Каждый человек гордится тем, что он делает для людей. Каждому честному человеку хочется оставить частичку себя в своем пшеничном колосе. Я живу на свете уже почти пятьдесят лет, и убедился, что ярче всего это желание выражается в том, кто трудится на земле. Дождемся твоих первых студенческих кашкул — я познакомлю тебя с одним стариком из соседнего колхоза, он уже больше тридцати лет выращивает саженцы яблонь. Вот это настоящий художник в своем деле. В каждой веточке, в каждом листике выращенного деревца он видит себя. Если бы сегодня все люди были такими, можно было бы сказать, что мы достигли коммунистического труда...

Желаю тебе здоровья, добра, счастья. Мама и сестричка обнимают тебя. Они написали тебе вчера. Целую тебя.

Твой отец.

2. Добрый день, дорогой сын!

Письмо твое из колхоза получил. Оно очень взволновало меня. Не спал всю ночь. Думал о том, что ты пишешь, и о тебе.

С одной стороны, хорошо, что тебя тревожат факты бесхозяйственности: в колхозе прекрасный сад, но уже тонн десять яблок скормили свиньям; гектара три помидоров остались неубранными, и председатель колхоза приказал трактористам перепахать участок, чтобы и следов не осталось...

Но, с другой стороны, меня удивляет, что в твоём письме — только недоумение и больше ничего, растерянность перед этими возмутительными фактами.

Что же это получается? Ты пишешь: «Когда я увидел утром этот участок вспаханным, у меня чуть сердце не вырвалось из груди...» А потом что? Все-таки, что же произошло с твоим сердцем? Успокоилось оно, по-видимому, и бьется ровненько? И сердца твоих товарищей — тоже ни у кого не вырвались из груди?

Плохо, очень плохо... Ты помнишь, наверное, мои рассказы о Талейрапе, этом сверхцинике и архипрожженном политике. Он поучал молодежь бояться первого движения души, потому что оно, обыкновенно, самое благородное. А мы, коммунисты, учим другому: не давай погаснуть

в себе первым движениям души, потому что они самые благородные. Делай так, как подсказывает первое движение души. Подавлять в себе голос совести — очень опасное дело. Если ты привыкнешь не обращать внимания на что-нибудь одно, ты вскоре не будешь обращать внимания ни на что. Не иди на компромисс со своей совестью, только так можно выковать характер.

Запиши в свою записную книжку вот эти слова из «Мертвых душ»: «Забирайте же с собой в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое, жестокое мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!»¹. Самое страшное для человека — это превратиться в спящего с открытыми глазами: смотреть и не видеть, видеть и не думать о том, что видишь, добру и злу внимать равнодушно; проходить спокойно мимо зла и неправды. Опасайся этого, сын, больше смерти, больше любой самой страшной опасности.

Человек без убеждений — тряпка, ничтожество. Раз ты убежден, что на твоих глазах творится зло, — пусть сердце твое кричит об этом, борись против зла, добивайся торжества правды. Ты спросишь у меня: а что же я конкретно мог сделать, чтобы воспрепятствовать злу? Как бороться против зла? Не знаю и не буду прописывать рецептов. Если бы я был там, где ты работаешь, если бы увидел то, что увидел ты с товарищем, — я бы нашел, что мне делать.

Ты с удивлением пишешь, что к таким фактам в колхозе все привыкли и не обращают на них внимания. Тем хуже для тебя и твоего товарища. Никогда не бойтесь выразить то, что вы чувствуете, даже если ваши мысли противоречат общепринятым². Эти слова Родена тоже не мешало бы тебе зарубить на носу. Я на своем месте сразу же пошел бы с товарищем в партийную организацию, сказал бы: что это делается? Если сами не можете убрать помидоров — мы, студенты, уберем, но нельзя допускать, чтобы погибал человеческий труд. Не получилось бы ничего в парторганизации — дошел бы до райкома, поднял бы на ноги группу народного контроля — не верю я в то, что все равнодушны ко злу, все притерпелись к недостаткам... Не может быть этого.

Сейчас ты поднимаешься на ту ступеньку духовного развития, когда человек уже не должен оглядываться на

других: что они делают? Как поступают? Надо думать самому, решать самому.

Целую тебя.

Твой отец.

3. Добрый день, дорогой сын!

Я очень рад, что ты пишешь обо всем откровенно, делишься своими думами, сомнениями и тревогами. И еще одно мне доставляет радость: то, что и в дни этого нелегкого, напряженного труда, когда приходится ложиться в двенадцать и подниматься в пять, тебя волнуют именно эти мысли. Ты пишешь, что если бы ты поднял голос против зла, которое происходит на твоих глазах, если бы стал бороться за правду, на тебя смотрели бы с удивлением — как на белую ворону. В этом письме я прочитал между строчками чувство уныния, какой-то растерянности. «Я чувствую, что идейность расценивается здесь как стремление накопить определенный нравственный капитал, — пишешь ты. — Я уже не раз слышал, как слово и д е й н ы й произносят с прощией: какой ты очень идейный... Что же это такое? Неужели ценности, о которых я думал раньше с благоговением, при мысли о которых сердце мое учащенно билось, теряют смысл? Как же понимать жизнь во имя идеи?»

Хорошо, мой сын, очень хорошо, что эти вопросы волнуют тебя. Я очень рад за тебя и за себя. Значит, тебе не безразлично, что говорят и что думают люди, окружающие тебя.

Идейность, идея — великие, святые слова. И тот, кто вольно или невольно пытается опошлить красоту человеческой идейности, загрязнить чистое и величественное паугиной мещанского самодовольства и равнодушия, обывательского зубоскальства, тот поднимает руку, замахивается на Человека. Идейность — это подлинная человечность. Ты помнишь слова Гете: «Всякий, кто удаляется от идей, в конце концов остается при одних ощущениях»³? Я помню, как в годы отрочества тебя поразили, изумили эти слова, и ты спросил у меня: «Значит, другими словами, превращается в животное?» Да, мой сын, тот, в чьем сердце нет идеи, начинает приближаться к животному существованию.

Помни, еще раз говорю тебе, помни, что во имя идеи люди шли в огонь, на эшафот, под пули. Джордано Бруно мог спасти свою жизнь, сказав всего несколько слов: я от-

казываюсь от своих взглядов. Но он не сказал этих слов, потому что благородная идея одухотворяла его. Под крики и смех многотысячной толпы невежественных обывателей, в шутовском колпаке и халате, на котором были нарисованы черти, он шел к костру инквизиции — гордый, непоколебимый в своих убеждениях, одухотворенный идеей, и в туманной дали веков перед его взором, наверное, поднимались в звездное небо ракеты, направляясь в далекие миры. Александру Ульянову достаточно было написать верноподданическое письмо «на высочайшее имя», и царь даровал бы ему жизнь, но он не сделал, не мог сделать этого. Софье Перовской достаточно было сказать, что она не принимала участия в подготовке убийства царя, и ее освободили бы, прямых доказательств ее вины не было, — но она не могла сделать этого, потому что дороже собственной жизни была для нее идея свободы, идея уничтожения тирана. Идея делает человека мужественным и бесстрашным.

Если бы каждый молодой человек, каждая девушка в нашей стране жили благородной, возвышенной идеей, если бы идея была у каждого стражем совести, — наше общество стало бы миром идеальной нравственной, духовной красоты. Люди сияли бы, как мечтал Горький, как звезда друг другу⁴. Но это время не приблизится само. За него надо бороться. Самое трудное, что предстоит нам сделать — и мне, и тебе, и твоим детям, — это одухотворить человека возвышенной коммунистической идеей.

Она, эта идея, прекраснее всего на свете, мой сын. Я прочитал и посылаю тебе маленькую книжечку — «Сердце, врученное бурям», — речи, произнесенные на суде коммунистом Хосровом Рузбехом, руководителем компартии Ирана. Его жизнь очень поучительна вообще, а для молодежи, стремящейся познать смысл и красоту коммунистической идеи, эта жизнь является, образно говоря, букварем идейности. Хосров Рузбех — талантливый ученый-математик, он написал много научных трудов, перед ним открывалось блестящее будущее. Но его воодушевила борьба за освобождение Родины от тирании, угнетения. Он стал коммунистом. Несколько лет был в подполье. Предатель выдал его, Хосрова Рузбеха арестовали и судили. Ему угрожала смертная казнь. Суд даровал бы ему жизнь, если бы Хосров Рузбех попросил пощады. Но коммунист знал: в жестокой обстановке террора, царящей в стране, его спасение

от смерти товарищи воспримут как предательство и заклеят его позором. Вот его последнее слово:

«Смерть всегда неприятна, особенно для людей, сердца которых полны надеждой на будущее, будущее светлое и прекрасное. Но оставаться в живых всеми правдами и неправдами — недостойно для настоящих людей. На жизненном пути никогда не следует терять свою основную цель. Если жизнь покупается ценой позора и посрамления, потерей чести, отказа от своих идей, своих заветных мечтаний и политических и социальных взглядов — смерть во сто крат честнее и почетнее. Я сам выбрал себе путь и иду им до конца... Я не считаю себя преступником, подлежащим наказанию и заслуживающим смертной казни, но, принимая во внимание, что моя честь в опасности, я официально требую от уважаемых судей вынести мне смертный приговор. Я требую это ради того, чтобы разделить славу моих погибших друзей и чтобы уничтожить обвинение, которое угрожает моей чести. Ни я, ни мои товарищи, которые были осуждены за политическую деятельность, не являемся преступниками, наоборот, мы — слуги нашей дорогой родины, и справедливый и честный иранский народ рассматривает эти приговоры как деспотические и оправдает своих самоотверженных сынов. Осуждайте Хосрова Рузбеха, но вам не осудить человечности, честности, патриотизма, гуманности и самоотверженности»⁵.

Запомни эти слова, мой сын. Пусть они будут огоньком, озаряющим твою жизнь.

Мне понятны душевные движения тех, кто в слова идея, идейность вкладывает иронический смысл, а идейное мужество считает чуть ли не карьеризмом. Эти люди жалки своей убогостью, пустотой духовной жизни. Они не знают полноты высокоидейной духовной жизни, а значит не знают подлинного счастья вообще. Они думают, что быть одухотворенным идеей — это значит быть рабом идеи. По их мнению (мнение это не сегодня возникло, оно давно переключивается из одного исторического периода в другой), человек растворяется в идее, перестает существовать как личность, превращается в ходячую идею. Какое жалкое недомыслие! Только благодаря идее человек обретает свою личность, проявляет себя в творчестве, становится подлинным борцом за что-то. Человек не растворяется в идее, а становится могучей силой благодаря одухотворенности идеей.

Есть у нас в области хороший учитель, мой друг Иван Гурьевич Ткаченко, директор Богдановской средней школы (может быть, ты помнишь его, он несколько раз приезжал к нам). Во время Великой Отечественной войны он сражался против фашистов в партизанском отряде — в Черном лесу, недалеко от Знаменки. Недавно он рассказал мне потрясающую историю, о которой надо знать тебе в связи с сомнениями об идее и идеале.

Это было в трудные месяцы войны — поздней осенью 1941 года. Фашистская пропаганда кричала о том, что с Красной Армией покончено, скоро падет Москва. Но фашисты уже были напуганы первыми известиями о партизанах. Не давали покоя немцам партизаны и в нашей области. В одном из сел, расположенных недалеко от Черного леса, народные мстители сожгли штабную машину, радиостанцию и убили трех гитлеровцев. Фашисты решили пока не предпринимать карательных мер против жителей этого села. Они решили пойти по другому, более тонкому пути «психического ошеломления», как говорили их пропагандисты. В центре села они соорудили большую виселицу, прибили к ней табличку с надписью на немецком и украинском языках: «Если в селе появится хоть один партизан, если прольется хоть капля крови немецкого солдата от руки партизана, если будет произнесено хоть одно слово в оправдание или поддержку бандитских действий партизан, — на этой виселице будут повешены десять первых попавшихся жителей». Сигнали к виселице все село, чтобы «объяснить» этот приказ, приехал фашистский майор — и говорит крестьянам: «Вашей Красной Армии нет, Советского Союза нет, все советские земли отныне принадлежат немецкому рейху». Пригнали крестьяне. И вот из толпы вышел к майору парень лет двадцати.

«Не верьте фашистам, — крикнул он. — Жива Красная Армия, жива советская власть, стоит и вечно стоять будет Москва. Я партизанский разведчик».

Фашисты до того были изумлены дерзостью героя, что в первые мгновенья растерялись. Парень успел сказать свои гневные слова, успел вынуть из рукава фуфайки пистолет и в упор застрелить майора. Схватились фашисты только тогда, когда майор лежал мертвый. Схватили парня в фуфайке, связали. Приговорили к смертной казни. Перед казнью парень сидел в тюремной камере с одним партизаном, которому удалось бежать, благодаря ему и стало кое-

что известно о герое. «Я не партизан,— сказал парень,— я попавший в плен к гитлеровцам советский воин. В плен меня взяли контуженным, потом удалось бежать. В селе, где гитлеровцы собрали крестьян на сходку, я оказался случайно. Я видел, как приуныли крестьяне, когда майор сказал о гибели нашей армии, о падении Москвы. Душа моя не выдержала. Я знал, что иду на смерть, но не мог поступить иначе. Мои слова зажгли в сердцах у людей огонек веры в победу нашей Родины. Меня будут вешать там же, в селе, на той же виселице. Соберут опять всех крестьян. Смерть будет для меня самым трудным испытанием. Все-таки страшно умирать. Страшно представить, что через минуту уйдешь в небытие. Хочется выдержать это испытание перед людьми. Меня поддерживает вера в победу. Этим я живу».

Он выдержал испытание с честью. Перед тем как палач накинул ему петлю на шею, он воскликнул: «Не склоняйте головы перед палачами, люди. Свободу не повесить на виселице. Умираю за Родину».

Тот, кто дорожит идеей,— дорожит собственным достоинством. Коммунистическая идея, говоря словами Маркса, превращается в узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца⁶. Я верю, что ты станешь настоящим человеком, что великая правда наших идей и твое сердце сольются воедино. Помни, что не все в жизни будет гладким и красивым. Встретишься тебе и уродливые, безобразные вещи. Надо уметь противопоставить им великую правду коммунизма. Идеюность без человеческой страсти превращается в ханжество. Есть у нас в обществе много «борцов за правду», «искателей истины», которые не прочь «разоблачить» зло, а борется с ним пусть милиция. Эти демагоги, пустозвоны приносят много вреда. Задача заключается не в том, чтобы увидеть зло и во всеуслышание сказать о нем, а в том, чтобы преодолеть зло. Иногда надо не говорить, а действовать без разговоров. Илья Ильф и Евгений Петров очень хорошо сказали: надо не бороться за чистоту, а подметать. Подметать же у нас еще есть что. Верю в то, что мусор, который время от времени может встречаться тебе на жизненном пути, не вызовет у тебя ни уныния, ни растерянности, ни неверия в добро. Добро восторжествует, но истоки торжества добра — в человеке, в нас самих.

Доброго тебе здоровья, бодрого духа и радости. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

4. До́брый день, дорогой сын!

Как я рад, что тебя волнует все это: идеал, цель жизни, истина, красота. Давно я не помню у тебя такой «вспышки» интереса к этим проблемам. Рад, что мое письмо пробудило у тебя целый поток мыслей. Наверное, причиной такого взлета является то, что перед тобой сейчас новые люди, ты каждый день познаешь самое чудесное, самое удивительное, что есть в мире — Человека. А познание человека — это повторное познание самого себя. У себя я замечаю такой духовный подъем в те счастливые дни, когда прихожу в класс, где все ученики — совершенно новые для меня люди. Познавая их, я как бы «перетряхиваю» сам себя, «проверяю» свои взгляды, убеждения, стремлюсь увидеть в себе плохое и хорошее.

Ты пишешь: «Вряд ли сейчас, в наше время, можно встретить человека, о котором можно было бы сказать: он идеален». Между строчек я прочитал здесь и вопрос, проникнутый недоумением: «Есть ли вообще в наши дни идеальные люди, возможен ли вообще человек без недостатков?» и безапелляционное юношеское утверждение: «Время идеальных людей прошло... Время героического миновало...»

Я помню наш неоконченный спор накануне твоего отъезда на вступительные экзамены (помнишь, мы сидели в саду, под грушей, и в самом напряженном месте нашего спора мама сказала: «Пора, через час поезд»). Ты горячо отстаивал свое мнение: почва для рождения идеальных людей была в то время, когда все общественные силы распределялись по противоположным полюсам: с одной стороны — добро, с другой — зло. Было видно, за что и против чего надо бороться, где зло и где добро. А теперь — не то: борьба за идеал сливается с повседневным трудом. Ты приводил пример: доярка надоила на тысячу литров больше, чем по плану, и о ней уже говорят, как о героине. Разве может так легко достигаться героическое? Не слишком ли часто награждается обычный труд — труд как обязанность, как условие существования — великим словом подвиг?

Твое письмо развивает эти твои мысли. Это очень сложные, тонкие вопросы. Особенно вопрос об идеальном. Прежде всего надо помнить, что **идеальный** — вовсе не значит без сучка, без задоринки. Человек всегда из плоти и крови, а не из железобетона. Я думаю, ты не откажешь Павке Корчагину в праве называться идеальным, а помнишь, что он сам говорил о себе? Вот его слова: «Но было немало и ошибок, сделанных по дури, по молодости, а больше всего по незнанию»⁷. Сам герой видел в себе недостатки, но не недостатки определяют главное в этом замечательном человеке. Самое главное в том, что «на багряном знамени революции есть и его несколько капель крови».

Вот оно — идеальное. Оно измеряется человеческой страстью, накалом его борьбы за торжество правды, за победу революции. Мне навсегда запомнились слова Эрнеста Хемингуэя: «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражения... Человека можно уничтожить, но его нельзя победить»⁸. Но задолго до того, как сказал эти слова Эрнест Хемингуэй, мир услышал их из уст Павла Корчагина. И не только услышал слова — увидел подвиг.

Представь себе, что на нашу жизнь, на наш будничный труд посмотрели бы люди, давно ушедшие из жизни, для которых справедливый социальный строй был далеким будущим, прекрасной, пленительной мечтой... Такие, как Александр Ульянов, Степан Халтурин, Софья Перовская... Представь себе, что они увидели бы нашу жизнь, присмотрелись к ней, поняли труд миллионов строителей нового мира, — что сказало бы им их сердце, что бы они почувствовали и подумали? Их сердца затрепетали бы от изумления. Само время наше, всю жизнь нашу они увидели бы как идеальное. Любой из этих героев сказал бы: вот жизнь, за которую я пошел на смерть.

Бедя в том, что мы не чувствуем этого, забываем о том, в какое время мы живем. Героическое — в самих нас, в миллионах «простых» труженников, которые и не помышляют быть героями и очень удивились бы, если бы им сказали, что они — герои. Изменяются сами понятия: мне кажется, что в словах простой человек, рядовой труженик есть какой-то оттенок пренебрежительного отношения к человеку. Нет простого человека. Наш современник — труженик, работающий в поле, на ферме, у станка — ой, далеко не простой он.

Багряное знамя революции... Его гордо несет над миром наш народ. Революция продолжается, революция приближается ныне к вершине преобразования мира — вот в чем смысл нашего времени, дорогой мой сын, и ты должен понять и почувствовать это. То, о чем мечтали лучшие люди прошлого, за что пошли на муки и на смерть, мы осуществляем ныне своими руками. Мы строим коммунизм — понять и почувствовать это можно лишь тогда, когда каждый из нас увидит наши будни глазами тех, для кого коммунистический идеал, идеал добра и правды был пленительной мечтой о счастье — мечтой осуществимой, но далекой... И вот та доярка, о которой ты говорил — это действительно идеальный человек, герой. Она не совершает никакого подвига, но вся ее жизнь — подвиг. Ее капля крови — на багряном знамени революции.

Почему она героиня, почему ее жизнь — подвиг? Да потому, что она своим трудом возвышает человека. Задумайся, сын, над целью коммунистического строительства: во имя чего мы трудимся, намечаем и выполняем наши пятилетние и семилетние планы? Все во имя счастья человека. Коммунизм — это не что-то божественно-непостижимое, возвышающееся над безликой массой людей. Коммунизм — в самом человеке, в его счастье. Строить коммунизм — это значит создавать счастье каждому человеку, каждой семье, а это невозможно без счастливого общества. Счастье невозможно, просто немыслимо без материальных и духовных благ. Доярка, создающая материальные ценности, заботится не только о материальном благополучии. Если бы не труд этой «простой», «рядовой», доярки, не было бы ни прекрасных песен Пахмутовой, ни симфоний Шостаковича, ни дерзкой мечты академика Амбарцумяна о рождении сверхновых звезд... Не было бы ни вуза, в котором ты учишься, ни того тихого вечернего часа, когда тысячи и тысячи жителей столицы склоняются над интересной книгой, идут в концертный зал и в театр.

Она, доярка, понимает, что она — творец жизни. Вот в чем сущность идеального в «простом», так называемом «рядовом» человеке. Вот в чем корень трудового творчества. Не было бы над миром нашего багряного знамени революции, если бы не тысячи и тысячи доярок и пахарей, шахтеров и металлургов. Идеальный человек — это не икона, не безгрешное существо, покрытое «хрестоматийным глянцем».

Идеальное — в самой нашей жизни. Посмотри внимательно вокруг себя, присмотришься к людям, постарайся увидеть не то, что на поверхности, а глубинное, внутреннее — и ты увидишь идеальное. Жизнь была бы сплошным прозябанием, если бы перед человеком не сияла его путеводная звезда — идеал.

Желаю тебе, мой сын, доброго здоровья и бодрого духа. Крепко целую тебя.

Твой отец.

5. Добрый день, дорогой сын!

Получил твое письмо. Наконец, начались твои занятия. Ты с восторгом пишешь о богатых кабинетах по радиофизике и электронике. Меня радует, что ты утверждаешься в своем призвании. Если ты уверен, и жизнь подтвердит, что радиофизика — твое любимое дело, значит, ты будешь счастливым человеком. Но призвание — это не что-то приходящее к человеку извне. Если бы в средней школе, начиная, наверное, со второго класса, ты не сидел над схемами радиоприемников, если бы не трудился — вряд ли появилось бы это призвание. Призвание — это маленький росточек таланта, превратившийся в крепкое, могучее дерево на благодатной почве трудолюбия. Без трудолюбия, без самовоспитания этот маленький росток может засохнуть на корню.

Найти свое призвание, утвердиться в нем — это источник счастья. Есть у Марка Твена интересный рассказ⁹. В нем говорится: на «том» свете нет ни ангелов, ни святых, ни божественного ничего неделания, а живут люди в раю такой же трудовой жизнью, как и на грешной земле. Отличается рай от земли только одним: там каждый занимается делом по своему призванию. Безвестный на земле сапожник становится после смерти знаменитым полководцем, а бездарный при жизни, но обладающий каллиграфическим почерком генерал довольствуется в штабе скромной ролью писаря. Писатель, надоевший читателям нудными, никому не нужными романами, находит свое истинное призвание в профессии токаря по металлу. Человек, случайно попавший в педагогику, всю жизнь мучивший и себя, и учеников, оказывается прекрасным бухгалтером.

Я не один раз перечитывал этот замечательный рассказ. Хорошо было бы добиться такого положения уже на «этом»

свете. Но, к сожалению, очень часто бывает совершенно по-другому. Я знаю много никудышних специалистов: агрономов, учителей, инженеров, артистов. Они, как говорится, маются всю жизнь, равнодушны к своему делу, отбывают день до вечера. Самое прискорбное то, что эти люди не знают радости труда, трудовой одухотворенности, одержимости.

В чем высшее наслаждение жизни? По-моему, в творческом труде, чем-то приближающемся к искусству. Это приближение — в мастерстве. Если человек влюблен в свой труд, он стремится, чтобы и в самом процессе труда, и в его результатах было что-то красивое. Я уже писал тебе о нашем садоводе и лесоводе Ефиме Филипповиче. За всю свою жизнь я встретил не больше двадцати таких людей, как он. Изумительный это человек; в мастерстве труда, своего дела я без какого бы то ни было преувеличения сравниваю его со Станиславским и Пластовым, с Шостаковичем и Алексеем Улесовым (я расскажу тебе об этом человеке). Он лепит, творит, создает дерево, как Станиславский создавал образ, как Пластов творит жизнь на куске холста. Я видел, как он несколько раз осматривает со всех сторон маленький дичок, приглядываясь, находя ту, как он говорит, единственную точку, где надо пропзвести прививку. Находит эту точку, появляется маленький росток, и с этого времени начинается то великое колдовство труда, благодаря которому человек становится гордым творцом, художником, поэтом в своем деле. Ефим Филиппович творит удивительной красоты крону дерева. Чтобы научиться этому, познать это — надо проработать рядом с ним не один год. И это будет познание человека, постижение красоты, искусства. В этом труде — великое счастье бытия. Трудясь, познавать красоту в самом себе — вот настоящий труд. Я среди тысяч трехлетних саженцев всегда найду единственный, выращенный руками Ефима Филипповича. Все его деревья устремлены к солнцу. Ветви расположены в кроне его дерева так, что солнце играет на каждом листочке, листья не затеняют друг друга.

— Как Вы это делаете? — спросил я однажды у Ефима Филипповича. — Мудрость человеческая — на кончиках пальцев, — ответил он. — Я начал трудиться с трех лет. И вам советую так воспитывать школьников. Каждый должен быть господином в своем деле — вот что еще нельзя забывать. Если бы я стал учиться на инженера, или на

врача, или па учителя — ничего не вышло бы из меня. Получился бы человек, зарабатывающий па хлеб насущный... Надо, чтобы в каждом человеке разгорелась его «искра» — вот тогда и получится настоящий человек.

Призвание творит тот, кто творит человека, — все, кто его воспитывают. Но и сам хозяин задатков творит свое призвание. Ты любишь музыку Баха. Так вот, в роду Иоганна Себастьяна Баха было 58 музыкантов. Прадед музыкант, дед музыкант, отец музыкант... Даже браки заключались внутри этого рода. Что же, получается так, как будто бы уже при рождении было predetermined: человек этот будет композитором или выдающимся исполнителем? Известно, что приблизительно 80% рожденных могут стать композиторами. Становятся же ими единицы. Почему же это так? Почему же все-таки в роду Баха было 58 выдающихся музыкантов? Потому, что эти люди сами творили свое призвание. Потому, что первым впечатлением жизни каждого ребенка в этом роду была музыка; первой красотой, познанной в окружающем мире, — музыкальная мелодия; первым удивлением, изумлением — было удивление, изумление перед музыкой; первой гордостью, пережитой человеком, — гордость наслаждения красотой музыки, гордость творения, создания музыки.

Человек — господин своего призвания. Я без особенного энтузиазма отношусь к твоим восторгам: ах, какое счастье стать радиофизиком; ах, как я люблю радиофизику. Любить можно то, чему уже отдал часть своей души. Это очень хорошо, что ты относишься с интересом к радиофизике, но помни, что это еще только интерес. Призванием же становится интерес, помноженный на труд. И множимое всегда во много раз меньше, чем множитель, лишь тогда производное — солидная величина. Я хочу тебе кое-что посоветовать. Наука развивается ныне стремительными темпами. Если хочешь быть хорошим специалистом в своем деле, внимательно следи за новинками в области радиофизики. То, что дают на лекциях, — лишь незначительная часть знаний, нужных тебе, как воздух. Установи сам себе вот какое правило: ежедневно, буквально ежедневно — и в праздник, и в выходной — прочитывать и штудировать хотя бы пять страниц из научных журналов по радиофизике и смежным наукам — электронике, оптике, астрофизике, космической биологии и др. Я еще раз повторяю: делать это надо ежедневно. Вот пришел ты, скажем, с де-

монстрации по случаю Первомайского праздника — не забывай о своих пяти страницах. За тебя этого никто не сделает. Помни, что на стыках наук рождаются открытия, таится неизведанное. Поэтому с особым вниманием относись к смежным наукам.

Я не случайно употребляю слово *штудировать*. Студент должен глубоко осмысливать, трансформировать факты и выводы в своем сознании и только после осмысливания записывать в рабочую тетрадь. Не переписывать научную статью или учебник, а записывать то, что у тебя уже отложилось в сознании. Чем больше ты будешь углубляться мысленно в предмет, который ты считаешь своим призванием, тем в большей мере он будет твоим призванием.

И еще один совет. В любой специальности есть теоретическое *штудирование* и практическая работа, творчество. А по радиофизике практическая работа может быть особенно интересной. Пользуйся малейшей возможностью потрудиться в лаборатории, в мастерской. Монтируй радиоприемник и действующие модели, управляемые по радио. И никогда не удовлетворяйся посредственным результатом. Стремись к совершенству — в этом путь к воспитанию призвания. Не получилось первый раз — делай заново, не гнушайся самой простой, черновой работы. Тренируй, упражняй руку. Добивайся, чтобы рука твоя была важнейшим инструментом, орудием мастерства. У меня есть интересная статья о руке, о ручном труде. Высылаю ее тебе одновременно с письмом. Хочется, чтобы и у тебя она пробудила такое же чувство изумления, как у меня.

Прошу тебя, посмотри, нет ли в книжных магазинах чего-нибудь нового по психологии труда, творчества. Если есть — купи и пришли.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

6. Добрый день, дорогой сын!

Я очень рад, что ты в своем последнем письме споришь со мной. Хорошо, просто замечательно. По-видимому, проблема призвания — одна из самых волнующих проблем. Ты обвиняешь меня в переоценке роли воспитания и самовоспитания и в недооценке того, что дано человеку природой.

Да, Бетховен уже в пятилетнем возрасте писал свои первые музыкальные произведения. Но это объясняется в первую очередь исключительно благоприятными условиями, в которых проходило детство Бетховена. Попади он в обстановку, где нет никаких музыкальных инструментов, где люди не знают, что такое мелодия — никогда бы в нем не родился талант музыканта. Я уверен, что в тысячах людей пока еще пропадают задатки, данные природой; тысячи людей могли бы стать выдающимися учеными, поэтами, композиторами, если бы их детство проходило в условиях, благоприятствующих рождению таланта. В том и заключается высокий гуманизм коммунистического идеала, что при одних задатках при коммунизме не останется не развившимся, все задатки будут расцветать и развиваться в таланты. Именно коммунизм ставит своим идеалом то, чтобы каждый человек стал талантливым тружеником, талантливым творцом. Талантливый слесарь, талантливый электросварщик, талантливый агротехник, талантливый животновод — вот идеал нашего воспитания, и я глубоко верю в этот идеал. Я знаю людей, ставших талантливыми тружениками как раз потому, что воспитание раскрыло в них живинку, заложенную природой. Коммунизм — изумительная гармония природного и общественного в человеке. Я люблю свой педагогический труд как раз за то, что главное в нем — познание человека. Воспитывая, я прежде всего познаю человека, рассматриваю те многочисленные грани его души, в которых где-то таится то, что из человека выйдет, если к этим граням умело прикоснуться и отшлифовать их. Видение граней неисчерпаемой человеческой души — это и есть мастерство воспитания. Вот передо мной ребенок, которому с трудом дается математика, нелегко ему изучить и грамматику, нет у него ярко выраженных ни математического, ни художественного мышления. Но что же у него есть? Есть, как и у каждого человека, неисчерпаемая душа с той не замеченной, не увиденной мною гранью задатка, в которой таится его счастье, его будущее, — если воспитатель откроет и отшлифует эту грань. Он может стать талантливым механизатором, талантливым хлеборобом, талантливым столяром — сумеет только открыть его единственную грань. Я твердо верю: наступит время, когда не будет в нашем обществе ни одного бесталанного, недоучившегося, разочаровавшегося в жизни человека. В каждом откроется его светлая грань. Это пока

еще мечта, но это будет, я твердо верю в могучую силу воспитания.

Я знаю людей, влюбленных в самый, казалось бы, простой, ничем не примечательный труд, они стали в этом труде поэтами, художниками, достигли вершины творчества — и все это именно благодаря тому, что их жизнь озарена счастливой гармонией того, что дала природа, и того, что дало воспитание. Я лично знаком со знатным человеком нашей страны, дважды Героном Социалистического Труда Алексеем Улесовым — строителем-электросварщиком.

— Потянуло меня на стройку мальчишкой, — рассказывает он. Увидел, как варит товарищ огненной сваркой шов — и, как замороженный, ходил за ним следом: «Научи». Научился. Строил я и города на севере, и гидроэлектростанции. Стоит только раз в жизни ощутить счастье того, что ты творец на земле. Стоит разок увидеть, как вырастают и заселяются дома, как твоя электростанция, твой первый агрегат дадут ток. Для меня это — великое счастье жизни...

Или другой мой товарищ — знатный животновод пашей страны Станислав Иванович Штейман. Вот что рассказывает он о своем труде:

— Мне никогда не приходилось летать, лазить по горам, плавать по морю. Большую часть своей жизни провел я на скотных дворах и в телятниках. Но, когда вспоминаю прожитую жизнь и работу, мне кажется, что, подобно путешественнику, я не раз пробирался неведомыми тропами, не зная, что ждет меня за поворотом, не раз я чувствовал себя альпинистом, который взбирается на могучие вершины...

Вдумайся в эти слова, сын. Это говорит бывший батрак-пастух, жизнь у него сложилась так, что за школьной партой он ни одного дня не учился, и только благодаря настойчивому труду стал выдающимся ученым, доктором наук, человеком, которому удалось вывести новую, так называемую костромскую породу коров. Всю свою жизнь он безвыездно работал в совхозе «Караваево».

Вот тебе еще одно подтверждение того, что человек — творец своего призвания. Только через труд лежит путь к мудрости, творчеству, науке.

Утверждать в себе призвание — это значит что-то делать, что-то создавать, а не заучивать готовые истины, не копаться в своих чувствах, пытаться найти ответ на вопрос:

правится ли мне эта работа или не правится? Нравится человеку то, во что он вложил частичку своей души — это самое главное. Еще раз советую тебе: никогда не пренебрегай самым простым, самым «черным», «грязным» трудом — с него начинается творчество.

До свидания, дорогой сын.

Желаю тебе доброго здоровья и бодрого духа.

Твой отец.

7. Добрый день, дорогой сын!

Ты сомневаешься, прав ли председатель колхоза, ответивший студенту, который критиковал его на собрании: «Правду говоришь, но правда сама не побеждает. Правду надо подталкивать плечом, как пушку на трудной переправе». Ты возмущаешься: ведь студент прав, колхоз из года в год теряет от двадцати до пятидесяти сотых гектара плодородной почвы — пожирает эрозия. Там, где двадцать лет назад колосилась пшеница, сейчас овраг. Правда это или нет? — спрашиваешь ты. — Если правда, то почему председатель отвечает так, как будто студент — демагог?

Сложные это вопросы нашей жизни, сын. Расскажу тебе одну быль. С детства запомнился мне один человек в нашей деревне. Звали его Захарка, была и фамилия, но никто не помнил фамилии, а называли его все Праведником. Почему Праведник — в этом и вся суть моего рассказа. Был он безобидным, справедливым, очень честным, по-крестьянски праведным бездельником. Люди организовали колхоз, все работали — кто в поле, кто на свинарнике, кто на конюшне — а он, Захарка, околачивался везде и всюду и ничего не делал. Но зато всегда изрекал правильные, справедливые истины — вот за это его и прозвали Праведником. Сидят колхозники вечером у дверей конторы, разговаривают о делах, о прошлом и будущем. Появляется Захарка и изрекает истину:

— Сеять пора, а дождей нет. Земля — как камень. Бросишь зерно — пропадет.

Скажет и молчит. Или в другой раз:

— Вот какие ранние в этом году заморозки. За одну ночь поморозило все помидоры.

А один раз было такое дело. После летнего ливня прибежал Захарка на колхозный двор, подошел к колхозникам, уставился голубыми глазами своими в небо и гово-

рнит, как мертвеца пелепает (так говорят, когда хотят подчеркнуть безразличие слов):

— За Дубовой Балкой град пошел. Сто десятии пшеницы пропало.

Знали колхозники, что Захарка говорил истинную правду, но все же избили его. Не могли сдержать возмущения. Избили с большой находчивостью: сняли с Захарки грязные его штанишки и «пощекотали немножко вербовыми прутиками с крапивой, где следует...» Почему возмутились люди Захаркиной правдой? Потому что за его холодными, равнодушными словами, за этим «пеленаньем мертвеца» чувствовали мыслишку: вот она, правда, ее вам выкладываю, а сам остаюсь в стороне, мое-то какое дело...

Таких «правдолюбцев» народ не любит. Я так думаю, что председателю колхоза очень уж надоела болтовня о вреде, который причиняет эрозия. По опыту нашего колхоза я знаю, что председателю колхоза очень трудно по-настоящему бороться с эрозией.

Очень уж емкое, сложное, иногда обманчивое это понятие — истина. Нет абстрактной истины, истины вообще. Нет абстрактной правды. Есть единственная правда — то, что дает, приносит, делает добро людям. Кто пытается выступить в роли проповедника истины во имя истины — без намерения сделать истину, образно говоря, инструментом создания счастья для людей, — тот может оказаться в положении Захарки Праведника.

Истина — в корне всего того, что мы видим, делаем. Если хочешь найти истину, а поиски истины — это тоже большой труд, когда открывают истину для того, чтобы людям было лучше, если хочешь найти истину, смотри в корень вещей. Вот интересная сказка, составленная нашими учениками четвертого класса — думаю, если ты замислишься над пей, она поможет тебе понять сущность истины, а самое главное, научит смотреть и видеть, кому выгодна истина, как сделать из нее инструмент творения добра для народа, для человека труда. Сказка называется:

Пряник и Колосок

Рано утром, до восхода солнца, взял Человек в карман белый Пряник и пошел в поле. В поле он ходил по посевам, любовался пшеницей. Сорвал Колосок, вынул из него зернышко, попробовал на зуб, улыбнулся. Спрятал Колосок в карман. Встретились Колосок и Пряник.

— Кто ты такой? — спросил Пряник.

— Я Колосок.

— Ух, какой ты колючий. А для чего ты существуешь? Какая от тебя польза?

Улыбнулся Колосок, шевелил усами-остьями и отвечает:

— Без меня не было бы ни хлеба, ни сухаря, ни тебя, Пряник.

Удивился Пряник, с уважением посмотрел на Колоска, потеснился, уступил ему место.

— Значит, — говорит Пряник, — все от тебя. Но кто же пад тобой старший?

— Труд, — ответил Колосок. — Он все создает. Но труд — в руках Человека. Труд и Человек — самое главное.

Вот сказка, над которой стоит задуматься. Составили ее ученики четвертого класса, но чтобы поднять детей на такую ступеньку творчества, педагогу надо было годы вкладывать в сердце детей свои чувства, мысли, убеждения — частицу своей души.

Труд и Человек, Человек и Труд — вот мать и отец всех истин. В воспитании молодого поколения это исключительно важно — как входит истина в духовный мир Человека и как Человек, которого мы воспитываем, входит в мир истины. Горе воспитателю, если распустился цветочек, из которого может созреть Захарка Праведник (еще большее горе школе, если Захарка Праведник есть среди воспитателей). Есть в нашем деле такая святая вещь, как убеждения. Это тоже одна из самых горячих страниц книги педагогической мудрости: сколько копий сломано в спорах об убеждениях, сколько мыслей высказано, а все-таки до сих пор бывают такие случаи, что грудь у человека гранитная (знания), а ноги — глиняные (убеждения). Почему это так бывает? Потому что дети, подростки заучивают истины, но не принимают участия в борьбе за торжество истины. Не делают ничего, чтобы истина выражалась в творчестве, в труде, в действии. Наверное, за годы пребывания в школе и в институте человек тысячу раз слышит: надо трудиться на благо народа, труд — честь, безделье — срам и т. д. А что иногда можно встретить в жизни? Недавно встретился мне фотограф, окончивший индустриальный институт. Десять выпускников одного университета в нашей республике не захотели ехать учителями в село и осели в городе: кто экспедитором, кто воду в ларьке продает, кто овощным магазином заведует.

Почему же такая возвышенная истина, как благородство труда для людей, не стала духовной сердцевиной этих

людей? Много лет не дает мне покоя мысль: наше воспитание лишь тогда станет в полном смысле коммунистическим, когда эта самая возвышенная, самая благородная истина наших убеждений будет добываться трудом, личными усилиями каждого воспитанника. Труд — величайшая красота, но труд, вместе с тем, и адски трудное дело. Познать эту истину — вот в чем один из секретов воспитания.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа.
Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

8. Добрый день, дорогой сын!

Да, самое трудное должно стать самым любимым — в этом диалектика и логика формирования человека твердых убеждений. Лишь тем человек будет дорожить всю свою жизнь, что дорого ему досталось. Любовь к труду не вынешь из кармана и не положишь в руки маленькому человеку. Это сокровище, которое надо добывать трудом и только трудом. К сожалению, кое-кто верит, что радость нашей жизни, счастье бытия в социалистическом обществе можно открыть перед сознанием и сердцем юношества, только давая как можно больше материальных благ.

Хочу, чтобы ты задумался о том, что не дает мне покоя: слишком уж легко достаются юношеству блага и радости жизни. У юношей и девушек воспитываются многие потребности, но, к сожалению, очень плохо воспитывается важнейшая из них — коммунистическая потребность в труде. Да, именно коммунистическая потребность. Я думаю, что это — глубоко личное, душевное тяготение к труду для людей. Такое состояние души, когда человек не смог бы жить без труда для общества, народа. Труд станет потребностью лишь тогда, когда перед человеком откроется **радость труда**. Эту радость ни с чем не сравнить и не сопоставить. Ее не сравнишь с радостью, которую дает человеку экскурсия, спорт, досуг, художественные ценности. Радость труда — трудная. Как ребенок, рожденный в муках. Путь к радости труда нелегок, его можно сравнить с напряжением воли альпиниста; мало приятного в карабканье по камням и скалам, но это необходимо для того, чтобы выразить себя, утвердить свою честь, свое достоинство.

Дать человеку ни с чем не сравнимую радость труда для людей — вот миссия воспитателя. Добывать трудом эту радость — вот миссия человека, вставшего на путь самовоспитания. Чем больше я познаю духовный мир человека — моего питомца, тем глубже убеждаюсь, что, как Афродита из пены морской, настоящий человек рождается там, где трудно, где земля орошена потом, где пережито высокое чувство победы над трудностями, которые казались непреодолимыми. Это чувство является той нитью, которая связывает индивидуальный духовный мир человека — его интересы, стремления — с общественными интересами и потребностями. Подросток, который, оглядывая первое десятилетие своей сознательной жизни, видит свое прочно укоренившееся дерево, видит созревающие плоды винограда на кусте, который он посадил и взлелеял, видит колосок пшеницы там, где раньше ничто не росло, и этот колосок выращен его нелегким трудом, превратившим мертвую глину в плодородную почву, — такой подросток никогда не оставит в лесу старенькие калоши, не разорвет книгу, не пройдет равнодушно мимо ржавеющего в грязи куска железа или рассыпанных на земле минеральных удобрений. Общественное для него будет дороже личного, потому что оно не только личное, оно дает радость народу. Радость, добытая, постигнутая нелегким трудом, — это могучий воспитатель совести, — помни это всю жизнь, сын. Совесть — это, образно говоря, эмоциональный страж убеждений, и этого стража мы стремимся поставить в человеческом сердце тогда, когда человек ложится еще поперец лавки, как говорят в народе. Он, этот страж, будет неуслышным в твоём сердце, если ты, познав радость труда, ищешь потом эту радость на своём жизненном пути как самое важное условие личного счастья.

Ты должен воспитывать себя и готовиться к воспитанию своих детей. В душу того, в ком ты повторишь себя, вложи глубокое убеждение, что хлеб насущный достается нелегким трудом, что в нем — недоспанные ночи и трудовые мозоли, пот и трудности. Вспомни свои детские годы. Вспомни, как вы, малыши-октябрята, пришли на пустырь, где не рос даже бурьян. Вы превратили его в плодородную почву, вырастив на ней пшеницу. Вы носили ил и перегной, перекапывали почву. Это нелёгкое дело, и если исходить из шоколадных представлений о труде при коммунизме как о сплошном управлении машинами и механиз-

мам, это непосильное, утомительное, однообразное запя- тие. Утомляет своим однообразием и подъем альпиниста к далекой вершине, но с каждым шагом все ближе вер- шина. Для вас вершиной был колосок пшеницы. Первая горсть зерна, первый хлеб, выращенный собственными ру- ками, первое гражданское чувство гордости — это и есть подлинно коммунистическое воспитание. Воспитывай это чувство в годы детства, помни, что ты — отец, повторяя себя в сыне, — творишь будущее своей Родины. Упустишь годы золотого детства — потом никогда не наверстаешь. Помни: каждая капля пота, пролитая в детстве, стоит мно- гих дней трудового напряжения в зрелые годы. Каждая горсть зерна, выращенная в детские годы, является как бы крупным масштабом, который содержит горы золотой пше- ницы, тучные нивы, годы труда старших поколений.

Без преодоления трудностей, без перегрузок нет на- стоящего человека. Молодости должно быть трудно на пути к достижению возвышенных целей. Только при этом усло- вии наш идеал — построение коммунизма — будет осозна- ваться и переживаться каждым как его собственная цель. Мы вводим вас, сыновья, в прекрасный дворец, имя кото- рому — коммунистическое общество. Этот дворец — не место беззаботной пирушки, а улей, в который надо боль- ше вносить, чем выносить из него; не музейный уникум, а стройка, в которую каждый обязан вложить свой кир- лич. Ты стоишь на пороге самостоятельной жизни. Умей увидеть, как сделать, чтобы улей наш сегодня был богаче, чем вчера. Чем труднее будет твое восхождение по каме- нистой тропинке, чем дороже достанется тебе радость тру- да, тем глубже познаешь ты счастье жизни. Пусть тебе будет трудно — не бойся. Зато ты станешь настоящим Человеком.

Желаю тебе крепкого здоровья.

Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

9. Добрый день, дорогой сын!

Ты прав: пустота души начинается с того, что в годы ранней юности человек больше учит, заучивает, чем ду- маст. «Бывает так, что некогда даже задуматься над сущ- ностью научной истины, — пишешь ты, — надо учить, учить, учить...»

Да, это, к сожалению, так... Но почему ученик и студент не задумываются над сущностью идей уже в те мгновения, когда учитель излагает знания? Почему могучая духовная сила — правда наших идей, величие научных истин — почему все это зачастую не доходит до человеческого сердца? Почему нас не удивляет, не тревожит то, что многие уходят от великой правды и красоты наших идей, от эстетических ценностей, от человеческой красоты в пивную, на сомнительные увеселительные вечера — почему?

Очеловечивание знаний, одухотворенность преподавания благородными, возвышенными чувствами, — это, на мой взгляд, проблема номер один и в школьном, и в вузовском воспитании. Век математики, слышишь на каждом шагу, век электроники, век космоса. Все это неплохие крылатые выражения, но они не отражают всей сущности того, что происходит в наши дни. Мир вступает в век Человека — вот что главное. Совершенно недопустимой, просто глупой является тенденция, почему-то усиленно культивируемая в последнее время: тот, кто не имеет больших математических способностей, считается вроде бы неполноценным, несчастным, обездоленным существом.

Ты стремишься стать хорошим инженером — это очень важно. Но надо стремиться прежде всего стать человеком — это еще важнее. Больше, чем когда бы то ни было, мы обязаны сейчас думать о том, что мы вкладываем в душу человека. Меня очень тревожит, что с окончанием средней школы для большинства студентов прекращается гуманитарное образование, а в средней школе во многих случаях оно поставлено очень плохо. Я имею в виду широкое гуманитарное воспитание молодежи — воспитание эмоционально-эстетическое, воспитание тонкости и красоты чувств, воспитание впечатлительной натуры, отзывчивого, тонкого сердца. Почему товарищи, с которыми ты живешь, так равнодушны друг к другу, почему им безразлично, что делает и что думает человек, живущий рядом? Почему человек вообще не стал для каждого юноши важнейшим объектом познания, почему именно познание человека не стало для вас, мои юные друзья, самым интересным делом? Все это кроется в примитивности эмоционально-эстетического воспитания.

Предотвращать пустоту души, убогость духовных интересов должен не только кто-то, но и сам юноша, каждый.

из вас. Я уже писал тебе о том, что, слушая лектора, читая книгу или научный журнал, нужно осмысливать, вдумываться в идеи, нужно строить в своем сознании каркас знаний. Коммунистические идеи станут для тебя святыми, священными при том условии, если, познавая мир, ты соотносишь научные истины с самим собою, со своей судьбой, со своей личностью. Вот по диалектическому материализму вы изучаете сейчас познаваемость мира. Казалось бы, это чисто теоретический вопрос, не очень близкий к практике. Но в самом деле это самая сущность нашего материального благополучия и полноты духовной жизни. Познавание окружающего мира — во имя счастья человека. Слушая лекцию о познаваемости мира, ты думай о своей практической работе, о том, какой вклад своими знаниями, своим трудом ты внесешь в материальную и духовную сокровищницу нашего народа. Думай и о том, какую радость принесет тебе проникновение в тайны природы, познание мира, объяснение непознанного. Намечай себе план самообразования на всю жизнь: ведь через 10—15 лет после окончания вуза добрую половину научных знаний будет составлять совершенно новое, — то, что ты не изучал.

И гуманитарное, человеческое воспитание — это тоже процесс самовоспитания. Воспитывай в себе Человека — вот что самое главное. Инженером можно стать за 5 лет, учиться же на человека надо всю жизнь. Воспитывай в себе человеческую душу. Самое главное средство самовоспитания души — красота. Красота в широком смысле — и искусство, и музыка, и сердечные отношения с людьми. Об этом нам надо будет еще много, очень много говорить.

Я спешу сейчас: заканчиваю подготовку к печати рукописи о системе учебно-воспитательной работы в школе.

Обнимаю и целую тебя.

Желаю крепкого здоровья и бодрого духа.

Твой отец.

10. Добрый день, дорогой сын!

Спасибо за сердечное, хотя и немного сумбурное письмо. Я рад тому, что оно сердечное, и тому, что оно сумбурное. Иначе, наверное, и быть не может: ты стремишься сказать все, что волнует тебя.

нимым пособием по самовоспитанию духа. Вдумайся в подвиг Алексея Бетюка, сын. При ярком свете этого героического подвига загляни в свою душу. К такому подвигу должен быть готов каждый советский юноша. Ты будешь солдатом, защитником Родины, знай, что в любую минуту ты должен быть готовым сражаться за свободу и независимость Отечества. Если запыхает пожар войны, от тебя, как и от каждого советского воина, потребуется огромная стойкость, сила духа, мужество, самопожертвование. Знай, что в жизни нашей есть вещи ни с чем не сравнимые и не сопоставимые. Это Родина, родной народ, наше любимое Отечество. Без любого из нас Родина может обойтись, но любой из нас без Родины — ничто. Самовоспитание — это прежде всего воспитание в самом себе мужественного патриота.

Вот теперь надо возвратиться к твоему письму, в котором ты писал о страшном преступлении, совершенном молодыми людьми. Их душа пуста и убога, примитивна и ограничена прежде всего потому, что в ней нет важнейшего стержня человечности — любви к Родине. Это самое чистое и самое тонкое, самое возвышенное и самое сильное, самое нежное и самое беспощадное, самое ласковое и самое грозное чувство. Тот, кто по-настоящему любит Родину, — во всех отношениях настоящий человек...

Оттачивай, шлифуй в себе человечность. Прежде всего доводи до большего совершенства чувствительность к неправде, злу, обману, унижению человеческого достоинства. Здесь большое значение имеет не только осознание, а прежде всего чутье. Вот на твоих глазах человек оскорбляет человека. Если закрыть глаза на это, может, и маленькое событие, то вскоре ты будешь закрывать глаза на все. Надо оттачивать чувствительность души, утонченность чувств.

Красота оттачивает человечность. Если человек с детства воспитывается на красоте, прежде всего на хороших книгах, если у него развивается способность к переживаниям, чувство умиления, восторга перед красотой, — то маловероятно, чтобы он стал бессердечным, пошляком, развратником. Красота, прежде всего художественные ценности, воспитывает тонкость натуры, а чем тоньше натура, тем острее человек воспринимает мир и тем больше может дать миру...

Вот меня и тревожит: есть ли в твоей жизни это повседневное общение с красотой? В общении я почти не

видел у вас художественной литературы. На твоей полке стояли две книги: «Дневные звезды» Ольги Берггольц и «Водоворот» Г. Тютюнника. Хорошие книги, мне стало очень радостно, когда я увидел их: время не будет затрачено впустую. Книги — океан, и среди этого океана хорошие книги — как маленькие, отдаленные друг от друга островки; сумей побывать на каждом из них... В этом океане нелегко заблудиться и попасть на мель... Как огня, опасайся низкопробного чтива. Есть книги, которые человеку надо прочитать за всю жизнь несколько раз, и каждое новое чтение будет открывать перед ним все новые и новые грани красоты и души человеческой. Несколько раз я прочитал «Воскресенье» Л. Н. Толстого, «Идиот», «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Божественную комедию» Данте, «Гамлета» Шекспира. Одно дело читать эти произведения в 16-летнем возрасте, другое дело — в 20-летнем, совсем по-другому воспринимаются эти произведения в 30-летнем возрасте. Ты убедишься в этом на собственном опыте; с каждым годом круг любимых книг у тебя будет все уже, но зато это будут действительно заслуживающие любви книги. Вот и тебе я советую начинать сейчас перечитывать то, что ты прочитал еще в стенах школы. Это так же необходимо для оттачивания чувств, как повторное слушание прекрасной музыки. Ведь слушаем же мы десятки раз «Лебединое озеро», ведь не надоедает же нам никогда эта чудесная музыка. Повторное чтение бессмертных творений литературы — это прежде всего познание человеком самого себя. Читаешь пятый, шестой, седьмой раз «Степь» Чехова, его изумительные новеллы, и хочется стать лучше, чем ты есть. А произведения В. Короленко, А. Куприна, М. Пришвина, К. Паустовского. Я не могу прожить месяца, чтобы не прочитать что-нибудь из произведений этих художников слова. Читай современных русских и украинских писателей. Советую тебе читать все, что выходит из-под пера таких романистов и поэтов, как К. Симонов, В. Солоухин, А. Твардовский, О. Берггольц, С. Щипачев, И. Сельвинский, А. Калинин, П. Нилин, В. Тендряков, Л. Мартынов, М. Стельмах, О. Гончар... Перечитывай такие книги, как «Всадники» Ю. Яновского, «Седьмой крест» А. Зегерс, «Земля людей» А. Сент-Экзюпери, «Старик и море» Э. Хемингуэя.

Помни, что книги — это тысячелетняя мудрость человека. Читая в первый раз хорошую книгу, писал Вольтер, мы испытываем то же чувство, которое переживаем, приобретя нового друга¹⁰. Вновь прочитать уже читанную книгу — значит вновь увидеть старого друга. Пусть побольше будет у тебя старых, добрых друзей. Чтение книги — это не механический процесс. Это творчество. Учись читая воспитывать себя, думать, рассуждать.

Прости за то, что мое письмо получилось слишком пространным. Но и проблема эта неисчерпаема — самовоспитание.

Желаю тебе крепкого здоровья и доброго духа.

Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

11. Добрый день, дорогой сын!

Я очень рад, что письмо о самовоспитании вызвало у тебя такой большой интерес. Ты очень тонко подметил одну черту современного молодого человека (да и не только молодого) — большую, иногда болезненную нервную возбудимость. Я уверен, что многие конфликты, нередко ссоры между людьми бывают потому, что люди не умеют управлять своими чувствами и что еще хуже, совершенно не занимаются самовоспитанием чувства.

А воспитывать у себя эмоциональную сферу — это в наше время вопрос очень серьезный, особенно для молодежи. В течение тысячелетий жизнь человека в основном определялась мышечной силой и такими грубыми свойствами нервной системы, как упрямство, жестокость.

Самое главное, что надо помнить каждому молодому человеку, не восполнять убогость мысли грубыми чувствами, выражающимися в крике, ожесточенности, свирепости. Где-то в глубине человеческой психики, в подсознании дремлют инстинкты — животный страх, свирепость, жестокость. Чем меньше у человека культуры, чем беднее его умственные, эстетические интересы, тем чаще просыпаются инстинкты и дают о себе знать грубостью. Когда человеку печего больше говорить в доказательство своей правоты, он или прямо говорит, что не может больше ничего доказать (так делают люди высокой эмоциональной и интеллектуальной культуры), или же начинает кричать, т. е. восполняет убогость мысли «бунтом инстинктов».

Надо щадить нервную, эмоциональную сферу — и у себя, и у других людей. Помни, что источник тонкости чувств, необходимой сейчас человеку как воздух, — в тонкости мыслей, в богатстве интеллекта. Чувство облагораживает мысль, но подлинно человеческое чувство не может существовать без мысли — из мысли оно рождается, мысль его питает, мыслью оно живет. Благодаря богатству мысли оно, человеческое существо, становится самостоятельной силой духовного мира человека, — оно способно побудить человека на благородные поступки.

Как воспитывать в себе утонченность чувств? Прежде всего — никогда не забывай, что ты живешь среди людей. Никогда не забывай, что рядом с тобой трудится человек, у которого свои заботы, тревоги, мысли, переживания. Уметь уважать человеческое в каждом, кто живет и трудится рядом с тобой, — это, пожалуй, самое большое человеческое мастерство. Тонкость чувств воспитывается только в коллективе, только благодаря постоянному духовному общению с людьми, окружающими тебя.

На чем же оттачивать, «шлифовать» чувства, как не на душевной дружбе, богатой интеллектуальными, эстетическими интересами? Воспитывай свои чувства в дружбе. Дружба поможет тебе выработать тонкую чувствительность к человеческому в каждом, кто тебя окружает.

Но что необходимо для настоящей дружбы, духовно обогащающей человека, помогающей ему подавлять в себе инстинктивное и развивать человеческое? Необходимо твое личное духовное богатство. Ты будешь обогащаться духовно лишь тогда, когда будешь что-то отдавать своему другу. Конечно, через несколько месяцев после создания нового коллектива трудно требовать, чтобы у тебя уже был друг. Но все же должно наступить то время, когда он у тебя появится. Друг, с которым ты будешь делиться своими мыслями, чувствами, радостями и огорчениями.

Если бы у меня была возможность сейчас приехать к тебе, я бы приехал, собрал твоих товарищей по комнате, пригласил бы и других студентов и сказал им: «Юные мои друзья, щадите сердце и воспитывайте чувства. Помните, что в наше время человек становится с каждым годом все более чувствительным к воздействиям из окружающего мира. В идее «человек человеку друг, товарищ и брат» за-

ключен глубокий смысл. Но эта глубина далеко не всегда понимается. Быть другом — это значит прежде всего воспитывать человека, утверждать в нем человеческое».

Воспитание в сущности в том и заключается, чтобы подавлять в себе животные инстинкты и развивать все человеческое. Вершиной человечности является коммунистическое воспитание.

Зверские инстинкты — отсутствие жалости ко всему живому и красивому, абсолютное равнодушие к духовному миру другого человека — лежат и в основе психики любого убийцы, насильника. Надо воспитывать, культивировать в себе жалость ко всему живому и прекрасному. У тебя будут дети, помни: от того, как маленький ребенок относится к птицам, цветам, деревьям, зависит его нравственность, его отношение к людям.

Посылаю тебе книгу — «Избранное» А. Сент-Экзюперри. Хотел бы, чтобы ты внимательно прочитал сказку «Маленький принц» и подумал над нею.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа.

Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

12. Добрый день, дорогой сын!

Твое письмо очень обрадовало меня (хотя ты долго не писал, почти две недели). Хорошо, что в вашем коллективе пробуждаются интеллектуальные интересы, что вы начинаете споры, да еще по такому вопросу: свобода и долг. Ты приглашаешь меня принять участие в вашем споре, что же, с радостью делаю это. Ты пишешь, что кое-кто из твоих товарищей придерживается такого мнения: в некоторых сферах деятельности («в вопросах личной жизни», твоими словами человек абсолютно свободен (?), в других же сферах его свобода ограничена требованиями общества. Ты не согласен с этой точкой зрения и я поддерживаю тебя. Твоя точка зрения («быть свободным — значит всегда уметь поступать правильно — так, как требуют интересы народа») по существу повторяет известные слова Маркса: Таким образом, свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела¹¹. Молодые люди стремятся самую сложную мысль выражать своими словами, и это очень хорошо. Абсолютной свободы нет и не может быть. Ведь человек живет

среди людей. В. И. Ленин учит, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя¹². А кое-кто из твоих оппонентов разделяет жизнь перегородкой: по одну сторону — то, что человек может делать, оглядываясь на общество, по другую сторону — то, что он волен делать, абсолютно не думая о людях. Такое деление по существу лежит в основе философии мещанина: на службе он может выглядеть благопристойным, чистеньким, а 'дома — кулаком, мироедом, тираном, мучителем ближних. Сколько еще таких людей есть у нас в обществе! Особенно вредна мысль об абсолютной свободе в сфере интимных, нравственно-эстетических отношений — в любви, браке, семейной жизни. В этих сферах человеческой жизни свобода является прежде всего величайшей ответственностью. Хорошо сказал об этом Леонид Мартынов:

Я уяснил,
Что значит быть свободным.
Я разобрался в этом чувстве трудном,
Одном из самых личных чувств на свете.
И знаете, что значит быть свободным?
Ведь это значит быть за все в ответе!
За все я отвечаю в этом мире —
За вздохи, слезы, горе и потери,
За веру, суеверье и безверье.¹³

Кстати, если ты не читал стихотворений этого хорошего поэта, я пришлю тебе его «Избранное».

Советский человек поистине свободен. Но мы, коммунисты, никогда не скрываем того, что свободу мы понимаем только как деятельность в интересах народа. Проповедь войны, насилия, разврата у нас карается законом, здесь нет и не может быть никакой свободы личности. Если бы каждый мог делать, что ему вздумается, общество превратилось бы в сумасшедший дом, и человеку страшно было бы выйти на улицу. Основа свободы советского человека — это гармония общественных и личных интересов. Общество заинтересовано в том, чтобы ты, студент, учился хорошо, стал хорошим специалистом. Это в интересах трудового народа. Значит, ты свободен выбирать сотни путей для того, чтобы учиться как можно лучше. Не волен выбирать только ни одного пути к тому, чтобы уваливать от учения, бездельничать.

Главное — это воля самого человека, самоограничение. Надо тонко чувствовать три вещи: можно, нельзя и надо. Тот, кто чувствует эти вещи, обладает важнейшей особенностью гражданина — чувством долга. Долг — это свобода в действии, это одухотворение человеческих поступков благородной идеей — во имя чего я делаю это. Наше общество является самым справедливым в мире, и поэтому выполнение долга не связывает человека, не сковывает его свободы воли, а наоборот — предоставляет ему подлинную свободу. Долг и совесть — эти нравственные чувства составляют важнейшую черту, отличающую человека от животного. Развивай в себе человеческое, дорогой сын. Следуй поучению Гете: «Как познать себя? Не путем созерцания, но только путем деятельности. Попробуй выполнить свой долг, и ты узнаешь, что в тебе есть»¹⁴.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа.
Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

13. Добрый день, дорогой сын!

Пишу тебе из Берлина. Я говорил перед отъездом, что буду здесь дней пятнадцать, но по приезде в Берлин постарался ускорить дела, не тратить попусту время и выехать раньше. Буду в ГДР дней десять.

Я не впервые за границей: приходилось побывать во многих странах. И каждый раз, когда судьба забрасывает далеко от родной земли, с новой силой пробуждается чувство любви к Родине. Вдали от Родины с особенной глубиной чувствуешь свою ответственность за все, что есть у нас дома. Как только кто-нибудь из твоих зарубежных собеседников что-нибудь скажет то ли о советской школе, то ли об экономике нашей страны, — сердце твое замирает, как будто говорят лично о тебе. Как радостно слышать все хорошее! Какое чувство гордости охватывает душу, когда слышишь о своей Родине как о путеводной звезде человечества.

Родина — это ласковая и требовательная мать. Матери больно, если ее сын стал плохим человеком — ленивым, бессердечным, слабовольным, лицемерным, нечестным. Родине, как родной матери, больно, если ты не станешь настоящим человеком. Живи и трудись так, чтобы Родина

гордилась тобой. Умей увидеть самого себя с павысшей вершины — с точки зрения высших интересов родного народа.

Гордись своими предками — борцами за свободу и независимость Родины, за освобождение трудящихся от эксплуатации, за победу социалистической революции, за спасение мира от фашизма. Имена великих сынов твоей Родины — это твоя святыня, твоя гордость. Помни, что наша Родина — первое в мире социалистическое государство. Она открыла человечеству путь к коммунизму. Это твоя национальная гордость. Помни, что наша Родина дала миру великого Ленина.

Я ехал через Польшу, Германию и видел множество могил, где покоится прах советских воинов. Тысячи братских могил. Миллионы сыновей нашей Родины погибли за то, чтобы мир не был в фашистском рабстве.

Я был в Бухенвальде — теперь здесь музей-памятник жертвам фашизма, а в годы войны здесь был один из самых страшных лагерей смерти. Волосы поднимаются на голове, когда видишь, как с немецкой точностью и методичностью фашисты уничтожали здесь сотни тысяч (так говорят — сотни тысяч, а может быть, и миллионы — никто не знает, документы все уничтожены...) узников, среди которых больше всего было советских людей. Я видел засушенные человеческие головы и сумочки, сделанные из человеческой кожи, из человеческого волоса фашисты делали мешки и матрацы. Я видел мыло, сваренное из человеческих костей.

Страшная судьба угрожала миру. В музее я видел фашистские планы: они намеревались полностью уничтожить славянские народы. Помни, что от этой угрозы человечество спас рядовой советский воин, который лежит под березкой...

Помни, что за твое счастье отдали жизнь тысячи людей. В тюрьмах и на виселице, под пулями и в адских печах лагерей смерти, в смертельных боях за каждый шаг земли — от Волги до Берлина умирали советские люди, умирали твои ровесники. Помни, что двадцать два миллиона лучших сыновей нашей Родины погибли, оберегая твою колыбель. Миллионы матерей не знают, где похоронены их дети. В счастливый день своей жизни приди на могилу героев. Склони перед ними свою голову, возложи цветы.

Помни, что у каждого народа есть своя святыня — герой, отдавшие жизнь на алтарь свободы и счастья человечества. Пусть для тебя будет дорога память об Иване Сушанине и Устиме Кармелюке, об Александре Ульянове и Шандоре Петефи, о Сергее Лазо и Эрнсте Тельмане, о Зое Космодемьянской и Юлиусе Фучике, об Александре Матросове и Никосе Белоянине, о Мусе Джалиле и Хулиане Гримау. Помни, что на такую же вершину доблести и героизма народ вознес каждого из двадцати миллионов погибших.

Может быть, ты удивляешься: почему отец не рассказывает в своем письме ничего интересного о зарубежной жизни, о людях; почему он говорит о том, что давно известно... Потому что здесь — что бы я ни видел, о чем бы ни услышал — я думаю о Родине, вижу Родину. Думаю о поколении, которому сейчас двадцать лет. Прекрасное поколение, завидная судьба ваша, дорогой сын. Ты и твои ровесники доживете до начала 21-го столетия, будете в расцвете творческих сил. Меня больше всего тревожит: сумеем ли мы, ваши отцы, передать вам все наши нравственные ценности, все наши богатства, которые так дорого достались нам? Поймете ли вы до конца, почувствуете ли всем сердцем, какие страшные трудности переживали мы в годы Великой Отечественной войны и в годы восстановления народного хозяйства нашей Родины?

Хочется, чтобы вы стали достойными нашими наследниками. Чтобы дорожили созданным старшими поколениями. И самое главное — чтобы у каждого из вас, нашей смены, главным в жизни было то, что ни с чем не сравнимо и не сопоставимо — Советская Родина. Надо быть готовым к ее защите. Вы изучаете военное дело — надо со всей серьезностью относиться к этому предмету. Каждому из нас, мужчин, надо твердо помнить: у меня две специальности: первая — то ли учитель, то ли агроном, инженер, а вторая у всех одна и та же — защитник Родины.

Домой буду ехать через неделю. Обязательно заеду к тебе.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа.

Твой отец.

14. *Добрый день, дорогой сын!*

Долго думал над твоим письмом, поэтому пишу с таким опозданием. Я разделяю твое возмущение и возмущение твоих товарищей хамским поступком студента одного из вузов. Нравственная чистота любви — это зеркало человеческой души. Если у человека есть что-то грязное в этой сфере духовно-психологических и нравственно-эстетических отношений, значит, вообще он грязное, мерзкое существо, он не может быть хорошим гражданином, честным тружеником, порядочным человеком. Среди всего, что роднит человека с миром живого, особенно важно облагораживание полового инстинкта. Ум и воля должны в этой сфере духовной жизни быть особенно бдительными стражами чувства — полового влечения. Я отвергаю утверждения некоторых писателей и публицистов, считающих, что чувству приказать нельзя, человек-де не властен над своим влечением. Это мягкое покрывало, которым пытаются прикрывать половую распущенность и «свободу любви»¹⁵, против которой так резко выступал В. И. Ленин. Особенно вредна эта теория «первенства эмоций» для молодых людей, только вступающих в жизнь. Задолго до того, как человека взволнует чувство полового влечения, его должна пленить красота души, он должен глубоко пережить нравственную привязанность к другому человеку. Только при этом условии любовь может быть крепкой, настоящей. В подлинной любви ум помогает чувству, вдыхает в него нравственную силу, морально облагораживает душевные движения, а не подвергает чувство расчету, логическому анализу, не заставляет человека взвешивать зависимость своего благополучия от того, кого он полюбил. Любовь благородна там, где в нравственной привязанности человека к человеку слиты воедино чувства и мысли.

Ты взрослый человек, ты сам завтрашний отец, и я говорю тебе обо всем этом со всей откровенностью. Я обязан это делать как отец. Если у отца сын оказывается подлецом, общество вправе спросить у него: почему Вы не выполняете своего долга перед обществом? Ведь важнейший общественный долг каждого гражданина — дать Отчизне настоящего человека. Отец — это высокое гражданское имя. помни это, сын.

Меня тревожит, я бы сказал, распущенность в легкой форме, которой болеют многие молодые люди. Среди бела

дня, бывает, идут людной улицей парень и девушка, идут и обнимаются, а то и целуются. Я однажды спросил у одной очень молодой девушки: «Неужели Вас не смущает то, что люди кругом?» Она ответила: «А разве дружбу надо скрывать?»

Это неумный ответ девушки, которая готова физически к рождению ребенка, но не готова морально. Глупо и цинично выставлять напоказ то, что должно быть глубоко интимным, сокровенным, неприкосновенным. Парню восемнадцать лет, ему понравилась девушка — и он уже обнимает и целует ее. Это распущенность. Подлинная любовь — великий, священный долг, обязательство на всю жизнь. Если ты хочешь не растерять свои чувства, не опустошиться духовно, — не поддавайся первому влечению. Целовать и ласкать человек может того, кому он дает какое-то нравственное обязательство: стать мужем, стать отцом ее детей. Всякую другую любовь, любовь для острых ощущений, любовь от скуки — я считаю распущенностью.

Помни, что любовь — это прежде всего ответственность за того человека, которого ты полюбил, за его судьбу, за его будущее. Развратник и негодяй тот, кто в любви ищет только источник наслаждений. Любить — это значит прежде всего отдавать, отдавать любимому существу силы своей души, творить для него счастье.

Помни, сын, что от характера отношений мужчины и женщины до брака, от того, насколько преобладает в этих отношениях духовно-психологический, нравственно-эстетический элемент, зависит моральная чистота всей их жизни. Как огня, опасайся «опыта» и «многоопытности» в любви. Чем чище, благороднее духовно-психологические отношения любящих перед браком, тем выше нравственный долг юноши — будущего мужа. Нравственный долг перед женщиной, ответственность за ее будущее — вот что делает из юноши мужчину. Чистая любовь приносит юноше возмужание, легкомысленная любовь, любовь от скуки — развращает его.

Высшая радость духовного общения влюбленных — в интеллектуальном и эстетическом взаимном обогащении, в постепенном узнавании и открытии все новых и новых нравственных и эстетических качеств, в том, что влюбленные жадно впитывают друг от друга все лучшее и потом как бы отдают друг другу. Верная любовь, любовь на всю

жизнь, кто о ней не мечтает? Но от чего же зависит она? От неисчерпаемости человека — так можно сказать. Скоро исполнится 25 лет, как мы поженились с твоей матерью... И каждый раз, встречая ее после нескольких дней разлуки, я чувствую трепет сердца — вижу в ней, единственной в мире любимой женщине, что-то новое. Глаза любимого человека как бы открывают все новую и новую красоту. Богатство духовного мира выражается во множестве оттенков чувств, которые может передать человеческий взгляд. Если же круг этих чувств ограничен, то и внешняя красота, поразившая при первой встрече, со временем тускнеет, теряет свою привлекательность. Там, где любовь выражается только в мимолетном очаровании внешними чертами, где человек ищет наслаждение только в красоте лица, фигуры, — неизбежны разочарования, «несходство характеров».

Нет какой-то специальной «науки любви», — помни это, — есть наука человечности; кто овладел ее азбукой, тот готов к благородным духовно-психологическим и морально-эстетическим отношениям. Любовь — это самый строгий экзамен человечности. В беседе с Кларой Цеткин В. И. Ленин подчеркивал, что в любви необходимы самоограничение, самодисциплина¹⁶. И ведущая роль здесь принадлежит нам, мужчинам. Будь сдержанным в своих порывах. Знай, что физическая близость любящих друг друга существ морально оправдывается близостью духовной — взаимным уважением, готовностью вместе пройти жизнь, всегда поддерживать друг друга. Знай, что девушку, духовно богатую, умную, честную глубоко унижает, возмущает то, что до вступления в брак юноша стремится к близости физической.

Знай, что самые счастливые дни юности — это та чистая, идеальная любовь, с которой духовно богатым людям долго не хочется расстаться. Если встретились юноша и девушка, у которых одинаково развито чувство чести и достоинства, то они очень долго не переходят той черты, за которой начинается физическая близость. Это не значит, что у них нет стремления к этому. Это стремление горячо и страстно, но физическая близость без близости духовной кажется им морально неоправданной. Период духовной близости, идеальной любви у них очень долог, они намеренно стремятся продлить его, и это дает им большое счастье.

Ты слышал пословицу: «Жизнь прожить — не поле перейти»? В том, каков человек в семейной жизни, проявляется его подлинное моральное лицо. К сожалению, немало в нашем обществе людей, которые вне семьи производят впечатление борцов за высокие идеи, а в семье — мелкие эгоисты или деспоты. Есть люди, которые по уровню своего нравственного развития совсем не готовы к вступлению в брак, и их женитьба или замужество являются в высшей степени аморальными поступками, преступлением перед теми, чью жизнь они создают. Кое-кто смотрит на брак как на беспрепятственную возможность удовлетворять свои инстинкты. Отдельные развращенные молодые люди видят в браке право на то, чего им не удалось добиться до брака, несмотря на все домогательства, обещания, клятвенные заверения. Никакие юридические узы не могут укрепить слабость уз духовных.

Помни, что, вступая в брак, люди берут на себя не только юридические, материальные, но и духовные обязанности. От отношений в семье зависит духовное богатство общества. Иногда молодые супруги уже в первые месяцы «разочаровываются», исчезает «поэзия любви». Конкретное содержание и повод для размолвок в таких случаях могут быть самыми разнообразными, но причина всегда одна и та же: вступая в брак, молодые люди полагали, что уже сама по себе любовь как полное отсутствие препятствий к физической и духовной близости, принесет счастье, которое будет неисчерпаемым. Они забывают, что огонь любви, образно выражаясь, постоянно требует хорошего горючего — разносторонней духовной жизни, и если этого горючего нет, любовь угасает или же чахнет, отравляя воздух себе и людям. Любовь лишь тогда укрепляет семью, когда есть еще и богатство духовной жизни.

Помни, что после того, как молодые люди вступили в брак, они в гораздо большей степени должны быть творцами своей любви, чем потребителями ее радостей. В браке должно больше создаваться, чем потребляться. Без постоянного создания запаса духовных богатств невозможно облагораживание физической близости... На каком-то этапе семейной жизни вдруг может оказаться, что муж и жена полностью исчерпали себя, они ничего больше не могут раскрыть перед любимым существом, что-нибудь дать для духовной жизни семьи. Иногда доходит до того, что люди, которые до брака страдали от непродолжительной

разлуки, не могут переносить друг друга. Это превращает семейную жизнь в ад. А страдают от этого прежде всего дети, вот что надо помнить. Быть гражданином во всех отношениях — это значит прежде всего заботиться о будущем общества, а будущее наше — дети. Помни, сын, что если у тебя возникнет желание создать семью, ты должен хорошо проверить себя — готов ли ты выполнить свой гражданский долг. Никогда не забывай, что любовь, романтика дружбы — это прежде всего дети.

Для человека, умеющего создавать свое духовное богатство, нет первой, второй любви, а есть любовь единственная. Будь идеалистом в лучшем смысле этого слова. «Люди, которые мечутся, разменивают свои чувства направо и налево, по-моему, должны чувствовать себя в конце концов нищими», — говорит Брянский, один из героев романа О. Гончара «Знаменосцы»¹⁷. Глубокая правда заключена в этих словах морально чистого, преданного единственной любви человека. Если ты настоящий человек, если ты способен создавать духовное богатство в любимом тобой человеке, то перестать любить того, кого ты любил в течение нескольких лет, — невозможно. Настоящая любовь — еще раз говорю тебе — с годами не слабеет, а крепнет. В любимом человеке я оставляю частицу своей души, красоту и духовную обаятельность своей души он отдает мне, вместе мы создаем такое богатство, которое вторично создать невозможно. В этом богатстве сочетаются: и наш духовный рост, взаимное обогащение разума и чувств, и дети, и честь, достоинство семьи, и традиции, и воспоминания о прошлом, поэтический ореол молодости, чистота юношеских чувств. Все это оставляет настолько сильный след в душе, что начать новую жизнь без тяжелой душевной травмы невозможно. Не случайно муж или жена, потеряв любимого человека, долгие годы, а иногда и всю жизнь не могут забыть о нем, у них не может возникнуть новое чувство. Это не что-то исключительное, не «романтическая мечтательность», а глубокое проявление человеческого. Человек не может забыть любимое существо потому, что оно вошло в его душу, соединилось с его судьбой.

Вот какое длинное письмо получилось. Я знаю, что ты без предубеждения относишься к поучениям отца. Вдумайся в каждое мое слово. Будь настоящим человеком во всем.

До свидания, дорогой сын. Если сможешь приехать во время Первомайских праздников, приезжай хоть на день. Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

15. Добрый день, дорогой сын!

Ты спрашиваешь: могут ли быть счастливыми молодые люди, имеющие разный уровень образования, разный круг интеллектуальных интересов и запросов; может ли таких людей объединять чувство любви?

С год тому назад ко мне пришла мать одной нашей бывшей выпускницы Веры Л., которая, окончив после средней школы институт, работает на строительстве большого завода. Мать показала мне письмо Веры, в котором девушка пишет о своих тревогах и сомнениях. Я изменил имя девушки, поэтому можно раскрыть эту тайну, она очень поучительна. Девушка писала: «Он хороший рабочий, любит меня, но все-таки нет того счастливого духовного единства, которого я ожидала. Несколько раз начинала я с ним разговор о том, что надо учиться заочно, надо стремиться к знаниям, ведь в будущем без среднего образования не допустят ни к какой машине. А у него всего 6 классов... Говорила, что неплохо было бы поехать вдвоем в Москву, в Ленинград, — посмотреть свою Родину. Он с удивлением отвечал: «Как далеко ты заглядываешь вперед. Надо думать о сегодняшнем дне; есть хороший заработок — и хорошо. А что будет дальше — увидим, да и вообще не нашего это ума дело».

И потом еще добавил: «Какой толк от этих поездок, не прибавят они ничего, только деньги впустую израсходуешь. А нам надо дом строить. Да надо подумать и о хозяйстве — завести свиней, кур... А учиться не хочу, получишь среднее или высшее образование, а заработок от этого не повысится. Вот ты окончила институт, а получаешь меньше моего»... Мама, дорогая, что же мне делать? Не могу я с ним теперь встречаться, не могу даже смотреть на него. Права ли я? Или во мне в самом деле много чудачества, как он говорит? Или я идеалистка, как сказала мне подруга, когда я поделилась с ней своими сомнениями? Я чувствую, что жизнь с ним будет скучной, угрюмой, как засохшая ива у нашего пруда...»

Права была мать, написавшая дочке: «Зачем ограничивать свою жизнь домом, кухней, цыплятами и поросятами, когда перед каждым человеком открывается такой светлый, прекрасный мир? А из слов Виктора, из того, как он относится к тебе, видно, что как только ты станешь его женой, ему захочется, чтобы ты оставила работу, а потом станет укорять: я тебя кормлю... Горькая это участь, дочка».

Как видишь, человеку далеко не безразлично, с кем он связывает свою судьбу. У него есть определенные требования к духовному миру того человека, с которым он собирается пройти жизнь рука об руку. Дремучее невежество и бескультурие бывает у людей, имеющих высшее образование или даже ученую степень. И наоборот, простой, как говорят, рабочий или колхозник может быть в высшей мере интеллигентным человеком. В одном из сел нашего района работала звеньевой свекловодческого звена 18-летняя Полина М. С девушкой, окончившей восемь классов и оставившей школу после смерти отца, познакомился молодой врач, только что назначенный в село. Он влюбился в Полину. Но девушка глубоко скрывала свои чувства. Молодой человек ей нравился, в его добрых намерениях не было сомнения, но ее угнетала мысль: он стоит выше по образованию. Девушка с болью замечала, что там, где у любимого человека широкие, разносторонние знания, у нее только отрывочные сведения. Умный, чуткий молодой человек распознал в Полине М. большую, гордую душу. Услышав решительный отказ на предложение выйти за него замуж, он понял, что девушка не согласится на это до тех пор, пока не сделает хотя бы одного шага, который приблизил бы ее к цели: девушка рассказала молодому врачу, что она поставила целью окончить десятилетку, а потом поступить в институт. Она уже учится в заочной средней школе. Ее мечта — стать учительницей.

Постепенно цель девушки увлекла и молодого человека. Он помогал Полине учиться, в то же время сам решил овладеть в совершенстве хирургией. Они мечтали о будущем, жили будущим, верили в осуществление мечты. Это была чистая, идеальная любовь, продолжавшаяся несколько лет. Только через пять лет после знакомства, окончив среднюю школу и два курса института, девушка согласилась выйти замуж.

Их любовь была высоко нравственной дружбой. Между ними еще не было и намека на физическую близость, не допускалась даже мысль об этом, но они уже принадлежали друг другу в том смысле, что были верны друг другу и своему идеалу. Можно построить жизнь без горя и страданий, без душевных надломов. Можно создать изумительное человеческое счастье. Помни, что ты сам — творец своей судьбы, своего счастья.

Вдумайся во все это, сын.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа.

Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

16. Добрый день, дорогой сын!

Из твоего письма видно, что мои поучения стали как бы искрой для дискуссии, разгоревшейся у вас в общении. Ну, что же, это неплохо. Хорошо, что молодым людям все это не безразлично.

Ты пишешь, что кое-кто из твоих товарищей не верит в дружбу, просто дружбу юноши и девушки: раз уж юноша и девушка — должна быть обязательно любовь. Скажу, что думаю по поводу этого.

Дружба — это школа воспитания человеческих чувств. Дружба нужна нам не для того, чтобы чем-то заполнить время, а для того, чтобы утверждать в человеке и прежде всего в самом себе добро. Я считаю одним из самых главных правил морального воспитания то, чтобы в годы отрочества и ранней юности каждый человек пережил глубокое чувство восхищения духовным благородством хорошего человека, влюбился в него. От этого по существу зависит вера в человека, в красоту человечности. Если этого нет — душа человека пуста, малейшие неурядицы жизни могут вызвать у него мелочное брюзжание, неверие в свои силы. Пустота души, то, что в человеке нет веры ни во что, — самый страшный порок — я уже когда-то писал тебе об этом, повторяю еще раз. Пустая душа жадно впитывает плохое и трудно поддается влиянию хорошего, потому что пустота, духовная убогость уже сами по себе являются пороками. Тот, у кого пустая душа, не может быть настоящим другом, он не чувствует человечности в дружбе.

Жизнь убедила меня, что если в годы отрочества и ранней юности человека воодушевляет нравственный идеал, если человек понимает, что такое правильный че-

ловек, то дружба духовно обогащает его, в дружбе он ищет не провозждения времени, а поле для самоутверждения и самовоспитания.

Особенно необходима эта благородная духовная потребность — потребность в человеке — для формирования мужчины. Чтобы стать настоящим мужчиной, ты вот в эти годы ранней юности должен раскрыть богатства души в дружбе. От этого зависит чистота твоего чувства любви, счастье твоей будущей семьи.

Любовь без дружбы мелка. Если юноша уважает в девушке прежде всего человека, то эта возвышенная, благородная дружба сама по себе так же прекрасна, как и любовь. Люди, надеющиеся построить духовную общность на любви как на половом влечении, как раз и не дорожат любовью, потому что стремятся втиснуть весь мир духовной жизни в поцелуй и в ревность. Любовь без высшей духовной жизни — без стремления к единому идеалу, без дружбы во имя этого — может превратиться в чувственное наслаждение. Запиши себе в записную книжку слова В. Г. Белинского, читай их наедине, вдумайся в них, проверь сам себя:

«Любовь — поэзия и солище жизни. Но горе тому, кто в наше время здание счастья своего вздумает построить на одной только любви и в жизни сердца вознамерится найти полное удовлетворение всем своим стремлениям...» «Если б вся цель нашей жизни состояла только в нашем личном счастье, а наше личное счастье заключалось бы только в одной любви: тогда жизнь была бы действительно мрачною пустынею, заваленною гробами и разбитыми сердцами, была бы адом, перед страшною существенностью которого побледнели бы поэтические образы земного ада, начертанные гением сурового Данте»¹⁸.

Вдумайся в это: жизнь была бы адом, если бы счастье заключалось только в любви. Если ограничиться личным счастьем невозможно было во времена Белинского, то сделать это в наше время — все равно, что обречь себя на одиночество и бездеятельность, сузить свой мир до субъективных чувств и переживаний. Если уже в свое время Белинский видел, что, «кроме внутреннего мира сердца», есть «великий мир жизни», тот великий мир, где «мысль становится делом, а высокое чувство — подвигом»,¹⁹ то в наше время такой мир открылся не для отдельных борцов, а для всего народа. Половое влечение только тогда

и стало приобретать характер нравственной связи между людьми, морального долга, когда, кроме внешней красоты, перед человеком открылось внутреннее богатство человека — достоинство личности, ее способности, творчество, общественная деятельность. Счастье, построенное на половом влечении, — это животная страсть, делающая человека слепым и безрассудным. Для того чтобы любовь стала для человека подвигом, он должен достигнуть высокой ступени морального развития: прежде всего определить высокую цель своей жизни, воодушевиться мыслью о преодолении трудностей на пути к достижению цели. Когда борьба за достижение высокой цели становится подлинной страстью, то любовная, половая страсть теряет характер цели, любимый человек становится другом в этой борьбе. Страсть любви перестает быть целью и облагораживает человека, возвышает его над чувственными страстями. Понимание, истинных масштабов счастья личного и счастья общечеловеческого несколько не унижает человека, не угнетает его, а наоборот — возвышает, так как пробуждает у него стремление обогатить всю жизнь высокими духовными интересами.

Понимание соразмерности личных чувств и счастья человечества предохраняет от того, чтобы отдельные неурядицы, мелкие споры не превратились в трагедию и не отравляли жизнь. Сколько таких «трагедий», достойных сожаления, упускающих человеческое достоинство, можно наблюдать в жизни. Сколько «безвыходных положений» и «неразрешимых противоречий» создается в молодых семьях лишь потому, что люди делают из своей любви малелькую вселенную, в которой, понятно, на каждом шагу тупики, нет простора для широких, благородных движений души. Помни это, пусть тебе будет это заповедью будущей семейной жизни: там, где духовная жизнь молодых мужа и жены начинается и кончается любовью, по малейшему поводу разыгрывается честолюбие; оскорбленные супруги из-за пустяков неделями не говорят друг с другом, берегут свои сердца мелкими царапинами и умышленно посыпают их солью мелкого гнева. При этом все эти «трагедии» возводятся в проблему; люди стремятся найти какие-то расхождения во взглядах, несходство в характере и т. д. Такие люди по существу не готовы к духовно-психологическому общению, им не следовало бы всту-

пать в брак до тех пор, пока они не определяют масштабов своего личного счастья.

Несколько недель назад прокурор нашего района рассказал мне об одном бракоразводном деле. Молодые люди пожили две недели, и вот счастье «медового месяца» омрачилось ссорой. Повод для ссоры был смехотворным: супруги не могли единодушно решить, где поставить телевизор... Ссора разгоралась, оба пришли к выводу, что характеры у них настолько разные, что семейная жизнь будет невозможной. На суде мудрая женщина — народный заседатель — стала, как говорится, по питочке добираться до клубочка; супруги с трудом вспомнили, с чего началась ссора, и им стало стыдно. Вот до чего может дойти человек, если мелочи гипертрофируются, превращаются в «мировые проблемы», если нет перед мысленным взором никакой высокой цели.

Самое важное и самое трудное для человека — всегда, во всех обстоятельствах оставаться человеком. Будь всегда человеком.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа.

Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

17. Добрый день, дорогой сын!

Ты просишь «научить, как же уважать в девушке женственность», просишь разъяснить, что такое женственность. Я очень рад, что это тебя волнует. Помни, что отношение к женщине является мерой нравственности. «На основании этого отношения,— писал К. Маркс,— можно, следовательно, судить о ступени общей культуры человека»²⁰. Хам в отношении к женщине — хам во всех отношениях. Женственность — это самое высокое выражение человеческой красоты, в этой красоте — рождение новой жизни, развитие, цветение и увядание того, что было прекрасно. Носитель и творец жизни, женщина глубже всего воплощает высоконравственное отношение к будущему человечества. Уважать женщину — это значит уважать жизнь. Подлинная женственность как сочетание красоты духа и тела родилась в трудовом народе. Кроме красоты, в представлении о женственности трудовой народ вложил также мысль о женской слабости как о моральном праве на уважение и заботу со стороны мужчины.

Женская красота все больше становится повелительницей человеческой красоты вообще. Если женщина понимает и ценит в себе свою особую роль в становлении новой жизни, она не может быть некрасивой. Сколько есть девушек, не обладающих броской внешней красотой, но в то же время очаровывающих своей обаятельностью именно потому, что они женственны. Умей видеть и ценить прежде всего эту женскую красоту.

Женственность — это высшее воплощение нравственной чистоты и благородства, высокого человеческого достоинства. Эти черты проявляются в целомудренном отношении ко всему, что связано с ее нравственно-эстетическими отношениями с мужчиной. Неуважение мужчины ко всему, что составляет интимную сторону этих отношений, глубоко оскорбляет высокоправственную женщину.

С наступлением материнства женственность расцветает во всей своей силе и красоте. Помни, что чем выше нравственность мужчины, тем больше в отношениях с ним задает тон женщина, разумно используя свою женственность для усиления своего нравственного авторитета в семье. В хорошей семье женщина-мать вообще является нравственным руководителем и повелителем, и чем больше покоряется ее воле муж-отец, тем лучше для воспитания детей. Это ты должен, как говорится, зарубить себе на носу.

Женственность — это духовная сила женщины, сила, воспитывающая не только детей, но и мужа. Ты хорошо видишь и понимаешь это на примере нашей семьи. Если бы не мать, вы, дети, не были бы чуткими к добру и злу, человечными, отзывчивыми.

Природа и исторический процесс развития человечества возложили на женщину более тонкую, более изящную работу, чем на мужчину. И нет ничего удивительного, что в женщине нам нравится физическая слабость. Но эта черта приобретает положительный оттенок лишь тогда, когда физическая слабость сочетается с большой духовной силой. В этом сочетании — обаяние женственности. Волшебная стойкость, последовательность, единство слова и дела в управлении семьей, в воспитании — и детей, и мужа — все это обеспечивает ведущую роль женщины-матери в утверждении доброго имени семьи.

У многих мужчин где-то в глубине души таятся остатки феодала, это есть и у юношей, с этим надо бороться.

Женится молодой человек, получает хорошую зарплату — и сразу же требует, чтобы женщина оставила работу. И считает, что он делает для жены большое благо. Женщину поглощает мелочный, отупляющий труд на кухне, делающий ее, по словам В. И. Ленина, домашней рабыней²¹. Сильные духом, волевые женщины не допускают этого. Слабоволие, отсутствие духовной стойкости отдельных жен проявляется нередко в том, что жена добровольно соглашается на интеллектуальное первенство мужа: он повышает свои знания, учится, а жена обслуживает его потребности. В этом — опасность не только для женщины, но и для мужчины. Как огня, бойся того, чтобы твоя будущая жена чувствовала твое превосходство, одобряла его... Утверждение, расцвет женственности в огромной мере зависит от того, как развивается разум жены, насколько далеко выходит она за пределы быта семьи. Умный муж стремится как раз к тому, чтобы его жена жила богатой интеллектуальной жизнью, к ее равенству и даже первенству в интеллектуальной жизни семьи.

Если жена умеет пользоваться своим превосходством для утверждения своего правственного авторитета в семье, — ее женственность возрастает, в глазах мужа она приобретает особенно сильное обаяние, никогда не теряет своей прелести и внутренней одухотворенности красота ее глаз, лица... Свой ум, свой интеллектуальный рост она использует как одно из важнейших средств воздействия на мужа и на детей.

Я знаю умную, волевою женщину, которая, имея начальное образование, вышла замуж за агронома — человека с высшим образованием. Она не только не отстала от мужа, но, наоборот, благодаря своей настойчивости завоевала прочное интеллектуальное первенство в семье. С первых дней семейной жизни она начала читать научно-популярную литературу по агротехнике, почвоведению, химии, а также художественную литературу. Она понимала, что духовное общение с мужем будет зависеть от того, насколько она сможет помогать ему, жить его интересами, больше того — оказывать влияние на его интеллектуальную жизнь. Природный ум помогал ей не только разбираться в прочитанном, понимать мысли и затруднения мужа, но и проявлять творческое отношение к земледелию. Некоторые ее советы изумляли мужа проницатель-

постыю, знанием дела, этому во многом способствовало и то, что она была умной, думающей труженицей.

Работая в звене свекловодов, она свободное время отдавала книге. Круг ее интеллектуальных интересов все больше расширялся. Один за другим пошли в школу двое детей. В начальных классах матери легко было помогать им учиться. Когда дети стали изучать алгебру, химию, геометрию, мать почувствовала, что неумение оказать помощь может ослабить ее нравственное влияние на детей, — они ведь привыкли, что мать все знает, все умеет. Она решила ни на шаг не отставать от детей. Это делалось так умело, что дети были убеждены: не она учится у них, а они у нее.

Она изучила все предметы средней школы. Стало прочным ее положение интеллектуальной главы семьи. Все это стоило женщине огромных усилий.

Кое-кто из женщин истолковывал ее стремление к знаниям по-своему: Мария Д. старается не отстать от мужа, чтобы не потерять его. В этом обывательском толковании очень сложного явления есть доля истины, но только истины не с той стороны. Благодаря высоко развитому чувству человеческого достоинства Мария Д. понимала, что для духовного богатства, красоты, полноценности семейной жизни ей надо быть женщиной, обладающей обаянием, вызывающей уважение. Она понимала, что красота, не одухотворенная внутренним богатством, вскоре поблекнет в глазах мужа. Женщина правильно определила ту сферу, рост в которой может поставить ее в центр духовной жизни семьи, — сферу интеллектуальных интересов. Благодаря этому в ней на всю жизнь сохранилась обаятельность женщины.

Если ты хочешь, чтобы твоя будущая жена на всю жизнь осталась для тебя единственным любимым существом, — построй жизнь так, чтобы духовное богатство твоей жены постоянно обогащалось.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа.

Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

18. Добрый день, дорогой сын!

Ты побуждаешь меня писать целые трактаты. Сперва о дружбе и любви, потом — о женственности, теперь же

ты просишь сказать отцовское слово о красоте. Ну, что же, я скажу, только пусть мои слова останутся в твоём сознании на всю жизнь.

С того времени как человек стал человеком, с того мгновенья, когда он засмотрелся на красоту вечерней зари, он стал всматриваться в самого себя. Красота — это глубоко человеческое. Это радость нашей жизни. Человек стал Человеком потому, что увидел глубину лазурного неба, мерцающие звезды, розовый разлив вечерней зари, багровый закат перед ветренным днем, трепетанье марева над горизонтом, бесконечную даль степей, синие тень в сугробах мартовского снега, журавлиную стаю в голубом небе, отражение солнца в мириадах капель утренней росы, серые нити дождя в пасмурный осенний день, фиолетовое облачко на кусте сирени, нежный стебелек и голубой колокольчик подснежника — увидел и, изумленный, пошел по земле, создавая новую красоту. Остановись и ты в изумлении перед красотой — и в твоём сердце расцветет благородство.

Высшая красота — в человеке, вершина человеческой красоты — это красота женщины. Восторженное отношение к женской красоте воплотили в бессмертных художественных образах великие поэты — Гомер, Данте, Шекспир, Гете, Пушкин, Шевченко, Мицкевич. Целомудренно воспетая ими красота женщин, в которых они сами были влюблены, стала мерилom нравственности чувства любви для многих поколений. Красота женщины — не порождена половым инстинктом и не является чем-то неотделимым от половых потребностей. Запиши себе в записную книжку и запомни слова Белинского: «Вот прекрасная молодая женщина: в чертах лица ее вы не находите никакого определенного выражения — это не олицетворение чувства, души, доброты, любви, самоотвержения, возвышенности мыслей и стремлений... Оно только прекрасно, мило, одушевлено жизнью — и больше ничего; вы не влюблены в эту женщину и чужды желанья быть любимым ею, вы спокойно любуетесь прелестью ее движений, грацией ее манер, — и в то же время, в ее присутствии сердце ваше бьется как-то живее, и кроткая гармония счастья мгновенно разливается в душе вашей» ²².

Во внешней человеческой красоте воплощены наши представления об идеале прекрасного. Внешняя красота — это не только антропологическое совершенство всех элемен-

тов тела, не только здоровье. Это внутренняя одухотворенность — богатый мир мыслей и чувств, нравственного достоинства, уважения к людям и к себе, скромность. Средоточие духовной жизни, зеркало мысли, выразитель чувств — человеческие глаза. Чем выше нравственное развитие и общий уровень духовной культуры человека, тем ярче отражается внутренний духовный мир во внешних чертах.

Единство внутренней и внешней красоты — это эстетическое выражение нравственного достоинства человека. Нет ничего зазорного в том, что человек стремится быть красивым, хочет выглядеть красивым. Но, мне кажется (как думаешь ты?), надо иметь моральное право на это желание. Нравственность этого стремления определяется тем, в какой мере эта красота выражает творческую, деятельную сущность человека. Ярче всего красота человека проявляется тогда, когда он занят любимой деятельностью, которая по своему характеру подчеркивает в нем что-то хорошее, свойственное его личности. При этом его внешний облик как бы озарен внутренним вдохновением. Не случайно красоту дискобола Мирон²³ воплотил в момент, когда напряжение внутренних духовных сил сочетается с напряжением сил физических, в этом сочетании — апофеоз красоты. В девушке, помыслы которой — о творчестве, красота ярче и глубже, чем в такой же девушке, изнывающей от безделья. Безделье — враг красоты, помни это, сын. Красив человек труда — комбайнер, тракторист, летчик за штурвалом своей машины, садовод у любимого дерева. Внутренняя духовная красота озаряет лицо ученого, мыслителя, поэта, изобретателя в момент, когда разум воодушевлен, озарен светом творчества. Если хочешь быть красивым — трудись до самозабвения, трудись так, чтобы ты почувствовал себя творцом, мастером, господином в любимом деле. Трудись так, чтобы глаза твои выражали одухотворенность великим человеческим счастьем — счастьем творчества.

Красота — спутник вдохновенья. У О. Гончара есть прекрасная новелла — «Подсолнечники». В ней рассказывается о скульпторе, которому поручили изваять бюст девушки — мастера высоких урожаев подсолнечника. Лицо девушки поразило мастера некрасивостью. Оно не вдохновляло, и скульптор отказался от работы. По дороге на станцию ему пришлось ехать мимо поля цветущих подсолнечников. Здесь он увидел и свою героиню — она работала. Но те-

перь ее лицо выглядело другим. Оно было озарено ощущением красоты труда, во внешних чертах светилась красота внутренняя. «Она красива!» — воскликнул художник, в своем воображении он уже лепил черты лица девушки.

Внешняя красота имеет свои внутренние, нравственные истоки. Любимое творчество делает человека красивым, преобразует черты лица — делает их тонкими, выразительными.

Красоту создают беспокойство, забота — то, что обычно называют «муками творчества». Как горе откладывает на лице неизгладимые морщины, так и творческие заботы являются самым тонким, самым искусным скульптором, который делает лицо красивым. И наоборот, внутренняя пустота придает внешним чертам лица выражение тупого равнодушия, невыразительности.

Если внутреннее духовное богатство создает человеческую красоту, то бездеятельность, а тем более безнравственная деятельность эту красоту губит. Когда соприкасаешься с многими молодыми людьми в большом коллективе, то среди ярких, запоминающихся лиц видишь лица, которые ничем не привлекают внимания — они мелькают, но не запоминаются. Духовная пустота делает безликой внешность человека.

Безнравственная деятельность уродует. Привычка лгать, лицемерить, пустословить постепенно создает блуждающий взгляд: человек избегает прямо смотреть в глаза другим людям; в его глазах трудно увидеть мысль, он прячет ее. Подхалимство, угодничество не только придают выражение подобию страсти глазам, лицу, но накладывают отпечаток на всю внешность. Быть самим собой, дорожить своим достоинством — это живая кровь подлинной человеческой красоты.

Идеал человеческой красоты — это вместе с тем и идеал нравственности. Единство физического, нравственного, эстетического совершенства — это и есть та гармония, о которой так много говорится. Нельзя сделать прекрасной пашу жизнь, не сделав прекрасным человека и одно из самых благородных человеческих чувств — любовь. Вершиной общечеловеческой красоты будет то, что каждый из миллионов членов нашего общества, говоря образно, засверкает своей внутренней красотой. Я твердо убежден, что при коммунизме все люди будут красивыми. Иначе

и быть не может, потому что внутренняя и внешняя красота будут расцветать одновременно.

Ты — творец собственной духовной красоты. От тебя же зависит красота людей, живущих с тобой рядом.

Посылаю тебе «Избранное» Грина. Эту книгу надо читать не только умом, но и сердцем. Читать не только строчки, но и между строчек.

Желаю тебе доброго здоровья и бодрого духа.

Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

19. Добрый день, дорогой сын!

Получил твое письмо из колхоза. За пять лет ты хорошо узнаешь сельскую Украину — побываешь по крайней мере в пяти областях. Ты пишешь, что в селе, где вы работаете, судили бывшего полицейского — преступника, который двадцать лет назад истязал советских людей, убивал и мучил партизан, стариков, женщин и детей. Ты удивлен: как это может быть — человек родился в Советской стране, вырос при социализме, и вдруг он становится изменником Родины. Ведь сама жизнь воспитывает! — восклицаешь ты.

В том-то и дело, что — в этом я твердо уверен — воспитывает не жизнь сама по себе, а человек. Жизнь только помогает человеку. Расскажу тебе одну историю, из которой ты поймешь, как рождаются отступники...

В одном из сел нашего района до недавнего времени жил человек, судьба которого страшна и в то же время поучительна.

Это было в начале войны. Кровавый смерч горячим дыханием опалил Украину, с запада ползла фашистская орда, наши войска отступали за Днепр. В тихое августовское утро на главную улицу села, где жил этот человек, приехала колонна вражеских мотоциклистов. Люди спрятались в хаты. Притихшие дети боязливо выглядывали в окна.

И вдруг люди увидели невероятное: из хаты вышел этот человек — в вышитой сорочке, в начищенных до блеска сапогах, с хлебом-солью на вышитом полотенце. Занскиваяще улыбаясь фашистам, поднес им хлеб-соль, поклонился. Маленький рыжий ефрейтор милостиво принял хлеб-соль, похлопал изменника по плечу, угостил сигаретой.

О позорном гостеприимстве узнало все село. Закипела в сердцах лютая ненависть, сжались кулаки. Потом стали думать люди: кто он, этот человек, что привело его на страшный путь предательства? Вспоминали родословную с деда-прадеда, мысленно оглядывая его детство. Как же так, ведь он — двадцатилетний юноша, кажется и комсомолец. Но постойте, а как же его зовут? Фамилию знали, фамилию-то человек имеет родительскую, а имени никто не знал. Хорошо знали его мать — колхозницу Ярину. И человека этого с детства так и называли: Яринин сын. Стали думать: что же привело парня к предательству? Но о Яринином сыне никто ничего определенного сказать не мог. Соседи называли его маменькиным сынком. Один сын у отца и матери, он жил, как сыр в масле: спал до обеда, а возле кровати на столе стояла уже заботливо приготовленная матерью крынка с молоком, белый калач, сметана... Люди с малых лет приучали детей к труду, будили их на рассвете, посылали в поле на работу, а Ярина оберегала свое «золотко» (так она называла его: мое золотко, мой единственный — ненаглядный), оберегала от труда, от всех забот и тревог.

Вот тебе и жизнь воспитывает... Все зависит от того, куда повернет человек эту жизнь, какой стороной прикоснется она к человеческой душе.

В школе учился сынок до шестого класса, потом учение стало в тягость, и мать решила: пусть ребенок не томится за книгой, самое главное — здоровье. До восемнадцати лет болтался сынок без дела, уже стал и на вечерницы ходить, и к девушкам потянуло... Вспоминали, года за два до войны пришла к Ярине мать одной девушки-красавицы, пришла со слезами; какой разговор у них был — никто в точности не знал, известно стало в селе только то, что черноглазая красавица перестала выходить на улицу, потом долго лежала в больнице, пропала девичья краса, потухли огоньки в черных глазах. Узнали соседи, что Ярина отправила свое «золотко» куда-то на дальний хутор к дяде-пасечнику, ходили слухи: живет Яринин сын среди степного раздолья, ест белые калачи с медом, а по вечерам выходит к нему под высокий тополь синеглазая красавица с русой косой. Заболела однажды Ярина, передала, чтобы сын приехал, помогать надо было по хозяйству. Сын приехал, побыл дома три дня, тяжелой показалась ему работа: воду носи, дрова руби, сено коси... — и ушел снова на хутор.

Вот тебе и жизнь воспитывает... Ведь любила Ярина сыночка до самозабвения, а чем он ей отплатил? Если бы жизнь воспитывала, то любовь матери воспитала бы и у сына чувство любви. Но в жизни не так все просто получается. Бывает, что любовь оборачивается тяжелой бедой.

Как и когда появился в селе Яринин сын в ту тяжелую годину — никто не мог сказать. Сидели в сумерках старики и женщины под ветвистыми вишнями, говорили обо всем этом, и не давала покоя мысль: в кого он уродился? Прошло три дня после того, как село заняли фашисты, а Яринин сын уже ходит по улице с полицейской повязкой на руке.

— Думаем-гадаем, а легче от этого не станет, — сказал 70-летний дед Юхим. — Откуда падлюка такая взялась? От пустой души. Нет у этого человека ничего святого за душой. Не истекла душа болью ни за мать, ни за землю родную. Не содрогнулось сердце от тревоги за землю дедов и прадедов своих. Не оставили руки корня в родной земле, ничего не создали для людей, не оросил пот ниву, нет мозолей от труда целебного и сладкого — и вырос чертополох.

Эти слова передавались из уст в уста. А Яринин сын стал усердным слугой фашистов. Помогал им отправлять людей на гитлеровскую каторгу, помогал грабить колхозников. Говорили, что появилась у Яринина сына одежда убитого партизана... А мать черноглазой красавицы, проклиная фашистского холуя, прямо сказала: это он отправил ее дочь на каторгу в Германию.

Страшные дни наступили для матери. Видела она, что люди презирают ее выродка, презирают и ее. Пыталась увещевать сына, напоминала о возвращении советской власти и о расплате, но сын стал угрожать: ты знаешь, мол, что бывает с теми, кто не согласен с новым порядком. «Не сын ты мне больше», — сказала мать, оставила хату, ушла к сестре.

Окопчились страшные дни оккупации, на рассвете в ноябре принесли свободу советские солдаты. Жаркие бои обошли село стороной, не успел Яринин сын убежать со своими хозяевами. Судили Яринино сына, приговорили к семи годам тюрьмы.

Прошло семь лет. Возвратился сын из тюрьмы, застал мать умирающей. Попросила Ярина прийти к ее смертно-

му одру всех родственников и самых уважаемых в селе стариков. Не разрешила только сыну подойти к постели, сказала перед смертью: «Люди, дорогие мои земляки! Не кладите на мою грудь этого тяжелого камня. Не считайте этого человека моим сыном».

Сын стоял среди хаты угрюмый и безразличный, казалось, ему все равно, что говорит мать. И тогда дед Юхим слезал за всех: «Будет так, как ты просишь, Ярина. Не положим на твою грудь тяжелого камня. Безродным псом будет ходить по земле этот человек до конца дней своих. Не только никто не назовет его твоим сыном, но и имя его забудем».

Слова деда Юхима оказались пророческими: и раньше мало кто знал имя предателя, все звали его Ярипин сын, а теперь и вовсе забылось его имя. Стали называть этого тридцатилетнего человека по-разному. Одни говорили просто: тот, подлец; другие — человек без души, третьи — человек, у которого за душой нет ничего святого. Он жил в родительской хате, никто к нему никогда не ходил, соседи запрещали своим детям подходить близко к хате «человека без имени» — такое имя, наконец, дали ему все крестьяне.

Он ходил на работу в колхоз. Люди избегали работать с ним. Одно время было трудно с кадрами механизаторов, он попросился учиться на тракториста, но не нашлось человека, который бы захотел остаться с ним наедине, передавать ему свои знания.

Ярипин сын стал отверженным. Суд народа оказался неизмеримо страшнее тюрьмы. Он хотел было жечься, но не нашлось женщины или девушки, которая решилась бы соединить с ним свою судьбу.

Пытался он выехать из села. Тут-то и проявилась вся сила народной морали. Стало ясно, что человек, изменивший Родине, никогда не может рассчитывать на пощаду.

С того времени прошло два года. Человек без имени зарос волосами, как столетний дед, взгляд его стал каким-то мутным. Говорили, что он теряет рассудок. Целые дни он сидел во дворе, как будто грелся на солнце. Что-то говорил сам с собой, копался в земле, находил какие-то корни, ел. Кто-то из жалости приносил ночью кусок хлеба и горшок с борщом, оставлял на большом пне от старой груши. Человек без имени утром жадно ел.

Однажды мне пришлось побывать в том селе. Я сидел в кабинете у председателя сельсовета. Зашел старый, дряхлый человек, — казалось, ему лет семьдесят. «Это он, человек без имени, — тихо сказал председатель сельсовета. — Ему сейчас тридцать девять лет... Послушаем, что он скажет».

«Отправьте меня куда-нибудь, — глухо, с затаенной болью стал просить человек без имени. — Не могу я больше жить здесь. Отправьте в дом престарелых или в приют какой-нибудь. Не отправите — повешусь. Знаю, что заслужил людское презрение и проклятье. Хочется хоть перед смертью услышать доброе слово. Здесь меня знают, и слышу я только проклятия».

Над ним сжалились, отправили в дом престарелых. Никто не знал там о его прошлом. Относились к нему как к старому человеку, заслужившему право на уважение. Говорят, он радовался, как ребенок, когда его просили что-нибудь сделать для коллектива: вскопать клумбу или перебрать картофель. Но каким-то образом слух о его прошлом дошел и до дома престарелых. Отношение людей к нему сразу изменилось. Никто не говорил ни слова о прошлом этого человека, но все стали избегать его. Два старика, жившие в одной комнате с ним, попросились в другую, и он остался один. В холодную декабрьскую ночь ушел он неизвестно куда, и с тех пор его никто не видел.

Мне бы хотелось, чтобы страшная судьба человека без имени заставила молодых людей посмотреть на себя как бы со стороны, заставила заглянуть в свою душу и спросить самого себя: а что для меня дорого в нашей советской жизни? Где нити, которыми я связан с народом? Чем я уже заслужил и чем заслужу в будущем уважение народа?

Поставь и ты себе эти вопросы. Задумайся над тем, что человек сам толкает себя в пропасть одиночества, если в его душе нет того священного огонька, без которого невозможно счастье, — огонька любви к людям. Почему у честной, трудолюбивой женщины вырос сын-предатель? Разве не радостным и беззаботным было его детство? Казалось, мать отмерила сыну счастье полной мерой. Но как о е это было счастье и к а к о й м е р о й оно измерялось? Счастьем для ребенка стала животная радость потребления, эгоистические удовольствия затмили окружающий мир. Отгороженное глухой стеной этих удовольствий от

радостей и невзгод народа, юное сердце стало черствым, бездушным. Нельзя воспитать чуткую и честную душу гражданина, если единственной радостью является радость потребления, если человек приходит к человеку лишь тогда, когда он что-нибудь получает.

Стержень, сердцевина человеческой личности — это то святое, что должно быть за душой, должно стать дорожкой жизни, — честь, достоинство, гордость советского гражданина. Любовь к Отчизне и любовь к людям — вот два быстрых потока, которые, сливаясь, образуют могучую реку патриотизма. Не забывай, что в твоей жизни наступит минута, когда от тебя потребуются гражданское мужество, стойкость, готовность к такому напряжению всех физических и духовных сил, когда по одну сторону — радости, блага, удовольствия, а по другую — огромные лишения, самопожертвования, даже смерть во имя жизни и счастья людей. Готовь себя к тому, чтобы в нужный момент перейти черту именно на этот, второй путь. Ты знаешь, что на почетном месте у нас в школе висит портрет восемнадцатилетнего юноши Леонида Шевченко. Он поехал добровольцем в Казахстан в первый год освоения целинных земель, работал трактористом, погиб на боевом посту, защищая социалистическую собственность. Под портретом юноши слова индийской мудрости: «Жизнь человеческая подобна железу: если употреблять его в дело — оно стирается, если не употреблять — ржавчина съедает его». Пусть горит твое сердце ярким пламенем, пусть освещает дорогу и тебе, и детям — в этом счастье жизни. Но, если сердце твое съедает ржавчина, — помни, ты обречен на жалкое прозябание. Леонид Шевченко предпочел горение тлению. В морозный февральский день 1956 года он вместе с товарищами поехал трактором за сеном — за пятьдесят километров от усадьбы целинного совхоза. На обратном пути разыгрался буран. Можно было оставить трактор, пойти в землянку к животноводам, селение которых было недалеко от дороги. Но Леонид не оставил машину. «Идите, — сказал он товарищам, — переждите буран, а я останусь, буду прогревать мотор, ведь если остановить машину — потом сутки не заведешь, а мы сено везем, животные без корма...» Буран перешел в страшный ураган, усилился мороз, к тракторному каравану уже невозможно было подойти. Через сутки товарищи нашли юношу в кабине, он замерз, окоченевшая рука сжимала штурвал.

Человек без имени и 18-летний юноша, чье имя с гордостью произносит не одно поколение школьников, — родились на одной земле, в соседних селах. Почему же так различна их судьба? Потому что один жил, как говорится, в собственное брюхо, а другой любил Родину и людей. Потому что мать человека без имени оберегала сына от тревог и волнений мира, кормила его радостями, и это стало для нее наивысшей радостью, а мать Леонида учила сына: ты живешь среди людей, помни, что высшая твоя радость — это радость, которую ты принес людям. Я вспоминаю детство и отрочество Леонида. Мальчик был обыкновенный, как тысячи других: шалил на переменах, дрался с товарищами, стрелял из рогатки. Но не это определяет духовный стержень человека. Самое главное то, что человек в детстве пережил высшую радость — радость творения добра для людей. Рядом с домом семьи Леонида расположилась тракторная бригада. Трактористы укрывались от непогоды в деревянном вагончике, а кругом — поле, в знойные дни негде от жары укрыться. Сказала мать детям: посадим для людей ореховое дерево. Трудился и семилетний Леонид. Благодарили трактористы, радовались дети... Сейчас прошло уже четырнадцать лет с той поры. Ореховое дерево разрослось, под его тенью в знойные дни отдыхают люди.

Я смотрю в твои глаза, мой сын, думаю: что ты сделал для людей? Где та нить, которая связывает тебя с трудовым народом? Где корень, который питает твое духовное благородство из источника вечной и непреходящей красоты — завоеваний революции? Что принесло тебе самую большую в жизни радость? Ты вместе с товарищем во время Первомайских праздников сел за руль трактора, работал два дня в поле, чтобы ветераны труда отдохнули. Ты возвращался с работы уставший, лицо твое было покрыто пылью, но радостный, счастливый, потому что ты сделал людям добро, и в этом нашел свою радость. Ты вывез в поле тонн двадцать удобрений, и бесплодный пустырь, где даже сорняки не росли, превратился в тучную ниву. В твоих глазах загорались огоньки человеческой гордости, когда ты смотрел на свое поле. Но сохранится ли этот огонек на всю жизнь — вот что меня беспокоит.

Чем ярче красота миллионов роз в нашем всенародном цветнике, тем больше бросается в глаза куст чертополоха или дурмана, что неизвестно откуда взялся и отравляет

пашу жизнь. Дурман и чертополох можно вырвать, удалить из цветника, человека же из общества не выкинешь. Надо заботиться о том, чтобы дурман не появлялся, чтобы каждое семя, положенное в плодородную почву, дало красивый цветок.

Год тому назад труженики одного из колхозов нашего района были возмущены неслыханной вестью: бригадир полеводческой бригады приказал шоферу сбросить в овраг несколько тонн минеральных удобрений — чтобы забот было меньше. Оба они — и бригадир и шофер — молодые люди, уже в послевоенные годы рядом стояли в строю пионерского отряда, принимая торжественное обещание быть верными высоким идеалам коммунизма; вместе поступали в комсомол. Эти два куста чертополоха на нашей прекрасной земле — явление того же порядка, что и человек без имени, что и убийца, потерявший человеческий облик, что и молодой двадцатисемилетний отец, бросивший три семьи, и в каждой — по ребенку. Степень преступления здесь разная, но корень зла один и тот же — моральное уродство, имя которому — пустота души.

Есть пословица: «С кем поведешься, от того и наберешься», она справедлива, но бывает нередко и так, что человека как будто бы ничему плохому никто не учит, никакие предосудительные поступки на его глазах не происходят, а вырастет он подлецом. Все дело в том, что, как оказывается на поверку, этого человека никто не учит ни плохому, ни хорошему, и он растет, как бурьян на пустыре.

Вот так и рождается самое страшное, что можно представить в наши дни, — пустота души. Человека без имени не учили предавать Родину и быть мучителем, но таким он стал потому, что, как хорошо сказал дед Юхим, не истекла у него душа болью ни за мать, ни за землю родную, не оставили руки корня в родной земле, не приросла к этому корню капля пота и крупица человеческой чести. Если человека не учить ни хорошему, ни плохому, он не станет Человеком; чтобы живое существо, родившееся от человека, стало Человеком, надо его учить только хорошему.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа.

Крепко обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

Твое письмо озадачило меня, на него ответить не так легко. Ты просишь посоветовать: что надо делать комсомольской организации группы, чтобы жизнь ее была «книпучей, живой, интересной», чтобы «на собрании не скучали, не ожидали: когда уже это окончится...» Трудно ответить потому, что я не знаю хорошо, чем живет ваш коллектив, какие у ваших комсомольцев интересы и идеалы. Но порекомендовать кое-что надо.

Мне хорошо известна эта болезнь комсомольских организаций: сойдутся на собрание и не знают, о чем говорить, какой вопрос поставить на обсуждение. В чем причина этой болезни? Мне кажется, в отрыве всех собраний от духовной жизни коллектива, от коллективных споров и дискуссий. Ваши собрания станут интересными тогда, когда они будут вызываться необходимостью, иными словами: у вас должно появиться желание сойтись, чтобы подумать коллективно, поспорить, посоветоваться.

Самое главное, чем, на мой взгляд, должна заниматься любая комсомольская организация — и в школе, и в колхозе, и на заводе, и в вузе — это воспитание человека. Делайте так, чтобы комсомольское собрание было школой самовоспитания. Воспитание ума и жизненной мудрости, воспитание чувств, воспитание гражданского долга, воспитание нравственной зрелости — все это надо выразить в таких формах работы, чтобы каждый юноша, каждая девушка видели себя, познавали себя, думали о своей судьбе, чтобы будущее волновало и тревожило, но в то же время, чтобы самопознание сочеталось со стремлением к идеалу, чтобы каждый к чему-то стремился. Я твердо убежден в том, что важнейшей воспитательной задачей вуза и комсомольской студенческой организации является формирование мировоззрения, идейной устремленности человека, а это начинается с воспитания ума, мудрости. Идея — это корень, идеал — зеленый росток, из которого развивается могучее дерево человеческой мысли, деятельности, поступков, порывов, страстей, споров. Я считаю, что комсомольская организация должна каждого молодого человека научить постигать важнейшую жизненную мудрость: думать так, чтобы приблизиться к познанию идеи, чтобы стремиться в своей практической деятельности к идеалу. Странное, очень странное дело наблюдается в комсомоль-

ских организациях: говорят обо всем, часто стремятся охватить мысленно сложнейшие вопросы формирования мировоззрения, а вот о воспитании ума никто не говорит. А с этого все начинается, в этом все корни...

Да, но как же воспитывать ум, мировоззрение, идейность, стремление к идеалу, как поставить все это в ряд?

Мудрость — дочь опыта, писал Леонардо да Винчи. Железо ржавеет, не находя себе применения, стоячая вода гниет или на холоде замерзает, а ум человека, не находя себе применения, чахнет. Подумайте, поспорьте над проблемой: что представляет собой наш жизненный опыт? Уверяю тебя, это будет интереснейший разговор. Интересен он будет тем, что каждый из вас как бы со стороны посмотрит на себя. Вы будете подвергать умственному анализу то, что делаете, то, как вы поступаете. Здесь будет разговор и об идеях, и об идеале, но все это — через призму личного восприятия. В споре о жизненном опыте человек как бы подводит итоги того, что он сделал, но этот итог невозможен без самооценки, и в этом заключается большая воспитательная ценность диспута. Сильный ум, преследующий практические цели, — лучший ум на земле, писал Гете. Свой опыт надо анализировать с точки зрения практических целей. Ведь все ваше учение, весь ваш умственный труд имеет практическую цель: стать хорошими гражданами, хорошими творцами, честными людьми — людьми с ясной головой, чистым сердцем, золотыми руками. Вот и подумайте над тем, как вы стремитесь стать хорошими людьми. Какие книги вы читаете, что вас волнует, насколько глубоко пронизывает ваш умственный труд пытливая мысль. «Чтобы переварить знания, надо поглощать их с аппетитом» — эти слова А. Франса я советовал бы поставить эпиграфом к вашему спору.

Вам жить в коммунистическом обществе, у вас должен быть разум творца. Что значит творческий разум? Это мировоззрение в действии. Ваше учение в вузе вообще должно отличаться тем, что, думая, вы должны не только познавать, объяснять окружающий мир, но и что-то утверждать, за что-то бороться, что-то отстаивать. Один комсомольский работник вуза говорил мне: «Трудно поставить работу вузовской организации так, чтобы каждый юноша, каждая девушка участвовали в чем-то конкретном. Мы — «чистые мыслители», какая у нас может быть прямая, непосредственная связь с жизнью?»

Странное педомыслие... Ведь «чистые мыслители» шли па смерть за то, что не захотели отказаться от своих убеждений. Анализируя свой жизненный опыт, вы должны ответить на вопрос: что мы утверждаем, отстаиваем, за что мы боремся? Я думал, что в нашем обществе именно в сфере мышления будет еще долго происходить острая борьба между научно-материалистическим мировоззрением и суевериями, предрассудками, окостеневшими взглядами. Сколько есть еще людей, твердо убежденных в том, что во многих явлениях есть познаваемые и непознаваемые стороны: есть что-то таинственное, сверхестественное, что никогда не будет познано и объяснено. Как правило, таких взглядов придерживаются люди религиозные, которые глубоко верят в бога. В их сознании надо утверждать другую веру и другую надежду: веру в то, что человек сегодня одну за другой объясняет непознанные вчера тайны природы, мышления, в процессе познания перед ним открываются новые загадки, новые тайны, которые будут объяснены. Веру в то, что, познав сложнейшие тайны и тонкости бытия, человек овладеет самой большой, извечной тайной — тайной жизни. Это настоящая борьба за торжество разума, человека. Разум, писал В. Г. Белинский, дап человеку для того, чтобы он разумно жил, а не для того только, чтобы он видел, что он неразумно живет²⁴. Обогащайте свой опыт борьбой за человека, — тогда вам будет о чем спорить, будет о чем говорить.

И вообще в своей повседневной жизни утверждайте одну из важнейших научно-материалистических истин: то, что сегодня еще не познано, будет познано завтра. Например, еще недостаточно раскрыта материальная природа радиоволн, а сущность гравитации объяснена очень туманно, много здесь совершенно пясного. Боритесь за научно-материалистическое познание именно здесь, в сфере этих тайн природы. Думайте, думайте и еще раз думайте. И чем больше будет пищи для ума, тем острее будет ваш спор, тем богаче познание жизненного опыта.

Если вы будете думать над тем, что еще не познано, — вы будете по-настоящему мудрыми людьми. А мудрость, писал Л. Н. Толстой, «необходима всем людям и поэтому свойственная всем людям». Мудрость в том, чтобы знать свое назначение и средства исполнять его. «Хорошо было бы, если бы мудрость была такого свойства, чтобы могла переливаться из того человека, который полон ею,

в того, в котором ее нет... Но горе в том, что для восприятия чужой мудрости пужна прежде всего самостоятельная работа»²⁵.

Вот над этими словами мудрейшего из мудрых тоже надо глубоко задуматься. Какими бы мудрыми ни были люди, окружающие тебя, ты не поднимаешься ни на одну ступеньку длинной лестницы человеческой мудрости, если будешь бездельничать. Какой бы интересный спор ни происходил рядом с тобой, надо самому мыслить, чтобы стать умнее.

Я советовал бы поспорить на комсомольском диспуте о том, что Ромен Роллан называет мужеством ума и честностью ума: «Мужество ума состоит в том, чтобы не отступать перед тягостями умственного труда. Честность ума состоит в том, чтобы не отступать перед правдой, стремиться к ней, находить ее любой ценой, гнушаться легких и удобных половинчатых решений, унижительной лжи. Иметь смелость самостоятельно мыслить. Быть человеком»²⁶. Подумайте, честно, как говорится, признайтесь каждый самому себе, всегда ли вы преодолеваете трудности умственного труда. Помни, сын, что в умственном труде очень легко поддаться искушению избрать легкий путь и уклониться от самого трудного пути. Всегда ли вы преодолеваете трудности во имя торжества справедливой истины, во имя идеи, идеала?

Вот сколько можно спорить о разуме и мудрости. А об идеях, об идеале — тоже не меньше. Я советовал бы устроить диспуты на темы: «Кого я считаю образцом для подражания», «Человеческий идеал и идеальный человек», «Нравственность и красота». Помню, когда я учился в институте, у нас были диспуты как раз на эти темы. Попробуйте и вы — увидите, как скрестятся мечи взглядов.

Без идеала не может быть никакого движения вперед. Без идеала немыслима юношеская мечта, а мечта является искрой, из которой разгорается комсомольская романтика. Пospорьте об идеале — и вы сами увидите, как взлет творческой мысли поднимет вас над массой жизненных явлений, и среди них вы сумеете найти то, что для вас дорого.

Вот некоторые мои советы о том, каким должен быть предмет спора на комсомольском собрании. Это, конечно, не будут обычные собрания, которые всем приелись, на которых никому не хочется выступать, потому что все

уже говорено и переговорено... Это будет игра живой, творческой мысли, одухотворенной благородными побуждениями.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа.
Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

21. Добрый день, дорогой сын!

Ты просишь посоветовать, как экономно и умно — (это совершенно правильно — умно) использовать время. Жалуешься, что «одна работа «подхлестывает» другую, не успеешь оглянуться — день окончился, осталось не выполненным то, что собирался было сделать». Из твоего письма мне ясно также то, что на тебя сваливается, как ты говоришь, «груда книг», не успеваешь прочитать все рекомендованное.

Я дам тебе несколько советов, исходя из собственного опыта.

1. Первое и самое главное — об этом я писал тебе еще в прошлом году — это умение создавать резерв времени в процессе слушания лекций. Неумение слушать лекции приводит к тому, что у студента создаются «авральные» периоды умственного труда: несколько дней перед зачетами (или экзаменами) он просиживает над конспектами лекций, а во время зачетов спит 2—3 часа в сутки. Вся работа, которая должна выполняться повседневно, из-за дня в день, откладывается на эти «пожарные дни». По моим подсчетам, таких «пожарных», «авральных» дней набирается в году не меньше пятидесяти, то есть почти четвертая часть всего рабочего времени. Здесь кроется один из самых главных корней нехватки времени. Надо предотвращать «пожарные» круглосуточные бдения над конспектами. Надо учиться думать над конспектом уже на лекции и поработать над записями ежедневно хотя бы в течение двух часов. Я советую конспект делить как бы на две рубрики (графы): в первую записывать кратко изложенные лекции, во вторую — то, над чем надо подумать; сюда следует заносить узловые, главные вопросы. Это тот каркас, к которому как бы привязывается все здание знаний по данному предмету. Вот над этими каркасными вопросами надо думать ежедневно, связывая с этим мышлением то повседневное чтение, о котором я говорил. Если

ты будешь придерживаться этого требования по всем пред-метам, у тебя не будет «авральных» дней. Не будет на-добности перечитывать и заучивать весь конспект при подготовке к экзамену или зачету. Каркас предмета будет своеобразной программой, на основе которой припомина-ется весь материал по данному предмету.

2. Если хочешь, чтобы у тебя было достаточно времени, ежедневно читай. Читай каждый день и основательно шту-дируй несколько (4—6) страниц научной литературы, в той или иной мере связанной с учебными предметами. Читай внимательно и вдумчиво. Все, что ты читаешь — это интеллектуальный фон твоего учения. Чем богаче этот фон, тем легче учиться. Чем больше читаешь ежедневно, тем больше у тебя будет резерв времени. Потому что во всем, что ты читаешь, — тысячи точек соприкосновения с материалом, изучающимся на лекциях. Эти точки я бы назвал якорями памяти. Они привязывают обязательные знания к тому океану знаний, который окружает чело-века.

Умей заставлять себя читать ежедневно. Не отклады-вай этой работы на завтра. То, что упущено сегодня, никогда не возместишь завтра.

3. Начинай рабочий день рано утром, часов в 6. Вста-вай в 5 часов 30 минут, сделай зарядку, выпей стакан молока с булочкой (не привыкай к чаю, успеешь еще при-выкнуть в зрелые годы), начинай работу. Если ты при-выкнешь к началу своего рабочего дня в 6 часов, то ста-райся приступить к работе за 15—20 минут до шести. Это хороший внутренний стимул, задающий тон всему рабо-чему дню.

Полтора часа утреннего умственного труда перед лек-циями — это золотое время. Все, что мне удалось сделать, я сделал утром. В течение тридцати лет я начинаю свой рабочий день в пять часов утра, работаю до восьми ча-сов. Тридцать книг по педагогике и свыше трехсот дру-гих научных трудов — все это написано от пяти до восьми утра. У меня уже выработался ритм умственного труда: если бы я даже захотел в утренние часы спать — это мне не удастся, все во мне настроено в это время только на умственный труд.

Советую тебе выполнять в утренние полтора часа са-мый сложный творческий умственный труд. Думай над узловыми вопросами теории, штудируй трудные теорети-

ческие статьи, работай над рефератами. Если у тебя умственный труд с элементами исследования — выполняй его только в утренние часы.

4. Умей определить систему своего умственного труда, от которой многое зависит. Я имею в виду понимание соотношения главного и второстепенного. Главное надо уметь распределять во времени так, чтобы оно не отодвигалось на задний план второстепенным. Главным надо заниматься ежедневно. Определи самые важные научные проблемы, от понимания которых зависит становление в тебе инженера. Ряд этих проблем являются с к в о з н ы м и, они пропизывают многие предметы. Главные научные проблемы должны быть у тебя на первом месте в утреннем умственном труде. Умей пайти по главным научным проблемам фундаментальные книги, научные труды и работай над ними.

5. Умей создавать себе внутренние стимулы. Многое в умственном труде не настолько интересно, чтобы выполнять его с большим желанием. Часто единственным движущим стимулом является лишь н а д о. Начиная умственный труд как раз с этого. Умей сосредоточиться на тонкостях теории, сосредоточиться настолько, чтобы н а д о постепенно превращалось в х о ч у. Самое интересное всегда оставляй на конец работы.

6. Тебя окружает море книг и журналов. В студенческие годы надо быть очень строгим в выборе книг и журналов для чтения. Пытливому и любознательному хочется прочитать все. Но это неосуществимо. Умей ограничивать круг чтения, исключать из него то, что может нарушить режим труда. Но в то же время надо помнить, что в любую минуту может возникнуть необходимость прочитать новую книгу — то, что не предусмотрено было твоими планами. Для этого необходим резерв времени. Он создается, как я уже писал тебе, умелым умственным трудом на лекциях и над конспектами, предотвращением «авраль-ных» дней.

7. Умей самому себе сказать: нет. Тебя окружает масса дел. Есть и научные кружки, и кружки художественной самодеятельности, и спортивные секции, и вечера танцев, и много клубов, где можно провести время. Умей проявить решительность: во многих из этих видов деятельности заключены соблазны, которые могут принести тебе большой вред. Надо и развлечься, и отдохнуть, но нельзя

забывать главного: ты труженик, государство тратит на тебя большие деньги, и на первом месте должны стоять не тапцы, а труд. Для отдыха я советую шахматную игру, чтение художественной литературы. Шахматная игра в абсолютной тишине, при полной сосредоточенности — замечательное средство, тонизирующее нервную систему, дисциплинирующее мысль.

8. Не трать времени на пустяки. Имею в виду пустую болтовню, пустое времяпровождение. Бывает так: сядут несколько человек в комнате и начинают, как говорится, точить лясы. Пройдет час, два, ничего не сделано, никакая умная мысль не родилась в этом разговоре, а время потеряно безвозвратно. Умей и разговор с товарищами сделать источником своего духовного обогащения.

9. Учись облегчать свой будущий умственный труд. Речь идет о том, чтобы уметь создавать резерв времени в будущем. Для этого надо привыкнуть к системе записных книжек. У меня их сейчас около 40. Каждая предназначена для записи ярких, как бы мимолетных мыслей (которые имеют «привычку» приходить в голову только раз и больше не возвращаются) по одной из проблем педагогики. Сюда же я записываю самое интересное и яркое из прочитанного по этой же проблеме. Все это нужно в будущем, и все это очень облегчает умственный труд. У тебя, я знаю, есть записные книжки, но нет системы. Создавай четкую систему записей. Облегчай свой умственный труд.

10. Для каждой работы ищи наиболее рациональные приемы умственного труда. Избегай трафарета и шаблона. Не жалей времени на то, чтобы глубоко осмыслить сущность фактов, явлений, закономерностей, с которыми ты имеешь дело. Чем глубже ты вдумался, тем прочнее отложится в памяти. Пока не осмыслил, не старайся запомнить — это будет напрасная трата времени. Хорошо известное умей не читать, а только просматривать. Но вместе с тем опасайся поверхностного просматривания того, что еще не осмыслено. Всякая поверхностность обернется тем, что ты вынужден будешь к отдельным фактам, явлениям, закономерностям возвращаться много раз.

11. Умственный труд одного человека не может быть успешным, если все живущие в одной комнате не договорятся о строгом соблюдении отдельных требований. Прежде всего надо договориться, чтобы в строго определенных

часы категорически запрещалось разговаривать, спорить, заниматься делами, парущающими покой. В часы сосредоточенного умственного труда каждый должен работать совершенно самостоятельно.

12. Умственный труд требует чередования математического и художественного мышления. Чередуй чтение научной литературы с чтением беллетристики.

13. Умей избавиться от дурных привычек. Я имею в виду вот какие: перед началом работы просиживать без дела пятнадцать, двадцать минут; без какой бы то ни было надобности перелистывать книгу, которую заведомо не будешь читать; проснувшись, лежать в постели минут пятнадцать и др.

14. «Завтра» — самый опасный враг трудолюбия. Никогда не откладывай на завтра работу, которую надо выполнить сегодня. Больше того, сделай привычкой, чтобы часть завтрашней работы была выполнена сегодня. Это будет прекрасным внутренним стимулом, который задает топ всему завтрашнему дню.

15. Не прекращай умственного труда никогда, ни на один день. Летом не расставайся с книгой. Каждый день должен тебя обогащать интеллектуальными ценностями — в этом один из источников времени, необходимого для умственного труда.

Вот пятнадцать заповедей, которых, мне кажется, должен придерживаться каждый студент.

Желаю тебе крепкого здоровья, хорошего настроения.

Твой отец.

22. Добрый день, дорогой сын!

Ты просишь дать ответ на три вопроса:

1. Каким будет человек при коммунизме? Какую черту я считаю самой важной в человеке будущего?

2. Какой моральный порок я считаю ныне наиболее опасным, наиболее петершимым?

3. Какой, на мой взгляд, наиболее серьезный недостаток в воспитании молодого поколения?

Первый вопрос. Человек, который будет при коммунизме, уже живет среди нас. Нельзя представлять себе дело так, что наступит торжественный момент, и звон колоколов возвестит о рождении нового человека. Семен Лаврентьевич, о котором я рассказывал тебе, — это уже человек буду-

щего. Обыватели пазывают таких людей чудаками. Я знаю много таких людей (кстати, у меня есть мечта написать о них книгу). Живет один такой человек у нас в селе, недалеко от школы, ты, наверное, догадываешься, что речь идет об Иване Прокофьевиче. У него — сад для людей. Он — воспитатель полутора десятков детей, живущих на его улице. Целое лето он возится с ними в саду: дети конструируют радиоприемники, играют, поют песни, учатся играть на скрипке...

Есть такой человек в соседнем доме — это ушедший в отставку офицер. Он получает солидную пенсию. Можно было бы человеку отдыхать спокойно. Но он трудится с утра до ночи — для людей... Он пропагандист идей коммунизма. Ежедневно он отправляется в поле, на бригады и фермы, к животноводам и хлеборобам. Рассказывает им о том, что делается в мире. Читает художественную литературу. Работает с людьми непосредственно на производстве два-три дня, потом идет в другую бригаду или на другую ферму.

Человек при коммунизме будет, по-моему, прежде всего добрым. Чувствование человека, духовная потребность в другом человеке — вот, на мой взгляд, самая главная черта человека будущего. Глубоко личная заинтересованность в том, чтобы каждый человек, каждый наш соотечественник был духовно богатым, морально красивым, умным, трудолюбивым, умение ценить, уважать, любить самое бесценное в нашей жизни — человека — все это я называю добротой, человечностью.

По-настоящему добрый, человечный человек умеет глубоко ненавидеть зло, ненавидеть наших врагов — поджигателей войны, растлителей душ молодого поколения. Ненависти нам нужно учить так же, как и доброте.

У В. Кожевникова в романе «Знакомьтесь, Балугев» есть замечательные слова: «Мне кажется, что человек умеет работать для собственного удовольствия, испытывая самозабвенное наслаждение от своего труда, то можно считать, что он уже стоит одной ногой в коммунизме»²⁷. Влюбленность в труд, самовыражение человека в труде — это коммунистические идеалы в живой реальности нашей повседневной жизни. Коммунизм в человеческой душе мы утвердим тогда, когда не будет в нашей стране ни одного человека, равнодушного к труду, считающего труд лишь средством добывания хлеба насущного.

В труде перед человеком открывается безграничное поле самовоспитания, самопознания, самосовершенствования. Благодаря неисчерпаемости труда человек сам будет неисчерпаемым, и совершенствованию его не будет предела.

Второй вопрос. Наиболее опасным, наиболее нетерпимым пороком я считаю бесчеловечность, равнодушие к человеку, жестокость. Этого «добра» еще слишком много в нашем обществе. Расскажу об одном случае, свидетелем которого мне недавно пришлось быть.

В одном большом надднепрянском селе умерла 92-летняя женщина — мать четырех сыновей, бабушка одиннадцати внуков, прабабушка двадцати двух правнуков. Трудной была ее жизнь. В шести могилах — и в Восточной Пруссии, и в мазурских болотах, и в Карпатах, и под Берлином — ее кровь, на шести солдатских обелисках — ее фамилия, в каждой букве — ее бессонные ночи, волнения и надежды.

Самый младший, 50-летний сын, пошел со своими горем и заботами к людям: помогите проводить мать в последний путь. На лесоскладе не нашлось готовых досок для гроба, но нашлись добрые люди: сняли шапки, постояли минуту в молчании, распилили большой сосновый ствол. Бери, сын, строй последний дом матери. Доски надо перевезти. Нет машины, все на работе. Нашлась и тут добрая душа. Остановил сын первую встречную машину, поделился горем. Водитель отложил на полчаса свою поездку, погрузили доски, выехали со двора лесосклада. И здесь произошло странное и дикое. Начальник автоколонны, увидев свою автомашину с досками, увидев водителя, помогавшего за воротами привязать доски веревкой, закричал:

— Это что такое? Почему ты не едешь по своему делу?

Водитель и сын умершей сказали начальнику: не кричите, опомнитесь — умер человек. Не опомнился, не извинился. Еще больше рассвирепел, затопал ногами, замахал кулаком перед глазами побледневшего водителя, полез в кузов автомашины, сбросил доски на землю. Поехал водитель, а сын стоял возле досок и плакал. За слезами не заметил, как подъехал к нему подводой незнакомый человек — возвращался с маслозавода, услышал шум, остановился, понял все... Сложил доски на воз, прикоснулся к

плечу убитого горем и оскорбленного сына, тихо спросил: «Куда везти?»

Самый страшный, самый нетерпимый моральный порок — бесчеловечность. Снова и снова спрашиваешь себя: на какой почве вырастают у нас те, кого трудно назвать людьми? Где причины, рождающие бессердечность, бездушность? Социальных условий, рождающих жестокость, человеконенавистничество, у нас нет. Значит, есть какие-то другие причины. Я с малых лет знаю этого пачальника автоколонны. Был Иванко обыкновенным мальчишкой, как и тысячи других, ходил в школу, любил после летнего дождя побродить босиком в лужах, лазил через тыны в сад к соседям — украдкой сорванное яблоко казалось вкуснее, чем яблоки из своего сада.

Но было и другое. Были вещи, о которых соседи говорили с возмущением.

Вместе с родителями Иванка жила бабушка — мать отца. Невзлюбила ее почему-то невестка. Поселилась старушка в чуланчике, сама себе варила пищу. Часто слышал мальчик от матери: бабушка злая, нехорошая... Как-то на праздник приготовила мать холодное. «Отнеси, сынок, и бабушке, — сказала она мальчику, — вот ту маленькую мисочку, в которую мы косточки очищали...» Посылает мать по хворост для печи: «Набери, Иванко, сухого хвороста, а мокрый бабушке пусть останется, она не любит, чтобы в хате было жарко».

Так понял ребенок, что бабушка — какой-то презренный человек.

Летом бабушка просит Иванка: пойдн, впучек, на луг, парви мне щавеля на борщ... Не хочется мальчику идти на луг, бежит он в огород, рвет свекловичную ботву, приносит бабушке. Она плохо видит, крошит ботву, варит борщ. А Иванко рассказывает товарищам, как он бабушку обманул. Смеется над бабушкой: «Слепая, старая; попросила однажды: пойдн нарви чебреца пахучего, хочется пол застлать, подышать травяным духом. Я нарвал гороха, съел зернышки, а стебли принес. А она жалуется: господи, раньше и чебрец пахучий был, и щавель кислый, а теперь не то...»

Слушают мальчики рассказ Иванка и удивляются: что сказали бы им отцы и матери, если бы сделали они вот такое? Рассказывают об этом дома, идет селом слух о злой невестке и недобром внуке...

Прошли годы. Вырос Иванко, пошел в армию. Целым и невредимым прошел через все военное лихолетье. Но не возвратился в родительский дом. Недалеко от села началось строительство большой электростанции. Устроился Иван в какой-то конторе — все время ездил, возил строительные материалы. Быстро пошел вверх — стал диспетчером, потом начальником автоколонны. Поправился кое-кому: с полуслова угадывает желания начальства, все из-под земли достает.

Умер отец, умерла бабушка, осталась старая мать. Поселил ее сын в маленьком чуланчике в своем большом каменном доме, поставил печку: готовь, мать, себе пиццу, живи себе тихонько, не мешай.

Наверное, в эти минуты вспоминает мать о своих паках Иванку, когда она посылала бабушке холодное... Может быть, вспоминает и о той народной мудрости, которая учит: о душе человеческой заботься тогда, когда ребенок лежит не вдоль, а поперек кровати...

Таких людей, как начальник автоколонны, народ считает уродами. Не за ним будущее. Будущее за теми, кто уже сейчас поднялся на высшую ступеньку коммунистической человечности.

Третий вопрос. Наиболее серьезный недостаток, который допускается в воспитании молодого поколения, это, по моему глубокому убеждению, забвение того, что сегодняшний ребенок завтра станет взрослым человеком. У многих родителей, да и у педагогов такой подход к детям, как будто они вечно останутся детьми. Потом хватаются за голову: не заметили, как ребенок стал подростком, подросток — юношей, а юноша ошеломляет отца и мать своим неожиданным намерением жениться... Видеть в маленьком ребенке завтрашнего взрослого человека — вот в этом, мне кажется, и заключается жизненная мудрость отца, матери, педагога — всех, кто воспитывает детей. Другими словами — надо уметь любить детей. «Дети святы и чисты, — писал А. П. Чехов. — Даже у разбойников и крокодилов они состоят в ангельском чине. Сами мы можем лезть в какую угодно яму, но их должны окутывать в атмосферу, приличную их чину... Нельзя делать их игрушкой своего настроения: то нежно лобызать, то бешено топтать на них ногами. Лучше не любить, чем любить деспотической любовью» ²⁸.

Деспотическая любовь — это та страшная сила, которая калечит ребенка. Деспотизм родительской любви заключается в том, что «порции любви» отпускаются по настроению: если у отца хорошее настроение — в семье царит всепрощение, ребенку все можно, все разрешается, вплоть до того, что маленький отпрыск бьет кулачком бабушку или показывает ей кукиш — есть и такое. Если же настроение плохое — отец издевается над ребенком.

Мы живем в сложное время. Мир социализма сосуществует с миром капитализма, но в то же время между этими мирами происходит постоянный идейный, духовный, моральный поединок. Сотни тысяч высоко оплачиваемых капиталистами буржуазных идеологов клеветают на нашу страну, волны сотен радиостанций ежедневно извергают миллиарды слов лжи, — и все это преследует цель духовно растлить наше молодое поколение, убедить нашу молодежь в том, что высшей целью человека в любом обществе является материальное благополучие, а не какие-то «эффемерные» идеи. Отлучение советской молодежи от коммунистических идей — такова главная цель буржуазной пропаганды.

Дети наши должны быть готовы ко всему. Коммунистическое воспитание не может разнеживать и расслаблять душу гражданина нашего общества. Наоборот, оно должно закалять человека физически и духовно. Я учу не только любить, но и ненавидеть, быть беспощадным к врагу, если он посягает на свободу и независимость нашего Отечества. Это и есть высшая человеческая красота — вершина гуманизма, подлинной человечности.

Человек, которого мы воспитываем и которому быть гражданином коммунистического общества, беречь и хранить наше Отечество, умножать наши материальные и духовные ценности, — этот человек должен быть великим, духовно богатым и красивым во всех сферах жизни, во всех многогранных и неисчерпаемых отношениях. Ему надо быть готовым свершить подвиг не только на поле боя, но и у станка, или за рулем трактора, или на животноводческой ферме. Он должен быть готовым и к тому, чтобы годами ухаживать за больным, прикованным к постели, чтобы, услышав в темную ночь стон одинокого старого человека, прийти к нему на помощь без чьего бы то ни было зова — просто по велению своего сердца. Он должен быть любящим, искренним, чутким, заботливым сыном своей

родной матери — без этого он не имеет морального права называться человеком, сыном своей Социалистической Родины. Он должен уметь читать человеческую душу, уметь увидеть, понять, почувствовать разумом и сердцем горе, печаль, волнения своего соотечественника, прийти ему на помощь. Это высшая человеческая грамота, выраженная величественными словами нашего принципа: человек человеку — друг, товарищ и брат.

ПРИМЕЧАНИЯ

В третий том «Избранных произведений» В. А. Сухомлиńskiego вошли широко известные его труды — «Сердце отдаю детям», «Рождение гражданина», а также «Письма к сыну». Названные произведения тематически связаны между собой и составляют своеобразную трилогию, в которой автор поднимает актуальные проблемы воспитания ребенка, подростка, юноши.

СЕРДЦЕ ОТДАЮ ДЕТЯМ

Это произведение — результат многолетних педагогических наблюдений и экспериментов, а также опыта непосредственной практической работы В. А. Сухомлиńskiego в Павлышской средней школе. Впервые книга была издана в 1969 г. издательством «Радянська школа» на русском языке. С тех пор она переиздавалась еще шесть раз (в 1971, 1972, 1973, 1974, 1976, 1977 гг.).

- ¹ Об этом писал К. Д. Ушинский в статье «Три элемента школы» (Ушинский К. Д. Собр. соч., М., Изд-во АПН РСФСР, 1978, т. 2, с. 64).*—9.
- ² Эта мысль проходит во многих произведениях Я. Корчака и, в частности, в его книге «Как любить детей». Утверждая право ребенка высказывать свои мысли, принимать активное участие в наших рассуждениях о нем, Я. Корчак отмечал: «Когда мы дорастем до его уважения и доверия, когда он поверит нам и сам скажет, в чем его право, загадок и ошибок станет меньше». И дальше: «Что ж все позволять? Ни за что: из скучающего раба мы сделаем скучающего тирана» (Корчак Я. Избранные педагогические произведения. М., Просвещение, 1966, с. 19, 122).—12.
- ³ А. С. Макаренко на встрече с читателями, посвященной обсуждению его «Книги для родителей», сказал: «Каким будет человек, главным образом, зависит от того, каким вы его сделаете к пятому году его жизни. Если вы до пяти лет не воспитаете как нужно, потом придется перевоспитывать» (Макаренко А. С. Соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1951, т. 4, с. 444).—14.

---

* Выделенные *курсивом* цифры в конце примечаний обозначают номера страниц этого тома.—Ред.

- ⁴ Книга Я. Корчака «Когда я стану маленьким» издана в 1925 г.— 14.
- ⁵ См.: Макаренко А. С. Соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1951, т. 4, с. 341.— 17.
- ⁶ В январе 1941 г. на совещании в ЦК ВЛКСМ А. Гайдар выступил с речью о воспитании детей. В стенограмме читаем: «А читателю того возраста, с которым я не имею чести работать, читателю трех-четырёх лет, я это так объясняю: «Это красные вздули белых, а это заяц вышел и смотрит и очень этим доволен» (Емельянов Б. Рассказы о Гайдаре. М., Детская литература, 1972, с. 15—17).— 40.
- ⁷ См.: Корчак Я. Избранные педагогические произведения. М. Просвещение, 1966, с. 282.— 83.
- ⁸ В произведении «Путешествие от Мюнхена до Генуи» Г. Гейне писал: «Каждая пядь, на которую человечество продвигается вперед, стоит потоков крови. Не слишком ли это дорого? Разве жизнь каждого человека не столь же ценна, как и жизнь целого поколения? Ведь каждый отдельный человек — целый мир, рождающийся и умирающий вместе с ним, под каждым надгробным камнем лежит история целого мира» (Гейне Генрих. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., Художественная литература, 1971, с. 678).— 104.
- ⁹ К. Д. Ушинский в советах «О наглядном обучении» писал: «Нодитя, если можно так выразиться, мыслит формами, красками, звуками, ощущениями вообще, и тот напрасно и вредно насилдовал бы детскую природу, кто захотел бы заставить ее мыслить иначе» (Ушинский К. Д. Собр. соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1949, т. 6, с. 281).— 137.
- ¹⁰ Столица Бразилии сейчас г. Бразилиа.— 171.
- ¹¹ К. Д. Ушинский по этому поводу подчеркивал: «Дитя от природы не имеет душевной лени, что лично мы заметим, наблюдая, как оно любит не только деятельность вообще, что могло бы быть еще объяснено обилием выработки физических сил, но как оно любит самостоятельность деятельности. Оно хочет все делать *само...*» (Ушинский К. Д. Собр. соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1950, т. 9, с. 536).— 175.
- ¹² В. А. Сухомлинский, очевидно, имеет в виду мысль о неодолимом стремлении ребенка быть «прирученным», высказанную в своеобразной форме Антуаном де Сент-Экзюпери в его произведении «Маленький принц», где рассказывается, в частности, о разговоре Лиса с Маленьким принцем и где последний вспоминает Розу, которая, видимо, его «приручила» (Сент-Экзюпери А. Соч. М., Художественная литература, 1964, с. 488—494).— 192.
- ¹³ Очевидно, автор имеет в виду сказку Е. Гофмана «Щелкунчик, или Мышиный король».— 204.
- ¹⁴ Это личное мнение В. А. Сухомлинского. В социологической литературе нашего времени об этом встречаются разные суждения. Все зависит от читателя, характера книги и т. д.— 209.

- ¹⁵ В речи на III Всероссийском съезде РКСМ В. И. Ленин говорил: «И вот, поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 318).— 285.

РОЖДЕНИЕ ГРАЖДАНИНА

Впервые книга выпущена издательством «Радянська школа» в 1970 г. В ней Василий Александрович продолжает разговор, начатый в предыдущем труде «Сердце отдаю детям», о воспитании и обучении молодой смены. Объектом его наблюдений, исследований, раздумий выступает уже подросток — его развитие, формирование идейных убеждений, интересов, интеллектуальной, моральной, эмоциональной культуры, любви к труду и т. д.

Переиздание книги на русском языке осуществлено в 1971 г. в Москве издательством «Молодая гвардия».

- ¹ Слова Сатина из пьесы А. М. Горького «На дне» в свободном пересказе (Горький М. Собр. соч. М., Гослитиздат, 1963, т. 16, с. 139).— 312.
- ² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 274.— 328.
- ³ Эта мысль высказана в труде К. Маркса «Экономико-философские рукописи 1844 года» (Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, с. 592—594).— 328.
- ⁴ «...Человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире (Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, с. 66).— 339.
- ⁵ Приводим высказывания К. Д. Ушинского:
«В огне, оживляющем юность, отливается характер человека. Вот почему не следует ни тушить этого огня, ни бояться его, ни смотреть на него как на нечто опасное для общества, ни стеснять его свободного горения, а только заботиться о том, чтобы материал, который в это время вливается в душу юноши, был хорошего качества» (Ушинский К. Д. Собр. соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1950, т. 8, с. 442.— 345.
- ⁶ В письме к М. Каутской Ф. Энгельс писал: «Но я думаю, что тенденция должна сама по себе вытекать из положения и действия, без того, чтобы ее особо подчеркивали, и что писатель не обязан подносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов» (Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. письма. М., Госполитиздат, 1947, с. 395).— 347.
- ⁷ «В убеждениях надо ценить стойкость. Нетрудно говорить красивые слова, но намного тяжелее, чтобы убеждения впитались в человеке, как сок в растение. Если из растения высушить

сок, оно погибнет, и человек должен скорее пойти на гибель, чем отказаться от своих убеждений» (Лазо С. Дневники и письма. Владивосток. Приморское книжн. изд-во, 1959, с. 94—95).—351.

Толстой Л. Н. Собр. соч. в 12-ти т. М., Художественная литература, 1972, т. 1, с. 158).

- ⁹ «Природа является пробным камнем для диалектики...» (Энгельс Ф. Анти-Дюринг. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 22).
- ¹⁰ Об этом идет речь в произведении Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 487—488).
- ¹¹ См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., Учпедгиз, 1946, с. 494.—457.
- ¹² «Женщина стала рабыней раньше, чем появился раб». Эти слова из книги: Бебель А. Женщина и социализм. М., Госполитиздат, 1959, с. 49.—473.
- ¹³ Эту мысль К. Маркс высказал в статье «Смертная казнь.—Памфлет г-на Кобдена.—Мероприятия английского банка», написанной в 1853 г. Приводим отрывок из статьи: «И вдобавок еще история и такая наука как статистика с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни утешить наказанием. Как раз наоборот!» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 8, с. 530).—491.
- ¹⁴ Возможно, автор имел в виду приведенные ниже слова: «Неужели ты, идя на страдания, не смываешь уже наполовину свое преступление?» (Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., Художественная литература, 1970, с. 482).—491.
- ¹⁵ См.: Речь В. И. Ленина на III Всероссийском съезде РКСМ: «...на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить умение взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 306).—501.
- ¹⁶ Эти слова находим в «Педагогической поэме» А. С. Макарен-ко. Соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1950, т. I, с. 294.—515.
- ¹⁷ В статье «Ответ» А. М. Горький писал: «Смерть вредна тем, что из страха перед нею воображение людей создало богов, «потусторонний мир» и такие бездарные выдумки, как рай и ад». (Горький М. Собр. соч. М., Госполитиздат, 1953, т. 25, с. 74).—529.
- ¹⁸ См.: Павловские среды. М., Академия наук СССР, 1949, т. I, с. 268.—539.
- ¹⁹ Слова эти из известного рассказа А. М. Горького «Старуха Изергиль» (Горький М. Собр. соч., М., Гослитиздат, т. I, 1960, с. 100—101).—550.
- ²⁰ Приведенные слова взяты из повести А. М. Горького «Детство». (Горький М. Собр. соч. М., Гослитиздат, 1962 т. 9, с. 24).—556.

- ²¹ См. примечание 3.
- ²² Эти слова из статьи А. М. Серова «Тематизм (Tematismus) увертюры к опере «Леонора». Этюд о Бетховене. М., Музгиз, 1954, с. 3.— 597.
- ²³ См.: Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6-ти т. М., Гослитиздат, 1953, т. 6, с. 114.— 597.
- ²⁴ См.: Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения. М., Госполитиздат, 1950, т. 2, с. 59.— 608.
- ²⁵ В публицистическом произведении Генриха Гейне «Путешествие от Мюпхена до Генуи» (гл. XX) есть такие слова: «У меня же была зубная боль в сердце...» (Гейне Генрих. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., Художественная литература, 1971, с. 622).— 609.

ПИСЬМА К СЫНУ

Этот своеобразный по жанру педагогико-публицистический труд В. А. Сухомлинского является органическим продолжением мыслей педагога о воспитании молодого человека. В «Письмах к сыну» речь идет о гражданском, моральном, физическом становлении юноши, о восприятии им окружающей жизни,— проблем, которые волнуют молодежь наших дней.

Произведение написано в 1967 г. и, как видно из рукописи, не было закончено. «Письма к сыну», за исключением отдельных отрывков, на русском языке, публикуются впервые.

- ¹ См.: Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6-ти т. М., Гослитиздат, 1953, т. 5, с. 132.— 635.
- ² Французский художник Роден писал: «Настоящий художник выражает то, что думает, не боясь столкнуться с вековыми предрассудками» (Роден. Искусство. СПб, 1914, с. 11).— 635.
- ³ См.: Гете И. Избранные афоризмы и мысли. СПб, 1903, с. 15.— 636.
- ⁴ Слова Андрея Находки из романа «Мать» А. М. Горького: «Я знаю,—будет время, когда люди станут любоваться друг другом, когда каждый будет как звезда перед другим!» (Горький М. Полн. собр. соч. М., Наука, 1970, т. 8, с. 127).— 637.
- ⁵ Приводим этот отрывок по книге Г. Рузбеха «Сердце, врученное бурям» (М. Иностранная литература, 1962, с. 172, 173, 175—176): «Умирать в любом случае горько, в особенности для тех, кто верит в свои идеи, чье сердце преисполнено надеждой на будущее, на светлое и сияющее будущее. Однако оставаться в живых любой ценой и при любых условиях недостойно человека, ибо на жизненном пути никогда не следует терять свою цель. Если жизнь сохраняется ценой позора и посрамления, потерей чести, отказом от своих идей, своих заветных мечтаний и политических и социальных убеждений, смерть во сто крат благороднее... Я не признаю себя виновным и заслуживающим наказания, тем более смертной казни, но, поскольку под угрозой находится моя честь, я официально прошу уважаемых судей приговорить меня к смертной казни. Эта просьба вызвана только и исключительно моим желанием разделить славу геро-

ически погибших офицеров и уничтожить опасность, угрожающую моей чести... Вы осудите Хосрова Рузбеха, но вам не осудить храбрость, доблесть, патриотизм, человеколюбие и самоотверженность».— 638.

- ⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. I, с. 118.—640.
- ⁷ См.: Островский Н. Как закалялась сталь. М., Советский писатель, 1947, с. 335.—642.
- ⁸ Хэмингуэй Эрнест. Собр. соч. М., Художественная литература, 1968, т. IV, с. 275.—642.
- ⁹ Автор имеет в виду рассказ Марка Твена «Путешествие капитана Стормфилда в рай». Вот этот отрывок: «Здесь, как и на земле, наслаждение надо заслужить честным трудом. Нельзя сперва наслаждаться, а зарабатывать право на это после. Но в раю есть одно отличие: ты сам можешь выбрать себе род занятий, если будешь работать на совесть, то все силы небесные помогут тебе добиться успеха. Человеку с душой поэта, который в земной жизни был сапожником, не придется здесь тачать сапоги» (Твен Марк. Рассказы. М., Художественная литература, 1971, с. 310).—644.
- ¹⁰ См.: Слово о книге. М., Книга, 1969, с. 232.—662.
- ¹¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 116.—664.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 96.—665.
- ¹³ Строки из стихотворения Л. Мартынова «Свобода» (Мартынов Л. Первородство. М., Молодая гвардия, 1965, с. 345).—665.
- ¹⁴ См.: Гете И. Статьи и мысли об искусстве. Сб. статей. М.-Л., 1936, с. 17.—666.
- ¹⁵ Об этом говорил В. И. Ленин в беседе с К. Цеткин. (Воспоминания о В. И. Ленине. М., Политиздат, 1972, т. 5, с. 46).—669.
- ¹⁶ См.: Воспоминания о В. И. Ленине. Политиздат, 1972, т. 5, с. 48.—671.
- ¹⁷ Гончар О. Твори. К., Видавництво художньої літератури, 1966, т. I, с. 101.—673.
- ¹⁸ Слова из статьи В. Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина». См.: Белинский В. Г. Собр. соч. в 3-х т. М., Художественная литература, 1966, т. 3, с. 230, 266.—677.
- ¹⁹ Там же, с. 266.—677.
- ²⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., Политиздат, 1973, с. 587.—679.
- ²¹ В статье «О карикатуре на марксизм и об «Империалистическом экономизме» В. И. Ленин писал: «...Женщина при какой угодно демократии остается «домашней рабыней» при капитализме, рабыней, запертой в спальном, детской, кухне» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 126).—681.
- ²² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., Изд-во АН СССР, 1953—1959, т. VII, с. 322.—683.
- ²³ Мирон (родился около 50 г. до н. э.) — древнегреческий скульптор. Создал статуи атлетов, победителей в спортивных соревно-

ваниях. Наиболее известная статуя «Дискобол» дошла до нас в римских мраморных копиях.— 684.

- ²⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., Изд-во АН СССР, 1953—1959, т. XII, с. 197.—696.
- ²⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.—Л., Художественная литература, 1928—1958, т. 41, с. 43—44.—697.
- ²⁶ Роллан Р. Собр. соч. М., 1953, т. 13, с. 126.—697.
- ²⁷ См.: Кожевников В. Знакомьтесь, Балуев. М., Советский писатель, 1961, с. 171.—703.
- ²⁸ Чехов А. П. Собр. соч. М., Художественная литература, 1964, т. XI, с. 314.—706.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРДЦЕ ОТДАЮ ДЕТАМ

Предисловие	7
Школа радости	9

Директор школы 9. Первый год—изучение детей 19. Родители моих воспитанников 20. Школа под голубым небом 31. Наш Уголок мечты 45. Природа — источник здоровья 51. Каждый ребенок — художник 56. Забота о живом и прекрасном 59. Наши путешествия в мир труда 64. Мы слушаем музыку природы 66. Зимние радости и заботы 78. Первый праздник жаворонка 80. Как мы учились читать и писать 81. Ты живешь среди людей, мой сын 91. Наш коллектив — дружная семья 97. Мы живем в Саду здоровья 100. Мысли накануне первого учебного года 101.

Годы детства	105
------------------------	-----

Что такое начальная школа? 105. Здоровье, здоровье и еще раз здоровье 109. Учение — частица духовной жизни 118. Триста страниц «Книги природы» 135. От мира вещей — к обществу 152. Что откуда берется? 152. Тысяча задач из живого задания 154. Наши «путешествия» по земному шару 163. Что такое империализм? 170. Дайте ребенку радость умственного труда, радость успеха в учении 172. Комната сказки 188. Продолжение сказки — наш «Остров чудес» 197. Песня открывает перед ребенком красоту мира 200. Книга в духовной жизни ребенка 206. Родное слово 215. Наш Уголок красоты 231. У истоков жизненного идеала 232. С думой о Коммунистической партии 240. Нельзя жить и дня без тревоги о человеке 242. Труд одухотворен благородными чувствами 252. Вы будущие хозяйки своей Родины, юные ленинцы 272. Дети вступают в организацию юных ленинцев 283. Бороться и побеждать — как Ленин 285. Звено «Смелых и бесстрашных» 289. Мы прощаемся с летом 296.

РОЖДЕНИЕ ГРАЖДАНИНА

(Перевод Н. П. Дангуловой)

Что происходит с ребенком в отрочестве	301
--	-----

«Словно кто новую душу вдохнул в мальчика...» 301. Все зависит от воспитания в детстве 307. Два источника воспитания в детстве и отрочестве 316.

Дисциплина и самодисциплина. Ответственность перед коллективом и перед самим собою 323

Чтобы человек видел себя глазами людей 323. Духовный мир человека нашего времени и методы воспитания в детстве и отрочестве 327.

Противоречия отрочества 344

Физическая и психическая культура подростка. Человек словно вторично рождается... 364

Становление личности 364. Рождение мужчины, рождение женщины 369. Мальчики и девочки — мужчины и женщины 375. Физическая культура 382. Режим питания, труда и отдыха 385. Наш труд и отдых во время каникул 388. Ловкость, пластичность, красота движений 394. Берегите нервную систему подростка 396. Психическая культура 404.

Умственное воспитание и образование подростка 410

Единство педагогических взглядов и убеждений учителей 410. Мировоззрение и убежденность 414. Как мы руководили умственным трудом на уроке 427. Рука и разум 438. «Источники знаний» 440. Две программы умственного воспитания 442. «Комната мысли» 444. Самообразование 455. Обмен духовными ценностями 458. Память, мышление и умение учиться 462.

Становление нравственности. Рождение гражданина 466

От мира вещей к миру идей 466. Духовная культура, нравственность и атеизм 470. Элементарная моральная культура 475. Моральные привычки 486. Идеи становятся убеждениями 491. Человек и коллектив 507. Влюбленность 515. Пионерская и комсомольская романтика 517. Моральная стойкость 528.

Эмоциональное и эстетическое воспитание 537

Единство эмоционального и морального воспитания 537. Культура ощущений и восприятий 540. Слово и эмоциональная культура человека 545. Познание идей 550. Эмоциональные стимулы в духовной жизни подростка 553. Эмоциональная восприимчивость мировоззренческих и моральных идей, принципов, истин 556. Эмоции и гражданское достоинство 560. Общие черты эмоциональных ситуаций 562. Важнейшие эмоциональные ситуации 565. Источники эстетических чувств 575. Природа и красота 580. Искусство 585. Музыка 595. Живопись 600. Творчество — могучий стимул духовной жизни 609.

Труд в духовной жизни подростка 612

Труд во всестороннем развитии личности 612. Привычка трудиться 613. Труд и интеллектуальное развитие 614. Гражданское начало труда 621. Труд и красота 625. Труд и воспитание воли 626. На пороге юности 627.

**ПИСЬМА К СЫНУ
ПРИМЕЧАНИЯ**

**ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
СУХОМЛИНСКИЙ**

**ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ПЯТИ ТОМАХ**

Том 3

Заведующий редакцией педагогики М. И. Мухин

Редакторы Г. В. Гончарук, Г. М. Вакар, А. П. Шабалова
Художеств. редактор М. И. Марушинец
Обложка художника В. П. Кузя
Технич. редактор Ж. Я. Головина
Корректоры Е. И. Зубченко, В. П. Пуха

Информ. бланк № 1938

Сдано в набор 12.10.78. Подписано к печати 05.10.79. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типогр. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Способ печати вы-
сокий. Условн. лист. 37,8+0,05 вкл. Уч. изд. лист. 39,33+0,05 вкл. Тираж
100 000. Изд. № 26288. Зак. № 8-444. Цена 2 р.

Издательство «Радянська школа» Государственного комитета Украин-
ской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 252053,
Киев, ул. Юрия Коцюбинского, 5. Темплан 1980 г. Книжная фабрика
имени М. В. Фрунзе Республиканского производственного объединения
«Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

Сухомлинский В. А.

- С91** Избранные произведения: В 5-ти т./ Редкол.:
Дзеверин А. Г. (пред.) и др.— К.: Рад школа, 1979.—
Т. 3. 1980. Сердце отдаю детям. Рождение гражда-
нина. Письма к сыну. 719 с. В пер.:
2 р. 100 000 экз.

Произведения, вошедшие в том, являются своеобразной три-
логией, в которой В. А. Сухомлинский ставит актуальные пробле-
мы коммунистического воспитания детей, подростков и юношества.

Держ. респ. б-ка
УРСР ім. КПРС

ББК 74+74.03(2)+74.212
371+371.01

